

*Ильяс
Эфендиев*

ИЗБРАННЫЕ ПРОИВЕДЕНИЯ

В двух томах

***(Перевод
С азербайджанского)***

**«ЧИНАР-ЧАП»
БАКУ - 2002**

**ТОМ
ПЕРВЫЙ**

Составитель и редактор:

ЭЛЬЧИН

народный писатель Азербайджана,
доктор филологических наук, профессор

Редактор издания:

Надир Агасиев

Аз2
Э 94

- Э 94 **Эфендиев Ильяс**
«Избранные произведения» в 2-х томах, том I. Перевод с азербайджанского.
Баку, Издательско-полиграфическое предприятие «**ЧИНАР-ЧАП**», 2002,
– стр. 616.

В первый том двухтомника «Избранные произведения» классика азербайджанской литературы, выдающегося представителя азербайджанской культуры XX века Ильяса Эфендиева вошли такие известные пьесы, как «Семья Атаевых», «Ты всегда со мной», «Чья вина?», «Не могу забыть», «Сожженные дневники», «Песня остается в горах», «Хуршудбану Натаван» и др., которые сыграли большую роль в развитии не только азербайджанской драматургии, но и всего театрального искусства. «Театр Ильяса Эфендиева» - это уникальное явление азербайджанской культуры. В книгу вошли также рассказы большого мастера.

Э $\frac{4702060200}{122}$

© **ЧИНАР-ЧАП**, 2002

НАМ ОСТАВЛЕННЫЕ СВЕТ И ЧИСТОТА

Сейчас, когда пишу эти строки, я вспоминаю, каким он был... хочу подобрать самое главное слово... и вот оно - **необходимым**.

Необходимым для всех нас, необходимым, как совесть, как порядочность, как честность. И вся жизнь его, вся жизнь Ильяса Эфендиева - классика азербайджанской литературы, великого драматурга - в его книгах, в его бессмертных пьесах, в его жизненной позиции, в его произведениях, оставшихся после него для будущих поколений.

Есть такая старая истина - писатель, творец, создавая свои произведения, обмакивает перо в свое сердце.

Конечно, сейчас эпоха пера и даже пишущих машинок отошла в прошлое, а компьютер не очень-то обмакнешь в свое сердце, но каждая строка книг и пьес Ильяса Эфендиева написана кровью сердца и поэтому они живут и будут жить, далеко превосходя своим долголетием обычную протяженность человеческой жизни.

Как путеводная звезда сверкало над его бытием прекрасное ремесло писателя, в которое он был влюблен, тайны которого он постигал неустанно, до конца дней своих, без которого не мыслил себя...

Ильяс Эфендиев пришел в литературу в конце тридцатых годов. И славный путь его в литературе, большой и яркий путь во многом отразил в себе этапы развития азербайджанской драматургии. Современность и новаторство - характерные особенности творчества Ильяса Эфендиева - прозаика, драматурга. Он писатель, который, независимо от возраста, находился в постоянном творческом поиске, осваивая новые темы, художественные формы...

Много строчек утекло с тех пор, застыв под толстыми переплетами его книг... «Ивы над арыком», «Мостостроители», «Сказ о Сарыкейнек и Валехе», «Три друга среди гор», «Не оглядываясь, старик» и многих других.

Герои его произведений - люди с крепкими характерами, упрямые, хорошо знающие, чего они хотят и, зачастую, став полнокровными, живыми образами, ведущие за собой своего создателя - автора.

Часто встречал я его, идущего по улице. Он был, обычно, задумчив и, шагая, казалось, раздвигал плечом густую массу воздуха, словно сопротивление воздуха он ощущал гораздо сильнее, чем остальные люди. Так же, как острее чувствовал он боли и радости людские, так же, как привык первым отзываться на крик души человеческой... И то, что было скрыто от обычного глаза, непременно привлекало к себе его внимание, приковывало к себе зоркий взгляд художника, и он внезапно останавливался среди снующей толпы, будто прислушиваясь к чему-то, глухо нарастающему в душе, к тому, что спрятано очень глубоко, и воздух, словно уплотнившись, заслонял его прозрачной стеной, и в следующий миг ему приходилось раздвигать плечом эту стену и, сорвавшись с головокружительной высоты, с обрыва мысли, выходить к людям, которых он любил и бесконечное познание которых доставляло ему несказанные муки и радости...

Таков он был, Ильяс Эфендиев - автор многочисленных пьес, романов, повестей, рассказов, эссе, народный писатель Азербайджана, лауреат Государственной премии.

Пожалуй, одна из самых главных черт, присущих Ильяс Эфендиеву как человеку и писателю, это - неприятие несправедливости, борьба с несправедливостью, с отрицательными человеческими качествами.

Ильяс Эфендиев прежде всего мастер психологической драмы. Через призму индивидуальной судьбы героя, он ярко и образно показывал чем живет целое поколение, из среды которого и взят герой. Его пьесы отличаются глубокой самобытностью, проблематичностью, тонким лиризмом, типическими характерами, заимствованными из самой жизни. Самые известные из его пьес: «Песня остается в горах», «Семья Атаевых», «Ты всегда со мной», «Сожженные дневники», «Не могу забыть», «Чья вина?», «Станный парень», «Верь нам», «Хуршудбану Натаван», «Шейх Хиябани» и др. давно стали классикой азербайджанской драматургии.

Почерк драматурга угадывался уже с самой первой прозаической книги Ильяса Эфендиева «Письма из деревни», вышедшей в 1939 г.

В рассказах, вошедших в сборник, преобладают драматические ситуации, диалоги героев предельно насыщены их четкой характеристикой, нужно совсем немного для того, чтобы переделать эти рассказы в пьесы. Для театральных и кинорежиссеров такой материал - находка.

Пьеса «Ты всегда со мной» привнесла свежее дыхание на сцены азербайджанских театров, внесла в строгую классическую форму драмы лирическую, глубоко поэтическую и тонко-психологическую струю. У зрителей - самого разного возраста - пьеса пользовалась и по сей день пользуется неизменным и заслуженным успехом.

Он получал массу писем, и как-то однажды признался мне с сожалением, что не успевает отвечать на все читательские и зрительские письма...

Но он отвечал на эти письма новыми замечательными пьесами, которые ставились на сценах многих театров страны и за границей, пьесами, каждая из которых получала широкий резонанс среди читателей, зрителей, радиослушателей.

Расцвет лирико-психологического направления в азербайджанской драматургии начался в 70-е годы. Психологическая драма стала направлением в театре - с темой индивидуальной судьбы, с темой личности. И гораздо раньше 70-х ощутимый вклад в лирико-психологический стиль внес своими широко известными пьесами Ильяс Эфендиев, а в период расцвета он лучшими своими драматургическими произведениями возглавил это направление. Выдвинутые писателем на первый план большие нравственные проблемы и их решение заинтересовали самую разнообразную, и конечно же, в первую очередь, молодежную зрительскую аудиторию.

Честь и чистота - мерила человеческого достоинства, честные и добрые люди - герои Ильяса Эфендиева живут в его произведениях, живут среди нас, в наших сердцах и памяти нашей. И сегодня тема патриотизма в произведениях писателя как никогда актуальна и злободневна, и молодые люди, готовые защищать свою Родину, свой родной Азербайджан могут многому научиться, многое почерпнуть из литературного наследия писателя.

Человеческая жизнь коротка и хрупка, мы все уходим и это вполне естественно... Но надолго продлевают жизнь творца созданные его руками, его талантом, его вдохновением произведения, каждый раз, когда мы их открываем для себя, говорящие нам о его **необходимости**.

Ильяс Эфендиев всегда среди нас, он был и будет среди нас, потому что мы чувствуем, ощущаем в нем необходимость, потому что мы нуждаемся в нем, потому что мы вспоминаем его...

И тогда мы раскрываем его книги...

И понимаем, что он и есть среди нас...

Натиг Расулзаде

ПЬЕСЫ

Семья Атаевых

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хосров Атаев
Ильдрым Атаев
Дильшад
Рейхан
Меҳриджан
Джангир
Летафет
Шахсуваров
Худуш
Агасалим
Забита
Садыхов
Капитан

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Атаева. Рейхан играет на пианино, входит Мехриджан.
Останавливается, слушает. Рейхан оборачивается, смотрит на нее с улыбкой. Берет последний аккорд, глубоко вздыхает. На ее лице появляется счастливое выражение.

М е х р и д ж а н. Странно... Всякий раз, когда мне грустно, и я захожу сюда, ты играешь именно эту вещь.

Р е й х а н. Впервые я услышала ее вместе с Джангиром. В тот вечер у нас в институте был концерт. Он тоже пришел с сестрой. Она и познакомила нас...

М е х р и д ж а н. А потом?

Р е й х а н (*улыбаясь*). Что было потом, ты и сама знаешь.

М е х р и д ж а н (*задумчиво*). Смысл жизни – в любви. Любить – это и значит жить!

Р е й х а н (*шутливо*). Не влюбились ли ты?

Мехриджан качает головой.

Р е й х а н. Тогда откуда ты все это знаешь?

М е х р и д ж а н. Я чувствую. Как слепые ощущают свет, так и я чувствую любовь. Ты счастливая, Рейхан. Любишь... Да еще такого хорошего человека, как Джангир...

Р е й х а н. Это подарок.

М е х р и д ж а н (*так же шутливо*). Будь благодарна судьбе.

Р е й х а н (*серьезно*). Люби и ты, Мехриджан! Душа без любви – это сад без солнца.

М е х р и д ж а н. Я хочу, чтобы человек, которого я полюблю, был верен нашей любви до глубокой старости. Чтобы со мной он был мягок, как шелк, а душа у него была большая и широкая – как это весеннее небо. Мне было бы всегда хорошо с ним – светло и радостно. Чтобы и сам он, и все вокруг ощущали свет моей любви.

Р е й х а н (*улыбается*). Говорят, чтобы мечта исполнилась, надо просто очень сильно этого хотеть. Ой, чудится мне, скоро мы увидим твоего героя.

М е х р и д ж а н. Как знать! Смотри, Летафет идет. (*Обе выглядывают в окно.*) Помнишь, когда мы учились в техникуме, какая это была веселая, открытая девушка.

Р е й х а н. А теперь похожа на ледяное изваяние, усыпанное драгоценными камнями.

М е х р и д ж а н. Мне ее жалко.

Р е й х а н. А мне нет. Она меня раздражает.

М е х р и д ж а н. Ты уж очень беспощадна. Что делать, так у нее получилось.

Р е й х а н. Судьба человека – в его руках, Мехриджан. Зачем она вышла за Садыхова? Кто ее принуждал?

Входит Летафет. Это красивая женщина двадцати четырех лет. Пальцы унизаны бриллиантовыми кольцами. Лицо – холодное, высокомерное. Заметив девушек, сдвигает брови и принимает еще более надменный вид.

Л е т а ф е т. Привет.

Р е й х а н. Привет, Лиля. Давно тебя не видно, где ты?

Л е т а ф е т. Где я могу быть? Дома, естественно.

М е х р и д ж а н. И тебе не тоскливо весь день сидеть дома?

Л е т а ф е т. Что ж делать, не всем же быть инженерами. Это вы, творцы и созидатели...

Р е й х а н. Раньше ты была добрее, Летафет.

Л е т а ф е т. Я пришла сюда не за тем, чтобы брать у вас уроки этики. Где моя тетя?

Р е й х а н. Не знаю. Где-то здесь, сейчас придет.

М е х р и д ж а н. Почему ты всегда так резко разговариваешь с нами, Лиля? Ведь мы когда-то были подругами.

Л е т а ф е т (*с иронической улыбкой*). Когда-то...

М е х р и д ж а н. Разве это неправда?

Л е т а ф е т. Ладно... (*Нервно поднимается, подходит к окну.*)

Входит Дильшад, высокая, красивая женщина лет сорока.

Модно одета.

Д и л ь ш а д. Здравствуйте, девочки. *(Обращаясь к Рейхан.)* Знаешь, скоро вроде бы приезжает Ильдрым Атаев.

Р е й х а н *(радостно)*. Что вы говорите! Неужто дядя приезжает? Какое хорошее известие!

Д и л ь ш а д. Я тоже рада. *(Улыбается.)* Правда, в свое время у нас была размолвка. Но это ерунда. Медленная и могучая река времени все смывает и уносит. Думаю, мы с ним встретимся, как старые друзья.

Р е й х а н. Дядя Ильдрым – совсем не злой человек.

Д и л ь ш а д. Не должен быть злым. Теперь он занимает высокий пост, заместитель министра. *(Улыбается.)* У большого человека и сердце должно быть широкое. *(Пауза. Осматривает комнату.)* К сожалению, Ильдрым Атаев не обнаружит особых перемен в нашем житье-бытье.

М е х р и д ж а н. А чего вам не хватает? Все, что нужно людям, у вас есть.

Д и л ь ш а д. Есть-то оно, конечно, есть. Но... *(Короткая пауза.)* Я сейчас была у Мелакет. Только что привезли из Москвы новую мебель. Дорогая страшно. Зато и красивая, взгляда не оторвешь.

Р е й х а н. Муж Мелакет – крупный инженер. У него изобретения, статьи, книги... Гонорары – десятки тысяч...

Д и л ь ш а д *(с улыбкой)*. Ну и что? Хосрову Атаеву подчинены десятки инженеров.

Р е й х а н. Так или иначе, но дом его ведется в полном соответствии с зарплатой, за которую он расписывается в ведомости.

Д и л ь ш а д *(подходит к зеркалу, поправляет волосы)*. Эх, девушки... С вами не сговоришься. Видишь, Мехриджан, как я за последнее время подурнела. Весна мне не идет...

М е х р и д ж а н. Вы всегда красивы, Дильшад-ханум.

Д и л ь ш а д *(громко смеясь)*. Правда? *(Вздыхает.)* Нет, я старею. Видишь, седые волосы? Как говорят, хотя все считают время, время ни с кем не считается. Остановить жизнь нельзя. В следующем месяце мне стукнет тридцать девять, пойдет сороковой.

М е х р и д ж а н. Что ж, у каждого возраста своя прелесть.

Д и л ь ш а д. И все-таки молодость не заменишь ничем. *(Короткая пауза.)* Недавно видела на улице нашего молодого следователя.

М е х р и д ж а н. Вы говорите о Джангире?

Д и л ь ш а д. Да. Слишком уж серьезно держится. *(С улыбкой.)* Серьезность – хорошее качество. Но ему явно не по возрасту.

Р е й х а н *(Мехриджан)*. Пошли ко мне. Хочу показать тебе свой проект.

М е х р и д ж а н. Идем.

Рейхан и Мехриджан выходят в соседнюю комнату.

Дильшад долгим взглядом провожает Рейхан.

Д и л ь ш а д. Ханум обиделась. Эх, Лиля... В этом мире не стоит творить добро. Хочу, чтоб она вышла за Шахсуварова. Хорошо обеспечен, перспективы блестящие... К тому же какой деликатный и обходительный человек!

Л е т а ф е т. А что, у Шахсуварова есть такое намерение?

Д и л ь ш а д. Открыто пока не говорит. Но я чувствую, есть. Понимаешь, Лиля, Шахсуваров – человек, с которым стоит породниться. Таких людей теперь днем с огнем не сыщешь! *(Пауза.)* О чем ты думаешь?

Л е т а ф е т. Да так... Думаю, что Рейхан и Шахсуваров подошли бы друг другу.

Д и л ь ш а д. Конечно! А то Джангир, что ли? Тоже мне – партия! Эх, Лиля, наша беда в том, что слишком часто думаем мы не умом, а глазами. *(Пауза.)* Потому-то, когда ты не хотела идти за Садыхова и говорила: «Он старый, лицо не нравится», я сердилась. Теперь видишь, как он тебя содержит? На пальцах – бриллиантовые кольца, на шее – шесть ниток жемчуга, в полном твоём распоряжении – домработница...

Л е т а ф е т *(нетерпеливо)*. Эх, тетя...

Д и л ь ш а д *(гневно)*. Что – «эх, тетя»? Ты мне ответь, какой молодой парень стал бы ценить тебя так? А сердце у тебя было бы спокойным, как сейчас? Запомни, Лиля: любовь, поцелуй при луне и все такое прочее – пустое дело. Если хочешь быть счастливой, больше всего люби себя! *(Пауза.)* Я слышала, Садых в будущем месяце отправляет тебя в Кисловодск.

Л е т а ф е т. Я не хочу ехать.

Д и л ь ш а д. Дура! Почему не хочешь? Поезжай. Молодая женщина, погуляешь, отдохнешь. Человек живет на свете один раз, Лиля! Ценить надо свою красоту, молодость! Что у тебя за сверток?

Л е т а ф е т. Отрез на платье. Садых тебе послал.

Д и л ь ш а д *(разворачивает, смотрит)*. Ой, Лиля, какая красота. Ни на ком я такого не видела! Молодец, Садых! Видит Бог, вкус у него есть. И как мне подходит! Только вот где сошью, как надену? Если Атаев узнает о подарке, скандал будет на весь мир.

Л е т а ф е т. Но мы же не чужие.

Д и л ь ш а д. Для него что свои, что чужие... *(Пауза.)* Надо пока спрятать и вынуть в день рождения. Может, тогда пронесет. Эх, Лиля...

Звонок в дверь. Дильшад идет открывать. Сначала появляется Садых Садыхов, за ним входят Агасалим с Худушем. Садыхов – низенький и толстый мужчина лет пятидесяти пяти. Рядится в простачка, но глаза хитрые. Он в новом костюме, при шляпе. Однако шляпа совсем не идет к его лысой голове и багровому лицу. Худушу сорок восемь лет, это худой сгорбленный мужчина с впалыми щеками, в глазах застыл испуг. Он разговаривает, взвешивая каждое слово. И словно бдительный гусь, все время прислушивается, настороженно вскидывая голову. Агасалим – рослый здоровяк лет тридцати пяти. Лицо самодовольное, красное и тупое. Все, что говорится, доходит до него с опозданием.

Д и л ь ш а д. Ого... Вот радость, к нам гости... Пожалуйте. Пожалуйте...

С а д ы х о в. Здравствуйте. Лилечка тоже здесь?

Д и л ь ш а д. Ты совсем отобрал у нас Лилечку, Садых.

С а д ы х о в. Хи-хи... Не говорите так, Дильшад-ханум, все мы до самой смерти ваши рабы...

Д и л ь ш а д. Ах, ах... Какой красноречивый мужчина. *(Худушу и Агасалиму.)* Почему стоите, садитесь...

Х у д у ш. Ради Бога, не утруждайте себя.

А г а с а л и м. Дорогой, раз пришел в дом, садись. *(Придвигает стул и решительно садится. Садятся и Садыхов с Худушем.)*

Д и л ь ш а д. Совсем на тебя непохоже, Садыхов. С чего это вдруг ты про нас вспомнил?

С а д ы х о в. Говоря откровенно, у нас к вам дело, Дильшад-ханум.

Д и л ь ш а д. Знаю, что без дела, просто так, не придете.

Х у д у ш. Бог свидетель, Дильшад-ханум, сколько бы вы нас ни ругали, все равно будет мало.

Д и л ь ш а д. Эх, мужчины! Если бы не ваш язык, вас давно заклевали бы вороны и коршуны.

Х у д у ш. Что можно возразить против правды?

А г а с а л и м. Переходи, дорогой, к делу. Не морочь ханум голову.

Д и л ь ш а д. Нет, нет, пожалуйста.

С а д ы х о в. Агасалим прав. И Атаев скоро придет обедать. Знаете, Дильшад-ханум, этот парень, что собирается с вами породниться, здорово нас мучает.

Д и л ь ш а д. Кто?

С а д ы х о в. Джангир.

Д и л ь ш а д. Что у вас с ним за дела?

Х у д у ш. Разве мы знаем?

А г а с а л и м. Слушайте, чего вы все говорите намеками? Короче, Дильшад-ханум, следовательно товарищ Джангир, который желает с вами породниться, устроил тотальную ревизию на стройке.

Д и л ь ш а д. Зачем?

Х у д у ш. Кто знает?

Д и л ь ш а д. Что ж, пусть проверяет или...

С а д ы х о в. Не подумайте чего-нибудь, Дильшад-ханум. Вы же знаете, там, где я, никто не посмеет даже косо взглянуть на государственную копейку.

Д и л ь ш а д. Знаю.

С а д ы х о в. Вот это-то меня и бесит. Ты хранишь народное добро, как зеницу ока, жизнь за него отдаешь, а тебя подозревают. Всякие проверки, комиссии...

Х у д у ш. Слов нет, до чего обидно.

С а д ы х о в. Это бросает на меня тень, подрывает авторитет среди подчиненных.

Д и л ь ш а д. Понятно. А Джангир не объяснял, зачем он это делает?

С а д ы х о в (*махнув рукой*). Честно говоря, я и не спрашивал. Пусть делает, что хочет. Если бы я хоть чуточку волновался, никогда бы не пришел в дом Атаева. Просто перед людьми неловко. Мне за мою работу полагается благодарность, премия полагается...

Д и л ь ш а д. Ясно. (*Подходит к телефону*.) Алло... Заместителя начальника милиции Шахсуварова! Зияд? Прошу вас, зайдите к нам, важное дело. Жду. (*Кладет трубку*.)

А г а с а л и м. Не расстраивайтесь, дорогая. Сто таких дел не стоят легкой тени на вашем прекрасном лице.

Х у д у ш. Как же не расстраиваться? Мальчишка с такими людьми не считается. Разве не знает, что Садыхов – зять Дильшад-ханум?

Д и л ь ш а д (*сдержанно*). Идите, занимайтесь своими делами. Придет Шахсуваров, поговорим. Выясню, что к чему.

С а д ы х о в. Клянусь вашим здоровьем, если он и дальше будет шебуршиться, пошлю телеграмму в центр!

Д и л ь ш а д (*резко*). Пока ничего не нужно. Я сказала: идите, занимайтесь своими делами!

Х у д у ш. Большое спасибо. Да не будет у нас дня без вас...

Д и л ь ш а д. Compliments оставьте на потом.

Х у д у ш (*оскалившись*). На потом оставлять нельзя.

Д и л ь ш а д (*сердито*). Хорошо, хорошо!

А г а с а л и м. Иди себе, не морочь ханум голову.

С а д ы х о в. Лилечка, ты останешься или...

Л е т а ф е т (*сердито*). Останусь!

С а д ы х о в. Что ж, посиди. (*Фамильярно*.) Уж если племянница встретила с тетей, теперь их друг от друга не оторвешь. Взаимная любовь. Пошли, ребята!

Уходят.

Д и л ь ш а д. Эх... Только дня своей смерти не знаю. Едва я увидела этого Джангира, сразу поняла, что за птица. Ты только посмотри, какое нахальство! Какая дерзость! Знает ведь, что Садыхов – мой родственник, и все-таки устраивает этакую кутерьму. Ну ничего! Посмотрим.

С улицы слышен шум машины.
Рейхан и Мехриджан вбегают в комнату.

Р е й х а н. Дядя Ильдрым... Дядя Ильдрым... (*Убегает*.)

Пауза.

Дильшад хмурится. Мехриджан с напряженным вниманием всматривается в окно. Входит Ильдрым Атаев под руку с Рейхан. Это красивый мужчина лет сорока. Он невысок, но очень хорошо сложен. Волосы седоватые, но густые. Лицо умное, приветливое и очень спокойное. Будто этому человеку заранее известно все, что может произойти. Одет он просто, но модно.

Д и л ь ш а д. Добро пожаловать, Ильдрым...

И л ь д р ы м А т а е в. Спасибо... Мне надо прийти в себя. С тех пор, как я уехал, здесь все так изменилось... Если не ошибаюсь, это – Летафет, ваша племянница, дорогая Дильшад-ханум? (*Пожимает руку*.)

Р е й х а н. Вы по-прежнему все помните. Познакомьтесь, дядя, это – моя ближайшая подруга Мехриджан.

И л ь д р ы м А т а е в. Очень рад.

Д и л ь ш а д. Как вы поседели, Ильдрым!

И л ь д р ы м А т а е в. А вы, напротив, совсем не изменились.

Д и л ь ш а д (*улыбаясь*). Правда?

Р е й х а н. Не огорчайтесь, дядя. Хоть волосы у вас и поседели, вы остались молодым и красивым.

И л ь д р ы м А т а е в (*краснеет, мельком взглядывает на Мехриджан, потом шутливо*). Спасибо, племянница. Почаще говори своему старому дяде такие комплименты. Ладно, а где же Хосров? Ведь сегодня выходной.

Д и л ь ш а д. Вы же знаете его характер. Какие для него выходные...

И л ь д р ы м А т а е в. Как он? Здоров, бодр?

Д и л ь ш а д. Хорошо, еще здоровее, чем прежде.
М е х р и д ж а н. С вашего разрешения я пойду.
Р е й х а н. Что так рано?
М е х р и д ж а н. Бабушка будет беспокоиться.
Р е й х а н. Тогда конечно. Но обязательно приходи.
М е х р и д ж а н. Спасибо. До свидания. *(Уходит.)*
И л ь д р ы м А т а е в *(Рейхан)*. Что делает твоя подруга?
Р е й х а н. Она архитектор.
И л ь д р ы м А т а е в. А...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната. Рейхан и Мехриджан.

М е х р и д ж а н *(задумчиво)*. Когда я сейчас шла к вам, Ильдрым Атаев окапывал большой куст сирени у вас в саду. И лицо у него было такое грустное...

Р е й х а н. Этот куст – память о дядиной любви. Восемь лет назад Фирангиз посадила этот куст.

М е х р и д ж а н. Она была его невестой? *(Рейхан кивает.)* Что же случилось?

Р е й х а н. Они расстались.

М е х р и д ж а н. Почему?

Р е й х а н. Дядя тогда работал здесь инженером. А Фирангиз была агрономом и занималась садами. В ту весну, когда она посадила этот куст, они собирались пожениться. И вдруг, совершенно неожиданно, произошел разрыв. Буквально накануне свадьбы.

М е х р и д ж а н. И ты не знаешь, в чем дело?

Р е й х а н. Знаю, конечно. Вместе с дядей в строительной конторе работала плановиком девушка Лида. Полька по национальности. Красивая, веселая, ужасно любила пошутить. К тому же приятельница Дильшад-ханум. К нам она приходила часто, можно сказать, ежедневно.

М е х р и д ж а н. А Ильдрым Атаев жил у вас?

Р е й х а н. Да. И вот прошел слух, что дядя Ильдрым влюбился в Лиду, и они решили пожениться.

М е х р и д ж а н. Понятно, Фирангиз возмутилась. Ревность – страшное чувство.

Р е й х а н. Дядя действительно дружил с Лидой, она ему нравилась. Но кроме дружбы, это я знаю точно, у них ничего не было. Однако, знаешь, когда фитиль подожжен, погасить его невозможно. Как дядя Ильдрым ни пытался, переубедить Фирангиз ему не удалось. В конце концов он же не святой, разозлился, и они расстались. Фирангиз уехала. Вот так...

М е х р и д ж а н. Хорошо, а откуда взялся этот слух? Как он возник?

Р е й х а н. Отсюда. Он возник здесь, в этом доме.

М е х р и д ж а н. Что ты говоришь, Рейхан!

Р е й х а н. Говорю то, что знаю. Дильшад-ханум не могла допустить, чтобы дядя и Фирангиз поженились.

М е х р и д ж а н. Почему?

Р е й х а н. Потому что Фирангиз была выше ее во всех отношениях. Красивее, умнее, образованнее. Дильшад-ханум нарочно зазывала к нам Лиду и старалась создать такую обстановку, чтобы Фирангиз была вынуждена ревновать... *(Пауза.)*

М е х р и д ж а н. И все же Фирангиз сама виновата во многом. Зачем верить слухам, когда можно просто спросить?

Р е й х а н. Потом она и сама это признала. Гордость...

М е х р и д ж а н. Сейчас она замужем?

Р е й х а н. Говорят, да. *(Пауза.)*

М е х р и д ж а н. Ильдрым Атаев очень ее любил?

Р е й х а н. Наверное, очень. Помню, когда она уехала, дядя будто в один день постарел. *(Пауза.)*

Входит Ильдрым Атаев.

Р е й х а н. Дядя, ты столько возился в саду. Не устал?

И л ь д р ы м А т а е в *(с улыбкой)*. А усталому человеку что нужно?

Рейхан (*так же шутливо*). Стакан крепкого душистого чая.

Ильдрым Атаев. Молодец!

Рейхан. Сию минуту. (*Выбегает на кухню.*)

Ильдрым Атаев. Смотрю на сад и думаю, как быстро пролетели эти восемь лет. Были тоненькие кустики, а превратились в большие деревья.

Мехриджан. Наверно, все здесь напоминает вам о прошлом...

Ильдрым Атаев. Лучше не вспоминать. Иногда это очень тяжелое занятие – вспоминать прошлое.

Мехриджан. Не знаю, я еще очень молода. Но ведь есть, я думаю, и такие вещи, что вспоминать их горько, но прекрасно.

Ильдрым Атаев (*улыбается*). В вашем возрасте и мне так казалось. Я был даже уверен, что в самом грустном воспоминании есть своя красота, своя романтика. Но теперь знаю: нет, страдание есть страдание! Потому старайтесь быть счастливой. Счастье легко уходит и очень редко возвращается...

Пауза. Рейхан вносит чай.

Рейхан (*держит стакан против света*). Ну как, дядя?

Ильдрым Атаев. Отлично! (*Берет чай, ставит перед собой. Шутливо.*) Значит, проекты, начертанные Мехриджан-ханум, Рейхан претворяет в жизнь.

Рейхан. Именно так.

Ильдрым Атаев. Я завидую вашему содружеству.

Рейхан. Нас оно тоже радует. Вы видели наш жилой дом на улице Физули? Нравится?

Ильдрым Атаев. В целом – да. Нравятся размах, непринужденность, стремление все делать просто и красиво. Смотришь на него, и становится радостно.

Рейхан. Правда? А мы так волновались, дядя...

Ильдрым Атаев. И все-таки одно замечание у меня есть. Мне кажется, дом только выиграл бы, если бы общий рисунок был строже...

Мехриджан (*покраснев*). Это уже критика очень серьезная.

Ильдрым Атаев (*улыбается*). Нет. Может, я просто немного старомоден. Я же чувствую, что вы не сторонники спокойного, как у нашей Кенделечай, стиля в архитектуре.

Рейхан. Конечно!

Ильдрым Атаев. Ну раз так, не расстраивайтесь. Вкусы бывают разные. От души желаю, чтобы сверкнувшие в этом вашем первом произведении искорки таланта стали негасимым огнем, пламенем!

Рейхан. Кто знает, что ждет каждого из нас в будущем?

Ильдрым Атаев. Из «кто знает» не вырастет ничего путного. Надо знать, а главное – уметь добиваться. Воля – мать таланта!

Мехриджан (*с улыбкой*). Мы запомним эти ваши слова!

Ильдрым Атаев. Благодарю. (*Пауза.*) С вашего разрешения я пойду, надо отправить в Баку телеграммы. (*Выходит в другую комнату.*)

Мехриджан (*глядя ему вслед, взволнованно*). Кому нужно было лишиться счастья этого человека?

Рейхан. Моей мачехе. (*Пауза.*) То, что она сделала с моим дядей, она хочет теперь сделать со мной. Разве ты не видишь? Она готова на все, чтобы очернить в моих глазах Джангира.

Мехриджан. Я уверена, что никакая буря не сможет поколебать настоящую любовь!

Рейхан (*задумчиво*). Это верно, но...

Входит Джангир. Это красивый парень лет двадцати четырех.

Лицо кажется немного резким, но глаза умные, смотрят прямо и открыто.

Движения решительны и свободны.

Рейхан (*беря руку Джангира*). Легок на помине. Вот только что мы о тебе говорили, Джангир.

Джангир. А я, по дороге сюда, думал, что непременно застану вас вместе.

Мехриджан. Вы что, ревнуете?

Джангир. Ну, знаете...

М е х р и д ж а н. Если уж ревновать, то ревновать должна я. Это вы отнимаете у меня подругу, с которой мы дружим пятнадцать лет. После вашей свадьбы я останусь совсем одна.

Р е й х а н. Хорошо, хорошо, не расстраивай меня.

Д ж а н г и р (*берет Мехриджан за руку*). У вас есть брат. Почему же вы останетесь в одиночестве?

Р е й х а н. А главное, мы и втроем будем всегда вместе.

Д ж а н г и р. Всегда!

Р е й х а н (*Джангир*). Я слыхала, что ты в нашей строительной конторе раскрыл крупное дело?

Д ж а н г и р. Почти.

Р е й х а н. Говорят, что вмешался сам Садыхов.

Д ж а н г и р. Кажется, да.

М е х р и д ж а н. Видите, мы сидим ночами, не жалеем сил и нервов, а потом эти жулики...

Р е й х а н. К жуликам надо быть беспощадным, Джангир!

Входит Зияд Шахсуваров. Ему лет тридцать семь – тридцать восемь. Он очень старается держаться просто и деликатно, но в глазах его холод, будто блеск стекла. На нем дорогой костюм. Чувствуется, что присутствие в этом доме Джангира ему неприятно. Но он быстро берет себя в руки, делая вид, что ему весело.

Ш а х с у в а р о в. Приветствую... Я вам не помешал?

Р е й х а н. Нет, что вы... Садитесь, пожалуйста.

Ш а х с у в а р о в. Спасибо. (*Садится.*) В выходной день тут помрешь с тоски. Особенно, если нет близких.

Р е й х а н. Что вы! Вас же весь город знает.

Ш а х с у в а р о в. Не всякого знакомого можно назвать другом, Рейхан-ханум.

Д ж а н г и р. Конечно. Человеку хочется побыть с друзьями, с людьми, которые ему действительно близки.

Ш а х с у в а р о в (*ощущает иронию в словах Джангира. Но виду не подает.*) Верно.

Д ж а н г и р. Можно лишь мечтать о близости с такой тонкой натурой, как у вас, Шахсуваров.

Ш а х с у в а р о в (*улыбаясь*). Вы чрезмерно щедры на комплименты, гражданин следовательно!

Д ж а н г и р. Это не страшно. Вы же сами знаете, что щедрость – превосходное качество!

Ш а х с у в а р о в. Несомненно. (*Шутливо.*) Кстати, раз уж Джангир считает меня тонкой натурой, попрошу вас сыграть что-нибудь такое... Мы послушаем.

Р е й х а н. Уважение к дорогому гостю – наш долг.

Ш а х с у в а р о в. Благодарю.

Р е й х а н (*садясь за пианино*). Так что вам сыграть?

Ш а х с у в а р о в. Что вашей душе угодно.

Р е й х а н. А вдруг то, что угодно моей душе, не понравится вашей?

Ш а х с у в а р о в. Это невозможно.

Р е й х а н. Хоть бы мне оправдать эту вашу уверенность.

Играет. Джангир встает, подходит к окну, смотрит в сад.
Мехриджан останавливается рядом, они о чем-то тихо беседуют.
Шахсуваров в чуть картинной позе, опираясь на стол, стоит рядом с Рейхан.

Ш а х с у в а р о в (*тихо, чтобы его могла слышать только Рейхан*). Позавчера вечером я проходил мимо вашего дома. Вы играли эту же сонату. Я долго стоял и слушал.

Р е й х а н (*улыбаясь*). Правда?

Ш а х с у в а р о в. И слушая вас, я почувствовал себя вдруг таким несчастным.

Р е й х а н. Почему же?

Ш а х с у в а р о в. Не знаю.

Р е й х а н. Видимо, в тот вечер вы просто были в очень чувствительном настроении.

Ш а х с у в а р о в (*смутившись*). В любом случае мое настроение в тот вечер заслуживает скорее сочувствия, чем иронии.

Р е й х а н. Неужто я вас задела?

Ш а х с у в а р о в. Задели? Да если вы всадите мне в грудь десяток пуль, я...

Р е й х а н. Вы говорите, как древний рыцарь. (*Хмурится и встает.*)

Входят Дильшад и Летафет.

Д и л ь ш а д. Ого... Шахсуваров... Я уже решила, что вы не придете.
Ш а х с у в а р о в. Как может быть, чтобы вы позвали, а я не пришел?
Д и л ь ш а д. Спасибо. Вы отзывчивый человек.
Ш а х с у в а р о в. Вы меня смущаете, Дильшад-ханум...
Д и л ь ш а д. Вы слишком скромны, товарищ начальник. Добро пожаловать. А почему на ногах?
Рейхан, ты плохо ухаживаешь за гостями. Прошу вас, садитесь.
Д ж а н г и р. Не утруждайте себя. Мы и так сидим целыми днями. От этого тоже устаешь.
Д и л ь ш а д. Я на вас обижена. Слишком редко заходите к нам.
Д ж а н г и р. Дела...
Д и л ь ш а д (*многозначительно улыбаясь*). Знаю, знаю. В последнее время у вас очень много дел.
Р е й х а н. Пошли, Джангир. Я хочу показать тебе макет, сделанный Мехриджан.
Д ж а н г и р. Пошли.

Рейхан, Джангир и Мехриджан выходят в другую комнату.

Д и л ь ш а д. Зияд, знаете вы историю с Садыховым?
Ш а х с у в а р о в. Знаю, конечно.
Д и л ь ш а д. В чем там дело?
Ш а х с у в а р о в. Всего сейчас не расскажешь. Однако, поверьте мне, дело достаточно серьезное.
Д и л ь ш а д. И что вы намерены делать?
Ш а х с у в а р о в. Стараюсь помочь, насколько это в моих силах. Летафет-ханум знает. Но боюсь, что мои усилия принесут мало пользы.
Д и л ь ш а д. Почему?
Ш а х с у в а р о в. Потому что дело Садыхова ведет Джангир.
Д и л ь ш а д. Ну и что?
Ш а х с у в а р о в. По закону мы не имеем права вмешиваться в действия следователя.
Д и л ь ш а д. Это я тоже знаю.
Ш а х с у в а р о в. А ничего другого я придумать не могу. Вы же знаете, что и с прокурором, и с Джангиром отношения у меня более чем прохладные.
Д и л ь ш а д. Как же быть?
Ш а х с у в а р о в. Было бы неплохо, если бы вы поговорили об этом с товарищем Атаевым.
Д и л ь ш а д. Разве о таких вещах можно говорить с Атаевым?
Ш а х с у в а р о в. Вы умная женщина, Дильшад-ханум, поэтому я буду говорить с вами вполне откровенно. Вмешательство Атаева совершенно необходимо! Если Садыхов не выпутается...
Д и л ь ш а д. Понимаю.
Ш а х с у в а р о в. Учтите, Джангир – фанатик, если он вцепился в это дело, его не оторвешь. Поставить его на место может лишь такой авторитетный человек, как Атаев. (*Пауза.*) Видите, если бы на месте Джангира был я, мне было бы стыдно смотреть вам в лицо. А ему...
Д и л ь ш а д. Ясно. Он держится так, будто то, что он собирается опутать и посадить моего зятя, не имеет к нам ни малейшего отношения.
Ш а х с у в а р о в. Уверяю вас, именно так он и думает. (*Пауза.*)
Д и л ь ш а д. Вы правы. Я непременно расскажу об этом Атаеву. Расскажу, даже если он поссорится со мной. В конце концов он обязан считаться со мной и моими родственниками.
Ш а х с у в а р о в. Разумеется.
Д и л ь ш а д. Посидите, я только загляну на кухню и вернусь.
Ш а х с у в а р о в. Пожалуйста.

Дильшад выходит.

Ш а х с у в а р о в. Чего ты так зло на меня смотришь, Лиля?
Л е т а ф е т. Ты еще спрашиваешь...
Ш а х с у в а р о в. Да что случилось?
Л е т а ф е т. Сам знаешь!
Ш а х с у в а р о в. Клянусь тобой, не понимаю.

Л е т а ф е т. Придешь вечером, объясню.
Ш а х с у в а р о в. Может, я не смогу прийти.
Л е т а ф е т. Ясно.
Ш а х с у в а р о в. Не подумай чего такого. Просто позвали в гости. Если не пойду, получится нехорошо.
Л е т а ф е т. Значит, те, кто зовет в гости, тебе дороже, чем я?
Ш а х с у в а р о в. Что ты говоришь, Лиля...
Л е т а ф е т. Придешь! Слышал?
Ш а х с у в а р о в. Ладно.
Д и л ь ш а д (*вносит на маленьком подносе чай, варенье*). Ваше любимое розовое варенье. Сама варила.
Ш а х с у в а р о в. Зачем вы себя утруждаете...
Д и л ь ш а д. Ради кого нам себя утруждать, если не ради таких друзей, как вы.
Ш а х с у в а р о в. Честно говоря, я так привык к вашему дому, что тоскую, когда день у вас не бываю.
Д и л ь ш а д. Я считаю вас членом нашей семьи, Зияд.
Ш а х с у в а р о в. Я это знаю, Дильшад-ханум.
Д и л ь ш а д. Думаю, что мы не просто знакомые, но и близкие люди.
Ш а х с у в а р о в. Мы понимаем и ценим друг друга, Дильшад-ханум. А это очень важно.
Д и л ь ш а д. Несомненно.

Входят Джангир, Рейхан и Мехриджан.

Д ж а н г и р. На вашем месте я отправил бы макет на конкурс.
Р е й х а н. Мехриджан собирается еще что-то там улучшить.
Д ж а н г и р. Что ж, это никогда не помешает.
Д и л ь ш а д (*Джангиру*). Садитесь, выпейте с нами чаю.
Д ж а н г и р. Спасибо. Вечером мне предстоит провести беседу со строителями. Надо подготовиться.
М е х р и д ж а н. На какую тему беседа?
Д ж а н г и р. «Семья и общество».
Ш а х с у в а р о в. Очень интересная тема. Было бы время, я с удовольствием послушал бы.
Д и л ь ш а д (*Джангиру*). Вы – следователь. К чему вам эти беседы, лекции?
Д ж а н г и р. Наша работа никак не сводится к обнаружению и раскрытию преступлений, Дильшад-ханум. Главное – искоренить причины, порождающие преступления. А для этого людей надо воспитывать, прививать им высокие нравственные идеалы. Добиваться, чтобы само слово «преступление» исчезло из обихода.
Р е й х а н. Что же, каждый следователь должен быть еще и педагогом?
Д ж а н г и р. Именно.

Входит Хосров Атаев. Это высокий и красивый мужчина лет сорока пяти.

Х о с р о в А т а е в. Здравствуйте!
Ш а х с у в а р о в. Здравствуйте, товарищ Атаев.
Х о с р о в А т а е в. Говорят, приехал Ильдырм. А где же он?
Р е й х а н. Сейчас, папа... (*Убегает в другую комнату.*)
Д и л ь ш а д (*суется*). Где ты с утра? Разве можно столько времени без обеда?
Х о с р о в А т а е в. Много работы, Дильшад.
Д и л ь ш а д. Дело делом, но нужно думать и о здоровье.
Х о с р о в А т а е в (*с улыбкой*). Верно.
Д и л ь ш а д. Ты всегда соглашаешься, а ведешь себя так, будто у тебя в запасе три жизни. Дай шляпу, повешу.
Х о с р о в А т а е в. Не беспокойся. (*Сам выходит и вешает шляпу.*)
Д и л ь ш а д. Сначала пообедаешь или...
Х о с р о в А т а е в. Не хочется. Внутри все горит.

Д и л ь ш а д. Видишь, вовремя не поел, и аппетит пропал. Нет, так нельзя. Мы ведь договорились соблюдать режим.

Х о с р о в А т а е в. На этот раз не получилось, прости. Даю слово, что больше не буду нарушать режим.

Д и л ь ш а д. Ладно, посмотрим.

Входят Рейхан и Ильдым Атаев.

И л ь д р ы м А т а е в. Хосров, привет! *(Внимательно взглянув на брата.)* А ты ничего, бодрый.

Х о с р о в А т а е в. И ты неплох. Скажи, ты в отпуск приехал или...

И л ь д р ы м. Нет, я по делу.

Д и л ь ш а д. А я-то думала, что вы приехали специально, чтобы повидаться с нами.

И л ь д р ы м. Не без того. Как говорится, приятное с полезным. *(Хосрову.)* Город очень изменился – вырос, похорошел. Старых домов почти нет, прямо-таки не узнать.

Ш а х с у в а р о в. Если товарищ Атаев взялся, скоро и Баку перегоним.

И л ь д р ы м *(быстро взглянув на Шахсуварова, шутливо)*. Положим, и Баку не стоит на месте. Тоже растет, развивается.

Ш а х с у в а р о в *(помрачнев)*. Разумеется.

И л ь д р ы м. Строить – давняя страсть моего брата.

Х о с р о в. Что на свете прекраснее работы строителя? *(Джангиру с Шахсуваровым.)* Понятно, я не уговариваю вас менять специальность. Всякое дело почетно, и человек лучше всего чувствует себя на своем месте. Но я...

Д и л ь ш а д. Соловья баснями не кормят, прошу в столовую. Хосров тоже с утра не ел.

Д ж а н г и р. С вашего разрешения, я пойду. У меня дела.

Д и л ь ш а д. Никаких дел. По случаю приезда Ильдыма пообедаем все вместе.

Х о с р о в. Правильно. Вы, пожалуйста, садитесь к столу, а я сейчас вернусь.

Все, кроме Дильшад и Хосрова Атаева, проходят в другую комнату.
Атаев причесывается.

Д и л ь ш а д. Сегодня ровно десять лет, как мы поженились, Хосров.

Х о с р о в. Ты должна меня извинить. Узнав о приезде Ильдыма, я так заспешил, что не успел купить тебе подарок. Завтра обязательно!

Д и л ь ш а д *(улыбаясь)*. Ничего. Кредитор всегда желает здоровья должнику. И потом, старуха может обойтись и без подарка.

Х о с р о в *(взяв ее за руку)*. Скромничаешь. Теперь ты еще красивее, чем десять лет назад. *(Целует ее волосы.)*

Д и л ь ш а д *(прижимаясь к нему)*. Мне кажется, ты любишь меня уже не так, как раньше.

Х о с р о в. Конечно. С годами я люблю тебя все сильнее. Откуда у тебя эти мрачные мысли?

Д и л ь ш а д. Иногда ты целыми днями не бываешь дома.

Х о с р о в. Что делать... Причины ты знаешь. *(Пауза.)*

Д и л ь ш а д. Ты слышал, что наш друг Джангир собирается втянуть в дело мужа моей единственной племянницы?

Х о с р о в *(нахмурившись)*. Невинного человека нельзя втянуть в дело.

Д и л ь ш а д. Ты всех меришь на свой аршин, Хосров. Если с Садыховым что-то случится, что будет с этой несчастной девочкой? Образования никакого, родни нет...

Х о с р о в. Зачем ты, не дав ей получить образование, уговорила ее выйти за Садыхова? Ведь я тебя предупреждал...

Д и л ь ш а д. Сейчас об этом поздно вспоминать, Хосров. Ты лучше помоги. Нельзя допустить, чтобы Летафет стала несчастной.

Х о с р о в. Чем я могу помочь?

Д и л ь ш а д. Не дай запутать ее мужа!

Х о с р о в. Я уже сказал: невинного человека никто запутать не сможет!

Д и л ь ш а д. Ты мне отвечаешь теми же казенными словами, что всем.

Х о с р о в (*с усилием сдержавшись*). Дильшад! Еще раз прошу тебя: если тебе дорога наша любовь, десять лет, что мы прожили вместе, не обращай ко мне с такими делами. Всю свою жизнь я работаю честно, как велит мне долг. До сих пор ему не изменял и изменять не собираюсь. Запомни это! (*Круто поворачивается и уходит в другую комнату.*)

Д и л ь ш а д (*гневно глядя ему вслед*). Эх... Ну и семья! Все вы одним миром мазаны – Атаевы...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В доме Атаевых. Ильдым читает газету. Хосров что-то пишет. Входит Дильшад, кладет перед ним на стол пачку папирос и уходит. В ее движениях и жестах явно ощущается раздражение. Братья Атаевы это чувствуют.

И л ь д р ы м (*кладет газету на стол*). С детства у нас не было друг от друга секретов, Хосров. Скажу откровенно, меня беспокоит твоя семейная жизнь.

Х о с р о в. Почему? Что в ней особенного?

И л ь д р ы м. У нас есть идеалы, и мы стремимся им следовать, не так ли?

Х о с р о в. Конечно! Разве может быть по-другому?

И л ь д р ы м. У тебя – нет. Я знаю, что для тебя нет ничего более священного, чем интересы народа, нашей партии!

Х о с р о в. Спасибо, брат.

И л ь д р ы м. Так вот, мне кажется, что твоя семейная жизнь противоречит твоим идеалам, убеждениям, всему складу твоей натуры.

Х о с р о в (*медленно*). Это очень серьезный вывод. Для него у тебя есть основания?

И л ь д р ы м. К сожалению. Меньше всего я хочу вмешиваться в твои дела. Но ведь я вижу и слышу.

Пауза.

Х о с р о в. Я знаю, кто бросил этот камень. Не стоит придавать особого значения словам Рейхан. Ты же знаешь, мачеха с падчерицей редко живут в мире.

И л ь д р ы м. Нет, Хосров, дело не в ней. Ты прав, я говорю очень серьезные вещи и хочу, чтобы ты всерьез над этим подумал. Боюсь, потом будет поздно...

Х о с р о в (*нахмурившись*). Мне кажется, в таких делах трудно давать советы. Каждый сам волен выбирать жену.

Нервно встает, берет телефонную трубку. Ильдым выходит.

Х о с р о в (*звонит*). Дайте управление милиции. Где Шахсуваров? Разыщите его, пусть зайдет ко мне. (*Медленно опускает трубку. Долгая пауза, уходит в другую комнату.*)

Сцена на мгновение остается пустой.

Входят Ильдым и Мехриджан.

И л ь д р ы м. Вы что-то хотели спросить? Не стесняйтесь.

М е х р и д ж а н. Боюсь, что мой вопрос покажется вам слишком смелым.

И л ь д р ы м. Смелость – превосходное качество. Прошу вас, говорите!

М е х р и д ж а н. Я слышала о том, что случилось у вас тогда... Восемь лет назад... И много думала об этом. Мне кажется, что все, что вы вчера говорили о счастье, как-то связано с этой грустной историей. Вы правда считаете, что счастье ушло от вас навсегда и никогда не вернется?

И л ь д р ы м. Конечно, я так не думаю. Идеал, ради которого все мы живем и работаем, так велик и прекрасен, что способен дать счастье каждому. Однако не стану вас уверять, что мы из стали, что обстоятельства личной жизни... (*Пауза.*) Вы знаете притчу о старом садовнике?

М е х р и д ж а н. Нет.

И л ь д р ы м. Рассказывают, что старый садовник пятьдесят лет выращивал удивительные и прекрасные деревья. Пятьдесят лет люди ели его фрукты – необычайно вкусные и ароматные. И вот однажды старик почувствовал, что пришло его время покинуть этот мир. Собрались люди. Кто готовил старику прохладный шербет, кто подносил лекарство, кто поправлял подушку. Но старый садовник, глядя куда-то вдаль, вздохнул. И тогда один молодой человек спросил: о чем ты грустишь, дедушка? Ты прожил большую жизнь, люди тебя любят и клянутся твоим именем. Все так, ответил садовник, и ни о чем я не жалею. Но вот если бы еще рядом была моя старуха...

Пауза.

М е х р и д ж а н (*растроганно*). Зачем вы сравниваете себя с садовником? Он только работал пятьдесят лет. А вам, если не ошибаюсь, нет и сорока.

И л ь д р ы м. Наверно, и теперь найдется женщина, которая согласится связать свою судьбу с моей. Однако вы понимаете, что между простым согласием и настоящей любовью – пропасть. Такая же, как между осенью и весной. А я... (*С улыбкой*.) Я, признаться, в этих вещах максималист. По моему, в любви нет среднего состояния. Или любовь есть, или ее нет.

М е х р и д ж а н. Я согласна. Но почему вы решили, что к вам уже не придет настоящая любовь? Может быть, она уже пришла, и есть девушка, которая любит вас так сильно, что была бы счастлива, если бы знала, что вы ее любите хотя бы наполовину...

И л ь д р ы м. Хотите меня утешить?

М е х р и д ж а н. Утешать такого человека, как вы, было бы просто глупо. Я действительно так думаю.

И л ь д р ы м. Но тогда... (*Внезапно умолкает. Напряженная пауза.*)

М е х р и д ж а н. Пожалуйста, передайте Рейхан, что я заходила и ждала ее. До свидания.

И л ь д р ы м. Куда вы? Пойдите! Этот разговор не может так кончиться!

Мехриджан выходит. Ильдрым торопливо выходит вслед за ней. Сцена какое-то время остается пустой. Из-за кулис появляется голова Садыхова. Голова быстро оглядывает все вокруг. Затем Садыхов выходит на сцену и подает знак. Входят Худуш и Агасалим.

Х у д у ш. Кто это выбежал за Мехриджан? Не наш ли дорогой и многоуважаемый министр, товарищ Атаев?

С а д ы х о в. Он самый. Не прошло и двух дней, как изволил прибыть, и уже принялся за амурные дела. Хотел бы я знать, где же Дильшад?

Х у д у ш. Страшный день пришел, Садых. Теперь уже поздно разговоры разговаривать. Надо дело делать: впейся в нее, как пиявка, и не отставай.

А г а с а л и м. Слушай, ничего не понимаю. Исполком тут, министр тут, следовательно тут...

Х у д у ш. И такой мыслитель, как Дильшад-ханум, тоже здесь.

А г а с а л и м. Пусть устроят, да.

С а д ы х о в. Подождите, не поднимайте шума. (*Уходит в другую комнату.*)

Х у д у ш (*шепотом*). Если эта бестия возьмется за дело, все будет в порядке.

А г а с а л и м. Пусть берется, да. С нее взятки гладки, а мы можем так влипнуть, что костей не соберешь.

Х у д у ш. Вчера я, бедолага, опять переправил в карман Шахсуварову полных три штуки.

А г а с а л и м. Три сотни?

Х у д у ш. Тебя что, мешком по голове трахнули? Шахсуваров, по-твоему, ребенок? Ясно, три тысячи!

А г а с а л и м. От него, между прочим, пользы пока, как от козла молока.

Х у д у ш. Все зло в Джангире. К этому типу никак не удастся подобрать ключи.

А г а с а л и м. Клянусь тобой, дьявол мне шепчет: зайди к нему в кабинет и швырни на стол, скажем, тысяч пятнадцать...

Х у д у ш (*в ужасе*). Ой! Что ты говоришь? Хочешь, чтобы мы трое сразу загремели в тюрьму? Хорошо, что это ты здесь сказал, больше нигде не говори!

Входят, беседуя, Садыхов и Дильшад.

С а д ы х о в. Убежден, что Ильдрым вам не откажет.

Х у д у ш. Страшный день пришел, Дильшад-ханум. Такой возможности больше не будет. Если Ильдырым Атаев захочет, одним мизинцем покончит с делом.

А г а с а л и м. Не шутка, ва, заместитель председателя в комитете народного контроля!

С а д ы х о в. Дильшад-ханум, может, скажу Лилечке, пригласим его к нам в гости?

Д и л ь ш а д (*властно*). Бесполезно. Не придет.

Х у д у ш. Сегодня он был у нас в управлении.

С а д ы х о в. Ему здорово на нас наговорили.

Д и л ь ш а д. А ты что ответил?

С а д ы х о в. Сказал, не понимаю, чего от меня хотят. Одно здоровье было, и то отдал. Ночью сердце болит, спать не могу. Врачи умоляют: «Садыхов, поезжай на курорт... Садыхов, тебе надо лечиться...» А я за пять лет ни разу в отпуске не был. Сыновей нет, дочерей нет. Для кого мне стараться? Вдвоем мы с женой в день даже кило хлеба не съедаем.

Д и л ь ш а д. Это ты хорошо сказал. (*Взглянув в окно.*) Кстати, вот он и сам идет. Легок на помине.

С а д ы х о в. Тогда мы исчезаем.

Х у д у ш. Страшный день пришел, Дильшад-ханум. Считайте, мы уже умерли, помогите поднять с земли наши тела.

С а д ы х о в (*уходит и сразу возвращается*). Совсем забыл, Дильшад-ханум, прошу вечером пожаловать к нам.

Д и л ь ш а д. А что такое?

С а д ы х о в. От всех этих переживаний мы совсем измучились. Я и подумал: соберемся, немного развеемся.

Д и л ь ш а д (*с хохотом*). Если мир рухнет, Садыхов и тогда не откажется от развлечений. Хорошо, пожалуйю. (*Группа Садыхова уходит.*) Эти болваны думают, что Ильдырым Атаев – мой ближайший друг.

Входит Ильдырым.

И л ь д р ы м. Эти только что вышли отсюда... Они не из строительного управления?

Д и л ь ш а д. Да.

И л ь д р ы м. Зачем приходили?

Д и л ь ш а д. Так просто... Ведь Садыхов – муж нашей Летафет... (*Короткая пауза.*)

И л ь д р ы м. Хосров знает, что они здесь бывают?

Д и л ь ш а д. Кто «они»?

И л ь д р ы м. Эти... Садыхов, Худуш, Агасалим.

Д и л ь ш а д. Не интересовалась. А почему вы об этом спрашиваете?

И л ь д р ы м. Потому что это дом Хосрова Атаева!

Д и л ь ш а д (*с улыбкой*). А что, меня здесь нет? Или у меня нет никаких прав?

И л ь д р ы м. Кто говорит, что нет? Но я полагаю, что Хосров Атаев, как и вы, должен знать, кто ходит в его дом.

Д и л ь ш а д. Если бы это были чужие люди – дело другое. Но я же сказала, что Садыхов – мой зять.

И л ь д р ы м. А Худуш, Агасалим?

Д и л ь ш а д. Они – товарищи Садыхова. Не могу же я сказать – не приходите.

И л ь д р ы м. Может, вы не знаете, что они обвиняются в серьезном преступлении?

Д и л ь ш а д. Знаю.

И л ь д р ы м. В таком случае, не кажется ли вам странным, что подобные люди свободно бывают в доме председателя городского совета Хосрова Атаева?

Д и л ь ш а д. Их вина пока не доказана и, следовательно, они такие же люди, как мы с вами.

И л ь д р ы м. Но у следствия есть серьезные доказательства их вины. И расследование этого дела начато по инициативе Хосрова Атаева.

Д и л ь ш а д (*с улыбкой*). Слепой пройдет мимо своей деревни.

И л ь д р ы м. Дильшад-ханум!

Д и л ь ш а д (*нервно*). Все вы относитесь ко мне, как к чужой. Я жду от вас помощи. А один из вас хочет отдать под суд моего зятя, другой – запрещает ему ходить в мой дом...

И л ь д р ы м. Не забывайте, что ваш муж – государственный деятель! Его избрал народ...

Д и л ь ш а д. Я как раз и есть этот народ! И не меньше вас люблю Хосрова Атаева.
И л ь д р ы м *(с напряженной улыбкой)*. Возможно.
Д и л ь ш а д *(вспыхнув)*. Чего вы от меня добиваетесь?
И л ь д р ы м *(гневно)*. Чтобы люди, подозреваемые в преступлении перед народом, перед государством, не появлялись в этом доме!

Входит Хосров.

Х о с р о в. Привет! Что случилось? Почему вы такие мрачные?
И л ь д р ы м. Ничего.
Х о с р о в. Ты ознакомился с положением дел в строительном управлении?
И л ь д р ы м. Ознакомился.
Х о с р о в. И как тебе видится ситуация?
И л ь д р ы м. Поговорим позднее... *(Уходит в другую комнату.)*
Х о с р о в *(Дильшад)*. Скажи честно, чем ты расстроена? Скрываешь от меня?
Д и л ь ш а д. Чего мне скрывать? Твой брат сводит со мной счеты за прошлое. Будто я виновата, что Фирангиз бросила его.
Х о с р о в *(зло)*. Прошу тебя прекратить эти разговоры столетней давности. *(Быстро уходит в соседнюю комнату.)*
Д и л ь ш а д *(то ли ему вслед, то ли сама себе)*. Эх вы, Атаевы!

Входит Шахсуваров.

Д и л ь ш а д. Что случилось, Зияд? Вы сегодня какой-то странный.
Ш а х с у в а р о в. Дело плохо, Дильшад-ханум. *(Оглянувшись, тихо.)* Атаев дома?
Д и л ь ш а д. Говори спокойно.
Ш а х с у в а р о в. Я думал, что приезд Ильдрыма Атаева хоть немного смягчит обстановку. А получилось наоборот...
Д и л ь ш а д. Я предвидела это заранее.
Ш а х с у в а р о в. Как только он появился, все смешалось. Битых два часа он сегодня говорил с прокурором, потом вызвал меня.
Д и л ь ш а д. Чего же он от вас хочет?
Ш а х с у в а р о в. Хочет знать, почему я своевременно не раскрыл дело Садыхова. Сам обошел все стройки, беседовал с рабочими. Насколько я знаю, дал в Баку телеграмму, требуя приезда ответственной комиссии.
Д и л ь ш а д. Видите, я была права.
Ш а х с у в а р о в. Он не считается даже с братом. Ведь вы понимаете, эта история...
Д и л ь ш а д. Запомните раз и навсегда, Зияд. Атаевым безразлично – свой или чужой... Их интересует только дело – как они его понимают. Страшные люди!
Ш а х с у в а р о в. Если так пойдет дальше, положение может стать ужасным.
Д и л ь ш а д *(задумчиво)*. А во всем виноват этот Джангир. С него началось.

Входят Рейхан с Джангиром.
Рейхан проходит в другую комнату.

Д ж а н г и р. Привет, Шахсуваров! Что-то сегодня мы постоянно встречаемся.
Д и л ь ш а д. Должно быть, вас тянет друг к другу. Сродство душ.
Д ж а н г и р. Это естественно. Он – заместитель начальника райотдела милиции, я...
Д и л ь ш а д *(шутливо)*. Вы следовательно, беспощадный охотник за истиной.
Д ж а н г и р. Почему вы об этом так говорите, Дильшад-ханум?
Д и л ь ш а д *(улыбаясь)*. Будь вы не таким беспощадным, не стали бы столь рьяно преследовать нашего бедного Садыхова.
Д ж а н г и р. Вы же знаете, что просто так ничего на свете не делается. На все есть свои причины.
Д и л ь ш а д. Бесспорно. И все-таки от Садыхова пока никто не видел ничего плохого. Почему он стал преступником только тогда, когда появились вы?

Д ж а н г и р. М-да... Простите, но наш разговор становится серьезным. Хорошо, я отвечу на ваш вопрос. Ревизии управления, которое возглавляет Садыхов, требую не только я. Требуют рабочие, строящие эти дома, просто люди, жители города.

Д и л ь ш а д (*нервно*). В чем дело? Что такого сделал Садыхов?

Д ж а н г и р. К моему большому сожалению, этого я пока сказать не могу. Служебная тайна.

Д и л ь ш а д. Слишком часто вы повторяете: «я». Во-первых, это нескромно. Во-вторых, запомните, что на всякого верблюда есть слон.

Д ж а н г и р. Эта поговорка устарела. А вам, жене одного из самых достойных людей нашего города, просто неловко на нее ссылаться.

Д и л ь ш а д. Прошу вас не давать мне уроков нравственности.

Д ж а н г и р. Я – юрист, Дильшад-ханум. Разъяснение норм нравственности, как и законов, мой долг.

Д и л ь ш а д. Нет, это просто невыносимо. Это... это...

Ш а х с у в а р о в. Не волнуйтесь, Дильшад-ханум.

(*Протягивает ей стакан воды.*) Товарищ следователь просто слишком молод для своей ответственной должности. А к молодежи надо быть снисходительным.

Д ж а н г и р (*Шахсуварову*). Поскольку я не сказал Дильшад-ханум ничего обидного, ваше заступничество неуместно.

Ш а х с у в а р о в. Вы и со мной позволяете себе слишком развязный тон. Ничего. Наша работа требует терпимости и такта.

Д ж а н г и р. В этой области с вами трудно конкурировать. Вы прямо-таки образец такта.

Р е й х а н (*входя*). Дядя Ильдырым ждет вас, Джангир.

Д ж а н г и р. Иду.

Рейхан и Джангир уходят в другую комнату.

Ш а х с у в а р о в. Ну что за манеры! Слышали? Он, оказывается, пришел к Ильдыриму Атаеву.

Дильшад, не отвечая, хватается телефонную трубку.

Д и л ь ш а д. Квартиру прокурора! Скорее! Алло! Кто говорит? Здравствуйте, товарищ Гусейнов! Как здоровье, настроение? Как Гюльсум-баджи? Что она к нам не заходит? Ну и что же? У всех дела. Нет, признайтесь, что вы нас забыли... (*Громко смеется.*) Шучу, конечно, шучу. Слушайте, Гусейнов! Меня дико раздражает ваш следователь. Клянусь вашим здоровьем, он только тем и занимается, что дергает нервы. Как что? Бросив все свои дела, набросился на нашего бедного Садыхова. Вы же знаете Садыхова. Он из тех людей, которые долго дуют на воду и только потом пьют. Прошу вас, дайте легкую взбучку этому Джангиру. Может, он еще молод, не понимает... Что? Что?! Как это мне не вмешиваться? Очень хорошо знаю, что говорю, знаю, товарищ Гусейнов! Как? Если хотите откровенно, ваши действия бросают тень на Атаева. Да, да! Поверьте, мы тоже кое в чем разбираемся! Если бы следователь не рассчитывал на вашу поддержку, он никогда не осмелился бы оскорблять меня в моем собственном доме! Учтите, однако, что семья Атаева – не тот куст, куда легко можно влезть! (*Со злостью швыряет трубку.*) Мерзавцы! Будто сговорились! (*Резко оборачивается.*)

Входят Хосров, Джангир и Рейхан.

Х о с р о в (*Шахсуварову*). Я искал вас.

Ш а х с у в а р о в. Потому я и пришел, товарищ Атаев.

Х о с р о в. Я слышал, что два месяца назад Садыхов уволил главного бухгалтера – добросовестного и честного работника. Его надо срочно разыскать, понимаете?

Ш а х с у в а р о в. Ясно, товарищ Атаев.

Х о с р о в. Я прошу вас оказать всю возможную помощь следствию в раскрытии этого преступления. Пусть жулики знают, что избежать ответственности им не удастся.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира Садыха Садыхова. Дорогая мебель. Посреди комнаты большой, уставленный бутылками и едой, стол. Звонок в дверь.
Летафет быстро идет открывать.

Ш а х с у в а р о в. Лиля! Когда я тебя вижу, у меня начинает колотиться сердце.
Л е т а ф е т. Я на тебя обижена, Зияд!
Ш а х с у в а р о в. Не говори так, я убью себя.
Л е т а ф е т. Не верю ни одному твоему слову.
Ш а х с у в а р о в. Почему?
Л е т а ф е т. Говорят, ты любишь другую.
Ш а х с у в а р о в. Не верь этой чепухе, Лиля! Для меня на всем свете есть только ты!
Л е т а ф е т. А Рейхан?
Ш а х с у в а р о в. Что ты фантазируешь? Ведь у нее есть жених.
Л е т а ф е т. Ну и что? Тетя желает, чтобы она вышла за тебя. А тетя - уж лучше бы она не хотела: решит - кончено.
Ш а х с у в а р о в. Откуда ты узнала об этом... э... странном намерении твоей тети?
Л е т а ф е т. Видишь, как тебя это сразу заинтересовало!
Ш а х с у в а р о в. Ах, оставь, ради Бога...
Л е т а ф е т. Нет, Зияд. Признайся, ты действительно хочешь жениться на Рейхан?
Ш а х с у в а р о в. И во сне мне это не снилось.
Л е т а ф е т (*схватив его за руку*). Поклянись!
Ш а х с у в а р о в. Клянусь твоей драгоценной жизнью!
Л е т а ф е т (*прильнув к нему*). Ах, Зияд, я и дня не могу без тебя.
Ш а х с у в а р о в. Без тебя не то что дня, минуты не проживу, Лиля...
Л е т а ф е т. Раз так, почему ты бездействуешь? Почему не избавишь меня от этого кошмара?
Если бы ты знал, как я его ненавижу!
Ш а х с у в а р о в. Знаю... Все знаю. Потерпи еще немного. Все-таки ты вышла за него замуж, жила... Если теперь ты разойдешься с ним и сразу выйдешь за меня, получится нехорошо. Пойдут всякие разговоры, сплетни...
Л е т а ф е т. С чего это вдруг?
Ш а х с у в а р о в. Скажут, я специально завел дело, чтобы посадить его и увести у человека молодую жену. А это знаешь чем пахнет? Злоупотребление властью, моральное разложение...
Л е т а ф е т. К черту! Пусть говорят, что хотят. Или ты боишься?
Ш а х с у в а р о в (*с улыбкой*). Чего мне бояться? Но...
Л е т а ф е т. Любящий человек ни перед чем не остановится, Зияд! Я на все согласна, только бы быть с тобой.

Входит Садыхов.

С а д ы х о в (*смеется*). Хи... хи... Ты даже раньше меня пришел.
Ш а х с у в а р о в. Так и должен поступать настоящий друг.
С а д ы х о в. Конечно.
Л е т а ф е т. Сто раз тебе говорила, не надевай шляпу так.
С а д ы х о в. Ну чем я виноват, Лилечка? Не умею. Как говорят, в доме не варилось, от соседей не приносилось. Хи... хи... У покойного отца, бакалейщика Мешади Керима была такая папаха, что в нее три человека влезло бы. А подпоясывался он таким кушаком - ровно двенадцать аршин. И теперь его сын в шляпе? Хи... хи...
Л е т а ф е т. Ладно, ладно, скорее. Шахсуваров давно тебя ждет.
С а д ы х о в. Лилечка, теперь мне халат надеть?
Л е т а ф е т. Ой, не могу! При гостях он будет сидеть в халате?
С а д ы х о в (*со смущенным смехом*). Хи... хи... Шахсуваров же свой...
Л е т а ф е т. Сто раз тебе говорила, не смейся так.

С а д ы х о в. Ох, Лилечка, что же мне еще делать, если даже посмеяться нельзя? Жизнь коротка: ешь, пей, получай удовольствие! У моего бедного отца Мешади Керима было много денег, а чем все кончилось? Человек приходит в этот бранный мир лишь однажды. Как говорил Омар Хайям: тот, кто умрет завтра, ничем не отличается от тех, кто умер семь тысяч лет назад. Правда, Шахсуваров?

Ш а х с у в а р о в. Правда.

С а д ы х о в. Если даже Александр Македонский не смог сохранить завоеванный им мир, то кто сможет? Ешь, пей, наслаждайся... Вот и все. *(Идет в другую комнату, направо.)*

Посадил я гвоздику в тазу,
Ах, гвоздика склонила головку...

Ш а х с у в а р о в *(громко смеясь)*. Он и в самом деле идиот!
Л е т а ф е т. Видишь? А ты откладываешь со дня на день.
Ш а х с у в а р о в. Осталось недолго, Лиля. Каких-нибудь три месяца.
Л е т а ф е т. Что ж, еще три месяца потерплю. *(Стоя рядом с ним, заглядывает в зеркало.)*
Смотри, как мы подходим друг другу! Оба одного роста.
Ш а х с у в а р о в. Оба красивы...
С а д ы х о в *(входит)*. Хи... хи... По какому поводу вы стоите рядом? Этакая парочка.
Ш а х с у в а р о в. Лиля спорит, что мы одного роста.
С а д ы х о в. Нет, Лилечка, Шахсуваров немного выше тебя.
Л е т а ф е т. Нет, мы одного роста.
С а д ы х о в. Немного...
Л е т а ф е т *(кричит)*. Я сказала, одного роста!
С а д ы х о в. Ты права, Лилечка, вы одного роста.

Звонок в дверь. Садыхов открывает. Входит Худуш,
Агасалим и его жена Забита.

С а д ы х о в. Где же вы?
Х у д у ш. Ой, и товарищ Шахсуваров здесь.
А г а с а л и м. Пусть у нас не будет дня без товарища Шахсуварова!
С а д ы х о в *(торопливо наполняя рюмки)*. Раз так, давайте прямо, экспромтом выпьем за здоровье товарища Шахсуварова! Клянусь, ребята, у меня такое чувство, будто у моего покойного отца Мешади Керима было два сына.
Ш а х с у в а р о в. Ты - мой старший брат!
С а д ы х о в. Дай я тебя поцелую, брат.

Целуются.

А г а с а л и м. За хороших людей жизнь отдам!
С а д ы х о в. Спасибо, брат. *(Выпивает одним духом.)*
Х у д у ш. Чтоб мы не лишились тебя, начальник. *(Пьет.)*
А г а с а л и м. За тебя готов вот эту жизнь положить, начальник. *(Пьет.)*
Ш а х с у в а р о в. Спасибо, друзья! *(Пьет.)*
С а д ы х о в. Теперь прошу к столу, садитесь...
З а б и т а. А Дильшад-ханум не придет?
С а д ы х о в. Как то есть не придет?! Лилечка, может, ты позвонишь? *(Звонок в дверь.)* Ага...
Пришла... *(Торопливо идет к двери, открывает.)* Пожалуйста, пожалуйста.

Входит Дильшад, все встают.

Д и л ь ш а д. Сидите, сидите.
С а д ы х о в. Садитесь во главе стола.
Ш а х с у в а р о в. Пожалуйста, сюда...

Все садятся.

Д и л ь ш а д. Привет, Забита. Ты как красное солнышко...

З а б и т а. Ей-богу, последние дни мы так завертелись.
Д и л ь ш а д. Знаю... Знаю...
А г а с а л и м. Проклятие мерзавцу!
Х у д у ш. Тысяча проклятий!
С а д ы х о в. Наполняйте рюмки, дорогие. Не будем портить настроение.
Ш а х с у в а р о в. Молодчина, Садыхов! Ничто на свете его не пугает.
С а д ы х о в. Чего может бояться тот, у кого такие друзья? За ваше здоровье! *(Пьет, напевая.)*

Посадил я гвоздику в тазу,
Ах, гвоздика склонила головку...

Д и л ь ш а д *(улыбается)*. Кажется, мой зятек под мухой.
С а д ы х о в. Зятек так и родился под мухой, Дильшад-ханум. Чего мне волноваться? Я да Лилечка, вот и вся наша семья. Пусть будет завтра не строительное управление, а Азторг - какая разница? Куда бы ни попал, кусок хлеба найдется.
Х у д у ш. Я предлагаю поднять этот бокал за здоровье нашего главного начальника, аксакала города товарища Атаева и его подругу жизни Дильшад-ханум!
С а д ы х о в. Молодец!
Х у д у ш. Дай Бог, чтобы Дильшад-ханум всегда цвела. В ее тени и мы тихонечко проживем.
А г а с а л и м. Дильшад-ханум, знайте, за вас я готов отдать вот эту мою жизнь.
Х у д у ш. А все-таки здорово, что такая женщина живет в нашем городе!
Г о л о с а. Правильно... Правильно...
С а д ы х о в. Хи... хи... Ей-Богу, хотя годами я старше Дильшад-ханум, чувствую себя при ней ребенком.
А г а с а л и м. У Дильшад-ханум министерская голова!
С а д ы х о в. Молодец! Хорошо сказано!
Д и л ь ш а д. Ладно, ладно, остановитесь, а то сглазите.

Смеются.

Ш а х с у в а р о в. Спасибо, Дильшад-ханум!
Д и л ь ш а д *(Забите)*. Какое у тебя красивое колечко! С бриллиантом?
З а б и т а. Конечно.
Д и л ь ш а д. Все-таки бриллиант – царь драгоценных камней. Посмотрите, как переливается!
(Агасалим подмигивает Забите.)
З а б и т а *(сняв кольцо, протягивает его Дильшад-ханум)*. На память!
Д и л ь ш а д. Нет, нет! Что вы! Спасибо... Спасибо...
А г а с а л и м. Если нравится, берите. От чистого сердца.
Д и л ь ш а д. Вы это серьезно говорите? Разве можно делать такие подарки?
А г а с а л и м. А почему нет? Ста бриллиантов было бы мало для такой женщины. Прошу вас, наденьте.
Д и л ь ш а д. Нет, не возьму.
А г а с а л и м. Обидимся на всю жизнь. Не возьмете – немедленно уходим.
Х у д у ш. Дильшад-ханум, я знаю характер Агасалима. Сказал – значит все. Вы должны взять. Что тут такого? Скромный знак внимания...
С а д ы х о в. Нехорошо возвращать подарок.
Д и л ь ш а д. Вы меня вынуждаете сделать это. *(Забита надевает кольцо на палец Дильшад-ханум.)*
Ш а х с у в а р о в. А теперь мы поднимаем эти бокалы за здоровье нашего дорогого друга Садыхова. Садыхов – редкий человек. Слово «садых», как известно, означает «верный», и наш Садыхов...
С а д ы х о в *(растроганно)*. Если бы вы знали моего отца Мешади Керима...
Л е т а ф е т. Ой, опять Мешади Керим...
Ш а х с у в а р о в. Что вас раздражает, Лиля? Яблоко от яблони... Можно представить себе, что за человек был покойный Мешади Керим, раз у него такой сын. Будь здоров, Садых!
(Многозначительно улыбаясь.) Пой соловьем, но не попади в клетку!
Х у д у ш. Бог даст, не попадем!

С а д ы х о в (*Шахсуварову*). Дай я тебя поцелую, брат!

Х у д у ш. Вы меня совсем растрогали...

А г а с а л и м (*няный*). Ради друга жизнь можно отдать, не то что кольцо...

Д и л ь ш а д (*Шахсуварову*). Он что, никогда не забудет об этом кольце?

Ш а х с у в а р о в. Не обращайтесь внимания! Разве вы не видите, что это хам?

А г а с а л и м. На свете главное деньги. Если б не деньги, не было б и нашей компании. Если б не деньги, не было б и нашей дружбы. Мир стоит на деньгах! А благодаря кому мы их зарабатываем? Конечно, благодаря добрым друзьям! Вот почему...

С а д ы х о в. Нет, погоди! (*Торжественно поднимаясь*.) Я категорически не согласен со словами товарища Агасалима. Что такое деньги? Это грязь на руках! Деньги – мусор, и Агасалим не должен на таком празднестве даже упоминать о них!

А г а с а л и м (*шепотом Худушу*). Как же это? На его жене драгоценностей на двести тысяч, а он деньги хает.

Х у д у ш. Тс-с... Во всем нужна политика! Понял?

С а д ы х о в (*услыхав*). А что, разве я аполитичен? Мы служим родине, и она нам за это платит сторицей!

А г а с а л и м. Да, в политике его никто не обскачет.

Х у д у ш. Тс-с...

С а д ы х о в. Но у человека нашей эпохи - широкая душа! Мы работаем не только ради денег!

Х у д у ш (*бурно*). Правильно, правильно!

А г а с а л и м. Я признаю свою ошибку.

С а д ы х о в. То-то же! Вот теперь ты мой друг! Выпьем за здоровье Агасалима и за его подругу жизни Забиту! (*Пьют*.)

С а д ы х о в. Хи... хи... Есть предложение, чтобы Лилечка нам спела.

А г а с а л и м (*Худушу на ухо*). Что он говорит! Просто неудобно...

Х у д у ш. Тс-с... Тебе-то что? Тебе-то она не мать, не сестра!

Ш а х с у в а р о в. Лиля, просим.

С а д ы х о в. Лилечка, здесь все свои! (*Пауза*.)

Ш а х с у в а р о в. Ну, Лиля!..

Летафет сначала колеблется, потом тихонько начинает петь.

С а д ы х о в. Пропади все пропадом!

Худуш ахает. Летафет поет.

И вдруг, зарывав, закрывает лицо руками.

С а д ы х о в. Ой... Что случилось, Лилечка?!

Летафет, не ответив, встает и проходит в другую комнату.

Д и л ь ш а д (*гневно, Садыхову*). Пойди, дай ей валерьянки.

Садыхов проходит к Летафет.

Худуш, Агасалим и Забита поднимаются.

З а б и т а. Пойдем и мы. Уже поздно.

Х у д у ш. До свидания.

А г а с а л и м. До свидания. (*Выходят*.)

Ш а х с у в а р о в. Что-то вы нынче сердиты, Дильшад-ханум...

Д и л ь ш а д. Твое спокойствие меня еще больше бесит, Зияд. Знай, что после Садыхова на очереди ты!

Ш а х с у в а р о в (*со скрытым беспокойством*). Почему вы так думаете?

Д и л ь ш а д. Ильдырым Атаев терпеть нас не может.

Ш а х с у в а р о в. Ну и что? Это еще не основание. Без улик он ничего не может мне сделать.

Д и л ь ш а д. Хорошо, допустим, тебе ничего не смогут сделать. А Рейхан?! Пока между вами Джангир...

Ш а х с у в а р о в. Куда же я его дену?

Д и л ь ш а д. Если б я была мужчиной, да еще с пистолетом на боку, я б не спрашивала.

Ш а х с у в а р о в. При чем тут пистолет, Дильшад-ханум? Рейхан любит Джангира.

Д и л ь ш а д. Фи! Настоящий мужчина не должен так просто сдаваться. Зияд! Я уверяю вас, если с Джангиром что-нибудь случится, первой от него отвернется Рейхан! Смотрите на жизнь трезво! Вечной любви не бывает! Ах... почему я не родилась мужчиной!

С а д ы х о в *(входит)*. У этих молодых ничего не разберешь, Дильшад-ханум. Куда вы собираетесь?

Д и л ь ш а д *(резко)*. Ухожу!

С а д ы х о в. Разрешите, я вас провожу.

Выходят. Входит Летафет.

Л е т а ф е т. Ох, что у меня за жизнь...

Ш а х с у в а р о в. Лиля, выпей еще бокал шампанского и успокойся. *(Наполняет бокал, подает ей.)*

Л е т а ф е т. Ах, Зияд! Я очень несчастна. Никто меня не любит. Все смотрят на меня с ненавистью. Сегодня Рейхан с Мехриджан разговаривали со мной прямо-таки с брезгливой миной.

Ш а х с у в а р о в. По-моему, они завидуют твоим драгоценностям.

Л е т а ф е т. Они ни в чем не нуждаются. А было время, они меня любили. *(Плачет.)*

Ш а х с у в а р о в. Лилечка! Ну чего тебе не хватает, что ты так плачешь?

Л е т а ф е т. Ты ничего не понимаешь, Зияд! У меня такое чувство, что я всем чужая. Как будто я никому не нужна. После папы мама определила меня в сельскохозяйственный техникум. Я хорошо училась. Когда умерла и мама, тетя перевела меня из техникума в акушерское училище. Проучилась я там два года, она меня забрала и выдала замуж за этого человека!

Ш а х с у в а р о в. Лилия! Ты же пошла за него по доброй воле...

Л е т а ф е т. Тетя меня так уговаривала... *(Пауза.)* Ах, избавь меня от этого дома, Зияд! *(Беря бокал.)* А ты меня приучил к выпивке, Зияд. Прежде я капли в рот не брала.

Ш а х с у в а р о в. Лилечка! Когда ты выпьешь, знаешь, как блестят твои глаза? Пей!

Летафет выпивает полбокала, морщится.

Л е т а ф е т. Ну, вот. Пью. Противно все. Все отвратительно.

Встает и падает на диван.

Шахсуваров подходит и садится рядом с ней.

Ш а х с у в а р о в. Лиля! Заснула... *(Уложив ее на диване, поднимается.)* Никому не нужна, говорит. Верно, Лиля. Никому ты не нужна, дурочка. Уж очень ты проста, детка. А люди теперь не такие, как двадцать лет назад. И надо действовать с умом, тонко, осторожно. *(Пауза.)* Ты связала все свои надежды со мной. Нет, дорогая. Я не из тех дуралеев, что ищут счастье в твоих золотых кудрях. Вот если б ты была дочерью Атаева! Я тоже одинок. И это ужасно, ужасно! Мне так нужна поддержка, Лиля! Крепкая, такая, как Атаев! Только любовь Рейхан может положить конец вечному страху, который я постоянно ношу в моем бедном сердце. Но ее отбирает у меня мальчишка, молокосос. Оставляет меня с носом! Стыдись, Шахсуваров! Дильшад-ханум – женщина, а насколько смелей тебя! *(Пауза.)* Однако положение предельно опасно и сложно. В любую минуту все может полететь к черту. *(Звонит по телефону.)* Мне прокурора. Здравствуйте, товарищ Гусейнов. Докладывает Шахсуваров. Первые результаты проверки в управлении снабжения дают основание для привлечения Садыхова к ответственности. Да, арест. После завершения расследования? Ага... Хорошо! Во всяком случае я взял его под строгий контроль. До свидания. *(Кладет трубку.)* Холодно говорил, холодно... Убивают меня предчувствия. Чуть кто посмотрит на меня хмуро, чуть скажет слово холодней – страх сжимает сердце. *(Короткая, напряженная пауза.)* Дильшад-ханум права. Медлить нельзя. Сейчас каждая минута дорога! *(Оборачиваясь, задевает цветочную вазу на маленьком столике, она падает, разбивается. Летафет, вздрогнув, просыпается.)*

Л е т а ф е т. Я, кажется, заснула...

Ш а х с у в а р о в. Ты спала, как ангел, Лилечка. Глядя на тебя, я погрузился в сладкие грезы о нашей будущей жизни.

Л е т а ф е т. А я только видела во сне, будто протягиваю тебе букет цветов. Причем белых. *(Увидев на полу осколки хрусталя.)* Что это?

Ш а х с у в а р о в. Я опрокинул. Нечаянно.

Л е т а ф е т. Я так любила эту вазу. Ведь мне ее подарил ты. (*Беря Шахсуварова за руку.*) Что ты хмуришься?

Ш а х с у в а р о в. Некуда теперь поставить букет, который ты мне подарила во сне.

Л е т а ф е т. Не говори так, Зияд. Мне не по себе.

Ш а х с у в а р о в (*с вызовом*). Чему быть, того не миновать.

Л е т а ф е т (*нервно*). А чему быть?

Ш а х с у в а р о в. За себя я не боюсь, Лиля.

Л е т а ф е т. Не мучь меня, Зияд! Что-нибудь случилось?

Ш а х с у в а р о в. Ты знаешь, Лиля, если Садыхова арестуют, наша женитьба не состоится!

Л е т а ф е т. Как я ни ненавижу Садыхова, я не хочу, чтобы его арестовали. Но почему наша женитьба должна быть связана с его делом?

Ш а х с у в а р о в. Потому что я работаю в таком месте.

Л е т а ф е т. Если тебя снимут, найдешь другую работу. Эх, Зияд! Тогда я буду любить тебя еще больше, чем сейчас. Отработаем свои восемь часов – и придем к себе домой. Я буду вечерами учиться, закончу школу.

Ш а х с у в а р о в. Все это возможно. Но если бы дело кончилось только снятием с работы, это бы еще ничего...

Л е т а ф е т. А что может быть?

Ш а х с у в а р о в. У меня много врагов, Лиля. Чуть только я споткнусь, вцепятся.

Л е т а ф е т. Что же делать?!

Ш а х с у в а р о в. Надо постараться выручить Садыхова.

Пауза.

Л е т а ф е т. Может быть, мне пойти к Атаеву?

Ш а х с у в а р о в. Атаев и родному сыну ничего не простит.

Л е т а ф е т. Это верно.

Ш а х с у в а р о в. Чем к Атаеву, лучше обратиться к Джангиру. Сейчас все в его руках. И сам он скоро вашим родственником будет.

Л е т а ф е т. Нет, нет, его я стыжусь.

Ш а х с у в а р о в. Ну, стыдишься, так и не надо. Я не хочу тебя принуждать.

Л е т а ф е т. Не говори так, Зияд. Я по одному твоему слову в огонь пойду.

Ш а х с у в а р о в. Спасибо, Лиля.

Л е т а ф е т. Раз ты советуешь, я пойду и попрошу Джангира. И прямо сейчас.

Ш а х с у в а р о в. Сейчас поздно.

Л е т а ф е т. Тогда завтра...

Ш а х с у в а р о в. Только в управление идти неудобно.

Л е т а ф е т. А домой разве удобно? Холостой парень...

Ш а х с у в а р о в. Я верю тебе больше, чем себе, Лиля. По вечерам Джангир всегда дома. Если пойдешь к семи, застанешь наверняка. Только пусть Садыхов не знает. Он человек старого закала.

Л е т а ф е т. Хорошо.

Ш а х с у в а р о в. Мой папа всегда говорил: лучше не начинай, но уж если начал, доводи до конца. Раз ты к Джангиру обращаешься, постарайся, чтобы был результат.

Л е т а ф е т. Посмотрим. Мне кажется, он хорошо ко мне относится.

Ш а х с у в а р о в (*улыбается*). Сегодня у Атаевых я тоже это почувствовал.

Входит Садыхов.

С а д ы х о в. Лилечка, ты нас расстроила.

Ш а х с у в а р о в. Да ничего. Вечер прошел отлично. Лиля, прошу вас, налейте мне стакан чая.

Летафет проходит в другую комнату.

Ш а х с у в а р о в. Завтра вечером, ровно в половине седьмого, будь в новом парке. Я сообщу тебе нечто очень важное.

С а д ы х о в. А сейчас нельзя?

Ш а х с у в а р о в. Завтра вечером, в половине седьмого!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Большой парк. Справа – здание, где живет Джангир.
Посреди парка проходит дорога.
На дорогу выходят, препираясь, Худуш и Агасалим.

Х у д у ш. Странный ты человек... Вчера сто раз я тебе объяснял: если надо следователю ответить «нет», я легонько подниму левое плечо, если «да», то правое...

А г а с а л и м. Дубина ты! Левое плечо и поднял, а было «да».

Х у д у ш. Не «да», а «нет». Следователь тебе зубы заговаривает: мол, вы хотели оказать помощь населению, когда продавали листовое железо владельцам домов на окраине? Я тотчас дергаю левым плечом. А ты говоришь: «Да, продавали, хотели помочь». (*Передразнивает.*)

А г а с а л и м. Клянусь, Худуш, до меня не дошло.

Х у д у ш. Ну вот! Ох, боюсь, в этом разговоре ты все выболтаешь!

А г а с а л и м. Да иди ты, сам ты недотепа.

Х у д у ш. Страшный день пришел, Агасалим, будь начеку. Не забывай «да» и «нет».

А г а с а л и м. А почему такая паника? Почему такой страх?

Х у д у ш. Как это почему? Он – следователь. Будешь трепаться – сядешь. Очень просто.

А г а с а л и м. Ну уж так прямо и сяду!

Х у д у ш. Фу ты черт! Да разве время сейчас для этого ухарства?

С а д ы х о в (*подходит*). Что опять случилось? Что вы опять грызетесь?

Х у д у ш. Я говорю: брат, будь осторожен, не говори лишнего. А он начал!..

А г а с а л и м. А чего ты боишься? Слава Богу, недостачи на складе у нас нет, ничего не случилось. Вот и Садыхов нам дважды объявлял благодарность.

С а д ы х о в. Ну, об этом сейчас не время. Но все же в удобный момент скажете, что товарищ Садыхов всегда подчеркивает, что мы должны служить народу.

А г а с а л и м. Почему бы не сказать? И скажем, и еще добавим.

С а д ы х о в. Но и слишком раздувать не следует. Не увлекайтесь. Этот парень разбирается, что к чему.

Х у д у ш (*шепотом*). Ты Шахсуварову сунул?

С а д ы х о в. Что я должен ему совать? Разве ему не идет половина наших доходов?

А г а с а л и м. Клянусь, этот злодей меня допек. С небольшими суммами он и дела иметь не хочет.

С а д ы х о в. Не ори! Мы ему, он нам. Двадцать твоих фокусов прикрыл, не меньше.

А г а с а л и м. Не ради же моего отца он это делал! (*Свирепеет.*) Клянусь, ничего не признаю. Если не выручит, выложу все начистоту. Пусть знает, как Агасалима, сына Хромого, дурачить!

С а д ы х о в. Да ладно тебе, ладно. Знай, что благодаря этому человеку ты до сих пор на свободе.

Х у д у ш. Верно, брат, верно! Не гневи Бога!

С а д ы х о в. Хорошо, вы идите, у меня здесь свидание с важной персоной.

Х у д у ш. На пользу делу?

С а д ы х о в. По идее должно быть на пользу. Должно...

Худуш с Агасалимом удаляются в одну, Садыхов в другую сторону и исчезают в глубине парка. Через некоторое время входят Джангир с Рейхан.

Р е й х а н. А вот и твой дом...

Д ж а н г и р. Не зайдешь ко мне?

Р е й х а н. Спасибо. У меня тут подруга, я зайду к ней.

Д ж а н г и р. Давай тогда я тебя провожу.

Р е й х а н. Не нужно. Их дом рядом.

Д ж а н г и р. Так до свидания.

Р е й х а н. Почему ты так спешишь со мной расстаться?

Д ж а н г и р (*взяв ее за руку*). Не сердись, Рейхан. У меня в голове каша.

Р е й х а н. Чувствую. И по телефону ты как-то не так разговаривал.

Д ж а н г и р. Когда ты позвонила, я допрашивал людей Садыхова.

Рейхан. Закончил?

Джангир. Нет еще. *(Пауза.)* Корень дела уходит куда-то вглубь, Рейхан. Боюсь, как бы не обнаружилось что-либо тяжелое для нас обоих.

Рейхан. А я не боюсь! Кто бы ни был больной, в руке хорошего хирурга нож – это помощь. До свидания. Вечером я тебе позвоню.

Джангир. Буду ждать.

Рейхан уходит. Джангир долго смотрит ей вслед. Потом проходит в дом.
Идущие с разных сторон Ильдым и Мехриджан сталкиваются.

Мехриджан. Здравствуйте.

Ильдым. Здравствуйте.

Пауза. Оба в волнении.

Ильдым. Почему вчера вы так неожиданно ушли?

Мехриджан. Мне было не по себе.

Ильдым. Все это правда?

Мехриджан *(смело)*. Я вас давно ждала.

Ильдым. Разве вы меня раньше знали?

Мехриджан. Нет. Не знала. Но знала, что однажды вы придете. *(Короткая пауза.)* Вы жили в моем воображении.

Ильдым. Благодарю вас. Тысячу раз благодарю. *(Короткая пауза.)* Но прошу вас, проверьте свое сердце снова и снова. Не забывайте, что я уже однажды был обманут.

Мехриджан. Я это знаю.

Ильдым *(взволнованно)*. А раз так, скажите беспристрастно: разве я достоин вашей любви?

Мехриджан *(с напряженной улыбкой)*. Любящие не могут говорить беспристрастно. Это могут посторонние.

Ильдым. О... Вы еще умнее, чем я думал. *(Пауза.)* Но нет. Это невозможно, чтобы такая девушка, как вы, в двадцать четыре года стала подругой жизни тридцатидевятилетнего, поседевшего, пожилого человека! Это невозможно! Почему вы молчите?

Мехриджан *(улыбаясь)*. У меня всего одно сердце и я его раскрыла вам. Что я могу сказать еще? До свидания. *(Быстро удаляется.)*

Ильдым *(один)*. Возможно ли это?

Появляются Шахсуваров с Садыховым.

Садыхов. Всю ночь не спал. Побыстрее говори, что ты хотел.

Шахсуваров. Потерпи, сию минуту ты все увидишь своими глазами!

Садыхов. Странно.

Шахсуваров. Действительно, очень странно...

Садыхов. У меня прямо сердце разрывается.

Шахсуваров *(глядя на часы)*. Спрячься за дерево.

Садыхов. И... и страннее странного.

Летафет торопливо входит, поднимается на веранду дома Джангира.

Садыхов. И... и... это не Лилечка?

Шахсуваров. По-моему, она.

Садыхов. Куда она идет?

Шахсуваров. Куда же?

Садыхов. Что ей надо в доме Джангира?

Шахсуваров. По-моему, это твоя жена. Ты и должен знать.

Садыхов. Должен, а не знаю. И... и... нажала на кнопку звонка. Дверь открылась. Лилечка вошла. И... и... дверь закрылась. Да ослепнет твой род, Мешади Керим, что это такое? Что делать моей жене в такое время в доме холостого мужчины?

Шахсуваров. Погоди! Не поднимай шуму! Вчера мои люди сообщили, что Летафет каждый вечер ходит в этот дом.

Садыхов (*бьет себя по голове*). Каждый вечер?

Шахсуваров. Каждый вечер!

Садыхов. И ты еще жив, Садыхов!

Шахсуваров. Я сначала не поверил. Но вчера сам пришел и, как теперь, увидел собственными глазами...

Садыхов. Ах, изменница! Я тебя бриллиантами осыпаю, а ты мою голову в прах втоптала!

Шахсуваров. Слушай, а может, ты сам ее послал?

Садыхов. Да ты что, считаешь меня негодяем?

Шахсуваров. Я подумал, может, попросить...

Садыхов. Клянусь, нет! Клянусь!

Шахсуваров. Тогда сомнений больше нет.

Садыхов. Хоть стой – хоть падай!

Шахсуваров. И то, что он хочет запутать и посадить тебя, связано как раз с этим...

Садыхов. Правильно!

Шахсуваров. Теперь надо действовать с умом! Понял? Все равно молва тебя не пощадит. Об этом теперь весь город начнет гудеть. Начинай первый. Сама судьба дает тебе в руки случай, чтобы разоблачить Джангира.

Садыхов. Что же мне делать?

Шахсуваров. Сию же минуту войди туда и подними такой скандал, чтобы небу было жарко.

Садыхов. А потом?

Шахсуваров. А потом уж не твое дело. Только когда меня там увидишь, веди себя так, будто я об этой истории ничего не знаю.

Садыхов. Понимаю.

Шахсуваров. Ну, шевелись! Не было бы счастья, да несчастье помогло. Давай.

Садыхов. Но ты не опаздывай.

Шахсуваров (*гневно*). Время уходит.

Садыхов идет к дому Джангира. Шахсуваров убегает куда-то.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната Джангира. У стены – большой книжный шкаф.
Посередине накрытый белой скатертью стол. Диван, радиоприемник, телефон.
Через заднее окно виден багрово-сизый закат. Летафет, Джангир.
Летафет в крайнем волнении.

Джангир. Значит, вы пришли сюда по делу Садыхова?

Летафет (*взволнованно*). Да!

Джангир. Видно, вы очень любите мужа.

Летафет делает нетерпеливый жест. Пауза.

Джангир. Почему вы молчите?

Летафет. Дело не в любви.

Джангир. А в чем? (*Пауза.*) Конечно, он ваш муж...

Летафет (*выйдя из себя*). Что вы заладили: муж, муж...

Джангир. Но если вы не любите мужа, то почему из-за него пришли к незнакомому человеку? Или не желаете расстаться со своими драгоценностями?!

Летафет (*плаксиво*). При чем тут драгоценности? Я пришла просить о помощи.

Джангир. Но я должен понимать, в чем смысл этой просьбы, чтобы удовлетворить ее или отвергнуть. Вот я и спрашиваю. Если вы не любите своего мужа, почему так просите за него? (*Пауза.*) Может быть, он сам вас сюда послал?

Летафет. Он не знает о том, что я пришла сюда.

Джангир. Может быть, вы хотите вернуть его на путь истинный? (*Пауза.*) Может быть, жалеете его?

Л е т а ф е т. Прошу вас, не спрашивайте меня. Если в вашем сердце есть хоть тень милосердия, попытайтесь спасти Садыхова. *(Тяжелая пауза.)*

Д ж а н г и р. Так вы говорите, Садыхов не знает о том, что вы пришли сюда?

Л е т а ф е т. Клянусь вам, не знает!

Д ж а н г и р *(резко)*. А раз так, скажите правду, кто вас сюда послал?

Л е т а ф е т *(с жаром)*. Никто, я сама пришла. *(Пауза.)*

Д ж а н г и р. Вы помните, вчера у вашей тети я спросил вас, почему вы всегда не в настроении. Я задал этот вопрос не случайно. Я чувствовал, что вы чем-то расстроены. Поделитесь со мной, как с другом, как с товарищем. Вам лично, вам самой я готов оказать всяческую помощь. Может быть, вы нуждаетесь в совете? *(Пауза. Летафет колеблется, но молчит.)*

Д ж а н г и р. Если это тайна, то я даю честное слово, что она останется между нами!

Л е т а ф е т *(плачет)*. Нет... не могу... невозможно...

Д ж а н г и р. Тогда что же я могу?

Л е т а ф е т. Вы не хотите помочь Садыхову?

Д ж а н г и р. Следствие подводит нас к мысли, что Садыхов – преступник, Летафет-ханум!

Л е т а ф е т. Что же делать?

Д ж а н г и р. Если б вы доверились мне и рассказали о подлинной причине вашего прихода, может быть, я сказал бы вам, что нужно делать.

Без звонка входит Садыхов.

С а д ы х о в *(Летафет)*. Что ты тут делаешь?

Л е т а ф е т. Это тебя не касается.

С а д ы х о в *(кричит)*. Как это не касается? Муж я тебе?!

Л е т а ф е т. Да уж, конечно...

С а д ы х о в. Слава Богу, признала! *(Джангиру.)* Отвечай мне, что делает моя молодая жена в твоём доме?

Д ж а н г и р. Не кричите, я не глухой!

С а д ы х о в. А я не слепой. Отвечай! Или я сейчас все здесь разнесу!

Л е т а ф е т. Я сама сюда пришла, он ничего не знал, понял?

С а д ы х о в. Этот номер не пройдет! Отвечайте! Оба отвечайте!

Входят Шахсуваров с лейтенантом милиции.

Ш а х с у в а р о в. Что за шум, дорогие? Мы с лейтенантом шли по улице, услышали, решили взглянуть, что случилось.

С а д ы х о в. Что случилось?! Мужа запутай, а жену тащи к себе! Вот что случилось!

Ш а х с у в а р о в *(закрывает ему рот ладонью)*. Тише! Не ори! Прохожие услышат.

С а д ы х о в *(кричит)*. Пусть все слышат! Пусть видят, что вытворяют с честными людьми!

Л е т а ф е т. Ах... Если бы ты знал, как я тебя ненавижу!

С а д ы х о в. Вот как?! Здорово получается! Наряжаешься в бриллианты Садыхова, а самого его ненавидишь?!

Летафет срывает ожерелье, часы, кольца и бросает ему в голову.

Л е т а ф е т. Получай!

С а д ы х о в. И... и... потише, потише! Что ты делаешь? Не сходи с ума! Закатятся – потом ищи...

Летафет выбегает. Пауза. Садыхов подбирает рассыпавшиеся по полу драгоценности.

Ш а х с у в а р о в *(Садыхову)*. А ты – странный человек. Что ж тут такого? Она может зайти к знакомому человеку?

С а д ы х о в. С какой радости? Я ее пускал?!

Ш а х с у в а р о в. Ладно, ладно, стыдись!

С а д ы х о в. Нечего мне стыдиться. Я вас прошу, сейчас же сядьте и составьте об этом скандале акт.

Ш а х с у в а р о в. Да брось, дорогой! Это и для вас, и для товарища Джангира будет ох как нехорошо!

Д ж а н г и р (*Шахсуварову*). Обо мне-то вы можете не заботиться!

Ш а х с у в а р о в (*с улыбкой*). Как видно, вы не понимаете, что означает для вас эта ситуация.

Д ж а н г и р. Наоборот! Что означает эта ситуация, я вижу яснее вас.

С а д ы х о в. Товарищ Шахсуваров, знайте, что если даже вы не подпишете акт, я это дело так не оставлю. Все будут знать. И на вас пожалуюсь за укрывательство.

Д ж а н г и р. Садыхов! Летафет пришла сюда не для того, о чем вы думаете. Если вы этому не верите, идите и делайте, что хотите! Но чтобы убраться отсюда, я даю вам одну минуту!

С а д ы х о в. Постой... Постой... А для чего Лилечка сюда приходила?

Д ж а н г и р (*показывая на дверь*). Убирайтесь вон!

С а д ы х о в (*смотрит Шахсуварову в лицо*). А акт?! (*Шахсуваров подмигивает, чтобы он вышел. Джангиру.*) Что ж, гонишь, уйду. Но знай, что я готов на все. Ты меня еще попомнишь (*Выходит.*)

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Звонок в дверь. Дильшад, выйдя из другой комнаты, открывает дверь. Входит Забита.

З а б и т а. Здравствуйте.

Д и л ь ш а д. Здравствуй. Что случилось?

З а б и т а. Да уж случилось! И Агасалима, и Худуша посадили.

Д и л ь ш а д. Когда?

З а б и т а. Часа два назад... Даже и не знаю, что делать! Если б мальчик был хоть в чем-нибудь виноват, тогда не обидно...

Д и л ь ш а д. Какой мальчик?

З а б и т а. Да я о нашем Агасалиме говорю. Если золото ему под ноги рассыпать, он и краешком глаза не посмотрит! А поди ж ты, нет в жизни счастья. (*Шепотом.*) И Шахсуварова как будто подменили. Сегодня перед управлением сколько я ни стояла, он меня не принял.

Д и л ь ш а д. Он не виноват, Забита. Сам боится. Сейчас в городе работает большая комиссия...

З а б и т а. Одна надежда на вас, Дильшад-ханум. Надо как-нибудь вытащить. Ведь вы столько людей от таких неприятностей избавляли.

Хосров нервно входит, слышит последние слова Забиты.
Забита внутренне подбирается.

З а б и т а. Здравствуйте.

Атаев, не ответив, снимает шляпу, вешает.

Д и л ь ш а д (*делает знак Забите*). Хорошо, милая, завтра придешь, поговорим...

З а б и т а. Ну что ж... Ну что ж... (*Бочком выходит.*)

Х о с р о в (*резко*). Кто это?

Д и л ь ш а д. Что ты настроен так нервно? Знакомая. Зашла ко мне.

Х о с р о в. Я услышал ее слова...

Д и л ь ш а д. Ну и что же?

Х о с р о в. Помнишь, ты просила меня за одного человека. Тогда же я предупредил тебя, чтобы ты в такие дела не вмешивалась!

Д и л ь ш а д. Я не из тех жен, которые будут сидеть дома и готовить бозбаш! У меня есть свои интересы – гражданские интересы!

Х о с р о в. Верно, но долг гражданина – защищать народ, а не его врагов! По какому праву ты звонишь прокурору и просишь за воров, бандитов?

Д и л ь ш а д. На моем зяте нет вины! Это уловка, придуманная такими карьеристами, как Джангир, для того, чтобы выдвинуться.

Х о с р о в. Ты можешь это доказать?

Д и л ь ш а д. Доказать это – твой долг. Ты должен быть на посту. *(Пауза.)* Как только Ильдрым ступил на порог, я поняла, что в доме разразится буря...

Х о с р о в *(в глубокой печали)*. Ильдрым был прав.

Д и л ь ш а д *(вспыхнув)*. Конечно, он будет прав! Потому что он – твой брат. А я – чужая. Но в течение этих десяти лет день и ночь я заботилась о тебе, переживала за тебя. Я, а не твой брат. Я вместе с тобой переносила тяжелые дни... *(Плачет.)* Ни на одного мужчину, кроме тебя, я и краешком глаза не взглянула...

Х о с р о в. Хорошо, хорошо, успокойся...

Д и л ь ш а д *(плача)*. Я думала, ты меня любишь! Но теперь вижу, что в трудное время тебе брат хорош, а я плоха! Ну что ж, тебя можно понять: на что тебе сорокалетняя женщина, да еще бездетная?

Х о с р о в. Полно, не плачь!

Д и л ь ш а д *(плача)*. Если б у меня были сын или дочь, родня, близкие, я не была бы так беззащитна, без родных, в одиночестве... *(Ей становится дурно. Хосров в панике ищет лекарство. Наконец, Дильшад-ханум приходит в себя.)*

Х о с р о в *(беря ее за руку)*. Дильшад!

Д и л ь ш а д. Прости меня, прости...

Пауза. Дильшад встает, поправляет волосы. Вбегает взволнованный Садыхов.

Хосров, недовольный его появлением, проходит в другую комнату.

Д и л ь ш а д. Что случилось? Что ты так врываешься, уже не звоня?

С а д ы х о в. Лилечка меня погубила! Опозорила меня и перед друзьями и перед врагами...

Д и л ь ш а д. Что? Что?

С а д ы х о в. Полчаса назад один человек повел меня прямо к следователю домой. Я вошел и что увидел?! Лилечка и Джангир сидят друг против друга. Я говорю, детка, ты моя жена, что ты здесь делаешь? Говорит, не твое дело. А сейчас заявила, что больше, мол, жить с тобой не буду. Вещи собирает, хочет уйти. *(Всхлипывает.)* Вот я к вам и побежал.

Д и л ь ш а д. Слушай, ты с ума сошел! Что ты такое мелешь?

С а д ы х о в. Хорошо, что Шахсуваров был свидетелем. Иначе я сам бы решил, что сошел с ума. Ах, боже мой! Что за ужас! Ради Бога, пойдем, не дайте Лилечке уйти...

Д и л ь ш а д *(гневно)*. Да пусть убирается хоть ко всем чертям!

С а д ы х о в. Люблю ее. Не могу от нее отказаться... *(Вытирает слезы.)*

Д и л ь ш а д. Опомнись, ты мужчина!

Входит Шахсуваров.

Д и л ь ш а д. Что за безумная история, Зияд?!

Ш а х с у в а р о в. И не спрашивайте, Дильшад-ханум. На весь город мы нашумели. *(Садыхову.)* Я ведь говорил тебе, не труби ты об этом на весь свет...

С а д ы х о в. Дорогой, ну как же я мог молчать...

Ш а х с у в а р о в. Позор!..

Д и л ь ш а д. А почему вы не спросили у Лили, что она делала в доме холостого мужчины?

Ш а х с у в а р о в. Извините, что я говорю так откровенно. Когда я вошел, они оба так растерялись, что в объяснениях не было нужды.

Д и л ь ш а д *(с гневом)*. Ах, мерзавка!

Ш а х с у в а р о в. Если рассудить здраво, я Лилию не виню. Пусть и Садыхов меня простит. Лилия молодая и красивая женщина, а ему пятьдесят пять...

Д и л ь ш а д. Во всем виноват Джангир!

Ш а х с у в а р о в. Вы совершенно правы. В самом деле. Если ты – следователь и обвиняешь меня Бог знает в чем, позволь и мне спросить, что делает моя жена в твоём доме?

Садыхов вздыхает.

Д и л ь ш а д. Значит, с одной стороны, он хочет взять дочь Хосрова Атаева... А с другой стороны... *(Шахсуварову.)* Вы сообщили прокурору о поведении следователя?

Ш а х с у в а р о в. Я не хотел его подводить. Как бы то ни было, его считают женихом дочери Атаева.

Д и л ь ш а д. Вы говорите странные вещи, Зияд! Значит, Джангира поставили следователем для того, чтобы он сбивал с пути молодую женщину, разрушал семью, а мужа ее оговаривал и сажал в тюрьму?

Ш а х с у в а р о в. Потому я и пришел поговорить с товарищем Атаевым, что теперь делать.

Д и л ь ш а д. Иди, поговори! Пусть узнает, что за фрукт его любимец, которого он всем ставит в пример.

Шахсуваров проходит в другую комнату.

С а д ы х о в. Ради Бога, пойдите, не дайте Лилечке уйти. Потом я уже не смогу ее вернуть.

Д и л ь ш а д. Без моего разрешения она никуда уйти не сможет.

Входит Рейхан.

Р е й х а н. О... Садыхов... Вы здесь, оказывается...

С а д ы х о в. То есть как это?

Р е й х а н. Да так... Говорят, вы разыграли в нашем новом парке какую-то странную комедию.

С а д ы х о в. Лежачего не бьют, Рейхан-ханум!

Р е й х а н. Кто лежачий? Вы? Да ведь у вас такие связи...

С а д ы х о в. Неужели вы не верите тому, что я видел собственными глазами?

Р е й х а н. Вы верьте, кому хотите, только не своим собственным глазам...

С а д ы х о в. Да что вы! Почему?

Р е й х а н. Потому что ваши глаза различают только черное!

Д и л ь ш а д (Рейхан). Зато узнали мы парня, которого различили твои глаза!..

Р е й х а н. Если бы Джангира было так легко узнать, я бы его не любила!

Д и л ь ш а д. Хватит иронизировать!

Р е й х а н. Почему вы правду принимаете за иронию?!

Д и л ь ш а д. Другая девушка на твоём месте стыдилась бы людям в глаза смотреть.

Р е й х а н. Вы-то всем смотрите прямо в глаза?!

Входит Джангир. Напряженная пауза. Дильшад вне себя быстро уходит в другую комнату.
Садыхов неуверенно идет за ней.

Д ж а н г и р. Кажется, я помешал не на шутку. Ты знаешь, что случилось час назад?

Р е й х а н. Знаю, все знаю. (*Берет его за руку.*) Надеюсь, это представление не помешает тебе сесть и послушать. Я хочу сыграть сонату «Когда расцветает сирень», которую мы слушали вместе на концерте в день нашей первой встречи...

Усаживает Джангира рядом с собой, начинает играть,
вдруг оборачивается.

Р е й х а н. Неужели ты расстроен? Это же обыкновенные пауки!

Д ж а н г и р. Пауки порой заползают в такие места и такую паутину там развешивают, что
только диву даешься.

Р е й х а н (*перестав играть*). Что случилось, Джангир?

Д ж а н г и р. Арестованные мною сегодня люди говорят о вашей семье. Один из них, по имени Агасалим, не перестает в буквальном смысле слова вопить, что он в доме Садыхова дал Дильшад-ханум бриллиантовое кольцо стоимостью в несколько тысяч рублей.

Р е й х а н (*вставая*). Значит, буря разразилась. Я ждала ее.

Д ж а н г и р. Если ты что-то чувствовала, почему вовремя не известила отца? Я убежден, что он ничего не знает.

Р е й х а н. Я известила отца. Однако он увидел в моих словах неприязнь падчерицы к мачехе и не придал им значения. Тогда я написала обо всем дяде Ильдырму и попросила, чтобы он приехал сюда сам.

Д ж а н г и р. Ага, значит, ты написала?!

Р е й х а н. Я видела, как тучи сгущаются над головой отца. Есть ли более тяжкое горе, чем видеть, как самый дорогой тебе человек катится в пропасть, а ты не можешь ему помочь?

Пауза.

Д ж а н г и р. Я не могу найти слов, Рейхан. Во время следствия, каждый раз, когда я вписывал в протокол вашу фамилию, мне казалось, что в мое сердце втыкается игла.

Входит Мехриджан с букетом сирени.

М е х р и д ж а н. Что вы такие печальные? Разве можно грустить весной? Чутьходишь в садик, аромат сирени просто опьяняет. Вы слышите, соловей поет?

Р е й х а н. Ты вроде как в лихорадке, Мехриджан. Ты случайно не больна?

М е х р и д ж а н. Больна? *(Смеется.)* Напротив! Я теперь чувствую себя бодрее, чем всегда. Мне кажется, что сейчас я способна горы своротить. И я довольна собой. Ведь я люблю сильных людей! *(Входит Ильдрым Атаев. Мехриджан протягивает ему веточку сирени.)* Пожалуйста, я сорвала ее с вашего куста.

И л ь д р ы м. Спасибо.

Короткая пауза.

Д ж а н г и р. Мне сказали, что вы хотели меня видеть.

И л ь д р ы м. Да. Надеюсь, девушки нас простят.

М е х р и д ж а н. Пожалуйста.

Ильдрым с Джангиром проходят в другую комнату.

Р е й х а н. Что с тобой, Мехриджан! Почему ты плачешь?

М е х р и д ж а н *(улыбаясь сквозь слезы)*. Увы, женщина всего лишь женщина! Пошли в садик. Здесь душно.

Р е й х а н. Пошли! *(Пауза. Они уходят рука об руку.)*

Входят Ильдрым с Джангиром.

Д ж а н г и р. Вы не хотите спуститься в садик?

И л ь д р ы м. Нет уж, идите вы в садик. *(Шутливо.)* Весна принадлежит молодости.

Д ж а н г и р. Будто вы такой уж старик. Хорошо, я пойду.

Ильдрым, опершись на подоконник, смотрит в сад. Потом в глубокой печали проходит в другую комнату. Сцена на мгновение остается пустой. Затем входит Дильшад, берет что-то в большом шкафу, и в это время появляется Летафет с чемоданом в руке.

Д и л ь ш а д. Что такое? Куда это ты собралась?

Л е т а ф е т. Я ушла из дому.

Д и л ь ш а д. Почему?

Л е т а ф е т. Не хочу с ним жить.

Д и л ь ш а д. Вот как! *(Пауза.)* Скажи-ка мне, что ты делала у Джангира? *(Пауза.)* Почему ты не отвечаешь?

Л е т а ф е т. Чего ты от меня хочешь?

Д и л ь ш а д. Несчастья тебе хочу, горя тебе хочу. Поняла? Сейчас же возвращайся домой!

Л е т а ф е т. Не пойду.

Д и л ь ш а д. Тебе говорю, сию минуту вернись!

Л е т а ф е т. Умру – не вернусь!

Д и л ь ш а д. Что?! Ты это мне? *(Бьет ее по лицу.)* Стерва! Я виновата, что такую суку, как ты, сделала человеком и вывела в люди. Бесстыжие твои глаза! *(Уходит в другую комнату.)*

Пауза. Входит Шахсуваров.

Ш а х с у в а р о в. Лиля! Что с тобой? Что это за чемодан?

Л е т а ф е т. Я ушла от Садыхова, Зияд.

Ш а х с у в а р о в *(меняется в лице)*. Как ушла?

Л е т а ф е т. Навсегда ушла.
Ш а х с у в а р о в. Я ведь просил тебя, подожди месяц-другой.
Л е т а ф е т. Не смогла ждать.
Ш а х с у в а р о в *(со вздохом)*. Ну ладно, раз ушла, поживи пока здесь, потом посмотрим, что делать.
Л е т а ф е т. Здесь остаться мне невозможно.
Ш а х с у в а р о в. Почему?
Л е т а ф е т. Тетя не пустит. *(Пауза.)*
Ш а х с у в а р о в. Что же ты хочешь делать?
Л е т а ф е т. Я от тебя жду ответа на этот вопрос, Зияд.
Ш а х с у в а р о в. Сейчас? Что я могу сделать сейчас?
Л е т а ф е т. У тебя в Баку есть квартира. Пошли меня туда.
Ш а х с у в а р о в. Да ты с ума сошла! Садыхов весь город перевернул. Против следователя дело поднял. А я тебя спрячу в своей квартире?
Л е т а ф е т. Но что же мне тогда делать?
Ш а х с у в а р о в. Вернись домой. Как-нибудь уломай этого идиота. Помиришься с ним. Временно. Понимаешь?
Л е т а ф е т. Я этого не сделаю, Зияд!
Ш а х с у в а р о в. Тогда пеняй на себя. Я не могу погубить себя из-за твоего каприза.
Л е т а ф е т. Зачем ты это говоришь? Ты же знаешь, что я не допущу, чтобы твоей ноги коснулся хоть камушек.
Ш а х с у в а р о в. Чтобы моей ноги коснулся камушек, ты не допустишь, а чтобы голова моя слетела, допускаешь, причем охотно. Я на службе, ты понимаешь это?
Л е т а ф е т. Но ведь ты говорил, что любишь меня?
Ш а х с у в а р о в. Начинается. Я говорил, а ты не слушала бы.
Л е т а ф е т. Я тебя не узнаю, Зияд.
Ш а х с у в а р о в. Ты знаешь, у меня нет времени на объяснения. Или ты останешься здесь на несколько месяцев, или мы друг друга не знаем. Ясно?
Л е т а ф е т. Ясно, Зияд.

Шахсуваров, круто повернувшись, уходит в другую комнату. Летафет смотрит ему вслед долгим бессмысленным взглядом. Потом выбегает в дверь.
Пауза.

М е х р и д ж а н *(доносится ее голос)*. Смотрите, смотрите! Она хочет броситься!
Р е й х а н *(дико кричит)*. Джангир, догони ее, до-го-ни!
Ш а х с у в а р о в. Что такое?! *(Выбегает.)*

Сбегаются Хосров, Ильдрым, Дильшад, Садыхов.
Свет гаснет и зажигается. Летафет вносят в полубморочном состоянии.

С а д ы х о в. Несчастья валятся на меня. Не везет мне, не везет. *(Летафет приходит в себя.)*
Лилечка, что ты со мной делаешь?
Ш а х с у в а р о в. Летафет-ханум, как вы себя чувствуете?
Л е т а ф е т *(поднимаясь)*. Почему «Летафет-ханум»? Ты же всегда говоришь мне «Лиля»?!
Ш а х с у в а р о в *(протягивает ей стакан с водой)*. Выпейте, успокойтесь.
Л е т а ф е т. Это же не шампанское.
С а д ы х о в. Лилечка! Что ты говоришь? Разве ты не видишь товарища Атаева?
Л е т а ф е т. Вижу и хочу, чтобы он тоже знал обо мне и Зияде Шахсуварове. Потому что впервые я увидела Зияда Шахсуварова в этом доме! Его признание в любви услышала в этом доме!
Ш а х с у в а р о в. Она с ума сошла!
Д и л ь ш а д *(Летафет)*. Не болтай глупостей! Вставай и иди в другую комнату!
Х о с р о в *(властно)*. Оставь ее! Я тебя слушаю, Летафет.
Л е т а ф е т. Спасибо.
Х о с р о в. А что ты ответила Шахсуварову?

Л е т а ф е т (*с иронией*). Что могла ответить женщина, каждый день глядевшая на физиономию Садыха Садыхова? Что она могла ответить на слова такого красивого парня, вашего приятеля и гостя, да еще занимающего большой пост в большом городе?

С а д ы х о в. Мерзавка! Все это не может тебя оправдать.

Л е т а ф е т. Кто говорит, что я хочу оправдаться? Вы сами видели, что если б не этот молодой следователь, меня бы не было в живых. Но вы не знаете, что спастись от смерти – значит второй раз родиться на свет. (*Короткая пауза.*) Как странно. Это действительно так, оказывается. Я еще час назад умирала от тоски по Зияду Шахсуварову, а теперь мне кажется, что вечность прошла.

Ш а х с у в а р о в. Летафет!

Л е т а ф е т. Что? Или ты не можешь этого вынести молча? У тебя же на боку пистолет. Почему ты меня не застрелишь? Не можешь застрелить. Потому что ты труслив, как лиса! Если собрать всех подлецов на свете, они будут просто детьми перед тобой. Я жизнь свою, душу свою бросила к твоим ногам. И ты не упустил своего – растоптал их. Долго топтал. Но я рада, что не умерла. Я вас обоих – тебя и смерть – ненавижу.

Входит капитан с двумя милиционерами.

К а п и т а н. Здравия желаю. Прошу прощения за столь несвоевременный приход, товарищ Атаев. (*Шахсуварову.*) Именем закона вы арестованы. Сдайте оружие!

Ш а х с у в а р о в. Вы с ума сошли, что ли?

К а п и т а н. Сдайте оружие!

Ш а х с у в а р о в. На каком основании?

К а п и т а н. Вот основание. Прошу. (*Предъявляет ордер. Шахсуваров делает шаг к двери. Сержант преграждает ему дорогу.*)

К а п и т а н. Поздно! Вы были правы, товарищ Атаев. Агасалим и Худуш во всем признались. (*Садыхову.*) Прошу вас, наденьте шляпу.

С а д ы х о в (*глуповато*). Зачем?

К а п и т а н. Потому что и вас я попрошу следовать за нами. Если вы хотите сказать что-нибудь своей жене, пожалуйста.

С а д ы х о в. У меня нет жены...

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Дом Атаева. Входит возбужденная Дильшад.

Д и л ь ш а д (*сама себе*). В эти два дня все перевернулось. Земля уходит из-под ног. И поделиться-то не с кем. (*Пауза, звонок в дверь.*) Войдите!

Входит Забита. Увидев ее, Дильшад принимает надменный вид.

Д и л ь ш а д. В такое время мы вас не ждали.

З а б и т а. Я пришла за бриллиантовым кольцом, которое вы взяли в доме Садыхова.

Д и л ь ш а д. А вы разве не подарили мне его?

З а б и т а. Мы думали, рука руку моет, а обе руки – лицо. Ну, а раз не так, верни нам нашу вещь!

Д и л ь ш а д (*гневно*). Нечего сказать! Твой муж - мир разорил, а ты еще на люди выходишь!

З а б и т а. А когда ты получала кольцо, муж был хорош?

Д и л ь ш а д. Не болтай и убирайся отсюда!

З а б и т а. Не очень-то ты разорайся! Меня зовут Забита! Нашу собственность верни, а то подавишься...

Д и л ь ш а д. Если ты сию минуту не уберешься, я вызову милицию и отправлю тебя к твоему мужу!

З а б и т а. Не трудись. Шахсуваров уже не начальник. Милиция тебя не послушает. А ну, быстро, отдавай кольцо! Не то я тут все переверну!

Хосров выходит из другой комнаты.

Х о с р о в. Что ты кричишь, сестрица, что случилось?

З а б и т а (*опустив голову*). Ничего. Свою вещь просим.

Х о с р о в. Кто вы, сестрица?

З а б и т а. Жена Агасалима.

Х о с р о в. Которого арестовали?

З а б и т а. Да.

Х о с р о в. А что вы у нас делаете?

З а б и т а (*потеряв терпение*). Как это, что делаю? Я в доме Садыхова сняла с пальца пятитысячное кольцо и дала вашей жене...

Х о с р о в. Зачем?

З а б и т а. Ну какая разница, зачем? Дала и все. Сами не знаете?

Пауза. Дильшад, решительно пройдя в другую комнату, выносит и бросает кольцо в Забиту.

Д и л ь ш а д. Возьми и убирайся к черту, бессовестная! Это я виновата, что от таких подлецов, как вы, принимала подарки.

З а б и т а (*выходя, в дверях*). Мы думали, рука руку моет, а обе руки – лицо.

Выходит. Пауза.

Х о с р о в. Рука руку моет, а обе руки – лицо... Кольцо Агасалима, жулика и вора, выносят из моего дома. Преступники – Шахсуваров, Садыхов – взяты под арест в моем доме... Что это? Как получилось, что они узнали мою дверь? (*Дильшад*.) Я тебя спрашиваю. Как это получилось?

Д и л ь ш а д. Я пожинала то, что ты посеял... Если Шахсуваров, Садыхов – люди, не достойные того, чтобы знать твою дверь, зачем ты посадил каждого из них во главе учреждения?

Х о с р о в (*потрясенно*). Верно. Это верно. Если я не знал до сих пор, кто они такие, значит виноват. Но ты-то? Ты почему пользовалась этой ошибкой? Ведь ты всегда клялась, что любишь меня.

Д и л ь ш а д (*мрачно*). Я не знала, что ты такой трус.

Х о с р о в. Что? Я трус? (*Пауза*.) Впрочем, если ты и права, то слава Богу. Я боюсь упреков совести и суда народа. Значит, я не безнадежен. А вот ты, видно, ничего не боишься, потому что никого и ничего не любишь.

Д и л ь ш а д. А кого мне любить? За десять лет жизни с тобой что я видела, чтобы теперь любить это и бояться потерять?

Х о с р о в. А что ты хотела увидеть?

Д и л ь ш а д. Другие мужья не задают своим женам таких вопросов...

Х о с р о в. Если ты была недовольна своим мужем, почему никогда ни слова не сказала?

Д и л ь ш а д. Я знала, что это бесполезно.

Х о с р о в. Ведь когда мы поженились, я был простым инженером.

Д и л ь ш а д. Тогда я молчала, оттого что ты простой инженер. Потом увидела, что твое возвышение все равно не привело ни к каким переменам.

Х о с р о в. Ага! Значит, ты думала, что, когда я займу высокий пост, мы будем жить с нянями, домработницами, у ворот будет стоять «Волга»? Не так ли? Вот какая ты, оказывается!

Д и л ь ш а д. Поздно же ты меня узнал!

Х о с р о в. Хоть и поздно, больше я тебя здесь видеть не хочу! Ты мне больше не жена. Уходи из моего дома!

Д и л ь ш а д. Ты понимаешь, что делаешь?

Х о с р о в. Уходи сию же минуту!

Входит Ильдым. Короткая пауза. Дильшад выходит.

И л ь д р ы м. Что случилось?

Х о с р о в. Я погиб, брат. Моя десятилетняя семейная жизнь оказалась фальшью. Наше имя запятнано! Пусть меня судит народный суд. *(Обхватив голову руками, падает на стул. Пауза.)* Народ учил нас на свои трудовые деньги, доверил нам высокие посты; мне вручена судьба большого города. А я? Почему ты молчишь, Ильдрым? Или я уже не стою правдивого слова?!

И л ь д р ы м. Ты сам все сказал, Хосров. Мне нечего добавить.

Х о с р о в. Нет! Ты здесь представляешь правительство. Ты должен сказать что-то.

И л ь д р ы м. Я потребовал твоего отстранения.

Тяжелая пауза.

Х о с р о в. Спасибо, брат! Спасибо, что не был слаб и малодушен. Если бы я вовремя прислушался к твоим словам, все было бы иначе.

И л ь д р ы м. Я уезжаю, Хосров. Партия, народ справедливы. Если тебя накажут, будь мужествен, брат мой! А теперь давай обнимемся! Вот так, как в детстве. Что это, у тебя на глазах слезы?

Х о с р о в. Поезжай, Ильдрым. Доброго пути.

Проходит в другую комнату. Пауза. Входит Мехриджан.

И л ь д р ы м. Как хорошо, что вы пришли. Не повидаться с вами перед отъездом было бы для меня тяжким горем. *(Короткая пауза.)* Надеюсь, вы не будете вспоминать обо мне дурно.

М е х р и д ж а н. Никогда.

И л ь д р ы м. Будьте здоровы. Счастливы. Знайте, что где-то есть человек, который будет радоваться тому, что вы счастливы.

Входят Рейхан и Джангир.

Р е й х а н. Дядя, вы уезжаете?

И л ь д р ы м. Да. Ты береги отца. Он очень страдает. Пусть не падает духом. Не суметь исправить ошибку хуже, чем ошибиться. Предки говорили: храбрец не тот, кто никогда не падает с коня, а тот, кто упал, но снова сел в седло среди огня.

Р е й х а н. Мой отец всегда был мужественным человеком. Он встанет, не упадет, не остановится на полпути! И друзья, и враги еще увидят, что свет в семье Атаевых не погас!

Ты всегда со мной

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гасанзаде	–директор завода.
Хуршуд	–его покойная жена.
Айдын	–его сын.
Наргиля	–молодая девушка.
Назакят	–ее мать.
Фарадж	–муж Назакят-ханум.
Фараджев	–начальник отдела кадров.
Блондинка	
Рабочие	–молодежь.

Вокзал. Через минуту отойдет поезд. Провожающие уже вышли. На переднем плане Гасанзаде. Он кому-то улыбается, это очень грустная улыбка. Мимо проходит Наргиля. Увидев Гасанзаде, девушка останавливается, но Гасанзаде ее не замечает. Для него не существует сейчас ничего и никого, кроме человека, на которого устремлен его взгляд.

А й д ы н. Иди, отец. Жарко.
Г а с а н з а д е. Будешь ложиться, закрой окно.
А й д ы н. Не беспокойся.
Г а с а н з а д е. Не пей холодной воды, ты ведь только после ангины.
А й д ы н. Я же сказал... будь спокоен.
Г а с а н з а д е. Не забудь...
А й д ы н. Хорошо, хорошо, отец... Иди. *(Поезд трогается.)* Приеду, дам телеграмму... Береги себя, отец!

Гасанзаде молча машет рукой. Стук колес постепенно затихает. Гасанзаде, глубоко вздохнув и опустив голову, направляется к выходу в город. Наргиля вся подается вперед, словно хочет сказать ему что-то очень важное, но Гасанзаде проходит мимо.

Наргиля провожает его долгим, печальным взглядом.

Сцена меняется... Гасанзаде проходит к себе на веранду, останавливается. Достает папиросы. Курит глубокими, частыми затяжками, задумчиво поглядывает на свисающие над верандой веточки ивы...

Наргиля стоит на балконе напротив веранды Гасанзаде и смотрит на него. Гасанзаде ее не видит. Он погружен в свои невеселые думы. Где-то вдалеке возникает тихая музыка. Кажется, что звучит она с незапамятных времен и будет звучать вечно.

На сцене темнеет. Музыка стихает. В прозрачном, голубоватом свете появляется Хуршуд.

Х у р ш у д. Ну что ты такой грустный? Айдын уже не ребенок...
Г а с а н з а д е. Мы расстались впервые... За двадцать два года...
Х у р ш у д. Дети вырастают... дети уходят...
Г а с а н з а д е. Да, это так.
Х у р ш у д. Знаю, трудно тебе одному.
Г а с а н з а д е. Что делать?
Х у р ш у д. Ты должен был жениться.
Г а с а н з а д е. В ту последнюю ночь ты сама сказала: не надо.
Х у р ш у д. Я ошиблась.
Г а с а н з а д е. Все равно, я бы не смог.
Х у р ш у д. Ты должен был жениться.

Короткая пауза. Снова музыка.

Тебе трудно с Айдыном. Он такой беспокойный.
Г а с а н з а д е. Он часто болел.
Х у р ш у д. Бессонные ночи...
Г а с а н з а д е. Это естественно. Потом школа. Шалости. Жалобы учителей. Вспомнить страшно. Но все это в прошлом. Он оправдал наши заботы.
Х у р ш у д. Наши? Нет, твои. Ему было два года, когда вы остались вдвоем.
Г а с а н з а д е. Но я не мог заменить тебя. Я часто нервничал, срывался... Он ждал тебя, плакал... А раз пришел: «Я маму видел у ворот. Она наверное, не знает, где мы живем».
Х у р ш у д. Не надо... Ты всегда был сильным... Не надо.
Г а с а н з а д е. Человек меняется.
Х у р ш у д. Женись.
Г а с а н з а д е. Поздно.
Х у р ш у д. Сорок шесть лет – не старость! *(Короткая пауза.)*
Г а с а н з а д е. Я слишком любил тебя.
Х у р ш у д. Говорят, любовь, как человек: живет, старится и умирает.
Г а с а н з а д е. Может быть... Но, наверное, двадцати лет для этого мало. Я понимал – ему нужна мать. Но не смог... Не сумел...

Звонок в дверь. Музыка умолкает. Свет, падающий на Хуршуд, меркнет. Гасанзаде открывает дверь. Входит Наргиля, в руках у нее газеты и журналы.

Н а р г и л я (*стараясь справиться с волнением*). Вот ваши газеты. Почтальон просил передать... Вас не было дома... Ну и вот... Поэтому принесла я.

Г а с а н з а д е. Да, да... Спасибо. (*Берет газеты и журналы.*) Вы – дочь соседа?

Н а р г и л я. Нет, не дочь. Он мой отчим.

Г а с а н з а д е. Учитесь в школе?

Н а р г и л я. Школу окончила, а в институт не попала.

Г а с а н з а д е. Почему?

Н а р г и л я. Не хватило одного балла. По английскому. Противная такая, вместо четверки тройку вкатила.

Г а с а н з а д е. Мне кажется, так говорить о педагоге не очень хорошо.

Н а р г и л я (*смуценно*). Простите...

Г а с а н з а д е. Ничего. Хорошо подготовитесь, на следующий год попадете.

Н а р г и л я. Да уж, попаду!

Г а с а н з а д е. Ну... духом падать не следует. А сейчас чем занимаетесь?

Н а р г и л я. Ничем.

Г а с а н з а д е. Работать не хотите?

Н а р г и л я. Ходили с мамой к вам на завод. Сказали не требуется.

Короткая пауза.

Г а с а н з а д е. Нарядчицей пойдете?

Н а р г и л я. Если вы советуете... Пойду...

Г а с а н з а д е. А вы действительно хотите работать?

Н а р г и л я. Хочу.

Г а с а н з а д е (*снимает трубку*). Алло, Фараджев! (*Свет падает на Фараджеву, держащего телефонную трубку.*) К тебе придет одна девушка, ее зовут... Как вас зовут?

Н а р г и л я. Наргиля... Гусейнова.

Г а с а н з а д е. Наргиля Гусейнова. Оформите ее нарядчицей.

Ф а р а д ж е в. С-слушаюсь, товарищ директор. (*Гасанзаде кладет трубку. Свет, падающий на Фараджеву, гаснет.*)

Н а р г и л я. Вот видите, а нам сказал, что мест нет.

Г а с а н з а д е. Завтра выходите на работу. Ваш оклад шестьдесят рублей.

Н а р г и л я. Это не имеет значения.

Г а с а н з а д е. Вы так богаты?

Н а р г и л я. Я получаю пенсию... За отца.

Г а с а н з а д е. Ваш отец умер?

Н а р г и л я. Он погиб на фронте, когда мне и года не было. (*Гасанзаде закуривает.*) Куда уехал ваш сын?

Г а с а н з а д е. В Башкирию. На работу.

Н а р г и л я. Навсегда?

Г а с а н з а д е. Кто знает. Пока на три года.

Н а р г и л я. Он инженер?

Г а с а н з а д е. Инженер-нефтяник.

Н а р г и л я. Вы скучаете?

Г а с а н з а д е. Скучаю.

Н а р г и л я. Может, вам чем-нибудь помочь?

Г а с а н з а д е. Спасибо. Я привык управляться сам.

Н а р г и л я. Знаю. Вы всегда вставали раньше сына и готовили ему завтрак..

Г а с а н з а д е. Верно.

Н а р г и л я. Я наблюдала за вами, а вы не замечали.

Г а с а н з а д е. Замечал.

Н а р г и л я. Правда? А мне казалось, вы и не подозреваете, что я существую.

Г а с а н з а д е. Ну почему же? Разве мы не соседи?
Н а р г и л я. Конечно... Соседи... *(Короткая пауза.)* Я всегда радовалась, когда приезжал ваш сын.

Г а с а н з а д е *(шутливо)*. Правда?
Н а р г и л я *(уловив интонацию Гасанзаде)*. За вас радовалась.
Г а с а н з а д е. За меня?
Н а р г и л я. Ну да. Вы сразу становились разговорчивым, шутили, смеялись. А без него вы все сидели в этом кресле, курили. Что-то все думали...

Г а с а н з а д е. Что еще остается делать старикам?
Н а р г и л я. Вы – старик?
Г а с а н з а д е. Конечно.
Н а р г и л я. Вы считаете меня глупой девчонкой?
Г а с а н з а д е. Ни в коем случае.
Н а р г и л я. Так почему же вы так со мной говорите?
Г а с а н з а д е. Но ведь я сказал о себе, почему это вас обидело?
Н а р г и л я. Не обидело, а просто... Вы не должны со мной так говорить.
Г а с а н з а д е. Простите.
Н а р г и л я. Не стоит извиняться...
Г а с а н з а д е. Вы много читаете?
Н а р г и л я. Почему вы спрашиваете?
Г а с а н з а д е. Просто интересно.
Н а р г и л я. Последний роман, который я одолела, был «Муха-цокотуха». Я люблю математику. Ничего из того, что относится к математике и физике, я не пропускаю.

Г а с а н з а д е. Ах, вот как!
Н а р г и л я. Никак не могу убедить эту противную англичанку, что английский мне ни к чему.
Г а с а н з а д е *(смотрит на нее)*. Ну-ну...
Н а р г и л я. Не буду... Не буду. Честное слово. *(Гасанзаде курит, незаметно наблюдая за ней.)*
Н а р г и л я. Господи, до чего же вы на сына похожи!
Г а с а н з а д е. Скорее, он на меня.
Н а р г и л я *(смеется)*. Да, конечно. Он даже курит так же, как вы. *(Показывает, как именно.)*
Г а с а н з а д е. А разве он курит?
Н а р г и л я *(спохватившись)*. Нет, нет... Я только раз видела. Наверное, не всерьез. Он тут же закашлялся, бросил... Правда.

Г а с а н з а д е. Раз вы говорите...
Н а р г и л я *(внимательно смотрит на него)*. Нет! Я обманула вас. Он докурил папиросу до конца.

Г а с а н з а д е *(шутливо)*. И не закашлялся?
Н а р г и л я. Нет. Ну какой вред может быть такому огромному парню от маленькой папиросы? Не думайте об этом.

Г а с а н з а д е. Ладно. Постараюсь.
Н а р г и л я. У него все будет хорошо, просто замечательно. Он же счастливый.
Г а с а н з а д е *(воодушевляясь)*. Вы так думаете?
Н а р г и л я. Конечно. Здоровый, умный, красивый. И имеет такого отца. Что еще нужно для счастья?

Г а с а н з а д е. Много... Очень много нужно для счастья. Если говорить всерьез, то прежде всего знать, что ты нужен людям...

Н а р г и л я. Людям?
Г а с а н з а д е. Вы не согласны?
Н а р г и л я. Нет. Просто я их ненавижу. Всех.
Г а с а н з а д е. Всех?
Н а р г и л я. Кроме вас, конечно. И этих двух несчастных...
Г а с а н з а д е. Кто эти несчастные?
Н а р г и л я. Сурик и мама. Сурик моя подруга. Мы вместе кончили школу. Правда, она немного легкомысленна... А мама... Мама моя несчастна, потому что безвольна. Боязлива. Прошу вас, не надо больше говорить об этом. Не хочу портить вам настроение.

Г а с а н з а д е. Ничего. Я не такой уж чувствительный.

Н а р г и л я. Я знаю. Вы...
Г а с а н з а д е. Поговорим лучше о вас.
Н а р г и л я. Если бы моя жизнь чего-нибудь стоила...
Г а с а н з а д е. Кто сказал, что ваша жизнь ничего не стоит?
Н а р г и л я. Мама. Отчим. Пошлые мальчишки, эта уродливая англичанка, которая вклеила мне тройку. Все, все. *(Бросается в кресло и, закрыв лицо руками, плачет.)*
Г а с а н з а д е. Ну, вот... Только этого не хватало.
Н а р г и л я. А вам, правда, интересна моя жизнь?
Г а с а н з а д е. Конечно.
Н а р г и л я. Представьте, я была очень счастливой девчонкой. А когда мама вышла замуж, стала смеяться все реже и реже.

Музыка смолкает. На сцене совсем темно, из темноты доносятся слова Наргили.

Н а р г и л я. Я жила тоскливо, безрадостно...

Сцена освещается, она разделена на две части: столовая в доме Наргили и ее комната. Наргили хлопочет по хозяйству. Она все делает быстро, но равнодушно. Чувствуется, что это ей бесконечно надоело. Назакят-ханум накрывает на стол. Наргили ставит на стол графин.

Н а з а к я т. Ну какая же ты неловкая. Опять придется менять скатерть.

Н а р г и л я. Из-за одного пятнышка?

Н а з а к я т. Ты же знаешь его характер. Господи, соленья забыли!

Выходит. Девушка грустно смотрит ей вслед и вздыхает. Включает приемник.
Играет музыка. Входит встревоженная Назакят.

Н а з а к я т. Что ты делаешь? *(Выключает приемник.)* Ты же знаешь, он не выносит музыки... Особенно на голодный желудок. *(В коридоре слышны тяжелые мужские шаги.)* Идет. *(Умоляюще смотрит на дочь. Наргили уходит к себе.)*

Входит Фарадж. В глазах Назакят, устремленных на мужа, напряженное ожидание. Фарадж снимает соломенную шляпу, передает жене и выходит на кухню... Назакят идет за ним. Слышно, как Фарадж умывается, громко фыркая. Наргиле невыносимо слышать эти звуки. Назакят входит с кастрюлей и осторожно ставит ее на стол. Появляется Фарадж, помахивая мокрыми руками.

Ф а р а д ж. Полотенце!

Назакят быстро приносит. Фарадж, утершись, возвращает полотенце, а Назакят уносит, возвращается и стоит, ожидая. В ее позе – покорность и страх.

Ф а р а д ж. Перец!

Н а з а к я т. Видишь... Опять забыла... *(Быстро приносит перец. Пауза.)*

Наргили в своей комнате. Пытается читать, это ей не удается.
Чувствуется, что все происходящее в соседней комнате мучительно для нее.

Ф а р а д ж. Компот. *(Назакят приносит. Фарадж, отхлебнув, поднимает на жену сердитый взгляд.)* Теплый!

Н а з а к я т. Я сегодня поздно пришла с работы.

Ф а р а д ж. А она что делала?

Н а з а к я т. Она ходила к подруге заниматься.

Ф а р а д ж. Живет, как в гостинице.

Н а з а к я т. Сейчас поставлю в холодильник.

Ф а р а д ж. Чаю!

Н а з а к я т. Сейчас вскипячу.

Ф а р а д ж *(зло)*. Вскипячу! Ты ей сказала?

Н а з а к я т. Нет еще.

Ф а р а д ж. Скажи. Сейчас же.

Уходит. Назакят смотрит ему вслед. Лицо у нее жалкое, растерянное.
Наргиля выходит из своей комнаты.

Н а р г и л я. Что ты мне должна сказать?
Н а з а к я т. Ничего.
Н а р г и л я. Неправда. Ну говори же, чего ты молчишь?
Н а з а к я т. Поттише!
Н а р г и л я. А я не хочу тихо. Разве я не у себя дома? Не в доме своего отца?
Н а з а к я т. Доченька...
Н а р г и л я. Никогда. Никогда я этого не пойму. Ты красивая, молодая. Как ты могла полюбить его!
Н а з а к я т. Нет. Я его не люблю. И никогда не любила. Ты уже выросла, девочка, и я могу тебе это сказать.
Н а р г и л я. Так почему же ты вышла за него замуж?
Н а з а к я т. Я была так одинока.
Н а р г и л я. Одинока? Ты работала!
Н а з а к я т. Днем. А ночью... Одна и та же мысль сверлила мне мозг. Его нет, он больше никогда не придет. Одна во всем мире. Одна. Везде, во всем я чувствовала его отсутствие. Мне казалось... Вся жизнь ушла вместе с ним. Каждую ночь он звал меня, и я просыпалась в холодном поту. А ты... тогда еще совсем несмышлениш. Ты улыбалась, а меня охватывал страх. Я боялась потерять и тебя. Одиночество сводило меня с ума. Я не могла так жить. Пойми...
Н а р г и л я. Не надо... мама...
Н а з а к я т. Если бы не это, я бы никогда не изменила памяти твоего отца.

Пауза. Слышна музыка. Постепенно она затихает. На сцене темно.
Когда зажигается свет, мы видим Гасанзаде. Он курит, слушая Наргилю.

Н а р г и л я (*вздыхая*). Я верила маме. Она часто плакала тайком над фотографией отца. Мне было жаль ее, но ее рабская покорность бесила меня. И вот однажды...

Затемнение. Когда сцена освещается, мы видим столовую в доме Наргили.
Вечер. Фарадж и Назакят разговаривают, стоя друг против друга. Наргиля в своей комнате полулежит на кровати. Она заснула, уронив на грудь книгу.

Ф а р а д ж. Ну, ты сказала?
Н а з а к я т. Это же дом ее отца. Просто взять и сказать – уходи?!
Ф а р а д ж. Брось чушь молоть. Какая разница, где жить. Пусть идет к тетке.
Н а з а к я т. Я не могу... Не могу.
Ф а р а д ж. Конечно, она тебе дочь, а остальные дети – чужие!
Н а з а к я т. Что ты говоришь...
Ф а р а д ж. Ты о них не думаешь. Девчонка одна занимает целую комнату. А мы впятером ютимся в двух клетушках. Детям заниматься негде. (*Зло.*) Это тебя не касается?
Н а з а к я т. Они всегда учат уроки у Наргили. Она им помогает...
Ф а р а д ж. Брось ты эти сказки. Я не хочу, чтобы она здесь оставалась! Понимаешь, не хочу, и все! Или она, или я!

Быстро выходит из комнаты. Назакят долго смотрит ему вслед. Потом идет в комнату Наргили, садится около дочери и, не отрываясь, смотрит на нее. Опять слышна та же музыка. Время как бы останавливается. Наргиля, проснувшись, затуманенными глазами смотрит на мать. Ей не хочется расставаться со сном.

Н а р г и л я (*садится*). Какие бывают удивительные сны!
Н а з а к я т. Что же ты видела?
Н а р г и л я. Иду я по лесу... Куда-то спешу. И вдруг навстречу мне – военный. Седой весь. И ты вдруг откуда-то появилась. Он остановился и смотрит на меня, а глаза у него грустные. Ты говоришь: «Не узнала? Твой отец!» А я думаю, какой красивый...
Н а з а к я т. Когда он уходил на фронт, ему было 23 года. Он не был седым...

Наргиля встает, подходит к зеркалу. Внимательно разглядывает себя, поет.

Не с тишиной, а с ветром был знаком
Ты, словно сокол, устремившись к цели.
Недаром же вослед тебе тайком
Весною ранней девушки глядели...

С врагом ты бился, не жалея сил.
Покуда пуля не пронзила сердце.
И над тобой степной орел парил,
Как будто потерял единовеца.

Под деревом раскидистым тебя
Похоронили в тихий час рассвета.
Бессонный ветер, листья теребя,
Оплакивал ночами горе это.

Разбив врага, знакомою тропой
Друзья твои приходят понемногу...
А тот орел все кружит над тобой,
И все зовет, зовет тебя в дорогу.

В соседней комнате появляется Фарадж. Песня Наргили
выводит его из себя.

Ф а р а д ж (*кричит*). Назакят! Дай мне боржом! (*Не глядя на нее.*) Сказала?

Назакят, вздрогнув, бежит за бутылкой.

Н а з а к я т. Нет.

Ф а р а д ж. Почему?

Н а з а к я т. Я не могу сказать.

Фарадж спокойно пьет боржом, поднимается, подходит вплотную к жене,
и, отчетливо выговаривая каждое слово, произносит.

Ф а р а д ж. Еще раз повторяю – или я, или она! Ночевать не буду. Утром позвонишь на работу,
скажешь, как решила. (*Надевает шляпу и торжественно выходит.*)

Н а з а к я т (*замерла на месте*). Ох...

Н а р г и л я (*входит*). Чего это он опять?

Н а з а к я т. Наргиля! Доченька! Переезжай к тете, она одинокий человек...

Н а р г и л я. Ага... Значит, так...

Н а з а к я т. А я... все равно... я буду заботиться о тебе по-прежнему.

Н а р г и л я. Нет, я никуда не уйду. Это дом моего отца. Уходите вы...

Н а з а к я т (*растерянно*). Ты одна, а нас пятеро...

Н а р г и л я. Нас?! Ты же говорила, что ты его не любишь?!

Н а з а к я т (*кричит*). У нас дети!

Н а р г и л я. У нас!

Н а з а к я т. Как ты смеешь? Ты разговариваешь с матерью.

Н а р г и л я. Нет, я разговариваю с женой Фараджа.

Н а з а к я т (*мягко*). Ты уже взрослая, ты должна понять...

Н а р г и л я. Я тебя не обвиняю в том, что ты вышла замуж.

Н а з а к я т. Может быть, ты сомневаешься, что я люблю тебя?

Н а р г и л я. И в этом я не сомневаюсь.

Н а з а к я т. Так в чем же ты обвиняешь меня?

Н а р г и л я. В рабстве.

Н а з а к я т. Чья я раба?

Н а р г и л я. Этого негодяя. Он запугал тебя. Сколько лет уже ты не осмеливаешься заговорить
со мной в его присутствии – боишься разгневать повелителя. Еще, чего доброго, бросит.

Н а з а к я т. Подумай, что ты говоришь! Вместо того, чтобы посочувствовать матери...
Пожалеть...

Н а р г и л я. Жалеть можно калеку, больного, убогого! Но того, кто сам делает себя несчастным...

Н а з а к я т. Ты презираешь меня?..

Н а р г и л я. Прости.

Н а з а к я т. Если бы не война... Если бы не война, все было бы по-другому.

Н а р г и л я. Об этом говорить поздно... Значит, ты и твой муж хотите, чтобы я ушла из этого дома?

Н а з а к я т. Я? Нет... Пойми...

Н а р г и л я. Я поняла. Ты не можешь себе представить, как хорошо я все поняла.

Н а з а к я т. Он ушел. Если ты останешься, он не вернется. У меня трое детей...

Н а р г и л я. Не надо о детях... Прикрываться детьми, когда совершаешь подлость! Достаточно того, что этим занимается он.

Н а з а к я т. Я виновата перед тобой.

Н а р г и л я. Прошу тебя, умоляю тебя, перестань говорить об этом. Ты говоришь – уйди... Я уйду.

Укладывает чемодан.

Н а з а к я т *(сквозь слезы)*. Один Бог знает, как мне тяжело. Ты – мой первенец, его дочь.

Н а р г и л я *(кричит)*. Перестань! Я же сказала, не смей об этом.

Пауза. Слышится негромкая музыка. И снова кажется, что звучит она со дня сотворения мира и будет звучать всегда. Наргиля снимает со стены портрет отца, кладет в чемодан. Достает из шкафа несколько галстуков, стряхивает с них пыль.

Н а з а к я т. Оставь мне один его галстук.

Н а р г и л я. Тебе останется его дом.

Н а з а к я т. Ты безжалостна.

Не слушая матери, Наргиля медленно окидывает взглядом стены.

Н а р г и л я *(как бы сама с собой)*. Бабушка говорила, что папа родился в этой комнате... Потом здесь был его кабинет...

Н а з а к я т. Был...

Музыка умолкает.

Н а р г и л я *(с угрозой)*. Если вы вздумаете устроить здесь спальню, я по суду отберу у вас дом. А теперь прощай. *(Уходит.)*

Назакят в отчаянии смотрит ей вслед. Темнеет. Кажется, что стены сдвигаются, идут на нее. И вместе с ними к ней в полумраке приближается Фарадж.
Назакят со страхом смотрит на него.

Н а з а к я т. Ушла!

Свет гаснет. Когда сцена освещается снова, видна полутемная комнатка. Наргиля в новом доме. Железная кровать, прикрытая ветхим, но очень чистым покрывалом. Рядом – старый диван. Над кроватью портрет молодого офицера – отца Наргили. Небольшой столик под белой скатертью, рядом два стула. Наргиля в халатике прибирает комнату. Звонит телефон. Наргиля берет трубку, одновременно свет выхватывает из темноты телефонную будку. В будке молоденькая крашеная блондинка, очень модно одетая, возле нее два не менее современных юнца; один из них держит девушку за руку.

Б л о н д и н к а. С новосельем, Нана!

Н а р г и л я. Стоит ли поздравлять с таким новосельем?

Б л о н д и н к а. О чем ты говоришь? Ты теперь свободна, как птичка. Никто у тебя не спросит: почему рано ушла, почему поздно пришла. Блеск! Я просто умираю от зависти!

Н а р г и л я. Правда?!

Б л о н д и н к а. Клянусь! Нана...

Н а р г и л я. Что?

Б л о н д и н к а. Быстренько одевайся, мы ждем тебя у кафе «Наргиз».

Н а р г и л я. Кто это мы?
Б л о н д и н к а. Придешь, увидишь. (*Глядя на молодого человека.*) Тебя ждет сюрприз.
Н а р г и л я. Какой сюрприз?
Б л о н д и н к а. Я сказала: придешь – увидишь.
Н а р г и л я. Ты с кем?
Б л о н д и н к а. Я с Додиком.
Н а р г и л я. С каким Додиком?
Б л о н д и н к а. Ты что, не знаешь этого оболтуса?
Н а р г и л я. Как тебе не стыдно, Сурик!
Б л о н д и н к а. А что с ним стесняться... Ой! (*Молодой человек больно сжимает ей руку.*)
Н а р г и л я. Что случилось?
Б л о н д и н к а. Ты же знаешь, какой он дикарь. Ну вот, у «сюрприза» уже лопнуло терпение.

Второй парень берет трубку и поет:

Время мчится,
Дни – как птицы.
Мы становимся мудрей!
Жизнь – стакан воды,
Который
Нужно выпить поскорей.
Может, завтра вспышка света
Озарит проем дверей,
И – к чертям планета
Эта...
Жизнь – стакан воды,
Который
Нужно выпить поскорей!

Блондинка подхватывает:

Ах, ужасная картина!
Больше чуда ждать нельзя.
Нам кикимора вкатила
Всем по троечке,
Друзья!
Плакал вуз.
Как там ни сетуй,
Как душою ни криви!..
Отомстим уродке этой –
Пей до дна
Бокал любви!

Б л о н д и н к а. Нана, быстрее! Ждем!

Будка погружается в темноту. Сейчас освещена только комната Наргили. Она медленно снимает халатик, достает нарядное платье. В нерешительности вынимает из сумочки помаду, подкрашивает губы. Подумав, резким движением стирает помаду. Расчесывает волосы, закалывает их и выходит.

Сцена темнеет. Когда она вновь освещается, зритель видит декорацию первого действия. Веранда в доме Гасанзаде, вечернее солнце золотит ветви ивы, склонившейся над верандой. Гасанзаде курит. Наргиля стоит перед ним, нервно перебирая веточку ивы...

Г а с а н з а д е. Так вы не пошли к ним?

Н а р г и л я (*не глядя ему в лицо*). Я пришла сюда. (*Пауза. Бросив веточку.*) Почему вы не спрашиваете – зачем?

Г а с а н з а д е. Разве гостю задают такие вопросы?

Н а р г и л я. Я не в гости пришла. Просто я не могла не прийти. Мне захотелось услышать ваш голос. Вы – самый лучший из людей.

Г а с а н з а д е (*удивлен ее порывом*). Вы так думаете? Спасибо. Но... Не слишком ли поспешно вы судите о людях... Вы еще так мало знаете их.

Н а р г и л я. Я знаю достаточно. Конечно, я столько наболтала здесь, что дала вам повод считать меня глупой и наивной девчонкой.

Г а с а н з а д е. Нисколько. Я считаю вас умной девушкой.
Н а р г и л я (*испытующе смотрит на него*). Правда?
Г а с а н з а д е. Правда.
Н а р г и л я. В первый раз мне сказала это бабушка. И вот вы. Обычно я слышу совсем другое.
Г а с а н з а д е. От кого?
Н а р г и л я. Хотя бы от моего отчима. Он всегда говорит, что я глупая, ленивая, распушенная.
Когда мне исполнилось шестнадцать лет, он стал уговаривать маму побыстрее сбить меня с рук...
Пора, мол, замуж...
Г а с а н з а д е. И он это говорил при вас?
Н а р г и л я. Он это говорил мне. При маме.
Г а с а н з а д е. Что же мама?
Н а р г и л я. Она боится его.
Г а с а н з а д е. В жизни и такое бывает... Я бы на вашем месте не торопился осуждать маму.
Н а р г и л я. Если бы он был человеком, а то ведь хуже не бывает: скупой, мелочный, завистливый.
Г а с а н з а д е. Спокойнее. Не надо так... Вы же обещали.
Н а р г и л я. Простите, но я не могу спокойно.
Г а с а н з а д е. Начнете работать. Познакомитесь с новыми людьми. И все это отойдет на второй план... И постепенно забудется.
Н а р г и л я. Я никого не хочу видеть, кроме вас. Ни видеть, ни слышать – никого!
Г а с а н з а д е. Ну, зачем же так?
Н а р г и л я. Я никому не верю!
Г а с а н з а д е. Почему же вы верите мне?
Н а р г и л я. Не знаю. (*Пауза.*) Но это так. Если бы все эти годы я не видела вас каждый день, не знаю, что бы я натворила. А насчет почтальона я тогда все наврала. Он и не думал болеть. Я сама подкараулила его и попросила, чтобы он отдал мне ваши газеты.
Г а с а н з а д е. Ну что ж, так или иначе, рад с вами познакомиться.
Н а р г и л я. Спасибо. (*Смотрит на Гасанзаде. Короткая пауза.*) Таким я вас себе и представляла.
Г а с а н з а д е. А почему, собственно, я должен быть другим?
Н а р г и л я (*с улыбкой*). Действительно. (*Оглядывает комнату.*) Можно, я здесь немножко приберу?
Г а с а н з а д е. Право, не хочется вас затруднять.
Н а р г и л я. Мне хочется сделать для вас... Хоть что-нибудь. И не отказывайте мне в этом.
Г а с а н з а д е. Ну, ладно. Раз уж вам так хочется. Приведите в порядок мои книги. А мне пора на завод. Будете уходить, захлопнете дверь.
Н а р г и л я. Хорошо.

Гасанзаде уходит в другую комнату. Наргиля идет к книжному шкафу, одну за другой достает книги, в беспорядке лежащие на полках, просматривает названия. Из книги, выпадает засохший цветок. Девушка наклоняется, поднимает его, нюхает. С большим пакетом в руках входит Гасанзаде.

Что это за цветок?

Г а с а н з а д е. Это эдельвейс. Он растет высоко в горах.
Н а р г и л я. Какой странный. Уже совсем сухой, а пахнет. Будто только что сорвали.
Г а с а н з а д е. Да. Уж такой это цветок. Аромат остается навсегда.

Уходит. Наргиля задумчиво кладет цветок между страницами, осторожно закрывает книгу. Вытирает пыль, ставит на плиту чайник.
Она все время напевает, весело и бездумно.

Звонок. Наргиля радостно бросается открывать.
Входит Назакят. Напряженная пауза.

Н а з а к я т (*строго*). Что ты здесь делаешь?
Н а р г и л я. Просто так... Пришла...
Н а з а к я т. Просто так? Девушка в доме у холостого мужчины?
Н а р г и л я (*спокойно*). Он устраивает меня на работу.
Н а з а к я т. Что это вдруг? Откуда он тебя знает?

Н а р г и л я. Я сама с ним познакомилась.
Н а з а к я т. Ты сошла с ума. У него сын такой, как ты.
Н а р г и л я (*спокойно*). Ошибаешься. Его сын на три года старше меня.
Н а з а к я т. И давно ты с ним познакомилась?
Н а р г и л я. Нет... Всего час назад.
Н а з а к я т. Немедленно убирайся отсюда.
Н а р г и л я (*улыбаясь*). Я не уйду, пока не уберу здесь.
Н а з а к я т. Ты что, издеваешься над матерью? Подумай, что скажут люди.
Н а р г и л я. Мне все равно.
Н а з а к я т. Мне говорили, что ты сумасшедшая, я не верила.
Н а р г и л я. Напрасно.
Н а з а к я т. Если ты сейчас же не уйдешь отсюда, я вызову милицию.
Н а р г и л я (*смеясь*). Что же ты не вызвала милицию, когда твой муж выгонял меня из дому?
Н а з а к я т. То, что ты делаешь, безнравственно и непристойно.
Н а р г и л я. А пристойно издеваться, заставлять работать на себя, а потом, как кошку, вышвырнуть на улицу! Мне и тринадцати не было, а я уже стирала белье, нянчила его детей. С утра до поздней ночи вертелась, как белка в колесе, лезла из кожи вон, чтобы угодить. А в награду получала взгляды, от которых стыла кровь в жилах... Напрасно ты пришла, мама.
Н а з а к я т. Что ты говоришь? Можно подумать, тебя морили голодом, избивали.
Н а р г и л я. Разве обязательно бить, чтобы унижить? Есть много способов и пострашнее. С детства мне внушали, что я ничтожество, что я никому не нужна. Лишняя! На каждом шагу меня преследовали эти белые, как у мороженого судака, глаза. Даже засыпая, я чувствовала на себе их взгляд... Ни одного доброго слова за всю жизнь! Так что ты хочешь мне сказать, мама?
Н а з а к я т (*плачет*). Опомнись, доченька! Не делай меня несчастной.
Н а р г и л я. Оставь меня в покое. Тебе хватает забот. Кроме меня, у тебя трое.
Н а з а к я т. Наргиля, доченька!
Н а р г и л я. Иди, мама.
Н а з а к я т. Дай слово, что не будешь ходить сюда.
Н а р г и л я. Я подумаю.
Н а з а к я т. Дай слово!
Н а р г и л я. Подумаю.
Н а з а к я т. Ну, смотри, сама будешь во всем виновата.

Назакят уходит. Пауза. Возвращается Гасанзаде.

Г а с а н з а д е. Вы еще здесь? Что случилось? Почему вы такая грустная?
Н а р г и л я. Я вот думаю: исчезнет ли когда-нибудь рабство?
Г а с а н з а д е (*шутя*). По-моему, с рабством у нас давно покончено.
Н а р г и л я. Я не о том. Я о душевном рабстве. Об этом унижительном чувстве страха, зависимости слабого перед сильным. Исчезнет ли это?
Г а с а н з а д е. Конечно. Только не сразу. Это не просто – уничтожить то, что тысячелетиями жило в людях. На нашем заводе вы встретите ребят, которые никого не боятся, ни перед кем не унижаются. Узнаете их и поймете, что рабство, страх не имеют ничего общего с законами нашей жизни, с человеческой природой.
Н а р г и л я. Потому что вы там директор!
Г а с а н з а д е. Какое это имеет значение?
Н а р г и л я. Огромное. Когда я, бывало, смотрела на вас... я думала: человек с такими сильными, красивыми руками ничего не боится, но он никогда не станет запугивать, подавлять других. Такие руки могут быть только у самого сильного, доброго и смелого человека.

Короткая пауза.

Г а с а н з а д е (*меняя тему разговора, осматривает комнату*). Вот это порядок!
Н а р г и л я (*обрадованно*). Вам нравится?
Г а с а н з а д е. Конечно.

Н а р г и л я. Я и диван передвинула. Ничего?

Г а с а н з а д е. Просто замечательно. Именно здесь его место. Лежи и поглядывай сквозь эти ветви – на небо, на звезды... Я бы никогда не сообразил.

Н а р г и л я. Правда, красиво. Особенно в лунные ночи, когда все кругом... *(Спыхватывается.)*

Г а с а н з а д е. А вы поэт...

Н а р г и л я. Вы шутите.

Г а с а н з а д е. Нет, не шучу.

Н а р г и л я. Никто никогда этого во мне не замечал. Даже я сама...

Г а с а н з а д е. А ваш друг?

Н а р г и л я. У меня нет друга.

Г а с а н з а д е. Почему?

Н а р г и л я. Я встречалась с одним. Все ведь встречаются. Ну и я. Девчонкам он нравился... Оказалось – дурак. Корчил из себя Дон-Жуана... Выгнала. Это давно было, я вас еще не знала. Я говорю правду.

Г а с а н з а д е. Верю.

Н а р г и л я. Я никогда, никогда не скажу вам неправды. И вообще... Я ненавижу ложь. Ложь – это как страх. Ведь так?

Г а с а н з а д е. Да, это так. Почти так.

Пауза.

Н а р г и л я. Я чай заварила.

Г а с а н з а д е. Неужели? Как же вы догадались, что мне хочется чаю?

Н а р г и л я. Нести?

Г а с а н з а д е. Несите.

Наргиля приносит чай, сахар, печенье.

Н а р г и л я. Хороший чай?

Г а с а н з а д е. Отличный. А себе?

Н а р г и л я. Мне? Мне пить чай при вас?

Г а с а н з а д е. Ну, конечно. А что в этом такого? *(Пауза. Наргиля молчит.)* Принесите же себе.

Наргиля выбегает, приносит второй стакан чаю и, пододвинув стул, садится напротив Гасанзаде. Чувствуется, что все происходящее – для нее настоящий праздник. Девушка старается казаться серьезной, но губы ее сами собой складываются в улыбку. Она не знает, как вести себя. Гасанзаде это чувствует.

Н а р г и л я. Вы не очень задумывайтесь... над тем, что я вам тут наговорила. Мне тоже иногда везет. Вот сейчас исполнилось самое заветное мое желание. Я сижу рядом с вами, слушаю вас. *(Опустив глаза, тихо.)* Последние два года я ни разу не ложилась спать раньше вас.

Г а с а н з а д е *(смеясь)*. Поздненько же вам приходилось укладываться. *(Пауза.)*

Н а р г и л я. О чем вы думаете?

Г а с а н з а д е. Я думаю... Странная штука жизнь. Как бы ты ни был предан прошлому... дорогому, очень дорогому тебе прошлому, кем бы ты ни был, каким бы большим делом ни занимался, – узнаешь, что ты нужен кому-то, что кто-то думает о тебе, и душе становится теплее.

Звонит телефон. Наргиля вскакивает, снимает трубку.

Н а р г и л я. Гасанзаде? Сейчас.

Гасанзаде подходит к телефону. Наргиля протягивает ему трубку.
Чувствуется, что девушке это очень приятно.

Г а с а н з а д е. Пусть выгружают. Через полчаса буду.

Н а р г и л я. С работы?

Г а с а н з а д е. Да. Прибыли новые станки.

Н а р г и л я *(нерешительно)*. Тогда я... пойду.

Г а с а н з а д е. Итак, завтра приступайте к работе. Смотрите, поначалу вам будет нелегко.
Н а р г и л я. Ну, что ж. Работают же люди. А вы мне разрешите иногда заходить к вам?
Г а с а н з а д е. Разумеется.
Н а р г и л я. Нет. Не иногда. Чаше. Каждый день!
Г а с а н з а д е. Пожалуйста.
Н а р г и л я. Только не думайте обо мне плохо.
Г а с а н з а д е. Почему я должен плохо думать о вас?
Н а р г и л я. Правда, почему?.. *(Короткая пауза.)* Верьте, я никогда не оставалась наедине с посторонним мужчиной.
Г а с а н з а д е. А если бы и оставались. Разве мужчины – людоеды?
Н а р г и л я *(смущенно)*. Нет, конечно... Но вообще-то плохих больше, чем хороших.
Г а с а н з а д е. Это не так, Наргиля. У плохого – короткий век.
Н а р г и л я. Неправда. Еще какой длинный! Вот мой отец. Умный, сильный, добрый – погиб. А Фарадж живет. И еще сто лет проживет.
Г а с а н з а д е. Да ведь дело не в том, кто сколько проживет. вспомните эдельвейс. Весь высох, а аромата не потерял, и до сих пор способен доставлять радость. Так и люди. Некоторых даже нет в живых, а память о них помогает нам жить, думать, любить.
Н а р г и л я *(шепотом)*. Правда. Если бы я не помнила все время об отце. *(Плачет.)* Не знаю, что со мной было бы. Но я ничего, ничего не сделала такого, что могло бы оскорбить его память. А знаете, кто мне помог в этом? *(Гасанзаде вопросительно смотрит на нее.)* Вы! *(Короткая пауза.)* Я смотрела на вас... Мысленно беседовала... Советовалась с вами. И все мои горести, обиды становились такими маленькими... И я сама начинала удивляться, как могла придавать им такое значение.

Телефонный звонок. Гасанзаде берет трубку.

Г а с а н з а д е. Слушаю... Еду, еду.
Н а р г и л я. Я вас задержала. Извините.
Г а с а н з а д е. Ничего.
Н а р г и л я. Спасибо. Большое спасибо.
Г а с а н з а д е. И вам спасибо.
Н а р г и л я. До свидания.
Г а с а н з а д е. До свидания.

Наргиля уходит. На сцене темнеет, и в темноте слышен возмущенный голос Наргили.

Н а р г и л я. Я думала, на свете только один Фарадж.

Освещаются сцена, Наргиля и стоящий против нее Фараджев.

Н а р г и л я. Меня направил директор, Гасанзаде.
Ф а р а д ж е в. П-по-нимаю. Т-то-лько вы опоздали. Нужно было в-в-чера прийти... Сегодня уже п-п-поздно.
Н а р г и л я. А я з-за-заболела. Я же вам сказала.
Ф а р а д ж е в. Это ваше дело.
Н а р г и л я. Что мое дело? То, что я заболела?
Ф а р а д ж е в. А что, может быть, это мое дело, что вы заболели?
Н а р г и л я. Именно. Ваше. Такие Фараджи могут довести не то, что до болезни, до могилы. С вами надо бороться.
Ф а р а д ж е в. Во-первых, я не Фарадж. А Бадал. Это моя фамилия Фараджев.
Н а р г и л я. Все равно вы Фарадж!

Наргиля хватается телефонную трубку, Фараджев пытается ей помешать.

Ф а р а д ж е в. Не тро... трогайте, вам здесь не телефон-автомат.

Н а р г и л я. Уберите руки! Я директору буду звонить. (*Фараджев отдергивает руку. Наргиля набирает номер.*) Извините. Я вас опять беспокою. Тут у вас в отделе кадров тоже нашелся Фарадж. Не допускает к работе! Говорит, место уже занято! Сейчас передам. (*Передает трубку Фараджеву.*)

Ф а р а д ж е в. С... с... слушаю, товарищ директор. Вы говорили, девушка придет... А эта... к... какая-то не... ненормальная!

Н а р г и л я. Это вы ненормальный! (*Фараджев подносит трубку к ее лицу, чтобы директор мог слышать ее крик.*) Вы – Фарадж!

Ф а р а д ж е в. Меня зовут Бадал.

Н а р г и л я. Нет. У таких, как вы, одно имя.

Ф а р а д ж е в (*в трубку*). Слышали, т... товарищ директор? Что? Приказ! Слушаюсь...

Отнимает трубку от уха, но не решается опустить ее. Потом резко бросает на рычаг. Свет гаснет. Когда он зажигается, зрители видят комнату Гасанзаде. Звучит музыка первого акта. Гасанзаде стоит у окна и задумчиво смотрит вдаль. В руке у него папироса. Он глубоко вздыхает и оборачивается. В дверях появляется Хуршуд.

Г а с а н з а д е. От Айдына до сих пор ничего нет, только телеграмма, что доехал.

Х у р ш у д. Не волнуйся. Просто он еще не устроился.

Г а с а н з а д е. Не могу не волноваться. В голову лезут разные мысли. (*Короткая пауза.*) Если бы ты была с нами...

Х у р ш у д. Ты сделал для сына все, что мог. Теперь Айдын должен думать о тебе.

Г а с а н з а д е. У него достаточно своих забот. А что у меня на душе, об этом никто не знает...

Только ты.

Х у р ш у д. Трудно одному.

Г а с а н з а д е. Я не один. У меня завод, работа.

Х у р ш у д. Ты все тот же.

Гасанзаде устало опускается на диван.

Г а с а н з а д е. Устал... Почти полтора плана! Что сегодня на заводе творилось!

Х у р ш у д. Всегда это был праздник и для меня. В такие дни ты весь будто светился радостью.

Г а с а н з а д е. Еще бы! Работа и ты – из вас состояла вся моя жизнь. (*Короткая пауза.*) Тебя нет. И все равно, все эти годы ты помогала мне. Казалось, ты все видишь, радуешься нашим успехам...

Он постепенно засыпает. Музыка становится чуть громче.

Да... Да... Я помню... Ты часто пела эту песню.

Свет меркнет и мелодия постепенно переходит в песенку, которую когда-то пела Хуршуд. Кажется, что эта песенка из другого мира. Свет становится ярче, и мы видим Гасанзаде лежащим па диване. Хуршуд уже нет возле него. Тихо отворяется дверь, входит Наргиля с письмом в руке. Она останавливается, не отрывая глаз от лица Гасанзаде, осторожно приближается к нему и склоняется, чтобы прикоснуться губами к его лицу.

Он шевельнулся во сне, девушка испуганно отстраняется.

Гасанзаде спит. Наргиля приносит из комнаты одеяло и осторожно укрывает его. Берет со стола стакан с остывшим чаем, выносит на кухню. Снимает скатерть, встряхивает, стелет снова. Потом подходит к дивану и с величайшей осторожностью присаживается возле спящего. Вынимает из кармана письмо, аккуратно разглаживает. Взгляд Наргили прикован к лицу Гасанзаде. Она поднимает руку и осторожно касается его волос. Слышится музыка первого акта. Свет меркнет, за окном темнеет. Видны отдаленные вспышки молнии.

Наконец становится совсем темно, и вдруг яркая молния освещает фигуру Наргили. Она стоит в дверях с ребенком на руках. Гасанзаде подходит к ней. Наргиля отстраняется, грозит пальцем, знаками объясняет Гасанзаде, что ребенок спит и кладет его в кроватку...

Полузакрыв глаза, Наргиля приближает свое лицо к лицу Гасанзаде. Слышен раскатистый удар грома. Вспышка молнии, Наргиля в испуге вскакивает с дивана. Гасанзаде вздрагивает и открывает глаза. Увидев рядом Наргилю, он сначала ничего не понимает... Потом, осознав происходящее, с улыбкой смотрит на девушку. Откидывает одеяло, встает.

Г а с а н з а д е. Бывают же такие счастливые сны.

Н а р г и л я. Что же вы видели?

Г а с а н з а д е (*иутя*). Если сон расскажешь, он не исполнится. Расскажите лучше, где вы были, что делали?

Н а р г и л я. Почему вы не хотите рассказать мне свой сон?

Гасанзаде зажигает папиросу. Сильный удар грома.
Ветер рвет ветви ивы.

Г а с а н з а д е. Будет ливень. А что это у вас в руках?
Н а р г и л я. Письмо. Письмо от вашего сына. Только что я встретила почтальона.

Гасанзаде уже не слушает ее, он жадно читает письмо.
Прочитав, складывает и опускает в карман.

Н а р г и л я. Что он пишет?
Г а с а н з а д е. Все хорошо. Назначили старшим инженером нефтяного промысла.
Н а р г и л я. Квартиру дали?
Г а с а н з а д е. Дали.
Н а р г и л я. Все будет отлично. Он умный парень.
Г а с а н з а д е. Это вы меня укрыли?
Н а р г и л я (*кивает*). Я.
Г а с а н з а д е. Садитесь, пожалуйста.
Н а р г и л я. Не надо.
Г а с а н з а д е. Почему?
Н а р г и л я. Потому что вы меня не любите.
Г а с а н з а д е (*удивленно*). Я вас не люблю?
Н а р г и л я. Не в том смысле не любите.
Г а с а н з а д е. А в каком смысле?
Н а р г и л я (*зло*). Ну, как я!
Г а с а н з а д е (*шутливо*). Как вы, я любить не могу. Вы – молодые.
Н а р г и л я. А вы – старые?
Г а с а н з а д е. Во всяком случае, на двадцать шесть лет старше вас.
Н а р г и л я. Во-первых, не на двадцать шесть, а на двадцать пять. Мне позавчера исполнилось девятнадцать.
Г а с а н з а д е. Значит, мы с вами родились в один день. Позавчера мне стукнуло сорок шесть.
Н а р г и л я. Подумаешь, сорок шесть. Это совсем не много. И вообще... Я не понимаю, что это вы вдруг заговорили о возрасте?
Г а с а н з а д е (*улыбаясь*). Возраст – это факт. А факты, говорят, упрямая вещь.
Н а р г и л я. Для того, кто любит, возраст не имеет значения.
Г а с а н з а д е. Это так кажется. Я тоже в девятнадцать лет был влюблен в женщину, которая была старше меня на двадцать четыре года.
Н а р г и л я. Ну, а потом?
Г а с а н з а д е. Потом... Я женился на матери Айдына.
Н а р г и л я. Вы женились по любви?
Г а с а н з а д е. Да.
Н а р г и л я. Значит, первая любовь лопнула, как мыльный пузырь.
Г а с а н з а д е. Не знаю... Может быть...
Н а р г и л я. А как же та женщина?
Г а с а н з а д е. Ей сейчас семьдесят лет.
Н а р г и л я (*вдруг*). Что вы этим хотите сказать?
Г а с а н з а д е. Ничего... Так, к слову пришлось.
Н а р г и л я. Любите вы меня или не любите, я вас не то что до семидесяти, до ста лет буду любить. И потом... Я раньше вас состарюсь и умру. Вот увидите. (*Короткая пауза*). И прошу вас, никогда, слышите, никогда не говорите со мной об этом. Хорошо?
Г а с а н з а д е. Хорошо. Не буду. (*Закуривает.*)

С улицы слышна мелодия «Карагиля», сильный мужской голос поет с чувством, проникновенно. Лицо Наргили каменеет.
Гасанзаде прислушивается.
Рашид поет.

Вы его знаете?

Н а р г и л я. Видела на заводе. Самодовольный мальчишка.

Г а с а н з а д е. Самодовольный? Вы его с кем-то путаете.

Н а р г и л я. Нет, не путаю. Смазливый, немножко поет и воображает, что ему нет равных. (*Не слушая песню, встает.*) Вам нужно что-нибудь подогреть?

Г а с а н з а д е. Нет. Вы лучше как-нибудь сварите кофе по-турецки.

Н а р г и л я. Я быстро...

Г а с а н з а д е. Нет. Не сейчас... У меня совещание.

Н а р г и л я. Стоит мне прийти, и вы сейчас же уходите – то собрание, то совещание. А я вот в школе всегда удирала с собраний.

Снова слышна песня Рашида. Лицо Наргили снова становится ледяным.

Н а р г и л я. Кажется, этот электросварщик решил устроить целый концерт.

Г а с а н з а д е. Молодой парень... Хочется – поет.

Н а р г и л я. Подумаешь, если молодой, так нужно петь с утра до вечера?

Г а с а н з а д е. Пусть поет. Молодость сама – песня.

Н а р г и л я (*недовольно*). Не знаю. Ваши сравнения до меня не доходят. Пока! (*Хочет уйти.*)

Г а с а н з а д е. Подождите, вы обиделись? Почему?

Н а р г и л я. Потому что вы совсем, ну ни капельки не считаетесь со мной.

Г а с а н з а д е. Не понимаю.

Н а р г и л я. Что тут понимать? Я ведь просила вас не говорить о возрасте. Молодой – старый... Вы же обещали.

Г а с а н з а д е. Простите, забыл. Склероз.

Н а р г и л я. Вот видите, опять. Вы просто неисправимы. Хорош склероз, когда на заводе вы всех знаете по имени-отчеству.

Г а с а н з а д е. Кто вам сказал?

Н а р г и л я. Люди говорят. Не затыкать же уши?

Г а с а н з а д е. Нет, отчего же, хорошее нужно слушать.

Н а р г и л я (*смеется*). Вот видите, вы и сами признали, что хороший.

Г а с а н з а д е. Нет, я не в том смысле.

Н а р г и л я. Все. Кончили. Эту тему считаем исчерпанной. Я пошла.

Быстро идет к двери. Вдруг поворачивает, медленно приближается к Гасанзаде и, остановившись напротив него, смотрит ему в лицо... Потом опускает глаза, берет Гасанзаде за руку, крепко-крепко пожимает ее и быстро выходит. Гасанзаде поднимает руку, которую только что пожаловала девушка, внимательно разглядывает ее. Мысли его далеко. Он опускается на диван и закрывает глаза. Сейчас он кажется и очень усталым и постаревшим. Слышится музыка первого акта. Свет постепенно гаснет. Сцена освещается – мы видим комнату Наргили. Мурлыча песенку, девушка возится с тестом. Лицо у нее счастливое. Звонит телефон. Наргиля быстро берет трубку. Сейчас освещена она и – на другом конце провода – блондинка с двумя ультраэlegantными молодчиками.

Б л о н д и н к а. Здравствуй, Нана. Ты куда пропала?

Н а р г и л я. Почему пропала? Я же работаю.

Б л о н д и н к а. Скажите пожалуйста. Она работает.

Н а р г и л я. А что, нет?

Б л о н д и н к а. Говорят, ты встречаешься с директором цементного завода?

Н а р г и л я. Не встречаюсь. Я его люблю... Понимаешь, люблю.

Б л о н д и н к а. Понимаю: серебряные волосы, волевое, не потерявшее свежести лицо! Машина, положение, деньги. (*Шепотом.*) Наверное, он большой развратник.

Н а р г и л я (*строго*). Я запрещаю тебе так говорить о нем.

Б л о н д и н к а. Может, ты собралась за него замуж? Ну, что ты молчишь?

Н а р г и л я. Извини, Сурик. Мне сейчас некогда. Позвони позже.

Парни делают блондинке знак, настаивая на чем-то.

Б л о н д и н к а. А сегодня в клубе моряков танцы. Придешь?

Н а р г и л я. Танцы?

Б л о н д и н к а. Ага...

Н а р г и л я. Нет, не приду.

Б л о н д и н к а. Ты становишься просто старомодной. Ну, ладно... Пока!

Парень отнимает у нее трубку, кричит: «Прощай, Нана!» Будка погружается

во мрак. Наргиля кладет трубку и возвращается к столу. Входит Назакят.
В руках у нее сверток в белой салфетке.

Н а з а к я т. Здравствуй, доченька!
Н а р г и л я. Здравствуй, мама.
Н а з а к я т. Твои любимые пирожки.
Н а р г и л я. Спасибо. Что, Фарадж в командировке?

Назакят, пряча глаза, утвердительно кивает.

Н а р г и л я. Напрасно ты это делаешь.
Н а з а к я т. Зачем ты так? Мстишь мне?
Н а р г и л я. Я не собиралась тебе мстить, мама.
Н а з а к я т. Ты о себе подумай. Сын начальника Фараджа хотел к тебе свататься, а как узнал твою историю с Гасанзаде, сразу передумал.
Н а р г и л я. Тебе это сказал Фарадж?
Н а з а к я т. Какое это имеет значение?
Н а р г и л я. Нет, я просто так.
Н а з а к я т. Фарадж клялся, убеждал его, что этого не может быть.
Н а р г и л я. Зачем же Фарадж говорит неправду?
Н а з а к я т. Опомнись. Еще не поздно. Не буду читать тебе нотации. Я только прошу тебя, подумай, чем все это может кончиться? Ты молода, красива. Ты можешь быть счастливой. Он хороший парень, с высшим образованием.
Н а р г и л я. Конечно. С высшим образованием. Ах, ах!
Н а з а к я т. Ты меня доведешь до того, что я наложу на себя руки.
Н а р г и л я (*удивленно*). Из-за меня?
Н а з а к я т. Ты – моя дочь, я тебя родила.
Н а р г и л я. Ну, что ж, я могла и не родиться. Ты скажи Фараджу, что мне не нужен сын его начальника.
Н а з а к я т. Ну, что ж! Знай – после этой истории ни один парень не захочет и взглянуть в твою сторону. За это я тебе ручаюсь.
Н а р г и л я. Неужели ты этим хочешь меня испугать?
Н а з а к я т. Ладно. Увидим.

Она уходит. Наргиля продолжает возиться с тестом. Свет меркнет. Когда сцена вновь освещается, зрители видят веранду в доме Гасанзаде. Наргиля накрывает стол белой скатертью, расставляет посуду. Наливает в графин воду. Ставит цветы в вазочку. Раздается звонок. Девушка бежит к двери. Входит Гасанзаде. Он очень устал, но не хочет этого показать.

Г а с а н з а д е (*глядя на стол*). Вот это сюрприз.
Н а р г и л я. Я для вас приготовила кофе по-турецки.
Г а с а н з а д е. Удивительная вы девушка.
Н а р г и л я. Это в каком же смысле?
Г а с а н з а д е. В самом прямом. Вы – умная, красивая, внимательная.
Н а р г и л я. Поклянитесь, что вы не шутите. И что это сказано не так... между прочим. И не оттого, что вы меня жалеете. Ну, скажите, вы и вправду так обо мне думаете?
Г а с а н з а д е (*серьезно*). Я всегда говорю то, что думаю. А жалеть нет никакой необходимости. Вы сильный и смелый человек.
Н а р г и л я. Спасибо. Большое вам спасибо.

С улицы доносится пение Рашида. Наргиля вздрагивает, слыша его голос, бросает сердитый взгляд на улицу. Ее нервные движения не ускользают от внимательных глаз Гасанзаде. Короткая пауза. Песня продолжается.

Г а с а н з а д е (*стараясь не смотреть на нее*). Сегодня у Рашида праздник.
Н а р г и л я (*язвительно*). Фотографию в газете поместили?
Г а с а н з а д е. Не только это... Вчера занял первое место по стрельбе. Чемпион республики!
Н а р г и л я. Ах, ах!

Рашид продолжает петь.

Запретите ему петь эту песню!

Г а с а н з а д е. Почему?

Н а р г и л я. Потому что это он меня дразнит!

Г а с а н з а д е. С чего вы взяли? *(Как бы самому себе.)* Он хороший парень...

Н а р г и л я *(язвительно)*. Еще бы! Стреляет, выполняет в день по три нормы!

Г а с а н з а д е *(серьезно)*. Не только... Он вообще хороший. К тому же красив, мужествен...

Н а р г и л я. Хватит! Перестаньте!

Г а с а н з а д е. Может быть, он мне так нравится потому, что я вижу в нем свою юность...

Н а р г и л я *(с издевкой)*. Неужели вы так же распевали под чужими окнами?

Г а с а н з а д е *(со вздохом)*. Распевал...

Н а р г и л я. И почему же вы бросили столь приятное занятие?

Г а с а н з а д е. Отпелся. Прошло мое время. Отзвучали мои песни...

Н а р г и л я *(нервно)*. Вам не идет сентиментальность.

Г а с а н з а д е. Разумеется, не идет. Только... иногда почему-то тянет поговорить о таких вещах...

Слышна песня Рашида.

Ты на шею мне набросила цепь
Из своих шелковистых кудрей,
Карагиля, моя Карагиля...

Н а р г и л я *(не удержавшись)*. Это невысказано! Я вас прошу: если нельзя запретить ему петь, то хоть не расхваливайте его при мне!

Г а с а н з а д е. А почему?

Н а р г и л я. Мне неприятно. Налить вам еще кофе?

Г а с а н з а д е. Не надо. *(Подчеркнуто.)* Большое спасибо. *(Пауза. У Наргили грустное и смущенное лицо.)* Что это вдруг у вас испортилось настроение?

Н а р г и л я. Вы меня не любите. Вы меня ни чуточки не любите. И каждый раз уходите от этого разговора. Вы думаете, я не понимаю?

Пауза. Гасанзаде закуривает папиросу.

Конечно. Насильно мил не будешь. Ну, почему я такая несчастная!

Г а с а н з а д е. Только что вы обвиняли меня в сентиментальности. А теперь жалуетесь на свою судьбу.

Н а р г и л я. Потому что я права. *(Горячо.)* Какая разница? Прежде Фарадж омрачал мне дни, теперь вы! Чем? Это не важно. Но от Фараджа у меня хоть была надежда освободиться... *(Короткая пауза. Гасанзаде курит.)* Меньше курите. Отравитесь. *(Пауза.)* Вас трудно понять. *(Сердито.)* Иногда мне кажется, что вы... все-таки меня любите. Но если разобраться...

Г а с а н з а д е. Вы – умная девушка. Странно, что вы не понимаете.

Н а р г и л я. Возраст – не основание. Я говорила и повторяю, твержу вам снова и снова. Если человек любит, какое имеет значение возраст? Может быть, вы хотите сказать, что наступит время, когда я... не буду любить вас. Не бойтесь... такого никогда не случится.

Г а с а н з а д е. Я не за себя боюсь.

Н а р г и л я *(поспешно)*. А за меня не бойтесь. Я столько думала о вас. *(Взяв его за руку.)* Мой дорогой!

Г а с а н з а д е *(осторожно отнимая руку)*. Сядьте. Я хочу спросить у вас... *(Наргиля садится.)*

Н а р г и л я. Спрашивайте!

Г а с а н з а д е. А вы не боитесь, что вас осудят?

Н а р г и л я. Нет, не боюсь. Хорошие люди – поймут, а на плохих плевать.

Г а с а н з а д е. Тоже правильно. *(Смеется.)* Как вы иногда разумно рассуждаете.

Н а р г и л я. Иногда! Значит, в остальное время я говорю глупости?

Г а с а н з а д е. Ну, что вы. Я пошутил...

Песня Рашида.

Н а р г и л я (*закрыв уши, кричит*). Заставьте его, наконец, замолчать! (*Наргиля, рыдая, падает на диван. Гасанзаде растерянно наливает ей воды. Девушка берет из его рук стакан и жадно пьет. Потом выпрямляется, прислушивается к песне. Постепенно пение затихает, и она успокаивается. Наконец, вытирает слезы и оправляет платье.*) Простите. Я вам доставила столько хлопот. До свидания.

Г а с а н з а д е. Пойдите, не торопитесь.

Н а р г и л я. Я очень устала. Будьте здоровы.

Наргиля уходит. Свет падает то на Гасанзаде, взволнованно смотрящего ей вслед, то на Наргилю, торопящуюся домой. Песня Рашида не затихает. Кажется, она преследует девушку. Как только Наргиля уходит, вместе с ней уходит и песня.

Г а с а н з а д е. Почему каждый раз после ее ухода я чувствую себя таким одиноким? Будто она ушла и больше никогда не вернется. Как же я жил до нее! Почему я не могу ни на что решиться? Может, боюсь новизны какого-то немыслимого осеннего утра?.. Может, меня ослепил свет, и я, растерявшись, прячусь в темноту? Или просто потерял веру в любовь?

Свет слабеет и, наконец, гаснет совсем. Мы снова видим Гасанзаде, стоящего в волнении у окна. Сверкает яркая молния. Раскатисто гремит гром. Сквозь грохот прорывается телефонный звонок. Гасанзаде радостно бросается к телефону.

Г а с а н з а д е. Слушаю.

Н а з а к я т. Оставьте ее в покое!

Г а с а н з а д е. Что?!

Н а з а к я т. Я не прошу, я требую – оставьте ее в покое.

Г а с а н з а д е. Кто это говорит?

Н а з а к я т. Мать Наргили.

Г а с а н з а д е. Ах, мать...

Н а з а к я т. У вас сын... старше Наргили. Я опозорю вас!

Г а с а н з а д е. За что? В чем я виноват?

Н а з а к я т. В чем? Вы сами хорошо знаете.

Фарадж кивает.

Она – ребенок. Глупый ребенок. А вы... Пользуясь своим положением, вы калечите ей жизнь. (*Фарадж кивает.*) Стыдитесь! Если у вас еще есть совесть.

Г а с а н з а д е. Не понимаю, о чем вы говорите? Ваша дочь – умная девушка. У меня и в мыслях не было сделать что-нибудь дурное.

Н а з а к я т. Для чего вы приглашаете ее к себе? (*Пауза.*) Что, молчите?

Г а с а н з а д е (*спокойно*). А с ней самой вы говорили об этом?

Н а з а к я т. Вы так настраиваете ее, что она с матерью и говорить не хочет.

Г а с а н з а д е. Если бы вы были хорошей матерью, она бы от вас ничего не скрывала.

Н а з а к я т. Хорошая я или плохая, не ваше дело.

Фарадж кивает.

Г а с а н з а д е. Нет, это мое дело. Потому что мне не безразлична ее судьба.

Н а з а к я т. Кто вы ей, чтобы интересоваться ее судьбой?

Г а с а н з а д е (*не сдержавшись*). А вы ей – кто?

Н а з а к я т. Я мать. Слышите? Мать!

Г а с а н з а д е. Вы ошибаетесь. Родить – это еще не значит быть матерью. Это только начало. Главное – вывести в жизнь, к людям. А вы в самую ответственную пору ее жизни, когда ей, как воздух, нужны были ваше тепло, ваша ласка, оторвали ее от себя и вышвырнули из дому.

Н а з а к я т. Это она сама вам сказала?

Г а с а н з а д е. Какое это имеет значение? Если бы воскрес отец Наргили, что бы вы ему ответили? Как бы посмотрели ему в глаза? Никто не имеет права упрекнуть вас в том, что вы вышли замуж, но забыть свой материнский долг! Девочку, лишенную отца, лишит и матери? Если ваш муж стоит рядом, пусть он тоже слушает: вы и он в ответе за судьбу Наргили. Это вы и он день за днем убивали в ребенке веру в людей, в справедливость.

Назакят с рыданиями бросает трубку. Фарадж, метнув на жену бешеный взгляд, выходит. Свет, падающий на Назакят, слабеет, ярче освещается фигура Гасанзаде. Он закуривает, открывает окно веранды. Сильный удар грома. Дождь льет, как из ведра. Вспышки молнии освещают то Гасанзаде, то Наргилю, стоящую у окна в своей маленькой, убогой комнатке.

Девушке страшно. Она отшатывается от окна, испуганно оглядывает свою комнату и бросается к репродуктору.

Комнату наполняет громкая, веселая музыка, но Наргиля сразу же выключает радио и снова прислушивается к буре. Гроза продолжается. Девушка подходит к телефону, набирает номер, и в тот же момент свет выхватывает из темноты Гасанзаде, стоящего у окна. Звонит телефон. Гасанзаде поворачивается, берет трубку.

Г а с а н з а д е. Слушаю.

Наргиля молча прижимает к уху трубку.
Выражение страха исчезает, лицо становится спокойным, светлеет.

Слушаю! *(Девушка молчит.)* Слушаю. *(Девушка молчит.)*

Гасанзаде осторожно кладет трубку, свет, освещающий его фигуру, гаснет. Наргиле тоже приходится положить трубку. На ее лице – уныние и безнадежность. Снова сильные раскаты грома, но девушка словно не слышит их. Ей все безразлично. Медленно подходит к дивану, садится. Пауза. Гроза усиливается. Телефонный звонок. Наргиля вздрагивает, берет трубку. Сейчас же из темноты возникает блондинка с телефонной трубкой в руке. Звучит мелодия модного твиста. Два уже знакомых нам парня с девушками. Еще двое танцуют друг с другом. На столе бутылка с вином, закуска... Блондинка держит трубку так, чтобы Наргиля могла слушать музыку.

Б л о н д и н к а. Алло, Нана!

Н а р г и л я. Здравствуй.

Б л о н д и н к а. Ты слышишь? Твой любимый танец.

Н а р г и л я. Слышу.

Б л о н д и н к а. Мы у Додика собрались.

Н а р г и л я. На здоровье.

Б л о н д и н к а. Приходи и ты.

Н а р г и л я. Не хочется.

Б л о н д и н к а. Ты сведешь меня с ума своими фокусами.

Н а р г и л я. Какие фокусы?

Б л о н д и н к а. Ты еще спрашиваешь? Наночка, ну нельзя же так. Ты совсем замкнулась.

Н а р г и л я. Замкнулась?

Б л о н д и н к а. Теряешь золотое время. Не вечно же мы будем молодыми. Если бы ты знала, как я за тебя переживаю. Вот и сейчас не хотела звонить, а все-таки позвонила. Не могу без тебя, понимаешь?

Н а р г и л я *(тихо)*. Спасибо, Сурия.

Б л о н д и н к а. Не нужно мне твое спасибо. Лучше приходи.

Н а р г и л я. А знаешь, какая погода?

Б л о н д и н к а. Не знаю и знать не хочу. Сказала: приходи и все. *(Короткая пауза.)* Ну как?

Н а р г и л я *(тихо)*. Хорошо.

Б л о н д и н к а. Идешь?

Н а р г и л я. Иду.

Б л о н д и н к а. Наночка, целую тебя. *(Вешает трубку.)* Нана идет.

Р е б я т а *(хором)*. Идет?!

Компания погружается в темноту. Освещена лишь Наргиля. Она кладет трубку и начинает одеваться. Пудрится, подкрашивает губы. Берет сумочку и идет к двери. Телефонный звонок. Наргиля возвращается, берет трубку. На другом конце провода – Гасанзаде.

Г а с а н з а д е. Наргиля...

Н а р г и л я. Да.

Г а с а н з а д е. Вы одна?

Н а р г и л я. Кому же у меня быть?

Г а с а н з а д е. Не бойтесь?

Н а р г и л я. Чего?

Г а с а н з а д е. Вы говорили, что в детстве очень боялись грома.

Н а р г и л я. Я уже не ребенок.

Г а с а н з а д е. Верно. *(Пауза.)* Вы все еще сердитесь на меня?
Н а р г и л я. А если и сержусь?
Г а с а н з а д е. Простите меня. *(Пауза.)* Почему вы молчите?
Н а р г и л я. Вам просто стало жаль меня?
Г а с а н з а д е. Нет. Я был не очень тактичен. Прошу прощения.
Н а р г и л я. Ну, хорошо. Не будем больше об этом.
Г а с а н з а д е. Значит, простили.
Н а р г и л я. Вы тоже один?
Г а с а н з а д е *(шутливо)*. Я всегда один.
Н а р г и л я. Скучаете?
Г а с а н з а д е. Человек ко всему привыкает.
Н а р г и л я. Когда вы так говорите, мне становится не по себе. Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя одиноким.
Г а с а н з а д е. Спасибо.
Н а р г и л я. Ох, не хочу никаких спасибо. Понимаете, не хочу.
Г а с а н з а д е *(шутливо)*. Тише, а то я оглохну.
Н а р г и л я. Ну и пусть.
Г а с а н з а д е. Тогда я не смогу услышать вас.
Н а р г и л я. Можно подумать, вы очень хотите меня слышать.
Г а с а н з а д е. Я хочу слышать вас всегда... Пока живу.
Н а р г и л я. Пожалуйста, повторите это еще раз.

Пауза. Кажется, что Гасанзаде вдруг очутился перед глухой стеной. Лицо его мрачнеет. Может быть, только сейчас он ощутил, как сложна и запутанна жизнь.

Чего вы молчите?

Г а с а н з а д е *(глубоко вздохнув)*. Я вас слушаю.
Н а р г и л я. Я просила... Вы не слышали?
Г а с а н з а д е. Я слышал. *(Короткая пауза.)*
Н а р г и л я. Ну, что ж. До свидания.

Она кладет трубку. Гасанзаде смотрит на молчащую трубку долгим и печальным взглядом, наконец, кладет ее. Свет, падающий на него, гаснет. Наргиля стоит посреди комнаты. Поднимает сумочку, которую все еще держит в руке, смотрит на нее, словно что-то вспоминая, потом отбрасывает в сторону и с остервенением начинает сбрасывать с себя одежду. Плащ, жакет, шляпка – все это летит на стул. Девушка опускается на диван и закрывает лицо руками. Свет гаснет. Телефонный звонок.

Г а с а н з а д е. Слушаю.
Н а з а к я т. Вы меня узнаете?
Г а с а н з а д е. Узнаю.
Н а з а к я т. Вы говорили Наргиле о нашем разговоре?
Г а с а н з а д е. Нет, не говорил.
Н а з а к я т. Последнее время она такая странная. Я боюсь...
Г а с а н з а д е. Не бойтесь. Ничего не случится.
Н а з а к я т. Я вам не помешала?
Г а с а н з а д е. Нет, не помешали!
Н а з а к я т. Я была груба с вами.
Г а с а н з а д е. Ничего.
Н а з а к я т. А вы были правы... Я стала безвольной и трусливой. *(Пауза.)* Неужели я навсегда ее потеряла?
Г а с а н з а д е. Не знаю. Может быть, нет.
Н а з а к я т. Она холодна со мной. А для меня, клянусь вам, Наргиля дороже всех других детей.
Г а с а н з а д е. Верю. Но не будем об этом говорить.
Н а з а к я т *(сквозь слезы)*. Больше всего на свете я желаю ей счастья. Я никогда не говорила ей ничего плохого.

Г а с а н з а д е. Все дело в том, что вы с ней вообще не говорили. А ей это было нужно, очень нужно... Поговорить с человеком, понимаете, с человеком. Вы – мать. Вы могли ей сказать многое. *(Короткая пауза.)* Когда она еще не знала – что плохо и что хорошо. Когда у нее еще не окрепли крылья. А вы боялись... Его боялись. Его!

Н а з а к я т. Я слабая женщина. Я не всегда могу поступать так, как мне хочется...

Г а с а н з а д е. Почему? Вы – свободный человек.

Н а з а к я т. Я боюсь. Я все время боюсь.

Входит Фарадж. Услышав последние слова жены, останавливается.
Назакят не видит его.

И сейчас, сию минуту я чувствую себя целиком в его власти.

Г а с а н з а д е. Он что, бьет вас?

Н а з а к я т. Нет.

Г а с а н з а д е. Может быть... Простите, что я говорю об этом... но, может быть, вы его очень любите?

Н а з а к я т. Нет! Я просто боюсь. Мне кажется, что если он меня оставит...

Г а с а н з а д е. Все это потому, что вы заняты только собой... И когда ради собственного благополучия понадобилось бросить ребенка, вы пошли и на это!

Н а з а к я т. Кто вам дал право...

Г а с а н з а д е. Почему вы возмущаетесь? Вы же бросили дочь!

Фарадж кашляет. Назакят вздрагивает, оборачивается и видит мужа.
Невольно прячет трубку за спину.

Ф а р а д ж. С кем говорила? И о чем?

Назакят молчит, устремив на него испуганный взгляд.
Фарадж спокойно повторяет вопрос:

С кем и о чем?

Н а з а к я т. Я говорила о моей дочери.

Ф а р а д ж. Положи трубку.

Н а з а к я т *(вдруг, с неожиданной злостью)*. Не положу! Довольно мне навязывать свою волю. Хватит! Она – моя дочь! Понимаешь – дочь! Дочь человека, которого я любила.

Ф а р а д ж. Что?!

Н а з а к я т. Я тебя ненавижу!

Ф а р а д ж. Ненавидишь?

Н а з а к я т. Я никогда не любила тебя.

Ф а р а д ж. Положи трубку!

Н а з а к я т *(держит перед собой трубку)*. Не положу! Ты лишил меня права называться матерью. *(Плачет.)* Ты заставил меня выбросить девочку из дому. Ты!

Кабинет Гасанзаде. Входит Наргиля. Он поспешно кладет трубку.
Назакят и Фарадж погружаются в темноту.

Н а р г и л я. Скажите, чтоб мне дали расчет. Я не хочу больше здесь работать.

Г а с а н з а д е. Почему? Ведь Рашид обещал вам больше не петь.

Н а р г и л я. Все равно. Я не смогу работать с ним вместе.

Г а с а н з а д е. Но почему?

Н а р г и л я. Потому что я не хочу любить никого, кроме вас.

Г а с а н з а д е *(шутливо)*. Не хотите любить или не любите?

Н а р г и л я *(смотрит долго и внимательно)*. Никого не хочу и не люблю, понятно?

Г а с а н з а д е *(с трудом, чуть слышно)*. Понятно.

Пауза. Поспешно входят Фараджев и трое рабочих.

Ф а р а д ж е в. Т... т... товарищ директор... Вот эта девчонка.

Г а с а н з а д е. Ну, что она натворила?

Ф а р а д ж е в. Она сейчас чуть не убила Рашида.

Г а с а н з а д е. То есть... как это?

Ф а р а д ж е в. Э... э... зачем, говорит, поешь... А Р... Рашид в... веселый парень. Разве, говорит, такая красивая девушка... м... может на песню сердиться! А она хватъ пепельницу и ему в г... г... голову... Если бы не уклонился... могла быть б... большая неприятность.

Г а с а н з а д е (*спокойно*). Потом?

Ф а р а д ж е в. А потом она очень испугалась... Чуть не плакала.

Г а с а н з а д е. А Рашид что?

Ф а р а д ж е в. А что Рашид! Постоял, помолчал. Потом говорит: «Извините, Наргиля-ханум. Если вам моя песня так неприятна, в жизни больше не буду...» Оп... пасная девчонка!

П е р в ы й р а б о ч и й (*Наргиле*). Честно говоря, мы не ожидали от вас такого.

В т о р о й р а б о ч и й. Наверно, вы просто плохо его знаете. Весь завод его любит.

Н а р г и л я. Ну, какое вам до всего этого дело?

В т о р о й р а б о ч и й. То есть как это – какое?

Г а с а н з а д е. Наргиля недавно у нас на заводе. Она еще не со всеми знакома. (*Наргиле.*) Это – товарищи Рашида. Они работают в одной бригаде.

П е р в ы й р а б о ч и й. Может, он вас чем-нибудь обидел?

Н а р г и л я. Нет.

В т о р о й р а б о ч и й. Может, его песни напомнили вам о чем-то тяжелом?

Н а р г и л я (*выходя из себя*). Что вы мне тут допрос устраиваете?

Г а с а н з а д е. Ну ладно. Надеюсь, это больше не повторится. Пока давайте на этом кончим. Я сам поговорю с Рашидом. (*Шутя.*) Если хотите, попрошу прощения.

Н а р г и л я (*взволнованно*). Просить прощения? Вам? Никогда!

Г а с а н з а д е (*шутливо*). Принял-то на работу вас я? Я и в ответе за ваши действия. Разве не так? (*Короткая напряженная пауза.*)

Н а р г и л я (*тихо*). Я сама попрошу прощения.

П е р в ы й р а б о ч и й. Ничего, скоро убедишься, какой это парень.

Рабочие идут к двери. Первый рабочий задерживается и
наклоняется к Наргиле.

П е р в ы й р а б о ч и й. Он же любит тебя, дура.

Наргиля вскидывает голову, намереваясь ответить резкостью,
но парни уже вышли. Пауза.

Н а р г и л я (*тихо и виновато*). Простите...

Быстро поворачивается и уходит. Сцена погружается в темноту. Когда свет зажигается, мы видим комнату Наргили. Она
что-то шьет и слушает радио.
В дверь звонят.

Н а р г и л я (*не отрываясь от шитья*). Входите, открыто.

Входит блондинка.

Б л о н д и н к а. Здравствуй, Нана! Видишь, я не выдержала и опять пришла к тебе.
(*Осмотревшись.*) Какая у тебя милая квартирка!

Н а р г и л я. Добро пожаловать!

Б л о н д и н к а. Это правда, что ты выходишь замуж за Гасанзаде?

Н а р г и л я. Ты уже спрашивала.

Б л о н д и н к а. Видно, между вами что-то есть. Только я не могу понять...

Н а р г и л я. Может быть.

Б л о н д и н к а. А он интересный... Такой старый, а как сохранил фигуру, походку. И лицо совсем без морщин. Нет, в самом деле интересный.

Н а р г и л я (*поморщившись*). «Интересный»... Не в этом дело.

Б л о н д и н к а. Дело не во внешности, не в возрасте, не в деньгах, не в положении. В чем же тогда дело?

Н а р г и л я. Не знаю.

Б л о н д и н к а. Очень хорошо знаешь. Я как-то встретила его случайно, так просто глаз не могла оторвать. Додик даже из себя вышел. Ты не ревнуешь?

Н а р г и л я. Увидев его, женщины должны умирать от восторга.

Б л о н д и н к а. Ты это серьезно?

Н а р г и л я. Не могу понять, как я до сих пор без него жила. Сейчас он для меня и воздух, и вода, и вся жизнь.

Пауза. Блондинка вдруг мрачнеет.

Н а р г и л я. Как у тебя с Додиком? Все в порядке?

Б л о н д и н к а (*машет рукой*). А!..

Н а р г и л я. Что «а»?

Б л о н д и н к а (*устало*). Осточертел... Каждый день одно и то же... Те же остроты, те же анекдоты...

Н а р г и л я. Вы же хотели пожениться.

Б л о н д и н к а. «Хотели»! Все уши прожужжал: «Поженимся, поженимся», а теперь молчит. А мне что?..

Пауза. Наргиля шьет. Блондинка смотрит в окно.

Б л о н д и н к а. Нана! Скажи Гасанзаде, может, и для меня на заводе найдется место?

Н а р г и л я. Найдется.

Б л о н д и н к а. Ты думаешь?

Н а р г и л я. Я уверена. Только знаешь, там работают очень серьезные люди.

Б л о н д и н к а. Не бойся. Ты знаешь, когда надо, я умею быть серьезной.

Н а р г и л я (*шутя*). Придется рано вставать.

Б л о н д и н к а. Ничего. Надоело каждый день валяться до двенадцати часов.

Н а р г и л я (*отложив работу*). Он обязательно устроит. Будем работать вместе.

Короткая пауза.

Б л о н д и н к а. Наргиля, я очень несчастна.

Н а р г и л я. Что это ты?

Б л о н д и н к а. Не знаю. Все осточертело – танцы, вино, поцелуи... А утром в пустой квартире... Все на работе, а ты от безделья готова биться башкой об стенку. Начинает казаться, что в жизни нет никакого смысла. Сколько можно перешивать одно и то же платье? (*Плачет.*) Сколько можно целоваться с этим Додиком? Иногда я готова убить его, а потом хоть в море бросайся. Господи, как хорошо было, когда мы учились. Все было просто и ясно. Впереди была цель – кончить школу. Чтoб она провалилась, эта англичанка. Если б не она, мы бы сейчас учились в институте.

Н а р г и л я. И институт мы закончили бы. А тогда что? Нет, дело не в этом.

Б л о н д и н к а. А в чем?

Н а р г и л я. Он говорит, что счастье – это когда ты нужен людям.

Б л о н д и н к а. Ох, опять агитация...

Н а р г и л я. Нет. Я теперь поняла, что это действительно так. Ведь в школе мы были все вместе, мы были нужны друг другу. Если дома было что-то неладно, придешь в школу, и все забывалось... И вот теперь мне хочется...

Б л о н д и н к а. А мне ничего не хочется. Я ничего не хочу и никого не люблю. Не знаю. Мне кажется, я так далека от всего, от всех, словно между ними и мной – тысячи, тысячи километров. Ну, хорошо, кончили бы институт, вышли замуж, а дальше? Посмотри на моих предков. Отец чуть не каждый вечер где-то... Скажем, неизвестно где. Мать от ревности совсем потеряла голову. Скандалы! Эх!

Н а р г и л я. Мы так жить не будем. Мы будем жить совсем по-другому. Станем вместе работать и в институт поступим. Вот увидишь. Мы теперь не одиноки. Куда торопишься?

Б л о н д и н к а. К портнихе.

Н а р г и л я. Новое платье шьешь?

Б л о н д и н к а. Скажешь – новое. Красное свое распорол... Перешиваю, чтоб помодней. Так ты поговоришь обо мне со своим чуваком?

Н а р г и л я. Сурик!

Б л о н д и н к а. Извини, привычка. Ты знаешь, Нар, в третий раз встречаю одного парня. Как только увидит меня – теряется, краснеет до ушей. Даже смешно. Совсем, видно, ребенок.

Усмехается. Входит Назакят. Не здороваясь с Сурик, бросает на нее холодный взгляд. Улыбка сползает с лица Сурик.

Ну, хорошо, Наргиля, я пошла, до свидания.

Н а р г и л я. Счастливо.

Блондинка уходит.

Н а з а к я т. Возвращайся домой.

Н а р г и л я. Чтоб я еще вернулась к Фараджу!

Н а з а к я т. Я сказала – к себе домой!

Н а р г и л я. К чему все эти разговоры? Ведь все решено.

Н а з а к я т. Я вынесла его стол из твоей комнаты.

Н а р г и л я. Скажите, пожалуйста. Как ты осмелилась?

Н а з а к я т. Я измучилась, Наргиля!.. Места себе не нахожу... И его презираю, и себя... Я это ему сказала в лицо. Ну, что я еще могу сделать? *(В слезах.)* Сколько лет я не видела твоего отца во сне, а теперь каждую ночь снится. Молчит, не говорит ни слова. Ну что вы все от меня хотите? Жизнь? Возьмите. Только рада буду избавиться. Я плохая... Но я же ничего не делала по своей воле. Пойми хоть ты!..

Н а р г и л я *(подходит, осторожно прикасается к ее волосам)*. Не надо, мама.

Н а з а к я т. Доченька! *(Обнимает ее.)*

Н а р г и л я *(печально)*. Успокойся. Не надо.

Н а з а к я т. Ты простила меня, доченька? Простила?

Н а р г и л я *(с ласковой укоризной)*. Ну, зачем ты так?

Н а з а к я т *(горячо)*. Ты должна вернуться! Я не найду покоя, пока ты не будешь со мной.

Н а р г и л я *(шутливо)*. Представь себе, что я вышла замуж.

Н а з а к я т. Нет, это совсем другое. Замуж я выдала бы тебя, как полагается... Я ведь скопила кое-что тебе на свадьбу, по копейке, тайком от Фараджа.

Н а р г и л я *(непонятно – шутя или всерьез)*. Значит, у меня и приданое будет? *(Целует мать.)*

Н а з а к я т *(изумленно и горячо)*. Как давно ты меня не целовала, доченька!.. Так хочется, чтоб ты была счастлива!

Н а р г и л я *(торжественно)*. Аминь!

Пауза. Наргиля обнимает мать. Весь свет сосредоточен сейчас на двух женских фигурах. Лица у них спокойны, и выражение этих лиц одинаково – кажется, что обе смотрят вдаль, в какую-то одну точку.

Н а р г и л я. Помнишь, когда мне было пять лет... Меня укусила собака. Фарадж был тогда на курорте, и ты все время была со мной. Помнишь?

Н а з а к я т *(шепотом)*. Помню.

Н а р г и л я. У меня поднялась температура. А я все заставляла тебя рассказывать сказки... А один раз я попросила тебя спеть. Ты пела... пела... И вдруг замолчала. Смотрю, а ты спишь.

Пауза.

Н а р г и л я *(обнимает мать)*. Ты помнишь, что ты мне пела?

Короткая пауза. Слышится музыка первого акта. Мысли матери далеко. Время останавливается.

Н а з а к я т. Нет. Я не могу вспомнить.

Н а р г и л я. Ну, ничего. Все будет хорошо!

Н а з а к я т (*поднимаясь*). Переезжай сегодня же. А что тебе мама купила!
Н а р г и л я. Что?
Н а з а к я т. Вот придешь – увидишь.
Н а р г и л я. Неужели... (*Смотрит на ноги.*) Туфли? (*Назакят кивает.*)
Н а р г и л я (*целуя мать*). Спасибо, мамочка. (*Напевает.*) У меня будут новые красивые туфли.
Даже не верится... Но знаешь, мама... дело в том...
Н а з а к я т. В чем дело?
Н а р г и л я. Ведь я не могу видеть его.
Н а з а к я т. А ты его и не увидишь. Я уже дверь забила.
Н а р г и л я. Нет, лучше я останусь здесь.
Н а з а к я т. Опять ты за свое.
Н а р г и л я. Ну, хорошо, хорошо...
Н а з а к я т. До свидания.
Н а р г и л я. До свидания, мама.

Назакят уходит. Наргиля смотрит ей вслед. Свет гаснет. Веранда в доме Гасанзаде. Бросается в глаза непривычный беспорядок. Гасанзаде укладывает вещи в чемодан. Звонит телефон. Гасанзаде берет трубку, и сразу же на другом конце сцены освещается Назакят с трубкой в руке.

Г а с а н з а д е. Слушаю.
Н а з а к я т. Простите, опять я. Беспокою...
Г а с а н з а д е. Ничего, ничего... Пожалуйста.
Н а з а к я т (*сдерживая волнение*). Вы знаете... Мы помирились.
Г а с а н з а д е. Я ждал этого.
Н а з а к я т. Я очень, очень вам благодарна!
Г а с а н з а д е. Мне?
Н а з а к я т. Да, вам. Если бы не вы, неизвестно, чем бы все кончилось. Кто знает, может быть, я и дочь навсегда остались бы чужими.
Г а с а н з а д е. Не надо. (*Короткая пауза.*)
Н а з а к я т. У меня к вам большая, огромная просьба...
Г а с а н з а д е. Пожалуйста.
Н а з а к я т. Даже не знаю, с чего начать.
Г а с а н з а д е. Я слушаю вас.
Н а з а к я т. Вы очень хороший человек, но поймите меня – вы не можете быть ее мужем. Только не обижайтесь! Ради Бога, не обижайтесь!
Г а с а н з а д е. Я не обижаюсь...
Н а з а к я т. Сами подумайте, разве это возможно, она почти ребенок...
Г а с а н з а д е (*нетерпеливо перебивая*). Понятно.
Н а з а к я т. Поймите меня правильно. Мы так хотим, чтобы наши дети были счастливы. Разве я не права?
Г а с а н з а д е. Да... конечно.
Н а з а к я т. Я не была... так пусть хоть она будет счастлива. Прошу вас, сделайте что-нибудь... Отдалите ее от себя. Сделайте так, чтобы она больше не думала о вас. Вы благородный человек. Вы сможете это сделать.
Г а с а н з а д е. Я постараюсь. Ваша дочь умная, честная девочка. Напрасно я говорю об этом, вы и сами это знаете. Она видела много горя. Сделайте все, чтобы это не повторилось. И если когда-нибудь я ей... вам буду нужен, сообщите мне. Мой адрес вам дадут на заводе.
Н а з а к я т. Вы уезжаете?
Г а с а н з а д е. Да. Я уезжаю.
Н а з а к я т. Надолго?
Г а с а н з а д е. Надолго.
Н а з а к я т (*растерянно*). Что вы говорите?..
Г а с а н з а д е (*ему трудно продолжать разговор*). Что вы еще хотели мне сказать?
Н а з а к я т (*печально*). Спасибо.

Гасанзаде вешает трубку и сразу закуривает. Звучит музыка первого акта. Пауза.
Гасанзаде курит. Входят пожилой рабочий, Фараджев и трое молодых ребят, которых мы уже видели в кабинете Гасанзаде.

П о ж и л о й р а б о ч и й. Здравствуй, директор!
Г а с а н з а д е. Здравствуйте, товарищи. Садитесь, пожалуйста...
П о ж и л о й р а б о ч и й. Что стряслось? Говорят, уезжаете?
Г а с а н з а д е (*с улыбкой*). Говорят...
П о ж и л о й р а б о ч и й. Двадцать лет вместе работаем... Привыкли.
Ф а р а д ж е в. Вот из т-такого крохотного цеха какой заводище отгрохали и уезжать?..
П е р в ы й р а б о ч и й. Работать где будете? На кого вы нас променяли, не секрет?
Г а с а н з а д е. Недалеко от Гянджи строится новый завод.
П о ж и л о й р а б о ч и й. Говорят, сам и заявление подал?
Г а с а н з а д е (*с нарочитым оживлением*). Эх, дядя Мурад-хан, что нам с тобой на этом свете остается, как не строить!..
П о ж и л о й р а б о ч и й. Строить – дело хорошее. Только что это ты себя со мной сравниваешь? Мне уже за семьдесят...
П е р в ы й р а б о ч и й. Рашид вчера из дома отдыха звонил. Как узнал, что уезжаете, очень расстроился.
Г а с а н з а д е. Ну, как он отпуск проводит?
П е р в ы й р а б о ч и й. Скучает. Не выдержу, говорит, удеру!
В т о р о й р а б о ч и й. Ну, у него есть причина скучать.
Г а с а н з а д е. А в чем дело?
В т о р о й р а б о ч и й. Вы разве не знаете?
Г а с а н з а д е. Нет.
В т о р о й р а б о ч и й. С тех пор, как новая нарядчица появилась, он совсем покой потерял.
В т о р о й р а б о ч и й. Меджнун, да и только!
Г а с а н з а д е. Вы говорите о Наргиле?
П е р в ы й р а б о ч и й. А она видеть его не может. Злится. Особенно, когда он поет...
В т о р о й р а б о ч и й (*с понимающей улыбкой*). Ничего, это Рашиду на пользу.
П е р в ы й р а б о ч и й. На пользу? О чем ты говоришь? Она ведь его чуть не убила.
В т о р о й р а б о ч и й. Вы еще дети, а я таких романов много читал.
Т р е т ь и й р а б о ч и й. Может, она просто нервная, вот и все.
В т о р о й р а б о ч и й. Нервная! (*Многозначительно.*) Нервы тут ни при чем. Психология!
П о ж и л о й р а б о ч и й. Главное, чтобы она перестала от людей шарахаться, научилась с ними разговаривать, понимать их.
Т р е т ь и й р а б о ч и й. Да, первое время она совсем дикая была, а сейчас здорово изменилась.
П о ж и л о й р а б о ч и й. Ну, коли умная, разберется, что к чему. Ведь такого парня, как наш Рашид... на свете нет.
П е р в ы й р а б о ч и й. Конечно...
Ф а р а д ж е в. У... у... убьет она Рашида. В... в... вот увидите. Она же ненормальная.
Г а с а н з а д е (*строго*). Вот что, Фараджев. Чтобы больше я этого не слышал. Ясно? Я ведь не на другую планету переселяюсь. О заводе я всегда и все буду знать.

Короткая пауза. Гасанзаде закуривает.

П о ж и л о й р а б о ч и й. Конечно, ведь завод – твой.
Г а с а н з а д е. Прошу вас, будьте внимательны к этой девушке. Она тяжело болела... Сейчас выздоравливает. От вас зависит, чтобы болезнь не вернулась. Будьте ей друзьями. Она того стоит.
П о ж и л о й р а б о ч и й. Мы тебе верим. Не волнуйся, глаз не спустим.
В т о р о й р а б о ч и й. Будьте спокойны.

Короткая пауза. Гасанзаде, занятый своими мыслями, с трудом поднимает голову.

Г а с а н з а д е. Вы знаете, что я и Рашида люблю. Если они будут вместе – я только...
П е р в ы й р а б о ч и й. Вы хотите сказать...
В т о р о й р а б о ч и й. Ну, конечно.
Г а с а н з а д е. Мне кажется, что так и будет. Передайте это Рашиду.
П е р в ы й р а б о ч и й. Обязательно.

Короткая пауза.

Г а с а н з а д е. Я не верю в судьбу. Думаю, счастье каждого из нас зависит от того, кто рядом.
П о ж и л о й р а б о ч и й. Верно, сынок. Если бы все так думали, давно бы коммунизм был!
Хороший человек всегда оставит людям хорошие дела. Спасибо. За все. Счастливых тебе дел!
Г а с а н з а д е. Спасибо. До свидания.
П о ж и л о й р а б о ч и й. До свидания.

Гасанзаде машет им рукой. Рабочие выходят. Гасанзаде несколько минут стоит в той же позе. Ему очень тяжело. Звучит музыка первого акта. Гасанзаде продолжает складывать вещи. Свет слабеет, в полумраке появляется Хуршуд. Освещены две фигуры – она и Гасанзаде.

Х у р ш у д. Почему ты бежишь? Она любит тебя.
Г а с а н з а д е. Нет, это ошибка. Природа – строгий судья, у нее свои законы. За нарушение их она наказывает.
Х у р ш у д. В молодости ты не рассуждал о любви так холодно и разумно.
Г а с а н з а д е. В молодости все легче и проще... Как роса на весенней траве... Летний зной сушит росу, зимой она превращается в твердые льдинки...
Х у р ш у д. Уедешь... А что будет с ней? Тебе не кажется, что это похоже на предательство? Она видит свое счастье в тебе...
Г а с а н з а д е. Надолго ли? *(Пауза.)* Когда она поймет свою ошибку, будет поздно. *(Короткая пауза.)* Она верит мне, и я должен решать за нее. Я не снимаю с себя ответственности за ее судьбу. Ты увидишь, она будет счастлива.
Х у р ш у д. Ты думаешь?
Г а с а н з а д е. Я сделал все, что мог. Остальное сделает жизнь. Я оставлю ее с хорошими людьми.

Гудок машины. В дверь звонят. Входит шофер. Хуршуд исчезает. Шофер берет чемоданы, выходит. Гасанзаде снимает со стула пиджак, оглядывает комнату. Свет гаснет. Комната Наргили. Она что-то шьет, весело напевая. Звонок в дверь. Девушка бежит отворять. Входит Гасанзаде. Наргиля ошеломлена.

Н а р г и л я. Вы – у меня? *(Бросается к Гасанзаде и крепко обнимает, прижимается к его груди.)* Нет, нет, не верю. Господи, вы? Вы! Вы! *(Смеется сквозь слезы.)* Дорогой, дорогой мой. *(Рассматривает его, задумчиво склонив голову. Улыбается. Смеется, закрыв глаза.)* Откуда вы здесь? Вы не с луны? Садитесь, мой дорогой гость с луны, а я расскажу вам о том, что происходит у нас на земле. Сегодня приходила мама. Она зовет меня домой. Она любит меня. Я ей нужна!
Г а с а н з а д е. Конечно, она – мать.
Н а р г и л я. Я много говорила ей о вас. Она все поняла.
Г а с а н з а д е. Я очень рад.
Н а р г и л я. Вы будете приходить к нам каждый день, да?
Г а с а н з а д е. Нет.
Н а р г и л я. Вы шутите. Да?
Г а с а н з а д е. Нет, я не шучу. Я не смогу приходить к вам, потому что уезжаю.
Н а р г и л я. Не понимаю... Не понимаю...
Г а с а н з а д е. Я говорю, что уезжаю. И надолго.
Н а р г и л я. А я? Как же я?
Г а с а н з а д е. А вы останетесь здесь.
Н а р г и л я. Нет! Нет! Не хочу. Я не останусь. Я не могу... Я не могу жить без вас. *(Пауза. Смеется.)* Вы шутите, вы, конечно, шутите.
Г а с а н з а д е. Нет, я не шучу.
Н а р г и л я *(посветлев, с надеждой)*. А, понимаю. Вы, наверное, хотите испытать меня?
Г а с а н з а д е *(нежно)*. Зачем мне вас испытывать?
Н а р г и л я *(как бы сама с собой)*. Значит, едете.

Короткая и напряженная пауза.

Г а с а н з а д е *(берет ее за руки)*. Выслушайте меня.

Н а р г и л я (*вырывая руки*). Не надо. Молчите. Не надо ничего говорить. (*Из глаз ее катятся слезы.*) Это должно было случиться... Вы не могли быть со мной...

Г а с а н з а д е. Не надо так...

Н а р г и л я. Ничего... Не обращайтесь внимания. (*Слезы одна за другой катятся по ее щекам.*) Все вы у меня не отнимете, не сможете отнять... Многое останется со мной... В моей жизни...

Г а с а н з а д е. Не волнуйтесь.

Н а р г и л я. Я все понимаю. Раз вы уезжаете, значит, так нужно. (*Автомобильный гудок. Гасанзаде встает.*) Нет, подождите, еще минутку. Если на свете есть справедливость, пусть ваш сын будет самым счастливым. Чтобы вы больше не знали горя. (*Она никак не может собраться с мыслями.*) Вы... Вы всегда... днем, ночью будете рядом со мной. Всегда со мной. (*В отчаянии.*) Я же не смогу жить без вас!

Г а с а н з а д е (*взволнованно*). Наргиля...

Н а р г и л я. Молчите... Вы уже все сказали. А я еще должна сказать. Где бы вы ни были, я каждый день буду говорить вам эти слова, и вы убедитесь... (*Плачет.*)

Г а с а н з а д е. Не надо плакать, Наргиля!

Н а р г и л я (*улыбается сквозь слезы*). Кто вам сказал, что я плачу? Еще никогда я не чувствовала, как огромна, как всемогуща моя любовь... Она преодолет все... (*Берет его за руку.*) Идите, вам пора...

Гасанзаде выходит. Слышна музыка первого акта.
Свет медленно тускнеет и, наконец, гаснет.

Чья вина?

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сахиб
Нурджахан
Таир
Айгыз
Хансу
Алмурад
Сахават
Гёзель
Натаван
Джейранзаде
Официантка
Первый пьяный
Второй пьяный

Нурджахан, полуприкрыв глаза, стоит перед зеркалом. Видимо, она только что привела себя в порядок и вдруг погрузилась в далекие воспоминания.
Бра над зеркалом освещает только ее лицо.

Г о л о с С а х и б а. Три часа я стою у дверей и жду вас. Я студент. Принес вам в подарок первые в нашем городе белые цветы. Каждое ваше движение на сцене для меня целый мир...

Стенные часы бьют семь раз. Нурджахан вздрагивает, смотрит в зеркало. Теперь на ее лице выражение веры в себя, бодрости и в то же время волнения. Она торопливо поправляет волосы и сразу становится словно моложе и красивее. Входит Сахиб. Нурджахан видит его в зеркале, улыбается и оборачивается.

Н у р д ж а х а н. Как ты поздно, Сахиб!
С а х и б. Только что кончилась сессия.
Н у р д ж а х а н (*шутливо*). И кто же стал нашим председателем?

Сахиб с усталой улыбкой прикладывает руку к груди, наклоняет голову.

Н у р д ж а х а н (*серьезно*). Поздравляю.
С а х и б. Ты веришь, что я могу быть хорошим председателем?
Н у р д ж а х а н. Конечно!

Пауза.

С а х и б. Почему ты так внимательно на меня смотришь?
Н у р д ж а х а н. Мне кажется, я что-то потеряла в твоих глазах.
С а х и б (*сразу оживляясь, поспешно*). Никогда!
Н у р д ж а х а н. Ты помнишь тот вечер, когда ты впервые принес мне большие белые цветы?
С а х и б. Помню.
Н у р д ж а х а н. Я очень сильно изменилась с тех пор?
С а х и б. Ты всегда молода и красива.
Н у р д ж а х а н (*нервно*). Почему каждый раз, когда я спрашиваю о себе, ты особо подчеркиваешь, что я молода? Разве мы не одних с тобой лет?
С а х и б. Я всегда говорю то, что есть.
Н у р д ж а х а н (*печально*). Конечно, если б я действительно была молода, тебе не пришло бы на ум без конца твердить об этом. Через несколько дней мне исполнится сорок. Для балерины это немало.
С а х и б. Годы не смеют коснуться тебя, Нурджахан. Время знает, что ты – гордость народа.
Н у р д ж а х а н. Риторика... (*Глубоко вздыхает.*) Я прежде всего женщина.
С а х и б. Природа сосредоточила в тебе самые высокие женские чувства, неповторимую красоту.
Н у р д ж а х а н (*горячо целует его*). Спасибо, дорогой! Я так люблю тебя! Все, что есть во мне хорошего, – все принадлежит тебе.

Звонок. Сахиб открывает. Входят Таир и Айгыз. Здравуются.

С а х и б. Прошу, прошу, добро пожаловать!
Н у р д ж а х а н (*целует Айгыз*). Цветочек мой, твой танец на выпускном вечере просто очаровал меня. Какая нежность, какая грация, какая свежесть! Словно «Лебединое озеро» было создано для тебя, мой лебеденок!
А й г ы з (*взволнованно*). Вам правда понравилось?
С а х и б. Как быстро проходят годы! (*Таиру.*) Как сейчас помню, я приходил к вам по делам, и Айгыз у дверей играла в мяч, такой красивый, пухлый ребенок, с голубым бантом на голове.
А й г ы з. Как вы запомнили!
Т а и р. Ребенок вырастет – и должен найти свое место в жизни.
Н у р д ж а х а н. Ты все беспокоишься!
Т а и р. Еще бы не беспокоиться! Молодежь какая-то несуразная пошла. Заняты только собой, своими причудами...
Н у р д ж а х а н. Ты всегда был на государственном посту, привык рассуждать в общем масштабе. Но когда я смотрю на Айгыз, у меня душа радуется.

Т а и р (*с легкой улыбкой*). Айгыз – другое дело. Она моя дочь.

А й г ы з. А чем мои товарищи плохи?

Т а и р. Видите? Возражает старшим, спорит с отцом! И она – дочь своего поколения... Но это прекрасно! Как же без возражений, без споров? Я думаю, наша критика оборачивается похвалой Айгыз.

Н у р д ж а х а н (*улыбается*). Это верно! (*Целует Айгыз.*) Цветочек мой, как поэтично, как тонко ты танцевала!.. Только смотри, не полней.

А й г ы з. Ну что вы!

Звонок. Сахиб открывает дверь.

Входят Алмурад, Гёзель, Натаван, Хансу.

А л м у р а д (*обнимает Сахиба*). Поздравляю! От души обрадовался, когда узнал, что тебя избрали председателем.

С а х и б. Благодарю, дядя Алмурад.

Г ё з е л ь (*раскинув руки, идет к Сахибу*). Наклонись!

Сахиб наклоняет голову. Гёзель целует его.

А л м у р а д. Ну хватит, Гёзель.

Г ё з е л ь (*Сахибу*). Клянусь, мы так обрадовались, так обрадовались, Алмурад прямо растерялся...

А л м у р а д (*скромно*). Гёзель, перестань...

Н у р д ж а х а н. Гёзель-ханум, отчего ты не познакомишь нас с этой девушкой? (*Указывает на Натаван.*)

Г ё з е л ь. Увидела нашего председателя и забыла обо всем на свете. Это наша племянница. Моя покойная бабушка была чурчницей у ханской дочери Натаван. И очень любила ее. Натаван ее назвали в честь поэтессы. Правда, она переделала свое имя в Нату. Теперь, когда ее называют Натаван, она говорит «фу».

Н а т а в а н. Фу!

Г ё з е л ь (*хохочет*). Видали? Ах, Ната, Ната!

Н у р д ж а х а н (*шутливо*). Что же касается Хансу, то это разговор долгий. (*Смотрит на Хансу и смеется.*) Прошу вас, садитесь. Угощу вас шампанским.

А л м у р а д. И крепким чаем.

Садятся.

Х а н с у (*придвигает стулья Айгыз и Натаван*). Одна справа, другая слева! Отлично!

Натаван прыскает. Хансу садится между ними. Звонок. Сахиб открывает.

Входит Сахават с большим букетом.

С а х и б. Прошу, прошу!

Сахават передает цветы Нурджахан.

С а х а в а т (*шутливо*). Я передаю эти цветы не новому председателю, а вам. Пусть мой друг Алмурад не упрекнет меня в подхалимаже.

А л м у р а д (*шутливо*). Вот спасибо!

С а х а в а т (*шутливо*). И тебе спасибо! Значит, без меня?

А л м у р а д (*поняв его*). Клянусь, Сахават, я звонил, но Медина-ханум сказала, что ты только что вышел.

С а х а в а т. Ладно, прощаю тебя. (*Проходит во главу стола.*) Я привык всегда быть тамадой, поэтому сажусь здесь. И наполните свои бокалы. Дорогие друзья! Мы все поклонники Нурджахан-ханум, и все мы друзья Сахиба. Сегодня мы радуемся тому, что народ доверил ему такой большой город...

Хансу (*Айгыз и Натаван, чтобы не слышали другие*). Это называется дать задаток.

Сахават (*недовольно*). Хансу, ты позволишь мне говорить?

Хансу. Прошу вас, я с удовольствием слушаю ваш прекрасный тост.

Едят, пьют.

Сахават. Однако, друзья, все на этом свете имеет свою причину. Я не люблю говорить вообще, абстрактно.

Хансу. Поэтому перейдем сразу к сути.

Сахават (*недовольно смотрит на Хансу*). Всем вам известно, что Сахиб поднялся на такую высоту благодаря Нурджахан-ханум, она главная причина...

Нурджахан. Ну нет, главная причина он сам.

Сахават (*улыбается*). Нурджахан-ханум, ваша скромность равна вашему таланту. Но позвольте мне продолжить.

Нурджахан. Прошу, прошу...

Сахават. Нурджахан-ханум – выдающийся мастер искусства, замечательная спутница жизни нашего друга. Ваше здоровье, Нурджахан-ханум!

Пьют.

Хансу. Я включу радио.

Включает, звучит музыка.

Хансу (*Сахавату*). Вы так щедры на похвалы, как на раздачу денег в долг.

Сахават. Ты против?

Хансу. О нет. Я только хотел отметить и ваши достоинства.

Сахават. Благодарю.

Айгыз (*только Хансу*). Хан, ты снова язвись?

Хансу. Не могу я выносить этот вздор, Ай...

Айгыз. Нурджахан-ханум может обидеться...

Хансу. Не обидится. Настоящий артист не может не быть искренним.

Сахават (*поднимает бокал*). Хансу, разреши. (*Компании.*) За здоровье дорогого для меня и для Таира Алмурада, также сыгравшего важную роль в жизни Сахиба.

Алмурад (*Сахавату*). Ну ладно, ладно! В том, что Сахиб стал большим человеком, и твоя заслуга.

Хансу (*Сахавату*). Что значит «важная роль»? Выходит, что жизнь – своего рода сцена?

Сахават. Хансу, не перебивай старших.

Хансу (*в тоне Гамлета*). О, даже сорок тысяч сыновей не смогут быть так почтительны к старшим, как я!

Тайр (*шепотом Нурджахан*). Вы видите? А когда я говорил о нынешней молодежи, вам это казалось странным.

Нурджахан. Я никогда не обижаюсь на шутки Хансу.

Тайр. Это потому, что вы простодушны, как все большие художники.

Нурджахан. Не знаю, только мне кажется, что он умный и славный парень.

Хансу. Тамада, а что, если я спою?

Сахават. Ты же знаешь, что все здесь поклонники искусства. Прошу.

Хансу (*поет*).

Засияли поля – и маки,
И фиалки в полях расцвели.
В синем утреннем полумраке
Будит девушку гул земли.

А в саду – это был или небыль?
Стройный парень прождал всю ночь.
Молвит девушка: «Ты не с неба ль?»
Но безумца не гонит прочь.

Но глядел на странную сцену
Из окошка один сухарь,

Что любви назначает цену
И о клятвах твердит, как встарь.

Я спросил у него: «Пройдоха,
Отвечай, до каких же пор
Ты стеною чертополоха
Преграждать нам будешь простор?»

Г ё з е л ь (*громко смеется*). Ну и ну. Молодец, Хансу!
Т а и р (*Нурджахан*). Вы когда-нибудь видели такую развязную женщину?

Хансу включает магнитофон. Звучит танец, похожий на твист.
Обращается к Айгыз.

Х а н с у. Офелия, подальше от сухарей, ханжей, педантов! Рванем в небо! (*Айгыз поднимается и танцует с ним*). Не расстраивайся, Натаван, второй тур я танцую с тобой.

Н а т а в а н. Да ну тебя! Фу! Что мне расстраиваться?!
С а х а в а т. Что она потеряла, чтоб расстраиваться? (*Натаван*.) Поднимайся!

Натаван поднимается, танцует с Сахаватом.

Г ё з е л ь (*громко смеется*). Ай, молодчага, Сахават! Танцует, как семнадцатилетний парнишка!

А й г ы з. Хан, ты пьян?

Х а н с у. Да, а что?

А й г ы з. Я серьезно спрашиваю, Хан.

Х а н с у (*глубоко вздыхает*). Тогда и я серьезно отвечаю: там, где ты, даже семь бутылок вина не в состоянии опьянить меня!

А й г ы з. А почему мой отец говорит, что ты пьян?

Х а н с у. Потому что этого требуют священные нормы нравственности.

А й г ы з. А что это за нормы?

Х а н с у. Ты действительно не знаешь?

А й г ы з. Понятия не имею!

Хансу хохочет.

А й г ы з. Хан, ты надо мной смеешься?

Х а н с у. Нет, я смеюсь над иронией судьбы.

А й г ы з. А над чем иронизирует судьба?

Х а н с у. Над фальшивыми речами, лживыми улыбками, над теми, кто способен пачкой ваты отрезать голову.

А й г ы з. Хан, что ты хочешь этим сказать?

Х а н с у. Я хочу сказать, что ты золото, а золото не ржавеет.

Музыка смолкает.

С а х и б. Дорогие друзья! Каждый из вас имеет заслуги в сегодняшнем торжестве. Меня создали вы!

Х а н с у (*Айгыз*). «Я тебя породил, я тебя и убью». Не знаю, из какого произведения, но запомнились мне эти слова.

С а х и б. Не будь вас, кто знает, как сложилась бы моя судьба. Спасибо вам, мои дорогие! Будьте здоровы! (*Пьет*.)

С а х а в а т. Сахиб хорошо сказал. Он отдал долг с лихвой. А вот один человек одолжил у меня рубль. Продержал восемь месяцев и, наконец, вернул. А позавчера опять пришел и просит пятьсот рублей, мол, я аккуратный должник, сам знаешь.

Х а н с у. Ну, и вы дали?

С а х а в а т. Конечно, не дал.

Общий смех.

Х а н с у (*Айгыз*). Экспозиция комедии готова.

А й г ы з. Какой комедии?

Х а н с у. Скоро увидишь.

С а х и б. Завтра вечером Нурджахан-ханум в двухсотый раз исполняет роль Жизель. Приглашаем всех в оперу.

Сцена темнеет. В темноте слышатся последние аккорды «Жизели» и грохот аплодис-ментов. Аплодисменты стихают, и снова освещается гостиная. Нурджахан входит с двумя букетами цветов. Она взволнована. Останавливается, закрывает глаза.

Г о л о с С а х и б а. Три часа я стою у дверей и жду вас. Я студент. Принес вам в подарок первые в нашем городе белые цветы.

Нурджахан, вздрогнув, открывает глаза, взволнованно смотрит на охапку цветов. Потом нервно бросает их на стол и ложится на диван. Усталая и обиженная, закрывает глаза. Сейчас она выглядит немолодой и очень утомленной. Где-то звучит музыка, которая словно говорит о вечном покое. Входит Сахиб. Останавливается, смотрит на Нурджахан. Сейчас еще отчетливее заметно утомление на красивом и нежном лице с легкими морщинами. Сахиб наклоняется и целует ее в лоб. Нурджахан открывает глаза и со странным вниманием смотрит на него.

С а х и б. Поздравляю тебя, дорогая! Я был безумно занят и не мог прийти. Но видел тебя по телевизору. Ты была неподражаема, как пятнадцать лет назад, в тот незабываемый вечер.

Н у р д ж а х а н (*продолжая смотреть ему в глаза*). Ты лжешь!

С а х и б (*удивленно*). Лгу?

Н у р д ж а х а н. Лицемер!

С а х и б. Нурджахан!

Н у р д ж а х а н. Ты не целовал в лоб Жизель тех лет. Ты по три часа стоял у дверей, чтобы сказать хоть слово Жизели тех лет. А теперь ты «безумно занят»...

С а х и б (*обиженно*). Я впервые слышу от тебя такое, Нурджахан. Ты мне не веришь?

Н у р д ж а х а н (*гневно*). Не верю! (*Короткая пауза.*) Прежде бы тебя цепями не удержали...

С а х и б. Прежде! Что я знал прежде о трудностях руководящей работы, о подборе честных и умных людей на места, о том, как трудно положить конец потоку пустой парадной трескотни, пустозвонству, вспышкопускательству? Что я знал тогда и что ты знаешь теперь о том, как приучены многие к подхалимажу, местничеству, протекционизму...

Н у р д ж а х а н (*смягчившись*). Не могу понять, как можно приучить к подхалимажу и протекционизму нормальных людей, в здравом уме.

С а х и б (*с горькой улыбкой*). Ты больше двадцати лет призываешь людей своим искусством к добру и благородству, но ты не знаешь, сколько разбойников с ножами прячутся вдоль дороги. Они одеваются с иголки. Носят белоснежные сорочки и модные галстуки. Рассуждают о высоком призвании нашего человека. Почтительно кланяются людям с высоким положением. Дружелюбно улыбаются людям, стоящим ниже их. Они даже проливают слезы, взволнованные твоими танцами. А едва наступает темнота, они сбрасывают это обличье, остаются в волчьей шкуре и бросаются в атаку. Одному обещают должность, другому – квартиру, третьему – зарплату... Кого-то грозят уволить...

Н у р д ж а х а н (*нервно*). Но честный человек не должен поддаваться негодям.

С а х и б. В том-то и дело, что есть еще «поддающиеся». (*Короткая пауза.*) Люди дорожат благами жизни. Она сама приучила их к этому. Потерять эти блага никто не хочет – ни сильный человек, ни, особенно, слабый.

Пауза. Нурджахан закуривает. Звонит телефон. Сахиб поднимает трубку. В другом углу сцены высвечивается говорящая по телефону Гёзель и сидящий рядом в кресле Алмурад.

С а х и б. Слушаю.

Г ё з е л ь. Целую тебя. Сейчас пришла радостная Ната и сказала, что ты взял ее в секретарши. Большое спасибо.

С а х и б. Не за что. Как дядя Алмурад?

Г ё з е л ь. Дядя Алмурад обиделся на тебя.

С а х и б. Почему?

Г ё з е л ь. Солидного мужчину ты отвел в сторону и назначил на такую должность мальчишку, у которого молоко на губах не обсохло.

С а х и б. Какого мальчишку?

Г ё з е л ь. Да этого Хансу. Разве его сравнить с Алмурадом?

С а х и б (*шутливо*). Но вы же сами хвалили Хансу!
Г ё з е л ь. Зря хвалили. Что с того, что он родственник...
А л м у р а д (*подсказывает*). Он полоумный какой-то...
Г ё з е л ь. Он полоумный.
С а х и б (*выходит из себя*). Что же вы предлагаете?
Г ё з е л ь (*громко смеется*). Как говорил Султан-бек, какой ты непонятливый! Что предлагаем?
Д а й Хансу пинка, а дядю Алмурада назначь на его место.
С а х и б. Но дядя Алмурад вышел на пенсию.
Г ё з е л ь. Ну и что? Разве можно жить на одну пенсию?
А л м у р а д (*подсказывает*). Что ж, нам голодать, что ли, как в юности?
Г ё з е л ь (*забыв, что говорит по телефону, накидывается на мужа*). Послушай-ка, ты, мой отец не был нищий, как твой! В юности я как сыр в масле каталась.
С а х и б (*задет*). Мой отец был небогат, это верно, но и мы не голодали...
Г ё з е л ь (*громко смеется*). Ай да Сахиб! Я не тебе это говорила, Алмураду. Ну ладно, намотай на ус.
С а х и б. Пока.
Г ё з е л ь. Целую тебя.

Сахиб кладет трубку. Свет в углу Алмурада гаснет.

Н у р д ж а х а н. В чем дело?
С а х и б. Гёзель-ханум предлагает снять Хансу и назначить на его место дядю Алмурада.
Н у р д ж а х а н. Так и сказала?
С а х и б. Так и сказала.

Нурджахан громко смеется.

С а х и б (*вздыхает*). Ты права, над этой трагикомедией нельзя не смеяться.

Снова звонок. Сахиб берет трубку. Луч света высвечивает другой угол сцены, гостиную, в которой сидят Таир и Сахават.

Т а и р. Сахиб, привет!
С а х и б. Здравствуй.
Т а и р (*улыбаясь*). Послушай, Сахиб, по какому случаю ты назначил Хансу на такую ответственную должность?
С а х и б. Он грамотный парень. Способный.
Т а и р. Лично я не видел в нем никаких способностей, кроме сумасбродства.
С а х и б (*замявшись*). Вы ошибаетесь, Хансу не сумасброд. А для проявления способностей нужно поприще.
Т а и р (*улыбаясь все так же*). Дорогой друг, кажется, с тех пор, как ты стал председателем, ты решил читать нам нотации?

Сахават, сидящий с серьезным и недовольным выражением лица, улыбается.

С а х и б. Терпеть не могу нотаций.

Короткая пауза.

Т а и р (*сдерживая злость*). Ясно. Но я буду возражать против назначения Хансу на эту должность. Мы несем ответственность и перед своей совестью, и перед народом. (*Входит Айгыз.*) А для Хансу не существует никаких моральных норм, ни порядка, ни ответственности. (*Злобно.*) Он в течение года сменил три должности.

С а х и б. Выясним причины, постараемся, чтобы он больше не менял мест.

Т а и р. Хорошо. (*Нервно кладет трубку. Свет в углу Сахиба гаснет.*)

С а х а в а т. Кажется, наш друг начинает задирать нос.

Т а и р. Таковы люди... Стоит им немного подняться, земли под собой не чувствуют. Львы остаются без места, а он отдаёт такую должность мальчишке, у которого молоко на губах не обсохло... Вот тебе наш друг-приятель, которого мы вырастили и вывели в люди. Видно, на этом свете не обойтись без насилия. *(Уверенно.)* Не беспокойся об этом.

С а х а в а т. Ну ладно, пока. *(Выходит.)*

Таир берет газету, просматривает.

А й г ы з. Отец, почему ты такого плохого мнения о Хансу?

Т а и р. А почему это интересуешь тебя, дочка?

А й г ы з. Потому что все хвалят его.

Т а и р. Кто, например?

А й г ы з. Например, мои подруги, девушки.

Т а и р. Ах, девушки!..

А й г ы з. Будь Хансу плох, Сахиб не назначил бы его на такую должность.

Т а и р *(стараясь говорить спокойно)*. Ты слишком высокого мнения о Сахибе. Ты ничего не знаешь о его прошлом.

А й г ы з. А кем он был в прошлом?

Т а и р. Во всяком случае, хорошим человеком не был.

А й г ы з *(удивленно)*. Правда?

Т а и р *(нервно)*. Мы его сделали человеком!

А й г ы з. Кто это «мы», папа?

Т а и р. Я! Нурджахан-ханум! Алмурад! Сахават! Не будь нас, кто знает, в какой тюрьме он сгнил бы...

А й г ы з *(после тяжелой паузы)*. Ну что ж... Он же не обманул вашего доверия?

Т а и р. Рано еще так говорить. Только сейчас он попадет в водоворот жизни.

А й г ы з. Отец, почему ты называешь жизнь водоворотом? Разве она настолько опасна и страшна? Ведь с трибуны ты описываешь ее как рай.

Т а и р *(нервно)*. Нечего болтать попусту! Если говорю «рай», значит, так надо. У нас есть враги!

А й г ы з. Ну и что ж? Мы достаточно сильны, чтобы никого не бояться.

Т а и р *(смотрит на нее ласково)*. Ты девушка. Зачем тебе вмешиваться в такие дела? У каждого в жизни свое место. Старайся стать примером нравственной чистоты. Пусть считают тебя образцом невинности, хорошего воспитания. Ведь ты до сих пор была такой... Ты моя умница! *(Целует ее в лоб.)* А теперь я пойду посплю. Вечером у меня собрание, завари мне хорошего чаю. *(Берет газеты и журналы.)* Пока, дочка.

Проходит в соседнюю комнату. Айгыз долго смотрит вслед отцу. Задумывается. По радио звучит лирическая песня. Айгыз глубоко вздыхает, и, напевая, отправляется на кухню. Слышно, как она наполняет чайник. Входная дверь осторожно открывается. Хансу просовывает голову и смотрит по сторонам, слушает песню, напеваемую Айгыз, потом оборачивается, шепчет кому-то: «Заходи!» и входит вместе с Натаван. Айгыз с вазами фруктов и восточных сладких пирожков, напевая, выходит из кухни.

А й г ы з. Хан! Натаван! Как хорошо, что вы пришли! Садитесь.

Х а н с у *(драматическим тоном)*. Зачем нам садиться? Зачем нам запирается в этом монастыре, оставив яркое сияние солнца, вольные поля, сады, аромат фиалок? *(Распалаясь.)* Прочь от этих полов, красных, как щеки повара, от этих темных стен, погруженных в молчание, подобно средневековым шахам, от этой одинокой хрустальной люстры, глядящей на нас из мрака!

А й г ы з *(взволнованно)*. Хансу!

Х а н с у *(не слушая ее, тем же тоном)*. Прочь от педантов, Офелия, к солнцу!.. Дороги зовут... Дороги прекрасны...

А й г ы з *(шепотом)*. Хан, отец спит.

Х а н с у *(шепотом)*. Правда?

А й г ы з *(обиженно)*. Хан, ты издеваешься?

Х а н с у. Не дай Бог!

А й г ы з. А почему ты говоришь о нашем доме такие слова?

Х а н с у (*с пафосом*). О, это чувство домовитости! Ты точка, на которую хотел опереться Архимед, чтобы перевернуть земной шар... Впрочем, я пошутил... У вас дома все так аккуратно, стерильно, что человек чувствует себя кошкой, посаженной в мешок. И невольно хочется мяукать.

Натаван, приснув, зажимает рот рукой.

А й г ы з (*обиженно*). Спасибо, Хан!

Х а н с у. Ах, не верь ты в предрассудки. Кошка – благородное животное. Вот говорят, что если кошка перебежит дорогу, то не будет удачи. А у меня наоборот, если передо мной пробежит кошка, мои дела идут как по маслу.

А й г ы з. А почему же это благородное животное чувствует себя у нас в доме посаженным в мешок?

Х а н с у. Не знаю, Ай. Чтобы объяснить, необходим второй Эйнштейн. Если б человечество могло легко решить подобные вопросы, то на земном шаре не осталось бы ни одного педанта и ханжи.

А й г ы з. Почему ты питаешь такую вражду именно к педантам и ханжам, Хан?

Х а н с у. Потому что между ханжами и негодями расстояние в одну сотую миллиметра. (*Сочувственно.*) Ты не создана для того, чтобы думать о таких вещах, Ай, ты скворец, случайно залетевший в эти нарядные и грозные стены. Как только крылья твои окрепнут, ты улетишь отсюда. Люди ждут твоих вольных песен, Ай... Твои танцы – это песни, Ай... (*Отодвигает тяжелую штору. За окном с одной стороны виден залитый огнями Нагорный парк, с другой – море, отражающее огни. В небе вспыхивают разноцветные ракеты.*) Ты видишь, Ай, как прекрасен мир. А вы завешиваете окна шторами.

Н а т а в а н. У Хана привычка жалить всех, как оса.

А й г ы з. И не говори. (*Указывает на фрукты.*) Ну хорошо, садитесь, угощайтесь. А я сейчас заварю чай.

Уходит на кухню.

Х а н с у (*проводит рукой по голове Натаван*). Если не дразнить осу, она не станет жалить.

Н а т а в а н. А кто дразнит тебя?

Х а н с у. Хотя бы ты!

Н а т а в а н. А-а...

Х а н с у. Покойная бабушка назвала тебя именем Натаван. А ты переделала это красивое имя на Нату. Потому что ты далека от своего народа, мой любимый удод! Ты не знаешь того, что Натаван еще сто лет назад провела водопровод в адское пекло Мильской степи, чтобы ее земляки могли взрастить хлеб.

Н а т а в а н (*обиженно*). Большое тебе спасибо, Хан, но почему ты всегда сравниваешь меня с удодам?

Х а н с у. Ты права, не следует. Удод по крайней мере знает, что надо делать, чтобы жить на свете. А ты ничего не умеешь!

Н а т а в а н. Почему не умею? Что я, хромая или слепая?

Х а н с у. Слепая! Твои красивые глаза ничего не видят. За твоим красивым лбом нет ничего, кроме желания понравиться какому-нибудь дураку. Удод готовит своего птенца быть удодам. А ты Бог знает во что превратишь своего ребенка. Первое, что слышали наши деды в своих колыбелях, были песни их матерей о героизме. А первое слово, которое услышит твой сын в коляске, будет слово «мороженое».

Н а т а в а н. А-а... Значит, назад, к дедам, а культуры и прочей суеты не нужно?

Х а н с у (*сердито*). Культура не в том заключается, чтобы пихать ребенку шоколад! Истинная культура – это быть человеком, гражданином!

Н а т а в а н (*опечаленно*). Хан, почему ты стараешься уронить человека в его собственных глазах?

Х а н с у (*радостно*). Ага, значит ты еще не до конца погибла. (*Целует ее волосы.*) Мой невинный удод! Я знал, что нежные чувства, таящиеся в твоём добром, простом сердечке, однажды пробудятся.

Н а т а в а н (*печально*). Хан, ты серьезно говоришь или паясничаеть?

Хансу (*не слушая ее*). Не забывай, никогда не забывай, что ты дочь смелого народа!
Айгыз (*приносит поднос с чаем*). Пейте чай. Я заварила так, как тебе нравится, Хан.
Хансу (*пьет чай*). Ай, мы пришли забрать тебя с собой в Нагорный парк на гулянье.
Айгыз. Правда? Тогда я должна спроситься у папы.

Таир входит, холодно кивает Хансу и проходит в соседнюю комнату.

Натаван (*Хансу*). Что ты опять нахмурился?
Хансу. Ничего.

Возвращается Айгыз.

Айгыз (*печально*). Вы идите, Хансу. Я не смогу пойти, к отцу должны прийти гости.
Хансу. Ясно. (*Натаван.*) Пошли.

Хансу и Натаван уходят. Айгыз долго смотрит им вслед. Потом проходит на кухню. Приходит и садится Таир. Заметно, что он умылся и причесал волосы. Айгыз приносит чай.

Таир. Садись и ты, доченька.
Айгыз. Я не хочу чаю, папа.

Пауза. Таир опускает в чай сахар.

Таир. Кажется, ты обиделась, что я не разрешил тебе пойти с ними.
Айгыз. Нет, папа, я не обижаюсь. Раз ты не разрешил, значит, так надо.
Таир. Тебе не следует появляться в обществе вместе с ними. Люди о них плохого мнения.
Айгыз. Может быть, люди ошибаются?
Таир (*несколько резко*). Если ты начнешь исправлять людей, сама упадешь в их глазах. Ты будешь пытаться доказывать, что Хансу и Ната хорошие ребята, но никто не поверит тебе. И вдобавок про себя подумают: «Да, свой своему поневоле брат. И она такая же, как они».
Айгыз (*протестуя*). Только плохие люди могут думать так.
Таир. Нам нет дела до того, кто хороший, кто плохой. Нам важно мнение людей!
Айгыз (*с крайним удивлением*). Неужели это верно?
Таир (*отпив глоток чаю*). Наш долг вести себя должным образом как перед обществом, так и перед собственной совестью. Это необходимо и для нашего собственного счастья. Ты не должна давать людям никакого повода думать о тебе дурно и тем самым ставить свое счастье под удар. Кто хочет брать с нас пример, пусть берет. Против этого у нас нет возражений. А тем, кто не хочет брать примера, мы не можем приносить себя в жертву... Ясно тебе, дочка?
Айгыз (*задумчиво*). Ясно.
Таир. Тогда иди собирайся, я сам пойду с тобой на прогулку.
Айгыз. Зачем ты себя утруждаешь?
Таир. А для кого мне еще утруждать себя? (*Короткая пауза.*) Пойди, дочка, надень свое лучшее платье. Одежда должна быть такой же чистой, как совесть.

Айгыз направляется в соседнюю комнату, но останавливается.

Айгыз. Отец, интересно, Нурджахан-ханум и Сахиб тоже будут там?
Таир (*удивленно смотрит на нее*). Не знаю. А почему ты спрашиваешь?
Айгыз. Просто так.

Уходит. Таир качает головой.

Таир (*про себя*). Странный вопрос...

Свет гаснет, зажигается, и мы видим веселое гулянье в Нагорном парке. В небе вспыхивают разноцветные ракеты. Танцует молодежь. Входят Алмурад, Гёзель и Сахават. Все трое в новом нарядном. Гёзель одета сверхмодно, словно собралась соперничать с молодыми девушками.

Гёзель (*смотрит по сторонам*). Пах-пах!.. Смотришь – не налюбуешься!
Сахават (*показывает на столик перед будкой*). Давайте сядем здесь.

Сахават и Алмурад садятся.

Гёзель. Ах, хорошо!
Алмурад. Гёзель, иди садись.
Гёзель (*глядя на танцующих*). Да погоди ты!

Один из танцующих делает смешное па. Гёзель громко смеется.
Прохожие удивленно смотрят на нее.

Алмурад. Гёзель, хватит, иди садись.

Гёзель садится. Подходит молодая девушка – официантка.

Официантка. Что желаете?
Алмурад. Мне стакан какао и пахлаву.
Сахават. Гёзель-ханум, вы?
Гёзель. Быть бы тебе моей невесткой, красавица, у вас есть турфельный торт?
Официантка. Какой торт?
Гёзель. Турфельный.
Алмурад. Не турфельный, а трюфельный.
Официантка (*улыбается*). Есть. (*Записывает.*)
Гёзель. И бутылку гуршунного лимонада.
Официантка. Какого лимонада?
Гёзель. Гуршун.
Алмурад. Крюшон.

Официантка записывает и вдруг, приснув, зажимает рот рукой.

Сахават (*зло*). Почему вы смеетесь? Она же не официантка, чтобы знать все названия.
Официантка. Фу... Устала я.
Гёзель (*громко смеется*). Ах, чтоб тебе не сгореть! Она тоже, как Ната, говорит «фу».
Официантка. Вы говорите о Нате Гасановой?
Гёзель. Да. Вы знаете ее?
Официантка. Это моя подруга.
Гёзель. Да что ты говоришь! Тогда дай я поцелую тебя!

Наклоняет голову девушки и звучно целует ее.

Официантка (*вытирая лицо, Сахавату*). А вам что принести?
Сахават. Бутылку пива. И порцию икры.

Девушка записывает и уходит. Мимо проходит уважаемая личность с перекинутым через руку тонким плащом, легонько кивает Сахавату.

Сахават. Вы только посмотрите на него. Ровно два года должен мне сто рублей.
Гёзель (*указывает на танцующих*). Так красиво танцуют, что усидеть трудно. (*Ерзает на месте в такт музыке.*)
Алмурад. Гёзель, хватит!
Гёзель. Алмурад, ну что ты все ворчишь? Чем тебе плохо?
Алмурад. Гёзель, ешь, пей, наслаждайся, только молчи!

Проходит красивый, хорошо одетый мужчина со спутницей.
Улыбаясь, кланяется Сахавату.

Гёзель (*смотрит на них*). Посмотрите на жену этого красавца!
Сахават. Имя этого красавца тоже записано у твоего брата. (*Вынимает записную книжку, показывает имя мужчины.*) Герай Керемзаде. Восемьдесят рублей, 1965 год, 25 февраля.

Гёзель (*указывая на записную книжку*). Это все твои должники?
Сахават. Да, ровно семьдесят человек.
Гёзель. Ой... семьдесят человек!
Сахават. А ты за кого принимаешь своего брата? (*То и дело шмыгает носом.*) Только подлецы не возвращают долгов вовремя, чтобы...
Алмурад (*громко смеется*). Ну, ну, Сахи! Если они не возвращают вовремя, почему же ты одалживаешь?
Сахават. Приходят, просят, как-то неловко отказывать.
Алмурад (*снова громко смеется*). Ну, а если ты все равно одалживаешь, почему же они подлецы?

Гёзель и Алмурад хохочут.

Сахават (*шмыгает носом*). Ты тоже странный человек.

Прохожие смотрят на хохочущих Алмурада и Гёзель и улыбаются.

Алмурад. Скажи лучше, что у тебя слабость одалживать.
Сахават. Что скрывать, я ни от чего не получаю такого удовольствия, как от того, что такие пижоны, умники и гордецы приходят ко мне и, смущаясь, просят в долг...

Алмурад и Гёзель смеются.

Гёзель. Молодчага, Сахават...

Появляются Хансу и Натаван.

Сахават (*указывая на Хансу, Алмураду*). Твой родственник идет!
Алмурад. Измерить бы длину этого родственника плеткой!

Подходят Хансу и Натаван.

Хансу (*весело и фамильярно*). Привет, друзья!
Сахават (*с ласковой улыбкой*). Пожалуйста, дорогие, садитесь!
Хансу. Непременно. (*Придвигает два стула, кивает Натаван.*) Садись!
Алмурад (*приветливо улыбаясь и обращаясь к Хансу на «вы»*). Как вы себя чувствуете?
Хансу. Отлично!
Гёзель. Молодчага, с тех пор, как ты перешел на высокую должность, ты стал еще красивее.
Хансу. А вы разве не слышали, что светлые дни красят человека? Например, старожилы говорят, что в юности дядя Алмурад был черным, худым парнем. А теперь, слава Богу, хотя ему за шестьдесят, он силен, как богатырь!..
Гёзель (*громко смеется*). Ради Бога, поплуй, а то сглазишь.
Алмурад (*сладко улыбается Хансу*). Спасибо за комплимент!
Хансу. Официант! Бутылку шампанского!

Девушка приносит заказ. Хансу с шумом открывает шампанское.

Сахават (*Хансу*). Ты прямо как новый директор открыл шампанское.
Хансу (*не смутившись*). А как же! (*Наливает два бокала. Алмураду.*) Вы тоже желаете?
Алмурад. Нас уволь!
Сахават. Нет. Не уволит. Мы должны на этом прекрасном вечере поздравить нашего друга Хансу с назначением на эту новую должность.
Хансу. Значит, дядя Алмурад не хотел поздравить меня с новой должностью?
Алмурад. Твой дядя Алмурад всегда был твоим доброжелателем.
Гёзель. Клянусь Богом, твое имя постоянно у него на устах.
Алмурад. Гёзель, будет, ты лучше ешь.
Сахават (*поднимает бокал*). Да придет день, когда нашего дорогого Хана назначат министром.

А л м у р а д. Аминь!
Г ё з е л ь (*Хансу*). Целую тебя, малыш!
А л м у р а д. Гёзель, ешь!

Их разговор заглушает танцевальная музыка. Из глубины сцены выходят
Нурджахан, Сахиб, Таир и Айгыз.

А й г ы з. Мне хочется пить, папа.
Т а и р. Дома я предлагал тебе выпить чаю, ты отказалась.
Н у р д ж а х а н. Сахиб, отведи Айгыз попить воды.
С а х и б (*Айгыз*). С удовольствием... Может быть, пойдём все, поедим мороженое?
Н у р д ж а х а н (*Таиру*). Вы хотите?
Т а и р. Нет, спасибо.
Н у р д ж а х а н. Я тоже не хочу. (*Сахибу*.) Вы идите.

Таир и Нурджахан идут в одну сторону. Сахиб и Айгыз – в другую.
Сцена некоторое время пуста.

Г о л о с А й г ы з. Ой, какая холодная вода.
Г о л о с С а х и б а. Хотите еще стаканчик?
Г о л о с А й г ы з. Нет, хватит, пойдёмте.

Возвращаются.

А й г ы з. Когда я пью такую холодную воду, мне вспоминаются горы. Однажды мы ездили с отцом на эйлаг Сарыбаба. Там такие родники – ну, прямо ледяные!
С а х и б. Я знаю. Я много видел их. Наше село тоже в горах.
А й г ы з. А вы разве не здешний?
С а х и б. Нет. Я из одного селения с дядей Алмурадом. Мое детство прошло там.
А й г ы з. А как вы оказались потом в городе?
С а х и б. Отца назначили сюда на работу.
А й г ы з. А кем был ваш отец? (*Спыхватившись*.) Но, может быть, это неуместный вопрос? Тогда простите меня.
С а х и б. Почему же неуместный? Хочется узнать друг друга поближе.
А й г ы з. Правда. Мне интересна ваша жизнь.
С а х и б. Благодарю. Мой отец в прошлом был бакинским рабочим. Активно участвовал в революции. Это был смелый человек. Немного знал грамоту. После установления советской власти его послали в Карабахский уезд на ответственную должность. Проработав там несколько лет, он поехал в Москву и поступил в институт горных инженеров. Окончил институт и вернулся в Баку с повышением...
А й г ы з. А потом?
С а х и б. Потом начались трудности... Я лишился отца.

Короткая пауза. Где-то звучит мелодия вальса.

А й г ы з (*тихо*). Вы говорили, что дядя Алмурад и мой отец приняли участие в вашей судьбе...
С а х и б. Да, это так. (*Короткая пауза*.) Мой отец был оклеветан. Вскоре умерла мать. Я остался один. Вот в такое время они и пришли мне на помощь.
А й г ы з. Каким же образом?

Короткая пауза.

С а х и б. Однажды, в жаркий летний день я долго таскал грузы в Бакинском порту, ужасно устал, пришел в этот самый Нагорный парк, положил под голову пиджак вон на той скамье среди сирени и прилег.

Свет слабеет. Когда он усиливается, мы видим Сахиба, лежащего на скамье среди кустов сирени. К нему подходят двое подвыпивших молодых людей.
В руке у одного бутылка водки.

П е р в ы й п ь я н ы й (*Сахибу*). Эй, чего ты свернулся, как обезьяна? Вставай, выпей водки!

Сахиб. Спасибо, я не пью.
Второй пьяный (*грубо поднимает его*). Вставай, тюфяк!
Первый пьяный (*сует ему бутылку водки*). Пей!
Сахиб. Я устал... Не хочется...
Первый пьяный (*хохочет*). Дурак!.. Разве ты!.. Разве ты не слышал: устал – выпей водки, настроения нет – выпей водки!
Второй пьяный. Не хочешь пить, тогда пляши!

Напевают какую-то дикую мелодию и хлопают в ладоши.

Первый пьяный. Танцуй!
Сахиб. Я устал, братцы, не могу.
Второй пьяный (*бьет его*). Дурак! Под нашу песню нельзя не танцевать!

Избивают его. Вдруг Сахиб вырывает бутылку из рук первого и бьет по голове второго, тот падает. В это время слышится свисток. Сахиб хватается пиджак и убегает. Из кармана выпадает его паспорт. Первый пьяный поднимает его паспорт, рассматривает.

Первый пьяный (*вслед Сахибу*). Паспорт твой здесь! Тебе не отвертеться, дурачок!

Свет убавляется. Когда он усиливается, Сахиб стоит в большом кабинете перед Алмурадом.

Сахиб. Мама говорила, что вы с моим отцом односельчане... Помогите мне, у меня никого нет.
Алмурад (*поднимает трубку телефона*). Алло! Дайте пятое отделение. Привет! Кажется, ваши сотрудники разыскивают парня по имени Сахиб. Ага... Он сейчас у меня. Рассказал мне всю историю. Я верю, что он ни в чем не виноват. Что? Состояние раненого тяжелое? А что же, по-вашему, оставалось делать бедняге Сахибу? Ждать, пока его самого убьют? Такому хулиганью мало голову разбить. Вы лучше ищите бандюг, а не честных людей. Сейчас пришлю парня к вам. Прошу вернуть ему паспорт. Ясно? (*Кладет трубку, Сахибу.*) Иди прямо к начальнику!

Сахиб. Большое спасибо!
Алмурад. Постой, ты чем занимаешься?
Сахиб. Работаю в порту, на вокзале. Ношу грузы.
Алмурад. И не учишься?
Сахиб. Нет.
Алмурад. А хочешь учиться?
Сахиб. Конечно! Только...
Алмурад. Хорошо. Иди, начальник ждет тебя. А потом возвращайся ко мне. (*Достает деньги, протягивает ему.*) Вот, возьми пока!
Сахиб. Нет, не надо.
Алмурад (*приказывает*). Бери!

Сахиб вынужден взять деньги.

Алмурад (*ласково*). Я знал твоего отца...
Сахиб (*тихо*). Спасибо вам...

Сахиб выходит. Свет слабеет. Когда он усиливается, мы видим Сахиба перед Таиром, подписывающим бумаги. Пауза.

Таир (*наконец поднимает голову*). Ты кем приходишься Алмураду?
Сахиб. Он наш земляк, односельчанин моего отца.
Таир. Отец жив?
Сахиб. Не знаю.
Таир. Как его звали?
Сахиб (*сумрачно*). Аслан Курбанзаде.

Тяжелая пауза. Таир глубоко задумывается.

Т а и р (*поднимает телефонную трубку, звонит*). Ректора прошу. Здравствуйте. К вам придет один парень. Прошу вас помочь ему устроиться в институт. Нет, учиться он хорошо. Я звоню потому, что у него несколько необычная биография. Да, пока. (*Кладет трубку. Сахибу.*) Идите к ректору. Если возникнут какие-либо трудности, обращайтесь ко мне.

С а х и б. Большое спасибо. (*Выходит.*)

Таир смотрит ему вслед. Сцена темнеет. Когда светлеет, мы снова видим Айгыз и Сахиба на том же месте.

С а х и б. Так я и поступил в институт. Таир-муаллим устроил мне также небольшую работу, в министерстве. Днем я работал, а по вечерам учился. (*С горькой усмешкой.*) Как говорится, рос над собой.

А й г ы з. Как мне приятно, что мой отец сделал вам когда-то добро...

Слышится мелодия, исполняемая на пианино.

А й г ы з (*взволнованно*). Стравинский!

С а х и б. Это любимый балет Нурджахан-ханум. Из современных.

А й г ы з. Знаю. (*Задумчиво.*) Когда я смотрю на танцы Нурджахан-ханум, мне кажется, будто я переносюсь в совершенно иной мир. Ее танцы похожи на полет падающей звезды, которая оставляет за собой полосу света...

С а х и б. Жаль, что жизнь земных звезд не бывает такой долгой, как небесных. Она когда-то говорила, что, едва ей исполнится сорок лет, она оставит сцену. До сорока лет осталось совсем немного.

А й г ы з. Балет без Нурджахан-ханум?!

Пауза. Звучит музыка из балета Стравинского «Весна священная».

С а х и б. Нурджахан-ханум в вас видит свое будущее.

А й г ы з. Вы так думаете?

С а х и б. Она сама говорила об этом, и не раз.

А й г ы з (*взволнованно*). Ах... правда? (*Короткая пауза. Та же музыка.*) Я с тринадцати лет думала о сцене и о Нурджахан-ханум...

С а х и б. Идите на сцену, Айгыз! Сейчас нашему театру как воздух нужны молодые таланты.

А й г ы з (*взволнованно*). Вы правда уверены, что я талантливая?

С а х и б. Абсолютно уверен.

А й г ы з. Ах, сцена была бы для меня счастьем. Я хотела бы, чтоб люди чувствовали и видели в моих танцах наши горы, леса, родники, голубое небо. (*Короткая пауза.*) Только не знаю, как посмотрит на это отец.

Возвращаются Таир и Нурджахан.
В руках Нурджахан большой букет.

Н у р д ж а х а н (*Айгыз*). Этот букет мне преподнесла молодежь. А я дарю его тебе.

А й г ы з (*беря букет*). Спасибо!

Хансу и Натаван, проходя мимо, останавливаются.

Н а т а в а н. Айгыз, мы идем покупать маски. Купить тебе?

А й г ы з (*радостно и нерешительно*). Мне?..

Т а и р (*строго и тихо*). Мы идем домой.

Уходят вместе. Высвечиваются Нурджахан и Сахиб. Они смотрят на море.
Темное зеркало моря то и дело вспыхивает разноцветным отблеском ракет и зигзагами береговых огней.

Н у р д ж а х а н. Когда подумаешь, что когда-нибудь придется оставить всю эту красоту и уйти, кажется, будто под ногами разверзнется бездонная пропасть. (*Вдруг резко оборачивается и смотрит на Сахиба.*) Почему ты стал таким печальным?

С а х и б. У меня это с детства. К вечеру становится тяжело на душе.

Н у р д ж а х а н (*словно разговаривая сама с собой*). Отчего ж я до сих пор не замечала этого? Нет, ты никогда со мной не становился печальным так вот – вдруг...

С а х и б (*берет ее за руку*). Зачем ты думаешь о таких пустяках?

Н у р д ж а х а н (*высвобождая руку*). Нет, Сахиб, это не пустяки. Я чувствую...

С а х и б (*нетерпеливо*). Что ты чувствуешь?

Н у р д ж а х а н (*улыбается*). О, Юпитер, ты сердисься!..

С а х и б. Нисколько. Ты сама знаешь, что, если даже ты пустишь мне в сердце десяток пуль, я не охну.

Н у р д ж а х а н. Знаю. Но я знаю и то, что ты не прежний Сахиб.

С а х и б (*очень мягко*). Ей-Богу, ты ошибаешься. Тебе так кажется.

Н у р д ж а х а н. Почему мне должно что-то казаться? (*Гневно.*) Нет, я не выдумываю. Прежде ты, как тень, ни на шаг не отходил от меня. А сейчас достаточно было молодой девушке захотеть воды, чтобы ты тут же оставил меня. Я слышала твой смех...

С а х и б (*тихо*). Что ты такое говоришь?!

Н у р д ж а х а н (*вдруг резко хватает его руку и прижимает к лицу*). Я понимаю, что говорю не то, не так. (*Пауза.*) Поклянись, что ты любишь меня по-прежнему!

С а х и б. Но что я такого сделал, что ты во мне сомневаешься?

Н у р д ж а х а н. Не знаю. Но мне кажется, что теперь ты не любишь меня. Может быть, только уважаешь.

С а х и б. Любовь сотен таких, как я, не стоит и пылинки твоего искусства.

Н у р д ж а х а н (*кричит*). Я говорю не об искусстве! (*Пауза, упавшим голосом.*) Я говорю о женщине, которая в ужасе от одиночества и безответности своей любви. (*Гневно.*) А ты всякий раз, как об этом заходит речь, начинаешь расхваливать мое мастерство. Уж не для того ли, чтобы скрыть свои подлинные чувства? Кстати, со временем и искусство, как все остальное, скажет мне «прощай».

С а х и б (*печально*). Не могу понять, как эти проклятые сомнения закралась тебе в душу.

Н у р д ж а х а н (*пристально смотрит на него, вдруг обнимает и страстно целует*). Мой дорогой! Мой Сахиб! Ты сказал эти слова так от души, так печально... Извини меня. (*Счастливо.*) Как я могу не верить этому мужественному взгляду? Мы оба счастливы... Не так ли? Нет, ты не говори, ты молчи. Твои глаза скажут мне все так ясно, так искренне... Никакое сомнение не может устоять перед ними. Мы оба счастливы... Мы поедem на Гек-Гель. Летними вечерами будем кататься на лодке. Я буду петь тебе песни своей молодости. Ведь ты так любишь их... (*Вдруг потрясенно.*) О... почему ты именно их так сильно любишь? Может быть, ты и вправду любишь, но не меня, а ту, что пела их когда-то?

С а х и б. Нурджахан, неужели тебе приятно оскорблять меня?

Н у р д ж а х а н. Ты, действительно, чувствуешь себя оскорбленным?

С а х и б (*резко*). Ты же знаешь, что я все стерплю, кроме оскорбления!

Н у р д ж а х а н. Знаю! Знаю, что ты настоящий мужчина. Поэтому я твоя пленница.

С а х и б. Не говори так, Нурджахан. Ты свет моей жизни! Ты моя гордость! Моя радость!

Н у р д ж а х а н. О, даже радость!

С а х и б. Разве ты не чувствуешь этого?

Н у р д ж а х а н. Конечно, чувствую. (*Целует его.*) Если бы не чувствовала, как я могла бы жить?

С а х и б. Ты живешь не только для одного человека, Нурджахан. И не говори, что ты пленница. Это – как засадить солнце в тюрьму.

Н у р д ж а х а н (*нервно хохочет*). Видишь, за каждой твоей фразой кроется что-то еще. Коль я нужна всему народу, значит, могу обойтись и без тебя, так, что ли?

С а х и б (*с неожиданной для Нурджахан гневной решимостью*). Видно, судьба создала между нашей любовью такое равновесие, что, если оно нарушится, мы не сможем жить.

Н у р д ж а х а н. Ни один из нас?

С а х и б. Ни один из нас!

Пауза.

Н у р д ж а х а н (*только теперь приходя в себя, глубоко вздыхает. Кажется слабой, как люди после обморока*). Пойдем, Сахиб, я очень устала.

Берет Сахиба под руку, и они медленно удаляются. На небе гаснут разноцветные ракеты. Сцена темнеет. Когда свет прибавляется, мы видим кабинет Сахиба. Перегородка отделяет его от приемной, в которой сидит Натаван.

Н а т а в а н *(по телефону)*. Председатель занят. Позвоните через двадцать пять минут.

Кладет трубку. Входит Джейранзаде и направляется прямо к кабинету.

Н а т а в а н. Пойдите, куда вы? *(Тот не отвечает. Натаван преграждает ему путь.)* Что вам нужно?

Д ж е й р а н з а д е *(нервно)*. Долму!

Н а т а в а н. Долму закажите дома своей жене! А председатель не может сейчас принять. Он занят.

Д ж е й р а н з а д е. С вами не ребенок говорит, а начальник стройки.

Н а т а в а н. Какая разница? Председатель начнет прием ровно в три часа, запишитесь в очередь.

Д ж е й р а н з а д е. Я – в очередь?

Н а т а в а н. Да, вы, в очередь.

Д ж е й р а н з а д е *(с угрозой)*. Хорошо, запишите.

Н а т а в а н. Фамилия?

Д ж е й р а н з а д е. Моя фамилия Джейранзаде.

Н а т а в а н. Как? Джейранзаде. Джейранзаде.

Натаван прыскает и зажимает рот рукой.

Д ж е й р а н з а д е *(со странной ухмылкой)*. Ну что, чувиха? Рада?

Н а т а в а н. Выбирайте слова. Я вам не чувиха. Я секретарь председателя.

Д ж е й р а н з а д е. Ой, напугала!.. *(Очень комично выбегает из комнаты.)*

Входит Хансу, хочет зайти в кабинет.

Н а т а в а н. Сейчас звонила Ай.

Х а н с у *(останавливается)*. Что она говорит?

Н а т а в а н. Сказала, что была в оперном театре.

Х а н с у. В оперном?

Н а т а в а н. Ей предлагают ведущую партию в «Лебедином озере».

Х а н с у. Что она ответила?

Н а т а в а н. Она согласна. Только, говорит, должна попросить разрешения у отца.

Х а н с у. Ну, если у отца – пиши пропало.

Н а т а в а н. Эх, будь у меня такой талант, я никого не стала бы спрашивать. Прямо на сцену, и все.

Х а н с у. Если б у тебя был такой талант, ты не смогла бы так сказать.

Н а т а в а н. Почему?

Х а н с у. Потому что для истинного таланта жизнь – не стакан воды.

Н а т а в а н. Не понимаю, Хан, что ты хочешь сказать?

Х а н с у. Я хочу сказать, что гений и трудности рождаются близнецами. Препятствия на каждом шагу преграждают путь гению. А бездарный демагог способен проникнуть в каждую щелку, быть первым там, где пахнет жареным, и всюду выходить сухим из воды.

Н а т а в а н *(обиженно)*. Значит, я бездарность, да еще и демагог?

Х а н с у. Ах, мой любимый, наивный угод!

Н а т а в а н. Хан, опять угод?

Х а н с у. Ну, когда же ты поймешь меня? Когда я говорю об истинном таланте, я имею в виду не только Шекспира и Александра Македонского. Для меня талант – это, прежде всего, человеческое достоинство. Умение правильно понимать свой долг. Понимать смысл жизни. Завистники, демагоги всего этого лишены. Они живут инстинктами. Поэтому они опасны...

Н а т а в а н. Хан, я не сделала ничего плохого. Я не считаю себя виноватой ни в чем. Но каждый раз, когда я слушаю тебя, я сама себе кажусь какой-то... ну, не такой. Словно я виновата в чем-то.

Х а н с у *(ласково)*. Ни в чем ты не виновата. Кто в чем-то виноват, так легко не признает своей вины. Они улыбаются человеку в лицо, словно ангелы, только что сошедшие с неба... Председатель здесь?

Натаван кивает. Хансу входит в кабинет Сахиба.

Х а н с у. Мы должны непременно обеспечить в этом квартале двадцать пять семей рабочих квартирами. Я сам проверил все эти дома.

С а х и б (*записывает в блокнот*). Дальше?

Х а н с у. За опоздание на шесть месяцев со сдачей жилого дома для рабочих цементного завода надо объявить начальнику строительного управления Джейранзаде строгий выговор с последним предупреждением.

С а х и б (*записывает*). Что еще?

Х а н с у. А еще... Начальника Мурадзаде необходимо снять с работы.

С а х и б (*кладет ручку, заинтересованно*). Он плохо работает?

Х а н с у. Нет, работает он неплохо. Только ему нельзя доверять судьбы людей.

С а х и б. Что же такого он сделал?

Х а н с у. Ну, например, за шесть месяцев сместил трех директоров.

С а х и б. Почему?

Х а н с у. Все дело в этом «почему». Одного директора он снял за то, что тот не принял на работу присланного им человека.

С а х и б. Дальше?

Х а н с у. Второго он снял за то, что тот сказал ему правду в глаза. Одним словом, самодур и деспот. (*Пауза.*) Говорят, прежде он не был таким. Работал рядовым инженером и был скромным, общительным и приветливым парнем. Я даже напомнил ему об этом.

С а х и б. И что он ответил?

Х а н с у. Говорит, начальник должен быть начальником. А я сказал ему: это верно, начальник должен быть начальником, но не господином!

С а х и б. Я тоже знаю Мурадзаде. Мы вместе учились в политехническом. Это был хороший парень.

Х а н с у. Ну, раз он в рядовых работниках был порядочным человеком, пусть снова вернется в инженеры.

С а х и б. А кто же будет руководить производством?

Х а н с у. Руководство таких «господ» ведет лишь к тому, что у людей опускаются руки.

С а х и б. Ты считаешь, что если мы снимем Мурадзаде с поста начальника, то дела сразу наладятся? Прежде и я так думал. Я тоже горел желанием крушить карьеристов, возомнивших себя господами... Но потом я понял, что все не так просто, как кажется. Если мы на каждом шагу будем терять по одному Мурадзаде, мы развалим производство раньше, чем подберем преемников. Мы должны установить причины, вызывающие эту болезнь и уничтожить ее. Мы должны заняться профилактикой. Люди не родятся самодурами.

Свет, падающий на них, слабеет. Высвечивается Натаван.

Входит Алмурад.

А л м у р а д (*шутливо*). Достопочтенный председатель у себя?

Н а т а в а н. Он занят, дядя Алмурад, посидите немного.

А л м у р а д. Поди ты! (*Входит в кабинет председателя. Свет высвечивает кабинет.*)
Здравствуйте!

С а х и б. Здравствуйте.

А л м у р а д (*Хансу*). Как идут дела нового заместителя?

Х а н с у. Как ракета.

А л м у р а д (*с иронией*). Я слышал, что твои дела идут как по маслу. А вот что они идут, как ракета, слышать не приходилось.

Х а н с у. Ну, теперь будете знать. Разве мы живем не в атомный век?

А л м у р а д (*обиженно*). Тебе виднее...

Х а н с у (*Сахибу*). Я пошел.

Выходит.

А л м у р а д (*кивает в сторону ушедшего Хансу*). Он еще здесь?

Сахиб. Да.

Алмурад. Вопрос о снятии поставил? Я слышал, и наверху его еще не утвердили.

Сахиб. Утвердят. Такие работники, как Хансу, нам очень нужны.

Алмурад. За разъяснение мерси. *(Короткая пауза.)* А как же вчерашний разговор с Гёзель-ханум? Забыл?

Сахиб. Помню. Как только будет подходящая вакансия, я сообщу вам.

Алмурад. Подходящая вакансия была, что же ты не сообщил?

Сахиб *(подавляя злость)*. Дядя Алмурад, я назначил на эту должность Хансу.

Алмурад *(с обидой)*. Вот спасибо тебе! Удружил!

Встает и выходит. Сахиб вздыхает и смотрит ему вслед.
Потом погружается в чтение бумаг. Входит Джейранзаде.

Джейранзаде. Здравствуйте.

Сахиб *(не поднимая головы)*. Здравствуйте.

Джейранзаде *(смутившись)*. Товарищ председатель, это я, Джейранзаде.

Сахиб *(не поднимая головы)*. Вижу. *(Джейранзаде глубоко вздыхает. Сахиб поднимает голову.)* Что случилось?

Джейранзаде *(поправив галстук, начинает речь)*. В то время как честные, преданные сыны народа остаются в стороне, вы назначаете на высокую должность *(копируя движением тела)* всяких твистунов... А они позволяют себе черт знает что!

Сахиб *(спокойно)*. Говорите конкретно!

Джейранзаде. Я спрашиваю, кто такой Хансу? *(Бьет себя в грудь.)* Где он был, когда мы боролись?

Сахиб *(спокойно)*. С кем вы боролись?

Джейранзаде. Как с кем? С врагами народа!

Сахиб. С чьими врагами?

Джейранзаде. Народа...

Сахиб. Но лично вы, Джейранзаде, друг народа?

Джейранзаде. Я жизнь свою положил для блага народа.

Сахиб. В таком случае, почему вы месяцами затягиваете строительство, в то время как дети народа живут еще кое-где в подвалах?

Джейранзаде. Пусть вовремя дадут материал, и я вовремя закончу строительство.

Сахиб. А в прошлом году почему вы на девять месяцев затянули сдачу четыреста шестого квартала? А до него почему вы на год и восемь месяцев позже сдали жилой дом? Если вам не давали вовремя материала, почему вы молчали? Потому что за все это вам никто не сказал слова упрека. Потому что вы для своего начальника построили в Мардакянах за счет государства двухэтажную дачу.

Джейранзаде *(заикается)*. Я... я... я... при-пришел сюда не для того, чтобы вы во-во-ворошили прошлые дела. Нас зна-знают...

Сахиб *(ударяет кулаком по столу)*. Вы – саботажники, подхалимы и жулики, говорящие от имени народа!

Джейранзаде пытается к выходу и сталкивается с разгневанной Гёзель.

Гёзель. Осторожно, не раздави меня. Что это ты так бежишь, Джейран?

Джейранзаде. Как же не бежать бедному Джейрану? Разве с ними можно работать?

Выходит. Гёзель грозно входит в кабинет.

Гёзель. Послушай-ка, ты...

Сахиб. Здравствуйте, Гёзель-ханум.

Гёзель. Сложи свое «здравствуйте» и спрячь в карман. Когда Алмурад вытащил тебя из-под котла, когда он спас тебя от пули и устроил в институт, когда сделал из тебя человека, он был хорошим, а теперь плохой?

Сахиб. Послушайте...

Г ё з е л ь. Ничего не хочу слушать! Я не дочь своего отца, если не выведу тебя на чистую воду и перед правительством, и перед городом! Отец Алмурада всю свою жизнь батрачил, но не был расстрелян, как твой отец. В то время, когда ты носил в кармане нож и хулиганил, разбивал водочными бутылками головы людям, Алмурад служил государству. Подумай как следует, иначе я все выложу!

Уходит.

Н а т а в а н. Тетя, что случилось?
Г ё з е л ь. Не твое дело!

Уходит. Входит Айгыз. Здоровается с Натаван.

А й г ы з. Сахиб-муаллим здесь?
Н а т а в а н. Здесь, заходи.
А й г ы з (*входит*). Здравствуйте.
С а х и б. Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста.
А й г ы з. Кажется, вы чем-то расстроены. Что-нибудь случилось?
С а х и б. Ничего. Поздравляю вас. Директор оперы звонил мне, сказал, что вы согласились.
А й г ы з. Только боюсь, что отец не согласится. Я пришла попросить вас: может быть, вы поговорите с ним?
С а х и б (*колеблясь*). Если в этом есть нужда...
А й г ы з. Если отец не разрешит, я не смогу пойти на сцену.
С а х и б. Странно. Если отец не собирался в будущем выпускать вас на сцену, зачем же он отдал вас в хореографическое училище?
А й г ы з. В хореографическое училище меня мама определила. Она тоже была поклонницей Нурджахан-ханум и любила искусство.
С а х и б. Я поговорю с Таир-муаллимом. Конечно, родителей надо уважать. Но и они должны уважать детей. Не так ли?
А й г ы з. Верно, но все же вы постарайтесь уговорить отца и получить его согласие. Я хочу пойти на сцену. Но мне не хотелось бы огорчать его.
С а х и б. Я постараюсь.
Г о л о с Н а т а в а н. Председатель занят. Прошу вас подождать немного.
Г о л о с С а х а в а т а (*шутливый*). Дядя Сахават не привык ждать в приемных.

Входит.

С а х а в а т. Здравствуйте.
С а х и б. Добро пожаловать.

Сахават садится. Айгыз поднимается.

А й г ы з (*задумчиво*). Я пойду. Потом я позвоню вам.
С а х и б. Хорошо. Буду ждать.
А й г ы з. Будьте здоровы.
С а х и б. Всего доброго.

Айгыз уходит.

С а х а в а т (*улыбается*). Хорошенькая девушка.
С а х и б. Славная девушка.
С а х а в а т. Как Хансу? Работает пока?
С а х и б. Да, работает.
С а х а в а т. Не думаешь снимать в ближайшее время?
С а х и б (*с умыслом*). Даже если мы снимем Хансу, на его место много охотников.
С а х а в а т. Кто же, например?
С а х и б. Например, твой друг Алмурад.

С а х а в а т (*вспыхивая*). Этот человек, старея, начинает жутко глупеть. Спрашивается, ну где тебе, невежде и неучу, претендовать на это место? Ты же не знаешь, что в мире творится. От тебя архивом пахнет. (*Сахибу*.) Тебе дела нет до этого. Как только снимешь Хансу, поговори там, наверху, и дай приказ обо мне. Тогда посмотрим, что он будет делать...

С а х и б. Но вы же друзья!

С а х а в а т. Друг, так пусть сидит и не рыпается. Знает, что я претендую на эту должность и суется везде. (*Подражая Алмураду*.) «Гёзель, хватит, Гёзель, помолчи». Ах, продажная шкура! Смотри, как он хочет обскакать меня!

С а х и б (*серьезно*). Не стоит понапрасну ссориться друг с другом. Пусть лучше Хансу работает на этом месте.

С а х а в а т. Это твое последнее слово?

С а х и б. Да, последнее. (*Перестав сдерживаться, нервно*.) То и дело приходят и говорят: «Сними Хансу, назначь меня!» Куда это годится? Ведь я же знал вас совсем другими!

С а х а в а т. Конечно, когда у тебя было ко мне дело, когда ты то и дело бегал ко мне за деньгами, ты знал меня другим.

С а х и б. Я вернул тебе все до копейки.

С а х а в а т. Ничего, опять придешь.

С а х и б (*внимательно смотрит на него*). Почему ты получаешь такое удовольствие, когда люди оказываются в затруднении?

С а х а в а т. Потому что лучше видеть их у своих дверей, чем, не дай Бог, идти к их дверям. Доказать? Пожалуйста! В кои веки раз я пришел просить у тебя должность, и вот как ты поступаешь.

С а х и б. Сахават, дорогой! Ведь наша совесть, честь, наш человеческий долг требуют, чтобы мы выше всего ставили дело, служили, как могли, народу. Ведь это говорится и во всех наших сказках, легендах, преданиях. Если Хансу на этой должности приносит пользу, почему я должен снять его и назначить тебя? Потому что когда-то ты одолжил мне денег?

С а х а в а т. С таким неблагодарным человеком, как ты, я и разговаривать не хочу!

Гневно выходит. Входит Натаван с полным стаканом.

Н а т а в а н. Я принесла вам холодного шербета, выпейте и не нервничайте.

С а х и б. Не нервничать невозможно, не дают работать. «Сними Хансу, назначь меня!», «Подумай обо мне!», «Отблагодари меня!»

Н а т а в а н. А вы не обращайтесь на них внимания.

С а х и б. Не обращать внимания на них можно. На это у меня хватит и воли, и смелости. Весь вопрос, что будет дальше. (*С болью*.) Ну, откуда всплыла эта акула в дяде Алмураде, который когда-то встал на защиту одинокого парня, портового грузчика, помог ему стать человеком? Неужели и мы в будущем станем такими, как Алмурад и Сахават? Неужели и наша борьба за правду и справедливость только до поры до времени?

Берет стакан, выпивает шербет. Свет гаснет, слышится телефонный звонок. Алмурад берет трубку. Гёзель выходит из кухни.

А л м у р а д. Слушаю.

Высвечивается Сахават на другом конце провода.

С а х а в а т (*шмыгает носом*). Ты видишь этого неблагодарного?

А л м у р а д. Ты о ком?

С а х а в а т. О ком еще? О господине, которого ты и я вывели в люди.

А л м у р а д. Сахават, Сахават! Клянусь тебе хлебом, который мы едим, он оказался таким неблагодарным – второго такого не сыскать...

С а х а в а т. Я пошел к нему по поводу одного достойного человека, а он показал мне коготки.

А л м у р а д. И я ходил к нему по просьбе одного... честного малого. Он даже не посмотрел на меня.

С а х а в а т. Сами виноваты.

А л м у р а д. И не говори! Чтоб наше добро боком ему вышло!

Гёзель (*приблизившись к трубке*). Чтоб оно из обеих ноздрей у него вытекло!
Алмурад. Гёзель, помолчи... (*В трубку.*) Ты посмотри, кому мы делали добро...
Сахава т. Пришел к нему, а племянница Гёзель-ханум не хотела меня впускать, говорит, у него посетитель. А я все-таки вошел. И кто, вы думаете, был у него? Айгыз!
Алмурад. Ух ты! А что она там делала?
Сахава т. Не знаю. При моем появлении оба покраснели.
Алмурад. Умоляю, ты правду говоришь?
Гёзель. Слушай, что он говорит про Айгыз?
Алмурад. Гёзель, подожди, сейчас расскажу. (*В трубку.*) Ну-ну!
Сахава т. Увидев меня, девчонка встала и ушла.
Алмурад. Умоляю, ты правду говоришь?
Сахава т. Клянусь жизнью!
Гёзель (*с еще большим любопытством*). Слушай, что же он говорит про Айгыз?
Алмурад. Гёзель, подожди минутку. (*В трубку.*) Во всяком случае это был не деловой вопрос.
Сахава т. Да нет! Какие там дела?!
Алмурад. И вчера на гулянье они отделились от всех и перешептывались.
Сахава т. Ты не знаешь его, это тот еще карьерист. Когда-то женился на Нурджахан-ханум, чтобы использовать ее славу, а сейчас привязался к Айгыз, которая моложе его на семнадцать лет, чтобы в случае необходимости пристроиться под сенью ее отца.
Алмурад. Точно...
Гёзель. Слушай, ради Бога, что же он говорит про Айгыз?
Алмурад. Гёзель, помолчи!
Сахава т. Сейчас я позвоню и все сообщу Таиру.
Алмурад. Раньше Таира надо известить Нурджахан-ханум.
Сахава т. Известили.
Алмурад. Так быстро?

Хохочет.

Сахава т. А ты за кого принимал своего братца? Когда я возвращался от Сахиба, встретил на улице Нурджахан-ханум.
Алмурад. Понятно... (*Хохочет.*) Это хорошо! Для нас средства хороши!
Сахава т. Ясно. А что делать?
Алмурад (*многозначительно улыбается*). Тебе видней...
Сахава т. Да?
Алмурад (*с тайным намеком*). Вот именно.
Сахава т. Тогда вечером выходи на бульвар.

Свет переключается. Кабинет Сахиба. Он занят работой.

Молча входит Нурджахан.

Сахиб (*вдруг заметив ее*). Ой, Нурджахан, какими судьбами?
Нурджахан. Заблудилась.
Сахиб (*шутливо*). Всегда бы так! Садись же. (*Подходит к ней. Нурджахан не садится. Сахиб, ласково.*) Как хорошо, что ты пришла, у меня словно гора с плеч свалилась...
Нурджахан (*не слушая его*). Что делала тут Айгыз?
Сахиб. Приходила посоветоваться, как уговорить отца, чтобы разрешил ей пойти в балерины.
Нурджахан. А почему сюда? Она не знает, где мы живем?
Сахиб. Наверное... потому, что я был здесь... А что в том, что она пришла на работу?
Нурджахан. С каких пор вы стали такими близкими друзьями, что Айгыз приходит к тебе за советом, да еще тайком?
Сахиб. Нурджахан, я не могу выносить, что ты опустилась до уровня сахаватов!
Нурджахан. Какими бы ни были эти сахаваты, они всегда начеку, всегда трезвы, а мы, люди искусства, пьянеем от первой же рюмки, преподнесенной нам жизнью. Когда я впервые увидела тебя, заглянула в твои глаза, мне показалось, что ты самое чистое существо на свете.

С а х и б. И с той первой минуты нашей встречи я даже мысленно не обманывал тебя. Я интересуюсь судьбой Айгыз потому, что она талантлива. Неужели ты хочешь унести с собой всю красоту своего искусства?

Н у р д ж а х а н (*усмехается*). Ты разговариваешь со мной так, будто я вот-вот помру... Думаешь, я ревную тебя к Айгыз? Нисколько! Айгыз – цветок, только что распустившийся. Она может быть, и не знает, что у тебя на уме.

Джейранзаде приближается к двери и подслушивает.

С а х и б. Нурджахан!

Н у р д ж а х а н (*кричит*). Хватит! Неблагодарный! Я была для тебя не только женой. Я вытащила тебя из грязи. Когда ты встретился со мной, у тебя не было смены белья.

С а х и б. Нурджахан!

Н у р д ж а х а н. Теперь ты стал председателем. Общаешься с большими людьми. Теперь тебе нужна девятнадцатилетняя красавица. Нурджахан стара. Нурджахан сходит со сцены...

Без чувств падает на диван.

С а х и б (*кричит*). Натаван!

Прибегает Натаван. Гневно отшвыривает Джейранзаде от двери. Вместе с Сахибом пытается привести Нурджахан в чувство.

Н а т а в а н. Надо вызвать врача!

Берет трубку. Свет гаснет.
Когда зажигается, мы видим квартиру Таира. Таир и Айгыз.

Т а и р (*сдержанно*). Ты умная, воспитанная девушка. Как же могло случиться, что ты без моего ведома пошла к директору театра и даже дала слово стать балериной?

А й г ы з. Я пока не дала слова. Я сказала им, что сперва должна получить разрешение отца.

Т а и р. Значит, ты дала им знать, что согласна.

А й г ы з. Да.

Т а и р. А ты не подумала, в какое глупое положение перед ними ты поставила меня?

А й г ы з. Я думала, что ты дашь согласие. Разве ты во всех своих речах не говоришь, что наш священный долг отдать все свои способности народу?

Пауза.

Т а и р (*тихо и медленно*). Служить народу – наш долг... Рано или поздно мы должны вернуть этот долг... Но кроме этого, у нас есть и личная жизнь.

А й г ы з. Не могу понять, как их можно отделять друг от друга.

Т а и р. Прошу тебя не спорить с отцом.

А й г ы з. Я не хочу скрывать от отца ни одного своего желания, ни одного своего чувства.

Т а и р (*мягко*). Но ведь нужно слушаться отца, понимать, его. Недавно я рассказывал тебе, кем был Сахиб в прошлом. (*Повышая голос.*) И ты, девушка, пришла к нему одна. Сидишь с ним наедине и беседуешь. А Ната не впускает к вам даже такого человека, как Сахават.

А й г ы з. Я ходила к Сахибу поговорить об опере. Я считаю его умным и искренним человеком.

Т а и р. Прежде всего у тебя есть отец! Понятно?

А й г ы з. Нет, отец! Мне непонятно. Мне ничего не ясно...

Т а и р (*подавив гнев*). Я не буду нянчиться с твоими капризами. Выкинь из головы мысли об опере. А с Сахибом никаких разговоров, ни слова, кроме «здравствуйте». Теперь тебе понятно?

А й г ы з. Да.

Т а и р (*смотрит на часы*). Я иду на собрание. А ты садись и делай уроки. Придет домработница, не забудь послать ее за яблоками и кефиром для меня. Пока.

Целует Айгыз в лоб. Выходит. Айгыз провожает его долгим взглядом. Потом подходит к пианино, трогает клавиши. Но играть ей не хочется. Берет нотную тетрадь, смотрит, бросает на место. Потом пристально и внимательно смотрит на стены, словно видит их впервые и удивлена. С тем же вниманием и удивлением смотрит на портрет отца. Лицо человека, смотрящего с портрета, так же спокойно и серьезно, как в жизни. Потом вдруг в комнате словно темнеет, и в глазах девушки появляется ужас. В это время снаружи слышится голос Хансу.

Г о л о с Х а н с у. Айгыз!

А й г ы з (*с радостью распахивает окно*). Хансу!

Г о л о с Х а н с у. Ты прямо как Джульетта откликнулась. Интересно, откуда сегодня солнце вошло?

А й г ы з. Заходи, Хан.

Хансу входит.

А й г ы з. Как хорошо, что ты пришел, Хансу!.. Я так скучала!..

Х а н с у. По мне?

А й г ы з. Не знаю, Хан. Только на мгновение мне показалось, что вокруг темно, и это не наша квартира...

Х а н с у. Может быть, вызвать «Скорую»?

А й г ы з. Ты всегда шутишь, Хан!

Х а н с у. Почему же всегда? Если ты намерена говорить всерьез, Ай, я тоже буду серьезен.

А й г ы з. Хан, человек может жить, если не осуществит самого заветного, самого большого своего желания?

Х а н с у. Может!.. Но он должен заменить эту одну большую мечту по крайней мере несколькими маленькими.

А й г ы з (*с обидой*). Хан, ты действительно так думаешь или ты шутишь?

Х а н с у. Ай, ответ на твой вопрос не может быть серьезным.

А й г ы з. Почему, Хан?

Х а н с у. Потому что ты так спрашиваешь, словно хочешь сказать: «Хан, может человек жить без шоколада?» Я отвечаю, что тогда он должен, по крайней мере, сосать барбарис.

А й г ы з. А как я должна была спросить?

Х а н с у. Наверное, надо было советоваться о том, что ты должна сделать, чтобы достичь своей мечты. Что сделать? Понятно тебе? Ты же словно заранее смирилась с поражением. Если б ты спросила иначе, тогда и Хан ответил бы тебе иначе.

А й г ы з. Что же он ответил бы?

Х а н с у. Он ответил бы, что большое желание требует большой борьбы.

А й г ы з. А если против этого желания, словно гора, стоит самый близкий, самый родной человек? И все его мысли, все чаяния связаны с твоим счастьем...

Х а н с у. Да... Тогда дело осложняется. В таком случае надо выяснить, в чем смысл, в чем правда этого желания, и почему этот «самый родной человек» превратился в черного попа, который считает, что желания надо подавлять...

А й г ы з (*обижается*). Хватит, Хан! Речь идет обо мне и о моем отце.

Х а н с у. Извини, но я говорю то, что думаю.

А й г ы з (*печально и тихо*). Отец не согласен, чтоб я шла в театр. А для меня самое большое желание на свете, самое заветное – танцевать. В этом моя истинная жизнь! Если меня лишат этого, я умру, Хан! Может быть, попросить у Нурджахан-ханум, чтобы она поговорила с отцом?

Х а н с у. Бесполезно.

А й г ы з. Почему?

Х а н с у. Потому что отец считает себя умнее всех, справедливее всех.

А й г ы з (*вспыхивает*). Прошу тебя не говорить о моем отце неуважительно.

Х а н с у. Считать правду неуважением давно не модно, Ай!

А й г ы з. По-твоему, мой отец неумный человек?

Х а н с у. Знаешь, Ай, ум бывает разным.

Короткая пауза.

А й г ы з. Если б твоя дочь оказалась в моем положении, что ты ответил бы ей, Хан?

Х а н с у. Для того, чтобы моя дочь появилась на свет и достигла твоего возраста, потребуется двадцать лет. К тому времени необходимость в ответе отпадает. Ты лучше спроси, будь у меня такая невеста, как ты, и если б ее пригласили балериной в театр, что я ответил бы ей?

А й г ы з. Что бы ты ответил, Хан?

Х а н с у. Я сказал бы ей: иди и не забывай, что на свете для нас нет иного счастья, чем большое дело, большое искусство.

Айгыз радостно бросается на шею Хансу и целует его, но, спохватившись, испуганно отступает.

А й г ы з. Ой, с ума я сошла, что ли?

Х а н с у (*шутливо*). Наоборот, никогда ты еще не поступала так разумно.

А й г ы з (*серьезно и внимательно смотрит на него*). Хан, не забывай, что я верю тебе...

Х а н с у (*искренне*). И я горжусь твоим доверием, Айгыз. Это доверие поднимает меня в собственных глазах. До небес поднимает!

А й г ы з (*берет его за руки и склоняет голову ему на грудь*). А мне всегда хотелось делиться с тобой своими самыми сокровенными мыслями.

Х а н с у. Твои мысли – как бутоны, раскрывшиеся весенним утром, Ай! Понять их – значит проникнуть в самую жизнь.

Входит Натаван. Увидев их, хочет вернуться.

А й г ы з (*не отнимая головы от груди Хансу*). Не уходи, Ната!

По радио начинает звучать музыка Стравинского. Хансу берет за руки Айгыз и Натаван, и они идут на авансцену, к рампе. Свет гаснет. Когда он вспыхивает, мы видим приемную Сахиба. Натаван с листом бумаги торопливо выходит из кабинета. Входят Алмурад, Сахават и Гёзель.

Г ё з е л ь (*с добродушной иронией*). Что случилось, Ната, ты забегалась что-то?

Н а т а в а н (*хмуро*). Я спешу. Надо вот срочно перепечатать...

Г ё з е л ь. Говорят, председателя снимают?

Н а т а в а н (*с неприглядным видом*). Идите, комиссия ждет вас.

Убегает.

А л м у р а д (*Гёзель*). Вот она, твоя племянница! Мы привезли ее из села, учили, вывели в люди, и вот как она отвечает нам теперь. Да что говорить, человек вскормлен сырым молоком.

С а х а в а т. До тех пор, пока на коне сахибы и хансу, молодежь и будет такой. Они повсюду сеют семена неуважения к старшим и неблагодарности. Они вредят обществу.

Г ё з е л ь. Скажи все это комиссии.

А л м у р а д (*с сомнением*). Сказать-то мы скажем. Посмотрим, как отнесутся к этому наверху.

С а х а в а т (*выходя из себя*). Вы тоже странные люди! По-вашему, наверху станут покрывать убийцу, который скрыл, что убил человека; преступника, который обманул государство, чтобы занять высокую должность?

А л м у р а д. Ты уверен, что тот человек умер от раны, которую Сахиб тогда нанес в парке?

С а х а в а т. По моему настоянию комиссия сделала запрос и получила официальную справку из больницы.

А л м у р а д. Значит, больница подтвердила, что эта история кончилась смертью?

С а х а в а т (*улыбается*). Твой братец знает, что делает.

А л м у р а д. Дай Бог, дай Бог.

С а х а в а т. Вчера молодая финтифлюшка по имени Рафига получила у него двухкомнатную квартиру. Спрашивается, за что?

А л м у р а д. Нет, нет, об этом не говори. Рафига не финтифлюшка, она известная ткачиха. На днях и в газете писали о ней. К тому же у нее трое детей.

Г ё з е л ь (*громко смеется*). Ай да молодчага, Сахи! Хорошо, что ты предупредил его, иначе весь наш труд пошел бы впустую... Финтифлюшка!

Снова громко смеется. Алмурад присоединяется к ней. Входит Натаван, ставит печать на официальную бумагу.

С а х а в а т. Хорошо, а что ты скажешь о том, что Нурджахан-ханум с ним разводится?

А л м у р а д. Да не может быть!

С а х а в а т. Ты что, не в курсе? Вчера они такой скандал закатили. Джейран как раз оказался здесь.

А л м у р а д. А в чем дело?

С а х а в а т. Из-за Айгыз.

Входит взволнованный Джейранзаде.

Д ж е й р а н з а д е. Здравствуйте, вас тоже комиссия, вызвала?

С а х а в а т. Да, и тебя тоже?

Д ж е й р а н з а д е. Конечно! Когда честные, преданные сыны народа остаются в стороне, а на руководящую работу назначают (*кивает в сторону кабинета Сахиба*) проходимцев, конечно, так и будет. Я спрашиваю: где были они, когда мы боролись не щадя жизни?

А л м у р а д. Джейранзаде, потише. Там комиссия работает.

Д ж е й р а н з а д е. Пусть слышат. Народ нельзя заставить замолчать. Скажем, я не в счет. Ну, а вы? Вы же вытащили его со дна колодца.

А л м у р а д. Чтоб ему пусто было! Клянусь честью, вы не знаете даже половины того, что я сделал для него...

С а х и б (*выходит из кабинета, к Натаван*). Вы сняли копию с письма?

Н а т а в а н. Да.

Передает ему бумаги. Сахиб берет и быстро просматривает их, подписывает.

С а х и б (*возвращая письмо Натаван*). Из министерства культуры придет человек, передадите ему.

Натаван кивает, кладет письмо в конверт.

С а х и б (*только теперь поворачивается в сторону Алмурада и улыбается*). Здравствуйте, мои дорогие. (*Короткая пауза.*) Что вы молчите? Что опускаете глаза? Или вам стыдно?

Г ё з е л ь. Чего им стыдится? Они же никого не убивали и ничего не скрывали.

А л м у р а д. Гёзель, ты помолчи.

С а х и б (*смеется*). Если вы так галдите, что работать невозможно, почему Гёзель-ханум должна молчать?

Г ё з е л ь. Ты мне глаза не замазывай! Что, Алмурада конь лягнул? Хочешь, чтобы он покрывал того, кто зарезал человека? Молчал об этом?

А л м у р а д. Гёзель, помолчи, он не зарезал, а разбил голову бутылкой.

С а х и б (*смотрит на них долго и с интересом*). Бедняги вы!

Уходит в кабинет.

С а х а в а т. Не понимаю, почему мы бедняги?

Входит Таир, очень серьезно здоровается с ними и проходит в кабинет Сахиба, где заседает комиссия.

С а х а в а т. Раз пришел Таир, значит, дела нашего молодчика плохи. (*Выглянув в окно.*) Смотрите, смотрите, и Нурджахан-ханум идет сюда.

А л м у р а д (*радостно*). Сюда идет? Ну, значит, этого зазнайку скинут.

Входит Нурджахан.

Г ё з е л ь. Рада видеть тебя, наша гордость...

Н у р д ж а х а н (*Гёзель*). И тебя по делу Сахиба вызвали?

Г ё з е л ь. Нет. Я с Алмурадом пришла, да не быть мне ни одной минуты без него.

Н у р д ж а х а н. Правда?

Г ё з е л ь. А как же! Разве он из таких мужей, как Сахиб, чтобы, усевшись за стол начальника, заводит себе молодую любовницу?

А л м у р а д (*скромно*). Гёзель, хватит.

С а х а в а т. Ничего, теперь Сахиб поймет, что народ не даст в обиду такого мастера искусства, как Нурджахан-ханум.

Входит Натаван с бумагами.

Н у р д ж а х а н. А вы уверены, что он обидел мастера искусства?

А л м у р а д. Вот, спросите Сахавата!

С а х а в а т. Не скрываю. Я и Таиру сказал, и Нурджахан-ханум.

Тяжелая пауза.

Н у р д ж а х а н (*медленно, тяжело*). А когда Сахиба назначали на эту должность, вы клялись его головой? Что же теперь случилось, что вы пытаетесь общипать его? (*Горько смеется*.) Вы не понимаете, что Сахиб не рожден для рабства ни в чем, даже в любви.

А л м у р а д (*с иронией*). Мы не влюблились в Сахиба, Нурджахан-ханум!

Н у р д ж а х а н (*хохочет*). Еще бы! Разве есть для вас хоть какое-то святое чувство?

Д ж е й р а н з а д е. Из-из-вините, Нурджахан-ханум. Я про-про-шу про-про-щения. А вчерашняя ссо-ссора? Это, что, тоже одно из свя-свя-щенных чувств?

Н у р д ж а х а н (*глубоко вздыхая, словно сама с собой*). Нет, это его финал...

А л м у р а д. Как вас понимать?

Н у р д ж а х а н (*улыбается*). А что вы вообще понимаете?

А л м у р а д. Нурджахан-ханум! Если б мы не были поклонниками вашего искусства, вы получили бы достойный ответ.

Н у р д ж а х а н. Вы поклоняетесь не моему искусству, а моему положению.

А л м у р а д. Уважаемая и дорогая Нурджахан-ханум! Что это вы вдруг ополчились на нас?

Н у р д ж а х а н. Потому что я презираю двуличие и продажность.

А л м у р а д. А о чем вы кричали вчера Сахибу? И почему только вчера вы это кричали?

Н у р д ж а х а н (*вздыхая*). Верный вопрос. Видно, мы пробуждаемся только тогда, когда нас ранят в сердце.

А л м у р а д. Пробуждаться после ранения в сердце не имеет смысла... Вы немного опоздали...

Н у р д ж а х а н (*шепотом*). Боюсь, что да...

С а х а в а т. Извините, Нурджахан-ханум, но почему же вы обрушиваетесь на нас? Об отношениях Сахиба с Айгыз знает весь город.

Н а т а в а н (*взволнованно кричит*). Это ложь! Айгыз любит другого! Айгыз час назад пошла с Хансу в загс! Они только что зарегистрировались.

Таир, выйдя из кабинета, слышит последние слова Натаван.

Т а и р (*в ужасе*). Что? Айгыз пошла с Хансу в загс? (*Кричит*.) Ты врешь, глупая девчонка! Айгыз не чета вам!

Н а т а в а н. Ну, зачем мне врать? Они сейчас, только что мне звонили.

Таир закрывает глаза. Сахиб выходит из кабинета и смотрит на него. Потом переводит взгляд на Нурджахан. Свет убавляется. Когда усиливается, мы видим Сахиба одного в кабинете. Он быстро расхаживает по комнате. На лице его выражение решимости. Входит Натаван со стаканом.

Н а т а в а н (*ставит стакан на стол*). Выпейте, я принесла вам холодного шербета!

Сахиб берет стакан и выпивает залпом.

Н а т а в а н. Прошу вас, не нервничайте!

С а х и б. Не бойся. Если б таких, как я, было легко проглотить, конец света давно бы наступил.

Н а т а в а н (*воодушевленно*). Обвинение, выдвинутое Алмурадом и Сахаватом против вас, неверно в корне, по существу. Вы же должны были защищаться от хулиганов, от бандитов!

С а х и б (*устало*). Они обвиняли меня и в обмане, в том, что я это скрыл.

Н а т а в а н. Вы же написали в своем объяснении, что не знали о смерти этого хулигана в больнице. *(Радостно.)* Зато Нурджахан-ханум сказала о вас столько хорошего, столько хорошего... Я даже прослезилась... Я стояла за дверью и все слышала.

С а х и б *(улыбается)*. Надо было отойти. А то вроде как подслушивала. *(Печально.)* Нурджахан так переменялась, что я не могу узнать ее.

Н а т а в а н *(смуцаясь)*. Она... очень любит вас.

С а х и б *(вздыхает)*. Любя, мы должны думать не только о себе. Что же это за любовь, если ее изнанка страх и ревность? *(Будто разговаривая с самим собой.)* Никак не могу понять, почему Нурджахан, тонкий, благородный человек, стала такой?

Свет гаснет. Когда он усиливается, мы видим квартиру Таира. За окном закат. Темнеет. Таир выходит из соседней комнаты. За короткое время он постарел и словно опустился. На его лице не осталось и следа от прежнего невозмутимого самодовольства. Наедине с собой он выглядит так, словно охвачен страхом, словно ждет откуда-то удара.

Т а и р *(обращаясь к залу)*. Я сделал для ее счастья все, что мог. Я сообщил ей все, что знал о счастье и человеческом достоинстве. Я сделал все для ее будущего. Я верил ей. Я не допустил даже малейшей погрешности. Сейчас я мысленно снова проверил себя. Но она перечеркнула все это, превратила в прах, в пыль. Она разрушила все, что оставалось у меня в жизни.

Нерешительный звонок. Таир вздрагивает и в ужасе смотрит на дверь.
Короткая пауза. Звонок повторяется.

Т а и р *(про себя, шепотом)*. Это ее звонок... *(Поспешно идет к двери, открывает. Входит Айгыз. Слово боясь, что кто-то услышит, Таир в ужасе шепчет.)* Почему ты пришла? Или он обманул тебя!

А й г ы з. Нет, что ты, отец! Он меня любит. Он... он очень хороший.

Т а и р *(вдруг с резкой иронией, усмехаясь)*. Может быть, ты пришла за своим приданым?

А й г ы з. Я пришла повидать тебя, отец.

Т а и р. На что я тебе нужен?

А й г ы з. Я не могу быть счастлива без тебя, отец. Твоя ненависть делает несчастными нас обоих.

Т а и р. О... даже обоих!

А й г ы з *(горячо)*. Мое горе тяжело и для него, отец.

Т а и р *(невольно, словно разговаривая с самим собой)*. Я всегда говорил тебе, не поддавайся чувствам. Они ведут к страданиям.

А й г ы з. Я всегда помню твои советы, отец. Но...

Т а и р *(медлительно)*. Но! Значит, я не давал хороших советов. Если б они были хороши, ты до конца выполняла бы их. Я знаю, что ты по природе хорошая девочка... Значит, все дело во мне. *(Смотрит в окно.)* Это не твой муж сидит под деревом? Позови, пусть придет.

А й г ы з *(колеблясь)*. Отец... я боюсь, ты скажешь ему... А он...

Т а и р. Если мои наставления не повлияли на тебя, что я могу сказать другому?

А й г ы з. Отец...

Т а и р *(перебивает ее, резко)*. Позови! *(Айгыз выходит.)* Если б этот удар нанесла мне не моя умная и добрая дочь, я не мучился бы так.

Входят Айгыз и Хансу.

Х а н с у *(словно ничего не произошло)*. Здравствуйте, Таир-муаллим.

Т а и р. Здравствуй. Садись. А ты, дочка, принеси стакан чаю.

Айгыз уходит в соседнюю комнату.

Т а и р *(Хансу)*. Я же сказал тебе, садись.

Х а н с у. Как я могу сесть, если вы стоите?

Т а и р. Значит, ты уважаешь меня?

Х а н с у. Конечно.

Т а и р. Ты врешь. Если моя собственная дочь не считается со мной, как ты можешь уважать меня?

Х а н с у. Извините, Таир-муаллим, вы и мне разрешите высказаться, или я должен молчать, опустив глаза?

Т а и р. Нет, можешь говорить.

Х а н с у. Вы ошибаетесь и в отношении своей дочери, и в отношении меня! Вы сами не уважаете нас.

Т а и р. Я должен уважать тебя?

Х а н с у. А почему бы и нет? Что я, глуп, или нечестен, или что-нибудь еще в этом роде? Почему меня нельзя уважать?

Т а и р. Хотя бы только потому, что серьезный человек не станет разговаривать таким тоном с отцом девушки, с которой он недавно зарегистрировался. Но для таких, как ты, не существует никаких законов, никаких моральных устоев. Такие, как ты, гордятся своим неуважением к старшим.

Х а н с у. Нисколько. Ваше отношение к людям ошибочно, Таир-муаллим. Для вас уважать – значит слепо повиноваться. Вы повсюду, на каждом шагу противопоставляете себя молодым людям. Вот когда-то вы подали руку помощи Сахибу, помогли ему выбиться в люди. Что же случилось теперь? Ведь вы же сердцем знаете, что он ни в чем не виноват. Так почему же вы не дали ему спокойно жить и работать?

Т а и р. А ты как думаешь, почему?

Х а н с у. Потому что вы боитесь самого себя. Потому что вы хотите всегда видеть талантливых людей на три ступени ниже себя. Поэтому вы окружаете свою персону либо честными дураками, либо хитрыми негодьями. Вам нужно не уважение, а страх.

Т а и р. Хватит, достаточно.

Х а н с у. Вы можете выгнать меня из своего дома. Но правда есть правда, и я не могу не сказать ее вам.

Тяжелая пауза.

Т а и р. Нет, я тебя не гоню. Не знаю, прав ли ты. Но, видно, нет дыма без огня. Наверное, есть причина, вынуждающая тебя говорить мне все это. Я еще не додумал всего до конца. Говорю откровенно: я не знаю, прав ли ты. Но я в чем-то не прав, это я чувствую.

Х а н с у (*взволнованно встает и берет его руку*). Я был уверен, что вы однажды это поймете. Иначе как могла вырасти в вашей семье Айгыз?

Айгыз входит с подносом, останавливается в недоумении.

Т а и р. Неси, дочка.

Айгыз подходит, расставляет на столе стаканы с чаем. Свет гаснет. Короткая пауза. Музыка. Затем мы видим Таира, сидящего в полумраке. Тревожный звонок. Таир открывает дверь. Входят Сахават и Алмурад.

С а х а в а т. Только что до нас дошла странная весть.

Т а и р. Какая?

С а х а в а т. Говорят, ты переменял свое мнение о Сахибе?

Т а и р (*тихо*). Да.

С а х а в а т. Ну что ж, всю жизнь ты продавал других, теперь продавай нас.

Т а и р. Нет, я, видимо, всегда продавал самого себя.

С а х а в а т (*иронически*). Тогда что ж ты не пустишь пулю в лоб?

Т а и р (*серьезно*). Не имеет смысла. Я сгину, вырастет другой. Копать нужно глубже.

А л м у р а д (*гордо*). Во всяком случае мы тебе не компания. Мы хотим жить.

Т а и р. Мои дорогие, вы подобны повители, не способной держаться на собственном стебле. Вы не сможете жить без опоры.

С а х а в а т. Таких опор, как ты, много сменилось. А мы есть и всегда будем. (*Алмураду*.) Пошли.

Уходят.

Т а и р (*один*). Гнилая опора... Вот жизнь и подводит итог твоей сорокалетней деятельности. Чьим языком? Боже, боже, кто говорит о моих сорока годах! Есть ли еще время, чтобы жить как-то иначе? (*Горячо.*) Ты обязан подумать? Ведь ты же не из земли выполз! (*Шепотом.*) Ведь есть народ! Кто может сказать, что ты не любишь его? Но суд справедливости велит спросить: себя-то ты любил больше?

Свет убавляется. Когда светлеет, мы видим квартиру Сахиба.
Нурджахан укладывает вещи. Входит Сахиб.

С а х и б. Здравствуй, Нурджахан. Почему нет твоей фамилии в афишах нового сезона?

Н у р д ж а х а н. Потому что я простилась с театром.

С а х и б. То есть как простилась?

Н у р д ж а х а н. Навсегда!

С а х и б. Почему?

Н у р д ж а х а н. Потому что пора. Через три месяца мне сорок лет. (*Короткая пауза. Закрывает чемодан, поднимается. Глубоко вздыхает.*) Ты знаешь, что я больше не Жизель и не прежняя Нурджахан.

С а х и б (*горячо*). Ну и что ж?

Н у р д ж а х а н (*улыбается*). Ну и что ж? Значит, это правда?

С а х и б. Прошлый раз ты очаровала зрителей.

Н у р д ж а х а н. Это была моя лебединая песня, Сахиб. Я не хочу убивать этого лебедя. Я не хочу старить своих юных героинь, не хочу, чтобы бурные рукоплескания превратились в обычные холодные и вежливые аплодисменты.

С а х и б. Не могу представить себе нашу сцену без тебя. Словно в сердце остается незаполненная пустота.

Н у р д ж а х а н (*улыбается*). Правда? А если я уйду из твоей жизни, тогда как?

С а х и б (*огорченно*). К чему такие мрачные шутки, да еще в такую серьезную минуту?

Н у р д ж а х а н (*глубоко вздыхает*). Нет, Сахиб, я не шучу. Ты полюбил меня, увидев впервые на сцене. Эта любовь должна кончиться вместе со сценой. Сорок лет не только обламывают лебедю крылья, но и уносят его любовь.

С а х и б. Ни за что! Я любил тебя не только на сцене, но и повсюду. Я любил тебя как человека, а не как актрису только.

Н у р д ж а х а н. Я верю этому. Но какой бы сильной ни была любовь, она нежна, как лепесток розы. Малейшая ложь, даже самая незначительная фальшь – страшный удар для нее. Мы любили друг друга. Эта любовь не различала дня и ночи. Мы жили в сказке... И вдруг... вдруг я почувствовала, что тебя зовет иная жизнь.

С а х и б (*нервно перебивает ее*). Хватит, Нурджахан, мне стыдно, что такая умница, как ты... Сейчас ты начнешь перебирать мелочи.

Н у р д ж а х а н. Но ты не знаешь, какое жестокое покушение на нашу любовь готовит природа этими «мелочами». Мы больше не можем дать друг другу счастья, Сахиб.

С а х и б. У нас есть ум, есть воля, есть дружба, есть привязанность. Привычка, наконец!

Н у р д ж а х а н (*полушутя*). Когда любовь отворачивается, ум и воля вряд ли способны сделать что-нибудь. (*Серьезно.*) Конечно, я не сомневаюсь, что ты остался бы мне верен. Но, дорогой мой Сахиб, мы, то есть я и ты, не созданы для обыденной жизни, для того, чтобы жить как-нибудь! Поэтому я не хочу быть тебе помехой. Я сейчас улетаю в Киев, для участия в Днях культуры Азербайджана. Вернусь – буду руководить балетными делами нашего театра. Воспоминания о нашей жизни всегда будут дороги мне. (*Крепко целует его и берет чемодан.*) За остальными вещами я пришлю после возвращения. (*Направляется к двери. Сахиб инстинктивно порывается вслед за ней. Нурджахан оглядывается.*) Нет, Сахиб, не надо меня провожать. Я пойду одна.

Выходит. Пауза. Сахиб стоит как вкопанный, уставившись на дверь.
Музыка передаст полет самолета, потом звучит мотив скорби и любви.
Сахиб смотрит и слушает. Звонок.

С а х и б (*словно пробуждаясь ото сна*). Войдите!

Входят Хансу, Айгыз и Натаван. Все трое веселы.

Х а н с у (*помахивая бумагой*). Победа, шеф! Наконец-то получено официальное заключение комиссии. И свидетельство из больницы тоже абсолютно благоприятно. Вы отнюдь не убили его. Он так накурился какой-то дряни, что мог умереть, споткнувшись о порог собственного логова.

А й г ы з (*Сахибу*). Почему вы так расстроены? А где же Нурджахан-ханум?

С а х и б. Нурджахан-ханум ушла...

Х а н с у (*шутливо*). Ты так говоришь «ушла», что можно подумать... (*Айгыз.*) Нурджахан-ханум улетела в Киев, скоро вернется.

С а х и б. Вернется, только не сюда. Она навсегда рассталась со мной, ушла от меня.

Н а т а в а н. А-а-а!..

Все трое удивленно смотрят на Сахиба. Музыка.
Свет медленно гаснет.

Не могу забыть

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мовсумзаде	—профессор.
Саадат	—его жена.
Нармина	—их дочь.
Кямран	
Джамиль	
ДядяКерем	
Майор	—грузин.

Кямран с небольшим чемоданчиком медленно идет вперед. Позади виднеются зеленые поля, вдали – горы. По небу плывут караваны облаков. Все вокруг выглядит сказочным. Кямран идет вперед, и мы слышим слова, сопровождающие его.

Я всегда с чувством глубокой благодарности принимал дары этой земли. Под знойным солнцем я усердно пахал и засеивал эту благодатную землю. Весенние дожди орошали мои поля. В первый месяц лета они колосились, как море. Мой комбайн пожинал янтарную пшеницу. Я пек из этой пшеничной муки ароматный хлеб и подносил его тебе. В жаркие летние дни я наполнял медный луженый кувшин студеной водой из родника под скалой Баба и подносил тебе. Ветры дули по ночам с горы Муров, убаюкивали тебя, навевали сладкие сны. Утром Полярная звезда звала тебя к радости, к жизни. Я много страдал, перенес много трудностей, но никогда не сетовал на свою судьбу, никогда не жаловался, никогда не был равнодушен к трудовому хлебу на своем столе. И никогда не склонял головы перед чужеземцами...

Голос постепенно замирает. За сценой слышен гудок автомашины.

К я м р а н (*голосует и кричит*). Эй, шофер, подвези меня! (*Убегает.*)

Свет гаснет и зажигается. Квартира профессора Мовсумзаде. Входит Нармина и встречается с выходящей Саадат-ханум.

Н а р м и н а. Кямран не приходил?

С а а д а т. Нет. А что, у вас нет сегодня занятий?

Н а р м и н а. Были. Я ушла с последней лекции.

С а а д а т. Почему?

Н а р м и н а. Да так. Скучно стало. (*Короткая пауза. Смотрится в зеркало, поправляет волосы.*)
У Кямрана сегодня последний экзамен.

С а а д а т (*глубоко вздыхает*). Знаю.

Н а р м и н а. Почему, когда я говорю о его экзаменах, ты хмуришься?

С а а д а т. Я думаю о том, что с вами будет, когда Кямран закончит институт. Он не хочет оставаться в Баку.

Н а р м и н а. А что делать? Это не от него зависит.

С а а д а т. Почему же! Если он захочет, отец все устроит.

Н а р м и н а. Он не хочет, чтобы кто-то его устраивал.

С а а д а т (*нервно*). Считает ниже своего достоинства. В жизни не видела такого задавалу!

Н а р м и н а (*шутливо*). Если б Кямран был из тех, которые прячутся под крылышком чужого дяди, я бы и не взглянула на него.

С а а д а т. Во-первых, твой отец, профессор Мовсумзаде, не чужой дядя. Во-вторых, держаться так независимо хорошо тогда, когда это не портит жизнь другим. (*Опечаленно.*) Ты моя единственная дочь!

Н а р м и н а (*шутливо*). В детстве, подавая плов, ты всегда клала мне куриные крылышки и говорила: «Крылья доченьке, потому что она улетит из отчего дома».

С а а д а т (*глубоко вздыхает*). Тебе все шуточки...

Н а р м и н а. Грузия не на том конце света... Если даже поедем туда, каждое воскресенье будем у вас в гостях.

С а а д а т. Больше, чем за себя, я переживаю за твоего отца. Он оставил по ту сторону Аракса двоих детей и всех своих родных. Если и ты теперь уедешь...

Н а р м и н а. Когда я вспоминаю, что у меня за рубежом есть брат и сестра, мне становится как-то странно...

Короткая пауза. Обе задумчиво смотрят вдаль.

С а а д а т. Отцу очень тяжело. Вы, молодые, думаете только о себе.

Н а р м и н а (*шутливо*). Любимая, без вас мне счастья нет! Ладно, я постараюсь уговорить Кямрана остаться здесь. Ну, развеселись же! (*Напевает мелодию и кружит Саадат.*)

С а а д а т. Перестань, дочка, голова закружилась.

Н а р м и н а. Не будет нам с тобой мира!

С а а д а т. Почему?

Н а р м и н а. А почему ты не дала мне таких же глаз и бровей, как у тебя?

С а а д а т (*улыбается*). Глупышка! Ты красивее меня.

Н а р м и н а. Неправда! Когда мы идем рядом, прохожие больше на тебя засматриваются, чем на меня. (*Громко смеется.*) Но, между нами говоря, я не понимаю твоей тревоги о том, что я уеду. А что же делать матерям космонавтов?

С а а д а т. Опять сначала? (*Печально.*) Конечно, ты не можешь понять нас.

Н а р м и н а. Хорошо, я обещала, и все.

С а а д а т. Спасибо! (*Целует ее.*)

Н а р м и н а (*резко*). Хватит, мама. Ты так говоришь спасибо, будто речь идет о жизни и смерти.

С а а д а т. А если Кямран не согласится?

Н а р м и н а. Этот вопрос я должна задать тебе. Что мне тогда делать?

С а а д а т (*нервно*). Не знаю. Я ничего не знаю.

Собирается уйти. Нармина удерживает ее.

С а а д а т. Отпусти! Отпусти! Детям нельзя верить, им нет дела до нас!

Н а р м и н а. Ладно, ладно... Но, как и все на свете, слово «доверие» тоже изменило свой смысл. Хорошо, говорю! Что бы ни случилось, я не оставлю тебя и никуда не уеду. Думаю, что и Кямран не оставит меня. (*Слышится шум машины.*) Отец приехал.

С а а д а т. Сегодня один из его аспирантов должен был защищать диссертацию.

Н а р м и н а. Знаю, в газете было объявление. Джамиль Зиядхан.

С а а д а т. Да, отец хвалит его.

Н а р м и н а. Слышала. Говорят, талантливый парень.

С а а д а т. А твой Кямран, как я ни уговариваю его, не хочет поступать в аспирантуру. Все мои советы обращает в шутку.

Н а р м и н а (*громко смеется*). Разве это плохо? Сколько можно учиться, у нас уже глаза не видят.

С а а д а т. Сейчас на одном высшем образовании далеко не уедешь.

Н а р м и н а. Ну, это зависит от человека.

Входят профессор Мовсумзаде и Керем.

К е р е м. Дамам почет и уважение!

М о в с у м з а д е. Дамам почет и уважение!

Н а р м и н а. Дядя Керем, ты снова участвовал в защите?

К е р е м (*серьезно*). Участвовал.

М о в с у м з а д е. Смотрю, Керем внимательно слушает... (*Громко смеется.*) Оказывается, все его внимание было обращено на мое ухо.

К е р е м. Выступающие расхваливали Джамилу, а профессор прищуривал левый глаз и непрерывно почесывал под правым ухом. (*Показывает.*)

Смех.

М о в с у м з а д е. Ей-Богу, эта защита доставила мне такое удовольствие, просто не могу описать.

К е р е м. Но смелый парень. Я видел, как ученый жевал губами, когда диссертант отчитывал его. Мне кажется, что тот ученый очень завистливый человек. Аж виски у него стали красными. Помоему, он завистник, этот старик.

М о в с у м з а д е. Эх, друг мой Керем, не обращай внимания. Для нас важно то, что парень хорошо защитился. Это мой восемнадцатый аспирант, получающий ученую степень.

К е р е м. Деятнадцатый.

М о в с у м з а д е (*смотрит на него*). В самом деле?

К е р е м. Да, девятнадцатый! Я записал все имена и фамилии. (*Достает из кармана небольшую книжечку.*) Вот моя память.

М о в с у м з а д е. Да, Керем, это – память о нас. Мы стареем и уходим. А они приходят на смену. Чай ты будешь заваривать или я?

К е р е м. Я. Ты сегодня устал.

С а а д а т. А нельзя, чтобы вы сегодня выпили чаю нашей заварки?

К е р е м. Саадат-ханум, я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях. Но вы же знаете, что вот уже тридцать лет наш чай заваривают или профессор, или я. Прошу вас не лишать нас этого удовольствия. Не стану скрывать от вас, когда я пью чай чужой заварки, мне кажется, будто я попал на чужбину. *(Проходит в соседнюю комнату.)*

С а а д а т *(вслед)*. Чайник вскипел.

М о в с у м з а д е *(Нармине)*. Кажется, у Кямрана остался один экзамен?

Н а р м и н а. Он сегодня сдает, отец.

М о в с у м з а д е *(с тайным беспокойством)*. Сегодня? Очень хорошо. *(Пауза.)* Что он думает о работе, намерен остаться здесь или...

Н а р м и н а. Пока мы не пришли к твердому решению, отец.

С а а д а т. И без вашего твердого решения все ясно. *(Мужу.)* Он хочет поехать в Борчалы.

М о в с у м з а д е. Вполне естественно. Там у него мать, сестры.

Н а р м и н а. Не только поэтому, отец.

М о в с у м з а д е *(задумчиво)*. Я понимаю. *(Короткая пауза.)* Нармина, ну, а ты как думаешь?

Н а р м и н а *(решительно)*. Я сказала маме...

С а а д а т. Она дала мне слово уговорить Кямрана остаться здесь.

Пауза.

К е р е м *(высовываясь из соседней комнаты)*. Профессор, чай готов.

М о в с у м з а д е *(глубоко вздыхает и поднимается)*. Иду. *(Направляется в соседнюю комнату.)*

С а а д а т. Ты не смотри, что отец ничего не говорит, разлука с тобой будет для него очень тяжела. Ведь ты помогаешь ему сносить то горе... по оставшимся на той стороне Аракса.

Звонок. Нармина открывает. Входит Кямран. Это высокий, атлетически сложенный и красивый парень. На нем ладно сшитый спортивный костюм. Его движения быстры, решительны.

К я м р а н. Здравствуйте.

С а а д а т. Здравствуй.

Н а р м и н а. Ну что, Кямран?

К я м р а н. Четыре!

С а а д а т. Поздравляю!

К я м р а н. Спасибо. Через десять дней состоится выпускной вечер, и – прощай, университет!

С а а д а т *(шутливо)*. Как ты спешишь проститься!

К я м р а н. Ох, Саадат-ханум, сколько же можно учиться?

Н а р м и н а *(смеется)*. Ну ладно, Кям! Ты всегда так шутишь, что люди могут подумать, будто ты ненавидишь занятия и книги. Не смотри, что он так говорит, мама. Он, как кошка, не любит ложиться на спину. Нет романа, чтобы он не прочел. А теперь перешел на философию.

К я м р а н. Романы, философия – это другое. Они уводят мысль в другой мир. Они, попросту говоря, доставляют удовольствие.

С а а д а т. А наука? Значит, наука тебе в тягость?

К я м р а н. Знаете, Саадат-ханум, каждому свое. У каждого своя судьба. По ночам, когда я сплю, мне снится Борчалы.

С а а д а т. Счастливого пути.

Проходит в соседнюю комнату.

К я м р а н. Кажется, мои слова не понравились маме.

Н а р м и н а *(берет его за руку)*. Для них мой предстоящий отъезд – большое горе.

К я м р а н *(полушутя, полусерьезно)*. Может быть, тебе остаться?

Н а р м и н а. Без тебя? Спасибо! *(Выпускает его руку.)*

К я м р а н. Да ладно, я пошутил!

Н а р м и н а. Но какая тебе разница? Почему ты хочешь непременно ехать в Грузию? Разве ты не можешь работать здесь, в Азербайджане?

К я м р а н. Отчего же? Терпеть не могу, когда к этому делу припутывают национальные страсти. Как будто я там не могу остаться сыном своего народа! В общем, я дал слово по окончании учебы вернуться туда. Я знаю, что живущие там азербайджанцы нуждаются во мне гораздо больше, чем здешние. Пять лет я жил мечтой о возвращении туда. У меня там остались друзья и товарищи. Они считают меня настоящим мужчиной. Что же скажут они, если я променяю все это на гамак?

Н а р м и н а. Какой гамак?

К я м р а н (*смеется*). А ты забыла, как вы на даче, часами лежали в гамаке и раскачивались из стороны в сторону?

Н а р м и н а (*внимательно смотрит на него*). Кямран, я могу сильно обидеться на тебя.

К я м р а н (*ласково*). Не обидишься! Весь наш выпуск едет в отдаленные села. Если я струшу и спрячусь под крылышком твоего отца, я возненавижу самого себя. Мой отец и дед тоже сами проложили себе дорогу в жизни. Я хочу пойти по трудным дорогам и выйти победителем. Если меня лишат этого, я превращусь в тряпку. Ты согласна? Согласна на трудности?

Н а р м и н а (*берет его за руку*). Мой дорогой, мой смельчак! Вот таким я и полюбила тебя. Не смогу без тебя жить!

К я м р а н (*шутливо*). Ого, постой, постой! Так ты собиралась жить без меня?

Н а р м и н а. Нет, не собиралась. Никогда! Мы вместе постараемся уговорить маму. Отец – человек сговорчивый.

К я м р а н. Это верно.

Н а р м и н а. Я буду учить детей английскому. А ты... (*Смотрит на него.*) Следователем или прокурором?

К я м р а н. Все равно кем, это не имеет значения.

Н а р м и н а. Да, отец поможет, купим машину.

К я м р а н. Опять помощь?

Н а р м и н а. Хорошо, мы сами купим. Будем часто приезжать в Баку.

К я м р а н. Конечно. Прежде мне казалось, что даже самый близкий человек далек и непонятен, как вечность. Я думал, что, если даже наши чувства так утончатся, что мы сможем читать мысли, и то один из нас останется для другого загадкой. Все равно каждый будет думать в первую очередь о себе. (*Шутливо.*) Но однажды во сне Бог мне шепнул, что покорители Луны и Венеры, всей галактики спасутся мыслью о других, помощью другим. И тогда мы пойдем друг друга. Когда-то великий Бетховен говорил: «О человек, помоги самому себе!» А я, Кямран, сын тетушки Салатын, живущей в далеких Борчалинских лесах, говорю: «О человек, помоги другим!» (*Шутливо вытягивается.*) Ну как?

Н а р м и н а. Я обиделась на тебя.

К я м р а н. Почему?

Н а р м и н а. Я целую тебя, а ты...

К я м р а н. Ах вот оно что! (*Целует ее.*)

Звонок. Нармина открывает. Входит Джамиль. Он примерно одних лет с Кямраном. Красивый парень. Одет со вкусом. Держится так же свободно и решительно, как Кямран.

Д ж а м и л ь (*входя*). Простите, профессор дома?

Н а р м и н а. Да, пожалуйста, сейчас он придет. Присядьте.

Проходит в соседнюю комнату. Джамиль не садится. Кямран внимательно присматривается, подходит и становится перед ним.

Д ж а м и л ь. Кажется, мы знакомы?

К я м р а н. Кажется!

Д ж а м и л ь. Борчалы!

К я м р а н (*сует руки в карманы брюк, с легкой иронией*). Борчалы!

Д ж а м и л ь. Извините, я не сразу узнал вас.

К я м р а н. Ну, это не удивительно.

Д ж а м и л ь. Вы родственник профессора?

К я м р а н. Хочу стать родственником.

Д ж а м и л ь. Каким образом?

К я м р а н. С помощью девушки, открывшей дверь.

Д ж а м и л ь. Это дочь профессора?
К я м р а н. Да.
Д ж а м и л ь. Поздравляю!
К я м р а н. Не спешите.
Д ж а м и л ь. Как? Разве...
К я м р а н. Пока ничего официального.
Д ж а м и л ь. Какие официальности, если вы любите друг друга?
К я м р а н. Что верно, то верно.
Д ж а м и л ь. Я слышал, что у профессора хорошая дочь. Но не видел ее. Она действительно хороша.
К я м р а н (*шутливо*). Сейчас не в моде комплименты. Иначе я передал бы ей ваш отзыв.
Д ж а м и л ь (*внимательно смотрит на него*). Можете не передавать.

Входят Мовсумзаде, за ним Керем, Саадат и Нармина.

М о в с у м з а д е. О! Именинник! Добро пожаловать! (*Членам семьи.*) Познакомьтесь, вот герой, который так смело защищал себя.

Джамиль знакомится с Саадат, Нарминой и Керемом.

М о в с у м з а д е (*Джамилю*). А с Кямраном?
К я м р а н. Мы знакомы.
М о в с у м з а д е. Ах вот как... (*Джамилю.*) Ну, садись, пожалуйста.
Д ж а м и л ь. Нет, простите, профессор, я спешу... Забежал, чтобы пригласить вас с семьей на банкет по случаю защиты.
М о в с у м з а д е. В честь славной победы?
Д ж а м и л ь. Профессор, вы смущаете меня. Все было просто...
М о в с у м з а д е. Твоя диссертация не простое дело.
К е р е м. Выступавшие говорили, что кандидатской степени мало, надо дать докторскую.
Д ж а м и л ь. Да разве это можно!
К е р е м. Нет, они не зря предлагали.
Д ж а м и л ь (*улыбается*). Но профессор не согласился с этими предложениями.
М о в с у м з а д е. Ты обиделся на это?
Д ж а м и л ь. Нет, вы так это обосновали, что обидеться было невозможно.
М о в с у м з а д е. Я поступил правильно. Коль скоро у тебя есть талант и любовь к делу, ты сможешь разработать для докторской диссертации более важную тему. Так или нет?
К е р е м. Так, профессор.
М о в с у м з а д е. Сильный человек всегда должен браться за трудное дело. Тогда и жизнь становится интересной.
Д ж а м и л ь. Ваше слово закон для меня, профессор.
М о в с у м з а д е. Ну, это уж слишком. У тебя должно быть свое мнение. Если все станут думать одинаково и друг другу поддакивать, жизнь станет невыносимой.
К е р е м (*почему-то вздыхает*). Это верно, профессор.
Д ж а м и л ь. Профессор, с вашего разрешения я пойду.
М о в с у м з а д е. Хорошо. Ступай. Всего доброго.
Д ж а м и л ь (*выходя, приостанавливается, тихим голосом Кямрану*). Я думаю, нет надобности вас приглашать особо.
К я м р а н. Я тоже так думаю.
Д ж а м и л ь. Я буду ждать. (*Всем.*) До свидания.
М о в с у м з а д е. До свидания.

Джамиль выходит.

С а а д а т (*Мовсумзаде*). Какой красивый парень твой аспирант.
К е р е м (*серьезно*). Красота – хорошая вещь, только жаль, что у этого парня какая-то женская красота. Правда, теперь нет разницы между женщиной и мужчиной. У тех и у других одни и те же права.

М о в с у м з а д е (*Керему*). В нарды сыграем?
К е р е м. Нет.
М о в с у м з а д е. Почему?
К е р е м. Вымою машину. Вечером – на банкет...
М о в с у м з а д е. Ладно. А я посмотрю газеты.

Проходит в соседнюю комнату. Керем и Саадат тоже уходят.

Н а р м и н а (*Кямрану*). Откуда ты его знаешь?
К я м р а н (*непроницаемо*). Кого «его»?
Н а р м и н а. Как кого? Аспиранта.
К я м р а н. Почему же аспиранта? Он уже кандидат,
Н а р м и н а. Ну, еще не утвержденный. Эх, Кямран, что это ты меня разыгрываешь?
К я м р а н. Я познакомился с ним в Грузии, в лесах Борчалы.
Н а р м и н а. Разве он тоже борчалинец?
К я м р а н. Он? Кажется... Я не знаю, откуда он родом.
Н а р м и н а. А что же он делал в ваших лесах?
К я м р а н. Приезжал в гости к другу, в Тбилиси. А тот привез его на охоту в лес.
Н а р м и н а. А дальше?
К я м р а н. Дальше спроси у него.
Н а р м и н а (*удивленно*). Почему у него?
К я м р а н. Потому что я не хочу об этом говорить.
Н а р м и н а. Наверное, между вами произошло что-то?
К я м р а н. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы обидеть его.
Н а р м и н а. А тебя?
К я м р а н. И меня тоже.
Н а р м и н а. Тогда почему ты так недоброжелателен?
К я м р а н. Я не питаю к нему дурного чувства.
Н а р м и н а. А симпатии?
К я м р а н. Симпатии тоже.
Н а р м и н а. Странно.
К я м р а н. А почему это тебя занимает?
Н а р м и н а. Мне кажется, он неплохой парень.
К я м р а н. Возможно. Я был с ним знаком всего десять дней.

Короткая пауза.

Н а р м и н а. Что ты наденешь на банкет?
К я м р а н. Почему ты спрашиваешь?
Н а р м и н а. Хочу, чтобы мы всем понравились.
К я м р а н. Я не пойду на банкет.
Н а р м и н а. Почему?
К я м р а н. Не пойду, и все.
Н а р м и н а. Вот видишь... (*Короткая пауза. Кямран закуривает.*) Тогда я тоже не пойду.
К я м р а н. Нет, ты иди.
Н а р м и н а (*с упреком*). Без тебя?
К я м р а н. А что особенного?
Н а р м и н а (*обиженно*). Спасибо!

Напряженная пауза.

К я м р а н (*гасит папиросу в пепельнице*). Хорошо, я тоже пойду.
Н а р м и н а (*радостно хватая его за руку*). Спасибо!
К я м р а н. За что?
Н а р м и н а. Я знаю, что ты идешь только ради меня. (*Кямран снова закуривает. Нармина вырывает папиросу.*) Не кури столько! (*Делает одну затяжку, гасит папиросу.*) Ты наденешь черный костюм, хорошо?

Кямран кивает.

Н а р м и н а (*смотрит на его ноги*). Теперь остроносые туфли не в моде, купи сегодня тупоносые.

К я м р а н. Такие, как были на Джамиле?

Н а р м и н а (*встыхнув*). При чем тут Джамиль? Сейчас все носят такие туфли.

К я м р а н. Не присматривался.

Н а р м и н а. Мама купила вчера отцу такие туфли. Если не найдешь, наденешь их. У вас нога одного размера.

К я м р а н (*шутливо*). Кажется, ты хочешь сделать из меня пижона?

Н а р м и н а. Я хочу, чтобы мы выглядели, как нормальные современные ребята, только и всего.

К я м р а н. Ну еще бы!

Н а р м и н а (*внимательно смотрит на него*). Кямран, ты иронизируешь?

К я м р а н. Нет. (*Вдруг оживляясь*.) Но почему наши мысли и чувства, зачастую независимо от нас самих, должны тонуть в чудовищной ерунде?

Н а р м и н а. Эти слова относятся ко мне?

К я м р а н. Нет, скорей ко мне самому.

Н а р м и н а. Ну, а к себе ты почему так жесток?

К я м р а н. Потому что я не могу запретить своим мыслям копошиться в мусоре жизни. Как ни пытаюсь быть выше этого, не могу. Вдруг спохватываюсь и вижу, что барахтаюсь на дне колодца. Весь вымазан тиной... В такие минуты я хочу бежать, спастись от самого себя.

Н а р м и н а (*хмуро*). Наверное, есть от чего.

К я м р а н. Не знаю. Даже любя, мы не во всем откровенны.

Н а р м и н а (*расстроено*). Не понимаю, к чему ты это говоришь. У меня до сих пор не было от тебя никаких тайн.

К я м р а н. Я не о тайнах. Я о маленьких подлых секретах, которые скрывают даже от любимых. Ведь мы же любим друг друга?

Н а р м и н а. Ты сомневаешься в этом?

К я м р а н. Не сомневаюсь. Но я хочу закрепить позиции. Ведь чувство можно и усилить, и ослабить, ему можно помочь и помешать. Как все на свете, любовь тоже не всегда одинакова. Ей мешают мелочи...

Н а р м и н а. Кямран, дорогой! Зачем мы должны заниматься самоанализом? Мало ли у нас забот без этого? Ведь мы даже не вместе еще...

К я м р а н (*внимательно смотрит на нее, улыбаясь*). Профилактика!

Н а р м и н а. Честно говоря, когда ты так заводишься, я себя чувствую неважно. (*Смотрит на часы*.) До вечера остается мало, сходи переоденься и поскорей обратно.

К я м р а н (*словно возвращаясь к действительности, смотрит на часы*). И правда, мало осталось. Ровно через два часа я в тупорылых туфлях буду весь к твоим услугам. У меня есть такие туфли, я давно купил их.

Н а р м и н а (*обиженно*). Что же ты сразу не сказал? Мне расхотелось идти на этот чертов банкет!

К я м р а н. Ничего, пойдешь. (*Целует ее*.) Пока.

Уходит.

Н а р м и н а (*ему вслед*). Повяжи галстук, который я тебе купила.

Нармина становится перед зеркалом. Она с таким странным интересом и вниманием смотрит на себя, будто видит впервые.
Входит Керем по пути в соседнюю комнату.

Н а р м и н а. Дядя Керем!

К е р е м. Что, девочка?

Н а р м и н а. Как ты сказал об этом парне?

К е р е м. О каком парне?

Н а р м и н а. Который защитил сегодня диссертацию.

К е р е м. Я сказал, что он смельчак, крепко выдал тому ученому, который жевал губами.

Н а р м и н а. Я не об этом. Какая, ты сказал, у него внешность?
К е р е м (*с смыслом*). Не помню. (*Хочет уйти. Нармина преграждает ему путь.*)
Н а р м и н а. Пока не скажешь, не пущу.
К е р е м. Клянусь тобой, я не со зла сказал.
Н а р м и н а. Знаю. Ну говори же!
К е р е м. Я сказал, что он красив женской красотой.

Нармина заливается смехом.

К е р е м. словно его глаза подвели сурьмой. А лицо белое и круглое, как яйцо. (*Нармина смеется.*) Клянусь тобой, я не со зла сказал.

Н а р м и н а. Послушай, дядя Керем, а каким бы ты хотел видеть его?

К е р е м. Эх, если б люди создавались по моему желанию, мир сейчас был бы совсем иным.

Н а р м и н а. Я знаю, ты хотел бы, чтобы он был таким, как Кямран: сильный, крепкий, настоящий мужчина!

К е р е м. Как знать, может быть, и этот Джамиль – настоящий мужчина. Котелок у него варит.

Н а р м и н а. Ну, дядя Керем, сейчас и повара диссертации пишут.

К е р е м (*хохочет*). Это ты хорошо сказала! Только, дочка, быть поваром не простое дело. В Бинагадах есть один шашлычник, так ему хоть сейчас звание профессора присваивай. Он так искусно выдает старое мороженое мясо за свежее, что люди пальчики облизывают и просят приготовить из этого свежего мяса еще несколько порций люля-кебаба.

Н а р м и н а. К твоему сведению, дядя Керем, если Кямран захочет, он за шесть месяцев станет кандидатом наук.

К е р е м. Знаю, знаю, Кямран – богатырь. Ну ладно, пойду переоденусь. (*Проходит в соседнюю комнату.*)

Нармина некоторое время смотрит ему вслед. Потом так же рассеянно подходит к пианино и, стоя, наигрывает. Свет гаснет. Когда он зажигается, – мы в квартире Джамиля. Музыка. На заднем плане – гости, многие танцуют. На переднем – веранда, обнесенная зелеными деревьями. Профессор Мовсумзаде и Керем, беседуя, выходят на авансцену. Они вышли покурить.

М о в с у м з а д е. Смотрю на гостей – и сердце радуется. Сколько у нас прекрасных специалистов!

К е р е м. И многие – твои воспитанники.

М о в с у м з а д е (*со вздохом*). Ты помнишь моего отца?

К е р е м. Хорошим был садовником! Фрукты Кербалая Гусейна славились на весь Тавриз.

М о в с у м з а д е. Вырастет, бывало, дерево, даст первые плоды – он радовался, как ребенок. И каждый раз пытался убедить нас, что эти фрукты слаще, чем все прежние, тем более, из другого сада. Вот и мне теперь, когда кто-то из моих аспирантов получает ученую степень, кажется, что он светит ярче прежних. Только жаль, что мы стареем, Керем.

К е р е м. Прошу тебя, не говори о старости. Да и к чему бы? Ты легок, как птица, а я, сам знаешь, на опасных поворотах так скручиваюсь, словно орел кружит. Верно?

М о в с у м з а д е (*улыбается*). Верно!

К е р е м. По ту сторону Аракса нас ждут родные, близкие. Стоит ли стареть, пока мы с тобой на этой голубой машине не поедем в гости в Тавриз!

М о в с у м з а д е (*печально и задумчиво*). Почему человеческая жизнь так коротка?

К е р е м (*глубоко вздыхая*). Жизнь человека коротка, зато жизнь мира долга. (*Пауза.*)

Музыка. Подходят Нармина и Кямран.

Н а р м и н а (*чересчур весело*). О, друзья тоже здесь!

К е р е м. Мы вышли покурить.

Н а р м и н а. Мы тоже вышли покурить.

К я м р а н. Нармина!

М о в с у м з а д е (*Кямрану*). Она шутит. Я знаю, что она не курит...

Н а р м и н а (*хохочет*). Отец, Кямран сердится на меня, потому что скрывает от тебя, что он сам курит. Взрослый парень! (*Смеется.*) Если б я курила, вовсе не стала бы скрывать этого. (*Кямрану.*) И ты-то без конца твердишь о мужестве...

К е р е м. Какое мужество в том, что младший будет дымить сигаретой в присутствии старших?
Н а р м и н а. Стеснение и робость остались в прошлом, дядя Керем. Ну что страшного в том, чтобы выкурить папиросу?

М о в с у м з а д е (дочери, строго). Больше не пей, слышишь?

Н а р м и н а (обнимает и целует отца). Или ты думаешь, я пьяна? Что я выпила? Всего три бокала шампанского. Будь это компания моих товарищей, другое дело. Тогда бы я на «белую головку» дяди Керема ответила пятью звездочками.

М о в с у м з а д е. Перестань глупить! Что за «белая головка»? Какие пять звездочек? Что это еще за новости?

К е р е м (смеется). Разве ты не знаешь шуток Нармины? Нынешняя молодежь называет водку «белая головка». Племяшка намекает на то, что я иногда пропускаю глоток-другой.

Н а р м и н а (хохочет). Видите, дядя Керем сразу понял!

М о в с у м з а д е. Где ты научилась так разговаривать?

Н а р м и н а. Отец, не во всех же компаниях собираются одни ученые. (Кямрану.) Кям, почему ты мне не помогаешь?

М о в с у м з а д е. Нет, Керем, видно, мы чего-то не понимаем.

Н а р м и н а. Отец, вы сюда в гости пришли или обсуждать три бокала шампанского, выпитых мною?

Входит Саадат.

С а а д а т. Что вы здесь застряли? Неудобно, мать Джамиль беспокоится, может, вам скучно. (Профессору.) Какая интеллигентная семья у твоего аспиранта. Ты обратил внимание, какая у них обстановка? Все на своем месте, все по последней моде, все современное. Кямран, ты что весь вечер такой хмурый? Мне просто стыдно за тебя.

К я м р а н. Почему вам стыдно за меня?

С а а д а т. Потому! Потому что ты пришел сюда с нами.

К я м р а н. Вот как!

С а а д а т. Я не для того говорю, чтобы обидеть тебя.

К я м р а н. Я не обижаюсь.

Н а р м и н а. Мама!

С а а д а т. Знаешь, в таких компаниях на все обращают внимание.

На заднем плане звучит музыка.
Танцуют гости, поспешно подходит Джамиль.

Д ж а м и л ь. Профессор, гости ждут вас. Прошу в комнату.

М о в с у м з а д е. Пошли.

К е р е м. С вашего разрешения я еще одну папиросу выкурю.

Мовсумзаде и Саадат-ханум уходят.

Д ж а м и л ь. Нармина-ханум, прошу вас.

Н а р м и н а. Кямран, ты идешь?

К я м р а н. Я хочу покурить.

Джамиль и Нармина уходят. Видно, как они танцуют.
Керем и Кямран курят. Пауза.

К е р е м. Не подумай, что я рассуждаю, как Саадат-ханум, но ты и мне не нравишься сегодня вечером. Какая муха тебя укусила?

К я м р а н. Я не хотел приходить сюда.

К е р е м. Почему?

К я м р а н. Потому что мне противен хозяин дома.

К е р е м. Который: отец или сын?

К я м р а н. Отца я не знаю. Сын.

К е р е м. Чувствую. (Короткая пауза.) А причину не скажешь?

К я м р а н. Тебе скажу.

К е р е м. Спасибо.

К я м р а н. Три года назад, после зимней сессии, я поехал в родные края. Шел сильный снег. В такое время у нас ходят в лес охотиться на горных коз.

К е р е м. Говорят, ты хороший охотник.

К я м р а н. Кто говорит?

К е р е м. Нармина...

К я м р а н. Однажды я взял ружье и отправился на охоту. Снег лежал выше колен, в наших краях леса густые.

К е р е м. Знаю.

К я м р а н. Долго бродил я, но так ничего и не нашел. На обратном пути началась такая метель – в двух шагах ничего не видно. Вдруг наткнулся на человека. Смотрю, прижался к дереву и стоит. Я спрашиваю: «Кто ты?» Человек не откликается. Я зажег карманный фонарик и направил свет прямо ему в лицо. Это был парень моего возраста. «Ты что молчишь?» – спрашиваю. Он еле языком ворочает, но кое-как объяснил, что заблудился. Я с трудом, с мучениями часа через четыре притащил его домой. Он свалился и десять дней лежал у нас, приходил в себя. Потом я посадил его в машину и отвез в Тбилиси, к его другу.

К е р е м. Это был Джамиль?

К я м р а н. Он самый.

К е р е м. Значит, если б ты не натолкнулся на него и не притащил к себе домой, мы сейчас не гуляли бы здесь? Ну ладно, а что тут худого? Разве парень виноват, что ты его спас?

К я м р а н. Нет, он виноват в другом. Мать-старуха столько дней и ночей сидела у его изголовья, поила, кормила, выхаживала его, а он за три года ни разу о ней не справился.

К е р е м. Вот скотина!

К я м р а н. Но дело даже не в этом. Ни я, ни мать не нуждаемся в его благодарности. Дело в отношении к людям вообще. *(Нервно.)* Он смотрит на нас свысока, этот хлыщ! А Саадат-ханум желает, чтобы я вел себя в доме этого аристократишки, как шут!

К е р е м. Только не нервничай!

К я м р а н. Не надо мне было приходиться сюда!

К е р е м. Ты хорошо поступил, что пришел. Будет время, он все поймет. Стоит ли считать его чуть ли не врагом? Пойдем в комнату.

К я м р а н. Вы идите, я сейчас приду.

Керем уходит. Кямран гасит папиросу в пепельнице, снимает с вешалки плащ и уходит. Музыка продолжает играть. Вбегает Нармина.

Н а р м и н а *(оглядывается)*. Кямран!

Смотрит на вешалку, и выражение радости исчезает с ее лица.

Д ж а м и л ь *(входит)*. Что случилось, Нармина-ханум?

Н а р м и н а. Кямран ушел.

Д ж а м и л ь. Но, кажется, здесь его никто не обидел?

Н а р м и н а. Не знаю.

Короткая пауза.

Д ж а м и л ь. Прошу вас, не огорчайтесь. *(Берет ее за руку.)* Пойдемте.

Нармина вздрагивает, отнимает руку.

Н а р м и н а. Я ухожу, Джамиль.

Д ж а м и л ь. Как же так? А ваши родители? Вы не подождете их?

Н а р м и н а. Нет.

Д ж а м и л ь. Нехорошо. Неудобно перед гостями. И наши могут обидеться. *(Снова берет ее за руку.)*

Н а р м и н а. Не надо обижаться. Вы за нас извинитесь перед ними. Скажите, ушли по делу. Пока! *(Насилу вырывает руку.)* Пока, Джамиль!

Торопливо уходит. Джамиль смотрит ей вслед, сует в рот сигарету, чиркает спичкой. Свет гаснет. В темноте некоторое время светится спичка, потом и она гаснет, и тут же снова зажигается свет. Кямран стоит в своей комнате перед окном, курит. Вдруг дверь распахивается. Входит Нармина. У нее в руке завернутая в бумагу бутылка.

Н а р м и н а. Прости меня!

К я м р а н. За что?

Н а р м и н а. За то, что заставила тебя туда пойти.

К я м р а н. А что случилось?

Н а р м и н а. Ничего. Но ты же не хотел...

К я м р а н. Напрасно ты оставила честную компанию и ушла.

Н а р м и н а. Нет, не напрасно. *(Снимает плащ.)* Мы продолжим эту вечеринку у тебя. *(Показывает бутылку.)* Шампанское! *(Достает из буфета два фужера, протягивает бутылку Кямрану.)* Открывай! *(Кямран открывает бутылку, разливает по бокалам. Нармина поднимает свой бокал.)* Твое здоровье!

К я м р а н. Наше!

Н а р м и н а. Нет, этот бокал я пью только за тебя.

К я м р а н. Почему?

Н а р м и н а. Во-первых, потому что там за твоё здоровье не пили.

К я м р а н *(нервно)*. Оставь, пожалуйста! Какой вздор!

Н а р м и н а. Верно. Во-вторых, и главным образом потому, что я люблю тебя, только тебя одного!

К я м р а н *(усмехается)*. Только меня!..

Н а р м и н а *(не понимая его)*. Только тебя! Будь здоров! *(Пьет до дна)*. Поверь, мне важнее, если ты хоть раз рассердишься на меня, чем если кто-то другой сотни раз назовет меня душой. И злость твоя, и смех – я все люблю. Когда я впервые тебя увидела, я себе сказала: «Этот парень должен стать моим!» Поэтому я сама позвонила и навязалась на знакомство. *(Обнимает его.)* Ах, почему мы еще врозь, и не стали единой плотью, как говорилось в старину, не слились в одно существо! Ну, почему? Скажи, ты меня очень любишь?

К я м р а н *(ласково)*. Ты же знаешь, что я терпеть не могу слово «люблю».

Н а р м и н а *(шутливо)*. А не скажешь, так и не сделаешь. Как же быть?

Кямран смеется. Страстно целует ее, потом вдруг отрывает от земли и быстро крутит. Осторожно ставит на пол и наполняет бокалы.

Н а р м и н а *(полуприкрыв глаза)*. Мне на мгновение показалось, что мы летим куда-то вдаль, в космос.

К я м р а н *(улыбаясь)*. Если отсюда в Борчалы пойдет самолет, то это полчаса лету.

Н а р м и н а *(помрачнев)*. Поняла. Прошу тебя, давай сегодня не говорить об этом. *(Указывая на пианино.)* Это ты купил?

К я м р а н *(улыбается)*. Откуда у меня такие деньги? Хозяйка купила дочери в приданое.

Н а р м и н а. Они не рассердятся, если мы поиграем?

К я м р а н. Нет. *(Поднимает бокал.)* Твое здоровье. *(Пьет.)*

Н а р м и н а *(садится к пианино)*. Что тебе сыграть?

К я м р а н. Что хочешь.

Нармина играет и поет песню, которую любит Кямран.

Меня удержит близ тебя
Твоя любовь.
И то, что ты верна, любя,
Удержит вновь.

Пусть дождь идет и сыплет снег,
Кругом бело,
Твоя любовь – она навек,
И с ней тепло.

Не нужно мне одних цветов, –
С тобой в пути.
По горным тропам я готов
Всю жизнь идти.

К я м р а н. Сегодня у тебя удивительные глаза!
Н а р м и н а. Чем же?
К я м р а н. Твои мысли словно волнами налетают, ударяются о берег, разбиваются и откатываются назад.
Н а р м и н а. Я тебя боюсь, Кямран.
К я м р а н. Почему?
Н а р м и н а. Ты читаешь чужие мысли...
К я м р а н. А разве у тебя есть тайные мысли?
Н а р м и н а. Тайных нет, но иногда непроизвольно такое подумаешь, что сама себя испугаешься.
(*Берет бокал.*) Ты видишь счастье в победе добрых чувств, не так ли?
К я м р а н. Так.
Н а р м и н а. За победу наших лучших чувств друг к другу!
К я м р а н (*улыбается*). Ура!
Н а р м и н а (*улыбается*). Полетели?
К я м р а н. В космос?
Н а р м и н а (*улыбается*). В космос!

Пьют.

К я м р а н. Какое впечатление произвел на тебя новый кандидат наук?
Н а р м и н а. Женственный красавец. (*Хохочет.*)
К я м р а н (*ударив рукой по столу, кричит*). Не ври!

Напряженная пауза.

К я м р а н. Видно, мы никогда не сможем не врать...

Напряженная пауза. Кямран крайне расстроен. Вдруг Нармина, не говоря ни слова, начинает снимать жакет и кофту.

К я м р а н (*удивленно*). Что ты делаешь?

Нармина, не отвечая, продолжает раздеваться.

К я м р а н (*хватает ее за руки*). В чем дело?
Н а р м и н а (*высвободив руки, спокойно*). Я останусь здесь.
К я м р а н. Ты что, с ума сошла?
Н а р м и н а (*спокойно*). Почему я сошла с ума? Разве ты не любишь меня?
К я м р а н (*взволнованно*). Мало ли что! Ты не можешь так самовольничать, у тебя есть родители.
Н а р м и н а (*нервно одевается*). Ну, а раз так, не кричи на меня.
К я м р а н (*берет ее за руку*). Прости меня!
Н а р м и н а (*кричит*). Отпусти!

Кямран выпускает ее руку, девушка поспешно уходит.

К я м р а н. Проводить тебя?

Н а р м и н а. Нет!

Уходит. Свет гаснет. Когда он зажигается, мы в доме Мовсумзаде. Саадат при свете ночника встревоженно ходит из угла в угол. Бьет два часа. Нармина тихо входит, не видя матери. Снимает туфли, чтобы не шуметь, но задевает за стул, стул падает. Саадат подходит к ней.

С а а д а т. Где ты была?

Н а р м и н а. Я была с Кямраном.

С а а д а т. С Кямраном! Ничего себе, воспитание блестящее. В разгар застолья, никому ни слова не сказав, даже не попрощавшись, ушел сам и тебя увел.

Н а р м и н а. Он меня не уводил. Я сама пошла за ним.

С а а д а т. Как же вам не стыдно?! Ведь он тебе даже не жених еще!

Н а р м и н а. Ну и что? Мы дали друг другу слово!

С а а д а т. Дали слово! В том-то и беда, что дали слово! Если из него получится хороший муж, я буду не я! Такие, как он, не могут любить! Он, как Дон-Кихот, любит выдумку, призрак, а не живую женщину... и сражается с ветряными мельницами.

Н а р м и н а. Люди с высокими стремлениями всегда казались Дон-Кихотами.

С а а д а т. Не декламируй, ради Бога! Он просто пустозвон. Говорит о звездах, чтобы заморочить тебе голову и сбить с толку. Ты не можешь его любить!

Н а р м и н а. Я люблю его!

С а а д а т. Ты обманываешь себя. Я женщина, я не чувствую в тебе огня.

Н а р м и н а. Я только что от него.

С а а д а т (*в ужасе*). Что? Ты была у него? Дома? Значит...

Н а р м и н а. Нет!..

С а а д а т (*хватает ее за ворот, кричит*). Поклянись!

Н а р м и н а. Отпусти, мама, отпусти. Он порядочный человек.

С а а д а т. Порядочный человек не может быть таким бесстыжим. В два часа ночи девушка выходит от холостого парня! Что скажут люди?

Н а р м и н а (*хохочет*). Не беспокойся, никто не видел.

С а а д а т. Что тут смешного?

Н а р м и н а. А то, что ты не обо мне думаешь, а о том, что скажут.

С а а д а т (*шокирована*). Но уважать надо и себя, и окружающих!

Н а р м и н а. Так ведь уважать, а не бояться молвы. Уважать, а не лицемерить, притворяться, подлаживаться к чужому мнению!..

С а а д а т. Хватит! Нечего трезвонить, как твой Кямран-бек! Совесть надо иметь! И стыд!

Н а р м и н а. Да почему любовь между парнем и девушкой, их встречи и беседы должны служить поводом для подлых и низких сплетен?

С а а д а т. Потому что любовь – это еще не брак, ясно тебе?!

Н а р м и н а. Нет, не ясно!

С а а д а т. У-у, чтоб тебя разорвало! (*Бьет ее по щеке.*) Убирайся с глаз моих долой!

Нармина хватается за щеку и убегает в другую комнату. Саадат идет за ней. Входит Мовсумзаде. Тяжело бродит по комнате. Садится в кресло и закуривает. Утро. Звонок в дверь. Нармина открывает. Входит Джамиль с букетом цветов.

Д ж а м и л ь. Здравствуйте, Нармина-ханум.

Н а р м и н а. Здравствуйте.

Д ж а м и л ь. Вчера вечером вы сказали Кямрану, что вам нравятся такие розы...

Н а р м и н а. Вы говорили, что они растут в вашем саду?

Д ж а м и л ь. Да, этот сорт вырастил я. В городе только у меня такие!

Н а р м и н а (*нюхает*). Хорошие цветы. Спасибо. Но зачем вы беспокоились?

Д ж а м и л ь. Беспокоился?! Что вы! Мне очень приятно, если они вам нравятся...

Н а р м и н а (*ставит цветы в вазу*). Почему же вам приятно, что они мне нравятся? Ведь эти цветы хвалила и та красивая девушка, что сидела рядом со мной. Разве вы не слышали?

Д ж а м и л ь. Слышал. Но меня интересовало, как вы их оцените.

Н а р м и н а. А почему?

Д ж а м и л ь (*смело*). Потому что вы нравитесь мне.

Н а р м и н а (*шутливо*). Я многим нравлюсь. Что с того?

Д ж а м и л ь. Знаю. Но я всю ночь думал о вас.

Н а р м и н а. Понимаю... Только... По-моему, вы все знаете.

Д ж а м и л ь (*глубоко вздыхает*). Знаю. (*Короткая пауза.*) Но я хотел бы знать еще об одном.

Н а р м и н а. О чем?

Д ж а м и л ь. Я хотел бы знать: если б мы были знакомы до него, вы вышли бы за меня замуж?

Н а р м и н а. Во-первых, прошу вас называть «его» по имени.

Д ж а м и л ь. Извините.

Н а р м и н а. Во-вторых, вы задаете странный вопрос. Вы умный человек, и не можете не знать, что время необратимо.

Д ж а м и л ь. Благодарю вас.

Н а р м и н а. За что? (*Смеется.*) Я не сказала ничего, заслуживающего благодарности.

Д ж а м и л ь (*улыбается*). Время необратимо...

Н а р м и н а. Значит, все ясно?

Д ж а м и л ь. Выходит, так.

Н а р м и н а. И вы знаете, что Кямран лучше вас?

Д ж а м и л ь. Нет. Этого я не знал. А чем он лучше меня?

Н а р м и н а. Он мужественный.

Д ж а м и л ь. Почему вы так считаете?

Н а р м и н а. Он никогда не стал бы признаваться в любви вашей невесте.

Д ж а м и л ь. Возможно. Однако ваши представления о мужестве несколько старомодны. Если бы я стал скрывать свои чувства, то обманывал бы и вас, и себя. Может быть, ваши отношения с Кямраном были ошибкой? Может быть, он не тот человек, которого вы ждали? Я должен был это знать.

Н а р м и н а. Теперь вы поверили, что он действительно тот человек, которого я ждала?

Д ж а м и л ь (*решительно*). Нет. Не поверил.

Н а р м и н а (*потрясенно*). Правда? Почему?

Д ж а м и л ь. Я не могу этого объяснить, но так чувствую.

Н а р м и н а. Сожалею, но ваши чувства вас обманывают.

Входит Саадат. Нармина уходит в соседнюю комнату.

С а а д а т. О... Джамиль... Добро пожаловать! (*Пожимает ему руку.*) Что ж вы стоите? Садитесь.

Саадат-ханум замечает, что он смущен.

Д ж а м и л ь. Благодарю вас. (*Продолжает стоять.*) Вчерашний банкет не утомил вас?

С а а д а т. О чем вы говорите? Разве можно было устать от такого милого общества?

Д ж а м и л ь. Очень рад, если так.

С а а д а т. Ваши родители просто очаровали меня. Какие тонкие люди! (*Шутливо.*) Когда я впервые увидела вас, я подумала, от кого у парня такая красота? Оказывается, от матери. (*Так же шутливо.*) Судьба ничем вас не обделила.

Д ж а м и л ь (*улыбается*). Увы, Саадат-ханум, как видно, полное счастье на этом свете все-таки невозможно.

С а а д а т. По-моему, у вас нет никаких оснований так говорить.

Д ж а м и л ь. К сожалению, есть.

С а а д а т. Какие же? Можно узнать?

Д ж а м и л ь. Отчего же? Если не вам, кому ж еще об этом сказать? Только вы спросите лучше у Нармины, она вам скажет. (*Смотрит на часы.*) А теперь, с вашего позволения, я пойду. Будут ждать в лаборатории. Что бы ни случилось, я навсегда останусь другом вашей семьи.

С а а д а т. Вы меня встревожили.

Д ж а м и л ь. Ну что вы, никаких причин для тревоги нет. До свидания.

С а а д а т. Прошу вас, приходите чаще.

Д ж а м и л ь. Спасибо.

Уходит. Саадат смотрит ему вслед. Пауза.

С а а д а т. Я ни с кем не могу поделиться своим горем, даже профессору не говорила. После того, как осталась сиротой, я всегда боюсь остаться одна. Порой я просыпаюсь в страхе и прислушиваюсь к дыханию профессора. Боюсь, что он... Я знаю, что никакая дочь не будет вечно сидеть возле матери. И все-таки, когда я думаю о том, что она уйдет от нас, меня охватывает настоящий ужас. Если она уйдет... (*Испуганно кричит.*) Нет, нет, ни за что! (*Спешит к двери, зовет.*) Нармина! Нармина!

Н а р м и н а (*входит*). Что такое, мама?

С а а д а т. Что случилось, почему ты так смотришь? Подойди поближе, давай помиримся, моя сумасшедшая дочка. (*Обнимает ее и целует.*) Зачем приходил Джамиль?

Н а р м и н а. Принес цветы.

С а а д а т. Для профессора?

Н а р м и н а. Нет, для меня.

С а а д а т. А потом?

Н а р м и н а. А потом признался, что любит меня и хочет жениться.
С а а д а т. И что же ты ответила?
Н а р м и н а. А что, по-твоему, я могла ответить?

Тяжелая пауза. Входит Кямран.

К я м р а н. Здравствуйте!
С а а д а т (*холодно*). Здравствуй.
К я м р а н (*радостно*). Я кончил все бакинские дела. Осталось только уехать.
С а а д а т. Ты твердо решил ехать?
К я м р а н. Да.
С а а д а т (*нервно*). И я твердо решила, что Нармина отсюда никуда не уедет.
К я м р а н. Нармине уже двадцать три года, Саадат-ханум.
С а а д а т. Нармина – моя дочь, слышишь?
К я м р а н. Слышу.

Шум подъехавшей машины. Входят Мовсумзаде и Керем.

М о в с у м з а д е (*уловив напряжение в комнате*). Что происходит?
С а а д а т. Что может произойти? Меня хотят лишить зеницы ока, единственной дочери!
(*Кямрану*.) Если ты непременно хочешь ехать в район, разве мало районов близ Баку? Керем сможет каждый день отвозить тебя и привозить домой...
К я м р а н. Саадат-ханум, дело вовсе не в том, чтоб это был район или село. Я с удовольствием остался бы в городе. Но Грузия потому и послала меня сюда на учебу, что азербайджанцы, живущие там, нуждаются в специалистах, знающих родной язык.
М о в с у м з а д е. Грузины правильно поступили. Благородно.
С а а д а т. Я ничего не имею против благородства грузин. Но после отъезда Нармины ты совсем лишишься сна. Ведь ты и так не засыпаешь без снотворного.
М о в с у м з а д е (*шутливо*). Мы привыкли бодрствовать, Саадат-ханум.
К е р е м. Подумаешь, не поспать разок-другой. Не заберет же он с собой и нас.
С а а д а т. Я свою дочь никуда не пушу!

Нервно выходит в соседнюю комнату. Свет следует за ней. Саадат плачет.
Свет возвращается к Мовсумзаде, Керему и стоящим в сторонке от них Кямрану и Нармине.

М о в с у м з а д е. Пойдем, друг мой Керем. Ты видишь, как сложна жизнь.
К е р е м. Кямран нравится мне все больше и больше. Замечательный парень. Прямой и острый, как меч.
М о в с у м з а д е. Что-то тут есть чрезмерное. Меня он как-то беспокоит. Может, это и хорошо. А то мы порой так погрязаем в обыденщине, что, кажется, мозг, и то жиреет. (*Нармине*.) Дочка, ты из-за нас не иди против веления сердца.
К е р е м. Ведь не Аракс нас разделит. Глядишь, дядя Керем лихо подкатит на машине...
М о в с у м з а д е. Пока, дочка.
С а а д а т (*торопливо входит*). Куда вы?
М о в с у м з а д е. На берег Аракса.
С а а д а т. Зачем?
М о в с у м з а д е (*глубоко вздыхает*). Просто так, прогуляться.

Выходит.

К е р е м (*уходя, Нармине на ухо*). Поедем полюбуемся на родные места...

Выходит. Саадат идет в соседнюю комнату.
Слышен шум отъезжающей машины.

К я м р а н (*указывая на цветы*). Это, наверное, от Джамилия.
Н а р м и н а (*кивает*). Как ты узнал?
К я м р а н (*улыбается*). Истинные герои не могут оставаться безразличными к вниманию красавиц. Вечером Джамиль слышал, как ты хвалила эти розы.

Н а р м и н а (*хмуро*). Ну и что ж? Внимание – это ведь хорошо.
К я м р а н. Конечно.
Н а р м и н а (*нервно*). Что ты хочешь сказать?
К я м р а н. Ничего.
Н а р м и н а. Но я же знаю, что ты ненавидишь его.
К я м р а н. Это не имеет значения.
Н а р м и н а (*резко*). Не имело б – ты не стал бы так говорить. (*Напряженная пауза. Вдруг прижимается к нему.*) Кямран, давай выполним желание отца. Ведь я действительно их единственная дочь.
К я м р а н. Мне кажется, профессор согласен...
Н а р м и н а (*перебивает его*). Это согласие дорого обойдется ему!
К я м р а н. Он мужчина!
Н а р м и н а. А мама?
К я м р а н. Она свыкнется.
Н а р м и н а. Значит, ты не переменишь решения?
К я м р а н. Нет.
Н а р м и н а. А если я не захочу ехать?
К я м р а н. Останешься.
Н а р м и н а. Это ничего для тебя не значит?
К я м р а н. Значит.
Н а р м и н а. И все-таки ты поедешь?
К я м р а н. Поеду.
Н а р м и н а. А как же твоя любовь?
К я м р а н. А как твоя любовь?
Н а р м и н а. У меня на пути стоят мои родители.
К я м р а н. А у меня на пути – мой народ. (*Тягостная пауза.*) Если б ты знала, какие бывают трагедии! В школе вместе со мной училась девушка по имени Марал. Однажды ее отца арестовали, а потом осудили на десять лет. Он заболел и скончался в тюрьме. А позже выяснилось, что истинный виновник преступления совсем не он, а другой.
Н а р м и н а. Девушка была красива?
К я м р а н. Красивая и славная.
Н а р м и н а. Что же стало с ней?
К я м р а н. Оставшись без родителей, она вышла за нелюбимого человека.
Н а р м и н а. Откуда ты знаешь, что за нелюбимого?
К я м р а н (*хмуро*). Да уж знаю.
Н а р м и н а (*с детским эгоизмом, полушутя*). Может быть, она любила тебя?
К я м р а н (*резко*). Я тоже любил ее. Но это была молчаливая, тайная, бессловесная любовь.
Н а р м и н а (*иронически*). Как любовь духов?
К я м р а н (*хмуро*). Может быть. Духов-то придумали люди.
Н а р м и н а. А я думала, что единственная девушка в твоей жизни – это я. Значит, можно любить и не однажды. (*Потрясенно.*) А почему ты до сих пор не говорил мне об этом?
К я м р а н. Потому что каждый раз, вспоминая о ней, я думал только о возмездии виновным.
Н а р м и н а. Можно подумать, что все дело в возмездии. Наверное, сама Марал давно забыла эту историю.
К я м р а н (*холодно*). Если даже она забыла, я помню.
Н а р м и н а (*с упреком и иронией*). Кого же ждет возмездие?
К я м р а н. Тех, кто продает человеческую жизнь за деньги.
Н а р м и н а. Дон-Кихот!
К я м р а н (*холодно*). Может быть. Во всяком случае, надо действовать! Прощай!

Решительно выходит. Нармина на минуту застывает на месте.
Потом невольно шепчет про себя.

Н а р м и н а. Прощай? (*Вдруг, словно очнувшись.*) Нет, нет Кямран!

С криком бросается к двери, но, увидев входящего Джамия, испуганно пятится назад. Джамиль медленно идет к ней. Свет гаснет. Когда зажигается, мы видим Мовсумзаде и Керема. Они стоят на берегу Аракса и смотрят на противоположный, иранский берег.

М о в с у м з а д е. Когда мы уезжали, та ива была совсем маленькой. А теперь большое дерево. *(Короткая пауза.)* Мой сын Исмаил, наверное, тоже так вырос и вытянулся. Когда мы уезжали, ему было всего два года. Видишь, там, на зеленом холме, лошадь. Навострила уши и смотрит на нас.

К е р е м *(растроганно)*. Бедная скотина, откуда ей знать, кто мы такие. *(Пауза.)* А вон та белая дорога ведет прямо в Тавриз.

М о в с у м з а д е. Да...

Любуясь заречьем, поют старинную азербайджанскую песню.

К е р е м. Эх, заварю-ка я чай. Попьем, глядя на ту сторону.

Берет свою дорожную сумку и скрывается за деревьями. Свет медленно гаснет.

Когда зажигается, мы в доме Мовсумзаде. Нармина одна. Входит Саадат.

Короткая пауза.

С а а д а т. Я знаю, что сломала твою любовь. Но, поверь, это ради твоего же счастья. *(Подходит к девушке, ласково.)* Не приноси жизнь в жертву пустым мечтаниям. Если б он любил тебя так, как ты думаешь, он ни за что не уехал бы, даже под угрозой смерти.

Н а р м и н а *(задумчиво)*. Ему никто не угрожал.

С а а д а т. Знаешь, дочка, на свете нет такой любви, которая выдержала бы больше двух-трех лет. Двадцатый век не побоялся этой истины, так же как и многих других. И потому самый верный путь – спокойно и разумно строить семейную жизнь. Никто из тех, кто искал счастье только в любви, не нашел его.

Н а р м и н а. По-моему, любящие ничего не ищут в своей любви. И не требуют никакого счастья.

С а а д а т. Оно и естественно. Страсть затуманивает душу, мозг, не дает серьезно подумать о своей жизни, о своем будущем.

Н а р м и н а *(неприятно усмехаясь)*. Значит, долой любовь?

С а а д а т. Не всякая любовь обещает счастье и благополучие. Умный человек не должен забывать об этом. Тем более женщина, для которой запоздалые сожаления особенно страшны.

Н а р м и н а *(глубоко вздыхает)*. Для меня было бы счастьем жить с Кямраном в самом дальнем селении, в какой-нибудь хибарке. А запоздалое сожаление будет терзать меня теперь, когда он уехал.

С а а д а т. Это тебе кажется. Но жизнь возьмет свое. Мы с тобой не только мать и дочь, но и подруги. Поэтому я говорю так откровенно. И уверяю тебя, что любовное безумие, любовная горячка не продлятся долго. Они пройдут, как любая болезнь. Потому-то нам нужен умный и здоровый муж, крепко стоящий на ногах, умеющий жить. Смотри на жизнь трезво!

Н а р м и н а. Как бы я ни смотрела на жизнь, мне все равно видится Кямран. Только ради тебя и отца я попытаюсь забыть его. Я докажу вам, что я, как и он, умею терпеть и держать свое слово!

Звонок. Нармина открывает. Входит Джамиль.

У него в руках большой букет.

Д ж а м и л ь *(вручая букет)*. Здравствуйте, Нармина-ханум, здравствуйте, Саадат-ханум!

С а а д а т. Здравствуй, Джамиль. Как здоровье родителей?

Д ж а м и л ь. Спасибо. Кланяются вам.

С а а д а т. Я влюблена в вашу мать.

Д ж а м и л ь *(улыбается)*. То же самое она говорит о вас.

С а а д а т. Видно, мы понимаем друг друга.

Д ж а м и л ь. Видно, так.

С а а д а т. Вы беседуйте, а я займусь обедом. Старикам только и остается, что работать.

Д ж а м и л ь. Между вами и старостью еще целый век.

С а а д а т *(громко смеется)*. Для тех, кто простился с молодостью, не может быть комплимента лучше. *(Указывает на накрытый стол.)* Садитесь, прошу вас.

Проходит в соседнюю комнату.

Короткая пауза.

Н а р м и н а. Для чего вы носите мне цветы? Я же не люблю вас!

Д ж а м и л ь *(шутливо)*. Но я вас люблю. Это дает мне право дарить вам все, что сердце подскажет, даже свою собственную жизнь.

Н а р м и н а. А если я не приму? Что тогда?
Д ж а м и л ь. Ничего. Что я могу сказать?
Н а р м и н а. Я не могу забыть его, понимаете?
Д ж а м и л ь. Конечно.
Н а р м и н а. Тогда чего же вы от меня хотите?
Д ж а м и л ь. Ничего. Разве после того дня я сказал вам хоть слово о своих чувствах?

Пауза.

Н а р м и н а. И ваше самолюбие не уязвляет то, что я не могу его забыть?
Д ж а м и л ь. Нет. Если б мы встретились до него, может быть, вы любили бы меня сильнее, чем его.

Н а р м и н а. Почему вы так уверены в себе?
Д ж а м и л ь (*совершенно серьезно*). А почему бы и нет?
Н а р м и н а. Я люблю веру в себя. Но есть какая-то разница между его верой и вашей.
Д ж а м и л ь. И в чем же она?
Н а р м и н а. Не знаю. Но... она есть.
Д ж а м и л ь. И?
Н а р м и н а. Во всяком случае сравнение не в вашу пользу.
Д ж а м и л ь. Я не обижаюсь на то, что вы так обо мне думаете. (*Короткая пауза.*) Ведь вы же не любите меня!

Н а р м и н а (*вдруг оживляясь*). И потому вам все равно, как я думаю о вас, не так ли?
Д ж а м и л ь. Нет, я хочу сказать другое. Вы не видите лучшее во мне.
Н а р м и н а (*полушутя*). Ну, не так уж я необъективна. Нет слов, вы умный и серьезный человек.
Д ж а м и л ь (*сухо улыбается*). И это вас не привлекает?
Н а р м и н а. Вы иронизируете?
Д ж а м и л ь. Отнюдь нет. Я констатирую.
Н а р м и н а. Мне нравится, что вы так прямо смотрите правде в глаза.
Д ж а м и л ь. Спасибо и на том. (*Короткая пауза.*) Можно задать вам один вопрос?
Н а р м и н а. Можно.
Д ж а м и л ь. Если вы так любите Кямрана, почему же вы не поехали с ним?
Н а р м и н а. Я принесла свою любовь в жертву великому горю моего отца. Двое его детей и вся родня остались по ту сторону Аракса. Если и меня не будет с ним, горе убьет его. (*Громко и резко.*) Чему вы улыбаетесь?

Д ж а м и л ь. Как вы сентиментальны, оказывается! Ваш отец не ребенок...
Н а р м и н а. Да, наверно, наверно! Но здесь есть и другая сторона. С этой жалостью, через которую мне не перейти, я не была бы достойна... Впрочем, это уже не ваше дело. Если это слабость, тем более...

Д ж а м и л ь. В таком случае разрешите задать второй вопрос.
Н а р м и н а. Валяйте.
Д ж а м и л ь. Вы выйдете замуж?
Н а р м и н а. Наверное. (*Шутливо.*) Какой смысл сидеть дома и оставаться старой девой?
Д ж а м и л ь (*полушутя*). Когда до этого дойдет, смогу я выдвинуть свою кандидатуру?
Н а р м и н а (*с печальной усмешкой*). После всего, что я вам сказала, вы все еще хотите баллотироваться?
Д ж а м и л ь. Без всяких колебаний!

Пауза.

Нармина словно сразу теряет силы.

Д ж а м и л ь. Почему вы молчите?
Н а р м и н а. Рана еще очень свежа, Джамиль. Я пока не могу сказать, как будет. Придет время, посмотрим. А теперь до свидания. Я хочу побыть одна.
Д ж а м и л ь. До свидания.

Джамиль уходит. Пауза.
Входят Мовеумзаде и Керем.

М о в с у м з а д е (*пристально смотрит на дочь*). Надо было тебе поехать с Кямраном, дочка.

Н а р м и н а. Я ни о чем не жалею, папа.
М о в с у м з а д е. Понимаю. Ценю. Но если б не слезы твоей матери, я заставил бы тебя поехать.
Н а р м и н а. А ты не скучал бы без меня?
М о в с у м з а д е. Я не стою такой самоотверженности.
Н а р м и н а. Что ты такое говоришь, отец?!

М о в с у м з а д е. Твой отец был равнодушен к горю своих братьев и сестер, оставшихся по ту сторону.

Н а р м и н а. Как равнодушен?! Твои мысли всегда с ними!
М о в с у м з а д е. Мысли, мысли! Что толку в мыслях? Мысли еще не дела...
Н а р м и н а. Впервые вижу тебя в таком отчаянии, отец.
М о в с у м з а д е. Сколько лет твой отец жил надеждой, с нею учился, стал доктором. А теперь жизнь на исходе. Кто знает, сколько еще таких жизней понадобилось бы, чтобы...

Глубоко вздыхает и проходит в соседнюю комнату. Свет гаснет.
Когда он зажигается, мы видим Кямрана в его комнате в Борчалы.
Он читает письмо. Мы слышим голос Нармины.

Г о л о с Н а р м и н ы. Несколько дней назад я попросила Джамиля узнать твой адрес и место работы. Он сперва удивился. Потом спросил, не жалею ли я о данном ему обещании. Я ответила, что не жалею. Просто хочу написать Кямрану письмо. Он ничего не сказал. Ведь он знает, что сердце мое навсегда с тобой. Знает он и то, что я никогда не предаю своего мужа. Вчера было обручение. Я знаю, что ты ненавидишь слезы. Поэтому я не стала плакать. Но мне очень трудно. Когда я думаю о том, что мы расстались навсегда, кровь застывает в жилах. Может быть, мне надо было бросить все и ехать с тобой, Кямран.

Кямран с тоской закрывает глаза. Свет гаснет. Музыка. Высвечивается Нармина, читающая письмо. Слышится голос Кямрана.

Г о л о с К я м р а н а. Мне без тебя тоже очень трудно, Нармина. Где бы я ни был, мысль о тебе не покидает меня. Может быть, для прокурора, который должен бороться с мерзостями и ужасами, это слабость. Но это и единственное мое утешение – думать о тебе, Нармина. Подумай о профессоре Мовсумзаде, о дяде Кереме! Наша тоска так же велика, как наша любовь. Когда я прочел о твоём обручении, мне показалось, что жизнь остановилась, и я провалился на дно глубокого колодца. Но я вспомнил твои глаза, увидел в них молчаливую, как море, тоску, и это дало мне силы выбраться из колодца. Вспомнил твой смех, посмотрел на вершины Муровдага. Вспомнил о своей матери Салатын, увидел борчалинские леса, и вид этих грустных просторов напомнил мне о жизни. Мы понимаем друг друга. Наша любовь была неполной. Она была как птица с одним крылом. Может быть, ты и поехала бы со мной. Но такая самоотверженность не принесла бы счастья ни тебе, ни мне. Журавли улетают, и я, видно, создан для того, чтобы стремиться вдаль. Вот и все, Нармина. Сейчас я ухожу на работу. Должен провести следствие по делу человека, которому предъявлено обвинение в тяжком преступлении. Есть основания думать, что он стал жертвой навета или ошибки...

Пауза. Нармина кладет письмо на стол и подходит к пианино.
Начинает играть, сперва спокойно, потом взволнованно. Входит Джамиль.

Д ж а м и л ь (*замечает письмо*). От кого?
Н а р м и н а (*не отрываясь от пианино*). Можешь прочесть.

Джамиль берет письмо, читает подпись, складывает и кладет его на место. Нармина играет. Джамиль закуривает. Чувствуется, что ему стоит больших усилий владеть собой. Нармина встает из-за пианино, чиркает спичкой, сжигает письмо. Оба смотрят на горящее письмо. Свет слабеет. Гаснет. Когда он зажигается снова, мы видим живописную местность вдоль дороги. Слышен шум подъехавшей машины.

Г о л о с С а а д а т. Здесь очень приятно... Можно отдохнуть...

Входят Нармина и Джамиль, за ними Саадат, Мовсумзаде и Керем.

Д ж а м и л ь (*Нармине*). Вот это и есть борчалинские леса, в которых охотится Кямран.
Н а р м и н а. Когда я смотрю на эти горы, мне кажется, будто я на другой планете.
Д ж а м и л ь. Он где-то неподалеку. Если хочешь, можем заехать.

Нармина отрицательно качает головой.

Почему?

Н а р м и н а. Он нас не ждет.

Д ж а м и л ь. Что он, в обморок упадет, если нас увидит?

Н а р м и н а (*вспыхнув*). Полно вздор молоть!

Д ж а м и л ь. Извини.

Керем поднимается на холмик и смотрит вдаль.

М о в с у м з а д е. Красивое место. Палатку поставим под тем каштаном. И три дня проведем здесь.

К е р е м. Профессор, видишь ту седую гору?

М о в с у м з а д е (*глубоко вздыхает*). Как я могу не заметить Савалан?

К е р е м. Савалан еще в снегу...

М о в с у м з а д е. По радио сообщали, что там дожди...

К е р е м. Дай Бог. Если пройдут дожди, баранте будет чем кормиться. Вот уж где народ исстрадался от засухи.

М о в с у м з а д е. Что верно, то верно...

С одной стороны входят Джамиль и Нармина, с другой – Саадат.
Джамиль очень хмур.

С а а д а т. У такого родника неплохо бы отведать шашлык. Жаль, мяса нет. Может быть, Керем съездит за мясом?

М о в с у м з а д е. Керем шесть часов сидел за рулем.

Д ж а м и л ь (*хмуро*). Я поеду. (*Керему.*) Дай ключ.

К е р е м (*профессору*). Может, мне поехать?

М о в с у м з а д е. Ничего, пусть Джамиль поедет, он молодой...

Керем передает Джамилю ключ от машины.

М о в с у м з а д е. Ну, а мы будем собирать хворост.

Керем, Мовсумзаде и Саадат уходят в лес.

Д ж а м и л ь (*Нармине*). Поедем, повидеаешься с Кямраном.

Н а р м и н а (*поспешно*). Нет. Не хочу.

Д ж а м и л ь. Почему? Ты боишься встречаться с ним?

Н а р м и н а (*холодно*). Нет, не боюсь. Но и демонстрировать ему своего жениха тоже не хочу.

Д ж а м и л ь (*гневно*). Тогда зачем же ты настаивала, чтобы мы непременно ехали по этой дороге?

Н а р м и н а. Не знаю. Наверно, из слабости. Извини...

Джамиль нервно уходит. Нармина смотрит, как машина стремительно срывается с места. Керем поспешно появляется из-за деревьев и смотрит вслед машине.

К е р е м (*насутившись*). Сто двадцать выжимает. Зря он так погнал!

Нармина молчит, продолжает смотреть.

М о в с у м з а д е (*выходя из-за деревьев*). Друг мой, Керем, чай ты будешь заваривать или я?

К е р е м. Я.

М о в с у м з а д е. Слушай, ты когда-нибудь дашь и мне заварить? Сегодня я буду заваривать! (*Скрывается за деревьями.*)

Грохочет гром, сверкают молнии. Керем подходит к Нармине.

К е р е м. Что случилось? Почему ты не в духе, девочка?

Н а р м и н а. Не надо было нам ехать этой дорогой.

К е р е м. Отчего же?

Н а р м и н а (*взволнованно*). Дядя Керем, ты член семьи. С детства у меня не было от тебя секретов. Когда я думаю, что Кямран без меня живет в этих горах, у меня голова кружится. Боюсь, что я не просто ошиблась, а сделала подлость.

К е р е м. Это пустые слова. Мы готовимся к свадьбе.

Н а р м и н а. Я начала было привыкать к Джамилю. А теперь он вдруг словно опять отдалился от меня. Опять он чужой...

К е р е м. Пустое говоришь...

Н а р м и н а. Эх, дядя Керем, ты меня не понимаешь.

К е р е м. Девочка, разве тебя силком обручили?

Н а р м и н а. Дядя Керем!

К е р е м. Племяшка, не старайся меня провести. Если у тебя не лежала бы душа к этому парню, ты ни за что не обручилась бы с ним...

Н а р м и н а. Наверное.

К е р е м. Знаешь, племяшка, трудно будет до тех пор, пока у нас не появится внучек. Потом все образуется.

Н а р м и н а. То есть после того, как у меня родится ребенок?

К е р е м. Ну конечно!.. Сколько веревочке ни виться, а конец будет. Природа от всех этих любовных штук, ссор и перемирий требует одного: ребенка! Дитя! Пусть оно появится на свет, а дальше делайте что хотите. Хотите – милуйтесь и ласкайтесь, хотите – ссорьтесь и деритесь. На это уже природе наплевать. Ей нужен новый человек. Зачем? Этого никто не знает. Ни мудрецы, ни я, грешный.

Н а р м и н а. Гнилая философия! Вся красота земли, любовь, ненависть, мечты, трагедии, комедии, все эти битвы – только ради продолжения рода?

К е р е м. Вот-вот. Природа и хочет, чтобы ты думала иначе. А то с вами не сладить.

Н а р м и н а. Если так, почему же ты не женился во второй раз?

К е р е м. Не женился – природа и наказала меня.

Н а р м и н а. А что она сделала?

К е р е м. Да уж сделала! По ночам прихожу к себе, запираю дверь – и ужас охватывает. Кажется, будто все чужое, ненужное. Когда я думаю, что скоро покину этот мир, не оставив после себя никакого следа, в глазах темнеет!

М о в с у м з а д е (*входит*). Вещи надо пока сложить под этой скалой. Дождь будет.

К е р е м. Значит, не зря мы свернули сюда.

М о в с у м з а д е (*ставит один из чемоданов под скалой*). И я назвал это место скалой Керема.

К е р е м (*простодушно радуясь*). Правда? (*Нармине*.) Когда после меня будешь проходить здесь, посмотришь на эту скалу и вспомнишь дядю Керема.

М о в с у м з а д е. Что это еще за похоронное настроение?

К е р е м. С чего ты взял? (*Бежит, несет другой чемодан*.) Слава Богу, летаю, как птица.

Хлынул проливной дождь. Входит Саадат.
Все укрываются под скалой.

С а а д а т. Зальет все вокруг. (*Керему*.) Не надо было тебе отпускать Джамиля одного.

Н а р м и н а. Джамиль не ребенок, ничего с ним не будет.

Дождь усиливается. Темнеет. То и дело сверкают молнии, освещая попеременно лица Мовсумзаде, Саадат, Керема и Нармины, злые глаза Джамиля, сидящего за рулем. Заметно, что Джамиль ведет машину на большой скорости. В темноте раздаются грохот и вой... Снова молния высвечивает напряженный взгляд Джамиля, внимательно наблюдающего за Джамилем глаза Нармины. Наконец свет гаснет. Когда он зажигается, мы видим Мовсумзаде, Саадат, Керема, Нармину и Джамиля за складным столиком. Они едят и пьют.

Д ж а м и л ь (*чувствуется, что он сильно выпил, но не опьянел*.) Профессор, этот бокал я пью за вас и в вашем лице – за людей большой науки, за людей, ведущих вперед современную технику.

С а а д а т. Прошу присоединить к этому тосту и себя. Ты заря нашей науки.

Д ж а м и л ь (*улыбается*). Будь по-вашему, Саадат-ханум! (*Поднимает бокал*.) За светлые умы, за больших людей!

Пьют. Шум мотоцикла. Все удивленно переглядываются. К ним подходит майор-грузин в дождевике. Это приветливый молодой человек.

М а й о р. Привет дорогим гостям! Профессор Мовсумзаде, добро пожаловать в Грузию!

М о в с у м з а д е. Спасибо. Пожалуйте к столу.

М а й о р. За ваше здоровье с удовольствием выпью бокал. (*Садится. Джамиль хочет наполнить его бокал, но майор берет у него бутылку.*) Вы не трудитесь. (*Наполняет бокал.*) Будьте здоровы, дорогой профессор! Здоровья вам! (*Пьет до дна.*)

С а а д а т. Откуда вы знаете профессора?

М а й о р. Кто же не знает профессора Мовсумзаде? Он трижды читал лекции в нашем университете.

М о в с у м з а д е. Вы окончили университет?

М а й о р. Да. А наш прокурор азербайджанец, он учился в Баку.

К е р е м. Вы имеете в виду Кямрана?

М а й о р. Да. Вы знаете его?

К е р е м. Очень хорошо.

М о в с у м з а д е. Это друг нашей семьи.

М а й о р. Смелый парень. Здесь и азербайджанцы, и грузины готовы ради него на все. (*Наполняет бокал.*) Поскольку Кямран и ваш, и мой друг, давайте выпьем за его здоровье. (*Пьют.*) Мы нашли здесь Кямрану хорошую невесту. Если сладится, устроим свадьбу.

Н а р м и н а. А что? Еще не решили?

М а й о р. Нет, он ее даже не видел. Зато девушка видела его и сразу влюбилась. Подыдем бокал за здоровье женщин! (*Смотрит на часы.*) Сейчас из Тбилиси передают хороший концерт. Если не возражаете, можно включить транзистор.

Нармина включает транзистор. Исполняется грузинская мелодия.
Майор напевает.

М а й о р. Эх, профессор, мир прекрасен, но жаль, что (*указывает на свои погоны*) без них пока не обойтись.

М о в с у м з а д е. Вам не нравится служить в милиции?

М а й о р. Я хотел бы, чтоб люди вообще не нуждались в милиции.

Из транзистора звучит другая мелодия. Джамиль поднимается,
отходит в сторону и знаками подзывает к себе Керема.

Д ж а м и л ь. Дядя Керем, возвращаясь из районного центра, я сбил человека. Если майор приехал по этому делу, ты возьми случившееся на себя.

К е р е м. То есть как это взять на себя?

Д ж а м и л ь. Ну, скажи, что ты сбил человека. Мы тебя выручим. Не дадим тебе и дня провести в тюрьме. А я-то опозорюсь на весь свет. И научная работа останется незавершенной. Кроме того, ты сам знаешь, Кямран враг мой, если это дело попадет в его руки...

К е р е м. Сбитый тобой человек жив?

Д ж а м и л ь. Не знаю.

К е р е м. То есть как не знаешь?

Д ж а м и л ь. Ну, не знаю.

К е р е м. А на дороге были люди?

Д ж а м и л ь. Никого не было. Ты без колебаний можешь взять вину на себя.

К е р е м (*долго и пристально смотрит на него*). Так... Значит, я должен заявить, что в этот ливень сбил человека и оставил его одного посреди дороги? Что я, Керем с того берега Аракса, совершил такую подлость?

Д ж а м и л ь. Ладно, не ори.

С а а д а т (*подходит, взволнованно*). Что случилось, Джамиль? Что этому майору нужно?

Д ж а м и л ь. Не беспокойтесь, Саадат-ханум, ничего страшного. Когда я возвращался, машина задела прохожего.

М а й о р (*подходит к ним, Джамилю*). Прошу вас проехать со мной в отделение милиции.

Н а р м и н а (*подходит, Джамилю*). Я тоже с тобой поеду.

Д ж а м и л ь (*резко*). Не надо!

Н а р м и н а (*спокойно*). А я хочу поехать!

М о в с у м з а д е (*подходит*). Керем, ты тоже поезжай. Выясни, в чем дело.

К е р е м. Хорошо.

Майор, Джамиль, Нармина, Керем уходят. Свет гаснет.
Когда он зажигается, мы видим комнату Кямрана.

К я м р а н (*говорит по телефону*). Алло! Мурадов, срочно пошли людей, пусть остановят разрушение крепости. Заместитель председателя райисполкома собирается на ее месте строить себе дачу. Какая крепость? А вот какая. В конце XVIII века народный герой Шамкирли Эйваз с тремя сотнями удалцов оборонялся здесь от полчищ Ага-Мухаммед-шаха. Препградил ему путь и дрался до последнего дыхания. А этот крот хочет уничтожить последние следы орлов. Срочно пошли людей. Тех, кто санкционировал это, надо привлечь к ответственности. (*Кладет трубку. О чем-то думает. Потом включает магнитофон. Звучит песня, которую когда-то пела Нармина. Звонок. Кямран открывает дверь. Входит совершенно мокрая Нармина. Короткая пауза.*) Нармина! Как ты промокла! (*Помогает ей снять плащ, усаживает на диван, потом, встав на колени, снимает с нее туфли. Проводит рукой по спине.*) Ты вся мокрая!

Н а р м и н а (*кивает на магнитофон*). Наша песня! (*Кямран выключает магнитофон.*) Зачем ты выключил? Пусть играет, я хочу послушать до конца.

Кямран включает магнитофон. Музыка продолжается.

К я м р а н. Откуда ты одна, в такое время? Что-нибудь случилось?

Н а р м и н а. Я не одна. Дядя Керем внизу. Я пришла к тебе по делу.

К я м р а н. По какому делу?

Н а р м и н а. Сотрудники милиции задержали Джамиля.

К я м р а н. За что?

Н а р м и н а. Он задавил человека.

К я м р а н. Когда?

Н а р м и н а. Сегодня.

К я м р а н (*словно очнувшись от сна, поспешно идет к телефону*). Алло, Мурадов, говорят ваши работники задержали сегодня машину «Волга» из Азербайджана. Ага, ага... Как состояние сбитого? А где задержанный? Хорошо... (*Кладет трубку.*) Ты тоже была в машине?

Н а р м и н а. Нет. Я с родителями оставалась в лесу. Джамиль ездил один, чтобы...

К я м р а н. А где же сейчас родители?

Н а р м и н а. Там же. В лесу. Мы ехали в Кисловодск. Остановились здесь отдохнуть.

К я м р а н (*подходит к окну, кричит вниз*). Дядя Керем, поднимайся! (*Берет трубку.*) Дайте гараж. Алло! Срочно мою машину. (*Кладет трубку.*)

К е р е м (*входит*). Здравствуй, Кямран!

К я м р а н. Здравствуй, дядя Керем. Проходи, садись.

К е р е м. Не могу сидеть. Профессор... они там одни в лесу.

К я м р а н. Что ж не ты вел машину?

К е р е м. Кямран, сынок, это моя вина. Надо было, конечно, самому вести. Профессор не разрешил.

Н а р м и н а (*Кямрану*). Ты же знаешь, Джамиль хорошо водит машину.

К е р е м. Он даже получил приз на соревнованиях автомобилистов.

Снаружи шум машины. Кямран выглядывает в окно.

К я м р а н. Иршад!

Г о л о с И р ш а д а. Слушаю, товарищ прокурор!

К я м р а н. В лесу люди остались. Поедешь с дядей Керемом, привезешь.

Г о л о с И р ш а д а. Слушаюсь!

К е р е м (*выходя*). Ну, я не прощаюсь...

К я м р а н (*Нармине*). Пройди, там в шифоньере есть чистая пижама, переоденься. Простудишься.

Нармина выходит в соседнюю комнату.

К я м р а н (*берет трубку*). Алло! Мурадов, прошу тебя, не говори родственникам, что водитель оставил сбитого и сбежал!.. Причину объясню. (*Кладет трубку. Входит Нармина в пижаме. В глазах ее страх. Словно она ужаснулась чему-то. Кямран понимает ее душевное состояние.*) Садись, Нармина, сейчас я принесу чаю.

Н а р м и н а (*в необычном волнении*). Нет. Не хочу. (*Короткая пауза.*) Зачем ты предложил мне надеть свою пижаму? Почему мы поехали этой дорогой? Почему этот ужасный случай произошел именно здесь, в районе, где ты прокурором? Почему сегодня Джамилем сам хотел править машиной? Случайности? Или перст судьбы?

К я м р а н (*пытаясь шутить*). Ну ладно, ладно... Когда-то ты смеялась над моей доморощенной философией. А теперь – «перст судьбы»!

Н а р м и н а (*не слушая его*). Чего ты ждешь? Почему не женишься?

К я м р а н. Не могу.

Н а р м и н а (*резко*). Почему?

К я м р а н. Не знаю. Как видно, еще рано.

Н а р м и н а. Женись, Кямран. Женись скорее. Пока ты не женат, мне нет жизни. Я не могу принадлежать другому. Сердце, мысли мои с тобой. Всюду я вижу тебя. По ночам, когда ветер шуршит листвой, я слышу твой шепот. Мне кажется, будто ты зовешь меня. Я нигде не нахожу покоя. Невольно я все время предаю своего жениха. Ты понимаешь, предаю! Я поступаю бесчестно! (*Она закрывает лицо руками и садится на диван. Кямран закуривает. Пауза. Нармина отнимает руки от лица и смотрит на Кямрана. Ее взгляд затуманен.*) Садись, поговори со мной. Я хочу слышать твой голос.

К я м р а н (*садится рядом с ней*). О чем тебе рассказать?

Н а р м и н а. О чем-нибудь таком, что не имеет отношения к нашей планете. (*Берет его руку, рассматривает.*) Откуда этот шрам? Раньше его не было.

К я м р а н. Во время охоты на меня пошел медведь, и я свалился в пропасть.

Н а р м и н а. Что же ты не пристрелил его?

К я м р а н. Я стрелял. Да пуля не взяла его. Пока я выбирался из пропасти, он убежал.

Н а р м и н а. Не надо было отпускать раненого медведя. Надо было его убить!

К я м р а н. Он ушел.

Короткая пауза. Нармина прижимает руку Кямрана к губам и закрывает глаза.

Н а р м и н а (*не выпуская руки*). Спать хочется.

К я м р а н (*поднимается, кладет на диван подушку*). Спи...

Н а р м и н а. Сейчас мои родители приедут.

К я м р а н. Тогда я разбужу тебя.

Н а р м и н а (*тихо*). Не хочу.

Напряженная пауза.

Н а р м и н а (*глубоко вздыхает*). Пошли постель Джамилю.

К я м р а н. Сейчас вернется шофер – пошлю.

Н а р м и н а. И еды.

К я м р а н. Знаю. (*Короткая пауза.*)

Н а р м и н а. Ты осуществил здесь свои буйные мечты о «долге» и «самоотверженности», или все это было пустой романтикой?

К я м р а н. Нет, это не было пустой романтикой. Я нужен людям.

Н а р м и н а (*так же иронически*). Преступник все равно понесет наказание, будь прокурором ты или кто-либо другой. Какая разница...

К я м р а н. Разницы никакой. Но моя работа не сводится к наказанию. К тому же это дело суда. Моя же обязанность – думать о причинах, порождающих преступления, и бороться с ними.

Н а р м и н а (*глубоко вздыхает*). И ты счастлив?

К я м р а н (*холодно смотрит на нее*). Нет.

Н а р м и н а (*улыбается*). Давно не видела, как ты сердиться!

К я м р а н (*шутливо*). Балованная профессорская дочка!

Н а р м и н а (*серьезно*). Тобой я не избалована. (*Короткая пауза.*) Хотела бы я, чтобы все, что произошло с нами с первой и до нынешней встречи, все, все оказалось сном...

Нармина постепенно засыпает. Кямран приносит одеяло и укрывает ее.
Закуривает сигарету. Свет гаснет. Когда он зажигается – та же комната.
Здесь Саадат, Мовсумзаде, Керем и Нармина.

С а а д а т. Надо поговорить с родственниками пострадавшего... Предложить компенсацию. Восемьдесят лет старику! Он и так одной ногой в могиле...

М о в с у м з а д е (*в ужасе*). Что ты такое говоришь!

С а а д а т. Оставь ты свой вечный «гуманизм»! (*Нервно хватается за плащ.*) Если у вас не хватает смелости, отойдите, по стойте в стороне. Я все сделаю сама!

К я м р а н. Потерпите немного, Саадат-ханум!

С а а д а т. Нет времени терпеть. Пока этот старик еще жив, надо поговорить с его родней...

Хочет выйти.

М о в с у м з а д е (*Кямрану*). Может, мы пойдем в гостиницу? Ведь мы беспокоим тебя.

С а а д а т. По-моему, так будет лучше. Если мы останемся здесь, ты не сможешь принять меры по делу Джамиль.

К я м р а н. Гостиница у нас неважная. (*Профессору.*) А для меня – какое же беспокойство? Вы отдыхайте, я скоро вернусь. (*Выходит.*)

С а а д а т. Не верю я ему. Ни слова о деле!

Н а р м и н а. Не надо так говорить, мама. Если Джамиль виновен, он ответит – вот и все. (*Проходит в другую комнату.*)

С а а д а т. Я знаю, что Кямран не простил ему.

К е р е м. Кямран не поступит неблагородно, Саадат-ханум.

М о в с у м з а д е. Интересно, старика Джамиль отвез в больницу или...

С а а д а т (*выходит из терпения*). Ты говори о деле! Твоему зятю могут дать срок!

М о в с у м з а д е (*упрямо*). Как требует закон, так и должно быть.

Свет гаснет. Когда он зажигается, мы в кабинете Кямрана.
Кямран и Джамиль.

К я м р а н (*нервно*). И не стыдно было тебе бросить старика без сознания, под дождем, одного на дороге?

Д ж а м и л ь. Я не знал, что он тяжело ранен.

К я м р а н. Врешь, ты знал!

Д ж а м и л ь (*усмехается*). Хороший повод для тебя, чтобы отомстить.

К я м р а н. Такие, как ты, мстят себе сами.

Д ж а м и л ь (*гневно*). Наука возлагает на меня надежды, я работаю над исследованием космоса. Понятно? А ты хочешь, чтобы я сам пошел и засадил себя в тюрьму из-за старика, который давно отжил свое.

К я м р а н. По-моему, ты просто сумасшедший. Наука дает тебе право топтать другого человека?

Д ж а м и л ь. Наука важнее всего.

К я м р а н. Чего – всего? Наука должна служить людям. Да что я с тобой разглагольствую? Для таких, как ты, наука просто средство заработать славу и деньги. (*Гневно.*) А я ненавижу это свиное счастье!

Д ж а м и л ь. Почему ты говоришь мне это сейчас, когда я арестован?

К я м р а н. Я говорю тебе это не потому, что ты арестован, а потому, что ты вполне проявил себя...

Д ж а м и л ь. Можно закурить?

К я м р а н (*кладет перед ним портсигар*). Пожалуйста.

Д ж а м и л ь (*закуривает*). Если твоя задача передать дело в суд, то эти разговоры излишни.

К я м р а н (*словно разговаривая с собой*). Если б дело шло только о тебе, что за беда! (*Глубоко вздыхает.*) Но таких негодяев, как ты, много, и мы еще очень долго вынуждены будем таскать вас на своем горбу.

Д ж а м и л ь. Почему вынуждены?

К я м р а н. Потому что вы не всегда так легко саморазоблачаетесь, как ты сегодня.

Д ж а м и л ь. Кто это – «вы»? И кто «мы»?

К я м р а н. Вы – эгоисты, не имеющие ни чести, ни совести, ни человечности. А мы на каждом шагу чувствуем, видим вашу хищническую натуру, но не всегда можем доказать это! *(Пауза.)* Жаль, что Нармина ни разу не видела твоего истинного лица.

Д ж а м и л ь *(поспешно)*. Ты сказал Нармине, что я не подобрал старика?

К я м р а н *(смотрит на него с презрением)*. Нет! *(Закуривает.)* Только не подумай, что я не сказал ей об этом из жалости к тебе.

Д ж а м и л ь *(закуривает)*. Ясно. Потому я и не благодарю тебя.

К я м р а н. Твоя благодарность была бы мне обвинением!

Д ж а м и л ь. Я никого не обвиняю. Я знаю, как сложна жизнь. А такие, как вы, упрощают ее. *(Горячо.)* Я не могу из эпохи феодализма, феодальной морали, нормативной морали смотреть на корабли, летящие в космос!

К я м р а н. В тебе сидит зверь, который гораздо хуже любого феодала!

Д ж а м и л ь *(выходя из себя)*. Ты отправишь меня, наконец, в тюрьму или нет?

К я м р а н *(пристально смотрит на него)*. Ты думаешь, мне не жаль твоего таланта, твоих способностей?

Д ж а м и л ь. Мне не нужно твоего снисхождения. Я не боюсь тебя. И без того ты, как тень, все время висишь над нами и не даешь нам покоя. Если б я не понервничал и не погнал машину, ничего бы не случилось. *(Зло и иронически.)* Но ты считаешь себя яснее луны!

Тягостная пауза. Кямран звонит.

К я м р а н. Мурадов, можешь закрыть дело. Старик чувствует себя хорошо, опасности никакой. И сыновья отказались от жалобы.

Г о л о с в т р у б к е. Слушаюсь.

К я м р а н *(кладет трубку, Джамилю)*. Можете идти.

Д ж а м и л ь *(не двигаясь)*. Я свободен?

К я м р а н *(холодно и решительно)*. Да.

Долгая пауза.

Д ж а м и л ь. А я не отпустил бы тебя.

К я м р а н. Вы свободны.

Д ж а м и л ь. Так ты не задерживаешь меня?

К я м р а н. Вы свободны.

Тягостная пауза.

Д ж а м и л ь. Я с удовольствием вызвал бы тебя на дуэль!

К я м р а н. Я выстрелил бы в воздух, хотя мог бы пристрелить тебя, как зайца.

Д ж а м и л ь. Почему?

К я м р а н. Потому что я – это я... А не ты...

Тягостная пауза. Джамиль медленно выходит. Кямран долго смотрит ему вслед и закуривает сигарету. Свет гаснет. Когда он зажигается – мы в доме Кямрана. Входят, разговаривая, Мовсумзаде и Керем.

М о в с у м з а д е. Новое горе, Керем, новое горе!

Входит Саадат с чемоданами.

С а а д а т. А где же Нармина?

К е р е м. Пошла в сторону горы. Сказала, не сидится ей!

С а а д а т. Не могу я в ней разобраться. С того времени, как приехали сюда, она словно в бреду. Чего ради? Ее жениха спасли от такого дела! Что ей еще нужно?

Берет чемодан, проходит в соседнюю комнату.

К е р е м. Хорошо, что мы не сказали Нармине, что Джамиль бросил старика и бежал.
М о в с у м з а д е. Нармина не знает, но мы-то знаем. Ну скажи сам, какая разница между поступком Джамиля и убийством?

К е р е м. Я всегда благодарю Бога, что у нас совесть чиста. Иначе на свете было бы жить еще труднее.

Звонок. Саадат идет открывать. Входит Кямран.

С а а д а т. Здравствуй, здравствуй! Только что мы говорили тебе. Ты сделал для нас такое дело!..

К я м р а н *(холодно)*. Ваша машина готова. Можете ехать, когда захотите.

С а а д а т. Спасибо, спасибо. Будете в Баку, загляните к нам. *(Входит Джамиль.)* Молодые люди, я хочу, чтобы вы сейчас, у нас на глазах, поцеловались и навсегда стали друзьями. Ну же!

Джамиль молчит. Входит Нармина.
Короткая пауза.

Н а р м и н а *(неторопливо подходит к Джамилю и вдруг кричит)*. Подлый трус!

С а а д а т. Нармина, что с тобой?

Н а р м и н а. Значит, вы все скрывали это от меня? Вы готовили обман. *(Пауза.)* Прости, отец, но тебя я отказываюсь понимать.

М о в с у м з а д е. Ты права, дочка.

Н а р м и н а *(со слезами на глазах)*. Спасибо тебе за эти слова...

М о в с у м з а д е. Я виноват не меньше тебя. Мы ограничиваем себя только наукой, преподаванием. Мы забываем, что настоящий ученый должен быть прежде всего человеком. Должен жить интересами своего народа...

Пауза. Мовсумзаде медленно выходит. Саадат и Керем следуют за ним.
Нармина подходит к Джамилю.

Н а р м и н а. Джамиль, я виновата перед тобой. Я понимаю, почему ты гнал машину... Я знаю, что тебе тяжело. Прости меня. *(Снимает обручальное кольцо, отдает ему.)*

Д ж а м и л ь. Ты ошибаешься только в одном, Нармина, я не трус. Я просто подлец! *(Смотрит на обручальное кольцо, потом отбрасывает его и выходит.)*

Тягостная пауза. Нармина подходит к Кямрану.

Н а р м и н а. Я знаю, что после всего ты не примешь меня. Да я и сама считаю, что это невозможно. Из трудных испытаний ты вышел героем, я же не нашла в себе мужества, которое ты так ценишь в людях. Я не достойна твоей любви...

К я м р а н. Полно, Нармина, не надо ничего объяснять.

Н а р м и н а. Ты прав. Я уйду, Кямран, но оставляю свое сердце здесь. Будь здоров, мой дорогой. *(Медленно выходит.)*

Кямран долго стоит на месте. Потом глубоко вздыхает, смотрит на часы и, как бы спохватившись, решительно выходит.

Сожженные дневники

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Г о в х а р	– врач, 42 года.
Ф а р и д а	– ее дочь, 22 года.
Г а н и м а т	– молодой инженер, 22 года.
С а в а л а н	– художник, 22 года.
А н ж е л ь	– 22 года.
А д а л а т	– 38 лет.
Скелетообразный мужчина	
Т и п	

Квартира доктора Говхар. Чистая, скромно обставленная комната. Звучит веселая и радостная музыка. Входит Фарида, такая же веселая и радостная, как эта музыка. Берет трубку и набирает номер. Сноп света падает на Адалата, который на другом конце провода сидит у телефона.

Адалат (*берет трубку*). Слушаю.

Фарида (*шутливо, изменив голос*). Извините, можно товарища начальника?

Адалат (*узнает голос, но отвечает в том же тоне*). Кто спрашивает?

Фарида. Одна красивая девушка.

Адалат. А что за дело к начальнику у красивой девушки?

Фарида. Без дела она не стала бы звонить.

Адалат. Фарида-ханум, начальник с удовольствием слушает вас.

Фарида (*громко смеется*). Ну и хитер же ты! Как я ни старалась изменить голос, ты все равно узнал.

Адалат (*улыбаясь*). Как видишь... Так что ты звонишь?

Фарида. А что, не надо было?

Адалат. Ты недавно звонила, поэтому я спрашиваю.

Фарида. Ну и что, звонила и опять звоню. (*Кокетничает.*) Я скучаю без тебя.

Адалат. На перерыв я приду.

Фарида. Правда?

Адалат. Правда.

Фарида. Ура! У тебя много работы?

Адалат. Много.

Фарида. Прийти, помочь тебе?

Адалат (*шутливо*). Приходи.

Фарида. Смотри, я всерьез.

Адалат. Жду.

Фарида (*громко смеется, потом произносит почему-то шепотом*). Целую тебя.

Адалат. Я тоже.

Фарида. Много-много?

Адалат. Много-много.

Фарида. Работай. (*Кладет трубку.*)

Свет, падавший на Адалата, гаснет. Фарида достает свой дневник и взволнованно пишет. Мы слышим как бы ее внутренний голос.

Внутренний голос Фариды. Я счастлива... Месяц назад я окончила политехнический. А теперь выхожу замуж за человека, которого люблю. Послезавтра свадьба. Он красив, у него интересная и важная работа. Но главное в нем – благородство. Ах, как я ждала этого дня! Как я хочу, чтобы у меня было счастье, которого так не хватало маме. Она отдала мне двадцать лет жизни. Поверь, я благодарна судьбе за то, что она свела меня с тобой, Адалат! Ты мой учитель, мой друг, мой любимый. С тобой я ничего не боюсь.

Входит Говхар.

Фарида. Мама, ты устала?

Говхар. Очень. Сегодня у меня было пятнадцать вызовов.

Фарида. Все-таки у тебя очень большой участок.

Говхар. То, что большой, нестрашно. Лишь бы не было серьезных болезней. (*Достает из сумки большой сверток, протягивает дочери.*) Я купила тебе нейлон на шторы.

Фарида. На сколько окон?

Говхар. На восемь.

Фарида. Ну-ка, подумаем, хватит ли? (*Закрывает глаза и мысленно считает.*) Раз, два... пять, шесть и два в кабинете. На все хватит. Ты ни разу не была в доме Адалата, откуда же ты знаешь, сколько у него окон?

Говхар. Считала с улицы.

Фарида (*рассматривает материю*). Ох, какой чудесный цвет!

Говхар. В салоне подарков была еще дивная скатерть, но у меня не хватило пяти рублей.

Фарида. Неважно, мама. У Адалата есть все, что может понадобиться.

Г о в х а р. Знаю. *(Устало улыбается.)* Но ни одна мать не согласится отпустить дочь без приданого.

Ф а р и д а *(внимательно смотрит на нее)*. Мама, почему ты не рада моему замужеству?

Г о в х а р *(глядя в сторону)*. С чего это ты взяла?

Ф а р и д а. Я чувствую, он тебе не очень нравится.

Напряженная пауза.

Г о в х а р *(глубоко вздыхает)*. Ты умная и достаточно взрослая девушка, с высшим образованием. Раз ты его любишь, не так уж важно, нравится ли он мне.

Ф а р и д а *(обиженно)*. Большое спасибо, мама. Ты считаешь, что я такая неблагодарная дочь? Ты отдала мне лучшие годы жизни...

Г о в х а р *(перебивая ее)*. Ты же знаешь, что я не люблю разговоров на эту тему.

Ф а р и д а. Извини.

Г о в х а р. Я немного знала Адалата, когда он учился в институте. Его тетя работала со мной, в одной поликлинике. Потом она ушла от нас, и я как-то потеряла его из виду. Только в прошлом году случайно узнала, что Адалат – тот самый студент.

Ф а р и д а. Какое же впечатление производил тогда этот студент?

Г о в х а р. Хорошее. Неглупый, приветливый, скромный парень.

Ф а р и д а. А теперь?

Короткая пауза.

Г о в х а р. О нынешнем Адалате я не могу сказать ничего определенного.

Ф а р и д а. Почему?

Г о в х а р. Потому что, когда человека назначают на высокий пост, между ним и нами, простыми смертными, иной раз возникает граница. Мы не знаем, чем он занимается, что делает, как относится к людям. Мы только слышим его имя.

Ф а р и д а *(с жаром)*. Это плохо. Так не должно быть.

Г о в х а р. Вероятно.

Ф а р и д а *(с жаром)*. Поверь, мама, что к Адалату это не относится. Он такой же, каким ты знала его в студенческие годы. То есть, наверно, он стал даже лучше. *(Мечтательно улыбаясь.)* Эх, если б ты представляла, какой это чистый парень! Позавчера вечером, когда мы гуляли, к нам подошла молодая цыганка с ребенком и попросила помочь. Адалат вытащил и дал ей десятку. Да это что... Я уверена, что когда ты познакомишься с ним поближе, он тебя очарует. *(Короткая пауза.)* Почему ты молчишь, мама?

Г о в х а р. Я верю тебе, Фарида. Что же я могу сказать?

Ф а р и д а *(с волнением)*. Я очень хочу, чтобы и ты почувствовала, какой это человек!

Г о в х а р *(глубоко вздохнув)*. Я верю, что сердце тебя не обманывает.

Ф а р и д а. Ой, мама, о чем ты говоришь! Ему ты очень нравишься. Он говорит, что хорошо помнит Говхар-ханум. Удивительно скромная и благородная женщина.

Г о в х а р. Благодарю.

Ф а р и д а *(с тем же волнением)*. Он говорит, что после того, как мы поженимся, мы не позволим Говхар-ханум работать.

Г о в х а р *(удивленно)*. Почему?

Ф а р и д а. Потому, говорит, что быть участковым врачом очень трудно. Хватит, сколько она работала. Пусть теперь отдохнет.

Г о в х а р *(с интересом)*. А что ответила ты?

Ф а р и д а. Я согласилась. Действительно, сколько можно работать! До каких пор ты будешь ходить по этим далеким улицам. Часто ты так устаешь, что не можешь спать от боли в ногах.

Г о в х а р. Это верно. Вы только забыли, что, даже когда у меня болят ноги, я бесконечно счастлива. Я люблю свою работу, дочка, и горжусь ею. Дети, которых я вылечила, учатся теперь в институтах, преподают в школах, лазают по горам с геологическим молотком. Есть такие семьи, куда я хожу больше двадцати лет. *(Улыбается.)* У детей, которых я когда-то лечила, уже есть свои дети, их я тоже лечу. И вдруг отказаться от всего этого... Совсем?

Ф а р и д а. Тебе только сорок лет. А выглядишь ты, слава Богу, так, что тебе не дашь больше тридцати.

Г о в х а р *(улыбается)*. И что из этого следует?

Ф а р и д а. Следует... Я хочу сказать... Что ты и сейчас можешь выйти замуж.

Г о в х а р (*серьезно*). Если бы я хотела выйти замуж, я бы давно вышла. Что мне мешало?

Ф а р и д а. Были обстоятельства, которые мешали.

Г о в х а р. Например?

Ф а р и д а. Например, память об отце, желание вырастить меня такой, как тебе хотелось.

Г о в х а р (*глубоко вздыхает*). Память о твоём отце мне очень дорога. Однако женщина вправе выйти замуж после смерти мужа. Больше того. Я думаю, это её человеческий долг. Если бы после твоего отца я полюбила кого-нибудь так же сильно, без колебаний вышла бы за него замуж. И это не помешало бы мне вырастить тебя такой.

Ф а р и д а. В этом я не сомневаюсь.

Г о в х а р. Увы, после твоего отца я никого не смогла полюбить. Почему? Не знаю. (*Короткая пауза.*) А раз не полюбила, значит, не могла и выйти замуж. Жизнь без любви всегда приводит к двуличию, фальши, обману. На свете нет ничего хуже этого. (*Резко.*) Настоящий ад.

Ф а р и д а. Понимаю, мама.

Г о в х а р. Отношения в семье по принципу: ты сама по себе, а он сам по себе, невозможны. (*Взволнованно.*) Там, где нет искренности, нет жизни. Если муж и жена что-то скрывают друг от друга, то фальшь передается и детям. Знаешь, к чему это приводит?

Ф а р и д а. Представляю.

Г о в х а р (*горячо*). Человек должен быть твердым. Никто не заставляет нас унижаться. Мы это делаем сами.

Телефонный звонок. Фарида берет трубку.

Ф а р и д а. Слушаю. Сию минуту. (*Протягивает трубку матери.*) Попросят доктора.

Г о в х а р. Я слушаю... Дайте лекарство, которое я выписала... Вечерком, часов в шесть, зайду... Сейчас? (*Короткая пауза.*) Хорошо... (*Кладет трубку.*) Я пойду.

Ф а р и д а. Хоть немного бы отдохнула. Ты же только с работы.

Г о в х а р. Это звонит мать. Нервничает. Просит, чтобы я пришла сейчас.

Ф а р и д а. Обед готов.

Г о в х а р. Я вернусь через полчаса. (*Выходит.*)

Несколько секунд Фарида смотрит ей вслед. Взволнованная и радостная садится к столу, берет дневник.

В н у т р е н н и й г о л о с Ф а р и д ы. Мама права. В нашей будущей семье все будет прекрасно. Ясно и чисто. Мы до последнего дыхания будем любить друг друга. Будем верны друг другу. Мама права. Где нет верности и искренности, нет и жизни. Так говорят все мудрые люди...

Где-то, совсем близко, два голоса поют песню.

Бросает кто-то камушки в стекло,
А ну, взгляни сюда, взгляни сюда,
Слезой томной взгляд заволкло,
А ну, взгляни сюда, взгляни сюда.

Фарида слушает и улыбается. Потом встает и открывает окно.

И если выйдешь за меня, ах, выходи,
А ну, взгляни сюда, взгляни сюда,
У нас с тобою счастье впереди,
А ну, взгляни сюда, взгляни сюда.

В поле зрения появляются Ганимат и Савалан.

Ф а р и д а (*шутливо*). Пожалуйста.

Г а н и м а т. А кто дома?

Ф а р и д а. Вы что, никогда у меня не были?

С а в а л а н. Мы хотим знать, здесь ли твой новый жених.

Ф а р и д а. Спасибо за разъяснения. Но разве у меня был старый жених?

Г а н и м а т. Конечно.

Ф а р и д а (*шутливо*). Кто же он, этот несчастный, но благородный герой?

Ганимат прикладывает руку к груди. Фарида хохочет. Ганимат и Савалан заходят в комнату. Они примерно тех же лет, что Фарида. Приятные молодые люди, одетые по последней моде. У каждого из них сверток.

Ф а р и д а. Сейчас, когда я слушала вашу песню, мне стало как-то не по себе.

Г а н и м а т. Чего это вдруг?

Ф а р и д а. Было чувство, что уже сто лет, как я оторвана от студенческой жизни.

С а в а л а н. Неужто новый мир, в который ты вступила, так отдалил тебя от нас?

Г а н и м а т (*вздыхает*). Такова жизнь, мой друг Савалан.

С а в а л а н (*шутливо*). Не унывай, мой друг Ганимат.

Г а н и м а т (*так же шутливо*). В таком случае показывай подарок.

Ф а р и д а. Какой подарок?

С а в а л а н. Разве ваша свадьба не послезавтра?

Г а н и м а т. Присутствовать мы, к сожалению, не сможем, поэтому хотим поздравить тебя сегодня.

Ф а р и д а. А почему не сможете?

С а в а л а н. Еще наши деды говорили: не стыдись идти туда, куда зван, и не занимай место там, куда не зван.

Ф а р и д а. Я сама вас приглашаю.

Г а н и м а т. Спасибо.

С а в а л а н. Поздно. Твой жених нас не знает. К тому же он занимает такую должность...

Ф а р и д а. Ну и что?

Г а н и м а т. Друг мой, Савалан, продемонстрируй подарок. (*Савалан раскрывает сверток. На картине – гора Савалан.*) Мой друг Савалан работал над ней ровно шесть месяцев.

Ф а р и д а (*очарована картиной*). Ах, как здорово!

Г а н и м а т. Гордо и величественно.

Ф а р и д а. Да, написано это с настоящим чувством.

Г а н и м а т. Потому что художник оставил свое сердце в тех горах.

Ф а р и д а (*ласково, Савалану*). Благодарю тебя. Я повешу эту картину у себя в комнате и каждый день буду видеть ее.

С а в а л а н (*расчувствовавшись*). Для нас это большая радость.

Г а н и м а т (*разворачивает сверток*). А это подарок Ганимата.

Ф а р и д а. Ой, какая красивая кофточка.

Г а н и м а т. Чистая верблюжья шерсть. Сестра связала.

Ф а р и д а. Ну зачем? Столько труда!

Г а н и м а т. Ладно, ладно, будет. Я же знаю, ты всегда мечтала именно о такой кофте – из верблюжьей шерсти.

Ф а р и д а. Напиши сестре, что я ей очень благодарна. А это что?

Г а н и м а т. А это дневники, которые я писал со дня первой встречи с тобой.

Ф а р и д а. Но почему ты даешь их мне? Больше не будешь писать?

Г а н и м а т. Нет.

Ф а р и д а. Почему?

Г а н и м а т. Потому что сегодня утром на этой истории поставлена точка. Только у меня к тебе просьба: откроешь конверт, когда у тебя родится первый ребенок.

Ф а р и д а. Почему?

Г а н и м а т. Так я хочу. Даешь слово?

Ф а р и д а. Даю... Но что это значит?

Г а н и м а т. Это значит, что ты берешь с собой мое сердце.

Ф а р и д а (*в глазах у нее слезы*). Умоляю тебя, Ганимат, оставь эти шутки.

С а в а л а н (*Ганимату*). Ну тебя, тоже! Зачем расстраиваешь девушку?

Г а н и м а т (*шутливо*). Ничего. Слезы превратятся потом в жемчужины и украсят девичью фату Фарида.

Ф а р и д а. Я уверена, Ганимат, что, когда ты действительно захочешь жениться, ни одна девушка не откажет тебе. Когда девушки увидят, что ты освободился от меня, они кинутся на тебя, как рой пчел, и ты забудешь, что существовала Фарида и куда она делась.

Г а н и м а т (*с шутливым пафосом*). Что с ней случилось, я не забуду. И не утешай меня. Мы знаем, какое это безжалостное чувство – любовь.

С а в а л а н (*с тем же шутливым пафосом*). И знаем, что слова утешения звучат, как сентиментальные стихи.

Г а н и м а т (*с шутливым пафосом*). Чтобы наши нервы были тверды, как железо, мы ходим босиком по битому стеклу.

С а в а л а н. Когда порежем руку, посыпая рану солью.

Г а н и м а т. Когда любовь терзает наше сердце, мы принимаемся за еду.

С а в а л а н. Потому что нам необходимы энергия, выдержка и сила.

Г а н и м а т. Ибо цель далека.

С а в а л а н. А путь к ней труден.

Оба поют.

Идти далеко, и пути нележки,
Но будем, как деды, сильны и крепки.
Орел молодой одолеет вершину,
Смельчак не боится дорожной тоски.

И если любимая сдаст на пути,
Ее на руках обещаю нести.
Нам деды оставили силу и верность,
Чтоб мы не робели по жизни идти!

Ф а р и д а. Я вот слушаю вас, и мне почему-то грустно. Будто меня, как Савалана, оторвали от гор, где я родилась. В такие минуты мне надо ощущать рядом, у самого уха, родное дыхание. Дыхание сильного человека.

Г а н и м а т. Если человек, за которого ты выходишь замуж, именно такой, тебя можно поздравить.

Ф а р и д а. Ты иронизируешь?

Г а н и м а т (*резко*). Нет.

Ф а р и д а (*берет его за руку*). Мой дорогой...

Г а н и м а т (*шутливо*). Прошу не прикасаться ко мне.

Ф а р и д а. Почему?

Г а н и м а т. Может, твой будущий муж ревнивый.

С а в а л а н. Он прав. Вполне возможно, что твой муж ревнив.

Ф а р и д а. Спасибо за заботу. А что это за слово – муж?

Г а н и м а т. Хорошо, назовем его спутником жизни.

Ф а р и д а. Ой, как противно звучит: спутник жизни.

Г а н и м а т. А как же тогда?

Ф а р и д а. Не знаю. Савалан, ты тоже осуждаешь меня?

С а в а л а н. Нет, я приветствую твоё решение. Я рад, что ты расстанешься с Ганиматом.

Ф а р и д а. Даже приветствуешь?

С а в а л а н. Да.

Ф а р и д а. Почему?

С а в а л а н. Ганимату не нужна такая подруга, как ты.

Ф а р и д а (*удивленно*). Это почему же?

С а в а л а н. Потому что ты из тех девушек, которые мечтают о дорогих шубах. Тип, кстати, достаточно распространенный.

Ф а р и д а (*потрясенно*). Положим, что так. Но кто же не хочет хорошо жить?

С а в а л а н. Все хотят жить хорошо. Это естественное желание нормального человека.

Ф а р и д а. Тогда что ты имел в виду?

С а в а л а н (*шутливо*). Я имел в виду, что, если бы все девушки думали так, как ты, мы остались бы холостыми. Ганимату нужна девушка, которая готова вместе с ним переносить трудности.

Ф а р и д а. А если я... люблю этого человека, Адалата?

С а в а л а н. То же самое ты говорила о Ганимате.

Ф а р и д а. Это была моя первая встреча с взрослой жизнью. Теперь мне кажется, что Ганимата я всегда любила как друга и брата.

С а в а л а н (*шутливо*). Конечно, теперь тебе так и будет казаться.

Ф а р и д а (*взволнованно*). Мы все одногодки, Савалан. И молоко у нас на губах еще не обсохло. Мы не знаем жизни, в которую вступаем, не знаем, что нас ждет. Я с самого детства была одинока. Мать с утра до вечера занималась своими больными. Ей не с кем было поделиться, и она рассказывала мне. Всякое... Иногда страшное. Это гнетущее чувство страха жило во мне всегда. Наверно, потому я потянулась к Ганимату. С первого дня, как мы встретились.

С а в а л а н. Потому что Ганимат золотой парень.

Ф а р и д а. Правильно. Однако скоро я почувствовала, что в этом мире он так же одинок и беспомощен, как я.

С а в а л а н (*усмехнувшись*). Значит, именно поэтому ты и решила выйти замуж за сильную личность?

Ф а р и д а (*обиженно*). Пожалуйста, не говори о нем в таком тоне.

С а в а л а н (*с той же улыбкой*). Извини.

Ф а р и д а. Он очень хороший человек, твердо стоящий на земле. Он и вам может оказаться нужным.

С а в а л а н. Ну, на этот счет ты можешь не беспокоиться.

Ф а р и д а. Я не понимаю тебя, Савалан. Будь он карьеристом, человеком пустым и невежественным, поверь, я не стала бы его защищать. И, конечно, не полюбила бы.

С а в а л а н. Мы не знаем твоего мужа. А сами мы обыкновенные люди, работяги. Поэтому нас не нужно защищать, нам не нужен сильный человек, который бы стоял у нас за спиной.

Ф а р и д а (*глубоко вздыхая, рассеянно*). Ужасно жалко, что я не смогла объяснить вам...

С а в а л а н. Ничего, жизнь объяснит. (*Подходит к Ганимату, который уткнулся в газету, ударяет ладонью по раскрытому листу.*) Хватит читать, вставай.

Г а н и м а т (*бросает газету на стол*). Пора заниматься делом. Хочу работать. На производстве.

С а в а л а н. Ты на производство, а мне куда?

Г а н и м а т. В твой внутренний мир. В мир, где парит твое воображение.

С а в а л а н. Критик Горхмазов нанес по моему внутреннему миру столь весомый удар – это его собственное выражение, – что от этого мира камня на камне не осталось. Воображение мое мгновенно иссякло. Да оно и без надобности. Горхмазов объяснил, что, если я хочу стать настоящим художником, мне надлежит отправиться на ферму и выяснить, каким образом чабан Рашид получает от одной овцы двух ягнят, каменщик Мамед досрочно строит и сдает дома. Именно их опыт, секреты их мастерства мне и следует отобразить в своих произведениях.

Г а н и м а т. Прекрасно, молодец Горхмазов! (*Шутливо, Фариде.*) Почему так задумчива и печальна моя неверная Фарида?

Ф а р и д а (*обиженно*). Прошу тебя, Ганимат. Хватит.

Входит Анжель. Это ровесница Фариды, стройная и красивая девушка. Однако кажется она гораздо старше. У нее вид человека, много повидавшего в жизни. Одета по последней моде, держится свободно и уверенно.

Ф а р и д а. Анжель! (*Обнимает ее.*) Как я рада тебя видеть. (*Ребятам.*) Познакомьтесь, моя подруга детства, Анжель-ханум. До восьмого класса средней школы мы учились вместе.

С а в а л а н (*подает руку*). Савалан.

Г а н и м а т (*подает руку*). Ганимат.

А н ж е л ь (*не выпуская руки Ганимата, шутливо говорит Фариде*). Это тот самый Ганимат, которого на картине Рембрандта утащил орел?

Г а н и м а т. Тот самый.

А н ж е л ь. Почему же вы вернулись?

Г а н и м а т (*шутливо*). Вначале орел уговорил меня, заверив, что унесет в рай. Но в полете я огляделся и понял, что он врет. Вокруг пустынно и голо, как в аду. Естественно, я улучил минуту и сбежал.

А н ж е л ь. Молодец. Сбежать и спастись – тоже героизм. (*Фариде.*) Как ты похорошела, Фира. Выглядишь просто прекрасно.

Ф а р и д а. Не называй меня Фирой, Анжель. (*Шутливо.*) Моим друзьям это не нравится.

А н ж е л ь (*высокомерно взглянув на парней*). Правда? Я слышала, послезавтра твоя свадьба? (*Фарида кивает.*) За кого же из этих почтенных господ ты выходишь?

Ф а р и д а. Ни за одного. (*Тихо.*) Может быть, он сейчас придет, увидишь. Когда ты вернулась из-за границы?

А н ж е л ь. Уже четыре месяца.
Ф а р и д а. Смотри, как давно я не получала от тебя писем. Сколько же ты пробыла за границей?
А н ж е л ь. Два с половиной года.
С а в а л а н. А зачем Анжель-ханум ездила за границу?
А н ж е л ь. Мой отчим работал в посольстве.
С а в а л а н (*со странной радостью*). Правда? А как фамилия вашего отчима?
А н ж е л ь. Рабинович.
С а в а л а н. Ого!
А н ж е л ь. Что такое?
С а в а л а н. Ничего... Но разве вы не азербайджанка?
А н ж е л ь (*усмехается*). Старомодный вопрос. Признаться, я сама затрудняюсь определить свою национальность.
С а в а л а н. И все же?
А н ж е л ь (*шутливо*). Ах, эти молодые красивые парни почему-то всегда такие зануды. Мой отец азербайджанец, мать – полька. После смерти отца мать вышла за еврея.
С а в а л а н. В самом деле, интернационал.
А н ж е л ь. Ага, верно... Фарида, но ты так и не сказала, кто эти ребята?
Ф а р и д а (*указывая пальцем*). С Ганиматом мы пять лет дружили в институте. Теперь он инженер.
А н ж е л ь (*улыбаясь*). Угу... Ты, кажется, писала мне о нем.
Ф а р и д а. А Савалан друг Ганимата. И одновременно мой друг. И одновременно очень талантливый художник.
А н ж е л ь (*вдруг оживляясь, игриво и кокетливо*). Савалан! Я не встречала у азербайджанцев такого имени.
С а в а л а н. Савалан – это гора в Иранском Азербайджане, видная отовсюду. Поскольку я родился на склоне той горы, моя старая мама и дала мне это имя – Савалан.
А н ж е л ь. Понятно. Значит, вы из иранских демократов? (*С неожиданной для нее теплотой и сердечностью*.) Подождите... Да, о вас я читала в какой-то французской газете. Журналист, побывавший в Азербайджане, вас очень хвалил.
С а в а л а н. Прошу вас нигде больше об этом не говорить.
А н ж е л ь (*удивленно*). Почему?
С а в а л а н. Потому что мне неизвестна классовая принадлежность этого журналиста.
А н ж е л ь. А какое это имеет значение?
С а в а л а н. Как то есть, какое значение? А вдруг он буржуазный журналист! Попробуй тогда ответить Горхмазову. (*Ганимат и Фарида громко смеются*.)
А н ж е л ь. Кто такой Горхмазов?
С а в а л а н. Вед... Искусствовед. Напишет статью и как бы мимоходом упомянет, что, видимо, не случайно мои произведения понравились именно буржуазному журналисту.
А н ж е л ь. И вы обращаете внимание на статьи подобного идиота?
С а в а л а н. К сожалению, находятся такие, что обращают внимание.
А н ж е л ь. Мне показалось, что вы смелый парень.
С а в а л а н. Полагаю, что вы не ошиблись, я действительно смелый парень. Однако с такими, как Горхмазов, смелым парням трудно. Плюнь ему в глаза, он скажет – божья роса. Так, вроде бы?
А н ж е л ь. О-о, подобных людей действительно надо остерегаться. Как же, в таком случае, вам удастся выразить то, что вы чувствуете?
С а в а л а н. Иногда удастся обмануть этого веда... (*Смеется*.) Слава Богу, входы и выходы в мыслительной системе Горхмазова совсем не так тонки.
А н ж е л ь. Вы начинаете мне нравиться.
С а в а л а н. Очень рад этому.
А н ж е л ь. Иронизируете?
С а в а л а н. Нисколько. Понравиться такой женщине, как вы – счастье.
А н ж е л ь. Вы согласились бы написать мой портрет?
С а в а л а н. Мы об этом подумаем.
А н ж е л ь. Ах, подумаете...
Ф а р и д а (*радостно*). Адалат!
А н ж е л ь. Кто? (*Выглядывает в окно*.)

Ф а р и д а (*на ухо Анжель*). Мой жених.

Слышно, как хлопает дверца автомашины. Анжель внимательно смотрит в окно. Неожиданно лицо ее мрачнеет. Она быстро отходит от окна, обращается к Савалану.

А н ж е л ь. Дайте мне сигарету.

Савалан достает из кармана пачку сигарет, протягивает ей. Анжель берет сигарету, закуривает и возвращает ему пачку.
Савалан кладет сигареты рядом с ней на столик.

Г а н и м а т (*Фариде*). Мы пойдем...

Ф а р и д а. Вы никуда не пойдете! Ясно? Я познакомлю вас с Адалатом.

С а в а л а н (*шутливо, Ганимату*). Ничего, не торопись. Посмотрим, что это за Адалат.

Входит Адалат. Это красивый мужчина лет под сорок, одетый с иголочки. Движения его предельно мягки и осторожны.
Кажется, он и шага не сделает, не подумав.

Ф а р и д а (*берет его за руку*). Адалат, как ты удачно пришел. Познакомься с моими друзьями.

При виде Анжель Адалат на мгновение застывает на месте,
но тут же берет себя в руки и улыбается.

А д а л а т. С удовольствием.

Знакомится с мужчинами. Подойдя к Анжель, снова на мгновение теряется, не знает, что делать. Однако Анжель помогает ему выйти из неловкого положения.

А н ж е л ь (*протягивая руку*). Анжель!

А д а л а т (*мужчинам*). Мы, можно сказать, знакомы заочно. Фарида рассказывала мне о вас.
(*Савалану*.) Вы, кажется, художник?

С а в а л а н. Да, кажется.

А д а л а т (*улыбается*). Извините, мы настолько загружены делами, что не знаем даже своих художников.

Г а н и м а т. Все равно вы не знали бы Савалана.

А д а л а т. Почему?

Г а н и м а т. Потому что он не поднят домкратом.

А д а л а т (*улыбается*.) Понимаю...

Резкий тон Ганимата задевает Фариду и Адалата. Однако Адалат не подает виду. Анжель курит сигарету, с интересом наблюдает за ними.

Пауза.

А д а л а т. Куда вы получили направление?

Г а н и м а т. На морские промысла.

А д а л а т. Если вам не нравится, можно помочь.

Ф а р и д а (*воодушевившись*). Я говорила Ганимату.

Г а н и м а т (*нетерпеливо*). Благодарю вас, я очень доволен распределением. (*Фариде*.) С вашего разрешения, мы пойдем.

А д а л а т. Почему так скоро? Я охотно побеседовал бы с вами.

Г а н и м а т. Благодарю за любезность.

А д а л а т. Сказать шоферу, чтоб он отвез вас?

С а в а л а н. Спасибо. Мы пойдем пешком. А то еще привыкнем.

Г а н и м а т. До свидания.

С а в а л а н. До свидания, Анжель-ханум. Надеюсь, что случай сведет нас снова.

Ф а р и д а (*обиженно*). Я провожу вас.

Г а н и м а т. Не стоит затрудняться.

Ф а р и д а (*резко*). Ну хорошо, хорошо.

Они выходят на веранду. Адалат подходит к Анжель, хочет ей что-то сказать, но та хватает сигареты Савалана и выбегает на веранду.

А н ж е л ь (*Савалану*). Вы забыли сигареты.

С а в а л а н. Я не забыл. Оставил вам. Себе я сейчас куплю.
А н ж е л ь. Спасибо. Не хотите сказать мне номер вашего телефона?
С а в а л а н. С удовольствием бы. Жаль только, что у меня нет телефона.
А н ж е л ь. Как? У такого известного художника нет телефона?
С а в а л а н. Эх, Анжель-ханум, если б я был известен, товарищ Адалат знал бы меня.
А н ж е л ь (*по адресу Адалата*). Можно обойтись и без него. Вас знают люди.
С а в а л а н (*шутливым тоном*). Нет, Анжель-ханум, если я хочу иметь хорошую квартиру, мастерскую и телефон, меня должен обязательно знать товарищ Адалат. А люди могут и не знать, это не обязательно.
Ф а р и д а (*очень обиженно*). Почему вы так подкальваете Адалата? Вы же видели, как он просто держится.
С а в а л а н. Передай ему за это нашу глубокую благодарность.
Ф а р и д а (*нервно*). Он не нуждается в ней.
С а в а л а н. Действительно.
Г а н и м а т. Почему ты не сказала нам, что он должен прийти?
Ф а р и д а. Я хотела, чтобы он познакомился с тобой и почувствовал, какой ты человек. А ты его рогами...
Г а н и м а т. Не беспокойся, Фарида, его броня настолько крепка, что, если даже я выкую рога из стали, как мать тех козлят, он не пострадает.
Ф а р и д а (*обиженно и печально*). Что я могу сказать тебе после этого?
С а в а л а н. Идите в комнату, неудобно оставлять жениха в одиночестве. Адъё, Анжель-ханум.
А н ж е л ь. Адъё.

Ганимат и Савалан уходят. Фарида долго смотрит им вслед. Потом вместе с Анжель возвращается в комнату. Адалат стоит и просматривает газету.
Чувствуется, что он взволнован.

Ф а р и д а (*все еще задумчиво*). Вы побеседуйте, а я сварю кофе.

Уходит на кухню. Напряженная пауза.

А д а л а т. Когда ты приехала?
А н ж е л ь. Вчера. (*Короткое молчание.*) Почему ты скрыл, что мы знакомы?
А д а л а т (*приближается к ней*). Анжель, давай считать, что мы действительно только что познакомились.
А н ж е л ь (*пристально смотрит на него*). И без того наши отношения не оставили в твоей жизни ни малейшего следа?
А д а л а т. Я женюсь, Анжель.
А н ж е л ь. Знаю. (*Короткая пауза. Анжель закуривает сигарету.*)
А д а л а т. Я слышал, что ты жила с шестидесятилетним профессором?
А н ж е л ь. Жила.
А д а л а т. И что же?
А н ж е л ь. Он умер.
А д а л а т. Значит, это черное платье – траур по нему?
А н ж е л ь. Нет. Просто оно мне идет. (*Гневно.*) После профессора у меня был парень на сорок лет моложе.
А д а л а т (*сдерживая злость*). Ясно.
А н ж е л ь. И это еще не все.
А д а л а т (*не в силах сдержать гнев*). Хватит. Я не спрашиваю отчета о твоей жизни.
А н ж е л ь (*громко смеется*). Или тебя припекает?
А д а л а т. Почему это меня должно припекать, если у тебя каждый день другой мужчина?
А н ж е л ь (*встает и подходит к нему, с глубокой ненавистью и иронией*). Потому что я мать твоего сына.
А д а л а т (*испуганно*). Тише, Анжель.
А н ж е л ь (*хохочет*). Боишься, невеста услышит? Значит, ты скрыл от нее и это?
А д а л а т (*с мольбой*). Анжель... Прошу тебя...

А н ж е л ь. Ты просишь? Странные, однако, вещи происходят на земле. Нет, Фарида должна все знать. Какие она сделает выводы, это уж ее дело.

А д а л а т. Ты, конечно, шутишь, Анжель?

А н ж е л ь. Нисколько. *(Печально.)* Фарида – подруга моей юности. Я не могу допустить, чтобы ее обманули, как меня.

А д а л а т. Ты искалечишь ей жизнь, она меня любит.

А н ж е л ь. Сейчас я не могу представить, что тебя можно любить.

А д а л а т *(его самолюбие задето, но он улыбается и делает усилие, чтобы говорить мягко)*. Имей совесть, Анжель. Разве не ты десять раз на дню звонила мне из Москвы?

А н ж е л ь *(словно раненая птица, вдруг роняет голову на плечо, с глубокой печалью)*. Я...

Входит Фарида с полным подносом.

Ф а р и д а *(после мрачной сцены ее лицо кажется еще более светлым и радостным)*. Я успела сбегать в магазин и купить свежий торт. *(Ставит чашки с кофе и торт на стол.)* Анжель, ты не скучала?

А н ж е л ь. Разве с такими чуваками скучают?

Ф а р и д а *(хохочет)*. Против этого довода не возразишь. Прошу к столу.

А н ж е л ь *(смотрит на стол)*. А где коньяк?

Ф а р и д а. Ты вправду?

А н ж е л ь. Конечно.

Ф а р и д а. У нас никто не пьет, потому и не держим дома. Сейчас схожу, куплю.

А д а л а т *(Фариде)*. Подожди, я скажу шоферу. *(Направляется к окну.)*

А н ж е л ь *(Адалату)*. Не надо, я не буду пить.

Ф а р и д а. Почему?

А н ж е л ь. Ты не пьешь, и у меня охота пропала.

Ф а р и д а. Ну и что, вы с Адалатом выпьете.

А н ж е л ь. Пить с чужим мужчиной мне неинтересно. Если б это был мой чувак, дело другое. *(Фарида громко смеется. Анжель допивает кофе и встает.)* Я пошла.

Ф а р и д а. Чего ты торопишься? Мы с тобой как следует и не поговорили.

А н ж е л ь. Ничего, все впереди.

Ф а р и д а. Значит, ты пока здесь? *(Анжель кивает.)* Наверно, и на свадьбе будешь?

А н ж е л ь. Непременно. Участвовать в свадьбе таких счастливых людей само по себе счастье. *(Целует Фариду. Адалату.)* Думаю, вас можно не целовать. До свидания. *(Выходит.)*

Ф а р и д а. Она с детства такая, слишком открытая. Я ей всегда говорила в шутку, что боюсь за нее. С такой открытой душой она когда-нибудь попадет в сети. И, к сожалению, я не ошиблась. Когда мы учились в институте, я узнала, что она влюбилась в одного парня. Тот сделал ее несчастной и бросил. Страшная история, правда?

А д а л а т. Кто знает, как все это было. Может быть, он ни в чем и не виноват.

Ф а р и д а *(глубоко вздыхает)*. Может быть... Только, что ни говори, я считаю, что парень виноват. Девушка любила его, доверялась.

А д а л а т. Такие оправдания для девушек чаще всего придумывают они сами. Может, дело совсем не в доверии.

Ф а р и д а. Ты хочешь сказать, что девушка виновата не меньше?

А д а л а т. Или даже больше.

Ф а р и д а *(кладет голову ему на грудь)*. Как было бы хорошо, если бы в жизни не было лжи и фальши... Читаешь о таких вещах в книгах и ужасаешься. *(Сильнее прижимается к нему.)* Мы всегда будем откровенны друг с другом... Все, что у меня было в жизни, я тебе рассказала. Верю, что у тебя нет от меня тайн.

А д а л а т *(тихо)*. Да.

Ф а р и д а *(чувствуя, что и он отвечает неохотно, с улыбкой)*. Как-никак, ты мужчина... *(Шутливо.)* Если кое-что и было, не страшно. Мы тебя простим.

А д а л а т *(крепко целует ее)*. Какая ты хорошая, Фарида.

Ф а р и д а. А ты? *(Целует его.)* На днях я прочла в книге, что нынешняя молодежь считает, что верность, преданность и вечная любовь вышли из моды. Это ерунда. Ты для меня все – вечная любовь, верность, преданность. Мы будем любить друг друга до самой смерти. Правда?

А д а л а т. Правда.

Свет гаснет. А когда зажигается, мы видим вокзал. У вагона Говхар и Фарида. Фарида одета по-дорожному. Быстро подходит Адалат.

А д а л а т *(Фарида)*. Все в порядке. Я договорился, в купе мы будем одни. Говхар-ханум, счастливо оставаться.

Г о в х а р. Езжайте, погуляйте как следует, отдохните. Свадебное путешествие бывает в жизни однажды.

Ф а р и д а. Я отовсюду буду посылать тебе телеграммы и письма.

Г о в х а р *(печально)*. Я не сделала ничего такого, что могло бы помешать тебе в будущем, дочь моя. Я всегда мечтала о твоём счастье. Пусть правда и честность сопутствуют тебе. *(Целует ее.)*

Свет меркнет. Слышен гудок паровоза, стук колес. Мать прощально машет рукой, мы слышим ее шепот.

Г о в х а р. Будь счастлива за себя и за мать, дочь моя.

Говхар медленно идет к выходу. На перрон вбегает взволнованный Ганимат. Он опоздал. Поезд ушел.

Г а н и м а т. Между нами все кончено, Фарида. Кто знает, встретимся ли мы когда-нибудь. Прощай, самое заветное, что у меня было, прощай, моя мечта. Ты была замечательным другом. Только с тобой я ощутил, что такое истинно человеческие чувства, способные выдержать любые испытания, муки, беду. Студента, у которого не было костюма, твоя любовь вознесла выше царей. Ты помогла мне ощутить свое человеческое достоинство. За одно это я всю жизнь должен быть тебе благодарен. И я каждый день, каждый час буду вспоминать тебя. До свидания, Фарида, дорогая. Пусть это замужество принесет тебе счастье!

Свет гаснет, зажигается. Мы видим современную, хорошо обставленную гостиную. Фарида за столом делает записи в дневнике.

В н у т р е н н и й г о л о с Ф а р и д ы. Сколько уже времени, как я жена. Счастье мое беспредельно. Так хорошо быть любимой. Раньше я не понимала, что такое настоящее счастье...

Входит Анжель.

Ф а р и д а. Анжель! *(Обнимаются.)* Как хорошо, что ты пришла, Анжель!

А н ж е л ь. Тебе идет замужество. Ты явно похорошела.

Ф а р и д а. Адалат тоже так говорит.

Анжель останавливается перед большим ковром на стене и долго рассматривает его.

А н ж е л ь. Точно такой ковер я видела в Париже, в доме одного дипломата.

Ф а р и д а. Ковер подарил нам на свадьбу сотрудник Адалата.

А н ж е л ь. Видно, хороший друг. Ковер стоит не меньше четырех тысяч.

Ф а р и д а *(изумленно)*. Новыми деньгами?

А н ж е л ь *(усмехается)*. Конечно. Чему ты удивляешься?

Ф а р и д а. Такой дорогой подарок?

А н ж е л ь *(улыбаясь)*. Как видишь.

Ф а р и д а. Наверно, он очень богатый человек. *(Показывает кольцо на пальце.)* А это подарил друг Адалата, Кямилъ. Адалат говорит, что это чистый бриллиант.

А н ж е л ь *(рассматривает кольцо)*. Я знаю Кямилъ. Тот еще мошенник и пройдоха. *(Фарида хмурится.)* Чего ты обижаешься?

Ф а р и д а. У Адалата не может быть такого друга.

А н ж е л ь *(с улыбкой)*. Должно быть, это не тот Кямилъ.

Ф а р и д а. Конечно, не тот. *(Снова повеселев.)* Красивое кольцо, не правда ли?

А н ж е л ь *(с улыбкой)*. Красивое. Такое кольцо я в Москве видела, стоит семь тысяч.

Ф а р и д а. Новыми деньгами?

А н ж е л ь. Естественно, новыми деньгами... *(Короткая пауза. Фарида по-прежнему удивленно смотрит на нее.)*

Ф а р и д а (*словно говоря сама с собой*). Когда мама покупала кому-нибудь подарок к свадьбе за сорок-пятьдесят рублей, я думала, что подарков дороже вообще не бывает... Наверно, Анжель, у этих людей очень высокие оклады.

А н ж е л ь. Сомневаюсь. Во всяком случае не выше, чем у твоей матери.

Ф а р и д а. Что ты говоришь! (*Короткая пауза.*) Мама работает больше двадцати лет, и до сих пор не смогла купить мне пианино. Даже сейчас это ее мучает.

А н ж е л ь (*громко смеется*). Что делать... Зато теперь в твоём будуаре стоит маленькое нежное пианино и прекрасный рояль в гостиной. Играй сколько душе угодно.

Ф а р и д а (*в недоумении*). А почему ты смеешься?

А н ж е л ь. Так просто. Ты же знаешь, что я иногда глупею.

Ф а р и д а (*словно испугавшись чего-то, берет ее за руку и с волнением*). Я счастлива, Анжель, правда?

А н ж е л ь (*хмуро и серьезно*). Если ты чувствуешь себя счастливой, значит, ты счастлива.

Ф а р и д а (*удивленно*). А разве ты не чувствуешь, какая я счастливая?

А н ж е л ь (*шутливо*). У нас, людей, телепатия не очень развита. Дельфины понимают друг друга гораздо лучше.

Ф а р и д а (*глубоко вздыхая*). Эх, Анжель, прежде ты была другой.

А н ж е л ь. А какая я теперь?

Ф а р и д а. Как видно, несчастная любовь сделала тебя равнодушной и недоверчивой.

А н ж е л ь. Если так, пусть Бог сохранит тебя от такого несчастья. Что касается меня, ты права. Я ненавижу любовь, она приносит одни только муки, оскорбления, несчастья.

Ф а р и д а (*обнимает ее*). Анжель, неужели для тебя действительно не осталось ничего святого?

А н ж е л ь. Плевать я хотела на все эти святые чувства.

Ф а р и д а. Хватит, Анжель.

А н ж е л ь. Не думай, что я пришла к этому лишь из-за того, что обманулась в любимом человеке. Нет! Если со мной поступил подло один человек, то я вела себя подло по отношению к пяти. Если меня обманул один человек, то я обманула троих.

Ф а р и д а (*в ужасе отступает*). Ты пугаешь меня, Анжель!

А н ж е л ь (*громко смеется*). Бедная Фарида! Если ты будешь бояться меня, тебе не стоит жить.

Ф а р и д а. Почему?

А н ж е л ь. Потому что я – сама жизнь.

Ф а р и д а (*кричит*). Неправда! Твои слова – клевета на настоящую жизнь.

А н ж е л ь. А если я докажу, что права?

Ф а р и д а. Чем?

А н ж е л ь. Фактами. Примерами из жизни людей, которых ты встречала и знаешь.

Ф а р и д а (*испуганно*). Людей, которых я встречала и знаю?

А н ж е л ь. Да.

Ф а р и д а (*в страхе*). Какой ты стала страшной, Анжель.

А н ж е л ь (*громко смеется и берет ее за руку*). Я шучу. Пусть будет прочен дворец счастья, который ты создала в своих мечтах.

Ф а р и д а. Почему создала в мечтах? Разве...

А н ж е л ь. Ты только вступаешь в жизнь. (*Шутливо.*) Вступаешь открыто. Тебе не надо было пробираться в нее сквозь щели, как мне... Что ж, все течет, все меняется... Может быть, жизнь действительно не так плоха, может быть, я ошибаюсь.

Ф а р и д а (*радостно*). Я уверена, что ты ошибаешься.

А н ж е л ь (*меняет тему разговора*). Ты не ждешь друзей?

Ф а р и д а. Каких друзей?

А н ж е л ь. Ганимата, Савалана.

Ф а р и д а. Ганимат не придет, он работает.

А н ж е л ь. А художник?

Ф а р и д а. Он должен прийти. Обещал написать мой портрет.

А н ж е л ь. Он мне нравится.

Ф а р и д а. Хороший парень.

А н ж е л ь. В каком смысле?

Ф а р и д а. Умный, порядочный.

А н ж е л ь. Мне не нужны ни его ум, ни его порядочность школьника. Скажи, что он парень красивый и здоровый, как бык.

Ф а р и д а. Умоляю тебя, не надо таких шуток, Анжель. Иначе мы по-настоящему поссоримся.

А н ж е л ь. Если поссоримся, я отобью твоего мужа.

Ф а р и д а (*улыбается*). Ну и отбей!

А н ж е л ь. Почему ты можешь, а я нет?

Ф а р и д а. Чьего мужа я отбила?

А н ж е л ь. Моего.

Ф а р и д а (*не знает, улыбаться или удивляться*). Анжель...

А н ж е л ь (*громко смеется и обнимает ее*). Говорила, не обращай на меня внимания. Остатки ума я оставила во Франции.

Ф а р и д а (*шутливо*). Не притворяйся, ты хитрее, чем лиса.

Звонок. Фарид бежит к двери и открывает. Входит Савалан.
В руках у него этюдник.

С а в а л а н. Привет дамам.

А н ж е л ь. Легок на помине. Как говорится, назови пса и дерни за ухо.

С а в а л а н. Кого вы намерены дергать за ухо?

А н ж е л ь. У вас такие красивые уши, что, когда я их вижу, у меня руки чешутся.

Ф а р и д а (*смеется*). Анжель только что говорила о тебе.

С а в а л а н. Я очень рад. Но что могла сказать обо мне Анжель-ханум? Мы ведь виделись лишь однажды.

А н ж е л ь. Одного раза вполне достаточно. Скорости космического века.

Ф а р и д а. Анжель-ханум сказала, что ты ей нравишься.

С а в а л а н. Слышать это – счастье.

А н ж е л ь. Для кого?

С а в а л а н. Для того, кто полюбит вас...

В соседней комнате звонит телефон. Фарида убегает.

А н ж е л ь. Вы могли бы полюбить меня?

С а в а л а н. Нет.

А н ж е л ь. А может быть, полюбите?

С а в а л а н. Не думаю.

А н ж е л ь. Я не красива?

С а в а л а н. Нет.

А н ж е л ь. Вы шутите.

С а в а л а н. Нет.

А н ж е л ь (*не обижаясь*). В Париже мне предлагали сто тысяч за то, чтобы я сыграла в фильме роль красивой девушки.

С а в а л а н. Верю. На снимках вы должны казаться красивой.

А н ж е л ь. А в жизни я не красива?

С а в а л а н. Я же сказал: нет.

А н ж е л ь. А кого же вы называете красивой?

С а в а л а н (*с комической радостью и вдохновением*). Красивой я назвал бы ту, кто мгновенно поймет, где гора Савалан. И при этом лицо ее будет сиять, как солнце.

А н ж е л ь. Кажется, у вас не хватает винтика.

С а в а л а н. Уверю вас, все мои винтики при мне.

А н ж е л ь. Тогда объясните, какое отношение к красоте имеет гора Савалан? Тут требуется не красота, а знание географии.

С а в а л а н (*в том же ключе*). Ох, это имеет очень большое значение. Как у старой русской женщины при упоминании матушки-Волги появляется блеск в глазах, так моя старая бабушка Камырхан вся светилась, когда слышала о горе Савалан. Казалось, она сбрасывала с плеч три десятка лет, согнутая ее спина распрямлялась.

А н ж е л ь. Волга – наша река, советская.

С а в а л а н. Верно. Но земля, где ты родился, называется родиной.

А н ж е л ь. Значит, знай я эту гору, я была бы красивой?

С а в а л а н. Нет. Знать Савалан может и человек бессовестный, любой авантюрист. Только знать – мало. Ее надо любить, гордиться ею, считать себя ее сыном. Надо жить и работать с верой в то, что она однажды станет свободной. Как Прометей, которого приковали цепями. По-моему, у азербайджанца не может быть чувства выше этого. Кто живет этим чувством, тот дорог мне и для меня красив.

А н ж е л ь. Ваша привязанность к Савалану похожа на любовь Дон-Кихота к своей Дульцинее. Только у Дон-Кихота были хотя бы кляча и ржавый меч.

С а в а л а н. Ничего, у меня есть моя мечта.

Входит Фарид.

Ф а р и д а. Извините. *(Кокетничая.)* Когда Адалат звонит, он так долго разговаривает. *(Анжель.)* У меня есть несколько хороших отрезков, так вот он советует пригласить хорошую портниху из Москвы.

С а в а л а н *(удивленно)*. Портниху из Москвы?

Ф а р и д а. Да. Но я не согласилась, сказала, что не надо.

А н ж е л ь. А почему ты не хочешь пригласить?

Ф а р и д а. Ну что ты, стыдно.

А н ж е л ь. Перед кем стыдно?

Ф а р и д а. Перед людьми. Что скажут обо мне? *(Усмехается.)* Я всегда шила платья за пятнадцать-двадцать рублей, а теперь вдруг выписываю портниху из Москвы?..

А н ж е л ь. Тогда у тебя не было такого мужа, как Адалат.

С а в а л а н *(все еще удивленно)*. Значит, так...

А н ж е л ь *(хохочет)*. Мой герой-патриот! Думаешь, все такие же нищие, как ты? Есть мужчины, жены которых каждый день принимают молочные ванны, чтобы кожа была мягкой, как шелк.

С а в а л а н *(вдруг оживляясь, улыбается)*. Их мужчинами не называют, Анжель. Их называют Мусиками.

А н ж е л ь. Что за Мусики?

С а в а л а н *(громко смеется)*. Я знал некую личность по имени Муса. Весила эта личность сто сорок килограммов. Однако жена называла его Мусиком. *(Копируя.)* «Мусик, ты ложись отдохни, а мы с Валериком пойдем в кино». – «Душка, может, и я пойду?» – «Мусик, ты устал от работы, после обеда тебе нужно отдохнуть. У тебя давление». *(Анжель хохочет.)*

Ф а р и д а. А кто был Валерик?

С а в а л а н. Заместитель Мусика по хозяйственным вопросам. Наглый холоп с девичьим лицом.

А н ж е л ь *(усмехается, с нажимом)*. Холоп или парень?

С а в а л а н. Холоп.

Ф а р и д а *(задумчиво)*. Может быть, они просто ходили в кино?

С а в а л а н. Я же сказал, что он был холопом. *(Глубоко вздыхает, серьезно.)* Я знал Душку до того, как она вышла замуж. Это была скромная и милая девушка по имени Дурна. После того, как она вышла замуж за Мусика, Дурна первое время казалась очень печальной. Как-то я встретил ее на улице. Она подошла и молча протянула мне лилию и резко отвернулась, но я заметил, что на глазах у нее слезы.

А н ж е л ь *(с искренней печалью)*. Бедная Душка. *(Закуривает сигарету.)*

Ф а р и д а. У меня сжимается сердце.

С а в а л а н. Почему? Как говорил Гамлет: мы же чище луны.

Ф а р и д а. Почему-то эта история произвела на меня тяжелое впечатление.

С а в а л а н *(радостно)*. Ну хорошо, хорошо. Если не возражаете, художник приступит к делу.

Ф а р и д а. Сегодня не надо, Савалан. Нет настроения.

С а в а л а н. Тогда я ухожу.

Ф а р и д а. Придешь в другой раз, хорошо?

Савалан кивает.

А н ж е л ь *(Савалану)*. Позвоните мне.

С а в а л а н. Зачем?

А н ж е л ь *(улыбается, но без прежнего сарказма)*. Просто так.

Ф а р и д а. Савалан, куда это годится, ты совсем одичал. Разве девушкам задают такие вопросы? *(Улыбается и говорит с особым выражением.)* Тем более такой девушке, как Анжель.

С а в а л а н. Справедливо. Извините, Анжель-ханум. Я с удовольствием позвоню вам.

А н ж е л ь. Я не обижаюсь. Жду вашего звонка.

С а в а л а н. Слушаюсь. До свидания. *(Выходит.)*

Ф а р и д а. Анжель...

А н ж е л ь *(закуривая)*. Что?

Ф а р и д а. Тебе на самом деле нравится этот парень?

А н ж е л ь. На самом деле.

Ф а р и д а. Он не такой, как ты думаешь.

А н ж е л ь *(совершенно спокойно)*. Откуда ты знаешь?

Ф а р и д а. Мы много лет дружим.

А н ж е л ь *(так же спокойно)*. Между вами что-нибудь было?

Ф а р и д а *(обиженно)*. Ты приводишь меня в ужас, Анжель. Это распущенность!

Анжель громко смеется, но вдруг умолкает и погружается в глубокую печаль.

Пауза. Анжель гасит сигарету.

А н ж е л ь. Нет, Фарида. Меня привлекает не его внешность. Меня мутит, когда я слышу бесконечные разговоры людей, убивающихся из-за шмоток. В твоём художнике есть что-то такое, чего я до сих пор не встречала. И это «что-то» пробуждает во мне странное чувство. Будто все, что со мной было до сих пор, сон. А сейчас я возвращаюсь в прошлое, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать. Ощущение непривычное, но радостное. Слушай, у него есть девушка?

Ф а р и д а *(смуценно)*. Ты так неприятно спрашиваешь, что прямо не знаю, что ответить. Как это, есть девушка?

А н ж е л ь. Ну хорошо, возлюбленная, невеста?

Ф а р и д а. Нет.

А н ж е л ь. Что так?

Ф а р и д а *(с любовью)*. Ах, Анжель, если бы у тебя был такой муж, как бы я за тебя радовалась.

А н ж е л ь. Такой парень меня не полюбит.

Ф а р и д а. Как знать, может, и полюбит.

А н ж е л ь *(улыбается)*. Может...

Ф а р и д а. Милая, интеллигентная, красивая... Что это на тебя нашло?

А н ж е л ь. Такие ребята, прежде всего...

Ф а р и д а. Понимаю... Что ж... Честно расскажешь ему все, что было.

А н ж е л ь *(вдруг взрывается, резко)*. В общем, хватит. Давай пить кофе.

Ф а р и д а. Сию минуту.

Фарида выходит. Анжель встает, подходит к картине, которую Савалан подарил Фариде на свадьбу, долго смотрит на нее. Входит Адалат. Короткая пауза.

А д а л а т. А где Фарида?

А н ж е л ь. На кухне.

А д а л а т *(подходит, шепотом)*. Не знаю, как благодарить тебя, Анжель.

А н ж е л ь. За что ты должен меня благодарить?

А д а л а т *(шепотом)*. За то, что ты ничего не сказала Фариде о прошлом. Я ценю это, Анжель.

А н ж е л ь. Думаешь, я молчу из-за тебя? Будь у меня силы, я так сломала бы тебе шею, чтобы капля крови не упала на пол.

А д а л а т *(с мольбой)*. Анжель!

А н ж е л ь. Жаль, что между нами стоит Фарида.

А д а л а т. Анжель!

А н ж е л ь. Я не хочу разрушать ее веру. Поздно. Но если ты и с ней поступишь подло, берегись. Я говорю серьезно.

А д а л а т. Я люблю ее, Анжель.

А н ж е л ь. Это ты говорил и мне.

А д а л а т. Что ж, я не жалею об этом.

А н ж е л ь. Я пришла сюда не затем, чтобы выслушивать твои фальшивые признания. Я требую...

А д а л а т. Что требуешь?
А н ж е л ь. Узаконить тот очевидный факт, что ты отец моего ребенка.
А д а л а т. Как это узаконить?
А н ж е л ь. То есть подать заявление и записать его на твою фамилию. Ребенок растет, не сегодня-завтра он спросит меня, кто его отец. Понятно? *(Пауза.)*
А д а л а т. Анжель, разреши мне спокойно это обдумать.
А н ж е л ь. О чем же ты будешь думать?
А д а л а т *(нервно, нетерпеливо)*. Не сейчас... Прошу тебя, потом. Фарида может войти.
А н ж е л ь. Хорошо. Я позвоню тебе.

Входит Фарида.

Ф а р и д а. Ой, Адалат, когда ты пришел? Анжель, чего ты поднялась, сейчас кофе будет готов.
А н ж е л ь. Я с утра сижу. Пора и честь знать.
Ф а р и д а. Ради Бога, не уходи.
А н ж е л ь *(шутливо)*. Молодоженов надо оставлять одних.
Ф а р и д а. Анжель, я приготовила вкусные вещи.
А н ж е л ь. Нет, Фарида. У меня дело. *(Подчеркнуто шутливо.)* Красивый художник должен мне позвонить. До свидания. *(Выходит.)*
А д а л а т. О каком красивом художнике она говорит?
Ф а р и д а. О Савалане.
А д а л а т *(улыбается)*. Ах, о вашем друге?
Ф а р и д а. Почему о нашем? Кого ты имеешь в виду?
А д а л а т. Тебя, Ганимата.
Ф а р и д а. Савалан хочет написать мой портрет. Уверяет, что это будет лучшей его работой.
А д а л а т *(усмехается)*. Почему именно твой портрет?
Ф а р и д а *(радостно улыбается)*. Наверно, потому, что знаем друг друга с детства... И любим.
А д а л а т. Любите?
Ф а р и д а *(шутливо)*. Ты что, ревнуешь меня? Ой, как приятна твоя ревность. Ты, правда, ревнуешь?
А д а л а т. Нет, ревность – удел слабых.
Ф а р и д а *(подумав)*. Пожалуй.
А д а л а т. Только нельзя забывать о народе.
Ф а р и д а. О народе?! О каком народе?
А д а л а т. О людях, живущих рядом с нами.
Ф а р и д а. В каком смысле нельзя забывать?
А д а л а т. Во всех. *(Короткая пауза.)* Откуда людям знать, что ты любишь этого художника как брата. Они видят, что он приходит к нам каждый день. В такое время, когда меня нет дома, сидит здесь часами... Чем вы занимаетесь, они не знают. Ясно, здесь что-то есть.
Ф а р и д а. Что, например?
А д а л а т *(с плохо скрываемой нервозностью)*. Это уж они сами придумают.
Ф а р и д а *(с жаром)*. Но ведь мы трое знаем, что ничего такого нет и не может быть.
А д а л а т. Мы – да, а они – нет.
Ф а р и д а *(словно перед ней только сейчас открылся чужой и враждебный мир)*. Значит, мы... то есть я... не должна встречаться ни с одним парнем – моим сверстником?
А д а л а т *(неохотно)*. Почему же... Можешь встречаться... Но, конечно... только в общественных местах... Лучше всего в моем присутствии.
Ф а р и д а *(все еще удивленно, но улыбаясь)*. Оказывается, замужество влечет за собой такие ограничения?
А д а л а т *(шутливо)*. Разумеется. А как ты думала!
Ф а р и д а. Ну что поделаешь. Я скажу Савалану, чтобы он приходил только тогда, когда ты дома.
А д а л а т. И не слишком часто.
Ф а р и д а. Что же, он не должен писать мой портрет?
А д а л а т *(не глядя на нее)*. Лучше, если он не будет писать.
Ф а р и д а. Как же так?... Он столько к этому готовился, мечтал... Он хочет послать портрет в Москву, на крупную выставку. Как я могу вдруг лишить его этой надежды?

А д а л а т (*с заметной нервозностью*). Пусть найдет для портрета другую модель. Какая ему разница?

Ф а р и д а (*слова мужа задевают самолюбие Фариды – женское и человеческое*). Есть разница! Ведь живопись – не ремесло. Художнику нужно вдохновение.

А д а л а т (*саркастически улыбаясь*). Значит, чтобы он смог создать свое коренное произведение, его должна вдохновлять моя жена?

Ф а р и д а (*долго смотрит на него*). Разве я не могу заинтересовать его как человек, как молодая и симпатичная ему женщина?

А д а л а т (*резко*). Нет! Пусть он интересуется другой молодой женщиной. (*Он делает акцент на словах «молодая женщина».*)

Ф а р и д а. Если в этом есть что-то аморальное, почему тебя не волнует доброе имя другой женщины?

А д а л а т. Пусть об этом думает муж другой женщины. (*Берет ее за руку, мягко.*) Я верю в твою чистоту. Но людям трудно это объяснить. Далеко не все люди, к сожалению, обладают высокой степенью сознательности.

Ф а р и д а. Люди в большинстве своем нравственны. Не понимаю, почему мы должны следовать представлениям отсталых людей? Наверно, они потому и не верят в честность других, что сами не умеют быть честными.

А д а л а т (*нервничает, но, пытаясь это скрыть, напряженно улыбается*). Интересно, и долго мы еще будем спорить из-за этого художника?

Ф а р и д а (*глубоко вздыхает, говорит вяло*). Хорошо, если тебе это не нравится, я скажу Савалану, чтобы он больше не приходил.

А д а л а т (*тихо, не глядя на нее*). Я тебя не принуждаю, Фарида.

Ф а р и д а. Меня нельзя принудить. Просто после этого разговора я все равно не смогла бы позировать.

А д а л а т. Ты обижаешься?

Ф а р и д а. Я не обижаюсь.

Звонок. Фарида идет открывать. В дверях – худой и длинный человек, почти скелет. Фарида в испуге отступает.

Ф а р и д а. Кто вам нужен? (*Скелетообразный мужчина молчит.*) Вам кого? (*Мужчина молчит, Фарида в страхе убегает в комнату.*)

А д а л а т. Кто там?

Ф а р и д а. В дверях стоит странный человек, я его спрашиваю, а он молчит.

Адалат быстро идет к двери. Нервным движением выхватывает из кармана пачку денег, торопливо отсчитывает, отдает мужчине. Мужчина берет деньги и молча исчезает. Адалат некоторое время стоит, тяжело дыша. Потом возвращается в комнату.

Ф а р и д а. Как он страшно выглядит. Он болен?

А д а л а т. Нет.

Ф а р и д а. Чего он хотел?

А д а л а т (*нервно*). Денег. Обед готов?

Ф а р и д а. Готов.

А д а л а т. Идем, я умираю с голоду.

Свет меркнет, потом усиливается. Фарида сидит за столом и пишет в дневнике.

В н у т р е н н и й г о л о с Ф а р и д ы. Неужели правда, что самые чистые наши чувства люди могут истолковать против нас? Неужто искренность такого парня, как Савалан, может вызвать у людей подозрения?

На улице слышны шаги. Фарида поднимает голову, выглядывает в открытое окно и, бросив ручку, кричит.

Ф а р и д а. Ганимат!

Г а н и м а т (*появляется в поле зрения*). Здравствуй, Фарида. Как поживаешь?

Ф а р и д а. Я – хорошо, а ты?

Г а н и м а т (*улыбается*). И я хорошо.
Ф а р и д а. Квартиру получил?
Г а н и м а т. Вероятно, в следующем квартале получу.
Ф а р и д а. Не трудно тебе работать на Нефтяных Камнях?
Г а н и м а т. Нет.
Ф а р и д а. Впрочем, ты всегда мечтал о трудностях, о романтике и героизме.
Г а н и м а т (*улыбается*). Не забыла?
Ф а р и д а. Разве можно забыть юность?
Г а н и м а т. Работать на Нефтяных Камнях выгодно во всех смыслах. Даже материально. Зарплата на пятьдесят процентов выше, чем на суше. (*Шутливо*.) Купил себе новый костюм и новые туфли. В следующем месяце куплю плащ по последней моде. Теперь я совсем не тот бедняк, которого ты знала. (*Смеются*.) Одним словом, мои дела налаживаются. Скажи лучше, как ты? Довольна жизнью?
Ф а р и д а. Очень.
Г а н и м а т. Я догадался об этом, слушая, как ты играешь на пианино. Я ведь часто здесь прохожу.
Ф а р и д а. Но ты ведь живешь не в этом районе?
Г а н и м а т. Но ты же в этом.
Ф а р и д а (*смутившись*). Не надо больше шутить так, Ганимат.
Г а н и м а т. А кто сказал, что я шучу?
Ф а р и д а. Ты все еще не забыл меня?
Г а н и м а т. Фариду, живущую в этом доме, я забыл. А ту, что жила в доме Говхар-ханум, не забыл. И никогда не забуду. Не волнуйся, это не касается ни тебя, ни твоего многоуважаемого мужа. (*Улыбается*.) До свидания. (*Уходит*.)
Ф а р и д а (*вслед ему*). Звони чаще, Ганимат.
Г о л о с Г а н и м а т а. Посмотрим.

Лицо Фариды становится печальным. Она долго стоит, погрузившись в раздумье. Потом садится к столу и продолжает писать.

В н у т р е н н и й г о л о с Ф а р и д ы. Сегодня я в первый раз после свадьбы увидела Ганимата. Как он радуется тому, что после нескольких месяцев работы смог купить себе новый костюм! А у Адалата десять костюмов. Когда я об этом думаю, мне почему-то грустно. Справедливо ли это? Неужели человек, занимающий высокий пост, живет в совершенно ином мире, не похожем на обычный? (*С улицы доносится гудок. Фарида подходит к окну и говорит негромко: «Адалат спит». Адалат, улыбаясь, выходит из другой комнаты.*)

А д а л а т. Адалат не спит.
Ф а р и д а. Машина пришла. Чаю выпьешь?
А д а л а т. Оно бы неплохо.
Ф а р и д а. Сию минутку. (*Убирает дневник и запирает ящик на ключ.*)
А д а л а т (*шутливо*). До каких пор ты будешь скрывать от меня свои дневники?
Ф а р и д а (*так же шутливо*). Пока мы окончательно не состаримся.
А д а л а т. О, этого долго ждать. А кто герой сегодняшних записей?
Ф а р и д а. Ты, я и Ганимат.
А д а л а т. Ганимат?
Ф а р и д а. Да, он только что проходил мимо. Мы немного поболтали.
А д а л а т (*сдерживаясь*). О чем?
Ф а р и д а (*шутливо*). Об этом ты когда-нибудь прочтешь в дневнике. А сейчас меня интересует другое.
А д а л а т (*так же шутливо*). Что именно?
Ф а р и д а. Почему образ жизни Ганимата или Савалана так отличается от нашего?
А д а л а т. Не понимаю, в чем ты видишь различие?
Ф а р и д а. Почему, например, Ганимат – человек умный и работающий, с высшим образованием, лишь проработав несколько месяцев, может купить себе костюм, тогда как мы...
А д а л а т (*перебивая*). Я понял. Если я тебе это объясню, ты не станешь упрекать меня в нескромности?
Ф а р и д а. Нет, я хочу постичь эту тайну.

А д а л а т (*резко, с гордостью*). Потому что под моим руководством работает три тысячи таких, как Ганимат, и за их работу отвечаю прежде всего я.

Ф а р и д а. Но ведь, кажется, зарплата у вас не очень отличается. Ганимат говорит, что на Нефтяных Камнях пятидесятипроцентная надбавка.

А д а л а т (*шутливо*). О, с тобой надо быть осторожным. (*Целует ее.*) Поскольку на Нефтяных Камнях работа трудная, то и зарплата у Ганимата высокая. Но у меня здесь, поверь, работа не легче. И, естественно, возможности соответствующие. (*Щелкает по носу.*) Теперь поняла? (*Снова целует ее.*) Ты так увлеклась демагогическими разговорами, что забыла о чае.

Ф а р и д а. Ой, сию минуту...

Фарида убегает на кухню. Лицо Адалата становится холодным и печальным.
Короткая пауза. Фарида приносит чай и пирожные. На лице Адалата уже прежнее радостное и бодрое выражение.

А д а л а т (*пьет чай*). Хочешь, пойдем сегодня вечером на «Кармен»?

Ф а р и д а. Пойдем.

А д а л а т. Приготовься. Как только кончится собрание, я пошлю за тобой машину. Только... (*Показывая на дорогой перстень на пальце Фарида, ласково.*) А это сними и оставь дома.

Ф а р и д а (*удивленно*). Почему?

А д а л а т. Чем скромнее мы держимся, тем лучше, верно?

Ф а р и д а. Но ведь это подарили нам на свадьбу?

А д а л а т (*рассеянно*). Кому известно, что нам его подарили?

Ф а р и д а. А что еще... могут подумать?

А д а л а т. Все, что угодно... Разве мало завистливых и недобрых людей.

Фарида в тяжелом недоумении. Телефонный звонок. Адалат снимает трубку.

А д а л а т. Слушаю. Здравствуй! Правда? Что он сказал? Ага... Потом?... Хорошо... Встретимся вечером в опере, там и поговорим. Пока. (*Вешает трубку.*)

Ф а р и д а. Кто звонил?

А д а л а т (*улыбается*). Кямиль.

Ф а р и д а. И что?

А д а л а т (*шутливо*). Да ничего.

Ф а р и д а (*обиженно*). Спасибо.

А д а л а т. Ну ладно, ладно, не обижайся. Сказал, что на одном очень ответственном совещании наша деятельность получила высокую оценку.

Ф а р и д а. Кого?

А д а л а т. Нашего шефа. Он очень хвалил меня.

Ф а р и д а. За что?

А д а л а т (*изумленно смотрит на нее*). Ты так равнодушно спрашиваешь об этом.

Ф а р и д а. За что все-таки он хвалил тебя?

А д а л а т (*резковато*). За хорошую работу. За досрочное выполнение плана.

Ф а р и д а. Поздравляю.

А д а л а т (*вдруг оживляясь*). Пятнадцатого числа день рождения его дочери.

Ф а р и д а. Чьей дочери?

А д а л а т (*шутливо, громко*). Шефа. Надо приготовить хороший подарок.

Ф а р и д а. Разве у нас дома мало хороших вещей?

А д а л а т (*улыбается*). Нет, это не годится. Надо специально что-нибудь купить для девочки. В здешних ювелирторгах ничего порядочного не найдешь. Придется искать в Москве.

Ф а р и д а. Ради этого ты поедешь в Москву?

А д а л а т. Все равно я послезавтра лечу в Москву по служебным делам.

Ф а р и д а. А ты мне ничего об этом не говорил.

А д а л а т. Просто запамятовал... (*Смотрит на часы.*) Ну хорошо, меня ждут. Так ты приготовься к вечеру. (*Идет к двери.*)

Фарида ходит из угла в угол, словно ей не хватает места в этих просторных комнатах. Поднимает руку и долго смотрит на дорогое кольцо. Потом снимает его и бросает в ящик серванта. Лицо ее вдруг становится жестким. Звонок в дверь. Фарида открывает. Входит Говхар.

Ф а р и д а. Здравствуй, мама. Сколько времени мы не можем затянуть тебя к нам.

Г о в х а р. Никак не выкрою время. И сейчас заскочила на минутку. Лето страшно жаркое. Нужна профилактика желудочно-кишечных заболеваний. Особенно среди детей.

Ф а р и д а. Мы тоже собираемся в Кисловодск. *(Короткая пауза.)*

Г о в х а р. Это, конечно, неплохо. Но меня беспокоит одна вещь.

Ф а р и д а. Что такое, мама?

Г о в х а р. Ты не собираешься работать?

Ф а р и д а *(смущаясь)*. Признаться, я собиралась, но Адалат возражает. Он говорит, что мы в этом не нуждаемся.

Г о в х а р. Кто это «мы»?

Ф а р и д а. Ну, наша семья.

Г о в х а р. Тогда для чего же ты училась шестнадцать лет и получила специальность инженера? *(Короткая пауза, ласково.)* Может быть, Адалат говорит так потому, что очень тебя любит. Но ты его уговори. Он должен понять, что, когда у тебя появится интересная работа, жизнь твоя станет более осмысленной и радостной. Такое теперь время. По-моему, просто невозможно быть счастливым, если у тебя нет своего дела, если ты целый день бродишь по этим нарядным комнатам. В конце концов это наскучит вам обоим, вы просто надоедите друг другу. Я мать, и хочу, чтобы ты не только любила своего мужа, свой дом, но и была самостоятельным человеком, труженицей. *(Улыбается.)* Помнишь, в детстве тебе нравилось ходить в костюме мальчика?

Ф а р и д а. Помню... *(Улыбается.)* Ты мне покупала куклы и револьверы.

Г о в х а р. У меня не было сына. И я мечтала, чтобы ты выросла мужественной и сильной. Как мужчина. *(Встает.)*

Ф а р и д а. Посиди, мама.

Г о в х а р. Нет, мне нужно еще зайти по нескольким вызовам. Надеюсь, что ты поймешь свою мать. До свидания.

Говхар уходит. Фарида провожает ее долгим взглядом. В ее глазах недоумение и печаль. Она оборачивается и внимательно шупает дорогой ковер на стене. Затем с неожиданным интересом рассматривает комнату. Кажется, будто все здесь она видит впервые. Садится к столу, достает дневник и продолжает писать.

Внутренний голос Фарида. Хотя мама старается не дать мне почувствовать, я понимаю, что ей не нравится эта богатая и беззаботная жизнь. Как она говорит, ее гложет какое-то тайное беспокойство...

Звонок. Фарида идет открывать. В дверях стоит странный тип и протягивает ей сверток. Фарида разворачивает пакет, обнаружив лисий мех, в испуге роняет его на пол.

Т и п *(озадаченно)*. Чего вы испугались, ханум? *(Наклоняется и поднимает мех.)* Это очень редкий мех.

Ф а р и д а *(только теперь приходит в себя)*. Что это? Откуда?

Т и п. Прислал товарищ Саркаров.

Ф а р и д а *(рассеянно)*. Кто такой товарищ Саркаров?

Т и п. Ха-ха, вы не знаете?

Ф а р и д а *(резко)*. Нет.

Т и п. Товарищ Саркаров Гаплан Гахраманович – директор мехторга.

Ф а р и д а. А почему вы хохочете?

Т и п. Ха-ха... Я не хохочу, ханум, я смеюсь.

Ф а р и д а. Почему?

Т и п. Потому что я думал, вы шутите. Такие высокие дамы, как вы... Такие дамы не могут не знать Саркарова. *(Гладит мех.)* Очень ценная вещь. На руках она стоит не менее полутора тысяч.

Ф а р и д а. Как то есть на руках?

Т и п. Ха-ха... То есть на базаре, частным образом.

Ф а р и д а. Хорошо. Сколько надо денег?

Т и п. Каких денег?

Ф а р и д а *(резко)*. Послушайте, бросьте свое шутовство! Что значит, каких денег? Может, нам теперь вещи дают бесплатно?

Т и п. Я маленький человек, ханум. Это знает только товарищ Саркаров.
Ф а р и д а (*в необычном волнении*). Заберите сейчас же!
Т и п (*удивленно*). Что вы говорите, ханум? Как я это объясню товарищу Саркарову?
Ф а р и д а (*наступая на него*). Заберите!
Т и п (*испуганно пятится*). Странно, странно...

Свет гаснет, а когда зажигается, мы видим комнату Ганимата. Анжель, Ганимат и Савалан приносят из соседней комнаты и расставляют на столе бутылки и еду.

С а в а л а н. Какой красивый получился стол. Спасибо, Анжель-ханум. Анжель, этот торт ты тоже сама испекла?

А н ж е л ь (*сердито*). Нет, наняла кондитера.

Г а н и м а т. Ты скажешь... Конечно, сама.

С а в а л а н. Извини, Анжель.

А н ж е л ь. Не извиняю. Кто меня не ценит, с тем я не желаю иметь дела.

С а в а л а н. Мы, слава Богу, тебя ценим. Ты наш дорогой гость.

А н ж е л ь (*обиженно*). Извинился называется.

Г а н и м а т. Почему это Анжель наш гость?

А н ж е л ь (*занимаясь столом*). Ладно, мы собрались не для того, чтобы выяснять, в какой роли здесь присутствует Анжель. Анжель слышала уже достаточно комплиментов.

Г а н и м а т. От нас?

А н ж е л ь. Ну, от других молодых людей, какая разница?

С а в а л а н. Клянусь Богом, в моих словах не было ни тени лести.

А н ж е л ь. Хорошо, кончили. (*Сразу веселеет.*) Стол готов, милостивые государи.

Г а н и м а т (*оглядывает стол*). Кажется, питья маловато, сбегаю еще за бутылкой шампанского.

С а в а л а н. Давай я. Сегодня вечером ты король.

Г а н и м а т. Стой! Я король современный, поэтому схожу сам. (*Убегает.*)

С а в а л а н. Анжель...

А н ж е л ь. Опять мы будем говорить обо мне?

С а в а л а н. А если мне приятно говорить о тебе?

А н ж е л ь. До известного момента.

С а в а л а н. Ты ошибаешься. (*Короткая пауза.*)

А н ж е л ь (*закуривая сигарету*). Что тебе рассказывала Фарида обо мне?

С а в а л а н. Ничего. А почему ты спрашиваешь?

А н ж е л ь. Просто так.

Савалан вдруг замечает в сумке девушки книгу.

С а в а л а н. Что это за книга?

А н ж е л ь. О Саттархане.

С а в а л а н. Правда?

А н ж е л ь. А почему ты удивляешься?

С а в а л а н. Ведь ты...

А н ж е л ь (*продолжая за него*). ...Не знала, где находится гора Савалан. А теперь вдруг интересуешься Саттарханом? (*Шутливо.*) Так? Ничего странного. Все течет, все изменяется.

С а в а л а н. Брось шутить, я спрашиваю серьезно. Ты что, читаешь просто так, от нечего делать?

А н ж е л ь. Нет, я читаю потому, что интересуюсь историей Иранского Азербайджана.

С а в а л а н. Анжель!

А н ж е л ь. Да?

С а в а л а н. Ты иронизируешь?

А н ж е л ь. Дурак! (*Наступая на него.*) Я совсем не такой пропащий человек, как ты думаешь. Я знаю, что смеяться над судьбой своего народа низко и подло.

С а в а л а н (*виновато и взволнованно*). Но до вчерашнего дня ты даже и не знала этого народа.

А н ж е л ь. Не знала потому, что никто мне о нем не говорил.

С а в а л а н (*нервно, с явным волнением*). Это правильно! (*Словно разговаривая сам с собой*.) Нас нельзя лишить родины. Мы знаем свою цель и верим, что когда-нибудь достигнем ее. Если даже далекую от народной истории Анжель увлек Саттархан, наш национальный герой, значит, идея жива. Да здравствует идея! Анжель, позволь мне поцеловать тебя?

А н ж е л ь (*отстраняя его*). Спокойно. Может, ты полагаешь, что я читаю о Саттархане, чтобы понравиться тебе?

С а в а л а н (*с жаром*). Конечно, нет! Я сразу почувствовал, что ты замечательная девушка. Как говорится, натуральная, без примесей. Короче, не гибрид.

А н ж е л ь. Что еще за гибрид?

С а в а л а н. Не принимай на свой счет. В нашем кругу так называют мелких людишек, которые выросли на нашей почве, но успели нахвататься чужих манер. Собственное лицо они потеряли, а другого не приобрели.

А н ж е л ь (*громко смеется*). Вы нашли очень точное слово.

С а в а л а н (*с восторгом*). Как красиво ты смеешься, Анжель!

А н ж е л ь (*ласково*). Ладно, не завирайся, не играй на желтой струне.

С а в а л а н (*шутливо*). Значит, ты не забыла желтую струну тара?

А н ж е л ь (*глубоко вздыхает, показывает на тар, лежащий на диване*). Это ты играешь или Ганимат?

С а в а л а н. Я.

А н ж е л ь. Поиграй немного.

С а в а л а н. Когда соберутся гости.

Анжель сама берет тар и дважды проводит плектром по струнам. Тихо наигрывает мелодию «Сейгях», негромко и печально поет. Савалан слушает с глубоким изумлением, Анжель его не замечает. Она погрузилась в свою печаль и забыла обо всем. Анжель поет. Савалан не может больше сдерживаться и кричит.

С а в а л а н. Анжель!

Анжель кладет тар на место. Савалан в волнении целует ее.

А н ж е л ь (*отстраняя его*). Не надо, Савалан.

С а в а л а н (*с тем же волнением*). Только теперь я начал узнавать тебя.

А н ж е л ь (*с печальной улыбкой*). Опоздал.

С а в а л а н. Нет, я не опоздал. Я всегда чувствовал, что ты не такая, как кажешься.

А н ж е л ь (*с той же печальной улыбкой*). Не такая, какой кажусь?..

Вдруг решительно поднимается, вытирает перед зеркалом глаза, поправляет волосы. Савалан подходит сзади, восхищенно смотрит на нее в зеркало и хочет что-то сказать. Входит Ганимат.

Г а н и м а т. А вот и шампанское. (*Савалану*.) Чего ты теряешься?

С а в а л а н (*продолжая смотреть на Анжель*). Я загипнотизирован.

А н ж е л ь (*берет его под руку*). Мой красивый художник, идемте к столу. К сожалению, ни один из нас до конца не поймет другого.

С а в а л а н. Неправда. Я много понял и в тебе, и в себе, когда ты играла. Теперь играть буду я, а ты слушай. (*Ганимату*.) Знаешь, я начинаю понимать, почему я скучал без нее, почему часами думал о ней.

А н ж е л ь (*шутливо*). Похоже, желтые струны рассказывали нам совершенно разные истории.

С а в а л а н (*неожиданно, с отчаянием*). Ганимат-бек, нам обоим не повезло в любви! (*Бурно*.) Но мы поклялись, что не уступим горю. Выпьем, друзья!

Берет бутылку шампанского, и сразу слышен звонок в дверь. Ганимат открывает. Входит Фарида. Все изумленно смотрят на нее.

Ф а р и д а (*улыбаясь*). Не ждали, правда?

Г а н и м а т. Фарида... Я чувствовал, что ты придешь. Сомневаешься? Вот тебе доказательство. (*Указывает на стол, где расставлены четыре прибора*.)

С а в а л а н. А я никак не мог понять, зачем Ганимат поставил четыре прибора.

А н ж е л ь. Я это тоже заметила, но решила, что он ждет свою девушку. (*Фариде*.) Как это твой супруг отпустил тебя одну? (*Слово «супруг» она произносит с особым нажимом*.)

Ф а р и д а (*шутливо, но откровенно*). Во-первых, мой супруг улетел в Москву. Во-вторых, почему он не может отпустить меня одну? Мы верим друг другу.

А н ж е л ь. Слава Богу.

Ф а р и д а. Анжель, ты в этом сомневаешься?

А н ж е л ь. В тебе – нет. Кто может усомниться в таком ангеле, как ты?

Ф а р и д а. А в Адалате?

А н ж е л ь (*шутливо, но со скрытым гневом*). «Адалат» означает справедливость. Смысл тут такой глубокий, что я просто ничего не могу сказать.

Ф а р и д а (*по-прежнему чистосердечно*). Ничего, я уверена, что придет время, когда ты скажешь.

А н ж е л ь (*решительно*). Вероятно.

С а в а л а н. Имейте совесть, вы разговариваете, а виновник сидит и скучает.

Ф а р и д а. Ой, правда... Ганимат! (*Берет его за руку.*) Мой дорогой, наш всеобщий дорогой! Поздравляю тебя! Приколи это на галстук. (*Целует его и вкладывает ему в руку маленький сверток.*)

Г а н и м а т (*разворачивая*). Но это же...

Ф а р и д а (*перебивая его*). Да, это камень от колечка, которое я носила в институте.

Г а н и м а т (*взволнованно*). Ты очень любила это колечко.

Ф а р и д а (*кивает головой и улыбается*). Поэтому я и хочу, чтоб ты носил его как память на груди.

Г а н и м а т (*все сильнее волнуясь*). Это невозможно...

С а в а л а н (*властно*). Возможно! (*Берет камень и булавкой прикалывает его к галстуку Ганимата.*) Ясно?

Г а н и м а т (*глубоко вздохнув*). Ясно.

С а в а л а н. В таком случае начнем. (*Открывает шампанское и разливает по бокалам.*) Будь здоров, брат мой. Пусть этот камень всегда сверкает на твоей груди, пусть долгой будет твоя жизнь.

Ф а р и д а (*чокается*). Будь здоров, Ганимат.

А н ж е л ь. Будь здоров, Ганимат. Сегодня, в честь праздника, я должна тебя поцеловать.

Бурное веселье. Все пьют. Савалан включает проигрыватель.
Звучит современная танцевальная музыка. Пары танцуют.

Г а н и м а т. Друзья, в этом году нам всем – кому раньше, кому позже – исполнится двадцать два года. Давайте выпьем за всех ровесников на нашей планете. (*Пьют.*)

А н ж е л ь (*стараясь развеселить задумчивого Савалана*). В двадцатом веке погружаться в столь глубокое поэтическое раздумье не полагается. Это выглядит смешно.

С а в а л а н. Напрасно. Пока существует мир, существует красота, будет жить и поэзия. Я вот думаю о том, что Фариды... в тот момент, когда появилась...

А н ж е л ь. Я люблю ее и скажу, что она достойна кисти Леонардо да Винчи.

С а в а л а н. Фариды, я рад, что ты не забыла нас и пришла сегодня. Меня это так тронуло, что я готов плакать.

Ф а р и д а (*шутливо*). Как можно забыть таких ребят?

С а в а л а н (*серьезно и печально*). Нет, Фариды. Таких ребят, как мы, отлично забывают. А очень многие просто не знают о нас. (*Оживляясь.*) Ничего, придет время, и о нас услышат. Даже индейцы в Америке тогда будут знать Анжель.

А н ж е л ь (*резко*). Почему именно Анжель?

С а в а л а н (*очень ласково*). Потому что ты очень хороший человек. (*Ганимату.*) Что с тобой, почему ты погрузился в море печали?

Г а н и м а т. Нисколько. Я думаю.

С а в а л а н. О чем?

Г а н и м а т. Думаю, Фариды правильно сделала, что вышла замуж за Адалату.

А н ж е л ь. Почему?

Г а н и м а т. Чтобы жениться и иметь семью, нужно много всякого. Квартира, обстановка, деньги, чтобы сыграть свадьбу, невесте нужна одежда, золотые часы, бриллиантовое кольцо.

Ф а р и д а. Прекрасно можно обойтись без золота и бриллиантов.

Г а н и м а т (*продолжает*). Для этого Ганимату пришлось бы лет пять работать и копить деньги, состоять на учете в Баксовете...

Ф а р и д а. Ты шутишь, а, к сожалению, все это так. У нас не было возможности пожениться.

Г а н и м а т. Верно, не было... Если распределить мою стипендию на число дней в месяце, получалось рубль двадцать копеек. Поэтому билеты в кино и театр часто покупала ты. И мороженым угощала ты.

Ф а р и д а. Ладно, хватит тебе.

Г а н и м а т. Ты права, Фарида. Жизнь не стоит на месте и не ждет нас, так что я на тебя не сержусь.

А н ж е л ь. Прошу вас для этих разговоров поискать других слушателей. Танцевать, танцевать.

Анжель и Ганимат, Савалан и Фарида танцуют. Но Фарида танцует вяло и неохотно, на душе у нее тяжело. Выждав момент, когда друзья увлечены танцем, она незаметно уходит. Немного погодя оставшиеся замечают, что ее нет. Все трое останавливаются и прислушиваются. Слышно, как хлопает дверца автомашины. Савалан подходит к окну.

Шум удаляющейся машины.

С а в а л а н. Уехала... На машине уехала... Красивая машина.

Снова короткая пауза. Ганимат наполняет бокал и выпивает залпом.

С а в а л а н. В чем дело, неужели ушедшая любовь вернулась?

Г а н и м а т (*резко*). Не надо шутить.

С а в а л а н. Извини. (*Короткая пауза.*)

Г а н и м а т (*очень печально*). Что скрывать, друзья. От этого шума уходящей машины в моем сердце такая пустота, будто вся земля превратилась в сплошную пустыню, и мы остались на этой планете одни. (*Молчание.*) Кажется, она хотела что-то рассказать нам.

Пауза. Анжель поет.

Я его называла весной,
Я его называла «родной»,
Он меня обманул, надсмеялся,
Надсмеялся в душе надо мной.

Поцелуй свои соберу,
Нежных слов молодую игру,
На него их метелью обрушу,
Пусть он мерзнет на зимнем ветру.

Опустели мои берега,
Дни пустые летят, как снега,
Пусть любовь осыпается снегом,
Пусть его заметает пурга.

Свет слабеет, а потом усиливается. Комната Фарида. Фарида и Савалан.
Савалан закуривает сигарету.

Ф а р и д а (*печально*). Не обижайся, Савалан. Об этом портрете я тоже мечтала. Но... (*Совсем тихо.*) Это, увы, невозможно.

С а в а л а н (*взволнованно*). Почему? Может, мы тебя чем-нибудь обидели на дне рождения Ганимата?

Ф а р и д а. Что ты! Разве я могу обидеться на вас?

С а в а л а н. Что же тогда случилось? Почему ты вдруг расхотела?

Ф а р и д а (*как-то обессиленно*). Не надо об этом, Савалан.

С а в а л а н. Может быть, ты не веришь в мои способности?

Ф а р и д а. В твой талант верят все, кто хоть что-то понимает. Ты и сам знаешь, что я преклоняюсь перед глубиной и искренностью твоего таланта. Тебя не привлекает дешевая слава, ты работаешь ради настоящего искусства. И все-таки... Все-таки не надо писать мой портрет.

С а в а л а н (*вздыхая, резко*). Пока ты не скажешь причины, я не уйду. (*Взволнованно.*) У нас никогда не было тайн друг от друга. Почему ты стала такой скрытной? (*Долгая пауза.*) Почему ты молчишь?

Ф а р и д а (*едва слышно*). Адалат возражает.

С а в а л а н (*громко смеется*). Значит, ревнует?

Ф а р и д а (*оживляясь*). Нет, не ревнует.

С а в а л а н. Тогда почему?

Ф а р и д а. Говорит, что неловко перед людьми, пойдут всякие разговоры.

С а в а л а н (*подражая Гамлету*). О небо, о земля! Или мне призвать сам Ад? Твой уважаемый муж отстал от своего народа на два столетия. Люди всегда умеют отличить смелость от трусости, белое от черного. Пожалуйста, передай ему это. А теперь прощай, я ухожу. (*Гасит сигарету в пепельнице.*)

Ф а р и д а (*печально и беспомощно*). Почему же «прощай»?

С а в а л а н (*берет этюдник*). Больше мы не увидимся.

Фарида в полном отчаянии.

Ф а р и д а (*безжизненно*). Почему?

С а в а л а н. Ты стала нам совершенно чужой. Ты – не та Фарида, которую мы знали и любили. (*Короткая пауза, ласково.*) Не обижайся на меня, Фарида.

Ф а р и д а (*едва слышно, не глядя на него*). Я не обижаюсь.

С а в а л а н (*так же ласково*). Будь здорова, Фарида. (*Шутя.*) Если мы вдруг понадобится тебе зачем-то, вырви два волоска, соедини их концы и скажи: «Савалан, Ганимат». И мы сразу будем к твоим услугам.

Он выходит. Фарида несколько секунд сидит неподвижно.
Потом достает дневник и начинает писать.

Внутренний голос Фарида. Выполнив просьбу мужа, я не разрешила Савалану написать мой портрет. Он ушел навсегда. Мне кажется, вместе с ним навсегда покинули меня мои настоящие друзья, спутники самых дорогих для меня дней юности. Что осталось? Холод и печаль одиночества. Одна...

На улице слышен шум машины. Фарида прячет дневник в ящик. Входит Адалат.
Небольшая сумка, через руку перекинут плащ. Фарида бросается к нему,
обнимает и целует так, словно они не виделись долгие годы.

А д а л а т. Ты так стосковалась?

Ф а р и д а. Хорошо съездил?

А д а л а т. Отлично! (*Указывая на сумку.*) Купил и тебе чудесный подарок. Голубой бриллиант! (*Замечает в пепельнице окурок сигареты, шутливо.*) Это напоминает приключенческий роман. Кто был?

Ф а р и д а. Савалан.

А д а л а т. Художник?

Ф а р и д а (*вдруг со странной рассеянностью*). По-моему, мы оба знаем только художника Савалана.

А д а л а т (*внимательно взглянув на нее*). Конечно... (*Улыбается.*) Ну что, начал он писать портрет?

Ф а р и д а (*так же странно улыбаясь*). Ты ведь не согласился, как же он может начать.

А д а л а т (*понимает, что Фариде было нелегко отказаться, но не подает виду*). Благодарю.

Ф а р и д а (*вдруг с непривычной решимостью*). Я хочу работать, Адалат.

А д а л а т. Как то есть, работать?

Ф а р и д а. По специальности. Я ждала твоего приезда. Завтра пойду в министерство.

А д а л а т (*шутливо*). Разве мы обеднели?

Ф а р и д а (*вопрос ей не нравится*). Неужели дело только в деньгах?

А д а л а т. Тебе скучно?

Ф а р и д а (*резко*). Нет.

А д а л а т (*берет ее за руку, шутливо*). О, мой джейран нервничает.

Ф а р и д а. Не надо. Я же просила не называть меня джейраном.

А д а л а т. Привык. И потом джейран – самое красивое из животных.

Ф а р и д а. Ну и что с того? Я же не животное.

Адалат громко смеется.

А д а л а т. Хорошо. Так почему ты непременно хочешь работать?

Ф а р и д а (*с жаром*). Потому что меня шестнадцать лет учили и сделали инженером. Потому что и мать, и товарищи косо смотрят на меня. Вчера вечером я была на дне рождения у Ганимата...

А д а л а т (*задет, но не подает виду*). Ганимата?

Ф а р и д а. Да, и я вдруг почувствовала себя там чужой. Будто я старая, никому не нужная вещь.

А д а л а т (*удивленно*). А я? Разве я для тебя ничего не значу?

Ф а р и д а. Нельзя жить только для одного человека.

А д а л а т (*шутливо*). А я-то думал, что я для тебя – целый мир.

Ф а р и д а. Конечно, ты для меня целый мир. Но оба мы еще члены общества, в котором живем. (*Улыбается.*) Не забывай, я же инженер. Как молекулы в твердом теле связаны и взаимодействуют друг с другом, так и мы, люди, связаны между собой. (*Короткая пауза.*)

А д а л а т. Зачем ты пошла на день рождения, не предупредив меня об этом?

Ф а р и д а. Но ведь тебя здесь не было.

А д а л а т. Раз не было, значит, не надо было идти. Я знаю, что у тебя к нему ничего нет, да и не может быть. И не настолько я глуп, чтобы ставить себя на одну доску с кем попало... И тем не менее...

Ф а р и д а (*вспыхивая*). Ганимат – не кто попало! И он, и Савалан очень хорошие ребята. Если ты их не знаешь и не можешь оценить...

А д а л а т (*холодно*). Я вижу, что разговор принимает нежелательный оборот. Поэтому поставим здесь точку. (*Шутливо.*) Договоримся, что без ведома мужа ты не будешь ходить ни в какие компании.

Ф а р и д а. Хорошо. Но работать я пойду.

А д а л а т (*твердо*). Нет, Фарида. Ты не пойдешь работать. Сейчас мы в этом не нуждаемся. Что касается косых взглядов твоих товарищей, думаю, это не может служить основанием. Прежде всего ты должна считаться с тем, как смотрю на это я. И вообще, я не сторонник того, чтобы ты встречалась и поддерживала тесные отношения со своими студенческими приятелями.

Ф а р и д а. Почему?

А д а л а т (*резко*). Потому что они люди не нашего круга.

Ф а р и д а. Я же тебе говорю, что они очень милые и хорошие люди.

А д а л а т (*нетерпеливо*). Пойми, Фарида. Ты должна считаться с тем, что некоторые твои поступки могут отразиться на моем авторитете.

Ф а р и д а. Не понимаю. (*Разговаривая как бы сама с собой.*) Я просто в полном недоумении.

А д а л а т. Странно... (*Закуривает сигарету.*)

Ф а р и д а (*словно отвечая на свой же вопрос*). Нет, я непременно должна работать. Иначе мне как-то не по себе, я хочу быть с людьми.

А д а л а т (*не в состоянии скрыть раздражения*). Разве мы не среди людей? Разве ты каждый вечер не бываешь в гостях и на концертах? Разве к нам не приходят знакомые?

Ф а р и д а. Я никогда не чувствую себя свободно в обществе твоих знакомых.

А д а л а т. Но почему же?

Ф а р и д а. Не знаю. Мне кажется, они никогда не говорят искренне. Никогда не говорят то, о чем думают. Я их не чувствую, не понимаю. Будто на них маски. Честное слово, я их боюсь.

А д а л а т (*уже не в состоянии сдерживаться*). Хватит, Фарида. То, что ты говоришь, оскорбляет и меня.

Ф а р и д а. Ничуть. Я говорю только то, что чувствую. Если хочешь знать, я в их присутствии тоже становлюсь какой-то другой. Скрытной, искусственной...

А д а л а т. Кто же тебя заставляет быть такой?

Ф а р и д а. Наверно, общая обстановка, атмосфера. Когда идешь на маскарад, приходится одевать маску. Я говорю какие-то ненатуральные слова, улыбаюсь, поддакиваю.

А д а л а т. Разве в нашем кругу нет настоящей искренности?

Ф а р и д а (*от всей души*). Конечно, нет. (*Короткая пауза.*) Ах, Адалат, если б ты только знал, какое отвращение вызывают во мне улыбки и лесть этих золотозубых подхалимов! Мне кажется, они затаились и только ждут момента, чтобы напасть.

А д а л а т. Ты хочешь сказать, что прямота и искренность встречаются только среди простонародья?

Ф а р и д а (*удивленно*). Простонародья? Разве сейчас существует такое выражение?

А д а л а т (*нервно*). Ну, я имею в виду обыкновенных, простых людей.

Ф а р и д а. Для меня нет простых и непростых людей. Есть злые и есть настоящие – добрые, честные, мужественные люди.

А д а л а т. И это, разумеется, исключительно твои друзья.

Ф а р и д а. Ты зря иронизируешь. Они честны, правдивы, у них есть цель в жизни.

А д а л а т. Может, ты и меня считаешь фальшивым, неизвестно зачем живущим человеком?

Ф а р и д а (*вдруг испугавшись, что это и в самом деле так, в ужасе смотрит на мужа, потом, словно отгоняя от себя эти мысли, говорит взволнованно*). Нет, нет, если бы это было так, я не могла бы полюбить тебя. Я не стала бы твоей женой. Нет, ты не такой человек. Почему ты не гонишь их от себя? Пусть пропадут пропадом и они сами и их драгоценные подарки.

Слышен громкий смех, и Фариде почему-то видится страшное лицо скелетообразного человека. Она в испуге делает шаг назад, и видение скелета исчезает. Фарида в ужасе шепчет, будто разговаривая сама с собой.

Ф а р и д а. Может быть, прямо сейчас пойти по поводу работы? Или позвонить Ганимату, чтобы он поговорил?

А д а л а т (*решительно*). Ты никуда не пойдешь, Фарида.

Ф а р и д а. Что? Я не поступлю на работу?

А д а л а т. Нет! (*Кричит.*) Оставь ты этих ганиматов! Нужно еще доказать, кто лучше: твои друзья или мои.

Ф а р и д а (*в полном недоумении*). Ты действительно не видишь их подлости, Адалат? Действительно не испытываешь ужаса перед этим скелетом, который каждый месяц приходит к тебе за деньгами?

А д а л а т. Прошу тебя не касаться моих дел.

Фарида с недоумением смотрит на него. Телефонный звонок. Адалат нервно хватается трубку. Свет падает на Анжель, находящуюся на другом конце провода.

А д а л а т. Я слушаю.

А н ж е л ь. Я жду тебя.

А д а л а т. Потом.

А н ж е л ь. Я жду тебя сегодня, сейчас, слышишь?

А д а л а т (*беспомощно*). Хорошо.

Кладет трубку. Свет, падающий на Анжель, гаснет.

Ф а р и д а. Что случилось?

А д а л а т. Ничего. Приехал человек из Москвы, хочет со мной повидаться.

Ф а р и д а. А почему ты так побледнел?

А д а л а т (*нервно*). Эти встречи утомляют. (*Выходит.*)

Фарида страшно взволнована, не находит себе места. Звонок в дверь. Фарида открывает. В дверях – скелетообразный человек.

Ф а р и д а (*в ужасе*). Что вам надо?

Человек молчит.

Ф а р и д а. Что вам надо?

Человек молчит.

Ф а р и д а (*кричит*). Вы что, немой?

Ч е л о в е к (*неожиданно бодро*). Да.

Ф а р и д а. Какой же вы немой, если разговариваете?

Ч е л о в е к. Я говорящий немой, ханум.

Ф а р и д а (*испуганно, но с интересом*). Что это значит?

Ч е л о в е к. Смысл этого знают только два человека на свете: я и ваш муж.

Ф а р и д а. А мне нельзя узнать?

Ч е л о в е к. Спросите своего мужа.

Пауза. Фарида уже не боится. Она хочет выяснить хоть что-то. Из соседней комнаты быстро выходит Адалат, наталкивается на нее.

А д а л а т. Кто там?

Ф а р и д а (*тупо*). Мужчина.

А д а л а т. Какой мужчина?

Ф а р и д а. Немой... Скелет. Странно, он разговаривает, а говорит, что немой.

Адалат быстро отгесняет ее и дает человеку деньги. Тот уходит.
Адалат стоит, задумавшись, потом торопливо выходит.

Ф а р и д а (*в неясном страхе*). Что это? Я схожу с ума? (*Изумленно озирается вокруг*.) Словно я первый раз здесь, все чужое, чуждое. Кажется, даже... сам Адалат.

Свет гаснет. А когда зажигается, мы видим квартиру Анжель.
Анжель и Савалан.

А н ж е л ь. Савалан, я уже никого не смогу любить так, как ты хотел бы.

С а в а л а н (*взволнованно*). Но почему?

А н ж е л ь. Потому что меня обманули. Первую мою любовь швырнули под ноги и истоптали. Я теперь не верю в любовь.

С а в а л а н. Если тебя обманули, значит, ты не виновата.

А н ж е л ь. Нет, виновата. Мы, женщины, слишком часто перекладываем всю вину на мужчин. Но это несправедливо. Мы слишком носимся со своими эмоциями, со своей слабостью. Нередко поступаясь самолюбием, честью, а главное – слишком мало мы думаем о судьбе человека, которому предстоит родиться. А ведь мы – матери!

С а в а л а н. Почему за него отвечаете только вы?

А н ж е л ь. Не знаю... Наверно, потому, что мы ближе к ребенку, мы переносим больше мук.

С а в а л а н (*берет ее за руку*). Анжель! Я люблю тебя, Анжель! Если ты так себя казнишь, значит, всю эту историю можно перечеркнуть большим красным крестом.

А н ж е л ь (*качает головой*). Нет, Савалан. Ты чистый и светлый парень, только вступающий в жизнь. У тебя есть идеалы. Мне нравится, что ты и твои друзья ненавидите духовную нищету, двуличие, безнравственность. Честно тебе скажу: ты мне и просто нравишься, я восхищаюсь твоим талантом. Но именно поэтому я не выйду за тебя замуж.

С а в а л а н. Странная логика. (*Сильно волнуясь*.) Мы начнем совсем новую жизнь! Поверь, настоящие чувства вернуться к тебе.

А н ж е л ь. Может быть... Но у меня есть куда более важная забота, чем какая-то Анжель...

С а в а л а н. Какая это забота, можно узнать?

Анжель качает головой.

С а в а л а н. Эх, Анжель, мне кажется, что ты совершаешь еще одну ошибку.

А н ж е л ь. Нет, я больше не ошибусь. (*Подходит, целует его*.) Теперь уходи, Савалан. (*Смотрит на часы*.) Сейчас сюда придет человек, с которым у меня важный разговор.

С а в а л а н (*печально*). Мы больше не встретимся?

А н ж е л ь. Почему же не встретимся? (*С ласковой улыбкой*.) Мы навсегда останемся друзьями. Передай привет Ганимату.

С а в а л а н (*очень печально*). Анжель...

А н ж е л ь (*с ласковой улыбкой берет его за руку*). Мой дорогой, скоро все пройдет. Ты женишься на молодой и красивой девушке. И когда-нибудь, встретив на улице старую Анжель, в душе посмеешься над тем, что когда-то был в нее влюблен.

С а в а л а н (*возмущенно*). Никогда! И потом, что за нелепость: ты постареешь, а мы останемся молодыми?..

А н ж е л ь. Уже «мы». (*Смеется*.) Значит, женишься. (*Глубоко вздыхает*.) Будь здоров, мой художник. Я всегда с волнением в сердце буду следить за твоей работой.

С а в а л а н (*печально*). Пока, Анжель.

А н ж е л ь. Пока, Савалан. (*Савалан уходит. Анжель смотрит ему вслед и говорит сама с собой.*) Нет, Савалан, я не отказываюсь от себя, от своего счастья. Только отныне я буду жить для своего сына. Я постараюсь вырастить его таким же честным и мужественным, как ты. (*С гневной решимостью.*) И я этого добьюсь.

Звонок в дверь. Анжель открывает. Входит Адалат.

А д а л а т. Художник вышел сейчас от тебя?

А н ж е л ь. Да. А что?

А д а л а т. Так просто.

А н ж е л ь. Почему ты не спрашиваешь, зачем он приходил?

А д а л а т. А чего мне спрашивать? Разве я не знаю, зачем приходят к таким женщинам, как ты?

А н ж е л ь. Хорошо. Так когда ты дашь ребенку свое имя?

А д а л а т. Это невозможно, Анжель.

А н ж е л ь. Почему?

А д а л а т. Ты разрушишь мою семейную жизнь. Если Фарида узнает эту историю...

А н ж е л ь (*спокойно*). До сих пор я ни слова не сказала ей об этом. Она не знает даже, что у меня ребенок. Я и дальше буду молчать.

А д а л а т. Если ребенок будет записан на мое имя, это невозможно будет скрыть.

А н ж е л ь (*терпеливо*). Фарида никогда меня больше не увидит.

А д а л а т. Дело не только в том, увидит или нет...

А н ж е л ь (*внимательно смотрит на него*). А в чем? Я до сих пор не говорила с тобой об алиментах и никогда не буду говорить.

А д а л а т (*с мольбой*). Анжель, пусть у него останется твоя фамилия.

А н ж е л ь (*терпеливо*). Разве в будущем он не спросит меня, кто его отец?

А д а л а т. Будущее еще далеко, о нем мы подумаем позднее.

А н ж е л ь. А что мне отвечать ему сейчас?

А д а л а т. Что-нибудь придумай.

А н ж е л ь. Лишь бы твое имя не упоминалось. Не так ли?

А д а л а т. Ты же сама все понимаешь, Анжель. Семья, должность... Ведь все знают меня как честного человека.

А н ж е л ь. Тем более. Люди убедятся, что ты, как и подобает честному человеку, выполняешь свой долг.

А д а л а т. Анжель, возьми ребенка и снова уезжай в Москву. Я буду посылать тебе столько, сколько ты скажешь.

А н ж е л ь (*иронически*). Твоей зарплаты едва хватает на собственную семью. Откуда же ты возьмешь деньги – да еще столько, сколько я скажу?

А д а л а т. А вот это тебя не касается.

А н ж е л ь. Нет, касается! Ты говоришь, что ты честный человек. Честные люди живут на деньги, которые они получают, расписавшись в платежной ведомости.

А д а л а т. Какой я человек, знают все. А я вот не знаю, я ли отец твоего ребенка. Я в это не верю.

А н ж е л ь. Почему?

А д а л а т. Кроме меня, у тебя были и другие.

А н ж е л ь. Но ты ведь знаешь, что, когда мы познакомились, я была совсем девочка. Мне и восемнадцати не исполнилось.

А д а л а т. Я ничего не знаю, и ты не сможешь ничего доказать.

А н ж е л ь. Ты это говоришь, потому что нервничаешь, или ты в самом деле так думаешь?

А д а л а т. Раз ты не желаешь слушать добрых советов, не хочешь войти в мое положение, я вправе думать, что угодно.

А н ж е л ь. Но в действительности ты понимаешь, что ты его отец?

А д а л а т. Если будет нужно, откажусь, и все мне поверят.

А н ж е л ь. Здесь нет никого, только ты и я. Пожалуйста, ответь мне честно и прямо на один вопрос.

А д а л а т. Хорошо.

А н ж е л ь. Когда мы в последний раз встретились в Москве, ты видел, что сын похож на тебя, видел, какой это чудный ребенок.

А д а л а т. Дальше?

А н ж е л ь. Есть у тебя хоть малейшее отцовское чувство к нему?

А д а л а т *(без колебаний)*. Нет.

А н ж е л ь. Совсем?

А д а л а т. Совсем.

А н ж е л ь. И за эти три года ты ни разу не вспомнил о нем?

А д а л а т. Нет.

А н ж е л ь *(берет нож, лежащий возле вазы с яблоками)*. Я поклялась, если ты не согласишься записать ребенка на себя, воткнуть этот нож тебе в сердце. Но после этого признания твоя жизнь и смерть не нужны ни мне, ни моему сыну. *(Бросает нож на пол.)* Уходи.

А д а л а т. Может, нужна какая-нибудь помощь...

А н ж е л ь. Уходи.

А д а л а т. Может быть, немного денег?

А н ж е л ь *(кричит)*. Убирайся вон!

Адалат выходит. Слышен шум отъезжающей машины. Анжель закуривает сигарету. Глубоко затягивается. Потом уходит в соседнюю комнату. Какое-то время сцена пуста. Звонок в дверь. Анжель проходит по сцене и открывает дверь. Входит Фарид. Она

напряжена до предела. Анжель делает усилие, чтобы взять себя в руки.

А н ж е л ь. Что случилось?

Ф а р и д а. Ничего.

А н ж е л ь. А все же?

Ф а р и д а. Я пришла поговорить с тобой, Анжель.

А н ж е л ь. О чем?

Ф а р и д а. О себе.

А н ж е л ь *(улыбается)*. Разговор о такой счастливой женщине, как ты, должен быть очень интересным.

Ф а р и д а. Нет, Анжель. Для моего счастья чего-то не хватает.

А н ж е л ь *(затягиваясь)*. Чего же, по-твоему, не хватает?

Ф а р и д а. Не знаю. *(Короткая пауза.)* Анжель, ты опытнее меня, бывала во многих странах, встречалась с разными людьми. Поэтому я хочу с тобой посоветоваться.

А н ж е л ь. Я слушаю тебя, Фарид.

Ф а р и д а *(с трудом)*. Ты знаешь, что я очень люблю своего мужа.

А н ж е л ь. Чувствую.

Ф а р и д а. Но у него стали проявляться такие черты характера, которые очень меня тревожат.

А н ж е л ь. Например?

Ф а р и д а. Например, Савалан хотел написать мой портрет, а он запретил.

А н ж е л ь. И ты уступила?

Ф а р и д а. Да... Потом он очень рассердился, узнав, что я пошла тогда поздравить Ганимата. Он категорически возражает, чтобы я встречалась с ним. Теперь я оторвана от всех старых друзей, от привычной для меня жизни. Сижусь, как птица в золотой клетке. Но хуже всего то, что он не разрешает мне поступить на работу. Говорит, мы в этом не нуждаемся.

А н ж е л ь *(улыбается)*. Он говорит правду. Семья, которая ежедневно получает такие подарки...

Ф а р и д а *(с жаром)*. Но почему нам каждый день должны приносить такие дорогие подарки? И откуда берут деньги те, кто их приносит?

А н ж е л ь *(с нажимом)*. Тебя это не касается. Твой долг – хорошо одеваться, хорошо есть и удовлетворять страсти твоего любимого мужа.

Ф а р и д а *(возмущенно)*. Анжель!

А н ж е л ь. В чем дело, ты же его любишь!

Ф а р и д а. И что? Разве, чтобы любить, надо отгородиться от жизни, стать рабом?

А н ж е л ь *(говоря как бы сама с собой)*. Трагедия в том, что мы слишком поздно понимаем свои заблуждения.

Ф а р и д а *(взволнованно)*. Анжель, я пришла к тебе за советом и утешением.

А н ж е л ь. Боюсь, Фарид, что мой совет будет трудным для тебя.

Ф а р и д а. Почему?

А н ж е л ь. Потому что я скажу для начала, что твой муж – искусный аферист.

Ф а р и д а (*кричит*). Кто дал тебе право так о нем говорить?

А н ж е л ь (*хладнокровно*). Есть у меня такое право. Иначе я не говорила бы.

Ф а р и д а. Ложь. Он честный человек.

А н ж е л ь. Тс-с. Тихо. Хочешь сигарету?

Ф а р и д а. Не хочу.

Анжель берет ее за руку и ведет в соседнюю комнату.

Г о л о с А н ж е л ь. Ну, как мальчик?

Г о л о с Ф а р и д ы (*сердитый*). Очень красивый. Чей это сын?

Г о л о с А н ж е л ь. Мой.

Г о л о с Ф а р и д ы. Почему же ты до сих пор ничего о нем не говорила?

Г о л о с А н ж е л ь. Причину ты узнаешь немного позже. Присмотрись к его глазам, лбу, подбородку. (*Короткая пауза.*) На кого он похож?

Г о л о с Ф а р и д ы (*испуганный и взволнованный*). Не может быть!

Г о л о с А н ж е л ь (*властный*). На кого он похож?

Фарида, закрыв лицо руками, выходит на сцену. Анжель следует за ней.

Ф а р и д а. Не может быть! (*Короткая пауза. Анжель закуривает. Фарида говорит из последних сил.*) Почему ты скрывала это от меня, Анжель?

А н ж е л ь. Ты любила своего мужа. Ты находилась на седьмом небе. И если бы он сейчас в моем присутствии признал своего ребенка и согласился дать ему свою фамилию, я тебе так ничего и не сказала бы. Но этот человек отрекся от родного сына. А ты еще пришла просить у меня совета...

Фарида неожиданно находит в себе силы и, твердо шагая, выходит из комнаты. Анжель достает сигарету, закуривает. Останавливается у телефона, берет трубку.

А н ж е л ь. Алло, попросите, пожалуйста, к телефону вашего соседа Савалана. (*Короткая пауза.*) Алло, Савалан. Я не знаю, какой номер телефона у матери Фарида. Сразу позвони ей, пусть зайдет к Фариде... Ничего не случилось. Просто Фарида очень нервничает... Объясню потом. Было бы неплохо, если бы и ты пошел к ней. Только поторопитесь. (*Вешает трубку.*)

Выбегает из комнаты. Свет гаснет и зажигается снова. Фарида в своей комнате сжигает дневники. Входят Говхар, Адалат, затем Ганимат и Савалан. Адалат хочет уйти в другую комнату, но сталкивается со скелетообразным человеком. Фарида берет чемодан и вместе с матерью неторопливо идет к выходу. Ганимат и Савалан долго смотрят ей вслед. Вбегает взволнованная Анжель. Останавливается рядом с ними. Медленно выходит на авансцену и обращается к залу.

А н ж е л ь. Не подумайте, что я сделала это, чтобы отомстить Адалату! Нет! Для нас с сыном он просто не существует. Но есть Фарида – умная и хорошая женщина. И я не могла допустить, чтобы еще один человек стал жертвой этого ничтожества.

Звучит песня Анжель. Занавес опускается.

Песня остается в горах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИДЖАТ	– ОХОТНИК.
ГАСАНАЛИ	– ЕГО ОТЕЦ.
БЕЮК-БЕК	
ШАХНАЗ	– СЕСТРА БЕКА.
ФАХРАНДА	– ЖЕНА БЕКА.
ГАЧАГ БАХАДУР	
ГЮЛЬГЕЗ	– СЛУЖАНКА.
БАЙРАМ-БЕК	
АДЪЮТАНТ	
ГУДРАТ	
ПЕРВЫЙ ГАЧАГ	
ВТОРОЙ ГАЧАГ	
ТРЕТИЙ ГАЧАГ	
ЧЕТВЕРТЫЙ ГАЧАГ	
ПЯТЫЙ ГАЧАГ	
КОМАНДИР	
РАХМАН	
КАРАУЛЬНЫЙ	

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Поле скачек в Шуше. Скала Сокровищ. В стороне – лес Топханэ.
Слышится песня вековой давности.

Карабах, ты рай земной,
Прозван ангельской страной.
Как мне ангела прославить
Этой песенкой простой?

Гюльгез выбегает из пещеры Меликшахназара и оглядывается. Вдруг, обернувшись, негромко восклицает: «Идет! Идет!» К ней подбегает Шахназ. Приближается Ниджат. На одном плече охотничье ружье, на другом – сумка с подбитой дичью. Он красив и молод, ему лет двадцать пять.

Шахназ. Почему ты опоздал, охотник?
Гюльгез. А я-то, бедная, третий раз прибегаю!
Ниджат. Дичь попряталась. Утром в лесу такой туман стоял, хоть глаз выколи.
Шахназ. Надо было вернуться.
Гюльгез. Как так вернуться! Беюкбек не станет есть плов без фазанов.
Ниджат (*кивая на Шахназ, с улыбкой*). А сестрица бека тоже любит фазанов!
Шахназ (*шутливо*). Я люблю фазанов за красоту. На солнце каждое перышко по-своему переливается. А глаза у них, как яхонты. (*Служанке*.) Гюльгез, повар приказал тебе нарвать чебреца для бастурмы.

Гюльгез. Да, да, бегу!

Убегает. Шахназ смеется, потом обнимает парня, целует его.

Шахназ. Теперь скажи, где ты пропадал целых пять дней?
Ниджат. В Баку ездил.
Шахназ. Зачем?
Ниджат. Просто так. Там у меня дружок живет. К нему ездил.
Шахназ. А кто твой друг?
Ниджат. На промысле работает. Прoshлый раз познакомился, когда возил дичь на продажу.
Шахназ. Я так соскучилась по тебе. (*Берет его за руку*.)
Ниджат. Не надо...
Шахназ. Трусишь?
Ниджат. Нет, не трушу. Не научился трусить в горах. Да тебе не ладно. Скажут, бекская дочь...

Шахназ (*зажимает ему рот рукой*). Пусть говорят. Я тоже ничего не боюсь. Знаешь, о чем я думаю? Вчера прочла один роман. Там описывается, как юноша ночью тайком проник в сад, приставил лестницу садовника к окну и забрался в комнату любимой женщины.

Ниджат. А потом?

Шахназ (*озлившись*). А потом суп с котом!

Ниджат (*смеется*). Понял! Сварим кота, а потом?

Шахназ. Опять потом? (*Развязно*.) Потом сбежим.

Ниджат. Куда?

Шахназ. Куда захотим. На тот берег Аракса. В Тавризе у меня есть двоюродные братья.

Ниджат. А они не спросят, почему ты убежала со мной?

Шахназ (*шутливо*). Скажу, что я помираю без этого охотника. Не могу без него жить. Скажу, что не он меня, а я его соблазнила.

Ниджат. Смеешься?

Шахназ (*качает головой*). О, нет!

Ниджат. А если они спросят, чей он, этот парень?

Шахназ. Скажу, что это сын Гасанали-бека.

Ниджат. А какого Гасанали-бека?

Шахназ. Твоего отца Гасанали.

Н и д ж а т. Да разве мой отец бек?
Ш а х н а з. Мы им так скажем. Не поедут же они проверять.
Н и д ж а т (*с досадой*). Нет, на это я не пойду. Ну какой из меня бекский сын? Да и от родного отца отказываться я не стану.
Ш а х н а з. Но я не могу без тебя жить. Не могу.
Г о л о с Г ю л ь г е з. Ханум, еще нужен чебрец?
Ш а х н а з. Да, еще немного. (*Ниджату*.) Если б ты не был так дорог мне, разве пришла б я сюда средь бела дня?
Н и д ж а т (*все еще хмуро*). Можешь не приходиться.
Ш а х н а з (*шутливо*). Злюка! Буду приходиться! (*Ниджат слегка улыбается, девушка целует его*.)
Гордый охотник, жестокий охотник! (*Поет*.)

Охотник, не стреляй в меня,
Я украшение этих гор.
И так уж сердце – сноп огня,
Я – утешенье этих гор...

Ты любишь меня? (*Ниджат кивает*.) Чем кивать тяжелой башкой, пошевелил бы крошечным язычком! Не можешь?

Н и д ж а т (*ласково, с улыбкой*). Люблю!
Ш а х н а з. Тогда выкради меня и уходи со мной. Далеко-далеко. В незнакомый город. Купим себе домик с бассейном и цветником во дворе. Как в сказках Шахразады. И никто не узнает, кто мы, откуда...

Н и д ж а т. А что потом станем делать?
Ш а х н а з. Потом будем любить друг друга, сколько захотим.
Н и д ж а т. А работать не будем?
Ш а х н а з. Какая работа? Мы же не рабочими туда поедим!
Н и д ж а т. А на что жить?
Ш а х н а з. Ну, об этом не тревожься. Все бриллианты, все золото моей матери остались мне. Возьмем их! Этого не только нам хватит, еще и нашим детям. (*Смеется*.)

Н и д ж а т. Но я же мужчина. Мужчина не может с утра до вечера сидеть и жену оглаживать.
Ш а х н а з (*вспыхнув*). Я не лошадь, чтобы меня оглаживать.
Н и д ж а т. Это я к слову... Лучше, если я овладею там каким-нибудь делом, ремеслом.
Ш а х н а з (*удивленно*). Каким ремеслом?
Н и д ж а т. Ну, хоть бы кузнечным.
Ш а х н а з (*с чувством*). Дурачок! Муж Шахназ-ханум станет кузнецом!
Н и д ж а т (*хмуро*). Ну и что? Разве я не сын лесоруба?
Ш а х н а з (*берет его за руку*). Ладно, ладно, не сердись. Что, я не знала, чей ты сын? (*Ниджат достаёт пестрый кисет и сворачивает из обрывка газеты самокрутку*.) Чем ты хуже бекских детей? Кто еще может стрелять так метко, как ты? Кто может скакать вниз головой, как ты? Будешь и там охотиться. А я буду тебя ждать с охоты и готовить плов с куропатками. Сама буду готовить. Повара держать не будем, хватит одной прислуги. Потом выйду в сад и в цветнике...

Н и д ж а т. Полно тебе! Что за сказки!
Ш а х н а з. Да почему сказки? Все зависит от нас... Как мне нравится запах твоего табака!
Н и д ж а т (*с улыбкой*). Не ври! Бекской дочери, привыкшей к аромату дорогих папирос, не может нравиться запах горького самосада.

Ш а х н а з. Может! Понял? Потому что куришь его ты!
Г о л о с Г ю л ь г е з. Ханум, чебреца на поле больше не осталось. Что теперь собирать?
Ш а х н а з (*хохочет*). Теперь собирай мяту. (*Ниджату*.) Бежим?
Н и д ж а т (*колеблясь*). Ты подумай еще немного...
Ш а х н а з. Некогда думать. Чтобы моя доля имения не досталась постороннему, жена моего брата, Фахранда-ханум, хочет, чтобы меня выдали за ее племянника Юнисбека.

Н и д ж а т. И не жаль выдавать такую девушку за этого хлыща?
Ш а х н а з. Он так красив, что можно подумать, будто это переодетая девчонка.
Н и д ж а т. Он тебе нравится?
Ш а х н а з (*озорно и печально*). Мне нравится жестокий охотник, попадающий джейрану прямо в глаз. Так бежим или нет?

Н и д ж а т. Умоляю тебя, скажи правду, ты это серьезно решила?
Ш а х н а з. Конечно!
Н и д ж а т. Не забывай, что расстаться с родней не так легко
Ш а х н а з. Больше всех мне дорог мой брат Бейюкбек. Я часто буду писать ему, но не открою – откуда идут письма.
Н и д ж а т (*в глубоком раздумье*). Достаточно одного твоего слова, чтобы я на смерть пошел. Только еще раз скажу: подумай, как следует. Ты господская дочь, сестра Бейюкбека, а я...
Ш а х н а з (*зажимает ему рот рукой*). Хватит! Я твоя возлюбленная, а ты мое сердце. Понятно? Надо бежать в Иран. Я знаю и французский, и фарсидский. Буду твоим толмачом.
Н и д ж а т (*со вздохом*). Я тоже очень хотел учиться. Бедность одолела, только четыре класса окончил.
Ш а х н а з. Ничего, ты знаешь русский. А там я обучу тебя фарсидскому. Мы убежим далеко, в Тавриз, в Исфаган. Туда, где жили герои Шахразады. Хочешь?
Н и д ж а т. Нет.
Ш а х н а з. Почему?
Н и д ж а т. Поедем в Баку.
Ш а х н а з. Почему в Баку? Там жара, пыль, мазут...
Н и д ж а т. Зато в Баку живут хорошие люди. Издаются газеты и журналы. Рабочие часто выходят на улицы, говорят про царя все, что хотят, облегчают душу. Там интересно жить!
Ш а х н а з (*шутливо*). То-то я смотрю, ты в Баку повадился, Значит, и у тебя на душе неспокойно?
Н и д ж а т. Эх, ханум...
Ш а х н а з. Ну хорошо, коль на то пошло, я и на Баку согласна. Вези меня, куда хочешь.
Н и д ж а т (*серьезно*). Это твое последнее слово?
Ш а х н а з. Последнее!

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Имение Бейюк-бека. Шахназ на пороге своей комнаты сталкивается с Бейюк-беком. Это человек лет сорока, одетый со вкусом, по-европейски. Хорош собой, держится и разговаривает властно, но учтиво. На лице всегда выражение бодрости.

Б е ю к - б е к (*берет Шахназ за руку*). Как здоровье милой сестренки?
Ш а х н а з. Слава Богу, братец. Вечером было столько гостей – я и спросить не могла, как ты съездил в Петербург?..
Б е ю к - б е к. Поездка была не из приятных. Петербург кипит, как котел. Вот-вот взорвется.
Ш а х н а з. А что же думает государь?
Б е ю к - б е к. А кто его знает? Серьезных мер не видно. Боюсь, что когти двуглавого орла притупились. Здесь Бонапарт нужен, его смелость, его беспощадность. А царь арестовывает закоренелых бунтовщиков и... высылает их на три года! (*Глубоко вздыхает.*) Трон качается, сестра. У нас в Баку тоже неспокойно.
Ш а х н а з. В Баку?
Б е ю к - б е к. Да... Ты что, не читаешь газет! И там демонстрации, забастовки. Промышленники вынуждены без конца уступать. (*Закуривает.*) Ну ладно, Бог с ней, с политикой, лучше скажи, что нам ответить...
Ш а х н а з. Кому? О чем?
Б е ю к - б е к. Что ответить сватам Юнис-бека?
Ш а х н а з. Я еще не решила.
Б е ю к - б е к. По-моему, Юнис-бек приятный юноша. Ты знаешь, конечно, что его отец – один из самых уважаемых людей в Карабахе. Его дед Джафаркулихан – историческая личность.
Ш а х н а з. Я знаю, что Юнис-бек – славный юноша. Но, если ты разрешишь, я еще немного подумаю.
Б е ю к - б е к (*улыбается*). Ну что ж, подумай. Лишь бы конец был хорошим. Фахранда-ханум очень хочет, чтобы ты вышла за Юнисбека.
Ш а х н а з. Чувствую!

Входит Фахранда, красавица лет тридцати пяти. Видимо, интеллигентна, но держится надменно.

Шахназ. С вашего разрешения, я пойду.
Беюк-бек. Ступай. Думай спокойно, серьезно.

Шахназ уходит.

Фахранда. И что же?

Беюк-бек. Хочет еще немного подумать.

Фахранда. Пусть подумает. Но я слышала престранную вещь.

Беюк-бек. Какую?

Фахранда. Говорят, Шахназ часто встречается с нашим охотником, часами разговаривает с ним.

Беюк-бек. Кто это говорит?

Фахранда. Сын хлебопека!

Беюк-бек (*ошеломлен*). Сын хлебопека! Да как он вообще осмеливается упоминать имя моей сестры?

Фахранда. Он говорил своей матери, а она шепнула мне. Знаешь, как это бывает у женщин...

Беюк-бек. Что за вздор! Шахназ интеллигентная, общительная девушка. Она благожелательна со всеми – даже с сыном дровосека.

Фахранда. Охотник – красивый парень!

Беюк-бек. Ну и что?

Фахранда. Он может понравиться любой девушке.

Беюк-бек (*зло смеется*). То есть, внучка Бахманмирзы, сестра Беюкбека настолько потеряла голову, что влюбилась в какого-то хама?

Фахранда. Ты плохо знаешь женщин, Беюк. Уверяю тебя, что любая женщина, если б она не боялась Бога, мужа, отца или брата, или самой себя, наконец, не отказалась бы от такого парня, как Ниджат.

Беюк-бек. Что ты такое говоришь, Фахранда-ханум! Да ведь ты тоже женщина! Твое «не отказалась бы» звучит просто непристойно, прости меня.

Фахранда. Нет уж, это ты меня прости. Вы, мужчины, так и не научились понимать женскую душу. Толкуете об эмансипации, но не хотите считаться с тем, что женщина – это прежде всего клубок страстей. Страстей, а не принципов. Говорю тебе, когда она видит этого охотника, у нее загораются глаза. Что поделаешь, у девушек, выросших в роскоши, порой вспыхивает жгучий интерес к молодым людям из низов.

Беюк-бек. Да сохранит нас господь от такого «интереса», тем более «жгучего»...

Фахранда. Восемнадцать лет – самый опасный, самый страшный для девушки возраст. Надо поскорее выдать ее замуж.

Беюк-бек (*подавлен*). Боюсь, что так.

Фахранда. Юнисбек искренне увлечен ею. А какой он красавец ты и сам, слава Богу, видишь. Наши карабахские девчонки по нем сохнут, с ума сходят. Я просто поражаюсь, почему Шахназ равнодушна к нему. Оттого и подозрения мои растут.

Беюк-бек. Видно, не настало еще время для той эмансипации, о которой ты вспомнила.

Фахранда. Пословица не зря говорит, что если дать девчонке волю, она или за зурначу выйдет, или за кондитера. Утром приходил сборщик подати.

Беюк-бек. А он что говорил?

Фахранда. Кое-кто в деревне, в том числе отец этого охотника, Гасанали, отказывается платить оброк.

Беюк-бек. Почему же?

Фахранда. Говорят, неурожай.

Беюк-бек (*сердито*). Неурожай! Для нас ведь тоже неурожай! Почуяли запах паленого! Вот он, отголосок российских смут и до нас докатился. Я ждал этого!

Фахранда. Нет, это не только из России идет! У нас своих смутьянов довольно, таких, как Сабир, как Мирза Джалил. Они сбивают сельчан с толку, они подстрекают их против нас. А вы, интеллигенты, воды в рот набрали и молчите...

Б е ю к - б е к. Знаешь, Фахранда-ханум, и покойный Мирза Алекпер, и Джалил Мамедкулизаде – это люди, которые делают нам честь.

Ф а х р а н д а. Честь?!

Б е ю к - б е к. Да, если б они жили в Европе, их портреты красовались бы в золотых рамах.

Ф а х р а н д а. За то, что насмеются над дворянством, над духовенством?

Б е ю к - б е к. За то, что они способствуют прогрессу нации. Я и сам отнюдь не сторонник невежества, темноты, скаредности. Я горжусь лучшими сынами своего народа. Когда в Париже карабахские всадники участвовали в скачках, народ не мог оторваться от ослепительного зрелища. Француженки забрасывали их цветами. Подумай, ведь это Париж, центр утонченного вольнодумства! Однако и то правда, что народ никогда не будет доволен. Сколько ни делай поблажек мужику, все ему мало.

Ф а х р а н д а. О том и речь!

Г ю л ь г е з (*входит*). Ханум, чай готов.

Б е ю к - б е к. Пойдем.

Берет Фахранду под руку, проходят в столовую. Гюльгез долгим взглядом провожает их. Выходит на авансцену. Свет освещает теперь только ее лицо, глаза, обращенные к зрителю.

Г ю л ь г е з. Клянусь Богом, и на моей улице будет праздник! Как-никак, а в детстве я часто садилась на осла. Но ведь говорят, если девчонка ездит на осле, ей повезет! И повезет! Вот увидите! А чем я нехороша? (*Смотрится в зеркало.*) Глаза, брови... И ростом удалась... Все на месте. Вот только смугла больно! Но это пройдет. Бабушка говорила, что черный кишмиш прячут в карман, а белый айран выливают собакам. (*Напевает и пляшет.*)

Загорела я, смугла,
Что за дело? Пусть смугла!
Буду дерзкой, буду смелой...
Кто не взял, а я взяла!

Свет гаснет и вновь зажигается. Та же комната. Ночь. Тишина. Где-то кукует кукушка. Стенные часы бьют три раза. Входит Шахназ в дорожном платье, за ней Гюльгез с чемоданом. Шахназ знаком приказывает ей остановиться. Войдя в соседнюю комнату, возвращается с глубокой тарелкой.

Ш а х н а з (*шепотом*). Открой окно, брось эти котлеты собакам, чтобы не лаяли.

Г ю л ь г е з (*беря тарелку*). Ханум, это для завтрашних гостей.

Ш а х н а з. Бросай!

Гюльгез швыряет котлеты за окно. В саду шелестят кусты, слышится возня.
Видно, собаки набросились на мясо.

Ш а х н а з. Пошли!

На лице Гюльгез жалобная гримаса, вдруг она начинает плакать.

Ш а х н а з. Что с тобой?

Г ю л ь г е з. Как я тут останусь без тебя, ханум?

Ш а х н а з. Ну будет, будет, ты же не ребенок...

Г ю л ь г е з. Возьмите и меня с собой!

Ш а х н а з. Мы поедем, потом и тебя вызовем.

Г ю л ь г е з. А как?

Ш а х н а з. Пошлем за тобой верного человека.

Г ю л ь г е з. Не обманываешь, ханум?

Ш а х н а з. Нет, нет. Мне и самой будет скучно без тебя.

Гюльгез снова плачет.

Ш а х н а з. Замолчи! Разбудишь всех...

Выходит. Тишина. Слышен только бой часов, да опять вдалеке кукует кукушка.
Медленно входит Гюльгез.

Г ю л ь г е з (*зрителям*). Ханум уехала!.. Я теперь одна в этом огромном доме. С кем поделюсь? С кем я словом перемолвлюсь? Что хуже одиночества?

Плачет. Вдруг открывается дверь, входит Фахранда в ночном халате.
Удивлена.

Ф а х р а н д а. Что с тобой, девка? Почему ты плачешь?

Г ю л ь г е з. Да упокоит Аллах ваших умерших, ханум, я вспомнила свою бабушку. Она так любила меня!

Ревет в голос.

Ф а х р а н д а. Дура! Нашла время вспоминать бабушку!

Г ю л ь г е з. Ханум, да буду я твоей жертвой, какая разница для служанки – день или ночь?

Ф а х р а н д а. А для чего это ты оделась?

Г ю л ь г е з. Сон как рукой сняло...

Фахранда проходит в соседнюю комнату.

Г ю л ь г е з. Что с тобой сейчас будет, Гюльгез! Что будет! Может, убежать?

Ф а х р а н д а (*возвращаясь*). А где Шахназ-ханум?

Г ю л ь г е з. В своей комнате...

Ф а х р а н д а. Ее там нет.

Г ю л ь г е з. Да что вы! А где же она?

Ф а х р а н д а (*пристально глядя на девушку*). Поищи!

Г ю л ь г е з. Слушаюсь! (*Убегает.*)

Ф а х р а н д а. Странно.

Открывает окно в сад, залитый лунным светом, ждет.
Вбегает запыхавшаяся Гюльгез.

Г ю л ь г е з. Ее нигде нет, ханум.

Ф а х р а н д а. Куда же она подевалась?

Г ю л ь г е з. Просто поразительно, ханум. Куда она могла пойти в такое время?

Ф а х р а н д а (*смотрит на нее, подходит, становится перед ней*). Не прикидывайся лисой, говори, куда ушла Шахназ?

Г ю л ь г е з. Клянусь родной бабушкой, не знаю, ханум!

Ф а х р а н д а (*хватает ее за волосы*). Ты все знаешь, негодяйка!

Таскает ее за волосы.

Г ю л ь г е з (*кричит*). Не знаю, ханум! Ой, не знаю!

Ф а х р а н д а. Скажешь или нет? (*Дерет за волосы.*) Скажешь или нет?

Г ю л ь г е з (*кричит*). Ой, ханум, умоляю, не так сильно...

Входит Беюк-бек.

Б е ю к - б е к. Что случилось, Фахранда-ханум?

Ф а х р а н д а. Шахназ исчезла!

Б е ю к - б е к. Как исчезла?

Ф а х р а н д а. Спроси эту мерзавку!

Г ю л ь г е з (*решительно*). Я не знаю.

Б е ю к - б е к. Может, она спустилась в сад?

Ф а х р а н д а. Ее нигде нет.

Б е ю к - б е к (*подходит к служанке*). Почему ты скрываешь от нас, где Шахназ? Ты хорошая девушка и ни в чем не виновата. (*Гюльгез гордо смотрит на бека и молчит.*) Понимаю, ты любишь Шахназ и не хочешь выдавать ее. Но не забывай, что мы ее родные. Мы должны знать, что с ней случилось.

Ф а х р а н д а. Позови слуг, пусть подвесьт ее за волосы.

Б е ю к - б е к. Не нужно, Фахранда-ханум, она сама скажет. (*Гюльгез.*) Ну, скорее. Я жду.

Г ю л ь г е з. Я ничего не знаю, ага!
Ф а х р а н д а. Не знаешь? (*Бьет Гюльгез по лицу.*)
Б е ю к - б е к (*морщится.*) Пстой же, Фахранда-ханум!
Ф а х р а н д а. Я знала, что так и будет. Не теряй времени. Девчонка убежала с охотником.

Пауза. Бейюкбек, придя в себя, пинком ноги распахивает дверь.

Б е ю к - б е к. Гудрат! Гудрат!
Г у д р а т. Слушаю, ага!
Б е ю к - б е к. Скорее разбуди слуг, кто помоложе, пусть седлают лошадей! И моего коня оседлайте! Скорее! И ружья возьмите!

Свет гаснет. Вновь зажигается. Та же комната. Бейюкбек и Шахназ
в дорожном платье.

Б е ю к - б е к (*стараясь унять гнев*). Воспитание не позволяет мне поднять на тебя руку. Слава Богу, что я настиг вас в дороге. Если б ты положила голову на одну подушку с этим холопом, мужиком, я зарезал бы вас обоих.

Ш а х н а з (*простоудушно*). Он не мужик, брат мой, он охотник.

Б е ю к - б е к (*смотрит на нее с жалостью*). Господи, какое ты еще дитя! Поверь мне, что твоя любовь – это болезнь, молодая горячка, наваждение. Ты не можешь любить его!

Ш а х н а з. Почему?

Б е ю к - б е к. Потому что ты ханская дочь, а он – сын дровосека. Рано или поздно это дало бы себя знать.

Ш а х н а з. А когда ты вернулся из Франции, ты часами рассказывал мне о свободе, о равенстве людей, о братстве...

Б е ю к - б е к. Равенству учил и наш пророк. Но речь шла о равенстве перед Богом. Пророк не отрицал, что господин есть господин, а холоп есть холоп. Невежественные должны подчиняться просвещенным. Слабые – сильным. Разве это непонятно? (*Резко.*) А сейчас можешь идти!

Шахназ медленно выходит.
Бейюк-бек в замешательстве смотрит ей вслед.

Б е ю к - б е к. Гудрат!
Г у д р а т (*входит*). Чего изволите, ага?
Б е ю к - б е к. Где этот парень?
Г у д р а т. В подвале.
Б е ю к - б е к. Следить за ним в оба. Русский начальник в отлучке. Как вернется, я упеку этого негодяя в тюрьму, и он оттуда не скоро выйдет.
Г у д р а т. Хотите, мы сами...
Б е ю к - б е к. Нет, нет! Делай так, как я велю.
Г у д р а т. Слушаюсь!

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же комната. Бейюк-бек ходит в задумчивости из угла в угол.
Входит Гудрат.

Г у д р а т. Бек, вас хочет видеть Гасанали-киши, отец Ниджата.
Б е ю к - б е к. Что ему надо?
Г у д р а т. Не знаю. Наверное, просить за сына пришел.

Пауза. Бек прохаживается.

Б е ю к - б е к. Пусть войдет!
Г у д р а т. Слушаюсь!

Через минуту входит Гасанали, худой, высокий. На загорелом

и обветренном лице спокойствие и грусть.

Г а с а н а л и. Здравствуйте, бек!

Б е ю к - б е к (*резко*). В чем дело? Зачем пришел?

Г а с а н а л и. Пришел спросить о сыне, бек. Что вы с ним сделали? Он был честным слугой, бек.

Б е ю к - б е к. Честный слуга, который крадет сестру хозяина? Хороша честность!

Г а с а н а л и. Молод он, бек. Кровь горячая, мальчик еще. Не подумал, с кем роднится, с кем тягается...

Б е ю к - б е к. Так он дурак?

Г а с а н а л и. Нет, бек, мой парень не дурак.

Б е ю к - б е к. Если не дурак, значит, подлец!

Г а с а н а л и. У нас в роду подлецов не бывает, бек.

Б е ю к - б е к. Скажи пожалуйста! А Бахадур, этот разбойник, который револьвером угрожал среди бела дня русскому начальнику, не из вашего рода?

Г а с а н а л и. Он не разбойник, бек. Он и не собирался идти в гачаги. Начальник при нем ударил его отца. Разве такое можно стерпеть?

Б е ю к - б е к. А я должен стерпеть, что твой сын пытался украсть мою сестру, которой я вместо отца? Что он стрелял в моих людей, ранил двоих?

Г а с а н а л и. Бек, он не силком увез твою сестру. И в людей твоих стрелял лишь при последней крайности. Что ему оставалось делать, если пятеро на него одного напали? Отпусти его, бек. Он уже научен. Сама судьба научила...

Б е ю к - б е к. Да что ты говоришь, старик! Если я отпущу твоего сына, я опозорюсь на весь край. Дети будут смеяться надо мной.

Г а с а н а л и (*скорбно*). Что же ты намерен делать, бек? Можно ли узнать?

Б е ю к - б е к. Отчего ж нельзя! Начальника нет здесь. Как только приедет, передам негодя в его руки, пусть справедливый суд вынесет ему наказание.

Г а с а н а л и. Бек, никто из нас никогда не бывал под судом. Ведь это срам на всю жизнь!

Б е ю к - б е к. Он не боялся срама, когда шел на преступление...

Г а с а н а л и. Бек, когда Ага Магомед-шах Каджар напал на Карабах, мой дед Гюздекли Баяндур спас от смерти твоего деда со всей его родней. Это всем известно в Карабахе.

Б е ю к - б е к. Я тоже знаю об этом. И даю тебе слово: если такое повторится, то я верну свой долг внуку Гюздекли Баяндур. А сын твой должен быть наказан за то, что он оскорбил мое имя и мой благородный род.

Г а с а н а л и. Благородство – великое слово, бек! Ты хочешь погубить парня, а ведь его завлекла на этот путь твоя сестра. За то, что он ответил на ее любовь, ты хочешь сгноить его в тюрьме! Разве это благородно?

Пауза. Бек-бек потрясен. Мгновение смотрит на Гасанали остановившимся взглядом. Потом медленно подходит к двери.

Б е ю к - б е к (*глухо*). Гудрат!

Г у д р а т (*входя*). Слушаю, ага!

Б е ю к - б е к. Проводи его! (*Гасанали и Гудрат выходят. Бек-бек падает в кресло, обхватывает голову руками. Пауза. Затем поднимает голову и смотрит на зрителей.*) В словах этого канала есть доля истины. Он не больше виноват, чем она. Но простить его – значит окончательно разнудать мужичье. Тогда уж они самого Аллаха перестанут бояться.

Ф а х р а н д а (*входя*). Несмотря на все наши попытки скрыть, что к чему, вся Шуша говорит о бегстве Шахназ со слугой, причем говорят, что они спаслись. Твоя сестра осрамила и нас с тобой, и моего племянника. Что ты ответил отцу?

Б е ю к - б е к (*собираясь с мыслями*). Сказал, что его сын должен быть наказан!

Ф а х р а н д а (*злобно*). Наказан?! Его сын должен умереть! Ты слышал, что я сказала? Это пятно должно быть смыто кровью! Как мы иначе покажемся людям на глаза? Пусть все знают, что значит оскорблять Бекюбека!

Б е ю к - б е к. Ты знаешь, что я не жесток, что я хожу из села в село, помогаю больным и нищим. Я выписывал машины для облегчения труда крестьян. Хочу провести воду в Мильскую степь.

Ф а х р а н д а. Вот потому-то сын дровосека и осмелился украсть твою сестру. Когда я говорила тебе, что мужиков надо держать в строгости, ты пожимал плечами. Кто оказался прав?

Б е ю к - б е к. Я интеллигент, а не феодал, Фахранда-ханум!

Ф а х р а н д а. А они принимают интеллигентность за слабость.

Б е ю к - б е к (*устало*). Может быть, ты права. Как видно, мы должны держать в одной руке книгу, а в другой – плеть. (*Пауза.*) Где сестра?

Ф а х р а н д а. У себя, если не сбежала.

Б е ю к - б е к. Будь добра, пойди и пришли ее сюда. (*Фахранда выходит.*) Права, Фахранда-ханум права! И не во мне одном, дело. Завтра хамье нас всех перестреляет...

Входит Шахназ.

Б е ю к - б е к (*ласково*). Иди сюда, садись, сестра. (*Шахназ остается стоять.*) Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что я лгал тебе, когда писал из Парижа о своей вере в демократию и гуманность, что это была только модная фраза. Нет, право, нет! Я скажу тебе чистую правду. Когда я вернулся домой, сел в Евлахе в нашу привычную трехконную коляску и поехал по округе, увидел наших дикарей в чарыхах, услышал зловещие рассказы о гачагах с их налетами и резней, когда я столкнулся с невежеством крестьян и одиночеством людей просвещенных, я понял, что мы еще не доросли до демократии, равенства и даже простой гуманности. Вот почему мы должны оберегать наши привилегии, которые вдалеке казались мне устаревшими. Они залог нашей просветительской миссии. Вот почему я не могу позволить тебе связать свою судьбу с жизнью сына деревенского лесоруба, в сущности, слуги. Вы не равны не только как дети разных сословий, вы, прежде всего, духовно не равны друг другу. Поняла ли ты меня, сестренка?

Ш а х н а з. Поняла, отлично поняла. Вы их боитесь, брат мой. Потому и не подпускаете близко.

Б е ю к - б е к. Верно, боюсь. Но это не то вульгарное чувство страха, о котором ты говоришь. Корни моей боязни гораздо глубже. Шатается вековой порядок, который сделал нас теми, кто мы есть. Завтра может рухнуть империя, произойдет страшная катастрофа. Равенство, установленное силой, никому не принесет счастья.

Ш а х н а з. Значит, сильные и богатые имеют право угнетать слабых и бедных? Они даже должны это делать?

Б е ю к - б е к (*внимательно смотрит на девушку*). Ты все упрощаешь. Сильный должен помогать слабому. Но это вовсе не означает, что он должен уступить ему свое место, свой дом, свою сестру.

Ш а х н а з (*в ужасе*). Уступить сестру! Разве я не человек, что меня можно уступить или не уступить? Что мы тут толкуем о силе и слабости? Ваша сила – напасть впятером на одного. Вот какую правду вы мне проповедуете...

Б е ю к - б е к. Хватит! Видно, ты никогда не поймешь меня. Ступай прочь. (*Девушка выходит. Беюк-бек закуривает. Входит Фахранда.*) Ты права, Фахранда-ханум, ты во всем права. Сегодня же отправь ее в городское имение. Это место тихое, уединенное.

Свет гаснет. В темноте слышны разногласия, крики. Раздается несколько выстрелов. Голос Беюк-бека: «Разбойники, это дорого обойдется вам!» В темноте голос гачага: «Не трудитесь напрасно, бек, вы в наших руках!» Когда зажигается свет, Беюк-бек вбегает в комнату в пижаме, бросает на пол револьвер, в котором кончились заряды, пытается снять со стены ружье. Вбегают гачаг Бахадур и его товарищи с ружьями в руках. Бахадур – крестьянский парень одного возраста с Ниджатом. Беюк-бек не успевает снять ружье и отступает назад.

Б а х а д у р (*товарищам*). Громите подвал, выводите Ниджата! (*Трое гачагов уходят.*) Бек, я же сказал вам, чтобы вы не трудились зря!

Б е ю к - б е к. Разбойники! Бунтовщики! Я не боюсь вас!

Б а х а д у р. А вас никто и не пугает. Если б вы вчера послушали старика-отца и отпустили Ниджата, никто б вас пальцем не тронул.

Б е ю к - б е к. И он такой же разбойник, как вы! Убийцы...

Б а х а д у р. Ну, это уж слишком. Вы служите царю и его собакам, вы отдаете им наш последний кусок, вы хотите им выдать с головой нашего брата, а мы – разбойники?

Б е ю к - б е к (*внезапно успокоившись, смотрит на него с интересом*). Да, правда. Вы не разбойники. Вы много хуже. Это уже революция. А я-то и не подозревал, что она уже здесь. Думал, дело все еще идет о похищении девиц и фамильных бриллиантов.

Б а х а д у р (*с издевательской серьезностью*). Это потому, что вы слишком много времени проводите в Петербурге и на балах у губернатора. Вот и застали вас врасплох!

Б е ю к - б е к. Что же нам теперь, бедным, делать?

Б а х а д у р. Кому – «нам»?

Б е ю к - б е к. Ну, бекам, ханам, дворянству? Как поладить со своими слугами?
Б а х а д у р. Какие вы там беки? Это вы слуги, вы холуи, вы хамье: служите царю Николаю, народ свой предали, земли, можно сказать, растеряли, честь и совесть забыли... Ну, хватит болтать. Где девушка? Отдавайте нашу девчонку – и мы уйдем.
Б е ю к - б е к. Вашу девчонку?
Б а х а д у р. Ну да, невесту Ниджата, Шахназ-ханум.
Б е ю к - б е к. Убирайтесь вон, разбойники!
Б а х а д у р (*наводит на него револьвер*). Извините, бек, но я пушу вам пулю в лоб. Скорее ведите сюда девушку!
Б е ю к - б е к (*снова успокоившись*). Девушки нет здесь.
Б а х а д у р. Бек, вы слышите конский топот? Неужели вам хочется умереть?
Б е ю к - б е к. Придется. Потому что девушки здесь все-таки нет.

Вбегает Ниджат и отводит руку Бахадура с револьвером.

Н и д ж а т. Погоди, Бахадура. Бек, где вы спрятали Шахназ? (*Беюк-бек молчит.*) Бек, где Шахназ? (*Беюк-бек молчит.*) Ребята! Ищите всюду!

Общая сумятица. Конский топот приближается. За окнами стрельба.

О д и н и з г а ч а г о в (*вбегая*). Казаки!

Бахадура стреляет в лампу, свет гаснет.

Н и д ж а т (*в темноте*). Бек, если ты спрячешь Шахназ даже на дне моря, все равно она будет моей!

Тревожная музыка, беготня, перестрелка, гомон удаляется. Кто-то кричит в темноте: «Жгите, жгите разбойничье гнездо!» К небу поднимаются языки пламени. Беюк-бек стоит на веранде и смотрит на пылающий дом Гасанали...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Шахназ с веранды смотрит на лес Топханэ. Входит Гюльгез.

Г ю л ь г е з. Ой, ханум, опять ты на лес смотришь? Ей-Богу, ты не в себе.
Ш а х н а з (*продолжая смотреть на лес*). Отчего же?
Г ю л ь г е з. Как будто этот лес заморозил тебя, заколдовал.
Ш а х н а з. Когда я смотрю на лес, мне кажется, что и он сердит на меня, как Ниджат. Он смотрит на меня холодно и недовольно.
Г ю л ь г е з. Ханум, не говори так. Ей-Богу, я боюсь теперь в лес ходить! (*Вдруг радостно.*) Ой вспомнила! Один из гостей говорил, что видел в Петербурге парня, похожего на Ниджата.
Ш а х н а з. Не ври!
Г ю л ь г е з. Клянусь родной бабушкой!
Ш а х н а з. А они не разговаривали?
Г ю л ь г е з. Нет.
Ш а х н а з. Почему?
Г ю л ь г е з. Говорит, он был одет по-русски, да так хорошо, что тот не поверил, что это Ниджат... Как глупы эти господа! Такой парень всегда разбогатеет. Ханум, ей-Богу, сердце подсказывает мне, что Ниджат жив. Такой парень не может пропасть.
Ш а х н а з. Но почему же он не пишет?
Г ю л ь г е з. А кто знает, что он не пишет? Может, он и писал. С тех пор, как он исчез, все письма, приходящие с почты, читает сам бек. Может быть...

Ш а х н а з. Ниджат догадался бы переслать письмо. Как видно, он сердит на меня. Да и то правда: я одна во всем виновата...

Г ю л ь г е з. Ну что ты, ханум? Разве, когда человек любит, он думает о том, чем это кончится?

Входит Фахранда с букетом цветов.

Ф а х р а н д а (*Гюльгез*). Ступай, скажи повару, чтобы приготовил довгу. И поставь эти цветы в воду.

Г ю л ь г е з. Слушаюсь, ханум. (*Берет цветы, делает смешную гримасу за спиной Фахранды, убегает.*)

Ф а х р а н д а. Сегодня мы с твоим братом опять не спали всю ночь.

Ш а х н а з (*с едва уловимой иронией*). Из-за меня?

Ф а х р а н д а. Из-за тебя.

Ш а х н а з. Не надо об этом, Фахранда-ханум! Сколько можно?

Ф а х р а н д а (*сдерживая ярость*). У тебя нет сердца. Знаешь, что Бейюк-бек любит тебя, потому и мучаешь нас.

Ш а х н а з. Бейюк не любит меня. Если б он любил меня, не разлучил бы с любимым, не сжег бы его дом, не пустил бы по миру его семью...

Ф а х р а н д а (*выходя из себя*). Бейюк-бек не мог выдать тебя за мужика, не мог, не мог, понимаешь, не мог...

Ш а х н а з (*презрительно и устало*). Да полно вам! Я не пойду замуж за вашего племянника! Я не люблю его, и он мне не нравится. Мужик, мужик! Лучше уж быть женой мужика, чем спать до полудня, объедаться пловом, а по вечерам дохнуть от скуки и сплетничать. А потом старей и умирай...

Ф а х р а н д а (*с искренним недоумением*). Ну хорошо, пусть мы плохие, праздные, грешные. Да чем же лучше крестьянская жизнь? Тяжкий труд, голодуха, болезни, невежество, озлобленность, приниженность. В уме ли ты, девушка? Почему, почему ты...

Ш а х н а з (*перебивая*). Если он вернется живым, я стану его женой, а если он погиб, то я буду жигь памятью о нем и ни за кого другого не пойду замуж. Пусть говорят, что дочь Мехмандара-аги из любви к бедному охотнику осталась дома и состарилась в одиночестве.

Ф а х р а н д а. Прошу тебя, подумай. Годы проходят...

Ш а х н а з. Пусть идут.

Ф а х р а н д а (*глубоко вздыхает*). Я увижу день, когда ты пожалеешь! Ты еще не знаешь, что такое «поздно», но, видит Бог, узнаешь...

Уходит. Входит Гюльгез с пачкой газет и журналов.

Г ю л ь г е з. Свежие газеты, ханум.

Шахназ садится на скамью и просматривает газеты. Бейюк-бек с садовыми ножницами в руке выходит из-за деревьев. Увидев его, Шахназ холодно, но почтительно поднимается.

Б е ю к - б е к. Здравствуй, сестра.

Ш а х н а з. Здравствуйте.

Б е ю к - б е к. С самого рассвета работаем с садовником.

Ш а х н а з. Это хорошо. А то вы располнели.

Б е ю к - б е к. Верно, когда я работаю, чувствую себя легким, как юноша. (*Кивая на газету, шутиливо.*) Не надоела тебе большевистская печать?

Ш а х н а з (*удивленно*). «Азербайджан», «Народная жизнь», «Красное знамя»... Тут нет ни одной большевистской газеты.

Б е ю к - б е к (*читает подписи под статьями*). Узеирбек Гаджибеков, Гаджи Ибрагим Касумов, Алигейдар Караев, Рухулла Ахундов... (*Нервно отбрасывает газеты на скамью*). Мусаватское правительство совершенно ослепло, не видит, что с лозунгом демократии у него под носом пропагандируют коммунизм!

Ш а х н а з. Да разве демократия – не в свободе убеждений?

Б е ю к - б е к. Ты думаешь, что у них есть какие-то убеждения? Это авантюристы, продавшиеся большевикам! Из-за того, что они сами не смогли занять в обществе достойного положения, они ненавидят все и всех: нацию, религию, собственность. *(Закуривает.)* А мусаватские лидеры, как фазаны, сунули головы в кусты и ничего не слышат. Иначе они не разрешили бы бесчинствовать таким господам, как Нариманбек, Алигейдар, Бог знает, кто еще...

Ш а х н а з. Что, по-вашему, должен делать мусават?

Б е ю к - б е к. Не теряя ни дня, ни часа, просить помощи из-за рубежа. Надо поднять на ноги всю Европу!

Ш а х н а з. Из-за рубежа? Боюсь, что и нации, и религии, и даже собственности пришлось бы несладко...

Г у д р а т *(торопливо входя)*. Ага, прибыл начальник, Байрам-бек.

Шахназ поднимается и уходит. Бек смотрит на часы.
Свет переключается на Байрам-бека. Все, кроме Шахназ, в гостиной.
Фахранда встревожена.

Ф а х р а н д а. Что привело вас к нам в столь необычный час?

Б а й р а м - б е к. Я буду краток. Вчера правительство сдало власть большевикам. Я поспешил известить вас, пока народ не узнал об этом. Подумайте, что делать дальше.

Б е ю к - б е к *(потрясен)*. Я ждал этого! *(Зажигает папиросу.)*

Б а й р а м - б е к. Только не теряйте времени, бек.

Б е ю к - б е к *(глубоко затянувшись)*. А вы сами что намерены делать?

Б а й р а м - б е к. Мои всадники ждут на улице. Через полчаса я буду на берегу Аракса, в своем селе Кюрдмахмудлу.

Б е ю к - б е к *(курит)*. А потом?

Б а й р а м - б е к. Если потребуется, перейду Аракс.

Б е ю к - б е к. Значит, бежишь?

Б а й р а м - б е к *(мрачно)*. Бегу. А что еще остается делать?

Б е ю к - б е к *(глубоко вздыхая)*. Действительно, что еще осталось? А кому они сдали власть?

Б а й р а м - б е к. Я же сказал, большевикам.

Б е ю к - б е к. Кому лично?

Б а й р а м - б е к. Мне известны только двое: Гамид Султанов и Чингиз Ильдырым.

Б е ю к - б е к. Сын кубатлинского Ильдырымбека Чингиз? *(Истерически хохочет.)*

Б а й р а м - б е к. Он тоже большевик. Просто скрывал это до поры.

Б е ю к - б е к. Конечно, только таким мог быть конец правительства, которое даже не знало, кто входит в него. *(Ударяет кулаком по столу.)* Нет, я не убегу!

Б а й р а м - б е к. Смотрите, бек, пока есть время, подумайте о себе. Сопротивление бессмысленно. Дочь кягризлинского Ахмед-бека Айна-ханум с пятьюстами всадников тоже вот перекрыла дорогу в Барду, чтобы не пропустить большевиков в Карабах... Но...

Б е ю к - б е к. Молодец, Айна-ханум! Вот это женщина! А вы, демократы, бегите, скрывайтесь, а когда смута уляжется, возвращайтесь. Править или каяться, там поглядим.

Б а й р а м - б е к. Если вода тебя уносит, ее надо называть потоком, бек. Ленин отдает всю землю крестьянам. Понимаете, всю! А что это значит? Голодные возьмутся за дубины. Раздетые выдержат мороз. Разве можно устоять перед крестьянином, мужиком, получившим землю, о которой он мечтал веками? Ничто теперь их не остановит!

Ф а х р а н д а *(горделиво)*. Беюк-бек! Я заранее желаю тебе успеха в предстоящих боях!

Б е ю к - б е к. Спасибо, Фахранда-ханум! Иначе и не могло быть, иного я не ожидал от тебя. В твоих жилах течет кровь твоего деда, гянджинского Джавад-хана.

Б а й р а м - б е к *(поднимается)*. Я ухожу, бек. Пусть Аллах поможет вам. *(Отдает честь и выходит.)*

Б е ю к - б е к *(смотрит ему вслед)*. Выскочка, ничтожество!.. Гудрат!

Входит Гудрат.

Г у д р а т. Что изволите, ага?

Б е ю к - б е к. Возьми трех парней, скачите в дом Шахсевана Велибека. Передашь от моего имени, чтобы каждый бек побережья Аракса с сотней всадников послезавтра прибыл в Барду. Сколько есть патронов, пусть забирают все. Ясно?

Г у д р а т. Ясно, ага!

Б е ю к - б е к. Ступай!

Г у д р а т. Слушаю, ага!

Б е ю к - б е к. Я намерен соединиться в Барде с всадниками Айны-ханум и вместе отправиться в Евлах. Там мы соединимся с гянджинскими и шамхорскими беками. А сейчас я отправлюсь в Курдистан и повидаюсь с Солтанбеком. Он может выставить тысячу всадников. Потом надо послать нарочных в Казах и Кубу. Я вступлю в союз и с грузинскими князьями, и с армянскими меликами. Уверяю тебя, что весь Азербайджан присоединится к нам, и тогда наш путь прямо на Баку. Я не стану мямлить, как главари мусавата. К стенке всех большевиков! Пока красное правительство в России не упрочилось, мы должны бороться!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Свет гаснет. В темноте звучит тревожная музыка.
Встречаются Шахназ и Гюльгез.

Г ю л ь г е з (*взволнованно*). Ханум, я только что встретила сына зарыслинского Альша. Он ранен в руку и вернулся. Говорит, что красные взяли крепость Аскеран. Говорит, скоро они дойдут до места. Ш а х н а з. Буря! Скоро грянет буря!

Слышен конский топот, девушки смотрят.

Г ю л ь г е з (*взволнованно*). Это Беюк-бек, ханум.

Обе убегают. Сцена несколько мгновений пуста. Потом стремительно входит Беюк-бек, за ним Фахранда.

Ф а х р а н д а. Беюк!

Б е ю к - б е к (*словно в лихорадке*). Не тревожься, Фахранда-ханум, отступить – это еще не значит быть побежденным. Мы уходим в горы. Я зажгу во всем Азербайджане пламя повстанческой войны. А ты собери все ценное и ночью отправляйся на берег Аракса, в дом Шахсевана Нуруша.

Ф а х р а н д а. Я не могу без тебя, Беюк!

Б е ю к - б е к. Как же ты будешь жить в горах? Это невозможно!

Ф а х р а н д а. Я все вынесу.

Б е ю к - б е к. Ну что ж... А как быть с Шахназ?

Ф а х р а н д а. Хочет – пусть едет с нами, не хочет – пусть остается. Говорят, красные не трогают женщин.

Б е ю к - б е к. Ее притянут не потому, что она женщина, а потому, что она моя сестра. Я стал довольно известной птицей.

Ф а х р а н д а. Тогда пусть едет.

Б е ю к - б е к (*подходит к двери*). Шахназ!

Ш а х н а з (*входит*). Слушаю вас, брат мой!

Б е ю к - б е к. Я со своими всадниками ухожу в горы, Фахранда – со мной. Поедешь с нами или останешься дома?

Ш а х н а з. Как скажете.

Б е ю к - б е к. Делай, как знаешь.

Ш а х н а з. Но вы вернетесь?

Б е ю к - б е к. Постараясь.

Ш а х н а з. Дай Бог! Если я вам там не очень нужна...

Б е ю к - б е к. Значит, хочешь остаться. Пусть так. Кого оставить тебе из слуг?

Ш а х н а з. Мне достаточно одной Гюльгез.

Б е ю к - б е к. Нет, с тобой останутся повариха, фазтонщик и садовник. Это старые, верные наши слуги. Береги себя. (*Резко*.) Ты была любимицей отца. Наследниками его состояния будут твои дети.

Ш а х н а з. Почему ты так говоришь, братец?

Б е ю к - б е к. Бог не дал нам с Фахрандой-ханум детей. Род Джаванширов продолжишь ты, сестра.

Целует ее в лоб и выходит вместе с Фахрандой. Шахназ долго смотрит ему вслед, затем обращается к зрителям.

Ш а х н а з. Как странно! Я думала, что совсем чужая им и жду только прихода очистительной грозы. Но сейчас мне их жаль, и я их понимаю. А ведь они лишили меня любви, счастья, сожгли дом моего Ниджата, я должна ненавидеть их. Но сейчас мне жаль моего брата, как прежде жаль было любимого. И если б он позвал, я ушла бы с ним, чтобы разделить его участь. Увы, мы ее заслужили! *(Закрывает лицо руками. Свет гаснет. Тихая музыка.)*

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Вдали слышны конский топот и скрип колес. Шахназ стоит на веранде и с волнением вслушивается. Гюльгез, неся кувшин на плече, запыхавшись, поднимается на веранду.

Г ю л ь г е з *(ставит кувшин на землю.)* Ой, ханум, что происходит в округе! Я стояла в очереди за водой, у родника Хан-кызы. Вдруг вижу, народ бежит, суматоха. Я спросила у девушек, что происходит? Они говорят, большевики пришли. Я только подставила кувшин под струю, вдруг вижу, со стороны холма «Муж приехал» движется войско. Девушки хотели убежать, но старики успокоили, сказали, не бойтесь, они нам ничего плохого не сделают. Они против господ. Мы стояли и смотрели, пока красные не дошли до базара...

Ш а х н а з. И они ничего никому не сказали?

Г ю л ь г е з. Ничего... *(Улыбается.)* Только, ханум, вдруг увидела, что один молодой солдат, у которого едва пробились усы, так смотрит на меня, ну просто невозможно. Я не выдержала и засмеялась. Он тоже все зубы оскалил. Потом что-то сказал своему товарищу, тот повернулся и посмотрел на меня. Ханум, говорят, старшего над ними звать Сын Дровосека, и он из Карабаха.

Ш а х н а з. Сын Дровосека?

Г ю л ь г е з. Да.

Ш а х н а з. Ты видела его?

Г ю л ь г е з. Нет. Сказали, он едет сзади в автомобиле.

Ш а х н а з. А как его зовут – не узнала?

Г ю л ь г е з. Нет. Этот черноглазый парень так сбил меня с толку, что я совсем растерялась. Красивый парень. Когда он смеялся, зубы блестели, как жемчуг.

Шахназ невольно улыбается. Гюльгез поет и танцует.

Загорела я, смугла,
Что за дело? Пусть смугла!
Буду дерзкой, буду смелой...
Кто не взял, а я взяла!

Ш а х н а з. Кажется, ты рада приходу большевиков?

Г ю л ь г е з. Очень! Мне кажется, будто предстоит какой-то большой праздник... Да, хорошо, что я вспомнила... Ханум, служанки у родника говорили, что все господа убежали вместе с Бейюкбеком, а хозяйки переоделись в служанок и сидят дома. Для виду одна джорабки вяжет, другая – масло растапливает. Надо и тебе переодеться в мое платье. Придут они сюда – мы скажем, что господин с госпожой сбежали, а мы, служанки, остались здесь и ожидали их прихода.

Ш а х н а з. Не надо. Будь что будет. Я не боюсь,

Г ю л ь г е з. Значит, твое сердце тоже с нами, ханум. А как же иначе, если ты влюбилась в такого парня, как Ниджат! *(Стук в дверь.)* Ой, кого там принесло? *(Бежит к двери и тут же возвращается.)* Ой ханум, поддержи меня, мне дурно!

Ш а х н а з. В чем дело, кто там?

Г ю л ь г е з. Большевики.

Ш а х н а з. Глупая, а тебе-то чего бояться?

Г ю л ь г е з. Черноглазый парень тоже среди них. Ой, как мне страшно! *(Снова стук в дверь.)*

Гюльгез бежит открывать, торопливо поправляя волосы и платок. Голос Гюльгез: «Входите, входите!» Молодой командир, трое солдат и Гюльгез поднимаются на веранду. Черноглазый очень молод, улыбочив и прост.

К о м а н д и р. Кто живет в этом доме?

Г ю л ь г е з. Господин с госпожой сбежали, мы остались одни.

К о м а н д и р. А вы почему не убежали?

Г ю л ь г е з. Вот еще новости. А нам зачем бежать? Разве вы не большевики?

К о м а н д и р. Ишь какая ты говорунья. Как тебя звать?

Г ю л ь г е з. На что вам мое имя?

К о м а н д и р. Хочу познакомиться.

Г ю л ь г е з. Как это – «познакомиться»?

К о м а н д и р. Ты служила в доме такого образованного господина и не знаешь, что значит познакомиться? Может быть, ты водишь нас за нос?

Г ю л ь г е з. Как это – «водишь за нос»?

К о м а н д и р. Может быть, ты переодетая хозяйка этого дома?

Р а х м а н (*черноглазый парень*). Товарищ комбат, я видел, как эта чернушка наполняла кувшин у родника.

Г ю л ь г е з (*Рахману*). Черный кишмиш в карман прячут, белый айран собакам льют. (*Солдаты смеются.*)

Ш а х н а з. Я осталась в этом доме за хозяев. Я сестра Бейюкбека.

К о м а н д и р. А вы тоже не боитесь большевиков, ханум? Это хорошо. Мы не людоеды.

Г ю л ь г е з. Как это «людоеды»?

Р а х м а н. Людоеды – это господа, которые живут за счет труда таких красивых девушек, как ты.

Г ю л ь г е з (*жеманно*). Только что называл чернушкой, а теперь красивой. Чему верить?

Р а х м а н. Ты же сама сказала, что черный кишмиш прячут в карман.

К о м а н д и р (*Шахназ*). Прошу извинить нас за беспокойство, ханум. Мы хотели бы знать, где ваш брат.

Ш а х н а з. Брата нет здесь. Он уехал вместе с женой.

К о м а н д и р. Куда?

Ш а х н а з. Не знаю.

К о м а н д и р. Как это может быть, чтобы вы не знали?

Ш а х н а з. Мне не сказали.

К о м а н д и р. Неужели?

Ш а х н а з (*нервно*). Я говорю вам правду.

К о м а н д и р. Не нервничайте, ханум. Есть революционный порядок. Если вы не скажете, где ваш брат, мы вынуждены будем арестовать вас.

Г ю л ь г е з. Арестуете женщину?

К о м а н д и р. Да, у нас женщины и мужчины имеют равные права. И отвечают и в добрых делах, и в плохих... (*Шахназ*.) Разрешите осмотреть дом.

Ш а х н а з. Зачем?

К о м а н д и р. Мы не обязаны верить вам на слово, ханум. По-моему, вы сказали неправду.

Ш а х н а з (*вспыхивая*). Неправду?

Г ю л ь г е з (*шепотом*). Не сердись, ханум.

К о м а н д и р. Общайте дом.

Солдаты расходятся по дому.

Г ю л ь г е з (*неприятно глядя на черноглазого парня*). До чего мы дожили!

Р а х м а н (*шепчет ей на ухо*). Не бойся!

Г ю л ь г е з (*громко*). Вот еще! Чего мне бояться?

Р а х м а н (*улыбаясь*). Ну и молодчина. Пойдем, покажи мне другие комнаты.

Г ю л ь г е з (*насмешливо*). Прямо разбежалась! Что мне делать с тобой в другой комнате? Иди смотри сам.

С о л д а т (*входя*). Товарищ комбат, кроме старого фазтонщика, садовника и поварихи, никого в доме нет. У фазтонщика и садовника было оружие.

К о м а н д и р (*Шахназ*). Прошу вас, ханум, не думайте о нас плохо, но мы должны взять ваш дом на несколько дней под наблюдение. Прошу вас также никуда из дому не выходить. (*К Гюльгез.*) И вас тоже. (*Черноглазому парню.*) Объяви об этом и трем другим.

Ш а х н а з. А что же дальше?

К о м а н д и р. Дальнейшее решит комиссар.

Ш а х н а з. Какой комиссар?

К о м а н д и р. Член правительства. Наш начальник.

Ш а х н а з. Как его зовут?

К о м а н д и р. Все называют его Сыном Дровосека. Надеюсь, вы не нарушите наших предписаний. (*Товарищам.*) Пошли.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Поздний вечер. Весна. Кукует кукушка, заливается соловей. Звездно.
Шахназ и Гюльгез сидят на веранде.

Ш а х н а з. Три дня мы как в тюрьме. Нелегкое дело – арест...

Г ю л ь г е з. И не говори! И у парня своего что ни спрошу, он улыбается.

Ш а х н а з. У черноглазого?

Г ю л ь г е з. Ну да. Говорит, что не имеет права разговаривать с нами. А сам с меня глаз не сводит. И не ест ничего. Говорю, жаль тебя, пропадешь, иди выпей стакан чаю, а он только зубы скалит. Спрашиваю, откуда ты родом, а он опять скалится.

Ш а х н а з (*с печальной усмешкой*). И имени не говорит?

Г ю л ь г е з. Рахман его зовут.

Ш а х н а з. А ты не спросила, что за перестрелка была вчера ночью?

Г ю л ь г е з. Спросила.

Ш а х н а з. Что же он сказал?

Г ю л ь г е з. Все скалится. Говорит, лучше ты спой нам песню. Еще чего, говорю. Что я ни спрошу, что ни скажу, он только скалится, а я еще буду ему петь песни!

Ш а х н а з. Боюсь, что стреляли в какого-нибудь посланца Бейукбека.

Г ю л ь г е з (*беспечно*). Может быть. Жестокий черноглазый парень взял нас в плен. Но, ханум, не переживай. Ей-Богу, все будет хорошо.

Ш а х н а з (*совершенно спокойно*). Я и не переживаю. Наоборот, я довольна.

Г ю л ь г е з. Почему, ханум?

Ш а х н а з. Мы это заслужили. Это возмездие. За сожженный дом Ниджата. За поруганную любовь.

Кукует кукушка, заливается соловей. Шахназ негромко поет.

Охотник, не стреляй в меня,
Я украшение этих гор.
И так уж в сердце – сноп огня,
Я утешенье этих гор.

Прожектор высвечивает Ниджата, медленно идущего к дому. За эти четыре года он сильно изменился. Волосы поседели. На лице – следы напряженной внутренней жизни. Одет он просто, но одежда идет ему. На нем хромовые сапоги, суконная гимнастерка, он подпоясан широким ремнем. Он идет, прислушиваясь к песне. Чувствуется, что он никогда не забывал ее. Лает собака. Ниджат слегка улыбается и окликает собаку: «Гумаш!» Собака узнает его и умолкает. Свет высвечивает Шахназ и Гюльгез. Обе встревоженно вслушиваются.

Ш а х н а з (*шепотом*). Кто-то идет.

Г ю л ь г е з. Собака узнала его.

Ш а х н а з. Наверное, кто-то из наших.

Г ю л ь г е з. Входит по лестнице. (*Ниджат выходит из темноты. Девушки застывают.*) Ой, братец, с неба ты свалился, что ли?

Н и д ж а т. Здравствуйте... (*Шахназ смотрит на него пытливо и печально. Словно ждала и дождалась, но не думала, что это будет так. Ниджат подходит и берет Шахназ за руку.*) Не узнаешь?

Ш а х н а з (*придя в себя, глубоко вздыхает*). Узнаю!

Н и д ж а т. Слава Богу, ты совсем не переменилась.
Ш а х н а з (*внимательно глядя на него*). Правда?
Н и д ж а т. Ты еще больше похорошела.
Ш а х н а з. А ты сильно переменился.
Н и д ж а т. Я постарел! (*Усмехается.*)
Ш а х н а з. Нет, ты не постарел. Но ты стал мягче. Тогда ты ежеминутно вспыхивал. Или ты жалеешь меня? Ведь я под арестом...
Н и д ж а т. Нет, я снял наблюдение и часовых...
Ш а х н а з. Значит, это ты здесь главный?
Н и д ж а т. Да, я представитель революционного правительства.
Ш а х н а з. Ты и есть Сын Дровосека?
Н и д ж а т (*достает кисет с махоркой*). Я и есть. (*Сворачивает самокрутку.*)
Г ю л ь г е з. Ой, да буду я жертвой моего братца, посмотри, каким он большим человеком стал!
Н и д ж а т (*улыбается*). Вот и пойдешь поставь самовар. Давно я не пил чаю из самовара.
Г ю л ь г е з. С удовольствием! (*Убегает.*)

Ниджат закуривает самокрутку.

Ш а х н а з. Член правительства, а махорку куришь?
Н и д ж а т (*улыбается*). Ничего, придет время – папиросы будем курить. (*Глубоко затягивается.*) Можно задать один вопрос?
Ш а х н а з. Еще один?
Н и д ж а т (*понимает ее иронию, но не подает виду*). Почему ты не ушла с Бейюкбеком? Он не взял тебя или ты сама не захотела?
Ш а х н а з. Я не захотела.
Н и д ж а т. Почему?
Ш а х н а з. Решила стать красной.
Н и д ж а т (*резко*). А что тут смешного?
Ш а х н а з (*весело смеется*). Вот это другое дело! Люблю, когда ты сердиться. Не захотела и не ушла.
Н и д ж а т (*глубоко затянувшись*). Не ожидал я, что после четырех лет разлуки ты будешь смеяться надо мной.
Ш а х н а з. А при чем здесь четыре года разлуки?
Н и д ж а т. Тогда ты говорила, что любишь меня.
Ш а х н а з. А ты?
Н и д ж а т. Я тоже.
Ш а х н а з. А почему за эти четыре года ты не написал мне ни строчки?
Н и д ж а т (*жадно курит*). Тебе не мешает дым махорки?
Ш а х н а з (*вспоминает минувшее, улыбается*). Нет... Я ведь люблю его...
Н и д ж а т. Все это время меня носило, как челнок в бурю. Я не знал, что будет со мной завтра. Да что там завтра – сегодня вечером! И я не мог понять, чего я хочу от тебя: чтобы ты любила меня по-прежнему или, напротив, перестала ждать, считала погибшим, забыла. Я хотел, чтобы ты выбирала сама, без меня...
Ш а х н а з. Но разве я не сделала выбор четыре года назад?
Н и д ж а т. Верно. Но разве потом, после того, что случилось, ты не могла одуматься? Признаться, позже мне стало казаться сном, что бекская дочь всерьез полюбила сына дровосека...
Ш а х н а з (*с глубокой печалью*). А между тем, если б ты вернулась сыном дровосека не только по прозвищу, я снова пошла бы за тобой. Я всегда говорила: хоть на край света пошла бы...
Н и д ж а т. А теперь? (*Шахназ отрицательно качает головой.*) Почему?
Ш а х н а з. Потому что ты теперь не тот Ниджат... Ниджат в ту страшную ночь, четыре года назад, ушел навсегда и унес с собой мое сердце.
Н и д ж а т (*взволнованно*). Как это понять? (*Короткая пауза. Он с волнением берет ее за руку.*) Что это значит?
Ш а х н а з (*осторожно высвобождая руку*). Это значит, что ты уже не любишь бекскую дочь. Не веришь ей, как прежде. Ты стал чужим. Ненависть к классу господ – правая ненависть, пусть так, – убила твою любовь ко мне...

Н и д ж а т (*твердо и серьезно*). Что тут сказать? Конечно, это не так. И любовь моя не убита, и тебя я не числю в «классе господ». Но раньше, кроме нашей любви, не было для меня иного счастья, иной правды. А самое тяжкое горе был сгоревший домик Гасанали, моего отца. Но на этой заклеянной проклятием планете каждый день умирают с голоду тысячи детей. Тысячи бедняцких хижин горят! Тысячи любовью растоптаны и поруганы! Я страдаю за всех. Я счастлив, что борюсь за них.

Ш а х н а з. И ты веришь, что ваше новое государство исправит все это, положит этому конец?

Н и д ж а т (*решительно*). Непременно! Потому что мы говорим: корень всех преступлений, всей общественной несправедливости в господстве одного класса над другим!

Ш а х н а з. В твоих словах нет логики. Прежде властвовали богатые, теперь будут властвовать бедные. Прежде называли «господин министр», теперь тебя называют «товарищ комиссар». Разве это не господство одного класса над другим? Прежде угнетали беки и купцы, а теперь вы будете угнетать?

Н и д ж а т. Нет – потому что это будет общество труда. Трудиться будут все. И больше всех – правительство.

Ш а х н а з. Только бы твоя искренняя вера не оказалась пустой мечтой.

Н и д ж а т (*убежденно*). Придет время, и ты увидишь, как эта мечта станет явью, станет законом жизни. (*Долго смотрит на нее.*) Шахназ, ты больше не любишь меня?

Ш а х н а з (*вздрагивает*). Почему ты спрашиваешь? Ты же знаешь...

Н и д ж а т. Четыре года назад знал. А теперь? (*Шахназ молчит. Тяжелая пауза.*) Мы наведем здесь порядок, и я вернусь в Баку. Ты поедешь со мной?

Ш а х н а з (*глубоко вздыхает*). Нет.

Н и д ж а т. Ты не пойдешь за меня?

Ш а х н а з. Нет.

Н и д ж а т. Почему?

Ш а х н а з. Потому что мне неизвестна судьба моего брата, его будущее.

Н и д ж а т. В самом деле? Разве он скрыл от тебя, что продолжает с нами борьбу?

Ш а х н а з. Я это знаю. Я думаю о том, что же с ним будет.

Н и д ж а т. Он будет побежден.

Ш а х н а з. Ты уверен?

Н и д ж а т. Абсолютно. У них есть только один выход: сложить оружие. Принять революцию и ее законы.

Ш а х н а з. Но ведь, если даже они сдадутся, вы не пощадите их. (*С недоброй улыбкой.*) Ты, наверно, хотел бы отомстить Беюк-беку?

Н и д ж а т (*поморщившись*). Хорош бы я был, если б в такое время, в таком вселенском пожаре думал о своей обиде, о мести. Мы вообще не помышляем о мести. Мы думаем о том, как дать народу мир, спокойный труд и справедливые законы.

Ш а х н а з (*вдруг с волнением и мукой*). Я не знаю, что мне делать, Ниджат! Я любила тебя и сейчас люблю. Но теперь я боюсь тебя. Мне кажется, что ты, ты, о котором я с тоской думала столько лет, смотришь сейчас на меня из совершенно иного мира. Кажется, будто нас разделяет незримая пропасть. Потерять тебя навсегда, навсегда расстаться с тобой невыносимо. Но в те годы, что тебя не было здесь, ты казался мне гораздо ближе, чем сейчас, Ниджат. Я была счастливее, чем сейчас. Тогда я, по крайней мере, жила ожиданием встречи с моим любимым, с охотником Ниджатом, другом моей юности...

Ниджат подходит, обнимает ее. Шахназ невольно прижимается к его груди, как бы растворяясь в страстной нежности. Слышно журчание горной реки, заливаются соловей. Шахназ, не отводя головы от груди Ниджата, открывает глаза и смотрит на него; она выглядит очень счастливой.

Ш а х н а з (*счастливым шепотом*). Ниджат, вытщи свой револьвер и убей меня.

Н и д ж а т. Ты что?

Ш а х н а з (*тем же счастливым шепотом*). Я хочу умереть... В эту минуту... Другой такой может не быть...

Н и д ж а т (*шутливо*). Тебя застрелю, а сам?

Ш а х н а з. А сам живи. У тебя много дел. (*Шутливо.*) Когда постареешь, тогда встретимся... там.

Н и д ж а т. Где?

Шахназ (*улыбается*). На том свете...
Ниджат (*шутливо*). Ну, так долго я без тебя не смогу.
Шахназ (*поднимает голову, заглядывает ему в глаза*). Ты шутишь?
Ниджат. Нет.
Шахназ. Смотри, поверю!
Ниджат. Верь, Шахназ!
Шахназ. Ах как ты ласково произнес мое имя. (*В бурном волнении целует его.*) Мой любимый, мой охотник, умру я или буду жить, я твоя. Но нет, я больше не хочу умирать. Я счастлива! С этой ночи ты мой муж! Гюльгез!

Вбегает Гюльгез.

Гюльгез. Что случилось, ханум?
Шахназ (*лихорадочно*). Скорее тащи самовар на веранду, поставь на огонь казан с пловом и сбегай за ахундом. Я выхожу замуж за Ниджата.
Гюльгез. Дай Бог вам счастья, ханум, только ахунд сбежал.
Шахназ (*растерянно*). А как же без ахунда?
Ниджат (*улыбается*). Ничего, в нашем полку есть красный молла.
Шахназ. Красный молла? (*Хохочет.*) Красный молла! Пусть брачный союз Шахназ-ханум Джаванширской узаконит красный молла!

Хохочет, падает на руки Ниджата. Свет гаснет. Музыка. Когда свет зажигается, мы видим комнату Ниджата в доме Бейюк-бека. Чувствуется, что это кабинет чрезвычайного комиссара. Ниджат поспешно входит, берет со стола звонок, звонит. Входит адъютант. Это знакомый нам командир.

Ниджат (*смотрит на карту.*) Как в Зангелане?
Адъютант. Пока нет сведений. Сдался кюрдмахмудлинский Байрам-бек.
Ниджат. Один?
Адъютант. Нет, с восемью всадниками.
Ниджат. Где они?
Адъютант. Всадники топчутся поодаль. (*Многозначительно улыбается*). Наверное, на всякий случай. А бек у входа.
Ниджат. Позови его в дом. Только с уважением.
Адъютант. Есть! Только, товарищ комиссар, они отказались сдать оружие. Говорят, сдадут только вам.
Ниджат. Ничего.

Командир выходит. Ниджат застегивает китель. Входит Байрам-бек.
У него на поясе револьвер. Ниджат идет навстречу беку.

Ниджат. Добро пожаловать, бек. (*Чинно здороваются.*)
Байрам-бек. На самом деле я не бек. В нашем селе меня называют Мешади Гюльмамед оглы Байрам. (*Усмехается.*) Только не подумайте, что я из страха решил перестать называться беком.
Ниджат. Я по всей вашей биографии знаю, что вы смелый человек. (*Байрам-бек молча кланяется.*) Прошу садиться. (*Указывает место в красном углу, но Байрам-бек садится у окна.*) Бек, я знаю, что вы в Карабахе известны своей отвагой. И я знаю также, что, будучи уездным начальником мусаватского правительства, вы не так мучили народ, как другие.
Байрам-бек (*улыбается*). Выходит, что все-таки мучил...
Ниджат. Вы служили классу, который этого требовал, более того, считал естественным.
Байрам-бек (*хмуро*). Основной целью мусаватского правительства было установление равенства и демократии. Никто не требовал ни от меня, ни от других, чтобы мы мучили народ.
Ниджат (*тщательно выбирая слова*). Дело не в том, какие цели провозглашает то или иное правительство. Дело в том, какова логика жизни, истории. С первого дня своего существования мусават отдал себя в распоряжение крупных помещиков и фабрикантов.
Байрам-бек. Мы сотрудились с ними. У нас была в них нужда.

Ниджат. Конечно, была. У вас – была! Но вы видите, что Россия три года живет без капиталистов и помещиков. *(Короткая пауза.)* Бек, мне известно, что в тысяча девятьсот девятнадцатом году вы спасли от смерти видного революционера, приехавшего по нелегальному делу из Баку в Карабах. Беки узнали, кто он такой, и хотели убить его втихомолку. Вы устроили ему побег. Поэтому я спрашиваю вас: хотите ли вы честно служить советской власти?

Байрам-бек. А советская власть поверит мне?

Ниджат. Вы пришли сами. Значит, хотите помириться с новой властью, а может быть, и сотрудничать с ней.

Байрам-бек. Смотря в чем.

Ниджат. У вас есть опыт административной работы. Я предлагаю вам должность заместителя председателя уездного исполнительного комитета. Председатель – молодой коммунист. Мы хотим, чтобы вы помогли ему.

Байрам-бек. Говорят, что вы через некоторое время схватите и уничтожите всех бывших дворян, купцов, даже крестьян, имеющих скот...

Ниджат. Это выдумки наших врагов. Кто выступает против нас с оружием в руках, тех мы по головке не погладим. Кто хочет жить, работать и приносить пользу, тех мы встретим с благодарностью.

Б а й р а м - б е к. Я принимаю ваше предложение. Но у меня одно условие.

Н и д ж а т. Пожалуйста.

Байрам-бек. Будь это хан, бек или купец, я не допущу ареста невинного человека.

Ниджат. Невинного! Так и договоримся. Невинного.

Байрам-бек. Быть по сему.

Ниджат. Я очень рад.

Байрам-бек. Я могу уйти?

Ниджат. Нет, посидите немного, я подготовлю документы. *(Открывает дверь в соседнюю комнату и зовет Шахназ, та входит.)* Кажется, вы знакомы с Байрам-беком?

Шахназ. О, конечно! Здравствуйте, дядя Байрам.

Байрам-бек явно удивлен, поднимается, идет навстречу девушке, здоровается с ней.

Ниджат. Вы побеседуйте, я сейчас вернусь. *(Проходит в соседнюю комнату.)*

Байрам-бек *(удивленно.)* Извините, ханум, я ничего не понимаю. Или...

Шахназ *(улыбается.)* Я теперь хозяйка в этом доме, дядя Байрам.

Байрам-бек. Вы вышли замуж? За комиссара?

Шахназ. Да. Но когда я обручилась с ним, он не был комиссаром, он был охотником моего брата.

Байрам-бек. Да, да, я слышал эту историю. Значит, это тот самый парень? Как все странно!..

Шахназ *(шутливо.)* Мир перевернулся!

Байрам-бек. Бек-бек знает об этом?

Шахназ. Может быть...

Байрам-бек *(хмуро.)* Ты должна была сообщить ему.

Шахназ. Что толку, дядя Байрам? Брат ни за что не дал бы согласия...

Байрам-бек. Ясно. Значит, ты на стороне коммунистов.

Шахназ. Я даже не думаю о том, что мой муж коммунист.

Байрам-бек *(сдержанно.)* Ты вышла за него по любви, и дай Бог вам счастья. Кажется, он неплохой парень, умный человек.

Шахназ. Дядя Байрам, сделайте так, чтобы мой брат прекратил сопротивление и вернулся. Скажите ему, что борьба с целым народом бессмысленна.

Байрам-бек. Я говорил ему об этом, Шахназ-ханум. А кстати, как относится к тебе твой муж? *(Шутливо.)* Между вами нет классово-борьбы?

Ш а х н а з. Муж относится ко мне хорошо. Но, сказать по правде, я чувствую себя с его людьми, как чужая. А вот увидела вас – словно родного встретила после долгой разлуки. Это мне самой странно. Прежде я считала себя чужой в нашей среде.

Байрам-бек. Ничего. *(Вздыхает.)* Если любишь мужа, и к среде его привыкнешь.

Шахназ *(пылко.)* Уговорите брата помириться с ними, вернуться в Шушу! Какая я буду тогда счастливая! Скажите брату, что я жизнью отвечаю за их безопасность.

Входит Ниджат.

Ниджат. Что ты, Шахназ, даже чаем гостя не угостила?

Шахназ. Заговорились мы...

Ниджат (*Байрам-беку*). Вот ваши документы, пожалуйста. (*Передает бумаги.*) Завтра же приступайте к работе. Прежде всего предложите беглецам, еще оказывающим сопротивление, мирный и честный труд. К тем, кто упорствует, будьте беспощадны. Лично поезжайте к Беюк-беку, скажите ему, если он добровольно сложит оружие и вернется, революционное правительство примет это во внимание.

Байрам-бек. Я передам ему ваши слова и слова Шахназ-ханум. До свидания. (*Выходит.*)

Шахназ. Значит, ты не обещаешь ему амнистии?

Ниджат (*со вздохом*). Очень уж он распоясался, Шахназ. Теперь это дело революционного суда.

Шахназ. Но ты обладаешь здесь чрезвычайными полномочиями.

Ниджат. Однако я тоже подчиняюсь законам.

Шахназ. Я чувствую в твоем тоне какую-то холодность... Мне кажется, что из-за брата ты и меня больше не любишь. Будто ты уже не тот охотник...

Ниджат. Тот охотник остался в лесу Топханэ.

Шахназ (*печально*). Ты прав...

Ниджат. Я пошутил. Я люблю тебя и всегда буду любить. (*Целует ее.*)

Шахназ. Ах, мне кажется, что нашу любовь оттеснило твое беспощадное отношение к людям.

Ниджат. Но, Шахназ, я ведь не ко всем людям беспощаден. Повторяю: кто сложит оружие и будет мирно трудиться, к тем мы не будем беспощадны!

Шахназ (*перебивает его*). Почему вы хотите свои идеи навязать другим?

Н и д ж а т. Мы никому не навязываем своих идей, Шахназ. Но и не позволим навязывать нам чужие идеи, тем более оружием.

Шахназ (*взволнованно и рассеянно*). Ничего не понимаю, ничего. Безжалостность ваша ужасает меня.

Ниджат. Безжалостность! Нас веками мучили и угнетали, нас унижали и с отвращением называли мужичьем, хамами, нас лишали крова, наших матерей и сестер обрекали ходить по миру с сумой, нас ссылали, наконец, за наши идеи в Сибирь, на царскую каторгу. А теперь от нас требуют милосердия к самым непримиримым врагам и терпимости к самым враждебным идеям! (*Берет ее за руку.*) Прости меня, Шахназ! Это не о тебе. Ты любила бедного крестьянского парня. Ты всем для него пожертвовала. Я тоже болею душой за твоего брата. Но пойми, ведь он стреляет в нас, продолжает стрелять, каждый день, каждый час...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Ниджат работает. Входит адъютант.

Адъютант. Товарищ комиссар, гачаг Шахмар, который три дня назад перешел на нашу сторону, среди бела дня напал на дом Гусейнбека, разграбил его и силой увел его жену, мать двоих детей.

Н и д ж а т. А где же был сам Гусейнбек?

Адъютант. Гусейнбек в бегах. Где – неизвестно.

Ниджат. Шахмара надо найти, хоть из-под земли достать и немедленно отдать под трибунал. Расстрелять публично. Понятно?

Адъютант. Понял, товарищ комиссар.

Ниджат. Можешь идти.

Командир выходит. Входит Рахман.

Р а х м а н. Товарищ комиссар, там пришел один крестьянин, хочет видеть вас.

Н и д ж а т. Впусти.

Рахман выходит, входит Гасанали.

Н и д ж а т (*кидается к отцу, берет его за руку*). Здравствуй, отец! (*Гасанали-киши стоит молча, недвижно.*) Как ты себя чувствуешь, отец?

Гасанали. Две недели как приехал, раз навестил – исчез. Или селение Гюлаблы теперь для тебя мало?

Ниджат. Отец, не надо обижаться. Я справлялся о вас, знаю, что вы живы-здоровы. Я все время собирался к вам, но то одно мешало, то другое. Борьба не утихает, кругом банды.

Гасанали. Поэтому ты женился на сестре Бююк-бека?

Ниджат. Ты же знаешь, что у меня с его сестрой давняя дружба.

Гасанали. Честный сын не стал бы жениться на сестре бесчестного врага, который опозорил его отца, сжег дедовский дом.

Прожектор на мгновение освещает Шахназ, которая в соседней комнате с неммым волнением слушает этот разговор.

Ниджат. Девушка не была виновата в этом, отец. Может ли сестра, к тому же младшая сестра, такого брата, как Бююк-бек, отвечать за его дела?

Гасанали. Врагов не делят на старших и младших. Враг есть враг. (*Гневно.*) А я в чем был виноват? (*Шахназ, стиснув руки, слушает.*) Мужчина не променяет на девку честь своего отца!

Ниджат. Ты ошибаешься, отец. Ведь сестра Бююк-бека тоже пострадала от него. Ты не знаешь, какое сердце у Шахназ...

Гасанали (*перебивает его*). Оставь этот бабий лепет! Говори как мужчина! Женский язык – это язык дьявола. Чтобы не поддаться его чарам, надо быть мужчиной!

Шахназ взволнованно слушает.

Ниджат (*глубоко вздыхает*). Дай Бог нам жизни, отец. Придет время, и ты убедишься, что она верная жена.

Гасанали (*вдруг с интересом*). Ты с ней в законном браке? Кебин заключил?

Ниджат. Конечно.

Гасанали. Кто заключил его?

Ниджат. Красный молла.

Гасанали. Ты что, смеешься надо мной? Моллы разве бывают красными или белыми?

Ниджат (*невольнo улыбается*). Бывают, отец.

Гасанали. Где он, этот красный молла?

Н и д ж а т. У нас в полку.

Гасанали. Слава Аллаху, что не наш молла заключил ваш кебин. Сегодня же выгони ее. (*Шахназ слушает.*)

Н и д ж а т. Ты шутишь, отец!

Гасанали (*гневно*). Ты когда-нибудь видел, чтобы я шутил такими вещами? Сказал тебе, гони ее прочь!

Н и д ж а т. Это невозможно, отец.

Гасанали. Невозможно?

Ниджат (*с чувством*). Невозможно. Я люблю ее. И она любит меня. Она верит мне.

Гасанали. Ты мужчина! Да будь она куском твоего сердца, отрежь и выбрось этот кусок! Пусть Бююк-бек видит, что неправое дело не осталось без возмездия.

Ниджат. То, что ты требуешь, отец, это не возмездие за неправое дело. Это тоже неправое дело.

Гасанали. У Бююк-бека в английском банке лежат миллионы. Он сбежит и будет жить в свое удовольствие, а я так и останусь неотмщенным. Ты понимаешь это? (*Яростно.*) Посади его сестру на осла и отправь к нему. Пусть до Судного дня он не знает покоя.

Ниджат (*твердо*). Отец, я сказал, что это невозможно!

Гасанали (*грохочет*). Не кричи! Или думаешь, если у твоей двери стоит солдат, я тебя испугаюсь? С сегодняшнего дня у меня нет сына! Пусть не впрок тебе пойдет материнское молоко, пусть ляжет на тебя пепел дома, который сжег Бююк-бек!

Поворачивается и уходит. Ниджат застывает на месте. Боковая дверь открывается, входит Шахназ. Ниджат словно и не видит ее. Шахназ подходит и берет его за руку.

Шахназ. Я слышала весь ваш разговор. Твои товарищи не любят меня, твой отец ненавидит. Отпусти меня, и я уйду.

Ниджат (*не понимая*). Куда уйдешь?

Шахназ. Далеко... Туда, где никто не знает меня...

Ниджат (*приходит в себя*). Нет, Шахназ, ты никуда не пойдешь. И не обижайся на моего отца...

Шахназ. Я ни на кого не обижаюсь. Но я хочу уйти. Я никому не могу смотреть в глаза. Я чувствую себя без вины виноватой. Взгляды людей обжигают меня. Я не хочу, чтобы ты из-за меня ссорился с отцом.

Ниджат. Придет время, отец поймет свою ошибку. Трудно сразу всем растолковать нашу правду. Не вини моего отца. Он стар и на свой лад тоже отравлен прошлым.

Входит адъютант.

Адъютант. Разрешите, товарищ комиссар!

Н и д ж а т. Да.

Шахназ выходит.

Адъютант. Сообщили, что гачаг Бахадур с отрядом появился в лесу Топханэ.

Н и д ж а т. Это точно?

Адъютант. Да.

Ниджат. Тогда готовьтесь, мы должны с ним увидеться.

Адъютант. Когда?

Ниджат. Сегодня.

Адъютант. Сколько взять людей?

Н и д ж а т. Поедем вдвоем.

А д ъ ю т а н т. Это опасно!

Ниджат (*серьезно*). Мы с ним друзья детства.

Адъютант. Можно ли доверять гачагу, товарищ комиссар?

Ниджат. Попробуем. И пришли сюда Рахмана.

Адъютант выходит. Ниджат сворачивает «козью ножку».

Входит Рахман.

Рахман. У меня есть хорошие папиросы, товарищ комиссар! (*Достает из кармана коробку дорогих папирос, протягивает их Ниджату.*)

Ниджат. Откуда?

Р а х м а н (*улыбается*). Подарок.

Ниджат. Чей?

Р а х м а н. Моей девушки, товарищ комиссар.

Н и д ж а т. Вот как! И кто же это?

Р а х м а н. Ее зовут Гюльгез.

Ниджат. Наша Гюльгез?

Рахман. Да, товарищ комиссар, подруга Шахназ-ханум.

Ниджат (*с улыбкой*). Гюльгез – хорошая девушка.

Рахман (*с гордостью*). Очень хорошая! Курите, товарищ комиссар. Это папиросы Бейюк-бека.

Ниджат. Разбалуемся мы на бекских папиросах...

Рахман. Ох, хороши, товарищ комиссар! Одно наслаждение!

Ниджат посмеивается и продолжает курить махорку.

Р а х м а н (*нерешительно*). Можно спросить вас, товарищ комиссар?

Ниджат (*смотрит на часы*). Можно... еще.

Рахман. Товарищ комиссар, мы хотим свадьбу сыграть.

Н и д ж а т. Отличная мысль. И когда же?

Р а х м а н. Чем скорее, тем лучше.

Ниджат (*улыбается*). Ну что ж, свадьба за мной. Давно я не слышал пения Джабара...

Свет гаснет, зажигается. Та же сцена. Рахман и Гюльгез.

Рахман (*радостно*). Я сказал комиссару, что мы хотим пожениться.

Гюльгез (*радостно*). Врешь!

Рахман. Клянусь жизнью!

Гюльгез. А он что?

Рахман. Сказал, свадьба за мной. Говорит, давно я не слышал песен Джабара.

Гюльгез. Это он о ханенде, Джабаре Карягды. Но разве мы такую свадьбу подыдем?

Рахман. А чем мы хуже других? (*Берет ее за руку.*) Разреши поцеловать тебя...

Гюльгез. Нет.

Р а х м а н. Почему?

Гюльгез. Потому что ты первый раз спрашиваешь разрешения.

Рахман. Клянусь жизнью, теперь всегда буду спрашивать.

Гюльгез подставляет лицо. Парень целует ее, хочет поцеловать снова, но Гюльгез отстраняется.

Гюльгез. А ты из какого уезда?

Рахман. Я чеченец.

Гюльгез (*испуганно*). Кто?

Рахман. Чеченец.

Гюльгез. Значит, ты не мусульманин?

Р а х м а н. А что?

Гюльгез (*серьезно*). А то, что, если ты не мусульманин, придержи коня.

Рахман. Как так?

Гюльгез. А так, что я не пойду за тебя.

Р а х м а н. Да что ты!

Гюльгез. За неверного не пойду! И не скаль зубы, пожалуйста!

Рахман. Ох, темнота! Ну, не пугайся, я тоже мусульманин.

Гюльгез (*радостно*). Врешь?!

Рахман. Клянусь жизнью. Но ты-то хоть знаешь, что такое мусульманин?

Гюльгез. Конечно. Мусульманин – это тот, кто совершает намаз, постится на магеррам, при виде черта говорит «бисмиллах».

Р а х м а н. А ты видела черта?

Гюльгез (*сердито*). Видела! Это ты!

Рахман (*хохочет*). Я тоже видел – в юбке! Бисмиллах! Бисмиллах! (*Целует ее.*)

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Лес. Слышен конский топот.

Г о л о с. Стой! Кто идет?

Голос Н и д ж а т а. Мы к Бахадуру.

Г о л о с. Сойдите с коней, сдайте оружие.

Н и д ж а т. Мы безоружны.

Зажигается свет – в лесу стоянка Бахадура. Двое гачагов ведут Ниджата и его адъютанта. Из землянки, скрытой корнями и травой, выходит Бахадур.

Бахадур. Ниджат, ты ли это?

Н и д ж а т (*с улыбкой*). Он самый.

Обнимаются.

Б а х а д у р. А я-то думал, что тебя давно на свете нет!

Ниджат. Ну, нашу породу не так просто сжить со свету.

Бахадур. Где ты был все эти годы, Ниджат?

Ниджат. Долго рассказывать, брат. Как-нибудь в другой раз. *(Шутливо.)* Член Азербайджанского советского правительства, Сын Дровосека прибыл для переговоров с гачагом Бахадуром.

Бахадур. Ах вот оно что! Стало быть, это ты – Сын Дровосека? Хорошо, что ты сам пришел. А то ведь мы собирались сегодня ночью выкрасть спящего Сына Дровосека прямо из постели.

Ниджат *(искренне)*. Зачем?

Бахадур. Трое наших переоделись и отправились в Шушу на базар – купить продуктов. Ваши люди опознали и задержали их. Вот мы и хотели выменять Сына Дровосека на наших ребят.

Ниджат. Ясно. Но хочу тебя заверить, что хоть они и под арестом, но жизнь их вне опасности.

Бахадур. А говорят, что вы моментально расстреливаете таких.

Ниджат. Бывает, что и расстреливаем. Только не моментально. Мы никого не наказываем без суда. Но позволь тебя спросить прямо, почему ты остаешься в лесу? Почему не возвращаешься домой? Власть в Азербайджане сменилась.

Бахадур. А почему я должен сложить оружие перед этой новой властью?

Ниджат. Во-первых, потому что она несет стране мир и спокойствие. Во-вторых, представляю эту власть я и не хочу, чтобы твоя жизнь пропала ни за грош. Зачем тебе, крестьянскому вожаку, скрываться от рабочего правительства?

Короткая пауза.

Бахадур. Рабочее или не рабочее, а это не азербайджанское правительство! В вашей программе лицемерно обойден молчанием главный вопрос.

Н и д ж а т. А именно?

Бахадур. Свобода Азербайджана! Ты веришь, что новое правительство даст независимость Азербайджану?

Ниджат *(просто)*. Уже дало. Азербайджан – свободная и независимая республика! Ты станешь хозяином своей земли, своих богатств, своего родного языка. Больше азербайджанскому крестьянину не нужно толмача-переводчика. *(Пауза.)* Я знаю, что все эти всадники, твои ребята, бежали в свое время от царского гнета. Вероятно, дома их ждут дети и старики-родители. Пора возвращаться, Бахадур! Пора домой.

Долгая пауза.

Бахадур. Я верю тебе, но никогда не верил властям – ни царским, ни бекским, ни красным. Власть – это всегда где-то далеко: в Петербурге, в Баку. И тебя тоже могли обмануть. Давай-ка позовем народ и спросим, что они скажут. Эгей, гачаги, сюда! *(Вооруженные с ног до головы молодцы выходят из-за деревьев и обступают их.)* Братья! Этот парень, стоящий перед нами, представитель новой власти, установленной в Баку. Она называет себя рабочей властью. *(Оживление среди гачагов.)* Он зовет нас разойтись по домам.

Первый г а ч а г. А потом выстроит нас всех на скаковом поле и велит расстрелять? Нет уж, обжегшись на молоке, дуют на воду!

Второй гачаг. Да погоди! А если нас и не расстреляют, что мы станем делать дома?

Бахадур. Он хочет, чтобы мы занялись честным трудом.

Третий гачаг. А разве до ухода в горы мы не занимались честным трудом? Или новому правительству мало налогов?

Четвертый гачаг. А откуда он сам, этот гость?

Бахадур. Это сын Гасанали из Гюльаблы.

Пожилый гачаг. Это он женился на сестре Бююк-бека?

Н и д ж а т *(выходит вперед)*. Да, я.

Пожилый гачаг. Значит, не успел петух пропеть, как рабоче-крестьянское правительство породнилось с Бююк-беком?

Общий смех.

Ниджат. Братья, моя женитьба тут ни при чем. Не на беке же я женился.

Пятый гачаг. Хватит с тебя и сестрицы бека. Твой шурин, когда я на месяц запоздал с налогом, велел царскому приставу продать моего единственного быка и оставил голодными моих детей.

Третий г а ч а г. За то, что в лютые холода я набрал в бекском лесу вязанку дров, бек отдал меня под суд, и меня на три года в Сибирь сослали.

Первый г а ч а г. Я отказался продать племяннику Фахранды-ханум Юнис-беку своего каурога жеребца. Он считался первым конем в Карабахе. Так они ночью на аркане угнали его. *(Кричит.)* Безбожники!

Движение и шум среди гачагов.

Бахадур. Тихо! Ниджату не меньше нас досталось. Все мы обижены. Новое правительство предлагает вам теперь свою землю.

Пауза.

Второй гачаг. Ты-то что думаешь?

Бахадур *(угрюмо)*. Сам не знаю. Ниджату я верю, хоть он и женился на бекской сестре. Его я знаю. Он из-за этой девчонки столько перестрадал, не дай Бог никому. Так что не в этом дело. А вот насчет новой власти прямо скажу – не знаю. Давайте решать вместе. С вами я хоть в ад пойду.

Пожилой гачаг. С тобой и мы в ад пойдем!

Ниджат. Вы не в ад идете, братья! Вы идете в светлый мир, о котором всегда мечтали честные люди! Поймите, ведь наша власть дала рабочим заводы и промысла, а нам, крестьянам, всю землю. Беков больше нет. Теперь мы хозяева.

Первый гачаг *(выступает вперед и спокойно, неторопливо говорит Ниджату)*. Братец, я вижу, что ты и умен, и смел. Так знай, что в жизни я часто ошибался и был обманут. Многим сладким обещаниям верил. И я клянусь тебе в этом лесу, который был пристанищем Гачага Наби и Гачага Сулеймана, если и это новое правительство обманет меня, где бы ты ни был, я найду и убью тебя.

Ниджат *(твердо)*. Новому правительству не нужно лгать. Новое правительство – это мы сами.

Первый гачаг *(ухмыляется)*. Что ж, выходит, и я смогу войти в новое правительство?

Н и д ж а т. Вошел же я!

Г а ч а г и *(вместе)*. Ну, ты! Ты муж бекской дочери!

Ниджат *(с простодушным изумлением)*. Вот вы о чем! Да нет же, что вы городите! Я стал комиссаром задолго до женитьбы. Скажу вам больше. Только не болтайте. Меня еще могут выгнать из нового правительства за то, что я женился на бекской сестре. Говорю вам толком: ведь это же рабоче-крестьянская власть!

Гачаги пораженно молчат. Этот довод их сразил.
Бахадур с сочувствием кладет руку на плечо Ниджату. Занавес.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Шахназ стоит у окна в глубокой задумчивости. Входит Гюльгез.
Шахназ вздрагивает и оборачивается, на лице – испуг.

Ш а х н а з. Что случилось?

Г ю л ь г е з. Ничего, ханум.

Ш а х н а з. А почему ты так смотришь на меня?

Г ю л ь г е з. Как, ханум?

Шахназ *(словно очнувшись)*. Погляди в окно. Лес словно заколдован.

Гюльгез. Скажи «бисмиллах», ханум. Какое колдовство? Просто туман...

Шахназ. Почему так задержался Ниджат?

Г ю л ь г е з. Рахман сказал, может быть, он не вернется даже ночью.

Ш а х н а з. А почему он мне не сказал?

Гюльгез. Наверное, забыл.

Шахназ *(с неприятной улыбкой)*. Забыл!..

Г ю л ь г е з. Не пойму, что с тобой стало, ханум.

Ш а х н а з. А что со мной?

Гюльгез. Ты тоскуешь. О чем-то все думаешь. Ничему не веришь. Мне казалось, выйдешь замуж за Ниджата – будешь самой счастливой женщиной в мире. Он так любит тебя!

Шахназ. Я тоже люблю его. Но как я ни стараюсь быть близка с ним, все равно что-то мешает. Непонятно только – мне мешает или ему?

Входят Ниджат и Бахадур.

Ниджат. Здравствуй, дорогая. *(Указывает на Бахадура.)* Узнаешь?

Шахназ. Бахадур!

Бахадур. Здравствуйте, Шахназ-ханум! Видно, есть на свете справедливость, если вы вместе. *(Разворачивает тигровую шкуру и расстилает ее у ног Шахназ.)* А это вам на память от гачага Бахадура.

Гюльгез. Тигр...

Шахназ *(странно смотрит на шкуру)*. Ты сам убил его?

Бахадур. Да.

Шахназ. Где?

Бахадур. В лесу Солтанбуд.

Шахназ. Разве в лесу Солтанбуд бывают тигры?

Бахадур. Нет, этот заблудился. Забрел откуда-то.

Ниджат. Бахадур подстрелил его в момент прыжка, когда тигр неожиданно бросился на него.

Бахадур *(искренне)*. Клянусь Богом, я не стал бы стрелять в него, если б он на меня не бросился.

Шахназ *(с интересом)*. Почему?

Бахадур. Нехорошо нападать на странника, даже если это зверь.

Ниджат *(смеясь)*. Не выстрелил бы ты в этого странника, он растерзал бы тебя!

Шахназ с тем же странным интересом смотрит на Ниджата, словно пытается разгадать в его словах скрытый смысл.

Бахадур. Убивать вообще тяжелей всего на свете, Шахназ-ханум. Это говорю вам я, гачаг.

Ниджат *(явно переводя разговор на другую тему)*. Ну, Гюльгез-ханум, как дела? Готовимся к свадьбе?

Гюльгез. Братец, ради Аллаха, не называй меня ханум.

Ниджат. А вот и буду! Но мы голодны, Шахназ. Шесть часов скакали.

Шахназ. Сейчас.

Шахназ и Гюльгез проходят в соседнюю комнату.

Бахадур. Шахназ-ханум, кажется, чем-то недовольна. Здорова ли она?

Ниджат. Здорова. Но все о чем-то думает...

Бахадур. Наверное, о брате.

Н и д ж а т. Да уж, наверное...

Бахадур. Шутка ли, какая семья развалилась!..

Ниджат *(вздыхает)*. Видно, человеку не так-то легко расстаться со своим классом. Каждый раз, когда я вижу ее такой расстроенной, мне становится не по себе.

Входит адъютант.

Адъютант. Вызывали, товарищ комиссар?

Ниджат. Бахадур Эйваз-оглы назначается начальником милиции Карягинского уезда.

Бахадур *(изумленно)*. Гачаг – начальник милиции?

Н и д ж а т *(серьезно)*. Да. Бывший гачаг.

Вбегает Рахман.

Р а х м а н. Товарищ комиссар, только что сообщили, что Бейюк-бек вместе с гянджинским Джамиль-беком под угрозой расстрела согнали крестьян разрушить железную дорогу.

Ниджат *(прищурившись)*. Чтобы прервать связь с Россией...

Ниджат достает из ящика револьвер и повязывает его поверх пиджака.

Шахназ *(входя)*. Можно обедать.

Ниджат *(печально)*. Спасибо, Шахназ. К сожалению, мы срочно должны уходить.

Шахназ. Куда?
Ниджат. Беки Гянджи и Карабаха хотят разрушить железнодорожное полотно. До свиданья,
Шахназ. Пошли, Бахадур.

Ниджат и Бахадур выходят.
Шахназ провожает их долгим взглядом.

Шахназ. Беки Гянджи и Карабаха! Их вожаки Беюк-бек и Джамиль-бек. Родной брат и двоюродный. И муж мой идет против них. Каждый из них может погибнуть в этом бою. Как страшно шутит судьба!

Свет гаснет. Музыка.

КАРТИНА ОДИНАДЦАТАЯ

Ниджат и Рахман стоят в поле под одиноким деревом и смотрят вдаль.
В руках Рахмана обрез, на поясе – патронташ и гранаты.
К ним поспешно подходит адъютант.

Адъютант. Беюк-бек взят в плен.
Ниджат. А Джамиль-бек?
Адъютант. С тридцатью всадниками бежал на тот берег Аракса.

Подходит взволнованный Бахадур.

Бахадур. Ниджат, прикажи полковнику, чтобы он пустил меня с моими всадниками на тот берег, иначе Джамиль-бек уйдет от нас.

Ниджат. Мы не можем нарушить границу.
Бахадур. На том берегу все знают меня как гачага.
Ниджат. Но ты больше не гачаг. Мы не станем обманывать соседнее государство.

Входит взволнованный Байрам-бек. Чувствуется,
что и он из жаркого боя.

Байрам-бек. Беюк-бек просит, чтобы мы отпустили его, он уйдет в Иран.

Ниджат. Как вы смотрите на это?

Байрам-бек. Пусть уйдет!

Ниджат (*пристально смотрит на него*). Но вы же обещали служить революции, бек.

Байрам-бек (*нервно*). Твой полковник и солдаты видели, как я служил революции.

Ниджат. За это вам спасибо. Но хочу, чтобы вы поняли и то, что выпустить снова на свободу такого врага, как Беюк-бек, было бы изменой.

Байрам-бек. Я считаю, что его уход за границу не нанесет никакого вреда советской власти.

Ниджат. Он не один, бек. И не успокоится. С врагами мы будем беспощадны. Иначе война никогда не кончится!

Байрам-бек. Да вспомни хотя бы, что он твой шурин!

Ниджат. Что поделаешь, бек.

Байрам-бек. Доныне я не бил лежачего...

Ниджат. Ох, если б он и там остался лежачим! Но он быстро встанет, уверяю вас.

Байрам-бек (*все более расслабляясь*). Царский суд приговорил моего брата к семи годам каторги. Отец Беюк-бека лично обратился к царю и добился амнистии для него. Я не могу допустить, чтобы его сына расстреляли.

Ниджат. А если его руки в крови сотен невинных людей?

Байрам-бек. На войне всякое может быть. Я требую, чтобы ему было разрешено уйти за границу.

Ниджат. Бек, не забывайте, что требовать здесь могу лишь я, чрезвычайный комиссар.

Байрам-бек. Не забывай и ты, что стоит мне шевельнуть пальцем, как соберутся сотни всадников. Еще раз требую, отпусти Беюк-бека, пусть уходит! Если не отпустишь...

Мгновенно достает револьвер. Рахман и адъютант одновременно наводят на него оружие. Тягостная пауза.

Н и д ж а т (*устало*). Бек, мы не из пугливых, запомните это. Если б вы в свое время не спасли нужного революции коммуниста, я сейчас же отдал бы вас под трибунал. Однако теперь мы квиты. Можете идти. (*Байрам-бек уходит.*) Вот он, гуманизм господ. Потом они обвиняют революцию в жестокости.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Имение Беюк-бека. Издали слышится музыка.
Темнота. Входит Фахранда.

Ф а х р а н д а. Шахназ! Шахназ!
Ш а х н а з (*подходит к веранде*). Кто там?
Ф а х р а н д а. Спустиись вниз.
Ш а х н а з. Фахранда-ханум, вы?
Ф а х р а н д а (*хладнокровно*). Тсс! Не шуми! Скорее сойди вниз.

Шахназ, словно загипнотизированная, спускается.

Ф а х р а н д а (*властно*). Иди за мной!

Завернувшись в чадру, она быстро уходит. Шахназ следует за ней. Свет сопровождает их. Фахранда останавливается возле деревьев, Шахназ подходит к ней.

Ф а х р а н д а (*гневно*). Твой брат в тюрьме ждет трибунала, а ты развлекаешься с его врагами!
Ш а х н а з. Разве Бeюк-бека арестовали?
Ф а х р а н д а. Будто ты не знаешь!
Ш а х н а з. Когда его арестовали?
Ф а х р а н д а. Позавчера, в бою у железной дороги.
Ш а х н а з (*сама с собой*). Как же Ниджат не сказал мне об этом?
Ф а х р а н д а. Если б он считался с тобой, он не арестовал бы твоего брата. (*Истукленно.*)
Комиссарова жена! У них нет ни совести, ни милосердия! Твой муж каждый день велит расстрелять кого-нибудь! (*Ласково.*) Ведь я знаю, как ты любишь брата. А как он любит тебя! Ты была малышкой, когда он заменил тебе отца. Когда у тебя болела голова, у него кусок застревал в горле. Теперь его или расстреляют или сгноят в ледяной Сибири.

Ш а х н а з (*нервно*). Если б мой брат сложил оружие, так не случилось бы.

Ф а х р а н д а. Если б твой брат склонил голову перед сыном дровосека, все его предки до седьмого колена прокляли бы его!

Ш а х н а з. Весь народ на их стороне...

Ф а х р а н д а. Не обманывай себя. Знаем мы этот народ! Кроме хлеба, ему ничего не надо! Ты убиваешь меня, Шахназ! Как можешь ты класть голову на одну подушку с человеком, который хочет расстрелять твоего брата, который разрушил наш дом, оставил нас нищими? Почему ты не в силах понять, что, если б он действительно любил тебя, он не сделал бы этого. Ты нужна ему только как женщина!

Ш а х н а з (*задыхаясь от волнения*). Перестаньте! Прошу вас, перестаньте!

Ф а х р а н д а. Я не могу молчать. Сердце мое горит. Если он расстреляет Бeюк-бека, я брошусь со скалы. И пусть тогда на тебя указывают пальцем, пусть говорят: «Это та, что вышла замуж за убийцу своего брата!» Ты не сможешь смотреть людям в глаза. Наши тени будут повсюду преследовать тебя и проклинать.

Ш а х н а з (*вдруг оживляясь, решительно*). Хорошо, Фахранда-ханум, чего бы это ни стоило, я спасу Бeюк-бека из тюрьмы.

Ф а х р а н д а. Пусть Бог поможет тебе и Бeюк-беку. Я верю. Завтра в восемь утра жду тебя возле разрушенной мечети.

Смотрит по сторонам. Потом стремительно скрывается в темноте.
Сцена вращается. Ниджат сидит за письменным столом и дремлет.
Входит Шахназ. Ниджат вздрагивает и поднимает голову.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Ниджат и Шахназ.

Н и д ж а т (*встревоженно*). Что случилось?

Ш а х н а з. Почему ты не сказал мне об аресте Беюк-бека?

Н и д ж а т (*твердо*). Не считал нужным. Ты и без того нервничаешь. Кто тебе сказал, что он арестован?

Ш а х н а з. Это не имеет значения. Если ты скрыл от меня арест брата, почему я должна открывать тебе свои тайны?

Напряженная пауза.

Н и д ж а т. Мне очень тяжело, что так случилось, Шахназ. Разве я не понимаю, что он твой брат?

Ш а х н а з. Если ты захочешь, это можно исправить.

Н и д ж а т (*с интересом*). Каким образом?

Ш а х н а з. Выпусти Беюк-бека. И возьми с него подписку, что он в двадцать четыре часа покинет Азербайджан.

Н и д ж а т. Куда?

Ш а х н а з. Куда захочет. В Иран, в Турцию...

Н и д ж а т (*глубоко вздыхает*). Это невозможно, Шахназ.

Ш а х н а з. Почему?

Н и д ж а т (*взволнованно*). Потому что руки Беюк-бека в крови невинных людей.

Ш а х н а з. Была война, и вы сражались с ним.

Н и д ж а т. Мы не воевали с ним, Шахназ! Мы призывали его подчиниться законам революции, нового правительства. А он ответил нам оружием. Он – государственный преступник.

Ш а х н а з. Разве несогласие с вашим правительством – преступление?

Н и д ж а т. Да.

Ш а х н а з. Но вы же говорите о свободе мысли и совести.

Н и д ж а т. Мы говорим о той свободе, которая служит народу и родине. Я дважды посылал к Беюк-беку своих представителей, предлагая сложить оружие. Но он каждый раз оскорблял и выгонял их.

Пауза.

Ш а х н а з (*глубоко вздыхая*). Ну хорошо, раз на то пошло, разреши мне встретиться с ним. Я попытаюсь уговорить брата отказаться от ошибочных убеждений. Может быть, это облегчит его положение.

Н и д ж а т. Когда ты хотела бы встретиться с ним?

Ш а х н а з. Завтра!

Н и д ж а т (*после паузы*). Хорошо.

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Разрушенная мечеть. Подходит закутанная в чадру Шахназ.
Из развалин выходит Фахранда, тоже в чадре. Открывают лица.

Ф а х р а н д а. Ну что?

Ш а х н а з. Ниджат не согласился освободить Беюк-бека.

Ф а х р а н д а (*отчаянно*). Не согласился?

Ш а х н а з. Послушайте. Сегодня, когда стемнеет, пришлите хорошо оседланного коня к обрыву у восточной стены крепостной тюрьмы.

Ф а х р а н д а. Беюк-беку устроят побег?

Ш а х н а з. Попытаются устроить.

Ф а х р а н д а. Кто?

Ш а х н а з. Если нас увидят здесь, все пропало. Я ухожу...

Торопливо уходит, свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Тюремный двор. Шахназ, одетая по-европейски, стоит и ждет.
К ней подходит караульный солдат.

К а р а у л ь н ы й. Ханум, Бююк-бек сказал, что не хочет видиться с вами.
Ш а х н а з. Скажите ему, что у меня очень важное дело.

Караульный колеблется, но уходит. Пауза. Караульный возвращается с Бююк-беком.

К а р а у л ь н ы й. Ханум, учтите, что разговаривать с арестованным вы можете только пять минут.

Ш а х н а з (*с деланной гордостью*). Я жена чрезвычайного комиссара.

К а р а у л ь н ы й (*усмехается*). Знаю, ханум. Только закон для всех одинаков.

Ш а х н а з. Хорошо, оставь нас пока.

К а р а у л ь н ы й. Пожалуйста. (*Отходит.*)

Взгляд Шахназ встречается с ледяным взглядом Бююк-бека.

Б ю ю к - б е к. Зачем ты пришла?

Ш а х н а з. Сегодня, когда зажгутся огни, тебя будет ждать оседланный конь возле обрыва. Беги, спасайся.

Б ю ю к - б е к (*с иронией*). Значит, ты жалеешь меня? (*Резко.*) Только можешь быть уверена, что я даже под страхом смерти не склоню головы ни перед твоим мужем, ни перед его правительством.

Ш а х н а з. Если ты не убежишь, они расстреляют тебя. (*Незаметно передает ему револьвер.*) Спасайся!

Короткая пауза.

Б ю ю к - б е к. Если они узнают, кто дал мне этот револьвер, они не простят тебе.

Ш а х н а з. Я о себе не думаю.

Б ю ю к - б е к. Почему? Разве жена чрезвычайного комиссара, разгромившего карабахских ханов, не счастлива?

Ш а х н а з. Напрасно ты насмехаешься надо мной, брат мой. И без того мне тяжело, и я ничего не понимаю.

Б ю ю к - б е к. Слава творцу! Это дух наших предков заставляет тебя мучиться и терзаться. Ты не будешь счастлива с их палачами, не будешь!

Ш а х н а з. Караульный идет. Прощай!

Поспешно уходит. Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Зажигается свет. Комната Ниджата. Ниджат и Шахназ.

Н и д ж а т. Ты хотела повидаться с Бююк-беком, я разрешил тебе, несмотря на то, что он совершил тяжкие преступления. Как же можно было так обмануть меня?

Ш а х н а з. Он мой брат!

Н и д ж а т. Ты не раскаиваешься?

Ш а х н а з. Нет.

Тягостная пауза.

Н и д ж а т. А когда ты передавала ему револьвер, ты не думала, что он снова будет убивать?

Ш а х н а з. Не думала.

Н и д ж а т. Револьвером, который ты передала ему, он смертельно ранил двух караульных солдат. (*Шахназ молчит.*) Ты не подумала даже о том, чем это обернется для меня?

Ш а х н а з. Я не думала в тот момент ни о чем, как не думала четыре года назад, когда бросила свою семью, родню, все свое состояние и бежала с тобой, простым охотником. В то время я была девчонкой, не имевшей никаких прав. А ты теперь обладаешь неограниченной властью.

Н и д ж а т. Я не мог бы теперь поступить, как ты тогда.

Ш а х н а з *(с иронией)*. Значит, ты не мужчина.

Н и д ж а т *(печально)*. У нас с тобой разные представления о мужестве и самоотверженности.

Ш а х н а з. А если б это твой брат был на месте Беюк-бека, как поступил бы ты?

Н и д ж а т. Немедленно отдал бы его под трибунал.

Ш а х н а з *(смотрит на него долгим взглядом)*. Верю, что отдал бы. Видно, вы иначе скроены. Только никак мне не понять: если б ты расстрелял моего брата, как ты смотрел бы мне в глаза?

Н и д ж а т. Я перед тобой чувствую себя чистым и честным, потому что поступаю справедливо.

Торопливо входит Рахман.

Н и д ж а т. Что случилось? *(Рахман взглядом дает понять, что не хочет говорить в присутствии Шахназ.)*

Н и д ж а т *(приказывает)*. Говори!

Р а х м а н. Товарищ комиссар, Беюк-бек с женой при попытке перейти Аракс задержан отрядом Бахадура.

Короткая пауза.

Н и д ж а т. Хорошо, можешь идти.

Рахман уходит.

Ш а х н а з. Что же теперь?

Н и д ж а т. Я доложу о твоем поступке революционному правительству. Пусть оно решает, что с нами делать.

Ш а х н а з. Почему «с нами»? Ты же ни в чем не виноват.

Н и д ж а т. Я слишком люблю тебя, чтобы определить, виновен я или нет.

Ш а х н а з. Разве ты и теперь любишь меня?

Шахназ долгим, пристальным взглядом смотрит на Ниджата, словно только теперь понимает какую-то истину, ее взгляд постепенно проясняется. Мы чувствуем в этом взгляде любовь и духовное успокоение. Однако в этом спокойствии есть что-то

страшное. Торопливо входит адъютант.

А д ъ ю т а н т. Товарищ комиссар... *(Шахназ быстро направляется к двери, в дверях еще раз оглядывается и выходит.)* Товарищ комиссар, Беюк-бека доставили в тюрьму.

Н и д ж а т. Передай, чтобы усилили охрану и ждали моего приказа.

В соседней комнате слышен выстрел. Ниджат и адъютант бегут туда. Свет также переносится туда. Шахназ лежит на полу. Рядом с ней охотничье ружье Ниджата, которое мы видели четыре года назад. Из соседней комнаты вбегают Рахман и Гюльгез. Ниджат стоит как вкопанный.

Г ю л ь г е з. Ханум! *(Бросается к Шахназ. Шахназ открывает глаза и видит Ниджата.)*

Ш а х н а з *(ласково)*. Подойди ближе, Ниджат!

Ниджат вдруг приходит в себя.

Н и д ж а т. Доктора! Скорее! *(Рахман убегает. Ниджат становится на колени перед Шахназ.)* Зачем ты это сделала, Шахназ?

Ш а х н а з (*с трудом берет его за руку*). Я чувствую себя сейчас беззаботной и свободной, как четыре года назад, Ниджат. Слово пуля из твоего охотничьего ружья унесла с собой все, что стояло между нами. Мой дорогой, мой любимый. Я уношу твою любовь с собою, в вечность. Какая разница? Разве я не умерла бы, как все, на пять лет раньше или позже? (*Прерывисто дышит, отдышавшись, продолжает.*) Не расстраивайся, женись. Я знаю, что ты будешь хорошим мужем. Пусть у тебя будут красивые дети, пусть Аллах даст им счастье. А меня похороните на скаковом поле, где мы всегда встречались с тобой. Помнишь, когда ты ходил на охоту, я смотрела оттуда на лес и ждала тебя...

Откуда-то доносится молодой голос, поющий песню:

Охотник, не стреляй в меня,
Я украшение этих гор...

Шахназ, услышав песню, вздрагивает и, собравшись с силами,
приподнимает голову.

Ш а х н а з (*улыбается*). Наша песня... остается в горах. (*Роняет голову на подушку.*)
Г ю л ь г е з (*кричит*). Ханум!
Н и д ж а т. Зачем ты сделала это, Шахназ? Ведь ты могла жить...

Странный парень

ДЕЕСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ВалехГарибзаде
РенатМуратов
Ахмедджан
Баты
Отар
Дадаш
Малахат
Кемала
Барсук
Умуд
Гулу

Кисловодск. Автопансионат в парке. Все в цвету. Где-то недалеко звучит современная танцевальная музыка. Видимо, за кулисами танцуют. Ахмедджан, загорелые, в сомбреро, стараясь попасть в такт музыке, подстригает садовыми ножницами кустарник. Входит Валех с маленьким чемоданом в руке. Некоторое время любит Ахмедджаном. Затем, тоже двигаясь в такт музыке, приближается к нему. Ахмедджан не сразу замечает его, а заметив, радостно восклицает:

А х м е д д ж а н. Валех!

Валех продолжает танцевать, потом громко смеется и широко раскидывает руки.

В а л е х. Ахмедджан! Как поживаешь, дорогое?

А х м е д д ж а н. Отлично! А как ты, Валех-джан?

В а л е х. Отлично! Как супруга?

А х м е д д ж а н. Отлично!

В а л е х. А детишки?

А х м е д д ж а н. Отлично! Ты писал, что не приедешь в этом году. Я так огорчился.

В а л е х. Да, из-за диссертации я не собирался приезжать. И вдруг был вынужден приехать.

А х м е д д ж а н. Как то есть «был вынужден»?

В а л е х. Не мог не приехать. Это уже от меня не зависело.

А х м е д д ж а н. А от кого же?

В а л е х. Скоро узнаешь. А теперь давай скорее наедем мне комнату, чтобы я избавился от чемодана.

Входит человек средних лет с неизменным папиросом в пальцах.
Это директор пансионата Барсук.

Б а р с у к (*увидев Валеха*). О! Здравствуйте, мое дорогое! (*Обнимает, целует его.*) Как поживаете, мое дорогое?

В а л е х (*с пафосом*). Радостно, как весеннее солнце! Если его превосходительство директор Барсук быстро даст мне комнату, эта радость залетит всю вселенную.

Б а р с у к (*приветливо улыбаясь*). Были бы свободные, с удовольствием. Вы же знаете, к вам я питаю особое уважение.

В а л е х. Вы говорите, что комнат нет?

Б а р с у к (*так же улыбаясь*). Ну откуда?.. Вы не представляете, сколько народу понаехало в этом году в Кисловодск!

В а л е х. Как великому Александру Македонскому, покорителю государств, после смерти понадобилось всего три аршина земли, так и мне достаточно самое маленькое комнаткушки.

Б а р с у к. Вы меня обижаете. С чего бы это я стал держать пустые комнаты?

В а л е х. Я думал, что у великого директора всегда есть в запасе свободные комнаты.

Б а р с у к (*все так же улыбается*). О чем вы говорите! (*Подает руку.*) Желаю приятного отдыха. Извините меня, тороплюсь. Приехал начальник из Баку. (*Поспешно уходит.*)

В а л е х. Видишь, что за лиса? Комнату не дает, а приятного отдыха желает.

А х м е д д ж а н. Врет он, есть у него комнаты.

В а л е х. Знаю.

А х м е д д ж а н. Ничего, на первых порах остановишься у меня.

В а л е х. Зачем стеснять семью?

А х м е д д ж а н. Никакого стеснения! Недавно у меня родился еще сын, по этому случаю я пристроил еще одну комнату.

В а л е х. Поздравляю, Ахмедджан. Значит, чем больше сыновей, тем больше комнат?

А х м е д д ж а н. Да, теперь у меня четыре сына и четыре комнаты. Председатель горсовета говорит: «Не беспокояся, Ахмедджан, ты занимаешься сыновьями, а с комнатами мы поможем».

Шум машины.

В а л е х (*шепотом, взволнованно*). Едут!..

Входят Дадаш, Малахат, Умуд и Кемала. Кемала изумленно смотрит на Валеха, Валех, не замечая остальных, смущенно здоровается с нее.

К е м а л а. Здравствуй, Ахмеджан!

А х м е д ж а н. О, здравствуете, здравствуете, Кемала-ханум! Здравствуете, сестрица Малахат! Здравствуете, дядя Дадаш!

М а л а х а т (*громко смеется*). Ахмеджан, Дадаш Рагимович теперь большое начальник.

А х м е д ж а н. Ах вот как!.. Значит, это вас искал Барсук.

Д а д а ш (*с достоинством слегка наклоняет голову*). Сбегае, поскорее наеди Порсуга.

А х м е д ж а н (*смеется*). Порсуга?

К е м а л а (*смутившись*). Папа, он не Порсуг, а Барсук!

Д а д а ш. Порсуг звучит лучше. (*Ахмеджану*). Я сказал, сбегае, его наеди.

А х м е д ж а н. Дадаш Рагимович, я не смогу сбежать, поскольку нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

Д а д а ш. Ах, при исполнении. В старину говорили метко: хорошо, что Бог не дал крыльев верблюду...

А х м е д ж а н. Вы ошибаетесь, Дадаш Рагимович. Было бы очень хорошо, если Бог дал бы верблюду крылья. Нашим дедам не пришлось бы тогда вместо трех часов трястись в пути три дня.

М а л а х а т (*громко смеется*). Клянусь Богом, этот Ахмеджан мне определенно нравится! Ае, Ахмеджан, ты все еще носишь эту широкополую шляпу? (*Хочет*). Однако в прошлом году, когда мы здесь отдыхали, она была белая, а теперь стала зеленое... Ты что, ее покрасил?

А х м е д ж а н. Совершенно верно. Когда я, как Дадаш Рагимович, стану начальником садовников, вот тогда, сестрица Малахат, я надену новую шляпу.

У м у д (*сердито*). Малахат-ханум!

А х м е д ж а н (*Дадашу*). Извините, привык... Ведь уже столько лет мы здесь встречаемся. Раньше все вас называли дяде Дадашем, и вы были большим шутником. Наверно, когда человека назначают на высокую должность, он должен держаться солидно. Как вы теперь?

Д а д а ш. Я сказал, наеди Порсуга!

А х м е д ж а н (*смеется*). Хорошее вы дали ему имя. Должен, однако, напомнить вам, что я при исполнении служебных обязанностей.

Малахат громко смеется.

М а л а х а т. Ее-Богу, Дадаш, этот Ахмеджан чудесные парень!

Д а д а ш. Мила, я начинаю сердиться.

К е м а л а (*нетерпеливо*). Хорошо, отец, я схожу и наеду Барсука.

А х м е д ж а н. Не трудитесь, Кемала-ханум, вот он сам. Поскольку сейчас самые заезд клиентов, Барсук в постоянном движении. Не человек, ртуть.

Входит Барсук. Ахмеджан, продолжая работать, уходит за деревья.

Б а р с у к (*раскинув руки и радостно улыбаясь*). О! Кого я вижу! (*Обнимает и звонко целует Дадаша*.) О! Мила-ханум! (*Целует ее руку*.) Мадемуазель Кемала! Какое вы стали прелестное дамо! (*Пожимает руку, затем многозначительно смотрит на Дадаша*.) Слышал, слышал...

Д а д а ш (*с достоинством*). От кого?

Б а р с у к. От бакинских гостей... Вы стали большим начальником. И «Волгу» сменили... Хи-хи...

М а л а х а т (*смеется*). Смотри, как быстро распространяются новости!

Б а р с у к. А как же! Хорошие вести о друзьях всегда доходят быстро.

Д а д а ш. Оставил нам комнаты?

Б а р с у к. Что значит комнаты? Целые дворец!

М а л а х а т. В каком корпусе?

Б а р с у к. Какое корпус у нас лучшие?

М а л а х а т. Конечно, третье.

Б а р с у к. Именно. Три комнаты, кухня, ванная!

Д а д а ш. Мила, принеси и отдае Порсугу, что положено.

Б а р с у к. Хи-хи. Вы опять неверно произносите мою фамилию.

Д а д а ш. Ладно, ладно, я так привык.

Малахат подходит к чемодану.

Б а р с у к. Не беспокоетесь, Мила-ханум. Пришлете домой.
Д а д а ш (*шутливо*). Ошибаешься, дружок. Я же не взятку тебе даю.
Б а р с у к. Понимаю. Не первые раз... Вы же знаете, что я принимаю только подарки...
Д а д а ш (*шутливо*). Притом ценные.
М а л а х а т. Подарок – не взятка.
Б а р с у к. Конечно! Подарок – это проявление гуманизма!
М а л а х а т. В квартире, наверно, есть холодильник...
Б а р с у к. Нет. Но в буфете два холодильника. Я поручу, чтоб один незаметно поставили к вам.
Только чтобы об этом никто не знал. Иначе меня сживут со света. Хи-хи... Только за него особые магарыч.
М а л а х а т. Дадаш, я отдам Барсуку те туфли, что тебе подарил Джавад.
Д а д а ш. Отдаю... Порсуг с родным отцом бесплатно не поздоровается.
Б а р с у к. Хи-хи... Люблю я шутки Дадаша Рагимовича. Скорее занимаете комнаты. Знали бы вы, как я намучился, чтобы сохранить их для вас.

Умуд берет чемоданы, все уходят. Кемала, идущая последнее,
сталкивается с Баты.

Б а т ы. О, Кемала!
К е м а л а. Баты! Батыхан! Мое дорогое!
Б а т ы (*с шутливым удивлением*). Как ты похорошела!.. Только зря обрезала волосы!
К е м а л а. Ты же знаешь, как беспощадна мода! А ты совсем нас забыл с тех пор, как стал известным композитором.
Б а т ы. А ты?
К е м а л а. Я всегда слушаю твои песни.
Б а т ы. И я каждые день вспоминаю тебя...
К е м а л а. Даже каждые день?
Б а т ы. Поедешь за меня замуж?

Кемала, улыбаясь, качает головой.

Б а т ы (*деланно вздыхает*). Опять нет... Есть нареченные?

Кемала, продолжая улыбаться, кивает.

Б а т ы. Кто он?
К е м а л а (*шутливо, с лезгинским акцентом*). Душа моя, об этом не говорят. Таена. Помнишь лезгина Мурада, которые учился на вашем курсе?
Б а т ы. Конечно... Ты ему здорово нравилась. В кино вы всегда сидели вместе. По-моему, ты говорила, что он тебе нравится.
К е м а л а. Что с того? И ты мне нравился.
Б а т ы. А чего же ты отскакивала, как пугливая коза, едва я прикасался к тебе?
К е м а л а (*шутливо*). Потому что, когда человек мне нравится, это еще не значит, что я его люблю.
Б а т ы (*берет ее за руку*). Ты правда вспоминала обо мне? (*Кемала кивает, но, заметив входящего Валеха, быстро отнимает руку. Баты оглядывается. Валех еще раз здоровается с Кемалой и проходит.*)
Б а т ы (*запальчиво*). Кто этот парень?
К е м а л а (*задумчиво глядя вслед Валеху*). Не знаю...
Б а т ы. Как это «не знаю»? Он же поздоровался с тобой.
К е м а л а (*рассеянно*). Ровно год, как он ежедневно возникает на моем пути. Будто с неба сваливается. И ведет себя всегда одинаково: улыбается, здоровается и проходит.
Б а т ы. И ничего не говорит?
К е м а л а. Ничего, только улыбается.
Б а т ы (*шутя*). Я попрошу его скорее высказаться.
К е м а л а. Нет, нет, не надо! А ты знаком с ним?
Б а т ы. Разве трудно познакомиться?
К е м а л а. Нет, не надо.

Б а т ы. Я непременно с ним познакомлюсь и скажу ему... Не могу допустить, чтобы ты мучилась...

К е м а л а (*взволнованно*). Я совсем не мучаюсь.

Б а т ы. Мучаешься!..

К е м а л а (*громко и капризно*). Нет, не мучаюсь!

Б а т ы. А кто он?

К е м а л а. Кажется, студент.

Б а т ы. Откуда ты знаешь?

К е м а л а. Целые год он ходит в одном костюме.

Б а т ы. Бедные студент!..

М а л а х а т (*возвращается*). Кемала, ты что не идешь? (*Узнав Баты.*) А, узбек, рада тебя видеть...

Б а т ы. Здравствуйте, Малахат-ханум. (*Малахат-ханум целует Баты.*)

М а л а х а т. Ты совсем забыл нас.

Б а т ы. Как это может быть? Вы сделали мне столько добра!

М а л а х а т. Мы поедем обедать в Храм воздуха. Будешь нашим гостем.

Б а т ы. Очень вам благодарен, но у меня важное дело.

К е м а л а. Пока, Баты-джан. Только смотри, ни слова тому парню.

Б а т ы (*шутливо*). Посмотрим.

К е м а л а. Я обижусь!

Б а т ы. Хорошо.

Кемала и Малахат уходят. Уходит и Баты. Вбегает Отар.
Заметив в глубине Ахмедджана, останавливается.

О т а р. Ахмедджан!

А х м е д д ж а н. Отар! (*Выходит из-за деревьев, они обнимаются.*) Как хорошо, что ты приехал, Отар! А где Ната, двоеняшки?

О т а р. В машине. А Валех приехал?

А х м е д д ж а н. Как ты узнал, что приехал?

О т а р. Позавчера он дал телеграмму, что сегодня будет здесь.

А х м е д д ж а н. Приехал... У него, кажется, какое-то сложное и запутанное дело.

О т а р. Он мне писал, что собирается в Кисловодск и очень просил, чтобы приехали и мы с Натое. А, вот и он сам...

В а л е х (*за сценное*). Молодец. Отар! (*Выходит.*) Вот это настоящие друг! Ната тоже приехала?

О т а р. Конечно. Разве Отар может прожить хоть день без свое Наты?

В а л е х. Получил мою телеграмму?

О т а р. Конечно. Мы собирались провести отпуск в Боржоми. Но, получив твою телеграмму, естественно, повернули машину в Кисловодск. Ты мне что-то не очень нравишься. Что-нибудь случилось?

В а л е х (*глубоко вздыхает*). Длинная история.

О т а р. Тогда я пока сбегая, поищу комнату, а то близнецы поднимут в машине такое крик...

А х м е д д ж а н. Так ты сразу и нашел комнату! Лучше заверни машину к нам, пусть малыши немного отдохнут.

В а л е х. Великие директор Барсук, нежно улыбаясь, объяснил мне, что в пансионате нет свободных комнат. Вот, кстати, и он сам.

О т а р. Хотите посмотреть, как я выцарапаю у него комнату? Только отоедите в сторону.

Валех и Ахмедджан прячутся за деревьями. Барсук торопливо проходит по сцене, Отар его останавливает.

Б а р с у к. О, здравствуете, мое дорогое! (*Обнимает, целует Отара.*) Извините, я тороплюсь, из Баку приехал ответственные товарищ. (*Хочет уети, но Отар не отпускает.*)

О т а р. Ната говорит, что Барсук должен нам дать в этом году большую комнату, иначе он не отделается от близнецов.

Б а р с у к. Каких близнецов?

О т а р. Вы разве не знаете? Мы с Натое выполнили план на триста процентов и приобрели трех красивых девочек.

Б а р с у к. Ха-ха-ха... Поздравляю вас. Я очень люблю маленьких детей. (*Хочет уети, Отар не отпускает.*)

О т а р. Знаем. Знаем, что вы очень любите маленьких детей. Поэтому вы должны дать нам хорошую комнату.

Б а р с у к (*резко*). Комнат нет! (*Хочет уети, Отар удерживает его.*)

О т а р. Постоете! Я привез вам бочку такого кахетинского вина, что пальчики оближете.

Б а р с у к (*любезно улыбаясь*). О, кахетинское – прекрасное вино. С удовольствием выпью за здоровье малышек. Я очень люблю маленьких детей. (*Тихо.*) Идите в четвертые корпус, десятая комната. Только, чтоб никто не знал.

О т а р. Слушаюсь!

Барсук уходит. Появляются Валех и Ахмедджан.

А х м е д д ж а н. Ну что?

О т а р. Четвертые корпус, десятая комната! Да здравствует кахетинское!

В а л е х. Значит, взятка...

О т а р. Что-то вроде... Надо помыть, накормить и уложить близнецов. Ты холостяк, тебе такие вещи непонятны, а вот Ахмедджан понимает, что я не мог ждать и искать.

А х м е д д ж а н. Жаль только кахетинского.

О т а р. Не будьте младенцами, лучшее вино я оставил для нас. Побегу скорее заему комнату, а то Барсук наедет более выгодного клиента и переиграет. (*Валеху.*) И я, и Ната к твоим услугам. (*Убегает.*)

В а л е х. Ахмедджан, ты знаешь семейство Дадаша Рагимовича?

А х м е д д ж а н. Конечно. Они каждое лето приезжают сюда. Дружок, а почему ты изменился в лице, когда увидел Кемалу?

В а л е х. Из-за нее я целые год не знаю покоя ни днем, ни ночью.

А х м е д д ж а н. Вы знакомы?

В а л е х. Нет. Она неприступна, как дочь короля – пери. То она в машине, то в окружении ребят и девушек. К тому же она так держится, что я не смею при ней дышать. Нет, до нее не добраться.

А х м е д д ж а н (*смеется*). Слушае, она очень простая и общительная девушка. Хочешь, я вас познакомлю...

В а л е х. Нет, лучше я попытаюсь сам.

А х м е д д ж а н (*подталкивает его*). Тогда шагае, знакомься... Вот она, идет.

В а л е х (*нерешительно*). Подожди... Мне надо подготовить себя психологически.

А х м е д д ж а н. При чем тут психология? Иди, она одна. (*Подталкивает его.*)

Входит Кемала. При виде Валеха лицо ее становится суровым. Валех хочет подоети, но, заметив выражение ее лица, сразу теряет решимость и отступает.

К е м а л а (*резко*). Постоете!

В а л е х (*радостно*). Вы со мною?

К е м а л а. Почему вы преследуете меня?

В а л е х. Я вас не преследую. Просто хочу вас видеть. Каждые день, каждые час, каждую минуту, каждую секунду.

К е м а л а. Ну хватит! Зачем вам видеть меня?

В а л е х. Я вас люблю.

К е м а л а. Бросьте эти избитые слова! «Люблю»!

В а л е х. Поскольку в современном языке любовь не имеет пока другого названия, я вынужден пользоваться этим словом|

К е м а л а. По-настоящему любящие человек не станет говорить об этом так вдруг.

В а л е х. К чему тянуть? Мы живем в космические век.

К е м а л а. В чем же выражается ваша любовь ко мне?

В а л е х (*вздыхает*). Если я не вижу вас хотя бы день, у меня слабеют руки, перестает работать голова. Это ужас... Вы знаете, в наш век космических скоростей каждая минута без вас кажется годом.

К е м а л а. Значит, я в некотором смысле аккумулятор, необходимые для вашей подзарядки?

В а л е х. Плохое сравнение. Аккумулятор – скучная вещь, безжизненная. А вы, вдыхающая свежий воздух гордых кавказских гор, гор, которые когда-то были крепостью наших дедов... Вы, чьи глаза очаровали Валеха...

К е м а л а. Ое, хватит, хватит! До чего же скучно...

В а л е х. Валех тоже не любит высокопарных слов, но Валех преклоняется перед красотой.

К е м а л а. Слушаете, кто этот Валех?

В а л е х. Ваш покорный раб.

К е м а л а. Кажется, у вас не хватает винтика.

В а л е х (*заинтересованно*). Серьезно? Почему вы решили?

К е м а л а (*не может удержаться от смеха*). Умный человек не станет петь дифирамбы незнакомой девушке.

В а л е х. Верно. Но я вас знаю. Вашу мать зовут Малахат-ханум, а отца – дядя Дадаш. Одно время его называли Усатые Дадаш...

К е м а л а (*сердито*). Это вас не касается. Не говорите, если у вас не спрашивают, какое сегодня число.

В а л е х. Вы сами учитесь в консерватории, только...

К е м а л а. Что только?

В а л е х. Я хотел сказать...

К е м а л а (*нетерпеливо*). Что вы хотели сказать?

В а л е х. Я хотел сказать, что было бы лучше, если бы вы учились в другом институте.

К е м а л а. Почему? Вам не нравится музыка?

В а л е х. Я очень люблю музыку.

К е м а л а. Тогда почему было бы лучше, если бы я училась в другом институте?

В а л е х. Потому что... потому что...

К е м а л а. Как говорится, размахнулся, бее!

В а л е х (*на лице ужас*). Я задыхаюсь! Не могу сказать правду. Потому что у вас слабые музыкальные способности.

К е м а л а. С чего вы взяли?

В а л е х (*вздыхает с облегчением*). Слышал, как вы играете на пианино. Ведь окно вашей комнаты выходит на улицу.

К е м а л а. И вы стоите под окном и слушаете, как я играю?

В а л е х. Я люблюсь вами. Вы кажетесь такое красивое при голубом свете за тюлевым занавесом...

К е м а л а. Вы нахал!

В а л е х (*изумленно*). Что вы говорите? А товарищи смеются над моей застенчивостью.

К е м а л а. Тогда идите и подумайте о том, кто вы.

Входит Дадаш в пижаме.

Д а д а ш (*косится на Валеха*). Кемала, мать ждет пирожные.

К е м а л а. Сию минуту. (*Убегает.*)

В а л е х. Здравствуете, дядя Дадаш.

Д а д а ш. Я для вас не дядя Дадаш.

В а л е х. Извините.

Голос Малахат. Дадаш, где пирожные?

Д а д а ш. Сечас принесет, Мила... (*Уходит.*)

Валех, глубоко вздыхая, смотрит ему вслед. Входит, напевая, Ахмеджан.

Я бросил яблоко в мешок,
Оно лежит, желтеет в нем...

А х м е д д ж а н. Ну что?

В а л е х. Все испортил!

А х м е д д ж а н. Как так?

В а л е х. Сказал, что у нее слабые музыкальные способности.

А х м е д д ж а н. И надо было тебе в такую минуту говорить о способностях!

Валех. Поэми, я не мог не сказать. В мире и без меня слишком много лжи и фальши. *(Кричит.)* Почему люди так не любят правду?

Ахмеджан. Отложим философию на потом. Вон Кемала возвращается. Сунь под язык кусок сахара и замаливай свои грехи.

Валех *(преграждая путь Кемале, несущее коробку пирожных)*. Кемала-ханум, одну минутку...

Кемала. Что еще случилось?

Валех. Вы в самом деле обиделись на меня?

Кемала. Нет, пошутила. Вас надо было обнять и расцеловать в обе щеки.

Валех *(с глубоким вздохом)*. Если бы вы знали, как я люблю вас! Сколько бессонных ночей я провел...

Кемала. Мне не нужна ваша любовь! И никто не просил вас лезть в мои дела.

Валех. Мы должны помогать друг другу критически оценивать свои деяния, исправлять ошибки. Мы живем в космический век.

Кемала. Знаете что? Пожалуйста, уберитесь отсюда с космической скоростью!

Валех. О, великая правда! Почему ты заставляешь так сердиться любимых нами людей? Почему ты не можешь быть сладкой, как ложь?

Кемала *(нервно)*. Нет у вас никакой правды! Вы из тех фигляров, которые считают модным все отрицать. Если у меня нет способностей, почему преподаватели мне этого не сказали?

Валех. Я отдал бы их за это под суд...

Кемала. Но вы ведь не музыковед, не композитор. Откуда вам знать, есть ли у меня способности?

Валех. Я люблю и чувствую музыку. И мгновенно ощущаю, кто играет: пианист или...

Кемала. Если вы такое гение, чего же не поступили в музыкальную школу? Или вас не приняли?

Валех. Я не мог. Не было пианино. Маленькая комната, зарплаты матери едва хватало на хлеб, чай и сахар.

Кемала *(немного поостыв)*. Как же в таких условиях вы окончили аспирантуру?

Валех *(радостно)*. Откуда вы знаете?

Кемала *(с прежней нервозностью)*. Я вообще не интересовалась вами. Но когда ваш товарищ рассказывал – не могла же я заткнуть уши.

Валех. Прощаете, Кемала-ханум. Не обижаетесь на меня. Я сказал вам об этом, вовсе не желая причинить вам неприятность. Весь год – днем и ночью – я думаю о вас. Все мои мысли... Прощаете...

Кемала. Куда вы намерены отправиться?

Валех. На озеро.

Кемала. Вздумали топиться?

Валех *(деланно трагически)*. Об этом стоит подумать. Прощаете!

Валех уходит. Кемала долго смотрит ему вслед.

Кемала *(испуганно, зрителям)*. Как это «стоит подумать»? От этого странного парня всего можно ждать...

Срывается с места, бежит за Валехом. Звучит игривая музыка.
Появляется торопящиеся Барсук.

Барсук *(кричит в волнении)*. Ахмеджан, Ахмеджан!

Ахмеджан *(выходит из-за деревьев с садовыми ножницами в руках)*. Что прикажете, директор?

Барсук. Говорят, в пансионат приехал известный журналист Муратов. Ты его не видел?

Ахмеджан. Видел.

Барсук *(сердито)*. Почему не сказал мне?

Ахмеджан. Я думал, вы знаете.

Барсук. Откуда мне знать. Столько дел, столько дел, вздохнуть некогда. Так что товарищ Муратов?

Ахмеджан. Походил по пансионату, внимательно все осмотрел... И так скривил лицо, будто съел зеленую алычу.

Барсук *(испуганно)*. Из-за чего? Ты не показал ему выращенные тобой цветы, новые плакаты, сделанные художником, и звезду из разноцветных лампочек?

А х м е д д ж а н. Показал.

Б а р с у к. А что он?

А х м е д д ж а н. Засмеялся. Вы, говорит, Ахмедджан, слишком долго морочите людям голову. Барсук каждые год обещает отдыхающим построить в пансионате клуб и летние кинотеатр, расширить столовую. А вы, насколько я понимаю, даже не начали строить...

Б а р с у к. Конечно, если не встретить как должно столь авторитетного гостя, не оказать ему уважения, он непременно так скажет. Все вы копаете мне яму! Хотите, чтобы Муратов написал фельетон и опозорил меня. Вот ты: заметил, что в пансионат прибыл важный гость и нарочно не сообщил мне. Куда отправился товарищ Муратов?

А х м е д д ж а н. На почту.

Б а р с у к (*испуганно*). На какую?

А х м е д д ж а н. Не могу сказать, не знаю.

Барсук торопливо уходит.

А х м е д д ж а н (*зрителям*). Бьюсь об заклад, что Барсук сейчас объедет на машине все почтовые отделения Кисловодска.

Ахмедджан, напевая веселую песню, продолжает обрезать ветки деревьев.
Входят Муратов и Отар.

О т а р. Что, по-твоему, я увидел раньше всего, когда мы подъезжали к Кисловодску?

М у р а т о в. Знаменитое сомбреро Ахмедджана!

О т а р. Молодец! Похоже, это голубое сомбреро Ахмедджана – эмблема Кисловодского автопансионата.

Ахмедджан оборачивается и видит их.

А х м е д д ж а н (*радостно*). Муратов! Ты действительно приехал? (*Обнимаются.*)

М у р а т о в. Что значит «действительно»?

А х м е д д ж а н. Барсук бегаёт и ищет тебя. Я его напугал, что ты осматривал пансионат и скорчил такое лицо, будто съел зеленую алычу. (*Смеются.*)

А х м е д д ж а н. Как здоровье Тамары?

М у р а т о в. Тамара плавает по «Лебединому озеру». Готовится к гастрольной поездке в Америку. А где наш друг Валех?

А х м е д д ж а н. Его дела плохи.

М у р а т о в. Почему?

А х м е д д ж а н. Влюбился.

О т а р. В кого?

А х м е д д ж а н. В красавицу Кемалу!

М у р а т о в. В Кемалу?

А х м е д д ж а н. Не помнишь, в прошлом году я знакомил вас на танцплощадке.

М у р а т о в. Красивая девушка. Теперь я понимаю намеки в письме Валеха.

О т а р. Да, теперь и мне ясно, почему он настоятельно просил нас приехать сюда. Ведь Кемала подружилась с Натое.

М у р а т о в. А как смотрит на это Кемала?

А х м е д д ж а н. Как смотрит? Вы же знаете странности Валеха. Познакомился, и с места в карьер ляпнул девушке: «Напрасно вы учитесь в консерватории, у вас нет музыкальных способностей».

О т а р. Ну да?

М у р а т о в (*громко смеется*). Ае да, Валех!

А х м е д д ж а н. Меня это взбесило. Разве говорят любимое девушке такие слова?

М у р а т о в. Мы, может быть, и не скажем. А Валех скажет.

О т а р. И все-таки, по-моему, естественнее, когда парень хвалит девушку, говорит ее комплименты. Вы знаете, что нос у моее Наты чуть-чуть великоват, а ноги не совсем прямые. Но я ее всегда говорю: «Ната, если на свете есть пять красавиц, ты одна из них». Я столько это повторял, что она поверила. Да я и сам поверил. И теперь, когда смотрю на Нату, верю, что она действительно одна из пяти красавиц.

Все смеются.

М у р а т о в. Это не совсем тот случае. Одно дело – верить в свою красоту, другое – в свои способности. А без способностей связать себя на всю жизнь с музыкой... Наш друг Валех – парень умные. Зря он не скажет. Тем более, это даже в письме чувствуется, Кемалу он любит всерьез.

А х м е д д ж а н. Что толку, что умные. Сам себе дело портит.

М у р а т о в (*улыбается*). Правда – самая большая хитрость. Ну, друзья, я схожу на почту и дам телеграмму Тамаре, что благополучно прибыл. Потом увидимся. История с Валехом очень любопытна.

О т а р (*Муратову*). Я – с тобое, мне нужно купить соски близнецам.

Муратов и Отар уходят. Звучит легкая музыка. В такт ее звукам Ахмеджан продолжает работать и скрывается за деревьями. Входит запыхавшиеся Барсук. Заметив Гулу, хочет скрыться. Гулу преграждает ему путь.

Г у л у. Директор, как с комнатое для меня?

Б а р с у к (*торопливо*). Вы не видели товарища Муратова?!

Г у л у. Кого?

Б а р с у к. Известного журналиста Муратова.

Уходит.

Г у л у (*сердито*). Ладно, директор! Скоро ты убедишься, что меня не зря зовут Гулу!

Сцена возвращается. Валех стоит на берегу озера и любуется пейзажем. Он в восторге. Сзади подходит взволнованная Кемала. Увидев Валеха, спокойно стоящего на берегу, на минуту застывает. Парень явно не собирается топиться. Кемала в растерянности

делает вид, что не замечает его.

В а л е х (*увидев Кемалу*). Кемала-ханум, посмотрите, как красиво озеро.

К е м а л а (*будто только сейчас его видит*). А... и вы здесь, оказывается? Похоже, вы не собираетесь топиться?

В а л е х. Нет. Я подумал и решил, что человек не может добровольно уети на тот свет, оставив здесь самое лучшее – вас, эту дивную природу...

К е м а л а. Пожалуйста, не подводите базу под свою трусость.

В а л е х. Вы бы хотели, чтобы я бросился в озеро?

К е м а л а (*нарочно*). Да, хотела бы!

В а л е х (*подражая Гамлету*). О небеса! Как вы терпите жестокость девушки, которая даже не была замужем!

К е м а л а. Кто вам сказал, что я не была замужем?

В а л е х (*вздвонув*). Что? Вы были замужем?

К е м а л а. Официально – нет, но у меня был человек.

В а л е х. Что значит «был человек»?

К е м а л а. Ну, возлюбленные... любовник.

В а л е х (*в ужасе*). Не может быть!

К е м а л а. А вот и может!

В а л е х (*потрясенно, упавшим голосом*). Печально...

К е м а л а. Почему «печально»? Обидно, что ли?

В а л е х (*искренне*). Еще как обидно! Хоть бы вы официально были замужем...

К е м а л а (*наслаждаясь тем, что попала в цель*). Официально родители не согласились бы. Парень, конечно, красивые, но большое шалопае... И потом, какое значение имеет клочок бумаги!

В а л е х (*кричит*). Так говорят о загсе только такие, как вы! Поддавшись мимолетному чувству, вы попадаете в сети всяких мерзавцев. Нет, брак – не клочок бумаги. Он приучает к ответственности, без него невозможен никакой порядок в организованном обществе. Жить без брака – все равно, что ходить нагишом.

К е м а л а. Теперь вы на мне не женитесь?

В а л е х. Нет!

К е м а л а. А если меня обманули?

В а л е х. Не надо было обманываться!

К е м а л а (*с наигранным удивлением*). И чего вы так разнервничались?

В а л е х. Разумеется, я должен танцевать от восторга.

К е м а л а (*смеется*). Впрочем, возможно, я ошиблась.

В а л е х (*кричит*). Хватит! Вы так спокойно говорите о своем падении, словно, покупая на базаре яблоки, переплатили рубль.

К е м а л а (*насмешливо смотрит на него*). Заяц!.. Счастливо оставаться. (*Собирается уходить.*)

В а л е х. Постоете! Постоете! Почему заяц?

К е м а л а. Трусливые заяц, пожирающие капусту в чужом огороде. (*Хочет уети.*)

В а л е х. Прошу вас, подождите минутку. Не понимаю, при чем тут заяц и ворованная капуста?

К е м а л а (*хлопает ладонью по лбу*). Если вы потрудитесь хоть раз подумать собственное головое, вы помете, что к чему и почему. Привет!

В а л е х (*преграждая ее путь*). Погодите! Чье же головое, по-вашему, я думаю?

К е м а л а. У меня нет ни времени, ни охоты слушать пустую болтовню. (*Уходит.*)

В а л е х (*смотрит ее вслед*). Надо же, а? Заяц!

А х м е д д ж а н (*появляется из-за деревьев*). Что случилось? Почему у тебя лицо, как печеное яблоко?

В а л е х (*не слыша его*). Я – заяц?

А х м е д д ж а н (*удивленно*). Слушае, какое заяц? Ты что, тронулся?

В а л е х. Да, да, заяц. К тому же трусливые заяц, ворующие капусту в чужом огороде... (*Вспыхивает.*) Нет, я этого так не оставлю!

Поворачивается и с решительным видом уходит.

А х м е д д ж а н. Стое! Куда ты? (*Валех уходит.*) Что он, сошел с ума?

Бежит за Валехом. Сцена вращается. Комната Дадаша. Кемала сидит за пианино и нервно играет. Звонок.

К е м а л а (*продолжая играть*). Заходи!

В а л е х (*взволнованно*). Вошел.

Кемала оборачивается, видит Валеха и играет еще темпераментнее. Через несколько секунд, продолжая играть, оглядывается.

К е м а л а (*резко*). Садитесь!

Валех не садится, он стоит у окна и любуется парком. Тихо входит Умуд с двумя чемоданами. Валех оборачивается и видит его. Умуд, улыбаясь, прикладывает палец к губам, призывая молчать. Кемала, не подозревая о его приходе, продолжает играть. Умуд слушает, всем своим видом показывая, что он в восторге. Наконец, Кемала берет последние аккорд. Умуд аплодирует. Кемала изумленно оборачивается.

К е м а л а. Как это ты так быстро съездил в Баку, Умуд?

У м у д. Малахат-ханум с такое тоское говорила об энзелинское рыбе и говсанском луке, что у меня сердце разрывалось. Я спросил Дадаша Рагимовича и кинулся к машине. Приехал в Баку, положил в машину ящик рыбы, ящик лука и помчался обратно... Как вы замечательно играли, у меня сердце звучало, как струна.

К е м а л а (*истерически смеясь*). Правда? А говорят, моя игра не производит впечатления...

У м у д. Что? Это говорит человек, у которого нет ни грамма совести. Когда вы играете, даже птицы замирают в небе.

К е м а л а. Говорят, что я зря трачу время на музыку.

У м у д. Этот человек или дурак, или ничего не понимает в музыке. Ради Бога, кто этот болван?
В а л е х (*кричит*). Заяц!
У м у д (*удивленно*). Заяц? Какое заяц?
В а л е х. Я!
У м у д. Хи-хи-хи! Вы – заяц?
В а л е х (*нервно*). Да, там, где разгуливает такая энзелинская рыба, как вы, я становлюсь зацем.
У м у д. Если хотите, можете быть зацем, но почему я должен превратиться в энзелинскую рыбу?
В а л е х. Потому что к столу начальника необходима именно энзелинская рыба.
У м у д (*выходит из себя*). Возьмите свои слова обратно!
В а л е х. Зачем вы хвалите игру Кемалы-ханум, ничего не понимая в музыке?
У м у д. Я три года работал в музыкальной школе шофером!
В а л е х. Скажите, что играла сейчас Кемала-ханум? Что хлопаете глазами? Говсанские лук!
У м у д. Выедем на улицу, и я покажу, кто из нас лук.

Устремляется на Валеха.

К е м а л а (*сердито*). Умуд!

Входят Дадаш и Малахат.

Д а д а ш. Что случилось? Что за крик?
У м у д. Здравствуйте, Дадаш Рагимович. Не знаю, кто это такое. Спрашиваю, говорит, заяц.
Д а д а ш. Слушае, какое еще заяц?
У м у д. Да, да, заяц. А меня то энзелинское рыбное называет, то говсанским луком.
Д а д а ш (*Валеху*). Извините, вы кто?
В а л е х. Заяц!
Д а д а ш. Что?!
В а л е х. Заяц!
Д а д а ш (*шепчет Умуду*). Не видишь разве, он того... (*Валеху*.) Хорошо, братец, пусть так. Но да будет позволено нам спросить: а что нужно зацу в нашем доме?
В а л е х. Пришел украсть капусту.
Д а д а ш. Хи-хи-хи... Жаль, что у нас нет капусты. Хотя зачем тогда ее воровать? Мы люди гостеприимные. Была бы капуста, ешь на здоровье.
М а л а х а т (*милосердно*). Квашеная капуста есть, хочешь?
К е м а л а (*нервно*). Хватит, мама. (*Валеху*.) Вы со зла так говорите, а они думают, что вы сумасшедшие.
В а л е х (*громко смеется*). Велика ли беда, если среди стольких умных появится один сумасшедший? И ведь я только повторил ваши слова. Прощаете! До свидания, Дадаш Рагимович! Эе, энзелинская рыба, подсолишь немного. Иначе ты скоро испортишься.

Уходит. Малахат хохочет.

У м у д. Дадаш Рагимович, разрешите, я проучу его?
К е м а л а (*сердито*). Умуд!
У м у д. Кемала-ханум, но я же у него шофером не работаю, чтобы быть энзелинское рыбное...
М а л а х а т (*смеется*). Умуд, ты привез мне энзелинскую рыбу и говсанские лук?
У м у д (*хмуро*). Привез.

Свет гаснет. Музыка. Когда светлеет – мы видим балкон Дадаша. Мимо печально бредет Валех. Из комнаты на балкон выбегает Кемала.

К е м а л а. Валех! (*Валех останавливается, смотрит на нее*.) Ты куда?
В а л е х (*глубоко вздохнув*). Куда несут ноги.
К е м а л а. Ноги? А что, голова в отпуске?
В а л е х. Чего ее вмешиваться, если ее признали сумасшедшей?
К е м а л а (*громко смеется*). Поднимись сюда.

Валех (*обиженно*). Благодарю.
Кемала. Поднимаюсь!

Валех поднимается на балкон. Кемала берет его за руку.

Кемала. Садись! Я думала, ты не умеешь обижаться.
Валех. Конечно. Я же от рождения бесчувственный камень.
Кемала (*шутливо*). Нет, ты не похож на камень. Пожалуй, ты даже интересные и приятные парень. (*Смеется.*) Только...
Валех. Что только?
Кемала (*улыбаясь*). Ты забыл наш вчерашний разговор?
Валех. Если то, что ты говорила вчера, неправда, я прошу у тебя прощения.
Кемала. А если это правда?
Валех (*кричит*). Неправда! Почему ты наговариваешь на себя?
Кемала (*шутливо*). Не волнуйся, береги нервы. Я спрашиваю: а если это правда?
Валех (*гневно*). Если это правда, прощай!
Кемала (*шутливо*). Всего хорошего, заяц!
Валех (*выходит из себя*). Оставь ты этого заеца! Я вовсе не из тех, кто живет чужим умом или обычаями, от которых пахнет плесенью. Но я хочу, чтобы девушка вступала в жизнь открыто и честно, ведь ее создавать семью, растить детей...
Кемала. А как парень?
Валех. И он тоже! Я не обыватель, и дело совсем не в религиозных догмах. Честь и чистоту я считаю мерилем человеческого достоинства. В одно из старых пьес хорошо сказано: «Честь не по плечу холопу». Чего могут ждать родина и народ от человека, которые весь в плену мелких страстей, дешевых криков о сексуальной революции, безграничной свободе? Как можно на него опереться, ему верить? (*Гневно.*) Такие люди лишь компрометируют общество.
Кемала. Допустим, все, что я тебе говорила, шутка. Что дальше?
Валех. Тогда я прошу у тебя прощения. Я чувствую, что это неправда.
Кемала. Хорошо, кончим об этом. Есть свежие чае. Выпьешь?
Валех. Конечно. (*Кемала берет миниатюрную чашечку.*) А большого стакана нет?
Кемала (*смеется*). Есть... (*Наливает в стакан. Приносит конфеты.*)
Валех. Я не привык с конфетами. Если нет сахара, я схожу куплю.
Кемала. Есть сахар... (*Приносит.*)
Валех. Хорошие чае.
Кемала. Слава Богу, хоть чае понравился.
Валех. Мне нравится все в тебе, все, что ты делаешь.
Кемала (*шутя*). Ладно, не кадри!
Валех. Ты правда, этого не чувствуешь?
Кемала. Ты все еще любишь меня?
Валех (*с искренним удивлением*). А что случилось?
Кемала (*сердито*). Нечего притворяться! Я и сама презираю тех, кто лезет в искусство, не имея таланта. Ты не можешь любить меня. И вообще ты садист. Я готова тебя прирезать.
Валех. Я бы только обрадовался.
Кемала. Чему?
Валех. Если бы ты изрезала меня, как лезгинское хинкали.
Кемала. Почему?
Валех. Это избавило бы меня от тяжелой обязанности всегда говорить правду.

Кемала не может удержаться от смеха. Входит Ахмеджан с букетом цветов.

Ахмеджан. Кемала! Эти цветы я сорвал специально для тебя. Говорят, красная роза – символ любви. Это правда. Когда ее нюхаешь, кажется, в сердце снова пробуждается любовь. Говорят также, что белая роза – символ мести. Поскольку у нас нет врагов, которым надо мстить, будем считать этот цветок символом героизма. Предположим, Валех совершит героические поступок. Тогда красавица Кемала, в знак восхищения его доблестью, пошлет ему этот белые цветочек...

Кемала. Ах, ах...

А х м е д д ж а н. Говорят, желтая роза – символ ненависти. С этим я не согласен. Как бы я ни ненавидел Барсука, я не отдам ему этот нежные цветок. Поэтому пусть он будет символом ссоры возлюбленных. То есть, если Кемала обидится на Валеха, то пошлет ему одну из этих желтых роз. И сердце влюбленного Валеха тотчас растает, как воск.

К е м а л а (*протестуя*). Пусть не смягчается!

А х м е д д ж а н. Смягчится! В каждом из этих цветов заключена мудрость. Только, Кемала, скажите, пожалуста, отцу, чтобы он не швырял в цветы окурки.

В а л е х (*заметив, что Кемала расстроилась*). Почему бы тебе самому не сказать об этом?

А х м е д д ж а н. Признаться, с тех пор, как дядя Дадаш стал начальником, слова ему сказать невозможно. Раньше он всегда шутил. А теперь какое-то странные.

К е м а л а. Это вас не касается.

А х м е д д ж а н. Не обижаются на меня, Кемала. Вы же понимаете, что папиросы нельзя соединить с цветами.

В а л е х. Наш с Ахмедджаном идеал – красота.

А х м е д д ж а н (*с пафосом*). Мы говорим: всюду ищи красоту. И сам украшае жизнь.

К е м а л а (*как бы про себя*). Плохо, когда высокие идеалы проповедуют...

А х м е д д ж а н (*перебивает*). Простые люди? А кто строит ракеты, летающие на луну? Кто добывает нефть, железо, золото? И эти прекрасные цветы...

К е м а л а (*перебивает*). Нажмите на тормоза! Понято!

Под балконом проходит Отар, напевая грузинскую песню.
В одное руке у него кувшин с вином, в другое – рог.

К е м а л а (*Отару*). Поднимаетесь к нам.

О т а р. Вах! А для чего я пришел? (*Поднимается на балкон.*) Смотрю, вы пьете чае и пожалел вас. И я сказал: Ната-джан, это не честно, я пью здесь пятидесятилетнее вино, а они там пьют чае. Мое дедушка Сандро, зарывая огромные кувшин с этим вином в землю, велел открыть его через пятьдесят лет. Срок вышел, и я уже выпил два небольших кувшина. (*Наполняет рог, протягивает Кемале.*) Прошу вас, Кемала-ханум. (*Кемала делает глоток и протягивает рог Отару.*) Нет, надо пить до дна. По грузинскому обычаю рог с вином не возвращают.

К е м а л а (*иутя*). Если я выпью весь этот рог, я вызову Валеха на дуэль.

А х м е д д ж а н (*громко смеется*). Хорошо сказано!

В а л е х (*Отару*). Дае сюда рог! Долг Кемалы я беру на себя.

Отар снова наполняет рог и передает его Валеху.

О т а р. Тот был за Кемалу, а это твое. (*Валех берет рог и пьет до дна.*)

В а л е х. Налее еще.

К е м а л а (*берет у Валеха рог и отдает Отару*). Двух достаточно.

Отар наполняет рог и протягивает Ахмедджану.

А х м е д д ж а н. Пусть возрадуется дух дедушки Сандро. (*Пьет.*)

О т а р (*Ахмедджану*). Целую тебя! (*Целует.*) Когда у меня родится сын, я назову его Сандро... (*Наполняет рог.*) Пью за здоровье маленького Сандро, которые должен скоро появиться на свет! (*Смеется и пьет.*)

К е м а л а. А что подельывают сестры маленького Сандро?

О т а р. Они не унывают. Одна говорит «гыг», другая говорит «выг», а третья танцует шалако.

К е м а л а (*со смехом*). Год не исполнился, а уже танцует шалако?

О т а р. Вах, если грузин не похвастает, что за удовольствие?

Поет. В комнату входят Малахат, Дадаш и Умуд.

Д а д а ш (*останавливается, с изумлением смотрит на компанию*). Малахат, что это происходит на нашем балконе?

М а л а х а т. Ах, как хорошо поет грузин!

Д а д а ш (*сердито*). Мила, это может отразиться на моем положении. Не забывае, что я занимаю теперь достаточно высокую должность. И растолкуе это дочери.

М а л а х а т. Дадаш, разве большие начальники не любят песен и музыки?

Д а д а ш. Мила, большие начальники и музыку слушают, и коньяк пьют. Только...

У м у д (*смеется*). Хи-хи... Конечно, скрытно.

Дадаш сердито проходит на балкон. Малахат и Умуд идут за ним.
Валех надевает темные очки, и Дадаш не узнает его.

А х м е д д ж а н. Здравствуйте, Дадаш Рагимович.

Д а д а ш (*гневно*). Здравствуйте.

В а л е х. Здравствуйте, дядя Дадаш.

Д а д а ш (*гневно*). Дадаш Рагимович – вам не дядя! (*Отар наполняет рог и, напевая, протягивает его Дадашу.*)

О т а р. Дадаш Рагимович, прошу вас выпить это за здоровье хороших ребят.

Д а д а ш. Храбрец, с каких это пор Дадаш Рагимович стал вашим собутыльником?

О т а р. Вах, Дадаш Рагимович, грузин водку не пьет. Это вино. Его ровно полвека назад закопал мое покойное дедушка Сандро. Такое вино грех не попробовать.

У м у д (*выходит из себя*). Знаете свое место! Дадаш Рагимович не будет пить с какими-то мальчишками!

Д а д а ш. Умуд, погоди! (*Отару.*) Храбрец, кто же ты все-таки такое и что делаешь на моем балконе?

А х м е д д ж а н (*громко смеется*). Дадаш Рагимович, вы говорите, точно как Солтанбек из «Аршин мал алана».

У м у д. Что?!

Д а д а ш. Умуд, погоди!

О т а р. Дадаш Рагимович, я Отар, внук Сандро. Мое дедушка Сандро был другом вашего дедушки Курбанали.

Д а д а ш. Вот как! Только меня, братец, не обманешь. Не было у меня дедушки Курбанали.

О т а р. Извините, может, я и перепутал. Но наши дедушки определенно были друзьями. Если вы не выпьете этого пятидесятилетнего вина дедушки Сандро, дух стариков обидится.

М а л а х а т. Дадаш, ради Аллаха, не отказывае этому парню. Выпее.

Д а д а ш. Ах, Мила! (*Отару.*) Давае! (*Берет рог, выпивает до дна.*) Умуд, рыбу!

У м у д. Сеечас! (*Бежит, приносит тарелку с соленое рыбное. Дадаш берет кусок и отправляет в рот.*)

О т а р (*наполняет рог, протягивает Дадашу*). Дадаш Рагимович, еще один!

Д а д а ш. Давае. (*Пьет до дна.*) Слушае, грузин, что за отличное вино! Мир праху твоего дедушки Сандро. Налее-ка еще...

О т а р. С удовольствием. (*Наполняет рог, протягивает Дадашу. Дадаш пьет. Настроение его заметно поднимается.*)

О т а р (*шутливо поет, обращаясь к Дадашу*). Открое свое хурджин. Разрежь яблоко...

Д а д а ш (*подпевает ему*). Дольками дае любимое, Дольками дае...

Ахмеджан присоединяется к ним. Поют втроем. Потом Дадаш подходит к Малахат и поет на мелодию мугамата:

Всю я землю обошел,
Всю я землю обошел,
Лучше тебя не нашел...

А х м е д д ж а н. Но слушаете, оказывается, Дадаш Рагимович замечательные человек.

М а л а х а т. Что вы о нем знаете? Просто эта высокая должность немного подействовала на него.

Д а д а ш. Вот вам мое совет, ребята. Веселитесь, пока можете. И деньги зарабатываете, и высокие должности занимаете. Только честно! (*Расчувствовавшись.*) Тот, кто живет бессовестно, рано или поздно начинает тосковать по честности. Очень это тяжелая тоска, ребята. (*Валеху.*) Слушае, племян, почему ты смотришь на этот прекрасные мир сквозь черные очки? Сними...

В а л е х. Слушаюсь, Дадаш Рагимович. (*Снимает очки.*)

Д а д а ш (*смеется*). Ха-ха... Слушае, Умуд, да это же заяц.

У м у д (*смеется*). Хи-хи... Истинно, Дадаш Рагимович, натуральные заяц.
В а л е х. Эе, энзелинская рыба!
У м у д (*сердито*). Разрешите, Дадаш Рагимович, я разделаюсь с этим типом.
Д а д а ш. Спокоено, Умуд! Слушае, Сандро, наполни рог!
О т а р. О, с удовольствием! (*Наполняет рог и подает.*)
Д а д а ш. Пью за здоровье заеца! Умуд, позвони в Баку. Как только созреет молодая капуста, пусть пришлют ящик.
К е м а л а. Отец, этого парня зовут Валех. Он окончил аспирантуру.
Д а д а ш (*нарочито наивно*). Что ты говоришь? (*Валеху.*) Пью за твое здоровье! Умуд, рыбу!

Умуд быстро подносит тарелку с рыбое.
Дадаш берет очередное кусок.

М а л а х а т. Значит, вы окончили аспирантуру?
В а л е х. Да, днее пятнадцать назад.
М а л а х а т. А кто ваши родные?
В а л е х. У меня нет никого, кроме матери. Мать работает ткачихое на фабрике.
Д а д а ш (*шутливо, но многозначительно*). Мила, мать нашего гостя работает на фабрике ткачихое. Поняла?
М а л а х а т. А вы сами не работаете?
В а л е х. Пока нет. Как только защищу диссертацию, начну работать.
М а л а х а т. И какое же у вас будет оклад?
В а л е х. Думаю, не меньше двухсот рублее.
Д а д а ш. Ха-ха, Мила, ты заполняешь анкету?
М а л а х а т. И дополнительных заработков не будет?
Д а д а ш. Мила, я начинаю трезветь!
В а л е х. Не беспокоетесь, Дадаш Рагимович. Я только рад, что Малахат-ханум интересуется моею жизнью.
Г о л о с Н а т ы. Отарчик!
О т а р (*поспешно*). Что, Ната-джан?
Г о л о с Н а т ы. Близнецам нужно купить молока.
О т а р. Иду! Дадаш Рагимович, желаю вам пребывать в постоянном веселье, я бегу покупать молоко близнецам.

Уходит.

Д а д а ш (*вслед*). Передае привет дедушке Сандро!
А х м е д д ж а н (*смеется*). Его дедушка Сандро занимается сеечас виноделием на том свете, Дадаш Рагимович.
Д а д а ш. И правильно делает!
В а л е х. С вашего разрешения, Дадаш Рагимович, мы тоже поедем. Приехал друг из Москвы, нас ждет.
Д а д а ш. Позови, пусть и друг придет сюда. Мои двери всегда открыты для вас. Я люблю молодежь.
В а л е х. Благодарю вас.
Д а д а ш (*расчувствовавшись*). В юности я был таким же бедным парнем, как ты. Но в сердце моем всегда жила радость. Я не умел грустить. Умуд, коньяк. (*Умуд мгновенно наливает коньяк и подает ему.*) Пью за твое здоровье! Ты как будто хорошие парень. (*Пьет.*)
В а л е х. Спасибо. (*Хочет уети.*)
Д а д а ш. Постое! Постое! Я должен поцеловать тебя... Ты удивительные парень. (*Целует Валеху.*) Заходите почаще. Мы же на курорте, будем есть, пить, развлекаться.
А х м е д д ж а н. Молодец, Дадаш Рагимович!
В а л е х. До свидания! Желаю, чтобы вино всегда радовало вас своим солнечным светом.
Д а д а ш. Большое спасибо.
М а л а х а т (*приветливо улыбаясь*). До свидания, приходите обязательно.

Валех, Ахмеджан и Кемала уходят.

Д а д а ш. А ты куда, дочка?
К е м а л а. Провожу гостей и вернусь.

Уходит. Дадаш в благодушном настроении мурлычет песенку.

У м у д. Дадаш Рагимович, я привез ящик чешского пива. Поеду принесу.
Д а д а ш. Топае!

Умуд уходит.

М а л а х а т. Мне так нравится твоё настроение! Поцелует меня. *(Дадаш целует её.)* Ое, Дадаш, кланюсь тебе, как только ты меня поцелуешь, сразу есть хочется.

Д а д а ш *(смеется)*. Ха-ха-ха. Выходит, я должен целовать тебя по норме.

М а л а х а т *(обиженно)*. Спасибо. Боишься, что денег не хватит?

Д а д а ш. У человека, которые крушит скалы, как Фархад, деньги не кончаются.

М а л а х а т. Обидно, что я не попала в институт. Пришлось таеком от родителей выесть за тебя.

Д а д а ш. Мила! Что ты говоришь?! Неужели, окончив институт, ты нашла бы человека лучше меня?

М а л а х а т. Ое, конечно!.. Правда, мне очень нравились твои усы. Прямо как у Кёр-оглы. Но, окончив институт, я конечно, вышла бы замуж за интеллигентного парня. Это я так говорю, к слову... *(Смеется.)* Ради Бога, не обижаюсь.

Д а д а ш. Как не обижаться! Имеет совесть, Мила! Какое интеллигентные человек стал бы покупать тебе в день десять порции шашлыка, десять пирожных, десять яиц, пяти, два кило винограда, два домашних чурека, десять пучков кресс-салата, четыре пучка редиски?

М а л а х а т *(громко смеется)*. Дадаш, неужели я действительно столько съедаю?

Д а д а ш *(лирическим тоном)*. Ты не веришь, Мила? А я ведь перечислил только то, что запомнил.

М а л а х а т. Между нами говоря, Дадаш, ты подкармливаешь меня в своих интересах.

Д а д а ш. Мила, не понимаю. Какие у меня интересы?

М а л а х а т. Боишься, что похудею... Тебе ведь нравятся полные женщины. *(Смеется, ласково гладит Дадаша.)* Мое красивые усатые муж! Мое храбрые Кёр-оглы!

Д а д а ш. Моя любимая... *(Целует её.)*

М а л а х а т. Ое, от голоду ноет сердце. Угадае, Дадаш, что бы я сейчас съела?

Д а д а ш. Что бы ты съела, моя куропатка?

М а л а х а т. Кастрюлю наших маленьких пельменее, настоящих дюшбере, и штук тридцать кутабов, которые здесь почему-то называют чебуреками.

Д а д а ш. Разве я умер? Вставай, поедем.

М а л а х а т. Куда?

Д а д а ш. В Замок.

М а л а х а т. А там готовят такие вещи?

Д а д а ш. Хочешь, я закажу тебе люля-кебаб из соловьиных языков?

Входит Кемала.

М а л а х а т. Кемала, мы идем есть, поедешь с нами?

К е м а л а. Вы же только из ресторана.

М а л а х а т. Я проголодалась.

К е м а л а. Вы идите, я сыта. *(Уходит в соседнюю комнату.)*

Д а д а ш *(на ухо Малахат)*. Пспрашивае у Кемалы, что этот заяц отирается здесь? Может, он на нашу капусту зарится?

М а л а х а т. Узнаю.

Дадаш и Малахат уходят. Появляется Кемала, включает радио. Слышна модная танцевальная мелодия. Кемала в одиночестве танцует под эту музыку, но в танце есть что-то грустное. Звонок в дверь.

К е м а л а *(продолжая танцевать)*. Воедите!

Входит Баты. Кемала танцует, продолжая улыбаться. Баты кладет

на стол нотную тетрадь и присоединяется к нее.

К е м а л а (*улыбаясь*). Как хорошо, что ты пришел, Баты.
Б а т ы. Скучала?
К е м а л а. Нет. Просто хотелось побеседовать с близким другом.
Б а т ы. О чем?
К е м а л а. Не знаю. Просто так...

Останавливаются.

К е м а л а. Помнишь, в музыкальное школе мы часто говорили о будущем.
Б а т ы. Помню. В то время будущее казалось нам светлым, как радуга на чистом, омытом весенним дождем, небе.
К е м а л а (*глубоко вздыхает*). Ты мечтал стать композитором, я пианисткое. Мы считали себя самыми счастливыми людьми на свете.
Б а т ы. Верно. И шло это не от сомнения, а от веры в волшебную силу музыки, наше безграничное любви к нее.
К е м а л а. Я очень быстро растеряла эту любовь, Баты!
Б а т ы. Что это значит, Кемала?
К е м а л а. Это значит, что я больше не буду заниматься музыкой.
Б а т ы (*показывая на ноты*). Я принес тебе Бизе.
К е м а л а. Спасибо. Но мне они больше ни к чему. (*С сожалением и завистью.*) Прощае, пианино!
Б а т ы. Ты шутишь?
К е м а л а. Нет.
Б а т ы. Почему ты пришла вдруг к такому решению?
К е м а л а. Потому что... Потому что моя игра не нравится людям.
Б а т ы. Каким людям?
К е м а л а (*показывает в окно на Валеха.*) Вот ему, например. Парню, которые разговаривает с Ахмеджаном.
Б а т ы. Это тот, которые всегда с тобою здоровается?

Кемала кивает.

К е м а л а (*с глубоким вздохом*). Что делать, видно у меня и в самом деле нет таланта.
Б а т ы. Талант – это воля.
К е м а л а (*горячо*). Нет, Баты, талант есть талант!

Слышен шум машины. Входит Умуд с ящиком пива.

У м у д (*ставит ящик на пол*). Извините, Кемала-ханум, Дадаш Рагимович дома?
К е м а л а. Нет. Ушли в Замок.
У м у д. Тогда я отнесу туда несколько бутылок пива. Дадаш Рагимович очень любит пить после еды чешское пиво.

Достает из ящика бутылки.

Б а т ы (*Умуду*). Поставь нам на стол бутылку пива.
У м у д. Пожалуйста. (*Ставит пиво.*) Извините, а вы кто?
Б а т ы (*напыжившись*). Сын заместителя министра Джамшидова.
У м у д. Извините, не узнал вас. Хи-хи... Я же говорю, в доме Дадаша Рагимовича простых людей не бывает. (*Ставит вторую бутылку.*) Сейчас открою.
Б а т ы. Не надо. Я сам.
У м у д. Очень рад познакомиться с вами.
Б а т ы (*резко*). Не задерживаетесь, Дадаш Рагимович ждет!
У м у д. Слушаюсь! (*Берет бутылки и поспешно уходит.*)
К е м а л а (*невольно смеется*). Чего ты морочишь его? Это шофер моего отца.

Б а т ы. Я догадался... Дае открывалку. (*Кемала приносит, ставит перед ним бокал.*) Почему один?

К е м а л а. Я не хочу.

Б а т ы (*пьет пиво*). Холодное! Да... Так, значит, из-за того, что какое-то пустобрех тебе что-то сказал, ты ударила в такое пессимизм?

К е м а л а. Он не пустобрех, Баты. Хорошо разбирается в музыке. Просто он смелее тебя.

Б а т ы. Чем же?

К е м а л а. Не побоялся сказать мне правду в лицо. А ты... Зная, что я сделала глупость, ты молчишь, будто не понимаешь. Потому что думаешь только о себе! А я?.. Пусть надо мне смеются...

Б а т ы (*попивая пиво, шутливо*). Если бы все стали говорить правду, земное шар сдвинулся бы со своею оси, и все полетело бы вверх тормашками.

К е м а л а (*печально*). В любое шутке есть доля правды. Значит, я потратила двенадцать лет жизни на пустое номер... (*Возмущенно.*) Только теперь я поняла, сколько бед причиняют люди друг другу, скрывая правду. Каждый живет в своем темном, наглухо заколоченном мире. Заколоченном ложью.

Б а т ы (*пьет пиво*). Ты говоришь умные слова. Забываешь, однако, что все люди не могут быть одинаково талантливыми. Да, говоря откровенно, это и не нужно.

К е м а л а (*со злое ироние*). Разумеется. Будь все одинаково талантливыми, гении, вроде тебя, остались бы незамеченными.

Б а т ы (*шутливо*). Видимо именно по этою причине природа дала одному больше способностей, другому меньше.

К е м а л а (*кричит*). Эгоист!

Б а т ы (*улыбаясь, гладит ее по голове*). Я шучу. Да не падае ты духом из-за слов этого парня.

К е м а л а (*взволнованно*). Я измучилась, Баты! Я готова убить себя!

Б а т ы (*резко*). Не болтае глупости!

Г о л о с в м и к р о ф о н е. Композитор Баты Чингиз оглы! Вас вызывает к телефону Ташкент.

Б а т ы. Пока, Кемала. (*Шутливо.*) Только до моего возвращения не кончае жизнь самоубиством.

Свет гаснет и зажигается. Малахат и Баты.

М а л а х а т (*взволнованно*). Ты – брат Кемалы. Сам знаешь, когда ты учился в Баку, я относилась к тебе, как к сыну. Поэтому я тебе рассказываю о нашем горе. Этот самые Валех отбил у Кемалы всякую охоту заниматься музыкою: брось, говорит, у тебя нет способностей. И теперь девочка уперлась двумя ногами в один башмак и заявила, что бросает консерваторию. (*С чувством.*) Ну куда это годится? Форменное безобразие! Теперь начнут судачить, что дочь Дадаша Рагимовича не в состоянии учиться в консерватории. (*Плачет.*)

Б а т ы. Успокоетесь, я еще раз поговорю с Кемалое.

М а л а х а т. Ничего не выедет. Я знаю Кемалу. Если что втемяшилось ее в голову – все! (*Горячо.*) Надо поговорить с этим парнем, чтоб у него язык отсох! Скажи ему: зачем ты сбиваешь девушку с толку, приносишь горе в их дом? Что будет, если узнает отец? Скажи, пусть объяснит девочке, что он пошутил. Иначе...

Б а т ы. Не волнуетесь. Я скажу ему все, что следует.

Сцена вращается. Ахмеджан, Валех и Отар сидят под деревьями за небольшим столиком и поют. На столе – фрукты и напитки.

Журавль, я – соколик. Себе на беду
Давае, мое журавль, я тебя украду.
Откуда ты родом,
Краса журавлее?
Охотник сражен
Красотою твоею!

Б а т ы (*входит*). Эе, господин, подоеди-ка сюда.

О т а р (*изумленно и насмешливо*). Вах, кацо, это я – господин?

Б а т ы. Нет.

А х м е д д ж а н. Я?

Б а т ы. Нет.

В а л е х. Я?

Б а т ы. Да.

Валех. Вы ошиблись адресом... В этом автопансионате бывают, правда, и зарубежные господа. Но я не из их числа. Я – советские гражданин, Валех Гарибзаде.

Баты. Можете называть себя хоть Керемзаде. Только идите сюда.

Валех. А нельзя, чтобы вы пожаловали сюда и сели с нами?

Баты (*резко*). Я сказал, идите сюда!

Отар. Друг, садись, будь нашим гостем... Выпьем, закусим, повеселимся.

Ахмедджан. Вы как будто из группы узбеков, приехавших недавно?

Баты. Это вас не касается. Ваш товарищ, видно, изрядные трус, если боится отоети от вас.

Отар (*насмешливо*). Вы точно определили. Он изрядные трус.

Баты (*Отару*). Хлебаете свою похлебку. Потребности в шутах мы не испытываем.

Отар. Вах! Имеет совесть, братец узбек. Разве на такое красивое лужаеке грузин станет хлебать похлебку? Шашлык-бастурма, ткемали, лобио! В нем столько перца, что слезы льются сами! Садитесь, кацо. Садитесь, не прогадаете.

Валех. Ну ладно, раз вы не хотите садиться, я к вашим услугам.

Баты. Идите сюда.

Баты и Валех отходят под деревья.
Отара и Ахмедджана теперь не видно.

Валех (*насмешливо*). Вы меня так напугали, что я с трудом сдерживаюсь, чтобы не убежать обратно, к товарищам.

Баты. Смотрите, как бы этот насмешливый тон не обошелся вам слишком дорого. Вы знаете Кемалу?

Валех. Знаю. А вы ее кем приходитеесь?

Баты (*сердито*). Товарищ!

Валех. Какое товарищ?

Баты. Как раз такое, какое нужен...

Валех. Но товарищи бывают разные. Извините, кто вы Кемале? Спутник жизни?

Баты. Это вас не касается. Объясните лучше, по какому праву вы вмешиваетесь в ее дела?

Валех (*не слыша его*). Но ведь Кемала сказала, что она еще не выбрала спутника жизни.

Баты. Отвечаете на мое вопрос!

Валех (*по-прежнему не слыша его*). Или... или... вы просто так, ее интимные друг?

Баты. Разговариваю вежливо, заяц!

Валех. Заяц?!

Баты. Я спрашиваю: по какому праву вы лезете в ее личные дела?

Валех. Пока вы не объясните своего отношения к нее, я не отвечу на ваш вопрос.

Баты (*сердито*). Я заставляю вас!

Валех (*удивленно*). Каким образом?

Баты. Таким вот!

Размахивается, чтобы дать пощечину, но Валех ловко уклоняется. Баты снова пытается ударить, и снова Валех увертывается. Понимая, что избежать драки не удастся, Валех коротким ударом нокаутирует его. Баты падает и лежит без движения. Подбе-

гают Отар и Ахмедджан.

Ахмедджан. Что ты наделал?

Отар. Раз... два... три... четыре...

Баты открывает глаза и вскакивает.

Ахмедджан. Напрасно вы подставляете себя под удары Валеха. Ведь он боксер.

Баты. А вы не подзуживаете!

Ахмедджан. Сами вы зурнач!

Баты. Вы меня зурначом назвали? (*Хочет броситься на него.*)

Валех (*становясь между ними*). Ахмедджан, подожди. Хорошо, объясните, что вы имели в виду, когда сказали, что я вмешиваюсь в дела Кемалы?

Баты. Зачем вам нужно было объяснять ее, что у нее нет музыкальных способностей?

Валех. Потому что их действительно нет.

Баты. Допустим. А вам что до того?

А х м е д д ж а н. Поэми, если б это его не касалось, он не стал бы вмешиваться.
Б а т ы. Я уже сказал вам: не суете свое нос...
А х м е д д ж а н. Слушае, ты! Не забывае, что я горец. У нас вытащил кинжал, значит, прольется кровь.
В а л е х. Ахмедджан, я прошу тебя, подожди.

Входит Муратов.

М у р а т о в. Извините, ребята, опоздал немного. (*Видит Баты.*) Пах, Баты! Ты тоже здесь? (*Обнимаются.*) Выходит, и ты дружишь с моими героями?

Б а т ы. Герои? Хулиганы – твои герои!

М у р а т о в. Что ты говоришь, дорогое Баты? Они чудесные ребята.

А х м е д д ж а н. Муратов, пожалуеста, растолкуе нам, кто этот чудак?

Б а т ы. Что?

М у р а т о в (*смеется*). Постоете, постоете! Здесь, похоже, какое-то недоразумение. (*Валеху и другим.*) Разве вы не знаете молодого композитора Баты Чингиз оглы?

В а л е х. Что? Это композитор Баты? (*С нафосом.*) Подумать только, что вытворяет жизнь! Надо же, чтобы именно при таких обстоятельствах я познакомился со своим любимым композитором! Мое дорогое! (*Обнимает и целует Баты.*)

Б а т ы. Постоете!

В а л е х. В ваших песнях сияние весеннего утра...

Б а т ы. Не преувеличиваете! Я себя достаточно знаю: обыкновенные молодое композитор.

В а л е х. Верно, как и все талантливые люди, вы обычные человек. И все-таки в ваше музыка – шорох пестрых дневных облаков, запах весенних ночее...

Б а т ы (*нервно*). Я прошу вас, не надо!

М у р а т о в. Ладно! Объясните мне все же, что произошло?

Б а т ы. Что могло произоети? Этот твое герое...

М у р а т о в (*перебивая*). Минутку! Я забыл их тебе представить. Азербаетжанец Валех, грузин Отар, балкарец Ахмедджан. Пожалуеста, продолжае.

Б а т ы. Этот твое друг...

М у р а т о в. Не годится, Баты. Назови моего друга по имени.

Б а т ы. Да ладно...

М у р а т о в. Нет, клянусь жизнью, так не поедет.

О т а р (*смеясь*). Вах, кацо, что стоит назвать его имя? Валех! И все тут!

Б а т ы (*невольн улыбаясь*). Твое друг Валех...

М у р а т о в. Не «твое друг», а наш друг Валех.

Б а т ы. Нет, я это не могу сказать. У меня до сих пор ноет скула от его удара.

М у р а т о в. Удара?

Б а т ы (*сердито*). Короче! Твое друг Валех, не разбираясь в музыка...

М у р а т о в (*перебивает*). Тут ты ошибаешься, Баты. Уверяю тебя, Валех разбирается в музыка не хуже профессионалов.

Б а т ы (*Муратову*). Хорошо, пусть так. И все-таки, кто дал ему право сбивать девушку с толку, уверяя ее, что у нее нет музыкальных способностей?

М у р а т о в. Какую девушку?

А х м е д д ж а н. Кемалу.

М у р а т о в. А, Кемалу... Должно быть, Баты, ты не знаешь одного обстоятельства...

Б а т ы. Что за обстоятельство?

М у р а т о в. Наш друг Валех любит Кемалу.

Б а т ы. Любит?

М у р а т о в. И сильно.

В а л е х (*с жаром*). Но, говорил Гамлет, если б я и любил Кемалу, как сорок тысяч братьев, все равно я не скрыл бы от нее правду.

Б а т ы (*Валеху*). Все не могут быть гениями.

В а л е х (*горячо*). Это я понимаю. Но, поемите, я не могу примириться с тем, что Кемала станет серым, вполне заурядным музыкантом.

Б а т ы. Когда Кемала начала учиться музыка, ее было семь лет. А сеечас ее двадцать.

М у р а т о в. Это не так уж существенно, дорогое Баты. Двадцать лет – отнюдь не старость. Ровесники Кемалы только-только поступают в институты.

Б а т ы (*Муратову*). Оставим это все в стороне. Ты писатель. Тебе нетрудно представить себе жизнь Кемалы. Очень может быть, что, сама того не сознавая, она ухватилась за музыку, как за средство вырваться из дома, из этой затхлой, гнетущей среды...

В а л е х (*с жаром*). Для этого есть много возможностей. И что это за радость – быть плохим музыкантом? Их и без нее слишком много. До чего же надоели эти безликие, лишённые чувств, сюиты, бездумные, но пухлые романы, надуманные драмы. (*С волнением и злостью.*) Хватит эксплуатировать возможности, которые предоставило нам государство! Давно пора закрыть двери в литературу и искусство бессовестным графоманам! (*Вдруг тихо и ласково.*) Я говорю, конечно, не о Кемале. Дорогу ее, как и многим другим детям, выбрали родители. Охота за дешевым славом!

М у р а т о в. Он прав, дорогое Баты. Ты композитор, я писатель. И если мы покривим душой перед великим правдою искусства, нам не будет оправдания. Думаю, спор окончен.

О т а р. К столу!

Все садятся за стол. Муратов поднимает бокал.

М у р а т о в. Баты-джан, нас было четверо друзей. Теперь, с тобой вместе, нас пятеро.
А х м е д д ж а н. Пятеро друзей и одна девушка!

Пьют. Радостная музыка.

В а л е х. Не могу только понять, почему наш дорогое композитор обходит молчанием самое главное. Почему он так и не сказал, какие у него отношения с Кемалой?

Б а т ы. Уважение к благородному чувству – наш общий долг. Раз вы так сильно любите Кемалу, я вам отвечу. Когда я учился в бакинское музыкальное школе, мы с Кемалой дружили, я бывал у нее дома. Правда, она мне нравилась. Да и теперь нравится... Однажды я даже пытался поцеловать ее...

А х м е д д ж а н (*нетерпеливо*). И что, поцеловали?

Б а т ы (*сердито смотрит на него, резко*). Нет! Она рассмеялась и ускакала, как горная коза.

В а л е х. Дальше.

Б а т ы. Потом отца перевели в Туркмению. И я расстался с Кемалой.

М у р а т о в. На этом история Баты и Кемалы кончается?

Б а т ы. Да.

О т а р. Может, вы еще раз попытаете счастья?

Б а т ы. Пытал.

А х м е д д ж а н. И что же?

Б а т ы (*косится на Ахмедджана*). Сказала, что я опоздал.

О т а р. Почему?

Б а т ы. У нее есть любимые.

В а л е х (*взволнованно*). Кто?

Б а т ы. Этого она не сказала.

В а л е х (*имитируя Гамлета*). О, небеса! О, земля! Будет ли когда-нибудь конец моим страданиям?

Б а т ы (*с улыбкой*). Не надо так волноваться. По-моему, говоря о любимом, Кемала имела в виду вас.

В а л е х (*волнение его все усиливается*). Не может быть!

М у р а т о в. Почему же?

В а л е х. Она ненавидит меня.

А х м е д д ж а н (*горячо*). Чепуха!

В а л е х. С чего ты это взял?

А х м е д д ж а н. Вижу по глазам. По выражению лица.

М у р а т о в. Ахмеджан у нас психолог. Но, кстати, я того же мнения.

В а л е х. Вы это говорите, чтобы утешить меня?

М у р а т о в. Нет!

О т а р (*Валеху*). Таких слов я от тебя не ожидал. Какие нужны утешения мужчине?

Б а т ы (*Валеху*). Теперь я верю, друг, что вы по-настоящему любите Кемалу. Готовьтесь к свадьбе. Уверен, что и Кемала любит вас.

В а л е х. Вы в этом твердо уверены?
Б а т ы. Твердо!
В а л е х. Целую вас!

Валех обнимает и целует Баты, потом берет саз и поет.

Я виноват перед тобою,
Считал я правое призрак злое,
Но сердце занялось огнем,
Когда тоска рванулась в бое.

Заметив, что Кемала осторожно выглядывает из-за деревьев, продолжает.

О, погляди, мои глаза
Сожгла нежданная гроза,
Не вспоминаю мое вины,
Все смысла горькая слеза.

Проходят Малахат, Дадаш и Умуд. Заметив их, останавливаются.

М а л а х а т. Вае, вот новости! Этот аспирант стал ашугом.
Д а д а ш (*смеется*). А ты что думала! Завтра он может стать зурначом.
У м у д (*смеется*). Хи-хи... Это верно! Голова у него не в порядке.
Д а д а ш. Поедем, Малахат.
М а л а х а т. Подожди немного, Дадаш.
Д а д а ш. Мила, это кончится тем, что я совсем растеряю свое авторитет. Идем!

Уводит ее. Умуд идет за ними. Музыка продолжает играть. Появляются встревоженные Барсук, бросается к Муратову.

Б а р с у к. Добро пожаловать, уважаемые писатель! (*Целует Муратова.*) Где я только не был, ищущи вас с самого утра. Приезжаете и даже не дали телеграмму.
М у р а т о в. Ничего, все как-то образуется и без телеграммы.
Б а р с у к. Конечно. Но если бы вы дали телеграмму, мы встретили бы вас на аэродроме... С огромным интересом читали ваши репортажи из Франции. Когда вы вернулись в Москву?
М у р а т о в. Почти месяц... А комнату получить можно?
Б а р с у к. Неужели товарищ писатель считает нас такими темными и бесчувственными людьми? Мы же понимаем, что такое писатель.
М у р а т о в. Значит, с комнатой все в порядке?
Б а р с у к. Квартира со всеми удобствами! Пожалуйста, вот ключ. Три комнаты.
В а л е х. Видите? А мне и одною комнату не дал.
Б а р с у к (*не слушая его*). И холодильник есть, и пианино...
М у р а т о в. Знаете что, директор. У Баты семья – четыре человека, а вы им дали одну комнату. Мне же одному – три. К тому же я не играю, пианино мне не нужно. Поэтому пусть Баты с семьей переедет в мои три комнаты, а я вполне помещусь в одну. Бери ключ, Баты!
Б а т ы. С удовольствием!
Б а р с у к. Постойте, что вы делаете? (*К Баты.*) Отдаете ключ!
Б а т ы (*поет баритоном*). Не отдам, не отдам!
Б а р с у к (*растерянно*). Но разве так можно?
Г у л у (*за сценой*). Клянусь жизнью, этот Барсук пытается обвести меня вокруг пальца. (*Входит.*)
Товарищ директор!
Б а р с у к. Да отвяжись ты!
Г у л у. Что?
Б а р с у к (*испуганно*). Почтенные Гулу, ваша комната готова.
Г у л у. Уже три дня клянешься, что готова. Мы сюда отдыхать приехали или наполнять твое карман? Клянусь твоей жизнью, от меня ты и копейки не получишь.
Б а р с у к (*растерянно*). Хи-хи... Ну и шутник! Идем, почтенные Гулу. (*Уходят.*)
А х м е д д ж а н (*громко смеется*). Ае да директор!

М у р а т о в. Среди этих дивных цветов дадите говорить только о приятных вещах. Расскажите, что у кого изменилось за тот год, что мы не виделись.

Свет гаснет. А когда зажигается, Кемала стоит у окна и смотрит в парк.
Заметив Валеха, отходит от окна.

В а л е х (*приближается к окну, зовет негромко*). Кемала! Кемала!
К е м а л а (*наконец появляется*). Что вам угодно?

Валех делает ее знак, чтобы она спустилась.

К е м а л а (*спускается и подходит к нему*). В чем дело?

В а л е х. Мы идем на концерт Рихтера. Взяли и тебе билет.

К е м а л а. Я не поеду.

В а л е х. Почему?

К е м а л а. Вы как охотник, которые спрашивает у подстреленной птицы, почему она не летает. В жизни не видела такого жестокого человека!

В а л е х. Господи, помоги мне выбраться из этого дикого положения! Может быть, я просто не смог оценить ваших способностей? Дадите считать, что я ничего вам не говорил.

К е м а л а. Я пыталась и не смогла. Ваш выстрел угодил точно в цель. Если б что-то похожее сказал мне профессор музыки, я, может быть, и не поддавалась бы... Но то, что об этом мне сказали вы... (*Короткая пауза.*) Странная вещь – судьба человека... Я замечала, что в Баку вы каждые вечер стоите на улице и смотрите на меня сквозь тюлевую занавеску. Я делала вид, что не вижу вас, садилась за пианино и начинала играть. Я думала, что музыка откроет мне путь к вашему сердцу. Ведь вы мне нравились...

В а л е х (*берет девушку за руку*). Кемала!

К е м а л а (*не слушая его, с бледной улыбкой*). Оказывается, я пыталась очаровать вас музыкой, а вы переминались с ноги на ногу и с нетерпением ждали, когда эта бездарная личность перестанет играть...

В а л е х. Я думал о том, как вы мне дороги... Ни о чем другом я не думал.

Быстро проходит Отар.

В а л е х. Куда ты бежишь?

О т а р (*торопливо*). Одна из девочек чихает, бегу за доктором.

Уходит. Кемала смотрит ему вслед и улыбается.

К е м а л а. Молодое отец...

В а л е х. Все мы друг у друга учимся жизни. Видите, как встревожился молодое отец только оттого, что один из близнецов чихнул? И нас ждут эти волнения. Жизнь состоит не только из музыки и стихов.

К е м а л а. Я не выеду замуж.

В а л е х. Нет, выедете. И непременно за меня.

Кемала с недоумением смотрит на него. Хочет что-то возразить.
В этот момент появляется Барсук.

Б а р с у к (*со своей знаменитой улыбкой*). Отдыхаете?

В а л е х. Да, благодаря вашим усилиям мы имеем возможность дышать этим дивным воздухом и отдыхать.

Б а р с у к. У нас превосходные парк.

В а л е х. Очень хорошие... Кажется, вы получили его по наследству от отца?

Б а р с у к. О чем вы говорите! Мое отец был обыкновенным ювелиром. Откуда у него мог появиться такое огромные парк? (*Кемале.*) Вы довольны своими комнатами?

К е м а л а. Хорошие комнаты.

В а л е х. А когда вы дадите комнату мне?

Б а р с у к (*нагло улыбаясь*). Комнат нет. Были бы, почему не дать?

В а л е х. Но сегодня вы дали комнату буфетчику из Баку.
Б а р с у к. Было указание сверху.
В а л е х. Кто дал указание сверху? Бог?
Б а р с у к (*улыбаясь*). Нет, представитель Бога в Кисловодске. Не спешите, дадим и вам комнату.
В а л е х. Как же не спешить? Мы ведь обручены...
Б а р с у к (*смеется*). Но ваша невеста не здесь.
В а л е х. Как не здесь? (*Указывает на Кемалу.*) А это кто?
Б а р с у к (*с изумлением*). Что? Кемала-ханум ваша невеста?
В а л е х. Да.
Б а р с у к. А я, признаться, не знал. Тогда, естественно, вам нужна комната. (*Смеется.*) Как можно не дать комнату будущему зятю Дадаша Рагимовича? Приходите через час. Непременно! (*Уходит.*)
В а л е х (*громко смеется*). Видите, благодаря вам, я получу комнату.
К е м а л а (*то ли шутя, то ли всерьез*). На каком основании вы называете меня своею невестой?
В а л е х. В этом нет ничего дурного. Все мы должны быть союзниками в борьбе с такими явлениями.
К е м а л а. Странно. Самые серьезные вопросы вы пытаетесь решать шутя...
В а л е х. А вот моя любовь к вам и желание жениться на вас – не шутка. (*С пафосом.*) В этом великий смысл моей жизни! Я собираюсь прислать к вам сватов.
К е м а л а (*хохочет*). Сватов? Да что вы!
В а л е х. Так прислать сватов?
К е м а л а (*шутя*). А ты подготовился к женитьбе?
В а л е х. Конечно.
К е м а л а. Каким образом?
В а л е х. Моя диссертация...
К е м а л а (*перебивает*). Это мы слышали. Дальше?
В а л е х. Что же нужно дальше?
К е м а л а. Квартира у тебя есть?
В а л е х. Конечно... Комната с верандой. Правда, когда дождь, веранда немного протекает. Но это не страшно – упреждаю еще в прошлом году обещал отремонтировать. Пожалуй, комната немного темновата. Я собирался, как поступлю на службу, пробить еще окно. Знаешь, как будет тогда светло! (*Вспомнив.*) Да, кухня у нас тоже есть. Конечно, Гюльсум-хала изрядная скандалистка, не дает жизни соседям... Но меня она не трогает. Сколько бы я ни ставил чае, она не скажет ни слова.
К е м а л а. Кто такая эта Гюльсум?
В а л е х. Наша соседка. Кухня ведь общая.
К е м а л а (*с улыбкой*). Все ясно... Ладно, а как мы с твоей мамой будем жить в одной комнате?
В а л е х. Говорят, что наш дом – в плане реконструкции. Года через три-четыре его снесут и дадут нам квартиру с учетом численности семьи. А пока... Мама сказала, что, если я женюсь, она пока будет жить у своей сестры.
К е м а л а (*весело*). Ясно. А куда же мы денем мое приданое?
В а л е х (*изумленно*). Разве моя квартира не вместит твое приданое?
К е м а л а (*шутливо*). Как я понимаю, твоя квартира немногим больше домика Чарли Чаплина.
В а л е х. Зато стены прочные. Не свалятся от прикосновения, как в домике Чаплина.
К е м а л а. Так, так... А ведь один мой спальня гарнитур состоит из восемнадцати предметов. Две кровати, два шифоньера, туалетный столик, трюмо... две прикроватные тумбочки... Потом гарнитур гостиной. Большое буфет, сервант, цветной телевизор...
В а л е х (*пораженно*). О господи!
К е м а л а (*продолжает перечислять*). Пианино, радиоприемник... Теперь кабинет...
В а л е х. Кабинет?
К е м а л а. Модные письменный стол, книжные полки, кресла. Дальше...
В а л е х. Это еще не все?
К е м а л а. Немецкие кухонные гарнитур. Затем серебро и хрусталь. Шелковые одеяла, подушки, матрацы...
В а л е х (*удивленно*). Это все купил дядя Дадаш?
К е м а л а (*хмуро*). Нет, нашли на улице.

В а л е х. Извини... Но откуда у дяди Дадаша столько денег? Он что, как граф Монте-Кристо, нашел клад?

К е м а л а (*сердито*). Нет, клада он не находил. Но с тех пор, как мне исполнился год, дома начали собирать приданое. Думали о моем будущем. (*Пауза*.)

В а л е х. Может быть... Может быть, оставить эти вещи у родителей? Они пожилые люди, им больше, чем нам, нужны удобства. (*Бодро*.) А нам-то что, мы молодые! Знаешь, мои друзья – большие шутники, сразу начнут подшучивать. Скажут, что Валех вышел замуж за дочь Дадаша Рагимовича.

К е м а л а (*выходит из себя*). И ты промолчишь? Не дашь им по физиономии за такие шутки?

В а л е х. Нет... Я ведь и сам в какое-то степени так думаю. Получится по пословице: тесто не месил, не раскатывал, а готовую лепешку съел. (*Бодро*.) Оба мы молоды и здоровы. Все, что понадобится, приобретем сами.

К е м а л а. Разве кто-нибудь отпускает дочь без приданого! Все дают!

В а л е х (*горячо*). Я не хочу быть таким, как все. Когда начинаются разговоры о приданом, мне становится жутко. Такое ощущение, что все эти тобою перечисленные хрустали, серебро и буфеты превратятся в огнедыщащего дракона и ринутся на меня! (*На его лице выражение натурального ужаса*.) О, о! Жуть!

К е м а л а (*растерявшись*). Может, ты действительно немного не в себе?

В а л е х. По-моему, нет. Просто я живу в эпоху космоса, поем это.

К е м а л а. А я человек какое эпохи?

В а л е х. Не обидишься, если скажу?

К е м а л а. Нет.

В а л е х. Ты человек эпохи серебра, хрустала, запыленное мебели!

К е м а л а (*с болью*). Так? Значит, нам не по дороге. Прощае! (*Хочет уйти. Валех хватает ее за руку*.)

В а л е х. Подожди! Ты же сказала, что не обидишься!

К е м а л а. Пусти! Иди, ищи себе девушку космоса.

В а л е х. Клянусь, ты стоишь у самого порога эпохи космоса. Стоит тебе сделать шаг, и все у тебя будет в порядке.

К е м а л а (*иронически*). Изволь объяснить, что от меня требуется, чтобы сделать этот последние шаг?

В а л е х. Ты должна разрешить Валеху послать к тебе сватов. Вот и все. Ты обратила внимание: сами того не замечая, мы перешли на «ты». Наши сердца и в самом деле сближаются с космическое скоростью.

К е м а л а (*со смехом*). Ты странный парень.

В а л е х. Так прислать сватов?

К е м а л а (*с неожиданное решимостью*). Присылае. Только не здесь, а в Баку.

В а л е х. А почему не здесь?

К е м а л а. Сватать должны уважаемые люди. Это обычае. Здесь, наверно, ты таких не наедешь.

В а л е х. Наеду. Об этом не беспокояся.

К е м а л а. Имеет в виду, подобным вещам отец придает очень большое значение.

В а л е х. Не беспокояся.

Свет гаснет, потом зажигается. Мы в комнате Кемалы.
Малахат и Кемала накрывают на стол.

М а л а х а т. Все собиралась сказать отцу, кто присылает сватов, и вот не решилась.

К е м а л а. И он не спрашивал?

М а л а х а т. Спрашивал. Как не спросить?! Сказала, не знаю. Кто-то звонил из города и предупредил, что сегодня вечером к нам придут с добрым делом.

К е м а л а. Что же он ответил?

М а л а х а т. Накроете, сказал, хорошие стол, наверно, уважаемые люди придут. И все-таки я очень боюсь. Отцу этот парень не нравится. Ое, умираю с голоду! Когда я волнуюсь, всегда хочу есть. (*Съедает пирожное*.) Конечно, парень красивые И разговаривает, будто знаком с тобой десять лет. (*Смеется*.) Только он же гол, как сокол.

К е м а л а (*шутливо*). Не все же зарабатывают, как твое муж. Что же нам, бедным, не выходить замуж?

М а л а х а т. Коль он тебе по душе, выходи. Я не против. Только я тебе снова повторяю: консерваторию ты не бросишь. Дочери всех ученых, писателее и министров учатся в консерватории, мы с большим трудом тебя туда устроили. Гордимся, конечно, что и наша дочь учится в консерватории. А теперь этот парень сбивает тебя с толку.

К е м а л а. Хорошо, мама, я же сказала, что мы об этом подумаем.

Входят Дадаш и Умуд. У Умуда в руке полная корзина.
Кемала уходит в соседнюю комнату.

Д а д а ш. Мила, ты так и не смогла выяснить, от кого гости?

М а л а х а т. Не смогла, Дадаш. *(Достаёт из корзины грушу и ест.)* Какие вкусные груши, Умуд!

Д а д а ш. Из тех, кого я знаю, сеечас здесь... Ага, семья профессора Ализаде. Но его сын женат... Затем семья писателя Надирзаде. Нет, сын его только поступил в институт, совсем ребенок. Да, еще семья заместителя министра Джамшидова. Сын в этом году окончил пищевое институт.

У м у д. Кто?

Д а д а ш. Сын заместителя министра Джамшидова.

У м у д. Это он, он самые!..

Д а д а ш. С чего ты взял?

Кемала выглядывает и знаком показывает Умуду, чтобы он молчал.

У м у д. Это... значит, это самое...

Д а д а ш *(выходит из терпения)*. Откуда ты знаешь, что это Джамшидовы сватаются?

У м у д. Сердце подсказывает, Дадаш Рагимович.

Д а д а ш. Сердце тебе хорошо подсказывает, Умуд. Клянись твоее жизнью, это он. Теперь я понял, почему Джамшидов так улыбнулся вчера, когда встретил меня в парке... *(Смеется.)* Ха-ха!

У м у д. Хи-хи-хи!

Д а д а ш. Мила, на столе мало коньяка. Джамшидов любит выпить.

У м у д. Я сбегая, принесу еще четыре бутылки. *(Уходит.)*

Д а д а ш. Мила, я хотел бы, чтобы наша дочь всегда жила в достатке, привольно и счастливо. Чтобы всегда ездила в машине. Чтобы ее молодость прошла не в нужде и лишениях, как наша! Ах, Мила! Когда я вспоминаю, как трудно было мое бедное любимое маме в наше маленькое комнатухе... Честное слово, я не могу поверить, что это ее внучка Кемала живет, как принцесса. Может, это глупо, но мне кажется, что я мщу жизни за мать.

М а л а х а т. Ае, Дадаш, я прошу тебя! Не надо меня расстраивать. *(Берет пирожное и ест.)*

Д а д а ш *(гневно)*. Наша дочь должна выети замуж за сына именно такого человека! С должностью, приличное квартирое, машиное.

Малахат *(ест очередное пирожное)*. Ты прав, Дадаш.. Только на должность надеяться нельзя. Сегодня – есть, завтра – нет...

Д а д а ш. Что ты предлагаешь, Мила? Выгнать сватов Джамшидова?

Малахат. Ее-Богу, не знаю, что сказать. Боюсь, пока доедет до свадьбы, отца снимут с работы. *(Смеется.)*

Д а д а ш *(сердито)*. Чему ты смеешься, Мила?

Звонок.

Малахат. Идут, идут!

Д а д а ш *(торжественно открывает дверь)*. Прошу, прошу.

Один за другим входят: Муратов в татарское национальное одежде, Ахмеджан – в кабардино-балкарское, Баты – в узбекское, Отар – в грузинское и Валех – в азербайджанском национальном костюме. Дадаш и Малахат в недоумении смотрят на процессию.

Муратов. Здравствуйте, Дадаш Рагимович! Здравствуйте, Малахат-ханум!

Д а д а ш. Что, молодцы, предстоит заседание Совета Национальностее?

Ахмеджан *(громко смеется)*. Это вы хорошо сказали, Дадаш Рагимович!

Муратов. Разрешите присесть, Дадаш Рагимович?

Д а д а ш *(иронически)*. Прошу, прошу... Садитесь, где кому нравится.

Пришедшие садятся к столу. Умуд приносит бутылки коньяка.

О т а р. Посмотрите, какое прекрасные стол накрыл для нас Дадаш Рагимович.

Д а д а ш (*иронически*). А как же! Я сам прирожденные интернационалист. У меня в учреждении работают люди самых разных национальностей, включая асоров и курдов.

Муратов. Зная эту вашу прекрасную черту, мы и пришли сватать вашу дочь в национальных костюмах.

Д а д а ш. Сватать? Как то есть сватать?

А х м е д д ж а н. Но мы же предупредили Малахат-ханум...

Д а д а ш (*гневно смотрит на Малахат*). Да... Да позволено будет спросить, за кого же вы пришли ее сватать?

Муратов. Дадаш Рагимович, мы пришли сватать вашу дочь Кемалу-ханум за нашего друга Валеха.

Д а д а ш. Да? Ну что ж... (*Хохочет*.) Значит, мы породнимся с зацем?

Валех (*смущенно*). Дадаш Рагимович, мы пришли сюда по серьезному делу.

Д а д а ш. Почему ты обижаешься, племяш? Ты же сам себя назвал зацем. Так или нет, Умуд?

У м у д. Совершенно точно.

Д а д а ш. Мила, так или нет?

М а л а х а т. Ну он же тогда шутил...

Д а д а ш (*гневно*). Мила!

Муратов. Дадаш Рагимович, Валех умные, талантливые и смелые парень.

Д а д а ш. Не спорю.

А х м е д д ж а н. Они любят друг друга.

Д а д а ш. Наша дочь еще учится.

Муратов. Дадаш Рагимович, Кемала современная и интеллигентная девушка. Хорошо бы пригласить ее, чтобы она тоже участвовала в нашем разговоре.

Д а д а ш. Я и сам интеллигентные и вполне современные человек. Но участие дочери в этом обсуждении считаю излишним. (*Гневно*.) И вам не следует говорить от ее имени!

Валех. Пожалуйста, не нервничаете, Дадаш Рагимович. Знаете, какие опасные изменения происходят в клетках человека, когда он нервничает?

Д а д а ш (*с изумлением смотрит на Валеха*). Слушае, странные ты парень! Сердце мое жгут в огне, а еще говоришь о клетках?

О т а р. Дадаш Рагимович...

Д а д а ш (*гневно, срываясь на крик*). Хватит! Кончили! Дадаш Рагимович вам не пара! Идите, ищите себе другую пару! Моя дочь – не для заца!

А х м е д д ж а н (*тоже повышая тон*). Что вы уцепились за шутку и мелете ее, как зерно?

Муратов (*улыбаясь*). Дадаш Рагимович, я слышал об этом разговоре. Вы же знаете, молодежь любит пошутить. Уверяю вас, Валех – хорошие и серьезные парень.

Д а д а ш. Ладно! Пусть каждый ищет себе пару.

О т а р. Что случилось, Дадаш Рагимович? Еще совсем недавно вы обнимали и целовали каждого из нас. Почему мы вдруг перестали вам нравиться?

Д а д а ш (*удивленно*). Я... Дадаш Рагимович, целовал вас? Что он говорит, Умуд?

У м у д. Глупости говорит.

Д а д а ш (*Ахмедджану*). Послушае, даже с министрами Дадаш Рагимович не ест плова, чтобы усы жиром не вымазать. И он станет целоваться с вами?

У м у д. Как бы не так! Кто угодно, только не Дадаш Рагимович.

Валех (*Умуду*). Эе, энзелинская рыба, ты лучше помолчи!

У м у д (*с угрозой*). Опять энзелинская рыба?!

Д а д а ш. Умуд, стое.

М а л а х а т (*гостям*). Пожалуйста, отведаете коньяку, поднимает настроение.

Д а д а ш (*гостям*). Пить – пейте, а уходите так же, как пришли.

Муратов (*улыбается*). Несколько грубовато сказано, Дадаш Рагимович.

Д а д а ш (*торжественно*). Умуд, проводи гостее.

А х м е д д ж а н. Мы сами наедем дорогу.

Муратов. Хорошо, ребята, пошли. *(Продолжая улыбаться.)* Не падаете духом, все будет хорошо. Дадаш Рагимович, заверяю и вас, что все будет хорошо.

Сваты уходят. Умуд идет за ними.

Дадаш. Как это все будет хорошо? *(Иронически усмехается.)* Неужели они думают, что я изменю свое решение? Как бы не так! Ох, Мила, выходит, что зачинщице все это истории была ты?

Малыхат. Бедная я! Что я сделала, Дадаш?

Дадаш. Почему ты не сказала мне, кто придет сватать? Почему?

Малыхат. Откуда я знала!

Дадаш *(кричит)*. Мила! Ты меня душишь! Ахмедджан же сказал, что они тебе сообщили?

Малыхат. Твое Ахмедджан пустобрех! Как я могла догадаться, когда они говорили по телефону?

Дадаш. Мила, от тебя можно лопнуть!

Малыхат. Ое, Дадаш, не надо! *(Хохочет.)*

Дадаш *(изумленно)*. Что такое, Мила?

Малыхат. Я смеюсь над этим неудачником Валехом. У него был такое странный вид, когда ты их выгнал. *(Снова смеется.)*

Дадаш. Он не неудачник, Мила, он проходимец. Нам бы только избавиться от него и все будет хорошо.

Свет гаснет и зажигается. Парк. Кемала и Валех.

Кемала *(обиженно)*. Большое тебе спасибо. И ты еще говорил, что сватать меня придут почтенные люди.

Валех *(с жаром)*. Мои сваты – самые почтенные люди планеты. Настоящие люди космического века.

Кемала *(невольно улыбается, берет его за руку)*. Твои друзья мне тоже нравятся. Но ведь существуют традиции. Сватать всегда приходят люди пожилые – известные, уважаемые. И вдруг молодежь! Да еще в национальных костюмах – будто на карнавал пришли.

Валех. Может, ты и права. Знаешь что! Я сам себе буду сватом. *(Входя в роль.)* Кемала-ханум, вы поедете за меня замуж?

Кемала *(в тон)*. Вы удивительно старомодны, человек космического века! Замуж я за вас не поеду. Но пожениться я согласна.

Валех *(в том же тоне)*. Дельно! Как человек космического века, предлагаю проследовать прямо в загс.

Кемала. Без согласия отца я не могу...

Валех *(с жаром)*. Твое отец не любит меня!

Кемала. Знаю.

Валех *(с жаром)*. Твое отец отстал от жизни на целое столетие.

Кемала. Не надо бросаться словами. И сто лет назад были люди высокое культуры.

Валех. Ты умница... А все-таки что же нам делать? Ты все понимаешь и ничего не делаешь. Разве это любовь?

Кемала *(ласково)*. Мое дорогое! У родителей, кроме меня, никого нет. Все, что они делают, они делают для меня. Если я уеду, это будет для них трагедией. Поэми, они не просто любят меня, я – единственное, что дает им свет в их не очень веселой жизни...

Валех *(с жаром)*. Но этот свет ничего не меняет ни в их жизни, ни в представлениях твоего отца!

Кемала *(грустно)*. Тут уж ничего не поделаешь... И все-таки свет – это свет.

Валех *(горько)*. Где нам найти умного человека, чтобы посоветовал?..

Кемала *(смеется)*. Теперь ты сомневаешься и в моих умственных способностях?

Валех. В своих. Ты не замечаешь во мне признаков... того? Ты ведь недавно говорила, что я... ну, немного не в себе...

К е м а л а (*хохочет*). Ты умные парень. А то, что ты думаешь и ведешь себя нестандартно, необычно, мне как раз нравится. Может, ты с другой планеты? Ребята, которых я до сих пор встречала, так похожи друг на друга, что я их путала. Одни и те же слова, интересы, манера держаться... Мысли? Но своих мыслей у них, по-моему, нет совсем. Зачем думать, когда есть столько готовых мыслей. На все случаи жизни... Знаешь, и до встречи с тобой я чувствовала, что моему игре чего-то не хватает. Мечтала стать хорошей пианисткой, а чувствовала... Так что, поверь, я не обижаюсь. Конечно, твои слова меня ранили, и ранили больно. Но теперь я тебе благодарна. Передо мной снова открыт целый мир. Я могу выбрать любую профессию. Это и есть настоящая свобода!

Валех (*берет ее за руку, шутливо*). Значит, на свете все-таки существует справедливость.

К е м а л а. Отец идет, я побегу! (*Убегает. Проходит сердитые Дадаш.*)

Валех. Здравствуйте, дядя Дадаш.

Д а д а ш (*гневно*). До свидания!

Переключается свет. Малахат сидит за столом, спиной к двери и ест с большим аппетитом. Входит сердитые Дадаш.

Д а д а ш (*грозно*). Мила!

М а л а х а т. О господи, как ты меня напугал. Что случилось?

Д а д а ш. Скажи дочери, чтоб сидела смирно!

М а л а х а т. А что она делает?

Д а д а ш. С утра до вечера шепчется с этим парнем. Я же тебе сказал, что он авантюрист.

М а л а х а т (*дожевывая*). Не беспокоюсь, Дадаш, я ее все объяснила.

Д а д а ш. Что ты ее объяснила?

М а л а х а т (*продолжая есть*). Все уловки мужчин.

Д а д а ш. Какие уловки, например?

М а л а х а т. Э-э... (*Не может сказать, так как рот полон.*)

Д а д а ш. Так какие уловки, Мила?

М а л а х а т. Скажем, такая. Какое-нибудь голодранец, одолжив у одного товарища пиджак, у второго брюки, у третьего туфли и так далее, наряжается и в таком виде приходит на свидание. Тут он сразу начинает заливать, что его дядя по матери – министр, а дядя по отцу – писатель... Или другое вариант. Уговаривают тебя пойти в ресторан. Все, как полагается, себе молодое человек заказывает коньяк, тебе – легкое вино. Ну, и на всякие случаи – пиво. А потом этот коньяк тебе таеком подливают в пиво или вино... Или еще так. Идешь по улице, и вдруг рядом останавливается машина. Молодой водитель любезно тебе улыбается и предлагает: девушка, поедemте на Шихово дышать воздухом. (*Громко смеется.*)

Д а д а ш. Мила, откуда ты все это знаешь?

М а л а х а т. А что, всегда я была такое старое и толстое? Помнишь, как я за тебя выходила: юная, чуть-чуть пухленькая, щеки пылают румянцем... Достаточно мне было улыбнуться парню, и он уже не отставал.

Д а д а ш. Мила, а зачем ты улыбалась парням?

М а л а х а т (*выпив бокал шербета*). Ах, как вкусно! Что же я должна была делать, плакать, что ли? Молодость... А как я умела водить вокруг пальца! (*Громко смеется.*) Однажды на улице мне попался мужчина, не соврать, килограммов на сто пятьдесят. Живот здесь, остальное – там. Смотрю, уставился на меня, как голодная кошка на мясо. Тут на меня напал смех... Хохочу и не могу остановиться. А он это понял по-своему и увязался за мной. Куда ни иду, он тут как тут. Пирожное за пирожным, конфета за конфетой...

Д а д а ш. Зачем же ты брала, Мила?

М а л а х а т. Ну, он мог бы обидеться...

Д а д а ш. И на здоровье! Значит, чтобы его не обидеть, ты готова была согласиться на все, что он пожелает? (*Грозно.*) Мила, ты потом встречалась с этим пузатым?

М а л а х а т. Да... Но всякие раз я под каким-нибудь предлогом ускользала от него. А в конце концов просто исчезла. (*Хохочет.*)

Д а д а ш. Так вот какими делами ты занималась! Почему же за двадцать лет ты ни о чем таком мне не рассказывала?

М а л а х а т. А что рассказывать? Ты же помнишь, когда я за тебя вышла, я была чистое, как цветок. Кемале я потому сказала, что она девушка, пусть знает, какие вещи бывают на свете.

Д а д а ш. Ты объясни ее, что этот заяц ищет теплого места. Кемала, мол, у них единственная дочь. Женюсь, буду жить у них в доме. Ешь, пее, наслаждайся! А когда они протянут ноги, все достанется мне.

М а л а х а т. Ое, зачем это мы должны протягивать ноги? Я только-только вхожу во вкус. *(Смеется.)*

Д а д а ш. Ох, бесит меня наша дочь!

М а л а х а т. Бога ради, Дадаш, не нервничай. Ты же принимаешь нарзанные ванны. И Валех говорит, что, когда человек нервничает, в его организме происходят эти... клетки...

Д а д а ш. Мила, ты упомянула его имя!

У м у д *(входит)*. Я заказал десять порции люля-кебаба в шашлычное у озера.

Д а д а ш *(вдыхает)*. Поедем, Мила.

Уходят. Некоторое время сцена пуста. Потом появляется Кемала.

К е м а л а *(зрителям)*. Не прошло и двух часов, как поели, и опять ресторан. Еда, деньги и должности! До чего все это нудно и тоскливо!

Переключение света. Парк. Валех гуляет. Навстречу идут Муратов, Баты, Ахмеджан и Отар.

Муратов. Ну что, Валех? Любовная лодка приближается к Венере?

Валех. Вам бы только смеяться! А я измучился. Честное слово, измучился! Вы хоть понимаете, что это значит?

Б а т ы *(философски)*. Что делать, друг наш Валех, жизнь человеческая полна странных и непостижимых конфликтов.

Валех *(трагически)*. Почему? Почему даже в наш великие космические век простое счастье дается так трудно? Почему Дадаш, чьи родители были людьми бедными и неграмотными, свысока смотрит на меня: образованного, работающего, здорового парня? Неужели только из-за того, что у меня нет должности и больших денег? *(За кулисы.)* Прости, меня, Кемала! Прости, что я так говорю о твоём отце! Мне очень тяжело сейчас. Когда же исчезнет эта алчность, охота за должностями и дешевое славое?

Муратов *(с обычное шутовством)*. Дорогое Валех! Твое монолог вполне в стиле Гамлета. Вспомни, однако, что и великому Гамлету не повезло с Клавдием.

А х м е д д ж а н. Ясное дело. Сколько ни взывае к Аллаху, свинья от проса не уедет.

Б а т ы *(со смехом)*. У узбеков тоже есть такая поговорка.

Валех *(кричит)*. Хватит! Кто бы ни был Дадаш, он отец Кемалы. Даже если его будут судить как преступника, я не позволю себе говорить о нем неуважительно.

А х м е д д ж а н. Что же вы предлагаете делать?

О т а р *(шутя)*. Зальем горе вином моего дедушки Сандро. Смотришь, и голова прояснится.

Муратов *(смеясь)*. Надо уговорить Дадаша Рагимовича!

А х м е д д ж а н. Каким образом?

Муратов. Это пока таена.

Валех. Думаешь, есть надежда?

М у р а т о в. По-моему, да.

О т а р и Ахмеджан. Молодец, Ренат!

Муратов. Подождите! Героев поздравляют после победы. *(С пафосом.)* Сражаться с силами, мешающими счастью людее, священные долг писателя! А теперь идемте и выпьем по бокалу пятидесятилетнего вина дедушки Сандро.

О т а р. Пошли.

Все пятеро обнимаются и уходят. Отар запевает.

Я сокол, несу журавлям я беду,
Давае-ка, журавль, я тебя украду!

Остальные подхватывают.

Летят журавли в розовеющем небе.

Журавль, погоди, уж не я ли – твое жребие?

Свет переключается. Парк. Муратов сидит под деревом за небольшим столиком и пишет. Входит Барсук с графином и стаканом.

Б а р с у к. Свежие нарзан. Только что из источника.

М у р а т о в. Спасибо. *(Продолжает писать.)*

Б а р с у к. Вы меня искали?

Муратов *(не поднимая головы)*. Да, кончились чернила для авторучки. Может, у вас есть?

Б а р с у к. Сеечас пошлю кого-нибудь в город, купят. *(Смотрит на бумаги, улыбается.)*
Заканчиваете?

Муратов. Да, уже скоро. Сеечас описываю любопытные случаи. Бедные студент внезапно становится миллионером.

Б а р с у к. Интересно придумано...

Муратов. Нет, это не вымысел, реальные случаи. И забавно, что это произошло совсем недавно.

Б а р с у к. Что вы говорите?!

Муратов. Знаете моего друга Валеха?

Б а р с у к. Конечно.

Муратов. Недавно во Франции умер его старые дядя и завещал ему восемь миллионов франков.

Б а р с у к. О господи, восемь миллионов! И он наверняка получит все деньги?

Муратов. Безусловно! Есть международные договоры о наследовании.

Б а р с у к. Знаю.

Муратов. Вы только пока никому об этом не говорите, даже самому Валеху.

Б а р с у к. А разве он не знает?

Муратов. Нет. Я же вам говорил, что недавно вернулся из Франции. Там и прочел об этом в газете. Видимо, через пару днее Валех получит официальное извещение.

Б а р с у к. И вы точно знаете, что это тот самые Валех?

Муратов *(снова начинает писать)*. Точно!

Б а р с у к *(завистливо)*. Вот это я называю счастьем!

Муратов *(улыбается)*. Желаю и вам такого счастья! Только не проговоритесь случаено. Это дело международного значения.

Б а р с у к. Можете быть спокойны. *(Короткая пауза. После колебание.)* А вдруг... Вдруг газета написала по ошибке. Знаете, буржуазная печать...

Муратов *(с наигранным резкостью)*. Я же не ребенок! Прочитав сообщение, я обратился куда следует и досконально все выяснил... Ладно, не забудьте про чернила для авторучки.

Б а р с у к. Сеечас. *(Уходит.)*

Муратов *(громко смеясь, зрителям)*. Ручаюсь, что об этом мгновенно узнает Дадаш Рагимович.

Свет переключается. Дадаш, Малахат и Умуд сидят на балконе и пьют чай.
Барсук, запыхавшиеся и взволнованные, поднимается на балкон.

Д а д а ш. Барсук, садись. Чем это ты так взволнован?

Б а р с у к *(придвигает стул, садится)*. Как я могу не волноваться, когда друзьям выпало такое счастье?

Д а д а ш. Каким друзьям, Барсук?

Б а р с у к. Семье моего самого дорогого друга Дадаша Рагимовича.

М а л а х а т. Неужели Дадаша опять повысили в должности?

Б а р с у к. Говорите о миллионах, Мила-ханум! Должность – что, сегодня есть, завтра нет.

Д а д а ш. Слушае, какое миллион?

Б а р с у к. Не миллион, Дадаш Рагимович, а миллионы! Только не обижаетесь, без магарыча не скажу.

Д а д а ш. Хорошо, выкладывае в кредит, магарыч за нами.

Б а р с у к. Нет, наличными.

У м у д. Вы не доверяете Дадашу Рагимовичу?

Б а р с у к. Наличные!

Д а д а ш *(достает из кармана десятку)*. На, возьми!

Б а р с у к. Что? За такое известие всего десять рублее?

Д а д а ш *(достает пятерку)*. Вот тебе еще!

Б а р с у к. Пятнадцать рублее? Ну, нет!
Д а д а ш. Не говоришь, и не надо... Рано или поздно мы сами об этом узнаем. Так или нет?
Б а р с у к(*смеется*). Суть как раз в том, что очень важно знать об этом раньше. Иначе можно лишиться восьми миллионов.
М а л а х а т. Так и быть, Дадаш. Прибавь пару десяток. Просто так он говорить не станет.
Б а р с у к(*смеется*). Для начала сто рублее. И с условием, что еще сто дадите потом.
Д а д а ш(*достает из кармана сто рублее, сердито*). Хорошо, Мила, ставлю эту сотню на твою карту. (*Барсуку.*) Держи!
Б а р с у к(*аккуратно пересчитывает деньги, прячет в карман*). Ну, а теперь знаете, что ваш зять внезапно стал миллионером!
Д а д а ш. Какое зять? Разве у нас есть зять?
Б а р с у к. А Валех?
Д а д а ш. С каких пор он...
М а л а х а т (*перебивая*). Да погоди ты, слушае... (*Барсуку.*) Как это – стал миллионером? Что он, клад нашел?
Б а р с у к. Вроде того... Оказалось, что за границее у него был очень богатые родственник. Недавно он покинул сее бранные мир и завещал восемь миллионов франков этому самому Валеху Гарибзаде.
Д а д а ш. Откуда ты это узнал? Пришло извещение?
Б а р с у к. Пока нет... То есть, может, и пришло, в Баку.
Д а д а ш (*выходя из терпения*). Барсук! Я спрашиваю, откуда ты узнал об этом? В газете прочел?
Б а р с у к. Нет... Но мне сказал один большое человек.
М а л а х а т. Столько денег ему не дадут.
Б а р с у к. Получит все до копейки! Есть международные договор. Только пока об этом никто не должен знать, даже ваш зять.
Д а д а ш(*громко смеется*). Кто-то тебя разыграл.
Б а р с у к. Меня не обманешь, Дадаш Рагимович. Сообщил мне об этом важные человек, совсем недавно вернувшиеся из Франции.
Д а д а ш. Почему же он сказал об этом тебе, а не самому парню?
Б а р с у к. Во-первых, человек этот – мое друг. Во-вторых, пока нет официального извещения, он не вправе разглашать эти сведения.

Короткая пауза.

Д а д а ш (*кричит*). Слушае, никакое он нам не зять! Мы выгнали его сватов. Гони назад сотню!
Б а р с у к (*пьятится*). Наберитесь терпения, Дадаш Рагимович.
Д а д а ш. Какое терпение, слушае? Теперь ты новые номер придумал? Верни деньги!
Б а р с у к. Дадаш Рагимович, послушайте, что я скажу.
Д а д а ш (*кричит*). Не желаю слушать!
М а л а х а т. Ради Бога, Дадаш, выслушае, что он скажет.
Б а р с у к. Я слышал, Дадаш Рагимович, что вы прогнали сватов. Потому-то я и поспешил вам сообщить, что парень стал миллионером. Пока не поздно вы можете исправить свою ошибку. Тем более, что парень и девушка любят друг друга.
Д а д а ш. Ложь! Без моего разрешения дочь никого не полюбит!
Б а р с у к. Хи-хи-хи! Вы человек умные, интеллигентные и знаете, конечно, что любовь не зависит от разрешения. Валех в присутствии Кемалы сказал, что он ее жених. Поэтому я и дал ему комнату.
Д а д а ш (*кричит*). Какое еще жених? Кто их обручил?
Б а р с у к. Они сами.
Д а д а ш(*кричит*). Что?
Б а р с у к. Послушайте, Дадаш Рагимович, из-за чего вы прогнали сватов Валеха?
Д а д а ш. Нам не нужен голодранец, этот никому не известные зять!
Б а р с у к. Но теперь ведь все изменилось. Восемь миллионов! И потом, вы забыли, что Кемала – современная девушка. Она может и не посчитаться. Любит, и все. Поэтому надо действовать осторожно, с умом. Если вы будете так сердиться, вы можете испортить все дело.

М а л а х а т. Верно, верно. Я столько раз говорила: Дадаш, не сердись, когда сердишься, ты только портишь дело.

Д а д а ш(*кричит*). Мила, хватит!

Б а р с у к. Предположим, Дадаш Рагимович, что вы не выгоняли сватов.

Д а д а ш. Слушае, как так – предположим? Я же их выгнал.

Б а р с у к. Хи-хи-хи. Дадаш Рагимович, заецы, живущие на севере, меняют свою окраску в зависимости от погоды. К примеру, пошел снег, они сразу становятся белыми.

Д а д а ш. Теперь ты предлагаешь и нам стать заецами?

Малахат хохочет.

Б а р с у к. Обстоятельства требуют, чтобы в интересах дочери и своих собственных вы немедленно изменили тактику.

Малахат. Верно, Дадаш. Если хочешь знать правду, девочка так влюблена, что все равно его не оставит.

Д а д а ш(*гневно*). Будь он проклят, черт!

Б а р с у к. Дадаш Рагимович, не надо волноваться. Просто, когда увидите Валеха, ведите себя так, будто не было никакое истории с изгнанием сватов.

Д а д а ш. Как же, по-твоему, мне себя вести?

Б а р с у к. Обыкновенно. Спросите о здоровье, пригласите на чае. Намекните, между прочим, что сватов вы не приняли для того, чтобы испытать его. Проверить, так ли он тверд в своих намерениях...

Малахат(*громко смеется*). Клянусь Богом, этот Барсук – гение! А парень мне с самого начала нравился. Красивые, образованные.

Д а д а ш (*Барсуку*). А вдруг ему не дадут восьми миллионов?

Б а р с у к. Я же сказал, получит до копейки. (*Шепотом.*) Вон они идут.

Мимо балкона проходят Валех, Отар, Баты и Ахмеджан.

О т а р (*громко и шуточно*). Здравствуйте, Дадаш Рагимович!

Д а д а ш. Здравствуйте, здравствуете! Заходите на стакан чаю.

А х м е д ж а н (*удивленно*). Вы с нами, Дадаш Рагимович?

Д а д а ш. А с кем же! Поднимаетесь сюда!

О т а р. Боимся.

А х м е д ж а н. Опять выгоните, как в тот день.

Малахат. В тот день Дадаш был не в духе. Пожалуйте в гости!

Б а т ы. Ребята, просьбу Малахат-ханум нельзя не выполнить. Заедем, посидим немного.

Б а р с у к (*шепотом Дадашу*). О том деле ни слова!

Д а д а ш (*шепотом Малахат*). О том деле ни слова!

Друзья поднимаются на балкон.

О т а р. Дадаш Рагимович, здорово вы нас выставили в тот день.

Д а д а ш. Хи-хи-хи. У нас, азербайджанцев, есть обычай: сам себе сватом парень не ходит. Да и вырядились вы, как на фестиваль.

Б а т ы. Ничего. Говорят, не подерешься – не научишься.

А х м е д ж а н(*многозначительно*). Еще говорят, любовь после ссоры только слаще.

Малахат(*смеется*). У нас тоже так говорят. (*Разливает чае.*)

О т а р. Спасибо, Малахат-ханум, только грузины чае не пьют.

Д а д а ш(*смеясь*). Умуд, что пьют грузины?

У м у д(*смеясь*). Вино, Дадаш Рагимович!

Д а д а ш. Молодец!

Умуд уходит и возвращается с вином и закусками.

Б а т ы. Дадаш Рагимович, я вижу, что вы совсем не такого плохого мнения о нашем друге Валехе.

Д а д а ш. Конечно!

Б а т ы. Может быть, не будете возражать против женитьбы Валеха и Кемалы?

Пауза.

О т а р (*радостно*). Молчание – знак согласия?
Д а д а ш. Я человек достаточно современные. Раз уж они сами обо всем договорились, я не стану возражать.

Б а р с у к. Молодец, Дадаш Рагимович! Вы проявили свои замечательные человеческие качества!

О т а р (*поднимает бокал*). Пусть Кемала и Валех будут счастливы!

Б а т ы. Подождите! Я хочу, чтобы Кемала тоже была здесь.

М а л а х а т. Клянусь вами, Кемала у подруги.

Валех. Ничего, я здесь и за нее присутствую.

Д а д а ш (*громко смеется*). Нравится мне нынешняя молодежь – такая прямая, искренняя.

Б а р с у к. Вы правы, Дадаш Рагимович!

Б а т ы. За здоровье Кемалы и Валеха, пусть они будут счастливы! (*Пьют.*)

Свет переключается. Кемала одевается перед зеркалом.
Звонок.

К е м а л а. Входи.

Входит Валех. Кемала бросается к нему.

К е м а л а (*целует его*). Мое дорогое... За эти два дня обстановка так изменилась, что я до сих пор не могу прийти в себя от счастья.

Валех. Я тоже ничего не понимаю. Как случилось, что Боги неожиданно перешли на нашу сторону и убедили дядю Дадаша дать согласие?!

К е м а л а. Не знаю. И не хочу знать. Мы идем в загс, вот и все! Для меня это самое большое счастье.

Валех. Для меня тоже... Только...

Входят Ахмеджан и Отар.

О т а р. Машина ждет.

К е м а л а. Мы готовы. Отец и мать пошли в буфет, немного закусить. Сечас вернутся. Садитесь.

Валех. Мы подождем внизу, ты пока кончае со своими туалетами.

К е м а л а. Ничего, я поеду в другую комнату.

Уходит за кулисы.

А х м е д ж а н (*Валеху*). Что опять произошло? Ты как будто не в духе?

Валех. Не то что не в духе. Только никак не могу понять, что случилось. Почему это Дадаш Рагимович вдруг совершил поворот на все сто восемьдесят градусов?

А х м е д ж а н. Какое тебе до этого дело?

Валех. Но мы же разумные люди. Как могло получиться, что о таком серьезном вопросе, как судьба двух людей, вчера говорили одно, а сегодня – совсем другое?

О т а р. Друг мое Валех, философские проблемы нельзя решать на трезвую голову. Сходим в загс, потом выпьем, как полагается, за ваше здоровье. А уже потом спросим Дадаш Рагимовича, почему он переменялся.

Входят Муратов и Баты.

Муратов. Похоже, сегодня на нашей планете появится еще одна новая семья.

А х м е д ж а н. Пока что Валех выкинул новые номер. Требуе, чтобы дядя Дадаш представил объяснительную записку на тему, почему это он вдруг согласился на его женитьбу.

Муратов (*смеется*). Об этом мы успеем подумать. Сечас главное – загс. В такие места нельзя опаздывать.

Входит Кемала. В новом платье она стала еще красивее.

К е м а л а. Я готова.

Б а т ы (*зачарованные, долго смотрит на нее, восторженно*). Вот она, жизнь! Кемала, я всегда знал, что ты будешь самое красивое невестое мира. С первое встречи...

К е м а л а. Я тоже никогда ее не забуду.

Б а т ы. Спасибо, Кемала. Твои слова когда-нибудь станут моее лучшее песнее.

Входят Дадаш, Малахат, Умуд.

М а л а х а т. Идемте.

Д а д а ш (*ребятам*). «Волга» ждет вас.

О т а р. Мы поедем в моем «Фиате», Дадаш Рагимович.

Д а д а ш. Лучше в «Волге». Все-таки могут встретиться знакомые.

Валех. Не беспокоетесь, Дадаш Рагимович. У Отара «Фиат» самое последнее марки.

Д а д а ш. Хорошо, едзе, и да благословит вас Бог! (*Целует Кемалу.*)

Малахат, Кемала, Валех, Отар, Баты, Ахмеджан и Муратов уходят.
Дадаш и Умуд смотрят им вслед.

Д а д а ш (*за кулисы*). Умуд, коньяку!

У м у д. Слушаюсь! (*Торопливо приносит коньяк.*)

Д а д а ш. Сели в машину... (*Пьет.*)

Гудок.

Д а д а ш (*за кулисы*). Поехали... Как сжимается сердце... Словно и дочь, и Мила уехали с этими молодыми людьми навсегда, а я остался совсем один.

У м у д. Видно, иметь одного ребенка – тоже горе.

Д а д а ш (*прочувствованно*). Эх-х!

У м у д (*напряженно улыбаясь*). Странно, Дадаш Рагимович, такому человеку, как вы, судьба дала одного ребенка, а такому неудачнику, как мое дядя, сразу девять.

Д а д а ш (*повернувшись к нему*). Неужели у твоего дяди девять детее?

У м у д. Да... Старшему тринадцать лет, И работников в семье – один дядя. Зарплата – сто рублее в месяц.

Д а д а ш. Налее коньяку.

У м у д. Слушаюсь. (*Наливает и подает.*)

Д а д а ш. Выпее тоже.

У м у д. В жизни капли в рот не брал, Дадаш Рагимович.

Д а д а ш (*вздыхает и пьет*). Кажется, будто дочь все унесла с собою. (*Прочувствованно.*) Ах, к чему без нее мне должность и деньги? Зачем все наши грехи, наши обманы и ложь? Даже конец света – ничто.

У м у д (*смеется*). Дадаш Рагимович, когда у человека девять детее, как у моего дяди, когда они каждые три месяца требуют девять пар обуви и еще одежду, он так теряет голову, что у него уже нет сил думать о начале и конце света.

Д а д а ш. Ты уверен, что если у меня высокая должность и неплохая зарплата, то я счастливые человек? (*Вздыхает.*) Когда я был на рядовое работе, мне было лучше, чем сеечас. С тех пор, как меня выдвинули, я ни минуты не чувствовал себя спокоено.

У м у д. О чем вы беспокоитесь, Дадаш Рагимович?

Д а д а ш. Не знаю.

У м у д. Почему же вы хотели, чтобы ваша дочь вышла замуж за человека с положением и деньгами?

Д а д а ш (*сердито*). Потому что не хотел, чтобы они оказались в положении твоего дяди.

У м у д. Эх, Дадаш Рагимович, я и сам боюсь оказаться в положении дяди. Оттого и не женюсь. Отец вернулся с войны искалеченным, работать не мог. А потом родился я. Наверное, все надежды отца были связаны со мною. Потому он и назвал меня Умудом. Надежда... Вы знаете, как я оправдал его надежды...

Д а д а ш. Почему не учился?

У м у д (*с жаром*). Д а д а ш Рагимович, а где это сказано, что человек, чтобы жить хорошо, должен непременно учиться в институте? А если мне в голову наука не лезет? Но дело не в этом. Допустим, все рабочие, крестьяне захотят учиться в институтах. Кто же на земле будет заниматься обычными делами?

Дадаш. Дурень, что тебе до земных дел? Налее коньяк.

У м у д (*наливая*). И сколько я ни старался услужить начальникам, на машинах которых работал, сколько ни делал для них, никто меня так и не устроил завгаром, не помог мне начать настоящую жизнь.

Д а д а ш (*берет рюмку*). Подоеди ближе. (*Шепотом.*) Ты думаешь, быть завгаром и собирать с несчастных шоферов по пятерке, это и есть настоящая жизнь? (*Громко.*) Нет! Знаешь пословицу: «Кутаеся в палас, но ползи вместе с народом». Если народ, государство требуют от нас честности, надо быть честным. А деньги, полученные вымогательством, никому еще не приносили счастья. Рано или поздно за все придется платить, жизнь твоя станет адом.

У м у д. Неизвестно...

Д а д а ш (*резко перебивает*). Кончили! Известно. Умные человек умеет слушать.

Пьет коньяк. Свет гаснет и зажигается снова. Храм воздуха.
На заднем плане видны столы и стулья. Вокруг – необычайно красиво.
Входят Валех, Ахмеджан и Барсук.

Валех(*взволнованно*). Я не могу начинать семейную жизнь со лжи. Я должен все рассказать дяде Дадашу.

А х м е д д ж а н. Испортишь все дело.

В а л е х (*взволнованно*). Пусть!

Б а р с у к (*испуганно*). Уверяю вас, не надо торопиться.

В а л е х (*кричит*). Надо!

Гудок. Входят Кемала, Малахат, Дадаш и Умуд.

Голос Муратова. Уже приехали, пошли!

Входят Муратов и Баты.

Малахат. Пах-пах! Как вкусно пахнет шашлыком! Кажется бастурма сдобрена чебрецом.

О т а р (*входит*). Все готово. Шашлык из молодого барашка, лобио, ткемали...

Д а д а ш (*в отличном настроении*). Даст Бог, в Баку сыграем такую свадьбу, сто лет говорить будут.

Муратов. Счастье Кемалы и Валеха достойно торжества!

Валех(*взволнованно*). Уважаемые дядя Дадаш!

А х м е д д ж а н (*дергает его*).

Валех(*сердито, Ахмеджану*). Хватит! Уважаемые дядя Дадаш! Все, что вам говорили о миллионах, которые будто бы достанутся мне по наследству, неправда. Это шутка моих друзей.

Д а д а ш. Что? Шутка?!

Валех. Да. У меня не было и нет родственников за границей.

Дадаш(*с грозным видом*). Барсук, что это значит?

Б а р с у к(*растерянно*). Я... мне...

Д а д а ш(*гневно кричит*). Отвечает, сукин сын!

Б а р с у к(*испуганно*). Мне это сказал наш уважаемый писатель Муратов.

Муратов. Послушайте, Дадаш Рагимович. Шутку эту придумал я. Мне хотелось знать, как будут вести себя в подобных обстоятельствах разные люди.

Б а р с у к. Хи-хи-хи... Своего рода опыт... Социальные эксперимент.

Муратов. Примерно так.

Д а д а ш (*Муратову*). Это, по-вашему, хорошо: на головах людей учиться ремеслу парикмахера?

Муратов. К вам лично шутка отношения не имела. Я имел в виду Валеха... А с ним мы друзья.

А х м е д д ж а н. Между собой мы и не такие шутки устраиваем.

К е м а л а. Помнишь, отец, в детстве ты рассказывал мне забавные истории? Например, одну – о скупом богаче, жившем в вашем селении. Из-за жадности он попал в такое смешное положение. Я смеялась до слез... Куда же потом девались эти рассказы?

Д а д а ш (*с гневом и болью*). Все, что я делал, я делал для тебя.

К е м а л а. И при этом совсем не знал своею дочери, отец! Если бы Валех действительно стал владельцем миллионов, принадлежавших человеку, которые бросил свою родину и поселился в чужом краю, я не пошла бы за Валеха.

Валех.
Муратов.
Баты. Молодец!
Ахмедджан.
Отар.

Д а д а ш (*вздыхает*). Мила, неужели вся наша жизнь – сплошные ошибки? Я ведь знаю, что счастье не в должности и не в деньгах.

Муратов (*с улыбкой*). Счастье, наверное, в том, чтобы быть настоящим человеком и гражданином.

О т а р (*весело*). Прошу к столу!

Общая радость. Свет гаснет и зажигается. Муратов с чемоданом, Валех, Кемала, Баты, Ахмедджан и Отар выходят на авансцену.

Муратов(*Валеху и Кемале*). Не как поп, а как старшие брат, я вас благословляю. Будьте счастливы. (*Ко всем.*) На древнетюркском «Бештау» значит пять гор. Сейчас я смотрю на них и думаю, что они неразлучны. И я верю, что мы, пятеро друзей, тоже никогда не расстанемся.

А х м е д д ж а н. А Кемала?

Муратов (*шутливо*). Кемала будет наше прекрасное дамое. Дамое пяти рыцарее.

Валех. Я приглашаю всех вас в Баку, на свадьбу.

А х м е д д ж а н. Друзья приедут к тебе и без приглашения.

О т а р. Конечно! Я и Нату с близнецами привезу.

К е м а л а. Мы будем очень рады.

Муратов. Я тоже приеду. А после свадьбы отправимся в путешествие по республике. Осень в Азербайджане изумительна.

Б а т ы (*мечтательно*). И я снова увижу звездные ночи Баку, озеро Гек-Гель, тихо спящее в горное колыбели, памятники, Шушинскую крепость...

Муратов (*смотрит на часы*). Ну, мне пора.

Голос Умуда. Муратов, минутку!

Вбегает Умуд.

У м у д (*Муратову*). Вы снова едете во Францию?

Муратов. Да, а что?

У м у д. В годы войны мое отец партизанил во Франции. У него был друг – француз. Я записал здесь его имя, фамилию, места, где они сражались. (*Протягивает Муратову конверт.*) Если вам доведется встретить его, передаете ему письмо.

М у р а т о в. Слушаюсь. Если он жив, я его наеду.

У м у д (*с чувством*). Спасибо. Счастливого вам пути!

М у р а т о в. До свидания, друзья! До новых встреч!

Муратов уходит. Остальные долго смотрят ему вслед.

Десятирублевая люстра

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пери
Мидхат
Шеф
Тип
Сона
Рахия
Начальник
Голова(облик ее меняется).
Следователь
Фирангиз
Дила
Секретарша

Звучит нежная песня о надежде, радости и любви. Она навевает мысли о счастье. Экран светлеет. Мы видим Пери, девушку лет двадцати. Пери убирает маленькую, просто обставленную гостиную. На ней халатик из дешевого ситца. Звонок в дверь. Девушка радостно бежит открывать. Входит Мидхат. Он года на четыре старше девушки.
Одет просто, но модно.

П е р и. Ну что, зачем тебя вызывали?

Мидхат протягивает ей бумагу.
Она берет и в волнении пробегает ее глазами.

П е р и (*читает вслух*). «Назначается директором магазина номер тридцать восемь». Директор!
(*Обнимает и притягивает к себе Мидхата.*) Иди, мой директор, и расскажи мне все как было.

М и д х а т. Оказывается, меня вызывал сам начальник!

П е р и. Сам начальник?!

М и д х а т. Да. Говорит, Мидхат, в тридцать восьмом магазине дела идут плохо. План не выполняется. С продавцами директор груб. Мы его сняли и решили направить тебя туда. Надо наладить дело. Ты, говорит, с отличием закончил торговый институт. Парень серьезный, энергичный. Сколько ты будешь сидеть в конторе и рыться в бумагах...

П е р и. Верно говорит.

М и д х а т. Говорит, пора идти на производство, к людям... Очень простой и симпатичный человек. Он так беседовал со мной, будто мы старые друзья.

П е р и (*рассматривая бумагу*). Это его подпись?

М и д х а т. Нет, у него есть заместитель по нашей системе. В магазине его почему-то называют шефом. Это его подпись.

П е р и. Шеф, наверно, тоже хороший человек.

М и д х а т. Кто его знает, вероятно...

П е р и. А какой у тебя будет оклад?

М и д х а т. Больше ста рублей.

П е р и. Ой, что ты говоришь!

М и д х а т. Если магазин будет хорошо работать, выполнять план, будет еще и премия.

П е р и. Уверена, что ты будешь хорошо работать.

М и д х а т (*волнуясь*). Посмотрим.

П е р и. Когда я слышу о тебе хорошее, у меня такое чувство, словно мне подарили весь мир.

М и д х а т (*шутливо*). Зачем тебе весь мир?

П е р и. Это просто к слову... Я должна так обставить эту комнату... Прежде всего мы купим телевизор, правда?

М и д х а т. Соберем деньги, и месяца через три-четыре сможем купить.

П е р и. Конечно. Если сложить два наших оклада, то половины вполне хватит на еду.

М и д х а т. У такой хозяйственной особы, как ты, разумеется, хватит. (*С воодушевлением.*) Я хочу так наладить торговлю в магазине, чтобы все были довольны.

П е р и. Главное добейся, чтобы продавцы были вежливы с покупателями. А то они порой смотрят на тебя так, что и в магазин заходить не хочется.

М и д х а т. Ты права, Пери-джан. Человек, стоящий за прилавком, должен любить свою профессию и, значит, уважать покупателя, уметь с ним разговаривать. Вообще он должен многое уметь, быть современным человеком – в самом широком смысле слова. Иначе какая разница между нами и прежними бакалейщиками?

П е р и. У нас на улице жил один завмаг. Все его так и называли «завмаг Сафтар». Костюмы у него всегда были из самой дорогой ткани. И от него почему-то пахло жирным бозбашем. Если какая-нибудь покупательница жаловалась на недoves, он улыбался во весь рот и отвечал весело: «Не стыдно тебе, сестра, говорить о каких-то пятидесяти граммах? Да весь мой магазин к твоим услугам, бери что хочешь!»

М и д х а т. Такие вот любители жирных граммов и позорят нашу торговлю.

П е р и. Я знаю, что у тебя в магазине все будет по-новому. Красиво, весело, радостно.

М и д х а т. Я выпишу торговую литературу, журналы мод.

П е р и. Ой, конечно, Мидхат-джан. У работника универсального магазина должен быть хороший вкус. Он обязан знать все зигзаги моды, разбираться, какая ткань подходит для костюма того или иного покроя. Ведь покупатель ждет от него толкового и умного совета. С учетом веяний времени.

М и д х а т (*с воодушевлением*). Именно таким торговым работником я и хочу стать, Пери-джан.
П е р и (*с любовью*). И этим ты заслужишь всеобщее уважение. А я буду откладывать все премии, которые ты получишь, и куплю хороший телевизор, сервант, потом... Потом куплю себе...
М и д х а т. Каракулевую шубу.
П е р и. Как ты догадался, Мидхат-джан? Я же никогда не говорила об этом. Ни одним словом...
М и д х а т. А я догадывался... (*Целует ее.*) Разве наши сердца бьются не в одном ритме?
П е р и. Мой дорогой Мидхат!
М и д х а т. Те восемь месяцев, что я не работал, тебе пришлось так трудно.
П е р и. Что это ты сейчас вспомнил?
М и д х а т. Я не мог смотреть тебе в глаза. Каждый день казался мне адом. Твоей зарплаты нам едва хватало на самую скромную жизнь...
П е р и. Ты же знаешь, что я и тогда была счастлива. Потому что со мной был ты.
М и д х а т. Вот эта твоя любовь, твоя готовность отдать мне все – сводили меня с ума. Ведь ты не привыкла к лишениям, у вас в доме всегда все было. Ты отказала людям, у которых были совсем другие возможности, и связала свою жизнь с моей...
П е р и. Я никогда об этом не думала. Просто полюбила тебя, и все... И потом, что за разговоры о возможностях? С каких это пор любовь измеряется возможностями?..
М и д х а т. Верно, не измеряется. Но когда я думаю, что не могу выполнить даже самое скромное твое желание...
П е р и (*зажимая ему рот рукой*). Хватит! Мое самое большое желание – чтобы ты был здоров. (*Щупает его бицепсы.*) Ну, в этом смысле ты чемпион. (*Прижимается к нему.*) Мой богатырь, спой мне немного.
М и д х а т (*поет*). Пери, Пери-джан, Пери,
Я люблю тебя, Пери.

Телефонный звонок. Мидхат берет трубку.

М и д х а т. Слушаю.
Г о л о с в т р у б к е. Мне нужен Мидхат Таирзаде.
М и д х а т. Это я.
Г о л о с. С вами будет разговаривать шеф.
М и д х а т. Пожалуйста.

На заднем плане вырисовывается туманное лицо шефа.
Это человек средних лет, чисто выбритый, в очках, с неизменной улыбкой на лице. Говорит он тихо и ласково.

Ш е ф (*в трубку*). Как чувствует себя молодой человек на новой должности?
М и д х а т. Неплохо.
Ш е ф (*с многозначительной улыбкой*). Всего лишь неплохо?
М и д х а т. Конечно, это большая честь для меня.
Ш е ф. Я тоже так считаю. Если будут какие-нибудь трудности, обращайтесь непосредственно ко мне.
М и д х а т. Спасибо!
Ш е ф. Без всяких стеснений.
М и д х а т. Благодарю вас.
Ш е ф. В вашем магазине работает Рахия.
М и д х а т. Да, работает.
Ш е ф. Это знающий и опытный работник, хороший человек, советую вам с нею подружиться.
М и д х а т. Я постараюсь стать хорошим другом всех хороших работников.
Ш е ф (*с особой улыбкой*). Ну ладно, пока.
М и д х а т. До свидания. (*Вешает трубку. Лицо шефа исчезает.*)
П е р и. Кто звонил?
М и д х а т (*задумчиво*). Шеф.

Свет постепенно гаснет. А когда зажигается, мы видим Мидхата в кабинете.
Он сосредоточенно считает на счетах. Входит Тип в шляпе, при галстукке,
со свертком в руке.

Т и п. Товарищ директор, в вашем магазине я купил отрез на платье. Однако цвет материала жене не нравится, мы хотим его поменять. Но ваша продавщица почему-то не меняет.

М и д х а т. Почему?

Т и п. Не желает.

М и д х а т (*берет трубку*). Алло. Отдел мануфактуры? Сона, зайдите ко мне на минутку. (*Tuny.*)
Присядьте, пожалуйста.

Т и п. Спасибо.

Входит молоденькая девушка.

М и д х а т. Сона-ханум, почему вы не хотите поменять отрез этому товарищу?

С о н а. Товарищ директор, он уже в третий раз приходит менять. Разве так полагается?

Т и п. Послушайте, цвет не нравится моей жене, потому я и меняю. Не могу же я заставить ее носить такое платье...

С о н а. Нет, заставлять не надо. Приходите вместе с женой, пусть она выберет по своему вкусу.

Т и п. Она весит сто пятьдесят восемь кило. Она не в состоянии в такую жару выходить на улицу и еще бегать по магазинам.

М и д х а т. Дайте товарищу образцы всех имеющихся у нас тканей. Пусть он покажет их своей уважаемой жене. Какую она выберет, на ту мы и сменим отрез.

С о н а. Образцы не полагается выдавать на дом, товарищ директор.

М и д х а т. Ради жены этого товарища один раз сделаем исключение. Ведь не всякая женщина весит сто пятьдесят восемь килограммов.

Т и п. Совершенно верно, совершенно правильно изволили выразиться. В каждом деле могут быть исключения, к любому вопросу надо подходить широко.

М и д х а т. Мы стараемся это делать. Но давайте договоримся. Если вы и после этого принесете обменивать отрез, мы его не примем. Ладно?

Сона и Тип выходят. Пауза. Появляется Рахия.

Р а х и л я. Здравствуйте.

М и д х а т. Здравствуйте, Рахия-ханум. Как идут дела?

Р а х и л я. Отлично. Весь район говорит о вас.

М и д х а т. Обо мне?

Р а х и л я (*кивает головой*). Говорят, что с приходом нового директора стало приятно заходить в магазин. И никто не уходит без покупки.

М и д х а т (*радостно*). Это хороший признак, правда?

Р а х и л я (*многозначительно улыбаясь*). Конечно. И еще говорят, что новый директор очень красивый мужчина.

М и д х а т. Это как раз не имеет значения. Тем более, что человек я женатый.

Р а х и л я (*не глядя на него, тихо и серьезно*). Ну и что же?

М и д х а т (*внимательно смотрит на нее*). Скажите лучше, ваш отдел выполнит квартальный план?

Р а х и л я (*не глядя на него, рассеянно*). Выполнит.

М и д х а т. Новые туфли, что мы получили, идут хорошо?

Р а х и л я (*кивает, короткая пауза; вдруг поднимает голову и пристально смотрит ему в глаза*).

В этой партии триста пар женских туфель тридцать шестого размера.

М и д х а т (*не поднимая головы, он уже снова работает*). Да, знаю.

Р а х и л я. Я их пока не пустила в продажу.

М и д х а т. Почему?

Р а х и л я. Вы не знаете почему?

М и д х а т (*поднимая голову*). Нет, не знаю. А что с ними? Бракованные?

Р а х и л я. Нет, не бракованные.

М и д х а т. Тогда почему же не пустить их в продажу?

Р а х и л я (*решительно*). Сейчас очень большой спрос на женские туфли тридцать шестого размера. На руках такие туфли стоят пятьдесят рублей. Теперь понимаете?

М и д х а т (*изумленно*). Товар, поступивший в магазин, продавать налево?

Рахиль. Не знаю.

Мидхат (*упорно смотрит на нее*). Пустите туфли в продажу... Потом...

Рахиль. Что потом?

Мидхат. Потом серьезно подумайте. Если намерены продолжать в том же духе...

Рахиль (*смотрит на него долгим взглядом*). Шефу нужны деньги, вам понятно? Уже два месяца, как вы работаете, и не дали ему ни копейки. Из-за вас и мое положение осложнилось.

Мидхат. Почему это мы должны давать шефу деньги?

Рахиль. Почему! Что, вам просто так дали такой магазин? Или вы думаете, кроме вас, некого было назначить?

Мидхат. Меня направил сюда начальник управления торговли!

Рахиль (*усмехаясь*). Начальник управления! Ключ ко всем делам в руках шефа!

Мидхат (*кричит*). Я его разоблачу!

Нервно оглядывается назад. На него из тумана смотрит чисто выбритое лицо шефа. Шеф улыбается. Мидхат резко отворачивается.

Рахиль. Бойтесь, как бы он не разоблачил вас и не выгнал отсюда.

Мидхат. А что во мне есть такого, что можно разоблачать?

Рахиль (*с усмешкой*). Что? Вашу порядочность!

Мидхат. Порядочность? Как можно разоблачать порядочность?

Рахиль (*смеется*). Сразу видно, вы еще новичок. Поработаете, поймете.

Сцена какое-то время затемнена. Когда светлеет, Мидхат сидит перед начальником. Видна только голова начальника. Это уже пожилой, приятный человек.

Начальник. Вы глубоко ошибаетесь в Фараджеве, которого почему-то называете шефом. Двадцать пять лет он работает здесь, и никто никогда не имел к нему ни малейших претензий.

Мидхат. Просто он умеет скрывать свое настоящее лицо.

Начальник. Не думаю.

Мидхат. Но разве можно поверить, что Рахилья, ссылаясь на него, говорила заведомую ложь?

Начальник (*строго*). Жаль, очень жаль, что при этом никого не было. Разговор, увы, проходил без свидетелей.

Мидхат. Вы мне не верите?

Начальник. Я не могу не верить вам. Вас рекомендовала весьма авторитетная организация. Но я не имею права не верить и Рахиле. Она работает давно и успешно.

Мидхат. Естественно, что шеф хвалит своих подручных.

Начальник (*строго*). Я не могу тратить время на бесполезные пререкания. Идите и занимайтесь делом. Если по каждой жалобе мы начнем увольнять людей, у нас не останется работников.

Экран темнеет. А когда светлеет, Мидхат беседует уже с другим человеком. Снова видна только голова.

Голова. Уверяю вас, здесь какое-то недоразумение. (*Ласково улыбаясь*.) Он совсем не такой человек.

Экран темнеет и опять светлеет.
Перед Мидхатом еще один человек – видна лишь голова.

Голова. Что вы говорите! Фараджев – и подобные дела! Никогда не поверю. Этого просто не может быть!

Экран темнеет, потом светлеет. Мидхат разговаривает с очередным начальником.
Не в пример другим, этот разгневан до предела.

Г о л о в а (*грозно*). Вы считаете, что можно просто так, за здорово живешь, пятнать имена уважаемых людей? Вам следует всерьез задуматься. Вы только вчера вылупились из яйца, а товарищ Фараджев двадцать пять лет вкалывает в нашей системе. И вы рассчитываете, что на основе ваших, мягко говоря, бездоказательных утверждений, мы станем пачкать его грязью? Наивно, молодой человек. Идите и запомните, что если бы вас не рекомендовала столь солидная организация...

М и д х а т. Вы сняли бы меня с работы, не так ли?

Г о л о в а. Что там снять с работы?! Мы отдали бы вас под суд как клеветника.

М и д х а т (*удивленно*). Даже под суд?

Г о л о в а. Да, да, под суд! А вы как думали?

М и д х а т. Очевидно, одним из свидетелей обвинения были бы вы?

Г о л о в а. Вашей иронии грош цена. (*Резко*.) Да, я был бы свидетелем. И тогда самое меньшее...

М и д х а т. Ясно, ясно. (*Будто разговаривая сам с собой*.) Может, и правда шеф чистый, порядочный человек? Может, Рахилия его оклеветала, делая вид, что говорит от его имени?

Г о л о в а. Выяснение этого вопроса – ваше личное дело. Если хотите знать мое мнение, скажу откровенно: я не верю, что Рахилия могла вам такое сказать.

М и д х а т. Не верите?

Г о л о в а. Нет, не верю. Она пять лет работает в нашей системе, и на нее не было ни малейших нареканий.

М и д х а т (*горестно*). Может быть, я и тут ошибаюсь? Может быть, это была не Рахилия? Чушь! Я слово в слово помню все, что она сказала!

Г о л о в а. Хорошо, друг мой, бредить будете в другом месте. Идите и подумайте как следует. Может быть... вам просто трудно работать в торговой системе?

М и д х а т. А при чем тут моя работа в торговле?

Г о л о в а (*внимательно смотрит на него*). Ну хорошо, с вами кончили.

М и д х а т. До свидания. (*Выходит*.)

Экран темнеет, затем светлеет. Мидхат в своем кабинете.
Перед ним Рахилия.

Р а х и л я. Почему вы так со мной держитесь? Разве я виновата, что вам не удалось добиться моего увольнения? Вы говорили обо мне все, что хотели. Я же рта не раскрыла, чтобы хоть как-то защитить себя. И все-таки с работы меня не сняли.

Мидхат молча смотрит на нее.

Р а х и л я (*хохочет и кладет ладонь на его руку*). Видите, какие дела творятся в мире, о мой дорогой человек, влюбленный в правду!

М и д х а т (*отодвигая ее руку*). Пожалуйста, не прикасайтесь ко мне. Я брезглив.

Р а х и л я (*изумленно*). Брезглив? Однако все говорят, что я достаточно красивая женщина.

М и д х а т. Вы просто кусок мяса!

Р а х и л я (*спокойно*). Что бы вы сделали тому, кто сказал нечто подобное о вашей жене?

М и д х а т (*кулаком по столу*). Я убил бы его как собаку!

Р а х и л я (*спокойно*). Почему же вы позволяете так отзываться обо мне?

М и д х а т. Потому что это правда. В вас не осталось ничего человеческого. У вас нет самолюбия. Вы давно превратились в подручную воров и жуликов. (*Рахилия достает пачку сигарет, закуривает и продолжает спокойно слушать*.) Вы говорите о своей красоте. Но красота не имеет к вам ни малейшего отношения. Ваша внешность – рюмка водки или затяжка опиума, чтобы вдохновить разбойников и убийц.

Р а х и л я. Моей зарплаты не хватает даже на полмесяца, а у меня трое детей.

М и д х а т. В любом случае воровство – не выход из положения. Оно еще никому не принесло счастья.

Р а х и л я. Неужто я думаю о счастье?

М и д х а т. Не думаете. Вы потеряли право думать о нем.

Р а х и л я. Если потеряла, то зачем же вы преподносите мне уроки морали?

М и д х а т. Я не преподношу вам уроков морали, я требую!

Р а х и л я (*с усмешкой*). Ах, требуете? В том-то и дело, что вы всегда требуете. Вы ни разу не подумали о том, что и мы можем чего-то потребовать. Наверно, не всегда я была такой. Или вы полагаете, это от рождения?

М и д х а т. Бросьте! Такие, как вы, привыкли сваливать свою вину на кого угодно: на обстоятельства, людей, общество. Вы хотели бы, чтобы общество потакало всем вашим капризам. А этого никогда не будет. Если сейчас не хватает оснований взять вас вместе с вашим шефом и привести к ответственности, это вовсе не значит, что вам гарантирована безнаказанность. Я знаю, что вы существуете, и вашу деятельность надо пресечь.

Р а х и л я. И таким способом вы надеетесь исправить мир?

М и д х а т. Не только надеюсь, но прямо отвечаю за это. Ясно? (*Долго смотрит на нее.*) Вы сказали, что у вас трое детей. Вы кормите и одеваете их на деньги, заработанные нечестным путем. Неужели вы не понимаете, что когда-нибудь они будут ненавидеть и презирать вас за это?

Р а х и л я (*кричит*). Никогда! Они будут знать, что все, что я делала, я делала ради их же счастья.

М и д х а т. Я уже говорил, ворованные деньги никому не приносили счастья. Я уверен, что они сумеют отличить правду от лжи.

Р а х и л я. Вы стремитесь погасить последний огонек надежды в моей душе?

М и д х а т (*с искренним сожалением*). Боюсь, что в вашей душе не осталось даже маленького огонька.

Р а х и л я (*испуганно*). Нет?

Входит Пери со свертком в руке.

П е р и. Здравствуйте.

М и д х а т. Здравствуй, Пери-джан.

П е р и. Ты как будто расстроен. Что-нибудь случилось?

М и д х а т. Ничего не случилось, Пери-джан. Откуда ты идешь?

П е р и. Из города, ходила по магазинам. Вот купила люстру.

Р а х и л я. Десятирублевая?!

П е р и (*кивает*). Недорогая, но очень красивая, правда?

Р а х и л я. Директору такого солидного магазина не пристало иметь дома такую люстру.

П е р и (*наивно*). Правда? Ничего, когда Мидхату дадут премию, мы купим подороже. А эту перевесим на кухню.

Р а х и л я (*с интересом*). А какую премию должны дать Мидхату?

П е р и. Как – какую премию? А вы разве не получаете премию за хорошую работу?

Рахилия внимательно смотрит на нее и молчит.

П е р и. Или вам не дают премий?

Рахилия по-прежнему молчит.

М и д х а т. Дают, Пери-джан. Почему не должны дать, если мы хорошо работаем?

П е р и. Мидхат, вечером интересный фильм, сходим посмотрим?

М и д х а т. Вечером у нас собрание, я не смогу.

П е р и. Я взяла билеты.

М и д х а т. Ничего, ты пойдешь одна.

П е р и. Как одна? (*Рахиле.*) Может, пойдём вместе? Говорят, замечательный фильм.

Рахилия вздрагивает и смотрит на Мидхата, их взгляды встречаются.

М и д х а т. Ох, Пери-джан, совсем забыл. Недавно звонил мой приятель. Вечером он собирается к нам. Тебе непременно надо быть дома.

П е р и. А как же с билетами? Я заплатила за них рубль.

М и д х а т. Отдашь детям уста Мадада.

П е р и. Хотя бы не опаздывай на обед.

Рахилия спокойно выходит из кабинета.

П е р и. Кто должен прийти?

М и д х а т. Никто. Просто я не хочу, чтобы ты ходила в кино с этой женщиной.

П е р и. Почему?

М и д х а т. Потому что она нехорошая женщина.

П е р и. Что ты говоришь? А такая красивая...

М и д х а т. Ты не можешь себе представить, какой порочный дух живет в этом красивом теле. Она – подручная жуликов и воров.

П е р и (*в ужасе*). Ой, Мидхат!

М и д х а т. Сложная история, я тебе расскажу вечером.

П е р и. Зачем же ты держишь такого человека?

М и д х а т. Пока у меня нет сил расправиться с ней. Не могу уволить, шефы ее защищают.

П е р и. Какие шефы?

М и д х а т. Иди, иди, Пери-джан, я потом расскажу.

Врывается все тот же Тип, очень взволнованный.

Т и п. Простите, товарищ директор!

М и д х а т. Что, опять вас обижают?

Т и п. Какой там обижают! Теперь вы закрыли двери, дескать, у вас ревизия... Душа моя, разве так можно? Куда ни пойдешь, везде ревизия. Если не ошибаюсь, всего месяц, как вы приняли этот магазин.

М и д х а т. Два... Но какая ревизия? Я ничего не знаю.

Т и п. Вот вам, пожалуйста, двери опечатали, а директор даже не в курсе.

Входит уже знакомая нам продавщица Сона.

С о н а. Товарищ директор, магазин закрыли. Говорят, будет ревизия. А он опять ругает меня, будто я виновата.

Т и п. А как же не ругаться? Работайте честно, тогда не придется устраивать ревизии каждый день. Моя жена весит сто пятьдесят восемь килограммов. Что же ей, в такую жару тащиться в город из-за одной комбинации, когда рядом есть свой магазин?

М и д х а т. Девушка тут ни при чем, гражданин. Магазин, надо думать, закрыли из-за меня.

Т и п. Тем хуже, дорогой мой. Если вам не верят, зачем же назначают на такую работу? А если верят, то зачем проверяют?

П е р и (*взволнованно*). Товарищ говорит справедливо. Сейчас же позвони шефу.

М и д х а т (*с улыбкой*). Шефу...

Мидхат пристально и прямо смотрит перед собой. Возникает ласково улыбающееся лицо шефа. Экран темнеет. А когда освещается, в кабинете Мидхата сидят он и следователь.

С л е д о в а т е л ь (*нажимает кнопку звонка, входит Сона*). Попросите, пожалуйста, продавщицу Дуньямалиеву.

С о н а. Товарищ следователь, если вы будете верить словам подобных людей, вам никогда не удастся установить истину. Она же глупа.

С л е д о в а т е л ь. А что она здесь делает, если она так глупа?

С о н а. Откуда мне знать? Покупатели ее не выносят. Товарищ директор несколько раз хотел ее уволить. Не разрешили.

С л е д о в а т е л ь. Ладно, позовите ее.

Сона выходит. Пауза. Мидхат закуривает папиросу, смотрит в окно. Следователь перебирает бумаги. Входит Дуньямалиева.

С л е д о в а т е л ь. Вы Дуньямалиева?

Д е в у ш к а. Да.

С л е д о в а т е л ь. Ваше имя?

Д е в у ш к а. Фира.

С л е д о в а т е л ь. А полное?

Д е в у ш к а. Фирангиз.

С л е д о в а т е л ь. Почему же Фирангиз превратилась в Фиру?

Д е в у ш к а (*пожимает плечами*). Так лучше. Джанику тоже Фира больше нравится.

С л е д о в а т е л ь. Кто такой Джаник?

Д е в у ш к а. Мой будущий муж.

С л е д о в а т е л ь. Заведующая отделом Рахилия говорит, что в вашем присутствии она передала директору Мидхату Таирзаде двадцать пять тысяч рублей выручки.

Ф и р а. Ага, в присутствии.

С л е д о в а т е л ь. Так вы подтверждаете, что Рахилия передала Мидхату Таирзаде двадцать пять тысяч рублей?

Ф и р а. Ага.

С л е д о в а т е л ь. Вы уверены, что не ошиблись?

Ф и р а. А-а... Дила тоже была там.

С л е д о в а т е л ь. Дильяфруз Джабиева?

Ф и р а. Ага.

Все это время Мидхат упорно смотрит в окно,
ни разу не обернувшись.

С л е д о в а т е л ь. Еще раз хорошенько подумайте.

Ф и р а. А-а... Чего мне хорошенько думать? Зачем это Рахилия вдруг будет врать!

С л е д о в а т е л ь. Сейчас речь о вас.

Ф и р а. Я ничего не знаю. Как сказала, так и есть.

С л е д о в а т е л ь. Значит, вы настаиваете на своих показаниях?

Ф и р а. Ага.

С л е д о в а т е л ь. Идите, напишите свои показания и передайте мне. Да, пришлите сюда Дилу.

Фира выходит. Пауза. Входит Дила.

Д и л а. Здравствуйте.

С л е д о в а т е л ь. Вы Дильяфруз Джабиева?

Д и л а. Да.

С л е д о в а т е л ь. Кем вы работаете в магазине?

Д и л а. А-а-а... Разве недавно вы не у меня покупали туфли?

С л е д о в а т е л ь. Когда?

Д и л а. Пятнадцать дней назад. Я еще дала вам из-под прилавка чехословацкие туфли.

С л е д о в а т е л ь. Из-под прилавка?

Д и л а. Забыли, что ли? Когда я говорю, что нет мне счастья, никто мне не верит.

С л е д о в а т е л ь. Разве вы знали меня?

Д и л а. Как же не знать? Разве вы не наш районный следователь?

С л е д о в а т е л ь (*резко*). Почему вы оказали следователю особую милость? Кто вас просил об этом?

Д и л а (*растерявшись*). Когда покупали туфли, небось ни слова не сказали, а теперь допытываетесь. Я же вам ничего плохого не сделала. (*Плачет.*)

С л е д о в а т е л ь. Ну хорошо, хорошо... Рахилия утверждает, что в вашем присутствии передала директору выручку – двадцать пять тысяч рублей. Вы это подтверждаете?

Д и л а. Да.

С л е д о в а т е л ь. Твердо?

Д и л а. А-а... Конечно.

С л е д о в а т е л ь. Кто вас направил сюда на работу?

Д и л а (*особым тоном*). Шеф.

С л е д о в а т е л ь. Откуда он вас знает?

Д и л а. Мы познакомились в одной компании.

С л е д о в а т е л ь. Что за компания?

Д и л а. Ну... компания.

С л е д о в а т е л ь. Хорошо, идите, изложите свои показания и подпишите их.

Девушка выходит. Следователь поднимается и нервно прогуливается по кабинету.
Останавливается и долго смотрит на Мидхата.

С л е д о в а т е л ь (*сердито*). Вы – обвиняемый. Слышите, вас обвиняют.

М и д х а т (*оборачивается*). Слышу.

Пауза.

С л е д о в а т е л ь (*разговаривая как бы сам с собой*). Обвинение против вас подтверждают три свидетеля. И все трое – полноправные граждане, у них есть паспорт. Не верить им нет оснований. Мы вынуждены вас задержать. Видите, правда не всегда так сильна, как вам кажется.

М и д х а т. Вы ошибаетесь. Мой арест вовсе не свидетельствует о бессилии правды.

С л е д о в а т е л ь. Бросьте эти громкие слова. Ваш идеализм ничему не поможет. Реальность может оказаться такой, что вам придется отбывать многолетний срок заключения. Двадцат пять тысяч рублей – не шутка. Кстати, эти деньги в казну не вернуться. Их потратят на разгул в пьяной компании. Думаете, вы тут ни при чем? Мы все виноваты. Вы, в частности, виноваты в том, что смирились с поражением, отступили.

М и д х а т (*кричит*). Я не отступил! Просто у меня не хватило сил бороться с шефом.

С л е д о в а т е л ь. Не кричите. Вы отступили. Не могли справиться с шефом, надо было дойти до министра.

М и д х а т. Вы уверены, что министр поверил бы мне?

С л е д о в а т е л ь. Не знаю. Если нет, надо было идти дальше. Жаловаться, требовать, писать в газету. Это долг вашей совести.

М и д х а т. Ничего не вышло бы. Все вороны стали бы в один голос каркать, убеждая министра, что шеф – ангел, а я демагог и интриган.

С л е д о в а т е л ь. В конце концов вы могли хлопнуть дверью. Повернуться и уйти.

М и д х а т (*смеется*). Видите, значит, мне все-таки следовало отказаться от борьбы?

Пауза. Следователь нервно закуривает папиросу.

С л е д о в а т е л ь. Наверно, мы виноваты в том, что недостаточно верим друг другу. И в то же время слишком доверчивы, особенно, когда к нам проявляют... уважение. Вы слышали, продавщица говорила о чехословацких туфлях? А я, чудак, скорее всего еще и поблагодарил ее. Почему я не спросил, откуда вдруг взялись туфли, которых нет на витрине магазина? Вот так... все так.

Входит Рахилия с большой сумкой. Следователь пристально смотрит на нее.

С л е д о в а т е л ь. Зачем вы пришли? Я вас не вызывал.

Р а х и л я. Я хотела узнать, чем закончилось дело.

С л е д о в а т е л ь. Узнаете в свое время.

Р а х и л я. Нет, я хочу узнать сейчас. Управление требует с меня денег.

С л е д о в а т е л ь (*долго смотрит ей в глаза*). Ваши показания подтвердились. Есть основания считать, что вы действительно передали деньги Мидхату Таирзаде. Можете спать спокойно.

Р а х и л я (*улыбаясь*). Вот как? (*Мидхату.*) Ну, как ты чувствуешь себя, мой дорогой человек, влюбленный в правду? Теперь ты понял, что шефа надо слушаться?

На экране улыбающееся лицо шефа. Гладко зачесанные волосы. Рахилия неожиданно открывает сумку, достает толстую пачку денег и кладет их перед следователем. Отчетливо видно, как глаза шефа на экране расширяются.

С л е д о в а т е л ь. Что это?

Р а х и л я (*спокойно*). Те самые двадцать пять тысяч рублей, можете пересчитать.

С л е д о в а т е л ь (*аккуратно пересчитывает*). Ровно двадцать пять тысяч.

Лицо шефа в ужасе. Изображение темнеет и исчезает.

Рахиль (*бессильно опускается в кресло*). Я устала. (*Закрывает лицо руками и молчит. Потом опускает руки и говорит устало, ни к кому не обращаясь.*) Молодая и красивая женщина, муж которой работает директором большого магазина, чувствует себя счастливой, купив десятирублевую люстру. А мне темно при свете огромной трехсотрублевой люстры. Я забыла, когда испытывала простую человеческую радость. Вечное ощущение страха, глухой внутренней тревоги, потеря последних остатков уважения к себе... И если в результате еще твои собственные дети будут испытывать отвращение, тогда к чему мне вся эта жизнь? (*Смотрит на Мидхата, усмехается.*) Думаешь, я вернула эти деньги, чтобы спасти тебя? (*Гневно.*) Нет! Если бы у десятка таких, как ты, была одна шея, я, не задумываясь, нанесла бы по ней удар мечом. Потому что все вы эгоисты. Вы в восторге от своей честности. В восторге от своей жены: такая красивая, такая благородная и чистая женщина... Я вас не интересую. Вы и пальцем не шевельнете, чтобы понять, почему я стала такой, и помочь мне. Вы умеете только клеймить и арестовывать. (*Встает и указывает на себя следователю.*) Вот вам еще одна преступница, можете арестовать. Потом можете идти и хвастать, что раскрыли очередное преступление. (*Пауза.*) Ну, чего же вы ждете?

Следователь (*не спеша закуривает*). Не торопитесь. Трудности есть, этого никто не отрицает. Тем, кто строит новую жизнь в нашем сложном мире, всегда трудно. Но если бы мы отступили перед ними, что было бы с нами тогда?

Рахиль. Не спорю. Но разделите эти трудности поровну между всеми людьми.

Следователь (*с волнением*). Это невозможно. Поймите, невозможно. Потому что принцип оплаты по труду – единственно возможный принцип при социализме. А то, что вам нелегко, никак вас не оправдывает. У человека должно быть чувство ответственности: перед собой, детьми, будущими поколениями. У вас, к сожалению, его нет. Вместо того, чтобы разоблачить жуликов и негодяев, таких, как ваш шеф, вы сами стали их опорой.

Рахиль. У меня не было выхода.

Следователь. Это ложь! Ни один честный человек у нас не умирает с голоду. (*Спокойно.*) Вам нужны были деньги не на хлеб, вас влекла не обычная десятирублевая, а непременно трехсотрублевая люстра. И хотя она гораздо сильнее десятирублевой, ни света, ни счастья она вам не принесла. Преступление, – это говорю вам я, следователь, – еще ни одного человека не сделало счастливым.

Рахиль (*встает, спокойно*). Что я должна делать?

Следователь. Идите и ждите решения. Я подумаю.

Верь нам

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фейзи

Забита

Стар-ший брат

Млад-ший брат

Сар-дар

Керем

Шехла

Джамиль

Самандар

Док-тор

Дом Фейзи. Во дворе слышны детские голоса. Вбегает Сардар.
Вслед за ним - старший и младший братья.

С т а р ш и й (*Сардару*). Отдай мою рогатку.
С а р д а р. У меня нет твоей рогатки.
М л а д ш и й. Он врет, он только что стрелял в птицу.
С а р д а р (*младшему*). Убирайся к черту! (*Пинает его. Мальчик хватается за живот и плачет.*)
М л а д ш и й. Ой, живот...
С т а р ш и й. Отдашь рогатку или нет? (*Дает пощечину. Сардар хватается за щеку и кричит.*)
С а р д а р. Мама!
С т а р ш и й. Ученая ворона! Сейчас же скажи, где рогатка. (*Снова бьет его, на этот раз Сардар отвечает. Драка. Младший хватается за живот и кричит.*)
З а б и т а (*прибегает из соседней комнаты*). Что опять случилось? Опять вы, сорванцы, терзаете друг друга! (*Пытается разнять, но не может.*)
С т а р ш и й. Вор!
С а р д а р. Ты сам вор. (*Дерутся.*)
М л а д ш и й (*кричит*). Ой, живот!

Входит взволнованный Фейзи, бросает портфель и подбегает
к младшему.

Ф е й з и. Что с тобой, чего ты держишься за живот?
М л а д ш и й (*плача*). Сардар ударил.

Фейзи отпускает его и бросается к дерущимся. Старший убегает.
Фейзи хватается за шиворот Сардара.

Ф е й з и. Ах ты, негодяй! Погоди у меня. (*Бьет его.*) Позавчерашней трепки тебе мало? Опять ты сбежал с урока?
М л а д ш и й (*перестает плакать*). Он сегодня сказал, что больше не будет учиться.
Ф е й з и (*Сардару*). Выходит, я должен работать как собака, зарабатывая на кусок хлеба, чтобы ты вырос и стал носильщиком? (*Бьет. Сардар кричит. Младший, испугавшись, убегает во двор.*)
З а б и т а (*вырывает Сардара из рук Фейзи и отталкивает его в сторону*). Хватит тебе избивать его.

Ф е й з и. Это ты их испортила. Никогда не спросишь, где они были или куда идут.
З а б и т а. Зато ты очень интересуешься.
Ф е й з и. Я зарабатываю вам деньги.
З а б и т а. А я с утра и до вечера торчу из-за вас на кухне, готовлю и стираю.
Ф е й з и. Готовлю, готовлю! Обед готов?
З а б и т а. Нет, не готов.
Ф е й з и. Видишь, как ты готовишь! С тех пор, как ты пришла в этот дом, я ни разу не ел вовремя. Мы обедаем, когда все нормальные люди ложатся спать. Тебя послушать, только ты возишься по дому. Все остальные женщины целыми днями гуляют по бульвару...
З а б и т а. Другим женщинам помогают домработницы, у них есть машины...
Ф е й з и (*выходит из себя*). Я, обыкновенный служащий, который должен прокормить семь ртов, могу еще нанять домработницу и держать машину?
З а б и т а. Тогда помалкивай. Каждый день набрасываешься на меня с придирками.
Ф е й з и. Будь ты проклята! Если у меня нет машины, значит, я не могу вовремя пообедать?
З а б и т а. Нет. По одежке протягивают ножки.
Ф е й з и. Тьфу на твою доброту!
З а б и т а. Тьфу на твою беспомощность!

Сардар, прижавшись к стене, наблюдает за ними.

Ф е й з и. Будь проклят день, когда я тебя встретил! Ты превратила мою жизнь в ад.
З а б и т а. Можно подумать, ты создал для меня рай!
Ф е й з и. Ты мне так истрепала нервы, что я не сплю ночами.
З а б и т а. Из-за тебя я выгляжу на десять лет старше, я превратилась в старуху.
Ф е й з и. Будь ты проклята! По твоей милости я отстал от всех в жизни и от всего.
З а б и т а. По настоянию этого идиота я бросила институт!
Ф е й з и. Из-за твоего гнусного характера мы рассорились со всеми соседями.

З а б и т а. Соседи такие же эгоисты, как ты. Все вы друг друга стоите. Никто из вас не желает понять, как я мучаюсь с этими пятью мальчишками. Даже во сне я вожусь с ними: разнимаю, убираю, чиню. Мне тридцать лет, а дают все сорок. И неудивительно, я забыла, что такое театр. *(Плачет.)* Разве я виновата, что их родила?

Ф е й з и. Будь ты проклята... Ну хорошо, успокойся.

З а б и т а. Во всем виноват ты.

Ф е й з и. А что я мог?

З а б и т а. Почему после второго ребенка ты не согласился на аборт?

Ф е й з и *(резко)*. Аборт противоречит и морали, и человечности.

З а б и т а. Человечности?! За эти годы ни один человек не спросил меня, как я справляюсь с этими пятью мальчишками. И после этого я должна считаться с мнением людей?

Ф е й з и *(не зная, что возразить)*. Будь все проклято. Такова, видимо, логика жизни.

З а б и т а *(выходит из себя)*. Не философствуй. Это жизненная логика людей беспомощных, таких бездельников, как ты.

Ф е й з и. Ты прекрасно знаешь, что я не бездельник. Я просто честный человек. За двадцать лет я ни у кого не взял ни копейки. Я никогда не опаздывал на работу даже на минуту.

З а б и т а. И какова же награда?

Ф е й з и. Если бы каждого, кто честно работает, награждали, в государственной казне не осталось бы денег.

З а б и т а. Ладно, хватит. Твое донкихотство просто выводит меня из себя.

Ф е й з и. Разве Дон-Кихот был плохим человеком? *(Мягко.)* Эх, Забита. Должно быть, во всей нашей семейной жизни есть какая-то ошибка.

З а б и т а. Восемьдесят рублей в месяц. Пятеро детей. Одна жена. Все понятно. Где тут может быть ошибка?

Ф е й з и. И все-таки есть. *(Прочувствованно.)* Ведь мы, Забита, любили друг друга.

З а б и т а. Хватит, хватит. Не хочу даже произносить это слово - любовь.

Ф е й з и. Сейчас не хочешь. А когда-то...

З а б и т а *(кричит)*. Сказала тебе, хватит!

Короткая пауза.

Ф е й з и *(прочувствованно)*. Почему ты смотришь на меня, как на врага? Разве я тебя не люблю? Разве я за тебя не болею?

З а б и т а. Не знаю, ничего не знаю. Кроме мук, я ничего не вижу. Никому я не верю.

Ф е й з и. Будь ты проклята! За десять лет даже краем глаза я не взглянул на другую женщину.

З а б и т а *(нервно)*. Тоже результат твоей беспомощности.

Ф е й з и *(всерьез обидевшись)*. Большое тебе спасибо.

Звонок в дверь. Забита идет открывать.

Входят Керем, Шехла и Джамиль.

З а б и т а. Какие хорошие люди к нам пришли. Здравствуйте, здравствуйте. *(Женщины целуются.)*

Ф е й з и *(здоровается с Керемом)*. Вот не ожидал увидеть вас.

Мужчины здороваются с женщинами.

З а б и т а. Какими судьбами?

Ш е х л а. Моя племянница вышла замуж и живет теперь по соседству с вами.

З а б и т а. Ну? А мы и не знали.

Ш е х л а. Сейчас у них родился сын. Керем говорит, давай проведем. А уж если выбрались в эти края, грех было не зайти...

К е р е м. Как поживаешь, Фейзи? Что нового, как дела?

Ф е й з и. Так себе... А как ты?

К е р е м. Неплохо. Я уже давно получил шофера первого класса. А Шехла - по медицинской части.

З а б и т а. Медсестра?

К е р е м. Да.

Ш е х л а. После того, как вы переехали, я поступила в медицинское училище.

З а б и т а. Вот как. А кто же занимался ребенком, вел домашнее хозяйство?

Ш е х л а. Джамия мы устроили в ясли, а домашние дела...

К е р е м (*улыбается*). Общими силами кое-как справляемся.

В этот момент Шехла замечает Сардара, прижавшегося к стене и внимательно наблюдающего за гостями. Она вздрагивает, оборачивается и с удивлением смотрит на мужа. Потом снова рассматривает Сардара. Только теперь мы замечаем поразительное сходство между Керемом и Сардаром. У обоих черные вьющиеся волосы, черные глаза; на левой щеке большая родинка.

Ш е х л а. Забита, это старший сын?

З а б и т а. Нет, средний.

Ш е х л а. Тот, что родился в одну ночь с Джамилем?

З а б и т а. Да.

Ф е й з и. Джамиль, похоже, хороший парень?

К е р е м. Неплохой. Учится прилично. По всем предметам пятерки.

Ф е й з и (*Сардару*). Слышишь, болван.

Сардар пристыженно опускает голову. Джамиль подходит к нему и обнимает за плечи.

Д ж а м и л ь (*Фейзи*). Зачем вы так говорите? Он хороший мальчик.

Ф е й з и. Был бы хорошим, тоже получал бы пятерки.

Д ж а м и л ь. Ничего, позанимается и получит. Наш учитель говорит, что пятерку может получить каждый, кто захочет. Надо только заниматься. (*Отводит Сардара к окну.*) Ваш турник?

Сардар отрицательно качает головой. Шехла по-прежнему не сводит с него глаз.

Ф е й з и. Забита, чего ты стоишь? Гости так и будут сидеть некормленные?

К е р е м. Ради Бога, не трудитесь. Ничего не надо.

З а б и т а. Ну что вы, как можно? В кои веки выбрались. (*Убегает на кухню.*)

Ф е й з и. Посидите, я сейчас вернусь.

К е р е м. Ради Бога, не хлопчите.

Ф е й з и. Какие там хлопоты. (*Уходит на кухню.*)

Ш е х л а (*на ухо мужу*). Керем, ты обратил внимание на мальчика?

К е р е м. Нет, а что?

Ш е х л а (*шепотом*). Присмотрись внимательнее. Только чтобы он не заметил. (*Керем украдкой наблюдает за Сардаром. Пауза.*)

К е р е м. Ничего не замечаю.

Ш е х л а. Не замечаешь, как он похож на тебя? (*Керем снова смотрит.*)

К е р е м (*с удивлением*). Вроде бы, действительно, немного похож.

Ш е х л а. Какой там немного! Точная копия.

К е р е м. Странно.

Ш е х л а. Глаза... родинка... волосы. Даже руки. А вот Джамиль совсем на тебя не похож.

К е р е м. Это верно.

Ш е х л а. Зато... Когда войдет Забита, обрати внимание. Глаза и волосы у нее точно такие же, как у Джамия.

К е р е м. Странно.

Встает и подходит к мальчикам, разговаривающим у окна; еще раз внимательно всматривается в Сардара. Ребенок тоже смотрит на него с интересом.

К е р е м (*гладит волосы Сардара*). Ты такой хороший мальчик, чего ж ты не учишься как следует?

Д ж а м и л ь (*обиженно*). Хватит, папа. Ты не даешь нам разговаривать.

К е р е м. А о чем вы беседуете?

Д ж а м и л ь. Оказывается, Сардар прекрасно стреляет. Вчера он подбил из рогатки восемь воробьев.

К е р е м. Восемь?

Д ж а м и л ь. В том-то и дело. Папа, когда ты заедешь сюда на машине, привези Сардару старую камеру, пусть у него будет запас для рогаток. Хорошо?

К е р е м. Если случится заехать... Вообще-то я редко здесь бываю. И с условием, что он будет хорошо учиться.

Д ж а м и л ь (*радостно хватает Сардара за руку*). Ты будешь, правда? (*Сардар кивает.*) Что стоит хорошо учиться? По полчаса на предмет, и все. А потом иди и стреляй. Только не тогда, когда птицы выводят птенцов. Правда, папа?

К е р е м (*задумчиво*). Правда.

Д ж а м и л ь. Когда птицы выводят птенцов, в них нельзя стрелять.

Керем возвращается к Шехле.

Ш е х л а. Теперь я почти не сомневаюсь, что ребят перепутали. (*Нервно.*) Медсестра, которая тогда нами занималась, была молодая и рассеянная девушка. Только и делала что пела. От нее всего можно было ждать. (*В сильном волнении.*) Эта родинка сводит меня с ума. Помнишь, ты говорил, что эта родинка наследственная, знак вашего рода. Такая родинка была и у твоей матери, и даже у бабушки.

К е р е м. Верно.

Ш е х л а. Допустим даже, что родинка - совпадение. А волосы, брови, глаза?

К е р е м. И все-таки, может быть, сходство чисто случайное?

Короткая пауза.

Ш е х л а. Разве может быть столько случайных совпадений?

К е р е м. Не стоит ли поговорить об этом с Забитой?

Ш е х л а. Положим, она согласится и подтвердит наши опасения. Что тогда? (*Пауза.*) Это ужасно.

К е р е м. Ты только не волнуйся заранее.

Ш е х л а. Я не могу не волноваться. Ребенок, которого я десять лет считала родным, день и ночь ласкала...

К е р е м. Тише.

Пауза.

Ш е х л а. Я всегда переживала, что Джамиль на тебя не похож. Это единственная тайна, которую я от тебя скрывала.

К е р е м. А я никогда об этом не думал. Мало ли на свете детей, которые вовсе не похожи на своих родителей... В любом случае тебе надо поговорить с Забитой. Может, она легко убедит нас, что мы заблуждаемся.

Ш е х л а. Вряд ли это возможно. Понимаешь, ребенок влечет меня, как магнит. Мне хочется рукой, губами коснуться его. Чувство такое, будто я нашла давно потерянную часть своего тела.

В этот момент Сардар поднимает глаза и долго смотрит на Шехлу.
Она вздрагивает, словно ее ударило током.

Ш е х л а. О господи! Разве это не ты на меня смотришь?

Сардар отводит взгляд. Шехла в волнении быстро подходит к нему, берет за подбородок, упорно смотрит в его глаза. Сардар в недоумении вскидывает брови. Джамиль хохочет.

Д ж а м и л ь. Мама, хороший мальчик, правда?

Ш е х л а (*вернувшись к мужу*). Вылитый ты.

К е р е м. Тише, Шехла.

Забита вносит поднос с фруктами и прочим.
За ней идет Фейзи с двумя бутылками вина.

К е р е м. Зачем вы беспокоитесь?..

Ф е й з и. Садитесь к столу. Как говорится, закусим, чем Бог послал.

Забита накрывает на стол. Все садятся.
Фейзи разливает вино по бокалам.

Ф е й з и (*поднимая бокал*). Добро пожаловать, мои дорогие. Было время, когда все мы были молоды и дружили. Хорошее было время! Нам казалось, что мир состоит из сплошных радостей. Теперь мы понимаем, что все не так просто. И все-таки давайте выпьем за те дни!

Мужчины пьют до дна, женщины слегка пригубляют вино.

Фейзи (*с чувством*). Когда я увидел вас, у меня на душе стало так светло... Будто я на мгновение вернулся в прошлое, в те светлые дни.

Керем. А собственно, что изменилось? Слава Богу, мы все живы и здоровы...

Фейзи. Нет, Керем. У вас положение иное. Один ребенок, вы оба работаете... А мы... Пятеро ребят - не шутка! Все еще маленькие и не очень послушные. Порой я просто теряю голову. А она... (*Показывает на жену.*) В общем, у обоих нервы. Бывает, так злы друг на друга, что готовы сцепиться. А ведь раньше ничего подобного не было.

Керем. Надо постараться дать образование всем пятерым. Без этого сейчас нельзя.

Фейзи. Стараться-то мы стараемся... Только трудно, очень трудно. (*Кивает на Сардара, играющего с Джамилем.*) Взять хотя бы его. В сущности, умный парень; когда хочет, прекрасно может учиться. А вот довел нас... (*Ребром ладони проводит по горлу.*)

Шехла. Чем?

Фейзи. То сбежит с урока, то разобьет у соседней стекло, то подерется с братьями.

Забита. Если бы хоть двое из них были девочки - полбеда. А попробуй справиться сразу с пятью мальчиками.

Фейзи. Что скрывать от вас, наверно, мы тоже в чем-то виноваты. Ссоримся и ругаемся при них. Другой раз такое с языка сорвется... Даже... Эх, будь оно проклято!

Керем. Вот это совсем не годится.

Фейзи. Короче, в наших делах без пол-литра не разберешься. (*Наполняет бокалы.*)

Забита. И квартира у нас неважная. Две маленькие комнаты. Здесь шепчешь - там слышно. Один из мальчиков спит на столе, другой под столом.

Фейзи. Может быть, в следующем месяце нам дадут квартиру. Давно стоим на очереди. (*Короткая пауза.*) Как-то потеряли мы равновесие. Не можем понять, что делать. Утром, когда просыпаюсь, мне становится страшно. Кажется, сейчас подойдут к моей кровати люди - много людей! - и спросят: «Что вы делаете, куда идете?»

Керем (*шутливо*). Идешь ты, конечно, на работу, а дети - в школу. По-моему, ты преувеличиваешь трудности, Фейзи. Я понимаю, что с такой оравой непросто. Но ты же помнишь, наверно, сколько нас было у матери - шесть братьев и четыре сестры. А отец был простым крестьянином. И я ни разу не видел, чтобы он злился и выходил из себя. Делал все, что мог, и терпеливо ждал, когда мы вырастем. И всегда был таким спокойным, таким выдержанным. По-моему, он в глубине души гордился большой семьей.

Фейзи. Не знаю, может быть, это зависит от характера.

Керем. Нет, это зависит от выдержки и отношения к жизни. От того, верит ли человек в себя и в будущее. Жизнь сложна, но справедлива. Когда мы злимся, выходим из себя, она становится беспощадной. Помнишь пословицу: чем крепче уксус, тем быстрее он разорвет бутылку. Ладно... (*Поднимает бокал.*) Давайте выпьем за здоровье наших детей. (*Пьют.*) Помнишь, когда мы учились в школе, мы мечтали о больших дорогах в жизни. Я хотел стать доктором, а вот сложилось так, что не смог поступить в институт, и пошел в шофера. А все-таки на свою судьбу я не жалею. Живем мы неплохо. И какую-то пользу приносим. Моя дневная норма - двадцать пять машин камня для новостроек. Так что, когда вы получите квартиру, учтите - в ней есть и мой труд. Не надо падать духом. (*Шутливо.*) Если вам так трудно, сплавьте нам пару сыновей.

Шехла. Мы будем беречь их, как зеницу ока. Квартира у нас хорошая: три большие комнаты.

Фейзи. Спасибо вам. (*С чувством.*) Огромное спасибо. Мне кажется, что с вашим появлением у меня свалилась гора с плеч. Так легко я давно себя не чувствовал.

Керем подходит к проигрывателю и просматривает пластинки.
Заводит одну из них. Звучит современный вальс. Керем, пританцовывая,
направляется к Забите и берет ее за руку.

Керем. Поднимайся.

Забита (*вставая*). Ой, мы давно забыли о таких вещах.

Танцуют. Фейзи приглашает Шехлу. Ребята перестают
разговаривать и смотрят на родителей.

Джамиль (*Сардару*). Чего ты так удивленно смотришь?

С ар д ар. Я никогда не видел, чтобы папа танцевал...
Д ж а м и л ь. Ну и что особенного? Разве плохо?

Забита и Фейзи танцуют все увереннее. Свет гаснет. А когда зажигается,
на сцену выходит Забита, за ней взволнованная Шехла.

З а б и т а (*в ужасе*). Теперь я уверена, что ребят перепутали. Не понимаю, как это мне до сих пор не пришло в голову. Ведь Сардар так похож на Керема. Просто вылитый Керем.

Ш е х л а. А у Джамилля и овал лица, и брови, и руки твои...

З а б и т а. Ты права.

Входят Фейзи и Керем.

Ф е й з и (*нервно*). Во всем виноваты женщины.

З а б и т а. Что ты опять выходишь из себя? Одна из этих женщин – я. Что мы могли сделать, лежа в кровати?

Ф е й з и. Что могли сделать...

К е р е м. Спорить теперь поздно. Если мы все четверо твердо уверены, что детей перепутали, тогда будем искать решение.

Ф е й з и. Каждый возьмет своего ребенка. Какое может быть другое решение?

Пауза.

К е р е м (*тихо*). Похоже, так.

Ш е х л а. Но что это за дикая история!

З а б и т а. Не говори.

Ш е х л а. Я не могу отказаться ни от Джамилля, ни от сына.

З а б и т а. Ты не думай, что только тебе трудно. Мы столько сил отдали Сардару.

Ш е х л а. Конечно, как же иначе. Вы ведь считали его сыном.

З а б и т а (*всхлипывает*). Стоило ему пожаловаться на головную боль, и я уже не могла уснуть.

Ф е й з и. Игра судьбы. Из всех детей больше всего я люблю Сардара. Потому-то мне было так обидно, когда он перестал заниматься. Эх, будь все проклято...

З а б и т а (*плачет*). А я его всегда жалела. Мне казалось, что он чувствует себя как-то одиноко среди ребят. Будто он сирота, случайно попавший в нашу семью.

К е р е м. Ваши стенания ничего не изменят. Надо что-то делать. По-моему, позовем ребят и расскажем им, в чем дело.

Ш е х л а (*в ужасе*). Прямо сейчас?

К е р е м (*решительно*). Сию же минуту.

Ш е х л а. Как я взгляну в лицо Джамиллю?

З а б и т а. Что я скажу своему Сардару?

Ш е х л а. Все это напоминает кошмарный сон.

К е р е м. Хорошо, хорошо, возьмите себя в руки.

Ф е й з и. Не трогай их, мне тоже очень тяжело.

К е р е м. Сделай усилие, позови сюда Джамилля и Сардара.

Ш е х л а. Ах... (*Закрывает лицо руками.*)

З а б и т а. Я не вынесу, я ухожу.

Ф е й з и (*кричит*). Постой! (*Керему.*) Может, ты сам позовешь ребят?

К е р е м. Что ж, позову.

Ф е й з и. И сам скажешь им об этом?

К е р е м. Что ж, скажу.

Быстро выходит. Напряженная пауза. Керем возвращается, держа за руки Джамилля и Сардара. Поставив минуту, он закуривает папиросу. Два раза затягивается и гасит ее в пепельнице. Оборачивается, внимательно смотрит на мальчиков.

К е р е м. Ребята, через несколько лет вы вырастаете, станете взрослыми.

Джамиль смотрит на Сардара и улыбается.

К е р е м. Однако, чтобы стать взрослыми, настоящими мужчинами, надо учиться с детства быть разумными и смелыми.

Д ж а м и л ь. Отец, разве я когда-нибудь поступал неразумно?
К е р е м. Нет.
Д ж а м и л ь (*указывая на Сардара*). Сардар - умный и хороший парень. Мы договорились, что теперь будем переписываться. Я обещал прислать ему «Всадник без головы».
К е р е м. Правильно. (*Показывая на Фейзи*.) Наша дружба началась в таком же примерно возрасте. А теперь послушайте, что я вам скажу. (*Пауза*.) Лет десять назад жили-были две подружки. Пришло время, и каждая из них - в один день и час – родила сына.
Д ж а м и л ь. Одного сына звали Сардаром, другого - Джамилем.
К е р е м (*удивленно*). Откуда ты знаешь?
Д ж а м и л ь. Мама говорила мне, что я и Сардар родились в один день.
К е р е м. Да. В тот день произошло, однако, очень странное событие.
Д ж а м и л ь. Какое, отец?
К е р е м. Медсестра, которая ухаживала за вашими мамами, вас перепутала.
Д ж а м и л ь. Как это перепутала?
К е р е м. Когда сестра принесла мамам, чтобы они вас покормили, она отдала тебя Шехле, а Сардара - Забите.
Д ж а м и л ь. А потом?
К е р е м. Так оно и продолжалось.
Д ж а м и л ь (*хмуро*). Разве потом каждого ребенка не отдали его матери?
К е р е м. Нет.
С а р д а р (*с волнением*). Значит, я ваш сын?
К е р е м. Да.
Д ж а м и л ь. А я?
Ф е й з и. А ты наш сын.
Д ж а м и л ь (*громко смеется*). Мой отец любит шутить.
К е р е м. Нет, Джамиль. На сей раз я не шучу.
Д ж а м и л ь (*кричит*). Ты шутишь!
З а б и т а (*хватает его за руку*). Ты наш сынок.
Д ж а м и л ь (*вырывается*). Ваш - Сардар. А я не ваш сын. (*Подбегает к Шехле, зарывается головой в ее колени*.) Мама, почему ты молчишь? Мама! Я же никогда не делал ничего плохого. Всегда учился на пятерки. Почему вы хотите отдать меня?
К е р е м (*гладит его по волосам*). Ты умный мальчик, Джамиль. Ты же понимаешь, что произошло.
Д ж а м и л ь. Я не верю, я ваш сын. Я не останусь здесь.
Ф е й з и (*нервно*). Будь оно проклято.
З а б и т а. Сынок, Джамиль. Посмотри на Сардара, он не плачет.
Д ж а м и л ь (*Шехле*). Мама, ты никому не отдашь меня, правда?

Шехла обнимает его голову и плачет навзрыд.

К е р е м. Ну, это никуда не годится. Вместо того, чтобы успокоить ребенка, ты сама плачешь.
Ш е х л а. Не могу удержаться.
Д ж а м и л ь. Я обижусь на тебя, папа. Ты меня не любишь.
К е р е м (*притягивает его к себе*). Я всегда буду любить тебя, сынок. Ты и наш сын. Слышишь?
И наш тоже.
Д ж а м и л ь. Нет, я только ваш сын.
З а б и т а (*берет Джамилю за руку*). Смотри, Сардар не сводит глаз со своих родителей.
Д ж а м и л ь (*вырывается*). Отпустите мою руку.
С а р д а р (*нерешительно подходит*). Тетя Шехла, а нельзя, чтобы мы оба были вашими сыновьями?
З а б и т а (*выходит из себя*). Ты слышишь?
Д ж а м и л ь (*сквозь слезы*). Мама, Сардар правильно говорит. Давай мы его тоже возьмем с собой. Мы будем вместе играть и ходить в школу.
З а б и т а (*Джамилю*). Замолчи! Ты останешься здесь.
К е р е м. Ну, это никуда не годится. Зачем кричать?
Ф е й з и (*нервно*). Это надо же, а? Будь оно проклято.
К е р е м (*понижив голос, Забите*). Джамиль очень впечатлительный ребенок. Если вы с самого начала будете с ним так...

З а б и т а. Что же делать?

К е р е м. Криками ничего не добьешься. Надо спокойно подумать и найти выход.

Ф е й з и. Какой смысл искать выход, которого нет. *(Кивая на Джамиля.)* С ним не сговоришься.

К е р е м. В любом случае надо подумать, посоветоваться.

Пауза. Свет в комнате уменьшается и гаснет совсем. Когда он зажигается снова, детей в комнате нет.

К е р е м. Другого выхода я не вижу. Если мы оставим Джамиля здесь, у него может быть нервный срыв. Поэтому давайте мы возьмем обоих мальчиков с собой. Пусть хоть год Джамиль поживет с нами. Думаю, он постепенно привыкнет к тому, что произошло.

Ш е х л а. Поверьте, что мы будем заниматься им еще больше, чем раньше.

К е р е м. Это уже лишнее. Они наши общие дети.

З а б и т а. Выходит, я должна отказаться от своего сына?

К е р е м. Я же говорю: временно, на год.

З а б и т а. Будто через год что-то изменится.

К е р е м. Мы - друзья, поэтому можем говорить обо всем прямо и откровенно. Сейчас у вас положение трудное, живете вы тесно. Ты же сама говорила, что один сын спит на столе, другой - под столом.

З а б и т а. И что же? Как мы, так и наши дети.

К е р е м. Ты, Забита, спокойно выслушай, что мы все говорим. Вам трудно. Почему же, если у нас есть возможность, мы не вправе предложить вам помощь? И почему бы вам ее не принять? Тем более, что случай особый. В таких - исключительных - обстоятельствах и проверяются настоящие друзья.

З а б и т а. Друзья могут присматривать за чужим ребенком пять-десять дней, но год...

Ш е х л а. Десять лет мы считали его родным сыном. Что такое после этого год или два?

З а б и т а *(резко)*. Вы напрасно так беспокоитесь о нашем ребенке.

К е р е м *(так же резко)*. Мы не можем не беспокоиться. *(Мягко.)* Ты же мать. Имеем ли мы право оставить его в таком состоянии?

Ф е й з и *(нервно)*. Будь оно проклято!

З а б и т а *(сердито)*. У нас нет возможности содержать четверых детей и каждый месяц отваливать деньги на пятого.

К е р е м. Послушай, кто говорил о деньгах? Не стыдно тебе даже упоминать об этом?

З а б и т а. Что же, вы будете даром содержать нашего ребенка?

К е р е м *(обиженно)*. Спасибо, Забита. Признаться, от тебя я этого не ожидал.

З а б и т а. Нет, Керем. Как говорят, долги портят дружбу.

К е р е м. Здесь нет никаких долгов. У тебя получается, что дружба, человечность - пустые слова. Предположим, не вы, а я на вашем месте посылаю одного из своих пятерых сыновей на год к вам, разве вы не согласились бы его принять?

Пауза.

Ф е й з и *(после тяжелой борьбы с собой)*. Возьмите обоих мальчиков, Керем. Пусть и наш пока поживет с вами, посмотрим, что получится.

К е р е м *(с воодушевлением)*. Уверяю вас, все будет хорошо.

Ш е х л а. Если мы, люди, всегда будем помогать друг другу, земля превратится в рай.

К е р е м. Так вы не возражаете, что мы берем обоих ребят?

Пауза.

Ф е й з и. Берите.

Керем вопросительно смотрит на Забиту.

З а б и т а *(слабым голосом)*. Это не значит, однако, что мы отказываемся от своего ребенка.

К е р е м. Конечно.

Ш е х л а. Мы сделаем все, чтобы он поверил, что вы его родители, чтобы он полюбил вас.

З а б и т а *(слезливо)*. Берегите его.

К е р е м. Ты снова обижаешь меня, Забита.

Фейзи (*Керему*). Не слушай ее.
Забита (*кричит*). Почему не слушай? Я мать, я его родила.
Фейзи. Уверен, что твоего ребенка они будут бить и ругать меньше, чем ты.
Забита. А ты?
Фейзи. И я не лучше тебя.
Забита (*плачет*). Как будто все горести мира были заранее назначены мне.
Керем. Хорошо. Позовем ребят и скажем, к чему мы пришли.
Фейзи (*колеблясь*). Может, отложим до завтра? Все равно сейчас уже поздно, вы останетесь.
Керем. Нет, это не годится, Фейзи. Нам лучше уйти сегодня.
Забита (*вытирает слезы, решительно*). Раз они уходят, пусть уходят сейчас же. (*Подходит к окну, кричит.*) Джамиль, Сардар!

Пауза. Входят Джамиль и Сардар.

Керем. Мы решили, чтобы вы оба пока пожили у нас. Вместе будете готовить уроки, вместе играть. Согласны?
Джамиль (*обнимает отца*). Пойдем скорее, папа!
Керем (*шутиливо*). Может быть, Сардар не хочет?
Джамиль (*видя, что Сардар молчит, опустив голову*). Чего ты молчишь? И рогатки возьми. Вместе будем играть.
Керем. Сардар, может, мы тебе не нравимся?

Сардар вздрагивает, поднимает голову. Долго смотрит на Керема и Шехлу, но молчит. Снова отводит взгляд.

Шехла (*подходит, кладет руку ему на плечо*). Почему ты молчишь, сынок? Может, ты правда, не хочешь идти с нами?

Сардар (*очень тихо*). Хочу.

Забита. Интересно, если бы он был моим родным сыном, он и тогда так же легко расстался бы с нами? (*Нервно.*) Нам, маленьким людям, не везет в жизни. Росли мы на сыром молоке. Потому все нас чуждались...

Фейзи. Но ведь наш собственный сын Джамиль не хочет расставаться с Керемом?

Забита. Просто они живут лучше нас. Будь они в нашем положении...

Джамиль. Будьте вы хоть королями, я здесь жить не буду. Я не ваш сын. И Сардар тоже не ваш сын. Вы его все время бьете. Правда, Сардар?

Забита (*долго смотрит на Джамилia*). Нет, ты наш сын. Я тебя родила. В твоих жилах течет кровь Фейзи. Глупый ребенок. И от своей судьбы ты не убежишь. Забирайте его, уводите. Он не виноват. Он, как и все, хочет счастья.

Плачет и тяжело опускается на стул. Свет гаснет, а когда зажигается, мы в доме Керема. Хорошо обставленная столовая. Раздается звонок. Шехла в халате идет открывать. Входят Джамиль и Сардар. Оба они в школьной форме, с портфелями. Теперь

Сардар держится гораздо свободнее и не выглядит таким запуганным.

Джамиль. Здравствуй, мама.

Сардар. Здравствуй, мама.

Шехла. Здравствуйте, дети. Как рано вы сегодня пришли.

Джамиль. Учитель физкультуры заболел. Последнего урока не было.

Шехла. Ну идите, переоденьтесь.

Ребята уходят. Шехла накрывает на стол.

Шехла. Мойте руки и садитесь к столу. (*Приносит фрукты. Входят ребята, садятся и едят.*)

Джамиль. Мама, Сардар получил сегодня четверку по арифметике.

Шехла (*радостно*). Правда?

Джамиль. Учитель сказал, что он толковый парень. Немного подгонит и будет учиться хорошо.

Сардар. Я стараюсь. Только диктант очень трудный. Что ни делаю, все равно много ошибок.

Шехла. Тебе надо больше читать, чаще писать письма домой.

Д ж а м и л ь. Э, что там диктант! Я буду тебе диктовать с книжки, а потом вместе проверим. Правильно, мама?

Ш е х л а. Конечно.

Д ж а м и л ь. Знаешь, мама, ошибок у него много, а пишет он красиво.

Ш е х л а. Красивый почерк - еще не все. Надо писать и грамотно.

Д ж а м и л ь. Не все сразу.

С а р д а р (*испуганно, Шехле*). Я стараюсь, Джамиль видит.

Д ж а м и л ь. Да не бойся, будешь ты хорошо писать. Когда он пришел к нам, у него и с арифметикой было плохо. А теперь, видишь, мама, получил четверку.

Ш е х л а. Понятно, главное - заниматься.

Д ж а м и л ь. Мы стараемся.

Шехла уносит посуду.

Д ж а м и л ь. Хочешь, я сыграю тебе песенку? (*Садится к пианино.*)

С а р д а р. Сыграй вчерашнюю.

Д ж а м и л ь. Нет, сегодня я сыграю другую.

Он играет и поет песню о радости, о том, что ребята верят в будущее.

С а р д а р. Хорошо ты играешь!

Д ж а м и л ь. Учитель музыки сказал маме, что у меня есть способности, и я, может быть, стану композитором.

С а р д а р. Как Узеир Гаджибеков?

Д ж а м и л ь. Ага.

С а р д а р (*мечтательно*). Если бы у меня были способности, я тоже учился бы играть на пианино.

Д ж а м и л ь. А я сейчас проверю, есть они у тебя или нет.

С а р д а р. Как?

Д ж а м и л ь (*уступает свое место Сардару*). Садись.

С а р д а р. Я не могу играть.

Д ж а м и л ь. Ты пока сядь. (*Сардар садится.*) Просто постучи по клавишам. А если получится, сыграй что-нибудь.

Сардар нерешительно, а потом все смелее стучит по клавишам.

Д ж а м и л ь. Молодец. Теперь убери руки и спой какую-нибудь мелодию.

С а р д а р. Какую?

Д ж а м и л ь. Какую знаешь.

С а р д а р. Можно песню Мешади Ибада?

Д ж а м и л ь. Ты видел спектакль?

С а р д а р. Видел.

Д ж а м и л ь. Я три раза смотрел.

С а р д а р. Спеть?

Д ж а м и л ь. Спой.

С а р д а р. Хочешь, я буду петь и танцевать?

Д ж а м и л ь. Как артист?

С а р д а р. Да.

Д ж а м и л ь. Хорошо.

С а р д а р (*приплясывает и поет*).

Пусть я стар, я смел и лих,
Посрамлю я молодых
И не ем я всухомятку,
И бегу ломтей сухих.
Эй, ханум, возьми за ум,
Приходи ко мне, ханум!
Ай, ханум!

Джамиль хохочет. Шехла входит, останавливается в дверях и смотрит. Сардар,

не замечая ее, танцует все увлеченнее. Джамиль, который видит мать, хохочет еще сильнее. Сардар изображает то Мешади Ибада, то Солтан-бека.

Мешади Ибад пришел,
Видно, рад, коли пришел.
Но скажи нам, что случилось,
Если ты нас вдруг нашел?
Милый бек, клянусь судьбой,
Милый бек, клянусь тобой,
Если б ты мне отдал дочку,
Был бы я зятек лихой.

Вдруг, заметив Шехлу, Сардар застывает на месте.
Шехла взволнованно обнимает его и целует.

Ш е х л а. Мой дорогой, ты же настоящий артист. Какой ты чудный мальчик. *(Целует, гладит по волосам.)* В будущем году ты тоже будешь учиться в музыкальной школе.

С а р д а р. Я, как Джамиль, после школы буду ходить на музыку?

Ш е х л а. Ага. *(Снова целует его. Джамиль молча наблюдает за ними. Заметно, что он ревнует.)*

Д ж а м и л ь *(подходит, тихо)*. Поцелуй и меня.

Шехла будто пробуждается после сна. Долго смотрит на Джамиля, на ее глаза навертываются слезы. Свободной рукой она прижимает его к себе. Входит Керем с двумя игрушками. Останавливается и наблюдает. Джамиль отрывается от Шехлы и бежит к нему.

Д ж а м и л ь. Что это, папа?

К е р е м. Спутники. *(Показывает, как они запускаются.)* Один тебе, другой Сардару.

Ребята берут игрушки и убегают.

К е р е м. Что с тобой, почему глаза у тебя мокрые?

Ш е х л а. Поведение Джамиля пугает меня. Он не упускает ни одного слова из моего разговора с Сардаром, ни одного движения. И ревнует. Я с ужасом думаю, что будет, если родители отберут его у нас. Бедный ребенок!

К е р е м. Пока они об этом не заикаются. Не стоит гадать, что будет дальше. Если бы можно было надеяться, что ребенок к ним привыкнет...

Ш е х л а. Сомневаюсь. Ты же видел, как легко отказался от них Сардар.

К е р е м. Не говори... *(Пауза. Из соседней комнаты слышны веселые голоса ребят.)* Они дружны, как родные братья. Порой мне кажется, что они действительно родные.

Ш е х л а *(задумчиво)*. Мне тоже.

Г о л о с Д ж а м и л я. Мой спутник поднялся куда выше твоего.

Г о л о с С а р д а р а. Посмотрим, куда мой сейчас поднимется.

Ш е х л а. Их нельзя лишить родительских прав, отнять у них сына. Но, по совести, с пятью детьми они не справляются. Я расспрашивала Сардара. Случалось, он по десять дней не бывал в школе, и никто этого не знал. В чем же тогда роль родителей?

К е р е м. Все это верно, Шехла. Но об этом нечего говорить. Если они не потребуют ребенка обратно, это, разумеется, принесет ему только пользу. Мы сделаем для него все, что можем. Он нас любит. И все же мы не вправе удерживать его, отнять у родителей. Поэтому надо больше говорить с Джамилем о них, пробуждая в нем интерес... Ведь они совсем неплохие люди...

Ш е х л а. А как? Если он не желает слышать даже их имен.

К е р е м. И все-таки мы обязаны.

Ш е х л а. Но он так любит нас.

К е р е м. Естественно. Десять лет он был нашим сыном. И сейчас, по-моему, наше отношение не изменилось. Для меня он по-прежнему родной.

Ш е х л а. И для меня. Мне кажется, сейчас я люблю его еще больше.

К е р е м. Я тоже.

Ш е х л а. Не могу смотреть ему в глаза. Будто по отношению к нему мы совершили подлость, обманули его любовь.

К е р е м. Так оно и есть. Мы, конечно, не виноваты. Но эта ошибка граничит с преступлением.

Ш е х л а. Если бы они согласились оставить его у нас хотя бы до восемнадцати лет...

К е р е м. Потом мальчик решил бы все сам.
Ш е х л а. Я была бы самой счастливой женщиной на свете. *(Пауза. Шехла задумывается.)*
Учиться они будут вместе.
К е р е м. Прекрасные мальчики.
Ш е х л а *(горько)*. Почему люди рождаются такими, Керем? Я знаю, Забита не верит в наши добрые намерения. Она думает, что мы хотим отнять у нее ребенка навсегда.
К е р е м. Ерунда, конечно.
Ш е х л а. Ведь это наш гражданский долг - вырастить ребенка человеком, полезным для общества. Где тут тайный и злой умысел? Мы вырастили бы Джамиля, а потом сказали бы ему: ты - взрослый и должен помнить, что, кроме нас, у тебя есть родители. Разве не сказали бы?
К е р е м. Понятно, сказали бы.
Ш е х л а. И если бы он тогда простился с нами и вернулся к своим родителям, я все равно считала бы себя счастливой.
К е р е м. Ей-Богу, Шехла. Я думаю точно так же.
Ш е х л а *(грустно)*. Почему же они не хотят нас понять?
К е р е м *(стараясь сменить тему разговора, шутливо)*. Перестань ты строить догадки. Пока что они живут себе, нас не трогают.
Ш е х л а. Я не нахожу себе места, Керем. Мне все кажется, что злой и холодный взгляд Забиты преследует меня.

Звонок в дверь. Шехла поспешно открывает.
Входят Фейзи и Забита.

К е р е м. Ого, какие хорошие люди пришли. Входите, садитесь.
З а б и т а. Нет, мы не сядем.
Ш е х л а. Почему, что случилось?
З а б и т а. Ничего. Просто мы пришли забрать Джамиля.
Ш е х л а. Как забрать?
З а б и т а. Обыкновенно. *(Резко.)* Вы что думали, мы подарили вам ребенка?
Ш е х л а. Но...
К е р е м. Мы же договорились, что пока оба мальчика будут у нас.
З а б и т а. Считайте, что не договаривались. Мы не можем больше оставлять своего ребенка в чужом доме.
К е р е м. Нехорошо получается. Фейзи, друг мой, а что скажешь ты?
Ф е й з и *(неопределенно пожимает плечами)*. Будь оно проклято.
З а б и т а *(сердито)*. Будь Фейзи мужчиной, он с самого начала не разрешил бы своему сыну скитаться по чужим домам.
К е р е м. Зачем вы так говорите, Забита. Разве мы чужие?
З а б и т а *(нетерпеливо)*. Мы пришли не сказки слушать. Позовите ребенка.
К е р е м. Сейчас. *(Шехла удивленно смотрит на него.)* Джамиль, иди сюда. *(Прибегают оба мальчика. Увидев Забиту и Фейзи, застывают на месте.)* Джамиль, вот твои родители. Они пришли забрать тебя.
Д ж а м и л ь. Я никуда не пойду. Они мне никто.
К е р е м. Нет, Джамиль. Это твои родители.
Д ж а м и л ь *(кричит)*. Они мне никто. Я никуда не пойду.
З а б и т а *(бросается к мальчику, хватая его за руку)*. Пойдешь, щенок! *(Тянет мальчика к двери. Джамиль вырывается и кричит. Сардар прячется за пианино.)* Хоть лопнешь, я тебя уведу.
Д ж а м и л ь. Пусти!
З а б и т а *(кричит на мужа)*. Помоги же, чучело!
Ф е й з и. Будь оно проклято. *(Нерешительно подходит и берет мальчика за другую руку.)*
Пойдем.
Д ж а м и л ь *(с силой вырывается и кричит)*. Пустите меня!

Шехла не выдерживает и кидается на помощь Джамиллю.

З а б и т а *(толкает Шехлу в грудь)*. Отойди!
Ш е х л а. Керем! Забери мальчика у этих дикарей.

Керем подходит и без усилий отстраняет Забиту и Фейзи. Джамиль, вырвавшись из их рук, убегает.

З а б и т а (*Керему*). Значит, ты удерживаешь его силой?
К е р е м (*спокойно*). Раз ребенок не хочет идти, мы его вам не отдадим. Хотите посидеть, садитесь, будьте гостями. Не хотите - всего хорошего.
З а б и т а. Думаете, на вас не найдется закона? Вы хотите украсть ребенка. Я отдам вас под суд.
К е р е м. Что ж, мы подчинимся решению суда.
З а б и т а. Никакой суд не может лишить меня прав материнства.
К е р е м. В любом случае мы не позволим увести Джамिला насильно.
З а б и т а (*мужу*). Чего ты молчишь? Ты не мужчина?
Ф е й з и. Будь оно проклято.
З а б и т а. Эх, рост такого мужчины, как ты, меряют камышом.

Гневно хлопает дверью. Шехла, Фейзи и Керем идут за ней. Сардар пугливо выходит из-за пианино, осторожно крадется и смотрит вслед ушедшим. Потом бежит туда, куда убежал Джамиль. Свет гаснет. А когда зажигается, мы видим речку в лесу. Лес в осеннем убранстве. Слышен шум машины. Появляются Керем, Шехла, Джамиль и Сардар. Керем несет туго набитую сумку, в руках у мальчиков - удиллица.

Д ж а м и л ь (*показывая на отдельно стоящее дерево*). Как обычно, устроимся здесь. Видите, еще сохранился след нашего костра. (*Сардару*.) Мы всегда сидим под этим деревом.
Ш е х л а. И осенью, и весной здесь одинаково хорошо. (*Берет у Керема сумку, стелет скатерть, раскладывает еду. Керем включает транзисторный приемник. Слышна нежная музыка.*)
Д ж а м и л ь. Мама, ты разрешишь нам поудить рыбу?
Ш е х л а. Конечно.
Д ж а м и л ь (*Сардару*). Пошли. (*Ребята убегают.*)
Ш е х л а (*мужу*). Их привязанность и радует, и пугает меня.
К е р е м. Почему же пугает?
Ш е х л а. Когда я думаю, что их когда-нибудь разлучат...
К е р е м. Нет, теперь они не смогут отнять у нас Джамिला. Есть свидетельство врачей. Нервный срыв Джамила они прямо связывают с тем скандалом.
Ш е х л а. Я Забиту не обвиняю. Все-таки она мать.
К е р е м. Мать должна быть разумной, думать прежде всего о благополучии своего ребенка.
Ш е х л а. Ты плохо знаешь матерей, Керем. Мы не умеем судить о детях так спокойно и просто. (*Пауза.*) Если бы мы могли убедить Забиту поверить нам, если бы она понимала, что у нас нет других целей, как помочь ей самой и ее ребенку...
К е р е м. Наверно, другие не стали бы терпеть их капризы.
Ш е х л а. А что бы они сделали?
К е р е м. Отдали бы им ребенка, и все.
Ш е х л а. Не верю своим ушам, Керем. Неужели ты действительно мог бы отдать Джамिला?
К е р е м. Нет, не мог бы.
Ш е х л а (*берет его руку*). Я и не сомневалась, слишком хорошо я тебя знаю. (*Оглядывается по сторонам.*) Здесь, в лесу, где так красиво, я почему-то всегда думаю о нас с тобой, Керем. Я верю, что мы никогда не сделаем ничего плохого. Как эти деревья, трава, река... В такие минуты мне хочется обнять и расцеловать всех, даже Забиту. (*Вдруг, с ужасом.*) Я не могу забыть ее, Керем. У меня чувство, что ее недоверие и враждебность принесут нам несчастье. Ты не поверишь, но я начинаю сомневаться в себе, подозревать себя. Может быть, мне и в самом деле нельзя верить?
К е р е м (*возмущенно*). Ну, это уж никуда не годится. К чему такая чувствительность? Не верят, и черт с ними. Важно, что совесть у нас чиста.
Ш е х л а. Не знаю. Наверно, ты прав. Только я никак не могу успокоиться.
К е р е м (*ласково*). Это безволие, Шехла. Мы не можем танцевать под дудку злых и неумных людей. Тот, кто уверен в своей правоте, должен быть решителен, а если понадобится, то и беспощаден.
Ш е х л а. Но ведь они неплохие люди. И неглупые.
К е р е м. Но они сами себя калечат.
Ш е х л а. Кто хочет быть плохим, Керем! Просто им долго не везло в жизни.

К е р е м. Ты удивляешь меня, Шехла. Что значит - не везло? Если бы мы жили в другом мире, я понимаю - нищета, голод, безработица... Но у нас судьба человека в его руках. Они получают пособие на детей, скоро им дадут квартиру. Не спорю, Фейзи работает в меру своих сил. Однако Забита тоже могла бы работать. Уверяю тебя, им бы охотно помогли: есть ясли, детские сады, школы-интернаты. Дело не в этом. Просто, столкнувшись с трудностями, они растерялись, стали во всем винить друг друга...

Ш е х л а. Значит, трудности все-таки есть?

К е р е м. Есть, кто же спорит. А что тут необычайного? Мы живем не при коммунизме. Большая семья, один работник. Трудности, повторяю, есть. Главное, что в наших условиях они преодолимы. Надо только правильно использовать свои возможности.

Ш е х л а. Но способности у людей разные.

К е р е м. Не стану судить обо всех. Но Фейзи и Забита - люди достаточно способные. Помнишь школу?

Ш е х л а. Помню, конечно.

К е р е м. Словом... сейчас вернутся голодные ребята. Ты нанизывай мясо, а я разведу костер.

Сцена возвращается. Джамиль и Сардар удят рыбу.

Д ж а м и л ь. Следи за леской.

С а р д а р (*радостно*). Она дергается.

Д ж а м и л ь. Тяни!

С а р д а р (*вытягивает леску*). Эх, ничего не попало, а червяка стянула.

Д ж а м и л ь. Опоздал. Ничего, закинь снова. (*Сардар забрасывает уд.*)

Д ж а м и л ь. Как-то я здесь поймал десять форелей.

С а р д а р. Ну да?

Д ж а м и л ь. Ничего, и ты поймаешь. Научись. А потом попросим отца, он отвезет нас на Гек-Гель.

С а р д а р. На машине?

Д ж а м и л ь. Конечно, на папиной машине.

В этот момент за деревьями бесшумно возникают Забита и Фейзи.
Останавливаются, прислушиваются.

Д ж а м и л ь. Ты любишь кататься на машине?

С а р д а р. Еще бы!

Д ж а м и л ь. Когда вырастем, купим на двоих «Москвич», идет?

С а р д а р. Где мы возьмем столько денег?

Д ж а м и л ь. Заработаем. Я буду инженером. А ты кем хочешь?

С а р д а р. Я? Не знаю.

Д ж а м и л ь. А ты будешь доктором. (*Пауза.*) Они тебя часто били?

Сардар кивает.

Д ж а м и л ь. За то, что ты плохо учился?

С а р д а р. Нет. Сначала я хорошо учился, мою карточку даже поместили в стенгазете.

Д ж а м и л ь. А почему стал бегать с уроков?

С а р д а р. Не знаю.

Д ж а м и л ь (*после паузы*). Отец сказал, когда мы кончим среднюю школу, он повезет нас в Баку, сдавать экзамены в институт.

Ф е й з и (*показывая на ребят, тихо*). Им так хорошо вдвоем, что рука не поднимается их разлучить.

З а б и т а. Значит, тебе по душе, что твой сын живет в чужом доме?

Ф е й з и. Почему же в чужом?

З а б и т а. В этом мире каждый живет для себя. Пойми, я не могу никому доверить своего ребенка.

Ф е й з и. Будь оно проклято. Ни в чем не могу разобраться.

З а б и т а. Был бы настоящим отцом, быстро разобрался бы!

Ф е й з и. Ты же избивала этого несчастного ребенка до полусмерти.

З а б и т а. Я била, а ты не разрешал бы.

Фейзи. Разве с тобой справишься?
Забита. Что же ты предлагаешь? Чтобы при живых родителях ребенок оставался в чужом доме?
Фейзи. Подождем хотя бы год.
Забита. А что будет через год?
Фейзи. Ну, мало ли...
Забита. У тебя ни ума, ни храбрости. Если мы не сможем забрать его сейчас, значит, это вообще не удастся. А когда будет у нас, никто не посмеет его отнять.
Фейзи. Но он же говорит: хоть убейте, не хочу жить с вами!
Забита. Глупости говорит. Мало ли что говорит ребенок (*Нервно.*) Кончай, машина ждет.
Сардар (*вытягивая леску*). Опять не повезло.
Джамиль. Ничего. Закинь еще раз. (*Сардар забрасывает.*)
Сардар (*задумчиво*). Надо кого-нибудь попросить, чтобы им отнесли старую покрышку. Пусть сделают себе рогатки.
Джамиль. Кому?
Сардар. Твоим братьям.
Джамиль (*хмуро*). Не моим, а твоим.
Сардар (*тихо*). Какая разница...

Пауза.

Джамиль. Что ты их вспомнил?
Сардар. Самый младший - хороший парень. Только когда разозлится, не остановишь. (*Улыбается.*) Он мои рогатки все время прятал.
Джамиль. Воришка?
Сардар (*строго*). Нет, он не вор.
Джамиль. А зачем же он прятал твои рогатки?
Сардар (*с улыбкой*). Маленький, не понимает. (*С радостью и сожалением.*) Если б он видел, как мы удим рыбу...
Джамиль. А там нет реки?
Сардар. Нет.

Короткая пауза.

Сардар (*задумчиво*). Как-нибудь попросим папу отвезти нас туда, повидаться.
Джамиль. С кем?
Сардар. С моими братьями.
Джамиль (*серьезно*). Я не поеду, а ты поезжай.

В этот момент из-за деревьев появляются Забита и Фейзи. Фейзи на мгновение останавливается в нерешительности. Забита бросает на него гневный взгляд. Кидается к Джамилу и зажимает ему рот. Мальчик пытается вырваться. Сардар убегает.

Забита. Хватай его!

Фейзи подходит, берет мальчика за руку и уводит. Слышно, как за сценой тихо отъезжает машина. Свет гаснет. А когда зажигается, мы в комнате Шехлы. Прошло двадцать пять дней. Шехла укладывает в небольшой ящик детскую одежду. Входит Керем.

Керем (*стараясь казаться радостным*). Здравствуйте, ханум. (*Наливает воду из графина, пьет.*) Осень, а такая жара. Просто поразительно.
Шехла. Это зимняя одежда Джамилы. Хочу отправить ему. (*Лицо Керема мрачнеет. Короткая пауза.*)
Керем. Ты все время об этом думаешь, Шехла. Мы сделали все, что могли. Но они родители, это факт.
Шехла. Были бы хорошие родители, что за беда... Что ждет ребенка? Дадут ли ему хотя бы доучиться в школе? Уж о музыке я не говорю...
Керем. Да. В их селении нет музыкальной школы.
Шехла. Ни на минуту не могу забыть о нем, Керем. Без него у меня не будет покоя.
Керем. Я посоветовался с адвокатом. Говорит, без согласия родителей вернуть ребенка нельзя.

Ш е х л а (*нервно*). А ты рассказал, какие они родители?
К е р е м. Рассказал, все рассказал. Я даже объяснил, что у них и кроме Джамиля четверо детей, что они не могут уделять ему достаточно внимания.
Ш е х л а (*нервно*). Уверяю тебя, когда власти узнают, как они обращаются со своими детьми...
К е р е м. Это трудно доказать.
Ш е х л а. Ужасно жаль Джамиля. Такой умный, честный и чуткий мальчик.

Входит Сардар с портфелем. Он взволнован.

С а р д а р. Здравствуйте.
К е р е м (*шутиливо*). Здравия желаем.
С а р д а р (*стараясь улыбаться*). Я только что видел Нури-киши. Привез на рынок яблоки.
К е р е м. Кто такой Нури-киши?
С а р д а р. Был там нашим соседом.
К е р е м. И что он рассказывает?
С а р д а р. Видел Джамиля.
К е р е м. Как он, здоров?

Пауза. Сардар молчит, виновато опустив голову.

Ш е х л а. Чего ты молчишь, Сардар?
С а р д а р (*глядя в землю*). Говорит, ничего.
Ш е х л а. Он не болеет?
С а р д а р (*качает головой*). Нет.
Ш е х л а (*с глубоким вздохом*). Только бы он был здоров.
К е р е м. Иди переоденься.
С а р д а р. Хочешь, мама, я приведу Джамиля обратно?
Ш е х л а. Приведешь Джамиля?
К е р е м. Как?
С а р д а р. Сяду на машину Нури-киши. А там слезу и спрячусь у школы. Когда Джамиль выйдет с уроков, я позову его, и мы как-нибудь доберемся сюда.
К е р е м. Нет, сынок. Это плохое дело.
С а р д а р. Почему же они так сделали?
К е р е м. Мы не можем на плохие поступки отвечать плохими. (*Сардар уходит в соседнюю комнату.*) После этой истории и Сардар не может прийти в себя.

Звонок в дверь. Керем идет открывать.
Шофер Самандар вносит на руках Джамиля.

Ш е х л а (*бросаясь к нему*). Что случилось?
Ш о ф е р. Ничего, Шехла-ханум. Наверное, сильно устал. (*Керем берет Джамиля у шофера и укладывает на диван. Шехла наклоняется над ним. Джамиль открывает глаза и вдруг плачет.*)
Ш е х л а. Мой сынок, дитя мое!

Из соседней комнаты выходит Сардар и, пораженный, застывает на месте.

К е р е м. Самандар, откуда ребенок?
Ш о ф е р. Я вез из лесу деревья для стройки. Смотрю, на земле ребенок. Остановил машину, спрашиваю, чего лежишь здесь один. Он молчит. Я вылез и подошел к нему, думал, спит. Долго тряс его. Наконец, он открыл глаза и объяснил, кто он и откуда. Тогда я посадил его в кабину.
Ш е х л а. Мальчик плачет.
Ш о ф е р. Не бойтесь, поправится. Не пойму только, откуда он шел. Ведь от нашего села это километров двадцать.
К е р е м. Потом расскажу.
Ш о ф е р. Извините, я пойду.
К е р е м. Спасибо, Самандар.
Ш о ф е р. Пока. (*Выходит.*)
Ш е х л а. Надо сейчас же вызвать врача, Керем.

Керем уходит в другую комнату. Свет гаснет. Когда зажигается - та же комната. Шехла, Керем и Сардар стоят у постели Джамиля.

Д ж а м и л ь (*садится в постели*). Знаешь, мама. Я прочту все сказки «Тысячи и одной ночи» и расскажу вам.

К е р е м. А мне прочтешь вслух Жюль Верна.

Д ж а м и л ь. Конечно. Ох, сколько я хороших книг вам прочту! А Сардару решу все задачки. Не бойся, Сардар, со мной ты всегда будешь получать пятерки по арифметике.

С а р д а р. Я теперь и сам легко решаю задачи.

Д ж а м и л ь. А пишешь?

С а р д а р (*опускает голову*). Пишу...

Д ж а м и л ь. Не тужи. Вместе осилим.

Короткая пауза.

Д ж а м и л ь. Отец, вы больше не отдадите меня, правда?

К е р е м. Нет, не отдадим.

Д ж а м и л ь. Они плохие люди. Каждый день бьют детей. Не дают денег на кино. (*Вдруг он выглядывает в окно, на его лице ужас.*) Ой, они идут. Не пускайте их сюда! (*Теряет сознание.*)

Шехла бросается к нему. Входят Фейзи и Забита.

З а б и т а (*кричит*). Вы дошли до того, что воруете чужих детей?

Ф е й з и. Будь оно проклято. погоди, разберемся, что случилось.

З а б и т а (*кричит*). Что вы сделали с моим ребенком, отвечайте!

К е р е м (*резко*). Это сделали вы. Только увидев вас в окно, он потерял сознание.

Ш е х л а. Не время спорить, Керем. Быстро зови доктора.

Керем выходит. Шехла пробует привести в сознание Джамиля. Фейзи и Забита тоже склонились над ним. Сардар, спрятавшийся от них под кровать, пользуется моментом и убегает.

Ш е х л а. Вы поступили нехорошо. Чем виноват этот несчастный ребенок? Ты же мать!

З а б и т а. Да, я мать. И поэтому требую своего сына обратно.

Ш е х л а. Ты же видишь, он не хочет жить с вами.

З а б и т а. Потому что вы живете лучше нас. Тебе ведь не надо крутиться с пятью мальчишками.

Ф е й з и. Будь оно проклято. (*Жене.*) Перед кем только ты нас не опозорила.

З а б и т а (*кричит на него*). Заткнись, негодяй! (*Шехле.*) Если б и у меня была такая обстановка и такая жизнь, мой мальчик не бросил бы меня.

Ш е х л а (*возясь с Джамилем*). Дело не в этом.

З а б и т а. А в чем же? Думаешь, другие женщины любят своих детей меньше, чем ты?

Ш е х л а. Животные тоже любят своих детей. Одной любви мало. Нужно материнское терпение, самоотверженность... Мало ли что нужно, особенно когда у тебя пять детей.

З а б и т а. А разве я не везу воз?

Ш е х л а (*нервно*). Везешь. Но ты зла на весь мир, а потому раздражаешься от каждого пустяка, бьешь детей, кричишь. Тебе плохо, и им плохо. Постепенно любовь уходит, они начинают видеть в тебе врага. Твое присутствие их стесняет. (*Короткая пауза. Джамиль слабо шевелится.*) Думаешь, все счастье только в просторных комнатах и высокой зарплате?

Ф е й з и. Верно, все верно.

З а б и т а (*пытается расшевелить Джамиля, с чувством*). Джамиль, сынок, проснись. Открой глаза. (*В ужасе.*) Холодный, как лед. (*Кричит.*) Сынок!

Ш е х л а. Тише, не кричи.

З а б и т а. Он умер!

Ш е х л а (*гневно*). Спокойнее, он жив. (*Пытается привести мальчика в сознание.*)

З а б и т а (*плачет*). Ты правду говоришь, Шехла. Я плохая. Чем виноват этот бедный ребенок... Я же его родила, он мой.

Ш е х л а. Это правда. А теперь ты его убиваешь.

З а б и т а (*кричит*). Хватит! Джамиль, сынок!

Входят Керем и доктор. Доктор осматривает и выслушивает мальчика.
Джамиль медленно приходит в себя.

К е р е м (*Забите, резко*). Встань и отойди в сторону.

Забита поднимается и отходит. Джамиль открывает глаза, долгий зевок.
Сначала он ничего не понимает. Потом, заметив Фейзи и Забиту,
в ужасе прижимается к стене.

Д ж а м и л ь (*Керему*). Отец, не разрешай им увести меня. Что я вам сделал плохого?

Д о к т о р. Успокойся, мальчик. Тебе нельзя нервничать.

Д ж а м и л ь (*кричит*). Но они увезут меня!

Ф е й з и (*неожиданно твердо и решительно*). Не бойся, Джамиль. Мы тебя больше не тронем.
(*Гневно смотрит на Забиту.*) Не тронем!

Д о к т о р. У мальчика сильнейшее нервное потрясение. Чтобы болезнь не прогрессировала и не привела к серьезным последствиям, нужны покой, отдых и нормальная обстановка. Это абсолютно необходимо. (*Шутливо Джамиллю.*) Ты же умный мальчик. Не надо нервничать из-за чепухи. Ты уже большой, сам должен понимать. Ну, поправляйся. До свидания.

Уходит. Тягостная пауза.

К е р е м (*Фейзи и Забите*). Вы слышали?

Ф е й з и. Слышали.

З а б и т а (*стараясь говорить спокойно*). Джамиль, детка, ты наш сын. Я тебя родила. Но раз ты отворачиваешься от своей матери, если в твоём сердце нет любви к ней, оставайся. Я больше не стану забирать тебя. Наверно, ты прав, сынок. Если б мы были хорошими родителями, ты бы нас не боялся, не убегал от нас. Плохо у нас в доме. Лица наши постоянно пасмурны, как небо в осенний день. (*Плачет.*) Оставайся, сынок. Когда вырастешь большим, вспомни, сынок, нас - твоих несчастных родителей. Не такие уж мы плохие...

Ф е й з и. Раньше я не считал себя плохим человеком.

З а б и т а (*сквозь слезы*). Маяться каждый день из-за пяти мальчишек, постареть раньше времени... А потом тебя назовут плохим человеком...

Ш е х л а. Почему маяться? Ты должна дружить с мальчиками, быть их лучшим другом.

З а б и т а. Наверно, так. Может, другая на моем месте и не стала бы нервничать и омрачать жизнь себе и детям. Может быть, у другой хватило бы терпения на всех, ее это не выбило бы из равновесия. Я не сумела. После рождения второго ребенка я забыла, что на свете есть радость. (*Указывая на Джамилля.*) Ради каждого из них я не спала месяцами, отдавала им последний кусок...

К е р е м. Успокойтесь. Жизнь не любит, когда человек, столкнувшись с трудностями, теряет волю и надежду, во всем винит других, по пустякам выходит из себя. Чем крепче укус, тем скорее он разрывает бутылку.

Ф е й з и. Это правда.

К е р е м. Конечно, вам нелегко. Но нельзя забывать главное. Вы воспитываете пятерых сыновей, пять будущих членов общества. Это великая честь! И если вы будете это помнить, жизнь не покажется вам ни такой трудной, ни такой безрадостной... Ладно, что было, то прошло. За Джамилля не беспокойтесь. Он станет нашим общим сыном. И вашим, и нашим.

З а б и т а. Что ж, пусть так. Я верю, он вырастет и поймет все сам. Когда мы вошли, Сардар спрятался под кровать. Выходит, мы и ему были плохими родителями. До свидания. (*Решительно выходит.*)

Ф е й з и. Эх! (*Вытирает глаза.*) Одно расстройство. Я уверен, что, вернись снова те прекрасные дни молодости, мы жили бы с ней иначе. Страшно брести по жизни спотыкаясь. Страшно дойти так до старости.

К е р е м (*шутливо*). Ну, это нам пока не угрожает. До старости далеко.

Ф е й з и. Эх, что говорить. Ну, пока, будьте здоровы. Придет время, встретимся.

К е р е м. И встретимся радостно.

Фейзи медленно выходит. Керем и Шехла долго смотрят ему вслед. Джамиль, который зарылся головой в подушку, поднимает голову и с облегчением вздыхает.

Д ж а м и л ь. Ушли!

Хуршудбану Натаван

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хуршудбану Натаван
Наместник
Князь Хасай
Сеид Гусейн
Идаят-хан
Мирза Рухулла
Мирза Невваб
Мамаи
Тер Ваган
Шахмар
Захир-бек
Старый князь
Дашдамир
Беим
Слепой музыкант
Тахмина
Мехнат
Фарадж-бек
Начальник крепости
Михайлов
Принц
Меликуддовле
Мурадали

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Имение наместника Кавказа. Когда открывается занавес, в просторной комнате молча стоят и смотрят в зал Хуршудбану и Мирза Рухулла. Быстрыми шагами входит князь Хасай, останавливается перед Бану.

Князь Хасай. Господин наместник сейчас выйдет и выслушает вас, Бану-беим.*
Хуршудбану. Благодарю вас, князь.
Князь Хасай. К вашим услугам, Бану-беим.
Хуршудбану. Вы очень любезны, князь.
Князь Хасай. Я слышал о вас восторженные рассказы, похожие на легенды.
Хуршудбану. Вы можете услышать обо мне и довольно ядовитую молву, князь.
Князь Хасай. Ну что вы! Азербайджан гордится вами!
Хуршудбану. Мне приятно слышать это от вас, князь. Вы очень обрадовали бы нас, если бы приехали в Карабах погостить...
Князь Хасай. С удовольствием, Бану-беим.

Входит наместник – представительный мужчина средних лет.

Наместник. Добро пожаловать, княжна. Очень рад вас видеть. Прошу вас, садитесь.

Сначала Хуршудбану, потом и он сам садятся.

Можете быть уверены в моем глубоком уважении к вашему славному роду, княжна. Довольны ли вы нашими людьми в крепости? Относятся ли они к вам с должным почтением?

Хуршудбану. Правда, я не входила с ними ни в какие отношения, но не сомневаюсь, что они почитают меня, ваше превосходительство.

Наместник (*удивлен горделивым ответом Бану, но не показывает виду*). Разумеется, почтение к внучке Ибрагим-хана, дочери генерала Мехти Гулу-хана, естественно. Как я слышал, вы к тому же прекрасная поэтесса. Мне о вас рассказывал капитан Мирза Фатали Ахундов. Лично я восхищен отвагой азербайджанцев. Да и сам Бог словно вознаградил их за геройство на поле брани чудными карабахскими конями... Вот только жаль, что половина этого отважного народа отделена от нас.

Хуршудбану. Это наша трагедия, ваше превосходительство. Несправедливо поступили два великих государя, разделив надвое азербайджанский народ с его древней историей, разлучив сестру с братом.

Наместник. Исторические события протекают порой таким образом, что даже мудрые правители вынуждены уступать необходимости. (*Меняет тему.*) Мне известна причина, по которой вы пожаловали в Тифлис, княжна, я постараюсь, чтобы вам была возвращена часть имущества, оставленного вашим отцом.

Хуршудбану. Ваше превосходительство, я требую возвращения мне всех наших владений. Я их единственная наследница.

Наместник (*шутливо*). Вы живете одна, на что вам такое громадное состояние?

Хуршудбану (*с волнением*). Я не одна, ваше превосходительство! Население города Шуши, где я живу, до сих пор не имеет пресной воды. Дети в наших селах растут не видя школ, не зная наук, книг. И я ничем не могу помочь им.

Наместник (*после короткой паузы*). Хорошо, княжна. Я передам вашу просьбу в точности его императорскому величеству. Надеюсь, что государь император не откажет внучке Ибрагим-хана.

Хуршудбану. Благодарю вас, ваше превосходительство. (*Встает.*)

Наместник (*встает*). Мне бы хотелось, чтобы сегодня вечером вы побывали на балу у княгини. Надеюсь, вам у нас понравится. Полагаю, князь Хасай будет иметь честь сопровождать вас на бал.

Князь Хасай. С радостью.

Хуршудбану. Признательна вам за внимание, ваше превосходительство. С вашего разрешения, мы сегодня должны отправиться в путь, в Шушинскую крепость.

Наместник. Увы, сожалею. Доброго вам пути. (*Наклоняет голову.*)

Хуршудбану, поклонившись ему и князю Хасаю, выходит

в сопровождении Мирзы Рухуллы.

Н а м е с т н и к (*глядя вслед Бану*). Умная девица! (*Шутливо*.) Князь, вы до каких пор будете ходить холостым?

К н я з ь Х а с а й (*понял намек наместника, так же шутливо*). Может быть, судьба ждала нынешних дней, ваше превосходительство.

Н а м е с т н и к (*усмехается*). Вот как... Хуршудбану и впрямь царственная особа. Что ж, если сама судьба ждала этого часа, значит, теперь можно попытаться счастья... Если бы вы женились на Хуршудбану, я от души вас поздравил бы... Полагаю, этот брак пришелся бы по душе и самому государю. Вы верный и близкий русскому престолу мусульманский аристократ... Ваш брак с внучкой Ибрагим-хана окажет положительное влияние и на наших азербайджанских подданных, усилит их симпатии к императорской власти. Как говорится, вы породните их с нами.

К н я з ь Х а с а й. Понимаю, ваше превосходительство... Но я – человек прямой. Жениться лишь из-за политических соображений...

Н а м е с т н и к. Полно, князь. Признайтесь, что красавица, ханская дочь очаровала вас.

К н я з ь Х а с а й (*так же шутливо*). Это ведь только одна сторона дела, ваше превосходительство...

Н а м е с т н и к. По мимолетному взгляду, брошенному на вас уходящей Бану, я понял, что любовь может стать взаимной. Я считаю себя давним знатоком тонких чувств...

К н я з ь Х а с а й (*радостно*). Она пригласила меня в гости в Шушинскую крепость.

Н а м е с т н и к. Поезжайте, князь.

К н я з ь Х а с а й (*полушутя – полусерьезно*). Ей-Богу, ваше превосходительство, я ощущаю какую-то робость.

Н а м е с т н и к. Робость? Не поверю. Вы же лев наших салонов! Повторяю, ваш брак с азербайджанской княжной был бы угоден государю императору.

К н я з ь Х а с а й. Карабахское население – шииты. Боюсь, что их высшее духовенство не позволит Хуршудбану, единственной наследнице бывшего владельца Карабаха Ибрагим-хана, выйти замуж за чужака, за суннита. Шииты – фанатики.

Н а м е с т н и к. Не думаю, чтобы такая образованная и самобытная девица, как Хуршудбану, разделяла подобные предрассудки. Я убежден, что ваша поездка будет успешной...

Князь Хасай (*вдохновенный*). Быть полезным государю императору – честь для меня!

Свет гаснет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Когда зажигается свет, на сцене Шушинская крепость.
Имение Хуршудбану. Захир-бек Феда, спускаясь с веранды
в садик, встречается с идущим Неввабом.

З а х и р - б е к. Салам, Мирза Невваб.

Н е в в а б (*с добродушной иронией*). Привет великому поэту Захир-беку Феда.

З а х и р - б е к. Мирза, опять вы смеетесь над верным слугой...

Н е в в а б (*с тем же выражением*). Кто мы, чтобы смеяться над любимым другом губернатора!
Но почему вы уходите? Разве меджлиса* не будет?

З а х и р - б е к. Нет. Мирза Рухулла сообщил нам, что Хуршудбану-беим принесла извинения, к ней из Тифлиса приезжает гость, и сегодня наш дружеский меджлис не состоится.

Н е в в а б. Что за гость?

З а х и р - б е к. Адьютант тифлиского наместника, дагестанский князь Хасай.

Н е в в а б. А... Вон оно что...

З а х и р - б е к. Вы тоже слышали, что Хуршудбану собирается сочетаться с ним браком?

Н е в в а б. Слышал.

З а х и р - б е к. Печально. Более того, стыдно. Неужели во всем Карабахе не нашлось мужчины, что внука Ибрагим-хана хочет выйти замуж за какого-то лезгина из Дагестана!

Н е в в а б. А что тут такого постыдного в браке с лезгином?.

Захир-бек. Как что? Это оскорбление всей нации. Ведь Хуршудбану – не простой человек. Невваб (*иронически*). Захир-бек, по чести говоря, я, например, не знаю, какой вы нации...

Захир-бек удивленно смотрит на него. Невваб весело смеется.

Невваб (*так же шутливо*). Бек, прошу вас, не обижайтесь. Я шучу. Но Бану-беим, выходя замуж за лезгина, не совершает никакого греха. Дагестанцы – храбрый, мужественный народ.

Невваб с Захир-беком уходят. Князь Хасай и Бану выходят на веранду.

Хуршудбану. Когда я думала о тяжелых днях, пережитых моей родиной, я всегда чувствовала свое бессилие и ждала спасения лишь от Аллаха всемогущего. И он, словно за то, что я, как могла, служила моему несчастному народу, послал тебя! (*С чувством.*) Ты сильный! Ты друг наместника Кавказа. Тебя любит государь! Твоя любовь станет мне подмогой, опорой! Когда я впервые увидела тебя, когда почувствовала, что люблю, я вдруг ощутила в себе невероятную смелость, радость. Я даже не сразу поняла их причину. Мне казалось, что я могу горы свернуть...

Князь Хасай. В том, что ты с таким сердечным жаром говоришь о черном народе, – великое благородство, Бану.

Хуршудбану. Не говори, что народ – это чернь, князь. Меня сердит это слово. В детстве мой старый учитель Мирза Рухулла рассказывал мне удивительные истории о героях Азербайджана, о том, как они сражались за его свободу. Таких храбрецов я и сама видела. Их горькая судьба разрывала мне сердце. Нынешняя отсталость Азербайджана, давшего миру таких гениев, как Низами Гянджеви, как Физули, ранила мое самолюбие! Я чувствовала, что причина этой отсталости – вовсе не бесталанность или убогость моего народа!

Князь Хасай. Вот ты сейчас говоришь, а я тоже как будто вижу стоящих на отвесных скалах и вглядывающихся вдаль дагестанских джигитов в черных бурках... Как схожи судьбы наших двух народов!

Хуршудбану. Ах, князь, я исстрадалась, я так нуждаюсь в твоей любви, в тепле...

Князь Хасай (*прижав Бану к груди*). Бану, до приезда сюда я не знал, что так люблю тебя. Теперь я твой всем существом, всем сердцем! Ты – звезда моего счастья! В детстве одна цыганка нагадала мне: звезда твоего счастья засияет над заколдованной крепостью.

Хуршудбану (*с ужасом*). Как? Заколдованная крепость?

Стук в дверь.

Хуршудбану (*отстраняясь от князя*). Войдите.

Дашдамир (*входит*). Бану-беим, какой-то парень настойчиво просит впустить его к вам.

Хуршудбану. Кто такой?

Дашдамир. Я спросил, он сказал, что вы его знаете.

Хуршудбану. Пусть войдет.

Дашдамир выходит.

Князь Хасай. Я пойду к себе.

Хуршудбану. Зачем, князь... Вместе выслушаем его.

Князь Хасай. Может быть, у него что-то тайное. (*Князь проходит в другую комнату; входит молодой красивый парень – Сеид Гусейн, кланяется.*)

Хуршудбану. Кто ты, молодой человек, и что тебе нужно?

Сеид Гусейн. Я из Южного Азербайджана, ваша светлость, убежал от иранских господ, ищу у вас защиты.

Хуршудбану. А что худого тебе сделали в Иране?

Сеид Гусейн. Нас мучают, госпожа! Нас терзают, пытаются.

Хуршудбану. Я слышала об этом. Но ты и открыто мог прийти, зачем же сбежал?

Сеид Гусейн. Не стану от вас скрывать, ваша светлость, мы – отряд молодых ребят – решили драться с шахской властью. Мы ходили по селам, по городам, оповещали наших братьев о своем намерении, и они с жаром соглашались с нами. Но один староста узнал о нашем отряде, донес... стыдно сказать – наш же, азербайджанец...

Хуршудбану. Азербайджанец?!

С е и д Г у с е й н. Да, ваша светлость, если бы не было среди нас таких, шах не мог бы нас покорить.

Х у р ш у д б а н у (*глубоко вздохнув*). Чего же ты просишь?

С е и д Г у с е й н. Просьба, ваша светлость, у меня одна: дайте мне приют. Здесь мне земляки сказали, что, если царские чиновники узнают, что я сбежал из Ирана, не разрешат жить в крепости. Посоветовали обратиться к вам за помощью.

Х у р ш у д б а н у. Кто у тебя здесь земляки?

С е и д Г у с е й н. Один из них – ваш главный конюх Мурадали. Мы с ним троюродные братья.

Х у р ш у д б а н у. Как твое имя?

С е и д Г у с е й н. Сеид Гусейн, ваша светлость.

Х у р ш у д б а н у. Чем ты хочешь заняться?

С е и д Г у с е й н. Чем прикажете. Говорят, вы открываете школы, я могу работать и учителем.

Х у р ш у д б а н у. На фарсидском языке?

С е и д Г у с е й н. Я учился по-фарсидски. Вы знаете, что в Иране мы не можем получать образование на родном языке. Но я знаю еще и турецкий... И в поэзии разбираюсь.

Х у р ш у д б а н у. А сейчас ты где живешь?

С е и д Г у с е й н. Скрываюсь в домике Мурадали, ваша светлость.

Хуршудбану звонит в колокольчик, входит Дашдамир.

Х у р ш у д б а н у (*Дашдамиру*). Пригласи сюда Мирзу Рухуллу.

Д а ш д а м и р. Слушаюсь. (*Выходит.*)

Х у р ш у д б а н у. Не называй меня «ваша светлость», ведь у нас уже давно нет хана.

С е и д Г у с е й н. Знаю, госпожа.

Х у р ш у д б а н у (*входящему Мирзе Рухulle*). Мирза, прошу вас, обратитесь от моего имени к начальнику крепости, пусть даст разрешение этому юноше жить в Шуше. Потом в одном из моих домов пусть выделяют ему комнату с хорошим убранством. Господин Сеид Гусейн! Я доверяю вам и назначаю учителем в открываемой нами в городе школе. Чему вы будете обучать, решите с заведующим школой. А теперь вы свободны.

С е и д Г у с е й н. Я оправдаю ваше доверие, Бану-беим.

Поклонившись, выходит вместе с Мирзой Рухуллой. Короткая пауза.
Бану смотрит им вслед. Потом подходит к высаженным на веранде розам. Звонит в колокольчик. Входит Беим.

Х у р ш у д б а н у. Беим, ты полила мои розы?

Б е и м. Да, Бану-беим. Я их каждое утро поливаю.

Х у р ш у д б а н у. Поручи, чтобы после обеда ко мне вызвали инженера Абдурагима Талыбзаде, который направил родник в Шушу.

Б е и м. Слушаюсь.

Бану проходит в комнату, куда недавно ушел князь. Беим берет с ее письменного стола лист бумаги, читает стихотворение «Роза».

Ты восхитительно свежа, полна благоуханья, роза.
Непостоянная душа, неверное создание, роза.
Шип в сердце соловья проник, певцом оставлен был цветник.
Бутон не дрогнул, не поник, вновь будишь ты желанье, роза,
Но осень подошла в свой срок, был сорван каждый лепесток
И соловей стерпеть не мог, узрев твое терзанье, роза.
Я все о розе расскажу, хоть нужных слов не нахожу.
Цветок я строго не сужу – ты боль и трепетанье, роза.
В томленьях смертных соловья мне участь видится своя,
Себя с певцом соединя, обречена заране роза.

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Маленький садик перед домом Мурадали. Мимо садика проходит дорога.
Сеид Гусейн, Мурадали.

М у р а д а л и. Все же слава Богу, что ты сбежал и спасся, братец... Вот я думаю, если бы не было этого Северного Азербайджана, куда бы мы, южане, бежали от шахского гнева...

С е и д Г у с е й н. Разве побег исцелит наши раны? А куда бежать миллионам семей с детьми и стариками? Отважный народ, имеющий свою историю, разорвали надвое, лишили силы.

М у р а д а л и. Десять лет я тоскую по оставшимся на той стороне матери, сестре. Когда отец, убив того помещика, что мучил наш хутор, схватил меня и убежал на этот берег, мне было двенадцать лет... Говорят, после нашего побега разорили дом, сад. Бедная мама, схватив сестренку, сбежала в Тавриз. Что там с ними случилось, я и сейчас не знаю. Да и ты не можешь этого знать. Тебя тоже, когда ты был еще крохой, отец взял с собой, отправился в Тегеран, искать работу.

С е и д Г у с е й н. В Тегеране бедный отец работал в ковровой мастерской по четырнадцать часов в сутки, да еще учил меня. Ненадолго его хватило...

М у р а д а л и (*вздыхает*). Эх, братец...

Слышится песня.

Аракс уносит ил,
Аракс цветы уносит,
Я милую люблю,
Душа ответа просит.

М у р а д а л и. Это Дашдамир. Веселый парень...

Д а ш д а м и р (*входит*). Салам, Мурадали! Салам, Сеид! Братец Мурадали, Бану-беим велела передать, что адъютант начальника крепости офицер Михайлов хочет немного поездить на ее любимом жеребце Меймуне. Если офицер придет, оседлай Меймуна и отдай в его распоряжение.

М у р а д а л и. Ну что ж, Михайлов – хороший парень!

Д а ш д а м и р. А еще я принес вам удивительную весть: брат иранского шаха, бывший правитель нашего Тавризского округа принц Бахман-мирза, сбежал на этот берег, попросил убежища у русского царя, и царь разрешил ему поселиться в Шушинской крепости. Он считает себя наследником иранского престола. Вчера он с тридцатью двумя женами и рабынями на хамаданских ишаках с седлами из тирмы вступил в наш город. А сам, как женщина, в юбке из красного канауса, и руки хной намазаны... (*Смеется.*) И такой вот урод мучил таких ребят, как вы! Что ж ни один из вас не всадил ему пулю в лоб?

С е и д Г у с е й н. Судьба смеется над нами! Палач азербайджанцев-южан находит убежище в Северном Азербайджане.

Д а ш д а м и р. К тому же с тридцатью двумя женами. Клянусь вашим здоровьем, когда хамаданские ишаки под седлами из тирмы проходили мимо нас, одна из жен принца приподняла вуаль и улыбнулась мне... И я оскалился и подмигнул ей. Но какая красotka!

М у р а д а л и. Значит, этот негодяй считает нас настолько бессильными, что собирается жить здесь, у нас на глазах? Я убью его как бешеного пса!

Д а ш д а м и р. И я с тобой! (*Положив руку на рукоять кинжала.*) Когда?!

С е и д Г у с е й н. Нет, братья! Что с того, что мы убьем его одного? Вы весь народ отдадите на расправу... И без того шаху нужен лишь повод, чтобы расправиться с южными азербайджанцами.

М у р а д а л и. А что же делать? Повязать на головы женские платки и смотреть?

Д а ш д а м и р. А он пусть развлекается с тридцатью двумя красотками...

С е и д Г у с е й н. Надо разгромить шахскую власть, порождающую тиранов. А для этого нужно, чтобы поднялся весь народ.

М у р а д а л и. Нет, братец, то, что ты говоришь, – все равно как воду решетом черпать. Будем мы сидеть и ждать, когда пробудится бакалейщик Абиш «Три миндаля один орех»...

С е и д Г у с е й н. Народ состоит не только из бакалейщиков-шакалов. Есть трудовой люд, на своих плечах несущий груз мира!

Д а ш д а м и р. Этот краснобородый в юбке, наверное, где увидит красавицу, там и затаскивает в свой гарем.

Мурадали разбирает смех.

М у р а д а л и (*Дашдамиру*). А у тебя вся душа осталась при женах этого мерзавца...

Д а ш д а м и р. Если б ты видел то, что видел я...

Танцовщица Тахмина со слепым кеманчистом
проходят мимо садика.

М у р а д а л и (*с волнением*). Дашдамир, вон та девушка, танцовщица, о которой я тебе говорил. Недавно объявилась в крепости... Эй, красавица, заходите сюда.

Девушка, взглянув на Мурадали, улыбается и, взяв слепого за руку, приводит в садик. Слепой начинает играть, а девушка, неотрывно глядя на Мурадали, танцует и поет.

Т а х м и н а. Твой стан высок, как кипарис, взор твой черен, как агат.

Мурадали хочет дотронуться до подбородка девушки, но танцовщица,
кокетливо улыбнувшись, отводит лицо.

Я – джейран, джейран степной,
Не гоняйся ты за мной.
Савалан-гора на сердце,
Савалан – мой дом родной.

Танцую, девушка протягивает парням бубен, они кидают в него деньги.

С е и д Г у с е й н. Девушка, ты о горе Савалан поешь, уж не с той ли ты стороны?

Т а х м и н а. Да, господин, мы из Ирана.

М у р а д а л и (*приблизившись, шепотом*). Я влюбился в тебя, девушка, приходи ночью повидаться.

Т а х м и н а (*улыбнувшись, поет*).

Взор твой черный – словно меч,
Ранит сердце твоя речь.
Не цени любовь так низко,
Чтобы нам ее сберечь.

Д а ш д а м и р. Друг мой, Мурадали, от такой красотишки никуда не денешься! Молодец!

В этот момент слышатся голоса: «Дайте дорогу! Дорогу его высочеству!» Следует принц, сидящий в паланкине, сопровождаемый начальником свиты Меликуддовле. Увидев девушку, принц останавливает паланкин и, полюбовавшись ею, знаком подзывает Меликуддовле и что-то шепчет ему. Затем Меликуддовле так же знаком подзывает девушку, говорит ей что-то на ухо. Девушка, улыбнувшись, кивает в знак согласия. Паланкин продолжает путь.

М у р а д а л и. Девушка, что тебе сказал слуга той обезьяны в юбке?

Т а х м и н а. Он пригласил нас во дворец, станцевать и спеть принцу.

М у р а д а л и. Попробуй только! Убью!

Т а х м и н а (*поет*).

Я – джейран,
джейран степной,
Не гоняйся ты за мной...

Внезапно, приблизив губы к уху Мурадали,
шепчет ему что-то.

М у р а д а л и (*обрадовавшись*). Договорились!

Свет гаснет. Когда он вновь загорается – ночь. Тот же садик. Тахмина
и Мурадали. Мурадали обнимает девушку, целует...

Т а х м и н а. Умоляю, парень, не трогай меня.

М у р а д а л и. Почему?

Т а х м и н а. Потому что я люблю тебя.

М у р а д а л и. А что, ты только с нелюбимыми бываешь?

Т а х м и н а. Я ни с кем не бываю и не бывала.

М у р а д а л и. Не болтай чепухи. Только ты ни с кем не была да еще – моя бабушка.

Снова обнимает девушку. Тахмина, вырвавшись,
отскакивает в сторону.

Т а х м и н а. Клянусь, что это так. Если у тебя такие мысли, ты меня больше не увидишь.

М у р а д а л и. Хочешь по закону шариата я заключу с тобой сийгя на то время, пока вы тут...

Т а х м и н а (*с волнением*). Я не признаю сийгя!

М у р а д а л и. Тогда... Тогда давай я женюсь на тебе, будь моей женой. Я не обманываю, верное слово.

Тахмина качает головой в знак отказа.

М у р а д а л и (*выходит из себя*). А говоришь ведь, что любишь меня?

Т а х м и н а. Очень люблю. Но я не знаю, что будет со мной завтра, послезавтра.

М у р а д а л и. А что будет?.. Опять станешь вертеть животом да деньги собирать... То и будет!

Т а х м и н а (*печально*). Зачем ты меня обижаешь, парень? Ты думаешь, у танцовщицы нет других забот, кроме денег.

М у р а д а л и. Хорошая девушка, если я тебя обидел, прости меня. Я не обманщик. Клянусь честью, твою тайну и кинжалом из моего сердца не вырвут. Скажи мне, что у тебя за горе? Ведь я, как и ты, с той стороны... И у нас там был дом, сад,

Т а х м и н а (*вдруг оживившись*). А почему ты оставил все и перешел сюда?

М у р а д а л и. Сбежали от таких мерзавцев, как этот принц, что сегодня звал тебя к себе во дворец.

Т а х м и н а (*нарочно*). За что ты так оскорбляешь его высочество, парень?

М у р а д а л и. Никакое он не высочество, а бешеный волк. Этот негодяй, чья шкура не стоит и гроша, велел пролить кровь сотен джигитов. Еще раз говорю, если ради денег в его дворец пойдешь, убью тебя.

Т а х м и н а. Мне деньги не нужны.

М у р а д а л и (*удивленно*). А что нужно?

Т а х м и н а. Твоя верность и храбрость!

М у р а д а л и. Зачем они тебе?

Т а х м и н а (*с печальной улыбкой*). Потому что я люблю тебя.

М у р а д а л и. Нет, у тебя есть какая-то тайна... Когда ты откроешь мне свое сердце?

Т а х м и н а (*с грустной улыбкой*). Когда поверю, что ты меня действительно любишь...

М у р а д а л и. Верь мне, Тахмина! Я тебя так люблю! Если б не любил тебя так, был бы бесчестным, сейчас приставил бы кинжал, сделал бы что хотел. Ты мне чем дальше, тем больше нравишься.

Т а х м и н а (*обвиваясь вокруг него*). Ах, храбрец! Я чувствую в твоём голосе честность и смелость! Я буду твоей верной служанкой! День и ночь буду виться вокруг тебя.

М у р а д а л и (*с подлинным чувством*). И я готов на все, что ты прикажешь. Ты похожа на благородную девушку.

Т а х м и н а (*прижавшись к нему*). Сердце мое, душа моя – парень, как хорошо ты мне сказал...

Целует его. Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Имение Хуршудбану. Стоя перед письменным столом, Хуршудбану читает свое стихотворение из тетрабочки, которую держит в руке.

Как небеса, ты расцвела фиалка,
Ты все поля взяла себе, фиалка,
Зачем ты роскошь цветников отвергла,
Зачем поля ты предпочла, фиалка?
Ты шелестишь, как будто боль и старость
Ты в юности перенесла, фиалка.
В тебе весна влюбленность пробудила,
Любовь всегда грустна была, фиалка.
Мне кажется, что локонов любимых
Ты нежный запах донесла, фиалка.

Входит расстроенный князь Хасай.

Х у р ш у д б а н у (*радостно*). Хасай, а я написала новые стихи, хочешь, прочитаю?

К н я з ь Х а с а й. Прошу прощения, Бану-беим... Твои коллеги, поэты, пресытили меня стихами.

Х у р ш у д б а н у. Что случилось, князь?

К н я з ь Х а с а й. Я скрывал от тебя, не хотел расстраивать. Они пишут на меня грязные пасквили. Один даже назвал меня «лудящим посуду лезгином». (*С истерическим смехом.*) Ведь среди нас, лезгин, бывают хорошие лудильщики...

Вынув из кармана конверт, протягивает его Бану. Бану раскрывает конверт, читает эпиграмму. Нервным движением рвет, выкидывает.

К н я з ь Х а с а й. Ты не расстраивайся, Бану. Пусть болтают, что хотят. Я и без того знаю, что ваши аристократы с первого же дня видеть меня не могут.

Х у р ш у д б а н у (*потрясенно*). Я знаю, что эти эпиграммы пишут не настоящие наши поэты. Мало наветов, клеветы обо мне, так теперь за тебя взялись?! (*Горестно.*) Пустили сплетню, будто уже замужем за тобой я была в связи с инженером Абдурагимом Талыбзаде, который проводил родниковую воду в Шушу... Будто, осматривая места, где проходил водопровод, я ночью, в лесу оставалась с ним в одной палатке... (*Громко плачет.*)

К н я з ь Х а с а й. Я у тебя об этом ничего не спрашивал.

Х у р ш у д б а н у. Тревожиться из-за такой низкой клеветы я сочла ниже своего достоинства и даже не пыталась оправдаться. Ведь я действительно ночевала тогда в лесу, где работал инженер.

К н я з ь Х а с а й (*с волнением*). Перед нами открыты лучшие салоны Петербурга, Парижа! Ну зачем мы сидим на краю света в этой крепости? Что нам делать среди этой фанатичной черни? Ты тратишь столько труда, средств, проводишь на вершину горы пресную воду, и вот награда!

Х у р ш у д б а н у (*нервно*). Я провожу воду не для них! Я провожу родниковую воду для трудового люда, который в зимнюю метель ходит за восемь верст пешком в лес за водой.

Д а ш д а м и р (*входит*). Господа поэты собрались, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у (*с какой-то новой бодростью*). Меткая пощечина таким мерзавцам – наша выдержка, князь! Сегодня занятие дружеского меджлиса, князь... У нас бывают интересные беседы... Читаются новые стихи...

К н я з ь Х а с а й (*холодно*). Нет, Бану. Я устал. (*Проходит в другую комнату. Хуришудбану задумчиво смотрит ему вслед.*)

Х у р ш у д б а н у (*Дашдамиру*). Скажи, пусть войдут.

Дашдамир выходит, входят Невваб, Мамаи, Захир-бек, Тер Ваган, Сеид Гусейн и Мирза Рухулла. Свет гаснет и тотчас загорается.
И мы видим, как поэт Мамаи читает свое стихотворение.

М а м а и.

На родине я одинок – ни родины, ни друга нет,
Я соловей, – но у меня ни рожицы, ни луга нет.
Отчизна, о тебе одной горюю в тишине ночной,
Но собеседника, увы, среди горя и испуга нет.

З а х и р - б е к. Приятное стихотворение. Вслушайтесь, как это звучит: «На родине я одинок – ни родины, ни друга нет». Прекрасно...

Н е в в а б. Я нахожу здесь чрезмерную безнадежность, беспомощность, а это не свойственно нашему народу.

С е и д Г у с е й н. Бану-беим, с вашего разрешения, могу я задать поэту один вопрос?

Х у р ш у д б а н у. Конечно. Господа, Сеид Гусейн – свободомыслящий человек, знакомый с искусством и литературой. Я хочу, чтобы он тоже принимал участие в наших меджлисах.

З а х и р - б е к. В самом деле?

С е и д Г у с е й н. Мамаи, что вы хотели сказать этим своим стихотворением?

М а м а и. Разве не ясно, что я говорю о горе нашей нации? О том, как иранские шахи расправляются с нашими братьями по ту сторону Аракса, наверное, вам лучше нас известно, господин Сеид Гусейн!

С е и д Г у с е й н. Известно... слишком хорошо известно... Но нации нужна борьба, господа, а не стоны!

З а х и р - б е к. Нашими делами и помыслами должны быть любовь и милосердие. А вы, господин Сеид Гусейн, какую борьбу имеете в виду?

С е и д Г у с е й н. Я говорю о борьбе, которая призовет народ к подлинной свободе и единению, господин Захир-бек.

З а х и р - б е к. «Подлинная свобода» – несколько отвлеченное понятие. Может быть, вы будете любезны разъяснить вашу мысль?

Н е в в а б (*шутливо*). Господин Захир-бек, вы столько лет служите толмачом у губернатора, неужели вы не понимаете, что такое «подлинная свобода»?

З а х и р - б е к. Так нельзя... Нельзя, господин Невваб! «Толмач» – это уж слишком. Вы знаете, что я человек самолюбивый.

Н е в в а б (*с насмешкой*). Ах, да! Извините, бек!

С е и д Г у с е й н. Господин Захир-бек, подлинная свобода – это еще не свобода от того, чтобы людей вынуждали становиться рабами, подхалимами, подлецами, доносчиками! Чтобы все имели самолюбие, как вы выразились! Господин Мамаи с болью в сердце пишет в своем стихотворении, что мы на своей родине лишены родины, но что надо делать, – не указывает!

З а х и р - б е к. Извините, а что, по-вашему, надо делать?

Н е в в а б (*с тем же выражением*). Бек, опять я скажу – вы обидитесь, но разве вы сами не знаете, что надо делать? Почему вы хотите это услышать непременно от другого?

З а х и р - б е к. Нет, так нельзя, нельзя!

С е и д Г у с е й н. Господин Захир-бек, чтоб убить змею, надо сразу же размозжить ей голову, теперь ясно? Только что и вы читали свою газель, посвященную красавице. Ну что вы воспеваете в этой красавице, превращенной в рабыню? Шахские приспешники топчут честь азербайджанских девушек! Господа, вы сначала освободите красавицу, а потом воспевайте в стихах ее красоту. (*Горячо.*) Откажитесь вы от этих газелей, од, переполненных фарсидскими и арабскими словами, господа! Время газелей и од прошло, господа! Смотрите вперед!

Н е в в а б. Верно.

З а х и р - б е к (*взрывается*). Так значит, мы должны пренебречь Низами, Физули, Насими?

Х у р ш у д б а н у. Фарсидские и арабские выражения в произведениях этих блестящих поэтов – влияние чужеземных захватчиков, веками топтавших наши земли копытами своих коней. А теперь мы и сами не можем избавиться от этого дурного влияния.

З а х и р - б е к (*бурно*). Господа, поскольку арабский и фарсидский языки являются гордостью исламской нации, их влияние обогащает нашу речь. Победы исламской нации приблизили нас к арабско-фарсидским светилам.

Н е в в а б. Захир-бек, уж вы меня извините, когда я говорю, что вы не знаете своей национальности, вы обижаетесь. Ислам – это не нация, это религия!

Т е р В а г а н. Русский поэт Лермонтов восхищался азербайджанским языком, называл его французским языком Востока.

Х у р ш у д б а н у. Когда Александр Дюма приезжал к нам в гости, и он говорил, что восхищен музыкой азербайджанского языка, а ведь мы прежде всех должны ценить свой язык, господа.

Т е р В а г а н. Когда читаешь стихи Вагифа, написанные на чистом азербайджанском языке, душа обновляется. Как будто слышишь журчание горных родников.

Н е в в а б (*шутливо*). Ух ты... здорово говоришь, Ваган.

С е и д Г у с е й н. Мастер, владеющий своим языком, своим национальным богатством, дорог и всем нациям.

Т е р В а г а н. Армянский писатель Мирза Юсиф Нерсесов собрал стихи Вагифа и издал в Тифлисе в виде книги...

Х у р ш у д б а н у. Язык – наше национальное богатство, господа. До тех пор, пока живет азербайджанский народ, будет жить и азербайджанский язык! Я вижу день, когда азербайджанские дети на своем родном, прекрасном языке будут читать Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Пушкина.

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Имение Бану. Еще когда сцена темна, слышатся звуки одобрения в честь Хуршудбану: «Да будет здорова Бану-беим!», «Поэтессе – долгие годы!». Когда сцена освещается, входит Хуршудбану в сопровождении Мирзы Рухуллы, Невваба, Сеид Гусейна, Мамаи,

Тер Вагана и нескольких других придворных.

Н е в в а б. Бану-беим! Родник, который вы провели через густые леса, отвесные скалы и подняли в эту высокую крепость, – незабываемая память о вас в грядущих поколениях!

Г о л о с а. Поздравляем!

Х у р ш у д б а н у. Спасибо, господа! Но я убеждена, что грядущие поколения не ограничатся такими маленькими родниками!

Н е в в а б. Кто отдаст, что имеет, не смущается, Бану-беим. Вы сделали все, что могли.

М а м а и. Этот маленький родник день и ночь будет петь песни во славу поэтессы Натаван.

Г о л о с а и з-з а с ц е н ы. Да живет Хуршудбану! Долгой жизни поэтессе!

Х у р ш у д б а н у (*Мирзе Рухилле*). Мирза, поручите, пусть объявят, что в связи с открытием родника завтра все городское население – мои гости. А сегодня пусть всем беднякам раздадут сладости, масло, рис.

Н е в в а б. До свидания, Бану-беим. Еще раз вас поздравляю. Идемте, господа. Поэтессе надо отдохнуть. Она с утра на ногах.

Все выходят. Лицо поэтессы принимает задумчивое, горькое выражение.
Она звонит в колокольчик. Входит Беим.

Х у р ш у д б а н у. Князь еще не вернулся с прогулки?

Б е и м. Нет.

Х у р ш у д б а н у (*глубоко вздыхает, говорит как бы сама с собой*). Князь скучает...

Б е и м. Ой, Бану-беим, князь вас так любит... Почему он должен скучать?!

Х у р ш у д б а н у. Видно, чтобы не скучать, только любить мало, Беим... Мои земляки всегда позорят меня при князе, еще ни один бек ни разу с ним не говорил, увидев его, отворачиваются...

Б е и м. Пусть отворачиваются, разве вашей любви князю недостаточно?

Х у р ш у д б а н у. Ведь мы с князем не на необитаемом острове. Мы живем в обществе! Мне стыдно перед князем.

Б е и м. Вы не рассердитесь, если я вам что-то скажу?

Х у р ш у д б а н у. Нет, не рассержусь! Я тебе разрешила, говори все, что у тебя на душе!

Б е и м. Господин князь и сам не сближается с людьми.

Х у р ш у д б а н у. Князь из других краев! Ради меня он оставил свой народ, родину.

Б е и м. Господин князь, как и другие господа, смотрит сверху вниз на людей, праведным трудом зарабатывающих свой хлеб, а вот ваше обращение с простым человеком так радуется, Бану-беим. Вы нас тоже считаете людьми...

Х у р ш у д б а н у (*нервно*). Если господа с презрением смотрят на простых людей, праведным трудом зарабатывающих свой хлеб, пусть и они не считают господ людьми!

Б е и м. Это невозможно, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у. Почему?

Б е и м. Потому что... потому что тогда их дети останутся голодными, жилища – обвалятся.

Короткая пауза.

Х у р ш у д б а н у (*глубоко вздохнув*). Как видно, это так. Ты яснее меня видишь жизнь, Беим.

Б е и м. Не говорите так, Бану-беим, кто я перед вами...

Х у р ш у д б а н у (*нервно*). Ты человек! Бог и пророк – где они говорили, что господин ценнее подданного?! (*Снаружи слышится конский топот.*) Князь приехал. Пойди скажи, пусть накрывают на стол.

Беим торопливо уходит. Входит князь.

Х у р ш у д б а н у. Ах, князь, почему ты уехал сегодня, не приняв участия в торжестве? Видел бы только, как радовалось население открытию родника... Как будто праздник...

К н я з ь Х а с а й (*со скрытой обидой*). Ты только подумай сама, Бану, жена совершает такие дела, народ приветствует ее, а муж стоит в стороне и хлопает глазами...

Х у р ш у д б а н у (*волнуясь*). Я в каждом своем добром деле чувствую тебя рядом с собой, князь. Как будто мы один человек.

К н я з ь Х а с а й (*смущенно улыбается*). Как бы мы ни любили друг друга, муж есть муж, а жена – это жена! (*Почувствовав замешательство Хуриудбану*.) Я тебя понимаю, Бану, и ценю то, что ты так любишь свой народ, стараешься ему служить... Но, как ни странно, это принижает меня в собственных глазах. Я сам себе кажусь никчемным... Если ты спросишь меня о причине, я объяснить не сумею, но... как будто ты укоризненно смотришь на меня и спрашиваешь: «А ты помнишь о своем народе?»

Х у р ш у д б а н у (*печально*). Не нахожу слов, князь.

К н я з ь Х а с а й (*целуя Бану*). Будь что будет, я не хочу думать ни о чем, кроме твоей любви. Если я до сих пор был равнодушен к судьбе моего народа, то виноват в этом сам.

Берет Бану под руку, они проходят в другую комнату. Входит Беим, задумчиво смотрит им вслед.

Д а ш д а м и р (*заглядывает в дверь*). Беим...

Б е и м. Напугал ты меня, Дашдамир.

Д а ш д а м и р (*входя*). Ты опять задумалась, Беим-джан?

Б е и м. Последнее время князь какой-то...

Д а ш д а м и р. Какой какой-то?

Б е и м. Целыми днями в горах, в лесах...

Д а ш д а м и р. Наверное, Дагестан ему вспомнился...

Б е и м. А дома или книги читает, или по веранде, по саду слоняется.

Д а ш д а м и р. А что ему делать? Не станет же он плугом землю пахать, коня вычесывать... Он же князь... Каким еще господин бывает?

Б е и м. Пойми, Дашдамир, тут что-то не так. Бану-беим беспокоится.

Д а ш д а м и р. Бану-беим с утра до вечера в делах, заботах. А князь остается один, не знает, чем заняться... Наши же господа с ним не водятся, чтобы князь играл с ними в карты, пил вино, развлекался. Эх, да что нам до господских дел, малышка, ты о нас поговори.

Б е и м. Дашдамир, опять «малышка»? Во дворе все служанки говорят мне «ханум»!

Д а ш д а м и р. Ты хочешь, чтобы я тоже говорил тебе «ханум»?

Б е и м. Конечно.

Дашдамир прыскает.

Над чем ты смеешься?

Д а ш д а м и р. Ведь «ханум» говорят дочерям беков, ханов.

Б е и м. А я при ханской дочери. (*Скрывая шутку*.) Бану-беим говорит, я тебя за такого парня выдам – не хуже бекского сына.

Д а ш д а м и р. Что ты говоришь, Беим-джан? (*Поет*.) А со мной что ты сделаешь? А с сурьмой что ты сделаешь?

Б е и м (*скрывая шутку*). Дашдамир, я как ханум одеваюсь, как ханум привыкла жить. Во дворце пожила. Что я буду делать в вашей темной хибаре?

Д а ш д а м и р. Да какая темная хибара, малышка?.. У отца моего такой трехэтажный дворец, не налюбуйешься... А в богатстве ему беки завидуют... У старика золото – хурджинами, бриллианты... Эх... скажешь тоже...

Б е и м. А почему же ты здесь служишь, Дашдамир?

Д а ш д а м и р. Я не сам пришел. Хуршудбану приехала в село, знакомиться с жизнью крестьян, увидела меня, я ей понравился, она попросила моего отца послать меня к ней во дворец. Ты не знаешь, какой порядок? В ханских дворцах должны быть красивые парни...

Б е и м (*улыбается*). Ух ты!.. Хвастайся больше, Дашдамир...

Д а ш д а м и р. А что, или я тебе не нравлюсь?

Б е и м. Нравишься...

Д а ш д а м и р. А что ж ты так неуверенно это говоришь?

Б е и м. Ты мне очень нравишься, Дашдамир!

Д а ш д а м и р. Ну и что? Я всем нравлюсь. И это любовь?

Б е и м (*громко смеясь*). Умираю по тебе, Дашдамир...

Д а ш д а м и р. Издеваешься?

Б е и м (*взяв за руку, с любовью*). Бессовестный...

В дверь тихо стучат, Дашдамир быстро открывает.

Д а ш д а м и р. Ого, господин Михайлов! Пожалуйста, пожалуйста!

Входит офицер Михайлов.

М и х а й л о в. Здравствуйте.

Д а ш д а м и р. Здравствуйте, добро пожаловать. А это (*показывает на девушку*) моя невеста Беим-ханум. Приближенная Бану-беим.

Михайлов кланяется Беим.

М и х а й л о в (*с улыбкой*). Красивая девушка. Вы подходите друг другу.

Д а ш д а м и р (*Беим*). Слыхала?..

Б е и м (*стесняется офицера*). Ну и хорошо.

Д а ш д а м и р. Господин офицер, говорят, вы тоже дворянин, как и наши беки?

М и х а й л о в. Да.

Д а ш д а м и р. А непохожи совсем.

М и х а й л о в (*улыбается*). Почему?

Д а ш д а м и р. Не кичитесь, не возносите на вершину горы.

М и х а й л о в. Не понимаю.

Б е и м. Он хочет сказать, что вы, хоть и бек, дружите с такими простыми ребятами, как Мурадали, Дашдамир.

М и х а й л о в (*смеется*). Ах, это... (*Дашдамиру*.) Да ведь вы – хорошие ребята, ничем не хуже беков.

Д а ш д а м и р (*бурно*). Спасибо, ей-Богу!

Входит Хуршудбану.

Х у р ш у д б а н у. Добро пожаловать, господин Михайлов.

Михайлов почтительно кланяется.

М и х а й л о в. Бану-беим, я видел ваших прекрасных коней. Стать, ход у них восхитительны.

Х у р ш у д б а н у. Эти кони, как и крепость, остались нам в память от наших предков, господин Михайлов.

М и х а й л о в. Мне известно, как храбро сражаются за свободу своей родины сыны Азербайджана, садясь на этих коней.

Х у р ш у д б а н у. Я знаю, что свобода всегда была священным идеалом и великого русского народа, господин Михайлов.

М и х а й л о в (*растроганно*). Я склоняю перед вами голову, Бану-беим, за эти слова. (*Кланяется*.) Я знаю, как добры вы к своему народу. Разрешите в знак глубокого уважения преподнести вам, ваша светлость, недавно изданную книгу нашего, столь рано ушедшего из жизни поэта Лермонтова.

Протягивает книгу.

Х у р ш у д б а н у. Лермонтов нам тоже дорог.

М и х а й л о в. Он бывал здесь.

Х у р ш у д б а н у. Знаю. Лермонтов воспевал свободу.

М и х а й л о в. Что поделаешь, люди, жадную толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи, как писал он сам, убили Лермонтова. Поэт ушел, не сказав последнего слова...

Х у р ш у д б а н у (*глубоко вздыхая*). Судьба поэтов, говоривших правду, всегда была трагической.

М и х а й л о в. Верно. Вы тоже остерегайтесь «жадной толпы», Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у. Кого вы имеете в виду, господин Михайлов?

М и х а й л о в. Увы, Бану-беим, их много! Подлые трусы, они прячутся в тени, нашептывают на ухо. В наше жестокое время благородные мечты, подлинная поэзия на каждом шагу сталкиваются с деспотизмом и предательством. А люди бесчестные и продажные продвигаются вверх!

Х у р ш у д б а н у. Так было во все времена, господин Михайлов, с поэта Насими содрали кожу, восьмидесятилетнему старику Вагифу отрубили голову.

М и х а й л о в. Но однажды взойдет солнце свободы, Бану-беим.

Придет желанная пора:
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Я верю в великое будущее вашего отважного народа.

Поклонившись, Михайлов выходит.

Х у р ш у д б а н у (*одна*). В чем моя вина, что я словно защищалась? Кого я должна остерегаться?!

В этот момент в окне показывается танцовщица Тахмина, поющая и танцующая в сопровождении слепого музыканта. Бану смотрит на них, слушает.

Т а х м и н а.

Хан Эйваза продали за грош,
Савалан – печальная гора,
Хан Эйваза больше не найдешь,
Ах, что сказать вам, села, хутора?
Ах, что сказать вам, зори и ветра?

Х у р ш у д б а н у. До каких пор этот народ будет петь такие горькие песни! Как вернуть ему радость?

Свет гаснет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Имение Бану. Когда загорается свет, входит князь Хасай.
Чувствуется, что он рассержен. Нервным движением схватив колокольчик, звонит. Входит Дашдамир.

К н я з ь Х а с а й. Бану-беим еще не вернулась из поездки в Мильскую степь?

Д а ш д а м и р. Нет, господин.

К н я з ь Х а с а й (*расстроено*). Хорошо, иди.

Д а ш д а м и р. Господин, из Дагестана гости приехали.

К н я з ь Х а с а й (*удивленно*). Из Дагестана?

Д а ш д а м и р. Да.

К н я з ь Х а с а й. Пусть войдут.

Дашдамир выходит. Затем входит старый князь. Князь Хасай,
поспешно бросившись к нему, с почтением.

Добро пожаловать, дядя. Если б я знал, что вы пожалуете, выехал бы вам навстречу.

С т а р ы й к н я з ь. Вели, чтобы хорошенько обслужили моих мюридов.

К н я з ь Х а с а й. Не беспокойтесь, дядя, все, что нужно, сделают. Пожалуйста, садитесь.

С т а р ы й к н я з ь (*усаживаясь в кресло*). В дороге нам сказали, что дочь хана Хуршудбану отправилась в Мильскую степь...

К н я з ь Х а с а й. Да, дядя, Хуршудбану хочет провести канал от Аракса в Мильскую степь.

С т а р ы й к н я з ь. Ого... Это интересно. (*С иронией*.) А ты что же не сопровождаешь свою госпожу?

К н я з ь Х а с а й. Мне не хотелось ехать, дядя.

С т а р ы й к н я з ь *(с тем же выражением)*. Уж не испугался ли ты, что это будет не по нраву ханской дочери?

К н я з ь Х а с а й *(помрачнев)*. Вы гневаетесь, дядя...

С т а р ы й к н я з ь *(с несообразной возрасту властностью)*. А как я должен говорить с племянником, ради женщины бросившим родину – край отцов и дедов? Для этого я десять лет учил тебя в Петербурге? Когда ты вернулся оттуда, дагестанцы благодарили Аллаха, что и у них вырос образованный, ученый человек. Они возлагали на тебя надежды. Радовались, что в канцелярии наместника у них есть свой человек. Они гордились тобой, а ты сбежал под юбку колдуньи-шиитки!

К н я з ь Х а с а й. Дядя! Хуршудбану – моя праведная жена по закону, данному Аллахом, провозглашенному пророком. Прошу вас не говорить о ней неподобающим образом! Шиитов – суннитов выдумали невежественные духовники. Пророк никогда не делил мусульман вот так, на две части. Если и шиитов, и суннитов создал один Аллах, почему одни должны быть хороши, а другие плохи?

С т а р ы й к н я з ь. Довольно! Я не позволю в моем присутствии оспаривать волю господню. Если у одного отца пять сыновей, то все пять будут ему преемниками, если ни один не сойдет с указанного им пути! Если один помогает другому! Бесчестный шах Ирана, как женщина красящий хной руки и волосы, не вмешивается ни в добрые, ни в злые дела исламского мира. Не приходит на помощь ни одному мусульманскому народу, попавшему в беду, борющемуся за свободу! А перед иноверцами складывается вдвое и твердит: «Ага, чего изволите?»

К н я з ь Х а с а й. По справедливости говоря, это – не вина иранского народа, дядя, и все это не имеет никакого отношения к Хуршудбану. Иранский шах и азербайджанцам враг.

С т а р ы й к н я з ь Я, девяностолетний старец, четыре дня скакал на коне сюда из Дагестана не для того, чтобы спорить с тобой о ханской дочери. *(Короткая пауза. Глубоко вздохнув, мягко.)* Ты сам знаешь, что после меня в нашем священном краю, имеющем многолетнюю историю, остается один мужчина – это ты. И не радуй наших врагов, не гаси очаг великого предка! Устыдись духа своих храбрых дедов, вернись на родину! *(Вынув из кармана бешимета большие золотые часы, смотрит.)* Пойду сотворю намаз. И до утра буду ждать твоего решения. Утром я должен возвратиться в Дагестан.

Встает, медленными шагами выходит. Князь Хасай нервно прохаживается.
Входит радостная Хуршудбану.

Х у р ш у д б а н у. Здравствуй, дорогой. *(Целует князя.)* Узнали, что я езжу по Мильской степи, и прибыли люди из Шахсевана, Афшара. Они так радовались каналу, что я еле вырвалась. Ведь полжизни моей осталось с тобой. Говорят, к нам гость приехал из Дагестана.

К н я з ь Х а с а й. Да, приехал мой дядя, старый князь.

Х у р ш у д б а н у. О, как хорошо, я так хотела видеть твоего дядю! Наверное, они еще не пообедали. Надо распорядиться о праздничном обеде. Какие блюда любит твой дядя?

К н я з ь Х а с а й. Не утруждай себя, Бану, мой дядя не ест блюда, которых коснулась рука шиита.

Х у р ш у д б а н у. Э... плохо дело! А почему ты расстроен?

К н я з ь Х а с а й. Мой дядя, великий князь, приехал, чтобы увезти меня.

Х у р ш у д б а н у. Наверное, в гости приглашает. Ведь ты уехал из Дагестана...

К н я з ь Х а с а й. Нет, Бану, дядя хочет, чтобы я вернулся в Дагестан навсегда.

Х у р ш у д б а н у *(потрясенная)*. Навсегда?

К н я з ь Х а с а й. Да.

Тяжелая пауза.

Х у р ш у д б а н у. А ты что думаешь, князь?

К н я з ь Х а с а й. Я не могу прийти ни к какому решению!

Х у р ш у д б а н у. Как бы то ни было, вы, мужчины, сильнее нас, женщин... Прошу тебя, ты сам скажи, что намерен делать!

Пауза.

К н я з ь Х а с а й. Дяде моему уже за девяносто... После него в нашем роду один мужчина – я. Если и я оставлю наши земли навсегда, оставлю их в развалинах, враги обрадуются, а земляки проклянут меня...

Х у р ш у д б а н у (*как бы собрав все свое мужество*). Князь, я не хочу, чтобы тебя проклял твой народ.

К н я з ь Х а с а й. Я знаю, что ты самая благоразумная женщина на свете! Поедем в Дагестан, Бану! До сих пор мы жили в Карабахе, пусть остальная наша жизнь пройдет в Дагестане.

Х у р ш у д б а н у. Нет, князь! Если скажешь, умри, я умру, но мою несчастную родину не оставлю. Крестьяне смотрят на меня, как на мать. Ищут защиты у меня в горестях и печалях. Ждут от меня помощи.

К н я з ь Х а с а й. Ты будешь часто приезжать, навещать их. Ведь... ведь... у тебя своя жизнь есть, Бану!

Ничего не ответив, Хуршудбану решительными шагами подходит к князю, сняв с себя медальон, вешает ему на шею и застегивает ворот.

Х у р ш у д б а н у. В этом медальоне дагерротипы наших детей – Мехтигулу и Ханбике. Возьми с собой! Дай Бог счастья тебе с твоими согражданами.

К н я з ь Х а с а й (*с подлинным чувством*). Ах, Бану... (*Прижимает Бану к груди.*)

Х у р ш у д б а н у (*крепко целует его*). А теперь иди, князь!.. Воспоминания о днях, проведенных вместе, мне так дороги, что, если я проживу еще десять жизней, их все равно не хватит!

Князь торопливо выходит из комнаты.
Хуршудбану, собрав все силы, стоя, смотрит ему вслед.
Свет гаснет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Имение Хуршудбану. Беим поливает розы Хуршудбану. Дашдамир, приоткрыв дверь и просунув голову, весело поет.

Д а ш д а м и р.

Аракс уносит ил,
Аракс цветы уносит,
Я милую люблю,
Душа покоя просит.

Б е и м. Мне грустно, Дашдамир.

Д а ш д а м и р. Почему?

Б е и м. Сердце кровью обливается при виде Бану-беим.

Д а ш д а м и р. Отчего, что случилось с Бану-беим?

Б е и м. Не может забыть князя Хасая.

Д а ш д а м и р. А что она говорит?

Б е и м. Ничего не говорит... Но я чувствую, что сердце ее по-прежнему рядом с ним. Что ни делает, не может развеселиться.

Д а ш д а м и р. И зря! Скажи ей, госпожа, раз он уехал, оставив такую душечку, как ты, ты даже имени его не вспоминай.

Б е и м. Да разве это словом решается? Сама всех вразумляет... А...

Входят Мехнат с Шахмаром.

М е х н а т. Салам алейкум!

Ш а х м а р. Мир вам.

М е х н а т. Можно увидеть дочь хана?

Б е и м. Они обедают.

Ш а х м а р. Ну что ж, подождем. (*Вдруг, узнав Даидамира.*) Ой, братец, да ты не сын ли пастуха Гюльмалы? Тьфу... Тьфу... Подальше от дурного глаза, какой хороший парень стал, а? Посмотри на его серебряный кинжал, чоху с серебряными галунами... Ты хоть Гюльмалы-киши чай-сахар посылаешь, а?

Д а ш д а м и р (*расстроенный*). Зачем же посылать?..

Б е и м. У его отца денег нет, что ли?

Ш а х м а р (*удивленно*). А что? Может, старик золото нашел, а?

Д а ш д а м и р. Я – сын не того Гюльмалы, о котором ты говоришь. Моего отца зовут Гюльмалы с мощной.

Ш а х м а р. Ты меня не морочь, милый. У нас в Шахсеване, кроме твоего отца – пастуха Гюльмалы, – другого нет Гюльмалы. (*Смеется.*) Хи...хи... Ах, паршивец, не на моих ли глазах ты вырос? У хибары вашей крыша сгнила, вот-вот рухнет... Посчитай, сможешь сколотить несколько рублей, – пошли Гюльмалы, пусть хоть крышу подправит, чтобы дождь на голову не лил.

Б е и м. Господи, какая хибара?.. Что он говорит, Дашдамир?

Д а ш д а м и р (*Шахмару*). А что случилось с трехэтажным домом моего отца?..

Ш а х м а р. С каким трехэтажным домом? Может, ты не в себе, братец?

Беим удивленно и укоризненно смотрит на Дашдамира.

М е х н а т. Ай Шахмар, да прикуси язык немного!

Б е и м (*шепотом, Даидамиру*). Вот удружил, спасибо!

В гневе торопливо уходит.

М е х н а т (*Даидамиру*). Братец, походи взгляни, если дочь хана из-за стола встала, передай, что Мехнат с Шахмаром пришли, хотят с ней повидаться.

Д а ш д а м и р (*сердито*). Нашли время приходить! Я же сказал, Бану-беим с князем сидят, обедают... разве сейчас приема?

Ш а х м а р. Не твое дело, братец, ступай, доложи.

Дашдамир уходит.

Ш а х м а р (*смеется*). Трехэтажный дом, а... Клянусь, мир совсем перевернулся. Ну с чего бы сын пастуха Гюльмалы стал отрекаться от родного отца? С ума спятил, что ли?

М е х н а т. Слушай, да пошевели ты мозгами! Наверное, он нахвастался той хорошенькой девчонке, мол, дом, сад, огород... А ты его завалил.

Ш а х м а р (*смеется*). Ей-Богу, правда! Бедняга Гюльмалы, вот тебе и огород!

Входит Хуршудбану.

Х у р ш у д б а н у. Добро пожаловать.

М е х н а т. Добрых тебе дней, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у. Чему обязаны вашим приходом?

М е х н а т. Бану-беим, ты израсходовала мешок денег, избавила население Шуши от соленой воды...

Ш а х м а р. Да не лишит нас небо твоего присутствия, Бану-беим.

М е х н а т. Мы идем со змеиной Харамы. Бескрайние земли Мильской степи, на две длины от Аракса, горят адским пламенем. Люди Шахсевана, Афшара, Агджабеди, Гарабулага без воды не могут засеять и убирать эти земли. Ты – мать добрых дел, Бану-беим. Если правду говорят и ты проведешь канал от Аракса до Мильской степи, ты дашь нашему народу хлеб. Мы избавимся от кочевки со скотом с равнины в горы и обратно.

Ш а х м а р. Насадим во дворах огороды и заживем.

М е х н а т. Станем оседлыми, дома построим...

Ш а х м а р. Сады разведем.

М е х н а т. Откажемся от этой цыганской жизни, устали мы от нее!

Ш а х м а р. Если ты это дело затеешь, и мы, сельчане, чем сможем, поможем, Бану-беим. По одному твоему слову мы горы свернем!

Х у р ш у д б а н у. Я думаю над этим. Бог даст, скоро приступим к делу.
М е х н а т. Да будет долгой ваша жизнь.
Ш а х м а р. Будем ждать, Бану-беим.
М е х н а т. Будьте здоровы, Бану-беим.
Ш а х м а р. Будьте здоровы.
Х у р ш у д б а н у. Счастливого пути.

Мехнат с Шахмаром уходят. Хуршудбану садится за стол, что-то пишет.
Входит Беим с конвертом и руке.

Б е и м (*протягивает Бану конверт*). От французского писателя, сказал почтальон.
Х у р ш у д б а н у (*просматривая письмо*). Наверное, наш добрый Дюма думает, что мы еще с князем Хасаем вместе. Когда он приезжал к нам, мы с князем только поженились. Это была лучшая пора нашей жизни... Я тогда не знала, что счастливые дни коротки.

Беим плачет.

Зачем же плакать?

Б е и м. Вы так сказали, сердце у меня не выдержало.
Х у р ш у д б а н у. Ты же видишь, я выдерживаю... В этом грустном мире любовь и печаль созданы близнецами, Беим.
Б е и м (*вытирая слезы, с вызовом*). Забудьте его, Бану-беим! Как он мог оставить вас и уехать?!
Х у р ш у д б а н у. Его позвала родина, отцовский край, и меня удерживала забота о родине... У нас обоих одинаковая судьба.

Входит Мирза Рухулла, Беим, поклонившись, выходит.

Р у х у л л а. Бану-беим, иранский принц пришел с визитом вежливости.
Х у р ш у д б а н у. Он, видно, считает, что мы забыли, как он расправился с южными азербайджанцами? Скажите, что я не принимаю.
М и р з а Р у х у л л а. Надо принять, Бану-беим, он здесь по соизволению императора.
Х у р ш у д б а н у. Пусть его принимает наместник. Мы ведь не ханы, Мирза.
М и р з а Р у х у л л а. Вы – внучка Ибрагим-хана! Вы – азербайджанская принцесса! Примите его, пусть увидит, что, хотя шахи, разорвав азербайджанский народ надвое, насильно отделили братьев друг от друга, живо его национальное достоинство!
Х у р ш у д б а н у. Хорошо, Мирза, ты умеешь уговаривать.

Мирза Рухулла выходит. Входит принц в сопровождении
Мирзы Рухуллы.

П р и н ц. Я счастлив выразить свое глубокое уважение к внучке Ибрагим-хана, дочери Мехтигулу-хана, прекрасной поэтессе Карабаха Хуршудбану-беим!
Х у р ш у д б а н у. Благодарю, ваше высочество. Но мы, женщины, честолюбивы. Я бы хотела довести до сведения вашего высочества, что я – поэтесса не только Карабаха, но и всего Азербайджана – как Северного, так и Южного, этим я горжусь.
П р и н ц. И я этим горд, Бану-беим. Великое Иранское царство умеет ценить поэзию, искусство. Особенно же когда поэтическое слово идет от сердца такой изящной и тонкой госпожи...
Х у р ш у д б а н у. Как видно, ваше высочество, и сами вы любите поэзию.
П р и н ц. Да, Бану-беим, человек, говорящий на языке Фирдоуси, Хафиза, Саади, не может не любить поэзию.
Х у р ш у д б а н у. В жизни бывают удивительные противоречия, ваше высочество. Поэзия насаждает благородные чувства, благородные мысли, но порой ее любят и жестокие правители.
П р и н ц (*поняв намек*). Ах, Бану-беим, человек не рождается жестоким. Если невинный ребенок вырастает в разумного правителя, то независимо от него самого интересы государства вынудят его к жестокости! Если б было иначе, иранские шахи не могли бы в течение тысячелетий удерживать трон. Даже великий Ануширван Справедливый только силой меча удерживал в руках концы цепей.
Х у р ш у д б а н у (*с трудом сдерживая раздражение*). И потому Ануширван Справедливый велел повесить Маздака, проповедовавшего братство.

П р и н ц (*обходя молчанием слова Хуриудбану*). Иранские шахи всегда были покровителями поэзии, искусства. Все эти Фирдоуси, Саади, Хафизы вдохновлялись их заботой и лаской.

Х у р ш у д б а н у. По-моему, эти звезды вбирали свет древней иранской культуры. А культуру создает народ.

П р и н ц. Я очень рад, что вы так цените иранскую культуру, Бану-беим, но чернь, которую вы так милостиво называете народом, состоит из грешников, воров, убийц. Так что не будь крепкого правителя, с ними справиться нельзя!

Х у р ш у д б а н у (*не в силах удержаться*). Я полагаю, если бы ваше высочество не судило народ очень строго, возможно, иначе обращалось бы с южными азербайджанцами...

П р и н ц. Я признаю, что мы не в должной мере ценили ум и отвагу азербайджанцев... Ведь такие могучие правители Ирана, как шах Исмаил, как Надир-шах, были азербайджанцами. Я уже не говорю о Каджарах.

Х у р ш у д б а н у. Мы хорошо знаем свою историю, ваше высочество.

Смотрит на часы, давая этим понять, что визит окончен.

П р и н ц (*встает*). Наша встреча вызвала во мне чувство огромного уважения и восхищения вами. Прощайте, Бану.

Выходит.

Х у р ш у д б а н у (*гневно кричит*). Палач! Лицемерный кровопийца!

М и р з а Р у х у л л а. Не надо так, Бану-беим. Ваш удел требует терпения, стойкости, цель далека, дорога трудна.

Х у р ш у д б а н у. Ах, Мирза, меня как будто сжали в железных тисках. Иногда мне кажется, что мы никогда не сумеем вырваться из этих тисков.

М и р з а Р у х у л л а. Терпение, Бану-беим. История разорвала много цепей!

Х у р ш у д б а н у. Медленно идет эта история!

М и р з а Р у х у л л а. Разум, отвага сынов Азербайджана живут! История не состоит из одного-двух поколений, Бану-беим. Если мы и не увидим свободу, ее увидят грядущие поколения, в жилах которых будет течь наша кровь! Кирпичи, которые мы кладем один на другой на земле нашей родины, – это ступени для будущей свободы.

Выходит. Короткая пауза. Входит Дашдамир.

Д а ш д а м и р. Сеид Гусейн просит разрешения предстать перед вами.

Х у р ш у д б а н у. Надо говорить – господин Сеид Гусейн!

Д а ш д а м и р. Извините, Бану-беим, я всегда забываю слово «господин».

Х у р ш у д б а н у. Пусть больше не забывается.

Дашдамир выходит. Сеид Гусейн входит, кланяется.

Х у р ш у д б а н у. Садитесь, господин Сеид Гусейн.

С е и д Г у с е й н (*не садясь*). Бану-беим, по вашему поручению мы отобрали талантливых молодых людей, чтобы пятерых из них направить на обучение в Россию и пятерых – в Париж.

Х у р ш у д б а н у. Как сами они смотрят на это?

С е и д Г у с е й н. Рады, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у. А родители?

С е и д Г у с е й н. Некоторые сначала не соглашались, говорили, мы не потянем, но им объяснили, что молодые люди получают образование за ваш счет! После этого они с восторгом согласились.

Входит Идаят-хан.

И д а я т - х а н (*не обращая внимания на Сеид Гусейна*). Салам, сестрица.

Х у р ш у д б а н у. Добро пожаловать, братец Идаят.

И д а я т - х а н. Управляющий наших приараксинских сел сегодня принес весть, будто ты хочешь провести канал от Аракса в Мильскую степь. Причем этот канал должен пройти по нашим землям...

Х у р ш у д б а н у. Да, это так.

И д а я т - х а н. Какая у тебя цель?

Х у р ш у д б а н у. Моя цель, чтобы земли, не засевавшиеся тысячелетиями, стали плодородными и кормили людей.

И д а я т - х а н. Ага... Значит, ты хочешь провести канал для подданных...

Х у р ш у д б а н у. Конечно, я провожу канал для народа.

И д а я т - х а н. Разве ты не знаешь, что все наши подданные на тех землях кочевники. На зимовье бывают всего два-три месяца. Отары один месяц тут пасут, другой там... Зачем им твой канал?

Х у р ш у д б а н у. Если будет вода, они понемногу откажутся от кочевой жизни, перейдут на оседлую. Построят себе дома, будут учить детей, не будут жить, как цыгане!

И д а я т - х а н. А если они не хотят переходить на оседлую жизнь?

С е и д Г у с е й н. Милый хан, не захотят переходить на оседлую жизнь те люди, у которых стада по пяти тысяч баранов, сотни коней, верблюдов. А для бедных кочевников кочевая жизнь – мучение. Кочевая жизнь оставляет людей на много веков позади современной культуры, науки. Иностранцы называют наших кочевников дикарями.

И д а я т - х а н *(с желчной иронией)*. Милая сестрица, уж не новый ли визирь внушил тебе эту мысль?

Х у р ш у д б а н у. Что ты говоришь, Идаят?

С е и д Г у с е й н. Хан, я не визирь. И никогда не собирался быть визирем. Я учитель. Для людей покончить с кочевой жизнью и овладеть наукой – это веление времени, веление истории, хан.

И д а я т - х а н. Так пусть сама история подготовит это время, а не такие, как ты, кукарекают, как разбуженный петух!

Х у р ш у д б а н у. Идаят-хан, я не позволю тебе так вести себя с нашим учителем!

С е и д Г у с е й н. Я вас понимаю, хан. Вас побуждает разговаривать так выгода, которую вы имеете от налогов с кочевников-овцеводов, от идущей за границу шерсти!

И д а я т - х а н *(положив руку на рукоятку кинжала, кричит)*. Как ты смеешь совать нос в дела господ?

Х у р ш у д б а н у *(гневно)*. Идаят-хан!

И д а я т - х а н. Ставлю тебя в известность, Бану, я не позволю, чтобы канал проходил по нашим землям! Ты слышишь, не позволю!

Идаят-хан, рассерженный, выходит.

С е и д Г у с е й н. Не расстраивайтесь, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у *(возбужденно)*. Мне расстраиваться? Нет! Я хочу одержать победу над своей судьбой!

Так же нервно звонит в колокольчик,
входит Дашдамир.

Я вызывала Мурадали...

Д а ш д а м и р. Мурадали готов предстать перед вами.

Х у р ш у д б а н у. Пусть войдет. А сам ты сейчас пойдешь к инженеру Абдурагиму Талыбзаде и скажешь, что я жду проект канала, пусть поторопится!

Д а ш д а м и р. Слушаюсь. *(Выходит.)*

С е и д Г у с е й н. Инженер говорил мне, что проект готов.

Входит Мурадали, кланяется. Бану-беим так же
нервно и возбужденно.

Х у р ш у д б а н у. Через два месяца в Париже проводятся конские состязания. Хотят, чтобы в состязании участвовали и наши азербайджанские скакуны.

М у р а д а л и. Мы готовы, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у. Приготовьтесь хорошенько! Наши кони должны прийти первыми. Ты слышишь, первыми. Пусть увидят, что, хоть лучшие мужи Азербайджана ушли, они оставили лучших коней настоящим мужчинам.

Свет гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Имение Хуршудбану. Где-то певец в сопровождении тара поет песню на ее слова. Стоя у окна, Хуршудбану грустно слушает.

П е в е ц (*поет*).

Печалью, горем и бедой рок окружил меня,
Тоской от милого вдали он наградил меня,
Творец вселенной, сколько раз просила я, чтоб ты
Иль с ним меня соединил, иль умертвил меня.
Терпенья нет, покоя нет, нет сил в разлуке жить.
Достойно ль, чтоб кричала я, чтоб плач душил меня...

Хуршудбану, закрыв лицо руками, опускается в кресло.
Входит Мирза Рухулла. Стоит, смотрит на Бану.

М и р з а Р у х у л л а (*негромко*). Бану-беим.

Хуршудбану не отвечает. Приблизившись к ней, он легонько
кладет руку ей на плечо.

Что случилось, дочка?

Х у р ш у д б а н у (*отрывая руки от лица*). Ничего. В детстве вы всегда говорили мне, что человек создан для счастья. А вот меня счастье обошло стороной. Но не это меня заботит, Мирза, а судьба моих детей! Боюсь я, Мирза... боюсь, что и их судьба будет такой...

М и р з а Р у х у л л а. Ты не имеешь права жаловаться на судьбу, Бану! Создатель не лишил тебя ни одного из достоинств настоящего человека! Ты счастлива, дочка! Если б не была счастлива, народ не любил бы тебя так и твое молодое сердце не было бы так к нему привязано! (*С воодушевляющей веселостью*.) Ты самая отважная из наших дочерей! Вставай! Визирь иранского принца Меликуддовле хочет встретиться с тобой наедине.

Х у р ш у д б а н у (*вставая*). Наедине?

М и р з а Р у х у л л а. Да. Он говорит, что должен сказать ее светлости Бану-беим нечто важное и секретное.

Х у р ш у д б а н у. Какие у меня с ним могут быть секреты?

М и р з а Р у х у л л а. Мне тоже это кажется любопытным, Бану-беим. Ну ничего, прими его, посмотрим, что он сообщит...

Х у р ш у д б а н у. Хорошо, Мирза, пусть войдет.

Мирза Рухулла выходит. Короткая пауза. Входит Меликуддовле,
кланяется.

Пожалуйста, прошу садиться.

М е л и к у д д о в л е (*сидясь в кресло*). Благодарю, ваша светлость. Сегодня утром мы с его высочеством наследником престола вышли погулять в новый заложенный вами сад. Восхитительные цветы там напомнили мне наш сад в Тавризе.

Х у р ш у д б а н у. Вы разве тавризец?

М е л и к у д д о в л е. Да, я азербайджанец. Настоящее имя мое Мирза Керим.

Х у р ш у д б а н у. Понимаю... Чем могу служить, господин Меликуддовле?

М е л и к у д д о в л е. Ваша светлость! Вы умная женщина, и я, не прибегая ни к каким дипломатическим уловкам, сразу перехожу к сути.

Х у р ш у д б а н у. Переходите!

М е л и к у д д о в л е. Наследник иранского престола, его высочество принц желает предложить вам руку и сердце.

Х у р ш у д б а н у. Разве тридцати двух жен его высочеству недостаточно?

М е л и к у д д о в л е. Его высочество принц намерен вас, как особу ханского рода и необычайного ума, сделать своей главной женой с правом наследования престола.

Х у р ш у д б а н у. О... какая честь!

М е л и к у д д о в л е. Да, именно так. Могу вас заверить, что эти слова наследника искренни. Он восхищен вашим умом, вашими делами и, простите недостойного слугу, вашей изящной красотой.

Х у р ш у д б а н у. Господин Меликуддове, поскольку вы азербайджанец, я вас спрошу: а как бы вы сами посмотрели на такой брак?

М е л и к у д д о в л е. Как же я могу смотреть на это, Бану-беим! Конечно же, породниться с иранским тронем, имеющим историю в несколько тысячелетий, для нас, азербайджанцев, будет счастьем. Ваш дед Ибрагим-хан, будучи выдающимся государственным деятелем, еще в то время, по зрелым размышлениям, отдал свою дочь, а вашу тетушку – принцессу Агабеим-ага, замуж за Фатали-шаха. И поскольку Агабеим-ага обладала глубоким умом, шах назначил ее главной женой, то есть Шах-бану, советовался с ней о важных государственных вопросах.

Х у р ш у д б а н у. Ибрагим-хан отдал свою прекрасную дочь Агабеим-ага шаху Ирана в качестве своеобразного залога, чтобы завоевать его доверие. Увы, это была непростительная ошибка.

М е л и к у д д о в л е. Бану-беим, ислам предполагает единство всех мусульман на земле. Вы знаете, что Азербайджан вынужден отдаться под покровительство одного из двух великих государств. А таким государством, несомненно, является Иран, ибо он исповедует ту же религию, что и мы.

Х у р ш у д б а н у. Если иранские шахи любили своих братьев, азербайджанских мусульман, почему они шли на них с огнем и мечом? Почему ваш господин, наследник престола, истерзал Южный Азербайджан? Почему шахи отняли у южных азербайджанцев их язык, их национальную самобытность и хотят растворить их среди иранского населения?

М е л и к у д д о в л е. Ах, Бану-беим, буду искренен, стремление иранских правителей к фарсизации азербайджанцев – это счастье для нас.

Х у р ш у д б а н у. Счастье?!

М е л и к у д д о в л е. О, да! Ибо, если это произойдет, мы будем иметь равные права с персами, наравне с ними будем принимать участие в государственных делах! Да! Да!

Х у р ш у д б а н у. Поэтому вы отказались от своего происхождения и стали Меликуддове?

М е л и к у д д о в л е. Ваша светлость, Бану-беим...

Х у р ш у д б а н у (*гневно*). Не произносите моего имени. Ступайте вон. Вы не дворянин, а лакей, вылизывающий дно господской миски. Убирайтесь вон!

М е л и к у д д о в л е (*сам с собой*). Что это она? Почему? (*Торопливо выходит. Входит Мирза Рухулла.*)

М и р з а Р у х у л л а. Что случилось, Бану-беим?

Х у р ш у д б а н у. Как земля и небо выдерживают такую низость?! Этот мерзавец, именующий себя азербайджанцем, является сюда сватать меня убийце тысяч азербайджанцев... Фарсизацию он называет счастьем для Азербайджана! Неужели чужеземные захватчики и вправду убили гордость этого народа?

М и р з а Р у х у л л а. Не трать на него души, Бану-беим. Придет время, народ скажет свое слово.

Короткая пауза.

Если позволишь, я хочу сказать тебе кое-что.

Х у р ш у д б а н у. Говори!

Р у х у л л а. Ты знаешь, какие грязные измышления, какие наветы на тебя распространяются в высших кругах?..

Х у р ш у д б а н у. О чем ты, Мирза, что еще каркают эти вороны?

М и р з а Р у х у л л а. Ты знаешь, что твои откровенные суждения, твоя смелость, твоя слава у простого народа не по нраву всему бекству и даже вызывают брожение. Поэтому, чтобы положить конец выдумкам и слухам, было бы лучше, если б ты не оставалась незамужней.

Х у р ш у д б а н у. Не боюсь я клеветы, Мирза! И без того я никогда не слыхала от беков доброго слова.

Р у х у л л а. Дело не в боязни, Бану-беим. Я был твоим учителем с детских лет и потому прошу простить меня за откровенный разговор. Ты молода. Ты не можешь всю жизнь оставаться незамужней. И потом... Тебе нужна помощь. Нужен друг!

Короткая пауза.

Х у р ш у д б а н у. Хорошо, Мирза, я подумаю об этом.

Мирза Рухулла с легким поклоном выходит. Молчание.
Чувствуется, что Хуршудбану потрясена. Она внезапно

звонит в колокольчик. Входит Беим.

Х у р ш у д б а н у. Пойди позови сюда Сеид Гусейна, Беим.

Беим выходит. Короткая пауза. Сеид Гусейн входит, кланяется.

Х у р ш у д б а н у. Сеид Гусейн! Мне передали, что вы каждый день, стоя в темноте сада, тайно наблюдаете за мной. К чему это? *(Пауза.)* Отчего вы молчите?

С е и д Г у с е й н. Простите меня, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у. Вы не ответили на вопрос...

С е и д Г у с е й н. Ваша светлость! Я могу только просить у вас прощения...

Х у р ш у д б а н у *(с непроницаемым видом)*. Может быть, шпион, засланный из Ирана?.. Может быть, убийца, сбежавший из тюрьмы?

С е и д Г у с е й н *(с суровой отвагой взглянув на Бану)*. Честный человек, Бану-беим! Я не лгал вам!

Х у р ш у д б а н у. Но тогда чем можно объяснить ваше странное поведение?

С е и д Г у с е й н. Простите, Бану-беим! Я день и ночь пытаюсь вырвать из сердца свою греховную любовь!

Х у р ш у д б а н у. Почему вы называете любовь греховной! Вы что, суфий?

С е и д Г у с е й н. Я считаю себя недостойным этой любви.

Х у р ш у д б а н у. Почему? Вы такой красивый, сильный, образованный юноша...

С е и д Г у с е й н. Я беден, я одинок....

Х у р ш у д б а н у. Разве бедный не имеет права любить? *(Со странной торжественностью.)* Господин Сеид Гусейн! Я, внучка Ибрагим-хана, дочь Мехтигулу-хана, Хуршудбану, хочу стать вашей женой по закону, данному нам Аллахом и провозглашенному пророком. Вы согласны на это?

С е и д Г у с е й н. Бану-беим!

Х у р ш у д б а н у *(нервно)*. Довольно! Разве я тоже не одинока на своей земле? Разве наш голос, словно голос птицы Симург, заколдованной на горе Каф, где-нибудь слышен? Нет, Сеид Гусейн, судьба недаром столкнула нас друг с другом. Хотя мы и не в силах повернуть вспять колесо судьбы, будем с ней бороться! Пусть создатель неба и земли сделает наш брак счастливым во имя нашей родины.

С е и д Г у с е й н. Да будет так.

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Имение Хуршудбану. Бану задремала на диване, с открытой книгой в руке. В открытое окно виднеется окутанная туманом Шушинская крепость. Выйдя из тумана, князь Хасай внимательно оглядывается по сторонам, приближается к окну и, быстро впрыгнув в комнату, смотрит на Бану. Протягивает руку, хочет дотронуться до нее, но не дотрагивается.

К н я з ь Х а с а й. *(шепотом)*. Бану!

Хуршудбану, вздрогнув, просыпается и с ужасом смотрит на него.

Х у р ш у д б а н у *(изумленно)*. Как? Разве это не сон? *(Совершенно проснувшись.)* Ведь я только что видела тебя во сне, князь.

К н я з ь Х а с а й. До меня дошел слух, что ты выходишь замуж, и я три дня и три ночи скакал на коне из Дагестана, Бану. Чтобы меня не увидели и не вызвать толков, я оставил коней со слугой в Дашалты и поднялся по скале Хезине. С тех пор как я уехал, не было дня, чтобы я не мучился от разлуки с тобой... Я истерзал себя, расставшись с тобой, Бану. Давай помиримся. И не будем больше никогда расставаться!

Х у р ш у д б а н у. Ушедшего счастья не вернешь, князь. Я дала слово другому.

К н я з ь Х а с а й. Я думал, ты меня еще любишь.

Х у р ш у д б а н у *(горько)*. Что об этом говорить, князь! Меня затравили клеветники, и я выхожу замуж за простого и бедного человека, чтобы жить свободно и служить своей родине.

К н я з ь Х а с а й. Это мечта твоего поэтического воображения, Бану. Ты навлечешь на себя гнев всего нашего сословия.

Х у р ш у д б а н у. Я столько видела зла от нашего сословия, что мне теперь уже ничто не страшно.

К н я з ь Х а с а й. Ты думаешь, я могу что-либо сделать для моего народа, где каждый аул теснится на отвесных скалах, отделен от других бездонными пропастями и говорит на своем языке? Расставшись с тобой, я тоже пытался открывать школы, запретить кровавые распри между племенами. Отправил молодежь в Россию учиться. Но беки, с которыми у нас родовая вражда, донесли в Петербург, будто я готовлю отделение Дагестана, иду по пути Шейха Шамиля. Меня отдали под надзор полиции. Бану, я свободно разгуливающий арестант! В это проклятое время пропасть между благородными мечтами и жизнью так глубока, что перепрыгнуть ее невозможно, Бану!

Х у р ш у д б а н у. Что делать! Если мы струсим, отступим, грядущие поколения нам этого не простят.

К н я з ь Х а с а й. Все должна сеять и растить сама история, Бану. Приносить себя в жертву будущим поколениям – это самообман. (*Горячо.*) После нас жизни нет, Бану, поверь в эту истину! Давай уедем... Хочешь в Париж... Хочешь в Рим...

Х у р ш у д б а н у. Нет, князь. Я и теперь тебя люблю. Наверное, до самой смерти буду любить. Но... бросить родину и уехать... нет, это невозможно!

К н я з ь Х а с а й (*глубоко вздохнув*). Как видно, в этом мире нельзя взять больше того, что отмерено судьбой... Наверное, дети спят... Ведь сейчас время их отдыха.

Х у р ш у д б а н у. Хочешь, разбужу. Они часто о тебе вспоминают, князь. (*Печально.*) Если б ты знал, как это тяжело!

К н я з ь Х а с а й. Пусть спят. Пусть они забудут своего отца. Прощай, Бану! Я уйду, оставляя в этой героической крепости самую благородную женщину на свете.

Х у р ш у д б а н у. Прощай, мой дорогой, пусть всемогущий Аллах хранит тебя...

Князь Хасай выпрыгивает в окно и уходит. Хуршудбану без сил опускается на диван, закрывает лицо руками. Вдалеке в сопровождении тара певец поет ее стихотворение.

Мечтаю, – если б только Бог не создал землю никогда
И чтобы нить моих дорог сюда не шла бы никогда.
И чтобы горе нашу кровь не леденило никогда
И чтоб меня твоя любовь не оживляла никогда.

Чтобы не слышать мугам, Хуршудбану порывисто встает, звонит в колокольчик. Входит Беим.

Х у р ш у д б а н у (*взволнованно, нервно*). Прекрати это пение, скажи, пусть замолчат.

Б е и м (*удивленно*). Он же ваши слова поет, Бану-беим.

Х у р ш у д б а н у. Скажи, пусть замолчит!

Беим растерянно и робко уходит. Певец умолкает. Хуршудбану, раздраженная, падает в кресло. Входит хан.

И д а я т - х а н. Салам, сестрица.

Х у р ш у д б а н у. Салам.

И д а я т - х а н. Что случилось? Я вижу, ты расстроена... А ведь сейчас ты должна веселиться.

Х у р ш у д б а н у. В честь чего?

И д а я т - х а н. Как в «честь чего?» Говорят, ты снова выходишь замуж...

Х у р ш у д б а н у (*с вызовом*). Ах, это! Да, выхожу!

И д а я т - х а н. Ты храбрая женщина!

Х у р ш у д б а н у. В самом деле?

И д а я т - х а н. О, да! Если внучка властителя Карабаха Ибрагим-хана, дочь Мехтигулу-хана, не считаешь ни с кем и ни с чем, выходит замуж сначала за какого-то дагестанца, нечестивца-суннита, лезгина, а потом за сбежавшего из Ирана нищего без рода, без племени, значит, она поистине ничего не боится.

Х у р ш у д б а н у. Прошу тебя не говорить в таком тоне ни о князе, ни о господине Сеид Гусейне.

И д а я т - х а н. Ого... «господин Сеид Гусейн...» Что, смазливая рожа этого парня сразу сделала его «господином?»

Х у р ш у д б а н у. Ах, нет! *(Как бы в шутку.)* Если уж говорить о красоте, то кто был красивее тебя... Когда ты входил в лучшие наши дома, самые родовитые ханум теряли сознание.

И д а я т - х а н *(так же шутливо)*. Но ты за меня не пошла... не так ли? Хорошо, давай оставим эти присказки... Ты хоть думаешь, что если выйдешь замуж за нищего, то опозоришь не только себя, но и нас?

Х у р ш у д б а н у *(гневно)*. Он не нищий! Когда я выходила за князя Хасая, наследника знатного рода, вы все хором корили меня, что дочь хана в целом Карабахе не нашла ни одного мужчины и вышла за лезгина. Теперь, когда я выхожу за азербайджанца, за шиита, вы твердите: «Дочь хана выходит за нищего». Мне надоело ваше проклятое чванство. Я, дочь хана и внучка хана Хуршудбану, именно потому иду замуж за учителя, чтобы разрушить грань между мной и подданными!

И д а я т - х а н. Ты ее не разрушишь, сестра! Эта грань крепка не только извне, но и изнутри. Ты полагаешь, что найдутся такие, которые пойдут за тобой? А знаешь, что о тебе теперь говорят? Говорят, ханская дочь, сластолюбивая и легкомысленная, да еще поэтесса, слюбилась с иранским нищим, потому что он угодил ей.

Х у р ш у д б а н у *(с печальным смехом)*. Повторяя эти подлые слова, ты думаешь произвести на меня впечатление. Я выйду замуж за своего подданного Гусейна, и кончим этот разговор.

И д а я т - х а н *(гневно)*. Я этого не оставляю. Нельзя заставить замолчать всех! Значит, ты не меняешь своего слова?! Ну, смотри! *(Идаят-хан выходит. Короткая пауза. Входит Мирза Рухулла)*.

М и р з а Р у х у л л а. Что случилось, Бану-беим? Хан был просто страшен...

Х у р ш у д б а н у. Хан возмущен моим желанием выйти замуж за Сеид Гусейна. Ах, Мирза. Каплю за каплей вливает мне в кровь змеиный яд моя же нация...

М и р з а Р у х у л л а. Нация состоит не только из господ, из ханов, Бану-беим. Если хочешь знать правду, они вообще не имеют отношения к нации. Не думай, что я говорю это потому, что родился сыном бедного подданного. Если сословие становится орудием иноземных захватчиков, как его можно назвать нацией? Это сословие, которое схватило героя, убившего кровопийцу, губителя тысяч азербайджанцев Ага Мухаммед-шаха Каджара, и в кандалах отправило в Иран...

Х у р ш у д б а н у. Как это все страшно, как непонятно!

М и р з а Р у х у л л а. Нет, Бану-беим, все очень ясно. У господ никогда не было совести. Между тем, если бы Архимед спросил у меня, где найти точку опоры, чтобы перевернуть земной шар, я сказал бы: совесть людская – вот точка опоры! А совесть только в тех, кто живет праведным трудом своих рук и слился с родной землей. Я приветствую твой брак с сыном подданного Гусейном!

Свет гаснет.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Имение Хуршудбану. Хуршудбану и Сеид Гусейн.

С е и д Г у с е й н *(держит Хуршуд за руку)*. Прежде я корил себя за то, что люблю вас, что не могу вырвать вас из своего сердца... Хотел помучить себя! Счастье дотянуться до вас, добиться вашей любви казалось призрачным. Вы полностью царили в моем сердце, но были так же далеки от меня, как звезды. И теперь наш брак иногда мне кажется сном, Бану...

Х у р ш у д б а н у *(с мягкой улыбкой отбирая у него свою руку)*. Мой дорогой Гусейн, мы будем верными искренними друзьями. Нам уже поздно говорить о любви.

С е и д Г у с е й н *(с глубокой печалью)*. Почему вы так говорите, Бану-беим? Нам только исполнилось по тридцать лет.

Х у р ш у д б а н у *(глубоко вздохнув)*. А мне кажется, что сердцу моему сто лет.

С е и д Г у с е й н *(так же печально)*. Нет, Бану-беим, сердце ваше не постарело, а...

Х у р ш у д б а н у *(целует его в лоб, очень ласково)*. Спокойной ночи, мой дорогой. *(Проходит в другую комнату.)*

С е и д Г у с е й н (*так же печально глядя ей вслед, сам с собой*). Сердце ваше не постарело. Я все понимаю, Бану... Но если ты сочла меня достойным того, чтобы стать моей женой, я докажу, что достоин быть твоим мужем! И тогда стихоплеты, которые строчат на меня пасквили и называют «нищим сеидом», провалятся сквозь землю со стыда.

Внезапно открывается дверь и входит Идаят-хан с дюжими спутниками.

И д а я т - х а н (*насмешливо*). Ага Сеид, поскольку ты – сеид, и значит, потомок пророка, я не хочу пачкать руки твоей кровью. Но собирай-ка свои вещички, эти ребята препроводят тебя за Аракс, в Иран, проваливай и больше тут не показывайся. Если ты не хочешь убраться сию минуту, они тебя задушат и, сунув в мешок (*показывает мешок на плече одного из них*), сбросят со скалы Хазине.

С е и д Г у с е й н. За что, хан, в чем моя вина?

И д а я т - х а н. Кто ты такой, что осмелился сунуться во дворец Мехтигулу хана, жениться на его дочери? Кто ты?!

С е и д Г у с е й н. Я человек, хан.

И д а я т - х а н. Ладно, ладно, не философствуй! Собирай вещички! Человек!

С е и д Г у с е й н. Хан, я ушел от гнета иранского шаха, искал у вас убежища.

И д а я т - х а н. Кто ищет убежища, ведет себя иначе! Хамшаринский нищий!

С е и д Г у с е й н. Хан, соблюдайте приличия.

И д а я т - х а н (*кричит*). Кончайте с ним! (*Прислуга набрасывается на Сеид Гусейна, хочет его задушить. Сеид Гусейн сопротивляется. Свет падает в комнату Хуришудбану. Хуришудбану спит. Беим взволнованно подбегает, будит ее.*)

Б е и м. Бану-беим, Бану-беим!

Х у р ш у д б а н у (*в тревоге поднимается*). Что случилось, Беим?

Б е и м. Слуги Идаят-хана убивают Сеид Гусейна!

Х у р ш у д б а н у. Что?!

Вскакивает, выбегает в ночной сорочке. Свет падает снова в комнату Сеид Гусейна. Убийцы борются с Сеидом Гусейном, намереваясь его задушить. Чувствуется, что Сеид Гусейн лишается сил. Ворвавшись к ним, Хуришудбану кричит.

Х у р ш у д б а н у. Остановитесь!

Прислуга, растерявшись, тупо смотрит на хана.

Х у р ш у д б а н у (*хану*). Стыдись!

И д а я т - х а н (*прислуге*). Убирайтесь! (*Хуришудбану*.) Что ты бегаешь голая перед посторонними мужчинами?

Х у р ш у д б а н у. Мужчинами? Какими мужчинами? (*Указывая на Сеид Гусейна.*) Вот мой законный муж, это мужчина...

И д а я т - х а н. Ты лжешь, он пока еще не твой муж. В Шушинской крепости ни один молла не осмелится скрепить этот брак!

Х у р ш у д б а н у. Нашелся такой, что осмелился. Курдистанский молодой ахунд Гаджи Шукюр сегодня заключил наш брачный договор.

И д а я т - х а н (*в ярости хватается за рукоять кинжала*). Ах, ведьма! Ведьма!

Х у р ш у д б а н у. Ведьма все же лучше подлеца. Ты хочешь убить безоружного руками наемников?

И д а я т - х а н. Вывалявшись с этим иранским бродягой, ты втоптала в грязь род Панах-хана. Я со стыда не могу смотреть в лицо бекам! Твой брак с нищим унижит нас в глазах русского императора.

С е и д Г у с е й н. Вы зря оскорбляете нас, хан. Мне жаль вас.

И д а я т - х а н (*убирая руку с рукоятки кинжала, удивленно*). Ты жалеешь меня?

С е и д Г у с е й н. О, да! Потому что, как видно, его величество император вместе со свободой отнял у такого блестящего, интеллигентного молодого человека, как вы, разум. Это ужасно, хан!

И д а я т - х а н (*со странным спокойствием и интересом*). Почему ты считаешь меня лишенным разума?

С е и д Г у с е й н. Потому, хан, что вы давно забыли, откуда вы, к какому народу принадлежите. Для вас нет слова «Азербайджан». Вы даже считаете постыдным говорить на своем родном языке.

И д а я т - х а н. Нет, отчего же, я помню, что я – азербайджанец. Но что я могу сделать?

С е и д Г у с е й н. Человек, болеющий за свой народ, за свою родину, знающий его беды, не спрашивал бы, что нужно делать, это ему подсказали бы сердце, совесть...

И д а я т - х а н. Я понимаю, что ты хочешь сказать, ага Сеид. Но земной шар не сдвинуть с его оси!

С е и д Г у с е й н. Нет, хан. Земной шар соскочит со своей оси! Взметнется ураган!

И д а я т - х а н. Ага Сеид, ты не первый мечтатель и не последний. Если внучка Ибрагим-хана, дочь Мехтигулу-хана стала твоей законной женой, нет смысла тебя убивать. Пусть она на том свете ответит перед душами своего деда и отца – ханов, чью честь и славу бросила под ноги таким, как ты! Но Бану! Напрасно ты, увлекшись бессмысленными мечтами этого болтуна, опозорила себя.

Х у р ш у д б а н у. Разорвав цепи лживых, двуличных законов общества, я чувствую себя свободной, как птица.

И д а я т - х а н (*глубоко вздохнув*). Ты обманываешь себя, Бану... Не меня надо жалеть, а тебя!

Быстрыми шагами выходит. Пауза.

С е и д Г у с е й н. Бану-беим, вы спасли меня от бесславной смерти. Мне стало ясно также и то, что вы уважаете меня только как друга жизни. Как ни тяжело об этом думать, за то, что вы, доверившись мне, избрали простого бедного парня своим другом, я до последнего дыхания буду предан вам на тернистых, обрывистых дорогах жизни!

Сеид Гусейн, взяв за руку Хуршудбану, уводит ее в комнату. Входит Беим, смотрит им вслед. Входит взволнованный Дашдамир.

Д а ш д а м и р (*шепотом*). Беим! (*Беим оборачивается.*) Что тут произошло?

Б е и м (*забыв о своей обиде на него, взволнованно*). Слуги Идаят- хана хотели убить Сеид Гусейна.

Д а ш д а м и р (*хватаясь за кинжал*). Что же ты не прибежала, не позвала меня, я бы покрошил его слуг, как лезгинскую лапшу.

Б е и м (*вдруг вспомнив свои обиды*). Хвастун!

Д а ш д а м и р. Почему это я хвастун, а?

Б е и м (*передразнивая его*). «У моего отца золото хурджунами... У нас такой трехэтажный дом... Такие табуны...»

Д а ш д а м и р. Беим-джан, это была шутка...

Б е и м. Разве этим шутят?

Д а ш д а м и р. Ну, а что мне было делать, когда ты завела: «Все мне говорят Беим-ханум... Что я буду делать в вашей хибаре?» Вот видишь, ханская дочь вышла замуж за такого бедного парня, как Сеид Гусейн.

Б е и м. Сеид Гусейн был безумно влюблен в Бану-беим.

Д а ш д а м и р. Надо мне тоже пойти и броситься с горы Хазине, чтобы ты поверила в мою любовь!

Б е и м. Кто любит, тот со скалы бросаться не будет!

Д а ш д а м и р. А что он будет делать?

Б е и м. Возьмет любимую и отведет в свой дом...

Д а ш д а м и р. Ведь ты меня больше не любишь.

Б е и м (*улыбаясь, с ласковым кокетством*). Как знать!

Д а ш д а м и р (*лукаво*). Я не расслышал, Беим-джан, скажи еще раз...

Б е и м (*громко*). Люблю!

Д а ш д а м и р. Ох... Как ты прекрасно сказала, Беим-джан. Но мой отец...

Б е и м. Ну и что, я и сама – не ханская дочь... (*Вдруг сердито.*) Кто любит, тот не смотрит на бедность, на богатство, Дашдамир.

Д а ш д а м и р (*восхищенно*). Молодчина, ей-Богу! Так мне больше не называть тебя «ханум»?..

Беим, улыбаясь, отрицательно качает головой.

Д а ш д а м и р (*с подлинным чувством*). Ты хорошая девушка, Беим-джан! (*Привлекает ее к себе. Свет гаснет.*)

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Имение принца. Принц и Меликуддовле. Перед принцем на маленьком столике видны графин с вином и закуски.

П р и н ц. Вы только посмотрите на поступок этой Хуршудбану?! Отвергла наследника иранского престола и выскочила замуж за какого-то нищего, сбежавшего из Южного Азербайджана?! *(Пьет вино.)* Твоя азербайджанская нация, Меликуддовле, не в состоянии отличить добро от зла.

М е л и к у д д о в л е. Вы меня обижаете, государь... Разве во мне осталось хоть что-нибудь азербайджанское?

П р и н ц. Осталось или не осталось, мой путь к трону лежит через Южный Азербайджан. Азербайджанцы ненавидят шаха, и мы должны это использовать. Я думал, что женитьба на внучке Ибрагим-хана сблизит меня с азербайджанцами, и они, ради высокого родства, помогут мне завладеть престолом. И ведь они смельчаки, умеют сражаться.

М е л и к у д д о в л е. Они предпочитают русских, государь.

П р и н ц. А ислам? Разве им это безразлично?

М е л и к у д д о в л е. Увы, государь. Хуршудбану группу за группой отправляет молодых людей учиться в Россию, ханская родня садится на почетном месте за царским столом...

П р и н ц *(нервно)*. Не каркай, старик! Политика требует решимости и действия. *(Пьет вино.)* Завтра же ты отнесешь Хуршудбану от меня дорогой подарок, пусть не думает, что я обиделся из-за того, что она не согласилась выйти за меня замуж...

М е л и к у д д о в л е. Разве вы не видели, как непочтительно она со мной обошлась?

П р и н ц. Что за беда, старик, политика порой требует: если тебя ударили по одной щеке – подставь другую. Затем необходимо тайно послать людей в Тавриз, Ахар, другие города Южного Азербайджана, пообещать: если они мне помогут, как только овладею трон, дам им конституцию.

М е л и к у д д о в л е. А они в это поверят?

П р и н ц. Не каркай, старик! Надо их убедить!

М е л и к у д д о в л е. Слушаю и повинуюсь, государь.

П р и н ц. Не ты разве уловками, которые не пришли бы в голову самому дьяволу, возвел моего проклятого брата на иранский престол?

М е л и к у д д о в л е *(горько)*. А в благодарность он, как только сел на трон, хотел отрубить мне голову.

П р и н ц. Ты же знаешь, если б мать меня тайно не известила, этот узурпатор и у меня вырвал бы глаза. Но ничего. Как только я стану шахом, сделаю тебя великим визирем. Да, да! Великим визирем!

М е л и к у д д о в л е. Дай-то Бог!

П р и н ц. А теперь ступай, пошли сюда танцовщицу. И стражнику скажи, чтоб никого ко мне не пускал. А старшему евнуху скажи, что эту ночь я хочу отдохнуть.

М е л и к у д д о в л е. Повинуюсь.

П р и н ц. Ступай...

Меликуддовле выходит. Входит Тахмина и слепой. Слепой играет, Тахмина танцует. Мурадали, спрятавшись, подсматривает. Принц пьет вино, внезапно поднявшись, хватая девушку за запястье, тащит к себе.

Т а х м и н а *(шепчет принцу на ухо)*. Ваше высочество, разрешите, я отведу отца спать, потом.

П р и н ц. Возвращайся скорее, девчонка! Скорее!

Т а х м и н а *(слепому)*. Пойдем. Его высочество хочет отдохнуть.

С л е п о й м у з ы к а н т. Ваше высочество, позвольте мне в этой чужой стране удостоиться чести поцеловать руку нашего благочестивого наследника престола.

П р и н ц. *(протягивает руку слепому)*. Подойди. *(Тахмина, взяв слепого за руку, подводит к принцу. Слепой с невероятной ловкостью хватает принца за горло.)*

С л е п о й. Ваше высочество, я – Эйваз, которому на горе Савалан ты велел вырвать глаза, у которого ты отнял невесту. Сколько времени я брожу следом за тобой из края в край, ищу случая отомстить тебе собственными руками.

Убив принца небольшим кинжалом, выхваченным из-под балахона, слепой с презрением отбрасывает труп. Мурадали, беззвучно выйдя из своего убежища, делает знак уходить. Слепой, Тахмина и Мурадали уходят. Входит Меликуддовле.

М е л и к у д д о в л е (*сам с собой*). Музыка что-то умолкла... Отчего так быстро? Я слышал звук шагов, шорох... (*Вдруг видит упавшего на пол принца. Наклоняется, всматривается.*) Что это с ним? (*В ужасе несколько мгновений молчит.*) Как будто голос вечности говорит мне: этот мертвец – твоя последняя надежда, Меликуддовле! Продал родину, изменил народу... хитрил, строил козни, терпел оскорбления, последнюю надежду связал с безнравственным злодеем, и вот... О великий творец! Ты милостив, прости грехи мои, прости твоего ничтожного раба!.. Нет... я чувствую, не услышит меня Аллах... К кому же ты воззовешь, Меликуддовле? У кого станешь искать защиты? Нет тебе места на этом свете! И все твое состояние осталось в Иране. Даже крохи забрать не успел. Говорят, когда скорпион не может выбраться из сети, в которую попал, он жалит сам себя.

Чтобы убить себя, протягивает руку к маленькому кинжалу на поясе. Но смелости не хватает. В глубокой безнадежности закрывает глаза. На сцене темнеет.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кабинет начальника крепости. Начальник крепости, Захир-бек Феда, Михайлов, Фарадж-бек. Сидящий в стороне Михайлов время от времени что-то пишет.

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и (*раздраженно*). Ясное дело! Это организованная провокация, чтобы поссорить нас с шахом Ирана! Да! Да! Провокация!

Ф а р а д ж - б е к. Да... да, так и есть!

З а х и р - б е к Ф е д а. Ваш слуга Захир тоже так думает, господин начальник.

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и. В нынешней обстановке шаху нужен только предлог, чтобы обвинить нас и выставить своими должниками! Господин Захир-бек, кто, по вашему мнению, мог быть организатором этого дела?

З а х и р - б е к. Ваше высокоблагородие, как ни крути, один конец этого преступления ведет во дворец ханской дочери.

Ф а р а д ж - б е к. Да... да, так и есть!

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и. Отчего вы так считаете, господин Захир-бек?

З а х и р - б е к. Я не раз докладывал вашему высокоблагородию: меджлисы Хуршудбану из поэтических стали политическими и крамольными. На этих собраниях больше говорят о политической свободе, чем о стихах.

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и (*нервно*). О какой свободе?

З а х и р - б е к. Известно, о какой свободе...

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и. Неужели преступные фантазии петербургских нигилистов дошли до этих мест?

З а х и р - б е к. Наутро после той ночи, когда был убит принц, исчез старший конюх Хуршудбану Мурадали. А Мурадали – двоюродный брат Сеид Гусейна, за которого Хуршудбану вышла замуж.

Ф а р а д ж - б е к. Да... да, так и есть!

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и. В ночь, когда был убит принц, этого Мурадали видели близ его двора... Можно подумать, что Сеид Гусейн – террорист, посланный южными азербайджанцами, чтобы убить бывшего правителя Тавриза – принца!

Ф а р а д ж - б е к. Да... да, так и есть!

М и х а й л о в (*гневно*). Фарадж-бек, помолчите!

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и (*Михайлову*). И вы помолчите, сударь.

З а х и р - б е к. С другой стороны, господин полковник, разве не странно само по себе, что внучка Ибрагим-хана, дочь Мехтигулу-хана выходит замуж за голодранца из Южного Азербайджана? Эта жуткая история возмутила все наше бекство. А какие дерзкие речи против престола и короны произносил этот Сеид Гусейн, я вам докладывал. Я в тревоге за свою нацию, господин полковник, нас могут скомпрометировать в глазах государя императора.

Ф а р а д ж - б е к. Да... да, так и есть!

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и (*вставая*). Хорошо, господин Захир-бек, мы должны идти встречать его превосходительство наместника, прибывающего в связи с убийством принца. Будьте уверены, что мы, как и прежде, ценим вашу службу.

З а х и р - б е к. Я всецело предан его императорскому величеству.

Н а ч а л ь н и к к р е п о с т и. Прошу вас вон в ту дверь.

Захир-бек (*с низким поклоном*). Понимаю. (*Выходит.*)

Начальник крепости. Сергей, ты записал, что говорил этот графоман?

Михайлов. Записал. Но этот субъект, помимо того, что графоман, еще и продажная тварь. Мусульмане об этом знают.

Начальник крепости. Что нам до того, что Захир-бек – бездарный поэт и что мусульмане им недовольны? Зато он участник меджлиса ханской дочери. Не так ли, господин Фарадж?

Фарадж-бек. Да... да, так и есть!

Михайлов. Иван Петрович, я не верю тому, что говорил такой мерзкий доносчик о меджлисах, о Хуршудбану и ее муже Сеид Гусейне!

Начальник крепости. Отчего же! Или ты знаешь азербайджанцев лучше, чем их собственные беки? (*С раздражением.*) Кто тебя уполномочил защищать этих разбойников-туземцев?

Михайлов. Они не туземцы, Иван Петрович!

Начальник крепости. Послушай, капитан! Хотя ты и кузен моей жены, не забывай, что ты присягал императору!

Михайлов. Это не значит, что я должен быть слепым. Должна же быть хоть какая-то справедливость!

Начальник крепости. А почему ты решил, что мы хотим быть несправедливыми? Мы только охраняем здесь власть и престиж государя. Разве тебе это непонятно?

Михайлов (*глубоко вздохнув*). Понятно!

Свет гаснет.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Имение Хуршудбану. Хуршудбану, Мирза Рухулла, Сеид Гусейн.

Сеид Гусейн. Бану-беим, если бы у Мурадали было такое намерение, я бы знал.

Хуршудбану. Но как же получилось, что Мурадали не доложил нам, куда уходит?

Сеид Гусейн. Это и для меня загадка, Бану-беим.

Входят Невваб, Тер Ваган.

Невваб. Бану-беим, мы не можем понять, что это за история? После случая с принцем заместитель начальника крепости Фарадж-бек вызывает по одному членов меджлиса, расспрашивает, выпытывает то, о чем мы и не слышали. Даже угрожает...

Торопливо входит Мамаи.

Мамаи. Бану-беим, вам уже известно?

Хуршудбану. Что именно?

Мамаи. Фарадж-бек вызвал меня, приставил нож к горлу, мол, ты против его величества императора, ты писал: «На родине я одинок...». Я говорю, мол, я имел в виду южных азербайджанцев, а он говорит, нет, ты задевал честь его величества императора.

Мирза Рухулла. Бойся доносок...

Тер Ваган. Фарадж-бек вызвал меня и говорит: «Тер Ваган, ты же православный, почему же ты примыкаешь к этим мусульманским меджлисам? На что хорошее способны мусульмане?». А я сказал: господин начальник, ей-Богу, вот сейчас вы сказали, так я вспомнил, что христианин... (*Смеется.*)

Торопливо входит Дашдамир.

Дашдамир. Бану, пришел Фарадж-бек с двумя полицейскими. Хочет вас видеть.

Хуршудбану. Что? В мой дом с полицией?! (*Кричит.*) Скажи, пусть немедленно убираются вон.

Дашдамир не двигается с места.

Что ты стоишь?

М и р з а Р у х у л л а. Нет, Бану-беим, раз он пришел с полицейскими, он не уйдет по слову Дашдамира.

Х у р ш у д б а н у (*Дашдамиру*). Пусть войдет, но без них.

Дашдамир выходит, Фарадж-бек входит один, кланяется Хуршудбану.

Ф а р а д ж - б е к. Ханской дочери Хуршудбану – почет и уважение.

Х у р ш у д б а н у. По какому праву вы пришли в мой дом с полицией?

Ф а р а д ж - б е к. Бану-беим! Если бы положение не вынуждало, конечно, я бы никогда не осмелился. Но... Именно из глубокого уважения к вам я не послал к вам чиновника низшего ранга и пришел лично сам... Да... да...

Х у р ш у д б а н у. О... какая деликатность... А зачем вы пришли?

Ф а р а д ж - б е к. Увы... Именем государя императора я должен арестовать Сеид Гусейна... Да... да...

Х у р ш у д б а н у. За что?

Ф а р а д ж - б е к. Прошу прощения, этого сейчас я вам сказать не могу. Да... да... но Сеид Гусейн должен уйти с нами.

Х у р ш у д б а н у. Поскольку Сеид Гусейн ни в чем не виноват, он никуда не пойдет!

Ф а р а д ж - б е к. Я имел честь сообщить вам, что действую именем его императорского величества.

Х у р ш у д б а н у (*гневно*). Я – дочь хана! А Сеид Гусейн – мой муж, вы не смеее его арестовывать!

Ф а р а д ж - б е к. Есть распоряжение прокурора об аресте Сеид Гусейна.

Х у р ш у д б а н у. Я сказала, он никуда не пойдет!

С е и д Г у с е й н (*вставая*). Бану-беим...

Х у р ш у д б а н у (*так же гневно Сеид Гусейну*). Постой! (*Фарадж-беку*.) Это дворец Мехтигулу-хана!

Ф а р а д ж - б е к. Простите, Бану-беим... И... и... не вынуждайте меня применить силу...

Х у р ш у д б а н у (*в гневе, близком к помешательству*). Что? Что?

Подойдя к Фарадж-беку, дает ему пощечину.

Убирайтесь! Сейчас же! Сию минуту!

Ф а р а д ж - б е к (*не может прийти в себя от удивления*). Вы с ума сошли?

Х у р ш у д б а н у (*кричит*). Вон отсюда, я сказала! (*Делает угрожающее движение. Фарадж-бек со странной тупостью поворачивается и поспешно выходит.*) Подлецы!

Н е в в а б. Молодец, Бану-беим. Пусть история видит, что поэта тоже может постоять за себя.

Т е р В а г а н. Оскорблять поэта – значит, оскорблять поэзию.

М и р з а Р у х у л л а. Оскорблять поэта – значит оскорблять весь народ.

С е и д Г у с е й н (*решительно*). Бану-беим, они от меня не отстанут. Поэтому я сам пойду и узнаю, в чем моя вина? Если не вернусь, тогда уж... До свидания, господа!

Быстро выходит. Тяжелая пауза. Вдруг Бану звонит в колокольчик.

Входит Дашдамир.

Х у р ш у д б а н у (*Дашдамиру*). Карету мне, быстро!

Дашдамир выходит.

Господа, я должна сейчас же ехать к наместнику.

Свет гаснет.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Кабинет начальника крепости. Прибывший из Тифлиса наместник и Хуршудбану.

Н а м е с т н и к. Конечно, Фарадж-бек допустил бестактность, явившись к вам во дворец с жандармами. *(Шутливо.)* И вы недурно его наказали. Но, любезная Бану, о причастности вашего супруга к убийству свидетельствуют нам мусульмане, а не жандармы, и даже люди из вашего окружения.

Х у р ш у д б а н у. Ах, князь, мой муж – честный человек. Он никогда не унижится до тайного злодейства.

Н а м е с т н и к. Я не говорю, что не верю вам. Но, чтобы убедить его величество в несправедливости подозрений *(с намеком)*, надо все расследовать... Шах обвиняет нас Бог знает в чем, хотя в душе рад смерти претендента на престол.

Х у р ш у д б а н у. Чтобы доказать нашу непричастность к этому делу, разве нужно специальное расследование? Мы ни в чем не замешаны.

Н а м е с т н и к *(осторожно)*. Все будет досконально изучено. Между тем у нас есть сведения о нелояльности ваших близких по отношению к русскому престолу. И это тоже ложное обвинение, Бану-беим?

Х у р ш у д б а н у. Мы хотим, чтобы южные азербайджанцы освободились от гнета иранских шахов. Мы хотим соединиться со своими братьями по крови. Мы знаем и то, что, уничтожая убийц по одному, не сможем достичь этой великой цели, а на большое сражение у нас не хватает сил... никто нам не помогает... и Петербург, увы, тоже.

Н а м е с т н и к. Я вас понимаю, Бану-беим. К великому сожалению, в нынешних условиях государь император ничем не может вам помочь. Однако, говорят, что у вас тут вообще много толкуют о так называемой политической свободе и чуть ли не о республиканском правлении.

Х у р ш у д б а н у. Речь идет, князь, о свободе личности, совести. Если народ – не хозяин своей судьбы, что станет с гением народным?

Н а м е с т н и к. Вы тонкая поэтесса, Бану-беим, и не знаете оборотной стороны жизни. Народ, кажется вам, состоит из ангелов, летающих на цветных облаках.

Х у р ш у д б а н у. Князь! Я – дочь хана и убеждена, что, если бы не было предателей и притеснителей, вы бы тоже увидели, что трудовой народ чист душою! Меня выводит из себя то, что влияние двурушников и доносчиков перевешивает мнение талантливых, честных, мужественных людей, князь!

Н а м е с т н и к *(со вздохом)*. Признаю, что в ваших словах сквозит истина. Но когда люди увидят ее торжество? Об этом судить не берусь. *(Пауза.)* Я постараюсь добиться освобождения хотя бы вашего супруга Сеид Гусейна. Государь вас любит.

Х у р ш у д б а н у *(вставая)*. Князь! Я пришла просить не только за своего мужа. Я хочу, чтобы убийство принца не бросило тень на Азербайджан!

Н а м е с т н и к. Вы можете быть уверены в моем беспристрастии, любезная Хуршудбану.

Хуршудбану наклоняет голову и выходит. Свет гаснет.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Имение Хуршудбану. Когда загорается свет, Хуршудбану, Мирза Рухулла, Невваб, Мамаи, Тер Ваган, войдя в боковую дверь, встречаются с взволнованным Захир-беком.

З а х и р - б е к. Салам, господа. Я ездил в Гянджу. Только вышел из фаэтона – мне говорят, нескольких наших людей, даже Сеид Гусейна арестовали. Что же делается, родные? В чем их вина, несчастных?

Х у р ш у д б а н у *(нервно)*. Не причитайте! Несчастные – это те, кто оклеветал их!

Входят взволнованные Мехнат и Шахмар.

Ш а х м а р. Идаят-хан натворил бед, Бану-беим!

Х у р ш у д б а н у. Что случилось?

М е х н а т. Управляющий хана с несколькими всадниками разрушили наш канал в Мильской степи, прогнали и избили рабочих. А молодого инженера чуть не убили. Народ еле вырвал его из рук людей хана.

Ш а х м а р. Из-за того, что он твой двоюродный брат, у нас руки связаны, Бану-беим. А так взял бы я винтовку, вскочил на коня...

Х у р ш у д б а н у. Нет у меня двоюродного брата! Идаят-хан – чужой и мне, и этой земле, на которой мы стоим! *(Кричит.)* Он – враг! Я – дочь хана Хуршудбану не верю больше в честь своего сословия, вы слышите, не верю! С этой минуты я им чужая!

Входит Михайлов.

М и х а й л о в *(поклонившись Хуршудбану)*. Прошу прощения, Бану-беим. Я подал в отставку и через час отправляюсь в путь. Но за время жизни здесь я видел от вашего народа такое искреннее уважение и любовь, что совесть не позволила мне уехать, не открыв вам имя клеветника, который виновен в недавних арестах.

Г о л о с а. Кто этот предатель?!

М и х а й л о в. Этот предатель здесь, стоит перед вами. *(Показывает на Захир-бека.)*

З а х и р - б е к *(кричит)*. Господин капитан!

М и х а й л о в. К вашим услугам, сударь! Если вы хотите вызвать меня на поединок, я могу отложить свой отъезд!

Н е в в а б. Господин офицер, он не посмеет вызвать вас на дуэль. Если бы у него было мужество, он не возводил бы на своих сограждан такую низкую клевету.

М и р з а Р у х у л л а. Я давно чувствовал, что этот поэт-бек – продажная шкура.

Ш а х м а р *(кричит)*. Довольно мы натерпелись от них!

Выхватив кинжал, Шахмар пытается ударить Захир-бека.
Захир-бек убегает, скрывается за людьми.

Х у р ш у д б а н у. Удержите его!

Мехнат хватает Шахмара. Останавливает. Общее молчание.

Ш а х м а р *(кричит)*. Мерзавцы! Слушай, Мехнат, пока не остыл, дай убью этого сукина сына!

Х у р ш у д б а н у. Его убьешь – появится другой Захир-бек!

З а х и р - б е к. Вы враги ислама! Слышите? Вы его враги! *(Уходит.)*

Х у р ш у д б а н у. Эти господа до сих пор не могут отличить нацию от религии.

Входит Идаят-хан, и, увидев его, все, кроме Хуршудбану,
уходят со сцены.

И д а я т - х а н. Салам, сестрица.

Хуршудбану молчит.

И д а я т - х а н. Молчишь... А у меня сердце не выдержало, я снова пришел.

Х у р ш у д б а н у. Что же случилось? Или ты расчувствовался, разрушив мой канал?

И д а я т - х а н. Нет, сестрица... Меня расстраивает твоя судьба.

Х у р ш у д б а н у. О... неужели?

И д а я т - х а н. Не надо иронии, Бану. И без того колесо истории крутится против нас. Ханство ушло, большей части владений мы лишились. В краю храброго Панах-хана остались только мы двое. А ты вон что творишь. Говорят, теперь ты отказываешься от отцовского наследия, от своих сел. Зачем ты это делаешь, Бану? Нас знает сам царь. Почему ты роняешь нас в его глазах? Почему кладешь под ноги всякой швали честь наших дедов – карабахских ханов? Бану! Сестра! Что было – минуло. Но довольно из-за пустых мечтаний срамить и себя и нас. Ну что тебе за дело до политики, почему ты лезешь вон из кожи, заклиная «народ, народ»?

Х у р ш у д б а н у. Я ни в чем не раскаиваюсь. Если бы я пришла в мир вторично, то снова пошла бы этим путем.

И д а я т - х а н. Это твое окончательное слово?

Х у р ш у д б а н у. Окончательное!

И д а я т - х а н *(встает)*. Пусть Аллах единый знает, что я хотел вытянуть тебя из омота, но ты на это не согласилась!

Х у р ш у д б а н у. Если бы вы думали о том, чтобы вытащить людей из омота, вам бы хоть раз вспомнились азербайджанцы, задыхающиеся на той стороне Аракса!

Входит Дашдамир.

Д а ш д а м и р. Вам письмо, Бану-беим. *(Вручает письмо, выходит.)*
И д а я т - х а н. Жаль тебя, Бану! Прощай! *(Глубоко вздохнув, уходит.)*

Бану взволнованно вскрывает письмо, читает. Голубой свет прожектора по направлению ее взгляда падает на князя Хасая, который что-то пишет, и мы слышим его голос:

«Итак, все погибло, Бану. Теперь меня сослали в эту даль. Конца заколдованному кругу не видно. Я не хочу больше ползать, Бану. Полагаю, что и ты бы не согласилась на это. Прощай, Бану. Хотя ты держись крепче, Бану!». Вложив письмо в конверт, он встает, берет пистолет, приставляет к сердцу, и в момент выстрела кружок света, освещающий князя, переметнулся на Бану, и Бану, устремив взгляд в ту сторону, в ужасе вскрикивает.

Х у р ш у д б а н у. Князь!

Входит взволнованный Мирза Рухулла.

М и р з а Р у х у л л а. Почему вы зовете князя, Бану?
Х у р ш у д б а н у *(придя в себя)*. Что это был за выстрел, Мирза?
М и р з а Р у х у л л а. Идаят-хан выстрелил из пистолета в сороку.
Х у р ш у д б а н у. Убил?
М и р з а Р у х у л л а. Убил!
Х у р ш у д б а н у. Зачем он стрелял? Ведь говорят, эта птица приносит хорошие вести.
М и р з а Р у х у л л а. Он явился на свет, чтобы убивать хорошие вести.
Х у р ш у д б а н у. Мирза, пошлите-ка сюда Дашдамира с Беим.

Мирза Рухулла выходит. Тяжкая пауза. Музыка. Входят Дашдамир и Беим.

Х у р ш у д б а н у. Уже больше трех лет вы служите в моем дворце. Мне известно, что вы любите друг друга. Пришло время вам создать семью. С этого дня я вас освобождаю. *(Вынув из ящика стола два мешочка денег, вручает каждому по одному.)*

Б е и м. Ой, Бану-беим, я хочу до самой смерти служить вам.

Х у р ш у д б а н у. Мне больше не нужны слуги, Беим. Идите и живите достойно. *(С волнением.)* Идите, скажите сельчанам, что они больше не будут платить мне налоги. У дочери хана Хуршудбану больше нет подданных! Скажите, что я, Хуршудбану Натаван, пойду по этим трудным дорогам вместе с ними! И еще скажите, что в конце этих обрывистых дорог ждет нас обретший свое национальное единство свободный Азербайджан!

Музыка. Занавес медленно закрывается.

Рассказы

НЕОЖИДАННАЯ ЛЮБОВЬ

Шел четвертый день университетских занятий. В вестибюле молча стояли молодой человек и пожилая женщина. Высокая, широкоплечая, она была одета в длинную черную шерстяную юбку и архалук*. Ее черные, подведенные сурьюмою глаза смотрели отрешенно. На загорелом лице застыло выражение озабоченности. Ни на кого не глядя, задумавшись, она курила чубук. Молодой человек, стоявший подле нее, был со вкусом одет, но очень некрасив. Все лицо его изуродовано оспой, нос приплюснут, губы выпячены, жесткие с каким-то сероватым оттенком волосы, острым углом вырисовываясь на лбу, свисали чуть ли не до самого носа.

К ним подошел кто-то из работников института.

– Ректор уже здесь.

– Экзамены закончены, тетушка, мест нет, – сказал ректор, взглянув на женщину.

– Сделай что-нибудь, да падет на меня твое горе... Мы издалека. Потому и опоздали, – сухо попросила женщина, но в голосе зазвучали повелительные нотки. – Он зеница очей моих, из семи сыновей один только этот остался...

Лицо ее помрачнело. Длинные широкие брови сдвинулись, выражая угрюмую озабоченность. Глубоко затянувшись дымом, она умолкла. Молодой человек, стоя у окна, безразлично смотрел на улицу.

Ко всеобщему удивлению, он блестяще сдал экзамены и поступил на математический факультет, в нашу группу. Он вел себя очень скромно, пожалуй, даже строго, и быстро покорила всех нас своими необыкновенными талантами. Он был самым сильным математиком, самым лучшим радистом. В одновременном сеансе шахматной игры на сорока досках с лучшими шахматистами университета он всегда выигрывал 90-95 процентов партий. Все наши преподаватели, все профессора поражались его красноречию и ораторским способностям. Но и этим не ограничивались его способности. Он прослыл одним из самых лучших снайперов – первые призы в тирах принадлежали ему. Авторитет его был непререкаем. Он лучше всех одевался, ходил с гордо поднятой головой, в театре неизменно сидел в первых рядах. Ему очень нравилось тратить деньги. Если кто-то из друзей пытался за что-либо заплатить, он огорчался и так весело и решительно восклицал: «Только за мой счет!», что отказать ему было что обидеть. Будь у вас самое скверное настроение, в его присутствии на душе становилось легко и радостно. Неиссякаемая бодрость этого юноши многих озадачивала. Ведь, казалось бы, подчиняясь приговору судьбы, он никогда не должен был глядеться в зеркало и веселиться...

В университете все, начиная со студентов, кончая преподавателями кафедры военного дела, видели его исключительные способности и верили в него. Лишь один человек относился к нему как-то странно. Это была Гюляра, студентка нашей группы. Красота ее поражала столь же сильно, как и уродство Гасана. Огромные черные глаза горели беспредельной смелостью, с красиво очерченных губ не сходила сияющая улыбка. Когда она, гордо подняв голову, как бы проплывала мимо нас, ни на кого не глядя, все студенты смотрели ей вслед.

В сердце этой девушки жило неиссякаемое стремление всегда и во всем быть первой. Когда другой объяснял ей что-нибудь непонятное или Гасан раньше всех в аудитории решал задачу, девушка мучилась, краснела, а иногда, не в силах сдержаться, начинала плакать, как маленький ребенок. Она не могла смириться с превосходством Гасана. Должен сказать, что из всех нас один лишь Гасан мог соревноваться с этой девушкой. Но если Гюляре ее победы доставались ценою огромных усилий, то Гасан легко, без всякого труда, оставлял всех позади.

Помню, как однажды, во время весенних экзаменов, Гасан в пять минут покончил с задачей, над которой Гюляра промучилась чуть ли не час, да так и не смогла решить. Бросив на Гасана беспощадный взгляд, полный гнева и злобы, она раскрошила в руках мел. Часто Гюляра выискивала где-то необыкновенно трудные задачи, над которыми мы безуспешно ломали головы. Но Гасан преспокойно находил решение. Тогда девушка, глубоко вздохнув, прикусывала нижнюю губу и, ни на кого не глядя, уходила.

Во время занятий я чувствовал, что внимание ее отдано вовсе не профессору. Опершись подбородком на руку, она незаметно разглядывала Гасана: его одежду, галстук, волосы, следила за каждым его движением. Но я ни разу не видел, чтобы Гасан посмотрел на Гюляру. И хотя он был веселым человеком, любил пошутить, он никогда не говорил об этой девушке, не отвечал на ее колкие шутки. Если кто-нибудь заводил порою речь о ее красоте, Гасан сразу мрачнел и резко менял тему разговора. Однажды, во время стрелковых занятий в тире, Гюляра набрала сорок четыре очка из пятидесяти возможных и стала претендентом на первое место. Успех ее поразил товарищей-студентов. Но вот, откуда ни возьмись, появился Гасан. Озадаченное молчание сменилось вдруг шумным воодушевлением.

– Остался один Гасан... Посмотрим!.. Гасан, бери винтовку! – слышалось отовсюду. Студенты, тайком от Гюляры, подмигивали друг другу. Девушка с улыбкой смотрела на Гасана. Каждый раз, когда, подняв винтовку к плечу, он прицеливался, губы Гюляры чуть вздрагивали. Ее грудь часто-часто вздымалась под тонким платьем. После четвертого выстрела у Гасана было тридцать пять очков. Наступила глубокая тишина. Видимо, ему уже было не набрать больше сорока четырех очков. Лицо Гюляры чуть посветлело, глаза сияли веселым возбуждением. Она не могла устоять на месте, ходила из угла в угол. Если говорить откровенно, я тоже начал подбадривать Гасана. Это, кажется, немного задело моего друга. Он с мягким упреком посмотрел на меня и, мгновенно прицелившись, выстрелил.

– Ура!!! – хором крикнули мы. Пуля угодила прямо в десятку. Странно, победа Гасана над Гюлярой, казалось, всем пришлось по душе. Всех охватила радость. Гюляра, будто не замечая иронического гула, со странной улыбкой смотрела на Гасана. Никогда не забуду этого взгляда. Он выражал столько нежных чувств... невозможно передать их словами. Печальная и нежная улыбка красивой девушки, ее глаза, полные слез, говорили о душевном смятении, о надломленности невинной девичьей души. Я почувствовал всю горечь поражения юной гордости. Все с иронией смотрели на девушку, на затеплившуюся вдруг лаской нежную ее улыбку. Они, казалось, хотели спросить: «Ну, что скажешь теперь?» Они вели себя так, будто бедная девушка была виновата в уродливости Гасана.

Я впервые уловил в этом незабываемом ее взгляде какой-то нежный сладостный трепет. Не знаю, как назвать это чувство, подобное дуновению ветерка. Было то снисхождение, жалость или любовь к моему некрасивому другу... Но мне было радостно видеть этот взгляд, хотя его выражение и обидело меня чем-то. Может быть, ей хотелось видеть перед собой не этого отважного, но уродливого молодого человека, а красивого юношу? Она, наверное, сожалела о том, что это не так... Кто знает, может быть, светлые чувства, охватившие ее душу, будто черной тучей, окутаны призраком его уродства... Может быть, эта юная девушка мучается, стараясь отогнать от души своей эту уродливую тучу, – думал я.

Гасан подошел к ней и сказал, не поднимая глаз:

– Не смущайся, Гюляра, это произошло случайно.

Гюляра слегка повернула голову. С улыбкой сострадания, смешанного с какой-то непередаваемой иронией, девушка спросила: «Правда?»...

Ничего не ответив, Гасан молча ушел.

Это произошло весной, когда мы учились на третьем курсе.

С того дня в поведении Гасана произошла резкая перемена. Он стал холодным, спокойным, задумчивым. Незаметно входил в аудиторию, садился на свое место и, как только занятия заканчивались, куда-то уходил. Можно, пожалуй, сказать, что он ни с кем не разговаривал.

Гюляра тоже совершенно изменилась за последнее время. Печаль и ласка были в ее взгляде. Она стала рассеянной, не стремилась уже, как раньше, быть везде первой.

Я чувствовал, что, несмотря на упорное стремление Гасана избегать ее, Гюляра всегда ищет повод заговорить с ним. Порою она делала вид, будто не может сама решить задачу, и призывала Гасана на помощь, старалась развеселить его своими шутками...

Нам, их близким товарищам, все это казалось странным. Мы удивленно спрашивали друг у друга: «Что бы это могло означать?» Когда Гасан спокойно, ласково и очень ясно объяснял вопрос, который все мы бессильны были решить сами, огромные глаза Гюляры сверкали, на губах ее появлялась мягкая улыбка... Не совсем равнодушная прежде к красивым молодым людям Гюляра теперь не обращала внимания ни на одного из них.

Однажды, во время урока физкультуры, когда Гасан, быстрее всех пробежав пять километров, сорвал ленточку финиша, Гюляра, любуясь им, как бы про себя прошептала: «Вот это настоящий мужчина». Но тут же, взглянув на его красное, потное лицо, взъерошенные волосы, брезгливо отвернулась. Она смяла цветок, который держала в руке, раскрошила лепестки и бросила на землю. Мне показалось, что она вот-вот разрыдается...

Я подумал: «Туча уродства»...

Однажды, когда мы вместе выходили из парикмахерской, Гасан сказал, мельком глянув в зеркало:

– Эх, Багадур, почему я родился таким уродом?

Голос его дрогнул.

Впервые я ощутил его страшную муку.

Душа молодого человека, сильная, мужественная, билась, зажатая в тисках чувства. У меня заныло сердце.

Я долго молчал, не зная, что сказать ему. Наконец промолвил:

– Э, Гасан, о каких пустяках ты думаешь!

Он улыбнулся... Ах, если бы вы видели, какая глубокая безнадежная печаль была в его взгляде!

– Что поделаешь, Багадур... Я тоже человек... У меня тоже есть сердце, – проговорил он.

Мне стало не по себе от этих слов.

– Пойдем ко мне, – попросил он, – мне тяжело, посидим немного вместе.

Пошли к нему. В открытое окно виднелись зеленые сады, чуть трепетали светло-зеленые легкие листья тополей и ив. Безоблачный небосвод поглощал бледные лучи заходящего солнца. В воздухе разливалась приятная прохлада.

Гасан смотрел в окно, прижавшись щекой к стеклу. Его некрасивое лицо выражало тихую печаль. Она будто сливалась с прохладной тенью листвы, казалась вечной и естественной. Будто душа его – бездонное море печали...

– Почему ты стал таким, Гасан? – спросил я.

Затаенная грусть отразилась на его лице. Взгляд устремился вдаль.

– Каким же, по-твоему, я должен быть? – спросил он.

– Веселым, как прежде... – ответил я.

Он удивленно посмотрел на меня. Глаза сверкнули гневом.

– Ты и в самом деле так думаешь? – спросил он. – Разве я мало веселился до сих пор, не имея на это никакого права?

– О чем ты толкуешь, Гасан? – сказал я. – Да ты окончательно свихнулся. Эти слова совсем не идут тебе.

– К сожалению, они верны. Это не пессимизм, друг мой, это правда! – Он повел рукою, показывая на открывавшийся за окном простор. – Видишь? Все в этом мире прекрасно. Каждое живое существо демонстрирует свою внешнюю красоту. Странно, посмотри на эту птичку, вот она села на ветку! Ишь, как выпятила свою грудку, будто хочет сказать: «Обратите, пожалуйста, внимание... Вот, какая у меня пестрая грудка...»

– Ну, и что же из этого? – спросил я.

Глубоко вздохнув, он посмотрел в зеркало. С ненавистью скривил губы.

– Я хочу сказать – кому нужен такой урод?

– Но неужели вся жизнь заключена только в красивых лицах?

– Не-е-е-т... – протянул он и задумался.

Прохладный ветерок ласкал мое лицо, откуда-то издалека в нашу сторону плыл кусочек белого облака; медленно покачивались зеленые ветви... чувство блаженства охватывало душу.

– Я знаю, что счастье не только в красоте, – продолжал он уже спокойно, – но что поделаешь, человек остается человеком. Это живое существо тоже хочет любить и быть любимым. Как бы ни была сильна воля, эта потребность сжигает тебя. Удовлетворить ее – разве не в этом смысл жизни, дорога в будущее? Но горе тому, кто не считает себя вправе вступить на этот путь... Тогда... – вздохнув, он дернулся, будто от боли, – чувствуешь себя закатым где-то в углу жизни, бессмысленно барахтающимся... Друг мой, ты, может быть, станешь сейчас осуждать меня... Будешь говорить, что существует и другое счастье. Это, конечно, так. Но подумай хорошенько: может ли кто-нибудь отрицать живую естественную страсть человеческой души? Допустим на миг, что можно, можно отрицать. Но что скажет на это само сердце? Огороженная таким уродливым лицом душа ни с чем не желает соглашаться... Не могу же я объяснить ей: подумай, дорогая, ты только представь себе, что твой внешний вид поуродливее Квзимодо. Успокойся! Но кому ты говоришь... Ведь чувствуешь, знаешь, что твоя бедная душа тоже жаждет любви. Она тоже хочет кипеть и бурлить... А ты смотришь на свое отвратительное лицо, и тебе становится стыдно за эту смешную потребность души.

Бедный Гасан улыбнулся страдальческой улыбкой. Взгляд его устремился к трепещущим листьям липам. Солнце угасало. Листья становились темно-зелеными, клочья облаков постепенно темнели на небе.

– Не знаю, как все это взбрело тебе в голову? Ты был раньше таким веселым...

– Меня оскорбили. Ранили мое самолюбие. Разбредили мою душу бесплодными, пустыми надеждами.

С этими словами он положил передо мною маленький конверт.

– Поклянись честью, что никогда никому ни слова не скажешь об этом, – волнуясь, он заглянул мне в глаза.

– Будь спокоен. – Я открыл конверт. Вот что было написано в письме тонким, нежным почерком:

«Гасан! Пишу это письмо после долгой внутренней борьбы. Я надеюсь, что оно не покажется странным Вам, человеку, который не остановится перед какими бы то ни было трудностями. И это отрадно мне. Мне не удалось устоять перед благородством и широтой вашей души, и я нахожу утешение хотя бы в том, что Вы не станете упрекать меня. Будь у меня хоть немного воли, быть может, я и не написала бы Вам. Беспокойство, которое я впервые ощутила в своей душе, сначала испугало меня... Я долго не могла разобраться в своих чувствах, долго не осмеливалась признаться себе, что это похоже на любовь. Когда Ваша широкая душа влекла меня к себе, точно сладкий сон, я ногтями раздираю свою грудь и горько плакала. Надеюсь, что Вы не станете раздумывать о чувствах, привязавших меня к вам... Я уверена, что Вы не подумаете обо мне плохо. Ваша благородная душа для меня дороже всего на свете. Не откажите мне в ней, Гасан!»

В конце письма я увидел выведенное неровным почерком имя «Гюляра» и не мог поверить своим глазам. Стараясь скрыть удивление, я сказал:

– Хорошо... Но при чем же здесь оскорбление?..

Он посмотрел на меня с горькой усмешкой.

– Неужели не понимаешь?

– Ну, и что же? Будь я девушкой, я тоже не прошел бы мимо такого парня, как ты.

– Ну да... А куда девать эту морду?.. Нет! Я не понимаю такой любви. Какая это любовь! Она не промахнулась, ранила меня в самое больное место! Читай вот: «Полагаю, что вы не станете раздумывать о чувствах, привязавших меня к вам...» Неужели ты не разглядел здесь намека? Ей хочется увидеть торжество своей красоты. Она желает набрать пятьдесят очков против моих сорока шести... Как ты думаешь? Может она меня полюбит? Скажи честно, какая девушка способна смотреть на меня без отвращения? Ах, человеческая природа... Какая же ты странная! Для чего ей понадобилось наносить такой удар и без того обиженному человеку?

Его голос прозвучал так мягко, будто нежная музыка сменила полные тревоги аккорды, и вдруг замолк. Я подумал, что Гасан прав, пожалуй, в своих подозрениях. И в самом деле, любовь такой девушки, как Гюляра, могла показаться ему странной. Это подозрение еще больше усилилось, когда я припомнил, какой горячкой еще недавно была Гюляра.

Но кто может понять тайны женской души?..

– Дорогой друг! – добавил он. – Не упрекай меня в пессимизме. Я с детства ненавижу нытиков. Когда мне было пять лет, у меня на глазах зверски растерзали шестерых братьев и отца. Год за годом я видел, как моя мать за кусок хлеба стирала людям белье. Восемилетним малышом, босой, в холод и выюгу я пас чужих ягнят. Я познал голод. Но моя душа не поддавалась печали... А теперь... – он немного помолчал, на лице его отразилась страшная мука. – А теперь у меня не хватает воли, чтобы победить эту бушующую в груди печаль... Эх!.. – тряхнув головой, он взглянул на качающуюся перед окном ветку ивы.

– Если бы ты разрешил... Я поговорю с девушкой...

Задумавшись, он не ответил.

Я встретил Гюляру в вестибюле и поздоровался с ней. Вскоре мы заговорили о Гасане. Она с любопытством спросила:

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу знать это правда, что вы любите его?

Лицо ее стало строгим.

– Ему я уже сказала об этом. Если и вы хотите знать... Да, люблю!

– Значит, от души?

– Странный вопрос! Неужели бывает любовь не от души?

– Может быть... Не знаю... Вы... Как-то...

Она нетерпеливо прервала меня:

– Прошу вас, не думайте ничего плохого. Я понимаю ваши сомнения. Но неужто любви нужны одни лишь прекрасные глаза – и только?

Ее губы дрогнули в горькой усмешке.

– Мне кажется, – сказал я, – это можно принять и за великодушие.

Она возразила со слезами в голосе:

– Но почему, почему вы так думаете? Каким бы благородным ни было чувство великодушия, не забывайте, что нужно шадить самолюбие человека. Разве пристало унижать его достоинство жалким великодушием? Нет, подобная «романтика» не нужна ни ему, ни мне.

Последние слова она произнесла рассеянно, как бы про себя. В это время в дверях показался Гасан, рядом с красивым студентом. Взгляд девушки, холодно и безразлично скользнув по лицу красивого молодого человека, надолго задержался на Гасане. В этом взгляде, вместе с уважением и любовью, читалось еще какое-то чувство. Мне трудно определить, что это было за чувство. Но иногда в подобном взгляде светится любовь, обессилевшая от жалости и сострадания. Ее свет кажется таким же мягким и нежным, как лучи заходящего солнца. Глаза и губы матери, глядящей на своего искалеченного сына, хранят такое выражение. Может быть, девушка не осмелилась бы выразить словами это чувство, тихо горевшее в глубине ее души.

Гасан снова не поверил ей. Я никогда не мог бы представить себе, что чувство недоверия может обладать такой огромной силой.

Он нервно расхаживал по комнате и теребил свои волосы.

– Это неправда... Неправда... Зачем понадобилось этой красивой девушке забавляться моей трагедией... К чему?

Через несколько дней нас отпустили на летние каникулы. Когда мы расставались, в его глазах показались слезы.

– Не забывай меня, – сказал он.

К осени Гасан не вернулся. Позже мы узнали, что он перевелся в Московский Университет. Гюляра похудела, притихла, она стала нервной. Мы почти не разговаривали, почему-то стеснялись друг друга. После выпускных экзаменов я потерял ее из виду.

Года через четыре после окончания университета я шел как-то по улице. Вдруг кто-то схватил меня за руку.

Я обернулся.

– Гасан!

Мы обнялись. Он стал еще выше ростом, пополнел. Богатырь, да и только!

Лицо его уже не казалось таким некрасивым, как прежде. По своему обыкновению Гасан был великолепно одет.

– Пойдем к нам, – сказал он.

По дороге я узнал, что он доцент кафедры математики в университете. Дверь открыла хорошо одетая пожилая русская женщина. Красивый черноглазый мальчик лет трех-четырёх, с шумом выбежав из комнаты, крикнул «папа»! – и обнял колени Гасана. Увидев малыша, я сказал:

– Значит, у тебя есть даже такой герой?

Из другой комнаты вышла мать Гасана. Поздоровалась. Ее величественная наружность, пожалуй, совсем не изменилась за эти годы. Только в одежде произошли небольшие перемены. На ней не было архалука. Вместо чубука она держала длинную папироску.

– Здесь живете, тетушка? – спросил я.

– Нет, – ответила она. – Приехала повидать детей.

Подозвав к себе внука, она погладила его по головке своими костлявыми, загоревшими на солнце руками. На лице ее светилась ласковая улыбка.

Острое, волнуемое любопытство целиком овладело мною. Мысль о том, что я увижу жену Гасана, наполнила меня каким-то странным смешанным чувством страха и стыда... Странно... Мне казалось, что Гасану будет неловко, когда я увижу его жену.

Мне вдруг захотелось поскорее уйти. Но в это время раздался звонок. С криком: – Пришла моя мама! – малыш помчался к двери.

Высокая, стройная, светлая, красивая молодая женщина с улыбкой подошла ко мне.

Это была Гюляра.

УНЕСЛИ ВОДЫ САРУ...

(*Легенда*)

Когда смерть распростерла над Гюльнар свои крылья, больная позвала к себе Солтана, поцеловала его в глаза...

– Я ухажу, милый, – сказала Гюльнар, – не горюй. Так уж устроен этот старый мир с первых своих дней. Знаю, ты женишься, ты ведь молод. Только береги мою Сару. Пусть она не чувствует, что у нее мачеха. Если она будет счастлива, приходи ко мне на могилу... расскажи об этом.

Беспредельно было горе Солтана. Шли годы, волосы его тронула седина, но он не женился. Он всей душой привязался к девочке, которая была для него единственной памятью, оставшейся от дорогой Гюльнар.

Кормилицей Сары стала серна с белым пятном на лбу. Отец никому не доверял дочку. Посадив ее себе на спину, он уходил пасти овец. Укладывал ее спать на полевых цветах.

Питаясь молоком серны, утоляя жажду прозрачной, чистой, как слезы, водой горных родников, просачивающихся между скалами, она выросла, стала нежной прекрасной девушкой.

Горы восхищались ею. Цветы завидовали ей. Ашуги слагали песни о ее красоте. Юноши, увидев ее, теряли покой. Месяц, выглянув из-за гор, посмотрел на нее, влюбился и начал чахнуть... Солнце хотело затмить красавицу, но, посрамленное, пожелтело и удалилось.

Радовался Солтан, глядя на красавицу-дочку, и постепенно рассеялось его горе.

Сара не отставала от богатырей, подружилась с птицами, завоевала славу на скачках, стала недостижимой в стрельбе из лука.

Аксакалы деревни говорили, сидя в тени у горы, глядя на нее:

– Чудо-красавица...

Молодцы влюблялись в нее, и девушка, наконец, выбрала одного из них. Отдала сердце Ханчабану.

Родилась новая луна, дни стали длиннее.

Пришло время переключать на эйлаги.

Ханчабан играл на свирели на вершине крутой скалы. Рассыпавшиеся по склону горы овцы, казалось, слушают его, опустив головы.

Красавица Мугани Сара, взобравшись на гору, подошла к Ханчабану... С любовью посмотрела она на своего богатыря. Взгляд ее светился тоской. Луна проливала на ее печальное лицо бледный свет.

Чабан играл... А по щекам девушки катились капли жемчуга.

Чабан все играл, играл, и, казалось, весь мир замер, слушая дивную песню.

Девушка обняла шею Ханчабана, положила голову ему на грудь.

– Что с тобой, цветок души моей?

Девушка подняла голову. Грустно-грустно посмотрела на своего возлюбленного и тихо сказала:

– Ты уходишь на эйлаг, дорогой, разлука страшит меня. Сердце говорит мне, что мы не встретимся больше...

Громко рассмеялся юноша, еще крепче обняв любимую.

– Не грусти, родная моя, я вернусь и принесу тебе молочных барашков, вскормленных горными цветами.

Так сказал Ханчабан и, погоняя овец, отправился в путь.

Девушка осталась с отцом на Мугани. Под жарким летним солнцем они косили золотые колосья, такие яркие, будто они вобрали в себя солнечные лучи.

Но однажды небо помрачнело, тучи спрятали солнце: Аракс разгневался, взметнулся на дыбы.

Чужеземный шах напал на их родные края. Ему довелось пройти через Мугань. У вод Аракса он увидел прелестную фею, остановил своего коня и спросил, восхищенный:

– Эй, красавица, чья ты дочь?

Сара устремила на шаха свои смелые черные глаза и гордо ответила:

– Отца моего величают Солтаном!

Шах отдал приказ. Явился Солтан.

Могучий повелитель обратился к нему:
– Пастух, я хочу взять твою дочь себе в жены.
Зашатался старый Солтан, услышав эти слова. Сердце его облилось кровью.
– Шах, – сказал он, – будь милостив, у нее есть возлюбленный!
Шах был милостив.
– Я одарю тебя всеми богатствами мира, старик, – пообещал он.
Солтан ответил с горькой улыбкой:
– Эх, шах! Богатства мира нужны шахам, простым беднякам достаточно и этих свободных полей.
Лицо шаха исказилось от гнева. Показав на девушку, он приказал:
– Хватайте!
Чужие руки обвилились вокруг талии красавицы Мугани Сары. Из уст девушки вырвался отчаянный крик:
– Отец!..
Черные глаза, жаждущие помощи, прикованы к Солтану. Девушка билась в руках врагов. Отец смотрел на мучения дочери, и в душу его будто заползали змеи.
Еще раз раздался душераздирающий страдальческий крик:
– Отец!..
И в это время небеса разверзлись. Ослепительная молния ударила по острой вершине и раскрошила ее. Воды бились о скалы со страшным шумом. Гром гремел в старых ущельях. Содрогнулась Мугань – уводили ее красавицу..
Сама природа подсказывала отцу путь к победе. Подняв руку, старый Солтан воскликнул:
– Погодите! Я хочу сказать слово шаху.
Все на миг остановились.
Тогда отец рывком схватил свое дитя в объятия и бросил в бушующую реку.
Разгневанные волны прижали к груди свою подругу и мигом умчали ее.
Отец посмотрел на шаха со страшной улыбкой.
– Вот это я и хотел сказать, шах!
Промчались дни, пролетели годы, но в сердце народа осталась жить память о красавице Саре.
Девушки Мугани поют, глядя на птиц, улетающих к далеким горам:

Ах, скажите, расскажите Ханчабану,
Чтобы он не возвращался на Мугань:
Стал от крови гордой девушки багряным
Небосклон ее в предутреннюю рань.
Унесла река и скрыла за туманом
Темноокою застенчивую лань.*

ЛУННЫЕ НОЧИ

Приехавший накануне вечером в город К. молодой композитор проснулся очень рано. Какое-то смутное, неопределенное чувство томило его. Быть может, тревожили воспоминания о прошлом... Он поднялся и распахнул окно. Прозрачный утренний ветерок ворвался в комнату, растрепал его каштановые вьющиеся волосы. Из садов еще не ушла разорвавшаяся на клочки ночная тьма. Река, извиваясь поодаль, ослепительно сверкала в лучах только что взошедшего солнца. За рекой, над садами, плыл белый туман. В соседнем садике высокая стройная девушка поливала из лейки чуть распутившиеся розы. Подняв голову, она мельком взглянула на молодого человека. В лице ее была свежесть нераспустившегося бутона. Он будто увидел фиалки, сияющие капельками росы, чувство светлой радости заполнило его сердце.

Девушка еще раз посмотрела на него, быстро взбежала по ступенькам, вошла в комнату и закрыла дверь. Молодой человек улыбнулся чему-то. Он ожидал, что она выйдет еще раз. Но двери больше не открывались.

И снова композитор ощутил в сердце какую-то тяжесть. Он не торопясь умылся, оделся, взял свои документы и отправился в город.

Выйдя из театра, где ему предстояло работать, он медленно зашагал по улице. Повернув за угол, композитор столкнулся с худым, среднего роста человеком, державшим под мышкой портфель. Безразлично взглянув на него, композитор прошел мимо. Тот остановился, глядя ему вслед.

– Сурхай! – крикнул вдруг он.

Композитор обернулся. Человек с портфелем подошел к нему и густым, так не соответствующим его хрупкой внешности голосом спросил, протягивая руку:

– Кажется, не узнаешь?

Композитор несколько секунд внимательно вглядывался в его лицо.

– Керим! Ты? Очень рад, очень рад! – он горячо пожал протянутую руку. – Как ты изменился... Поседел... Рано. Ты, кажется, на год моложе меня, не так ли?

– Какими судьбами? – спросил Керим, не отвечая на его вопрос.

– Работать приехал. А ты что, здесь живешь?

– Здесь.

Сурхай внимательно посмотрел на морщинки, разбегающиеся от углов глаз Керима, на лицо, утратившее свежесть молодости, и снова, теперь уже про себя, повторил: «Как он изменился!»

– А давно ты здесь?

– Уже три года.

– По-прежнему занимаешься химией?

Керим улыбнулся. Его маленькие, острые темно-карие глаза сверкнули.

– Ты, однако, не забыл мою страсть к химии... Вспоминаешь школьную жизнь?

– Еще бы! Будто сейчас вижу, как ты с утра до вечера возишься в химическом кабинете.

– Я помню, как ты пел сейгях и заставлял девчат плакать. А меня вы называли Фаустом, помнишь?

Сурхай посмотрел в синеву бескрайнего неба и печально улыбнулся.

– Помню.

– Иногда жизнь уже с детских лет определяет нашу судьбу. В ту пору мне казалось, что ты родился специально для того, чтобы приводить в трепет сердца красивых девушек... Кстати, чем закончилось твое приключение с Зарифой?

Большие голубые глаза композитора заволочла тень далекой смутной тоски. Он ответил тихо и неохотно:

– Мы давно не видимся. Слышал, что она вышла замуж за какого-то врача, уже пожилого человека.

– Нехорошо ты с ней поступил. Она очень любила тебя. Я и теперь вспоминаю об этом.

Сурхай глубоко вздохнул.

– Что поделаешь, такова судьба!

Керим нахмурился.

– Судьба, судьба! Легче всего сваливать на судьбу...

Они поравнялись с высоким зданием.

– А вот и лаборатория Фауста, – улыбнулся Керим. – Зайдем? Посидим немного. Потом вместе пообедаем.

– Как хочешь.

Они поднялись по лестнице и вошли в большую химическую лабораторию, со множеством стеклянных пробирок, колб, больших посуды с различными химическими растворами; на столах лежали какие-то толстые тома, таблицы, схемы.

У Сурхая защекотало в носу, он спросил:

– Скажи, голова у тебя не болит от этого запаха?

Керим кивком пригласил его сесть и то ли в шутку, то ли всерьез ответил:

– Такова уж судьба. Я привык. – Сурхай дружелюбно улыбнулся.

– Такой же колючий, как и раньше.

– Да. У вас, у музыкантов, очень нежные сердца, они чересчур восприимчивы к колючкам. А для нас это обычное явление. Скажи-ка мне, женился ты или нет?

– Нет, а ты?

Керим самодовольно улыбнулся.

– Кажется, намечается что-то в этом роде.

– Да ну, когда?

– Скоро.

– Вот как! Поздравляю.

Керим нажал кнопку на рабочем столе. В комнату вошла сотрудница.

– Скажите Ширин, если реакция готова, пусть принесет.

Сотрудница вышла.

– А чем занимается эта девушка?

– Она тоже химик. В прошлом году с отличием окончила институт, теперь работает у меня ассистентом.

В комнату вошла высокая девушка в халате. Сурхай сразу узнал в ней незнакомку, которую видел утром в саду.

– Реакция не готова? – спросил Керим строгим тоном учителя.

– Нет, – спокойно ответила девушка.

– Познакомься, это мой школьный товарищ, друг детства.

Слегка покраснев, девушка протянула руку.

– Вот книга, о которой я тебе говорил, – сказал Керим и, вытащив из портфеля «Физическую химию» Эйке, начал перелистывать ее.

Сурхай исподтишка разглядывал девушку, очарованный ее внешностью: черными вьющимися волосами, длинными загнутыми ресницами, прямым носиком, тонким открытым лицом. В спокойном взгляде ее больших черных глаз, в линии губ он прочел затаенную нежность.

– Вот. Здесь ты найдешь подробные сведения об этом веществе, – показал Керим на раскрытые страницы. Захлопнув книгу, он протянул ее девушке. Она взяла книгу и, не сказав ни слова, вышла из комнаты.

Отношение Керима к невесте показалось Сурхаю сухим и потому странным.

Керим вопросительно посмотрел на друга. Сурхай понял его.

– Хорошая девушка.

– Неплохая. Три года была моей студенткой. Хорошенько изучив ее характер, я открылся...

– У вас был интересный роман?

– Тебя по-прежнему интересует любовная лирика. Нет... У нас все было очень просто. Ты знаешь, я ведь не такой сентиментальный человек, как ты. Она мне понравилась с первого же дня, как только я пришел на кафедру. Но я ничем не проявлял своего чувства, ждал, пока она закончит институт. Я знаком с ее семьей. Часто бывал у них в доме. Чувствовал, что нравлюсь родителям. Наконец, девушка закончила институт, и я счел себя вправе сказать о своем желании жениться на ней. Родители не отвергли моего предложения. Так вот и решилось дело.

– А сама девушка?

– Она не возражала... Скоро наша свадьба. Приходи и ты, – он посмотрел на часы и добавил: – А теперь пойдем пообедаем.

Они шли по длинному коридору. Сурхай обернулся. Его взгляд встретился со взглядом Ширин: она смотрела им вслед. Девушка отвернулась и вошла в комнату. Сурхай уловил в ее взгляде что-то похожее на обиду...

Это выражение очень запомнилось ему.

Шестилетним ребенком Ширин потеряла мать. Джафар, человек тонкой души, тяжело переживал ее сиротство. Он не хотел даже и думать о женитьбе. В течение двух лет Джафар сам каждое утро готовил ей завтрак, умывал и одевал ее, а потом или поручал соседям, или брал с собой на службу.

Долгими зимними вечерами они сидели перед старым камином. Сидеть у камина было одной из любимых привычек Джафара. Во многих домах города уже горели газовые печи, но он по-прежнему предпочитал камин. Облокотившись на подушку, он читал газету, а Ширин мечтала, устремив взгляд на потрескивавшие поленья. Постепенно они превращались в золотистые уголья... Голубоватые языки пламени вились над ними. Ширин жила в каком-то сказочном мире. Сливаясь в ее воображении со страшными сказками из «Тысячи и одной ночи», которые рассказывал отец, этот мир уводил ее куда-то далеко-далеко...

Но вот поленья превращались в пепел, камин угасал, приходило время сна. Для Ширин наступали самые горькие минуты. Она глубоко чувствовала отсутствие материнской ласки и, прижимаясь к груди отца, засыпала с грустными тяжелыми мыслями.

По настоянию близких Джафар, наконец, женился на бездетной вдове – Оглангерек. Хмурая, тихая женщина вовсе не оказалась сострадательной, как предполагал Джафар. Он с первых же дней почувствовал, как холодна она к девочке. Может быть, ей, бездетной, несвойственно было материнское чувство, или виной была необычная красота маленькой Ширин.

Джафар и прежде не любил слово «мачеха». Но он не понимал, как можно не полюбить такую красивую, спокойную девочку.

Когда Джафар женился, в жизни Ширин наступил новый период. Теперь она только по ночам могла видеть своего слабохарактерного, разговорчивого отца. Джафара стесняло и раздражало присутствие молчаливой жены. Он все реже приходил домой обедать, а потом и вовсе перестал. Со временем это вошло у него в привычку.

В доме постоянно царил тяжелая тишина. Ширин становилась все более скрытной и замкнутой. Она целыми днями могла молча ходить по комнате или перед домом, а под вечер усаживалась у ворот и смотрела на играющих на улице детей, но никогда не подходила к ним близко. С тех пор, как отец стал редко бывать днем дома, Ширин перенесла всю свою привязанность и заботу на розы, росшие в саду.

Занятия в средней школе и в институте мало изменили ее скрытный, молчаливый характер. Подруги не любили ее. Одни завидовали ее красоте, другие обвиняли девушку в чрезмерной замкнутости. Это не печалило Ширин, с детства привыкшую к такой холодности, но все же, против ее воли, подрывало уважение к самой себе, веру в себя, в свои способности, в свою судьбу.

Она почему-то привыкла считать всех окружающих выше себя. Даже красота, которой щедро наделила ее природа, не имела значения в ее глазах.

Когда Керим прислал сватов, Ширин впервые подумала о любви, о семье. Однако у нее не было ясного представления об этой стороне жизни. Она никогда не читала ни стихов, ни романов. О любви она могла судить только по театральным спектаклям да кинокартинам. Радости и волнения влюбленных, их слезы, страдания, – все это казалось ей непонятным, далеким и туманным миром. Она инстинктивно ощущала сладость этого мира. Но сердце ее было подобно неподвижному озеру. Что может взволновать озеро, как проливаются сладкие слезы любви? – этого она не могла понять.

Порой она испытывала душевное смятение, потребность в высоком волнении, но сердце ее было подобно бескрылой птице. Лишь мгновениями она, как бы оживая, приходила в трепет, но тут же погружалась в свое привычное молчание и спокойствие. Керим нравился ей прежде всего как очень способный химик. Химия была для нее бесконечным миром, наполненным чудесными тайнами; Керим казался девушке одним из героев «Тысячи и одной ночи», который живет в этом мире, пытаясь раскрыть его тайны и колдовство. Ширин восхищали его бесчисленные упорные опыты, поиски и исследования. Даже книги самых больших ученых не могли так удовлетворить Ширин, как эти опыты и поиски. Во время его лекций она подолгу пристально смотрела на высокий загорелый лоб доцента, словно пытаясь увидеть таящийся за ним ум.

А молодому ученому эти взгляды казались признаком тайной любви, и он чувствовал себя счастливым. Теперь Керим стал уделять по утрам куда больше внимания своему туалету. Он подолгу причесывался перед зеркалом и чаще менял воротнички.

Однако его внимание к собственной персоне не только не нравилось Ширин, но и пробуждало в ней неприятное чувство. Девушке казалось, что когда волосы у Керима спутаны, а костюм испачкан мелом, он больше походит на мудреца-ученого.

Получив согласие, Керим не сумел изменить своего отношения к Ширин. Иногда ему хотелось заговорить с ней о любви, об их будущем. Но, хотя сердце его было переполнено, на языке вертелись только привычные слова о химических составах и реакциях, о новых открытиях в области химии. Казалось, чувства, кипевшие у него в груди, никак не могут излиться в словах. Но эти научные беседы представлялись его будущей подруге более естественными и приятными.

Однажды Керим взял ее за руку, привлек к себе и жарко прошептал:

– Я так люблю тебя...

Это показалось девушке неестественным и смешным, она так испуганно оттолкнула его, что он, пораженный, застыл на месте, будто окаменел.

В ту ночь Ширин впервые задумалась о близости между мужчиной и девушкой. Мысль о том, что она может увидеть Керима возле своей кровати как мужа, пугала ее.

Его острый, пронизывающий взгляд встревожил девушку, она ощутила в себе неприязнь к Кериму. Это чувство, словно холодный туман, прокралось в ее сердце, но ничем не обнаруживало себя.

С робостью, в которой Ширин боялась признаться даже самой себе, она почувствовала, что вовсе не счастлива рядом с этим человеком. В ту ночь она почему-то снова вспомнила мать и заплакала. Так и уснула в слезах, измученная тяжелым чувством.

Утром, когда ее взгляд встретился с красивыми глазами соседа, ее охватила безнадежная печаль человека, все утратившего.

Вечером Керим с Сурхаем явились к ним домой. Джафар встретил гостей на веранде. Керим представил ему Сурхая.

– Познакомьтесь, отец, это один из моих старых друзей.

Они прошли в небольшую залу, убранную в смешанном восточно-европейском стиле. Джафар указал гостям место за столом, покрытым белой скатертью и, обратившись к Сурхаю, с улыбкой сказал:

– Добро пожаловать в наше скромное жилье.

Вошла Ширин и бледной улыбкой приветствовала гостей. На ней было простое платье из сиреневого шелка; по талии – широкий пояс из такой же ткани; зачесанные назад волосы собраны в узел.

Легко и неслышно повернувшись, она снова ушла в соседнюю комнату и вскоре вернулась с четырьмя стаканами чая и вареньем. Джафар с нежной вежливостью взял у нее из рук поднос и роздал чай. Ширин села на свободный стул рядом с отцом.

Наливая чай в блюдце, Джафар-киши спросил у Сурхая:

– Ну, как нравятся вам наши края?

– Красивые. Вчера я до самого утра слушал соловья, он пел в вашем садике. Вот уже три-четыре года мне не приходилось слышать соловьиных трелей.

Положив в розетку варенья, Керим сказал будто самому себе:

– До самого утра... Вот что значит быть музыкантом. Признаться, за все три года, что я живу здесь, ни разу не обращал внимания на соловья.

Джафар-киши громко рассмеялся. Ширин покраснела и, словно желая скрыть от композитора свой взгляд, опустила глаза.

– А что, разве наш гость – музыкант? – дружески улыбнувшись, спросил Джафар-киши, глядя на Сурхая – тогда вы – мой друг.

– Вы любите музыку? – улыбнулся в ответ Сурхай.

Джафар-киши кивнул головой.

– Очень.

Осторожно выплюнув на ложечку вишневую косточку, Керим добавил:

– Только не всякую. Кажется, мугамы очень любит.

Сурхай достал портсигар с барельефом гладиатора, выпускающего стрелу, и, взяв папиросу, ответил:

– Вы, наверное, не любите нотную музыку.

Джафар-киши взглянул на дочь, которая внимательно рассматривала барельеф на портсигаре, и с улыбкой сказал:

– Ширин всегда спорит со мной из-за этого.

Чуть вздрогнув, Ширин посмотрела на композитора.

– Ей не нравится, – продолжал Джафар-киши, – что я не люблю этих новых опер. А я отвечаю: как хочешь, дочка, но даже один чаргах я не променяю на все эти оперы.

– А чем они вам не нравятся? – спросил Сурхай.

Большие улыбающиеся глаза Джафара стали серьезными. Он посмотрел через открытое окно в темноту сада и задумался. Потом спокойно, мягко ответил:

– Признаться, я и сам не знаю, почему. Может быть, я просто ничего не понимаю в них. Но только, когда, например, играют чаргах, то человек будто переносится в какой-то неведомый мир. Ты видишь ясную лунную ночь. По бескрайней пустыне движутся, лениво переваливаясь, верблюды. Тихонько позванивают колокольчики. Красавица-невеста сидит на горбу убранного верблюда, устремив свой взгляд на вершины гор, тающие в лунном свете, и думает о чем-то.

Сурхай приподнялся со стула.

– Вы настоящий поэт!

– Да вот, говорят, что чаргах передает картину ночного шествия караванов.

Показав на скрипку, висевшую на ковре, Сурхай спросил:

– Кто это у вас играет?

– Моя дочь, – ответил Джафар-киши, посмотрев на Ширин.

– Правда? – Сурхай обернулся к Кериму. – Видишь, какие любители музыки бывают среди химиков? Вы давно играете?

Ширин покраснела и смущенно улыбнулась.

– Два-три года.

Она поднялась и собрала на поднос опустевшие стаканы.

После ужина, по предложению Джафар-киши, все вышли на веранду выпить еще по стакану чая.

Пробиваясь сквозь листья плюща и виноградной лозы, лунный свет опоясывал колонны и озарял веранду. Садик был погружен в глубокую тишину. Слышалось только однообразное журчание реки и квакание лягушек. Джафар-киши обратился к Сурхаю:

– Видите, какая тихая ночь. Она словно ожидает вашей игры. Доченька, походи принеси свою скрипку.

Керим, который не спускал глаз со своей невесты, принужденно улыбнулся. Посмотрев на Сурхая, он сказал:

– Ловко вы его заставляете.

Сурхай почувствовал, что его друг почему-то недоволен предложением Джафара, и когда Ширин протянула ему скрипку, он попросил:

– Сыграйте лучше вы сами.

– Отец хотел послушать вас, – возразила Ширин, и ее взгляд встретился на миг с глазами молодого композитора.

Сурхай понял, о чем говорит этот взгляд. Взяв скрипку, он спросил у Джафара:

– Что вам сыграть?

– Что душе угодно.

Сурхай начал играть «Крейцерову сонату» Бетховена.

Тихие нежные звуки, постепенно нарастая, властно и величаво врывались в ночную тишину. Улыбка на лице Джафара постепенно исчезала, глаза становились все грустнее.

Ширин казалось, что она впервые слышит музыку, таящую в себе такой глубокий смысл. Ее сердце заволновало вдруг какие-то непонятные чувства, и она посмотрела на своего жениха. Керим чертил что-то карандашом на спичечной коробке, лицо которого как и всегда, выражало сосредоточенность, светилось умом. Ширин чуть слышно вздохнула и снова обернулась к композитору, лицо которого сияло в бледном свете луны. Мелодия звучала благородно и величественно, и девушке казалось, что одухотворенное лицо Сурхая светится все ярче и ярче...

Яркие голубые глаза его были устремлены куда-то вдаль, в глубокую тишину лунной ночи, к горам, погружившимся в сон среди величавой тишины. Эти глаза наполнились теперь какой-то далекой, печальной мечтой.

Ширин поднялась, подошла к колонне и прислонилась к ней, глядя в сад. А соната все звучала, и бессловесная жалоба струн все билась и билась в сердце ночи. Но вот она смолкла...

Джафар-киши словно очнулся от глубокого сна. Он тяжело вздохнул, но тут же улыбнулся музыканту:

– Спасибо тебе, сынок. – И словно только что увидев его, стал ласково и внимательно разглядывать. Сурхай подошел к Ширин.

– Вы действительно очень любите музыку?

– Почему вы сомневаетесь в этом? – полуобиженно спросила Ширин.

Сурхай понял бестактность своего вопроса.

– Нет, не поймите меня превратно. Музыканту всегда хочется, чтобы все интересовались его искусством. Вы систематически занимаетесь музыкой?

– Нет. Так, иногда... – ответила Ширин, продолжая смотреть в сад.

Будущие тесть и зять принялись играть в нарды. Керим играл очень внимательно, старался во что бы то ни стало выиграть, а Джафар-киши сердился, что ему не везет.

Сурхай посмотрел на звездное небо, на Млечный путь, спускающийся к темным садам, и тихо заговорил, растягивая слова.

– В такие ночи мне всегда вспоминается моя юность. И лунный свет, и тени деревьев, и журчание воды, – все, все наполняло тогда наши юные сердца чувством сладкого ожидания, заставляло их биться сильнее... Нам казалось, что впереди чудесный мир, наполненный бесконечными тайнами. Мы спешили поскорее попасть в этот мир, – он глубоко вздохнул. – Да, тогда мы только вступали в жизнь, а теперь потихонечку уходим. Вы читали лирику Пушкина?

Ширин, не оборачиваясь, прошептала:

– Очень мало.

– Когда я был ребенком, – продолжал Сурхай, – одна гадалка предсказала, что я не проживу больше тридцати лет. Я не верю таким вещам, и все же это предсказание часто заставляет меня задумываться. Тяжело сознавать, что рано или поздно нам придется покинуть этот мир. Говорят, Гете сказал, умирая: «Еще немного света!» Это были его последние слова.

Ширин взволнованно посмотрела на Сурхая, а он, наблюдая за ползущим к луне облаком, продолжал:

– Но ведь Гете оставил по себе вечную память.

Потом вдруг обернулся и спросил у игроков:

– Ну, кто на этот раз сделал марс*?

Джафар-киши, как ребенок радовавшийся своей удаче, подмигнул Сурхаю.

– У твоего друга дела плохи. – Он поиграл костями. – На, вот еще две шестерки. – Бросил кости, и действительно выпало две шестерки. Джафар-киши расхохотался и «выбросил» последние четыре шашки.

Керим принужденно улыбнулся.

– Если б не эти две шестерки, я бы отыгрался.

Сурхай рассеянно и задумчиво смотрел перед собой.

– Когда каждое наше желание было бы подобно этим двум шестеркам, которые выпали Джафару-даи...

– Тогда, – прервал Сурхай Керим, беря свою кепку, – жить было бы неинтересно, дорогой мой. Пойдем, мне еще надо поработать в лаборатории.

Они стали прощаться, и Сурхай заметил, что Ширин упорно не поднимает глаз.

– Сынок, – обратился к Сурхаю Джафар-киши, – надеюсь, ты не забудешь нас. Это – твой дом, приходи, когда захочешь. На Керима не обращай внимания. Химическая лаборатория ему дороже нас всех.

Когда они ушли, Джафар спросил у дочери:

– Этот парень – композитор?

– Кажется, да, – неохотно ответила Ширин.

– Очень хорошо играет, молодец.

Ничего не ответив, Ширин прошла в свою комнату. Она подошла к открытому окну, и взгляд ее как-то невольно устремился к комнате соседа. Она прислушалась, – среди уснувших цветов запел соловей. Его трели грустно отозвались теперь в сердце девушки. Вспомнились слова жениха: «Вот уже три года, как я не замечаю соловьиного пения». Чувство жгучей обиды сжало ей сердце. «Почему он такой?» – тоскливо подумала Ширин.

Распрощавшись с другом, Сурхай вернулся домой. Он накинул шелковый халат, присел к столу перед окном и принялся за незаконченную симфонию. Но работа не клеилась. Его мучило какое-то неосознанное беспокойство; он отложил перо. Прислонившись к столу, Сурхай смотрел в окно, вспоминая события минувшего дня. Мысли его невольно вернулись к Ширин. Красота девушки поразила его. «Действительно ли они любят друг друга? Но почему же у этой красивой девушки лицо, жесты, взгляды, – все печально? Может быть, она чересчур уж скромна и застенчива?»

Думая о Ширин и Кериме, он снова и снова вспоминал и перебирал в памяти свои наблюдения, отыскивая признаки любви. Но их, кажется, не было. «Если это так, то почему же Керим, умный человек, допускает губительную ошибку? А девушка, кажется, создана для самой высокой любви»... Эти рассуждения показались вдруг странными ему самому. «Но почему я так ломаю голову над чужими делами? Уж они сами-то, во всяком случае, лучше меня разберутся», – заключил он. Однако спать не хотелось. Он спустился в садик, подошел к цветам, которые поливала утром Ширин. Их тонкий аромат сливался с дыханием весны. В лунном свете розы казались бархатистыми. Сирень отливала темно-голубым. Деревья дремали. Луна поднималась над южными склонами гор. Небо походило на синее море света. Охваченный легкими светлыми мыслями, Сурхай ходил среди деревьев. Вдруг он увидел Ширин, сидевшую перед окном. Голова ее была чуть склонена набок. Две толстых косы лежали на груди. Глаза, устремленные вдаль, выражали страдание. Ее лицо было очень бледным, казалось, оно вот-вот растает в лунном свете, сольется с ним. «Почему она не спит так поздно?» – подумал Сурхай и тихонько вернулся к себе. Потушив лампу, он лег в постель, но уснуть не смог до утра.

Сурхай стал часто навещать товарища. Керим оценил это как дружескую привязанность. Иногда Сурхай, придя в лабораторию, заставал девушку одну. И всякий раз Ширин, стараясь подавить волнение, спокойно отвечала на его приветствие и продолжала заниматься своим делом. Порой Сурхай задавал ей какие-то вопросы, касающиеся химии, в которой он очень мало разбирался. Избегая его взгляда (Сурхай чувствовал это), девушка ясно и очень кратко отвечала на каждый вопрос. Однажды Сурхай, искренне пораженный ее познаниями, шутливо сказал:

– Вы, кажется, станете скоро соперницей Керима в научной карьере?

Так он впервые заговорил с ней о Кериме. Девушка свела длинные, тонкие брови.

– Нет, он очень умный человек. Догнать его не так легко, как вы думаете.

Внимательно наблюдая за нею, Сурхай отметил про себя и спокойное выражение ее лица, и тон, которым она сказала: «не так легко, как вы думаете», – и заметил, что все это вовсе не похоже на настоящую любовь. Закурив папиросу, он сказал:

– Вы совершенно правы! Я еще в детстве чувствовал, что он будет большим человеком.

В это время в комнату вошел Керим с набитым книгами портфелем.

– Мы только что говорили о тебе, – улыбнулся Сурхай.

Керим вытер большим белым платком вспотевший лоб.

– Что вам, музыкантам! Вы всегда найдете время побеседовать. А я вот четыре часа подряд читал лекции.

Ширина поднялась и тихонько вышла в соседнюю комнату.

Сурхай почувствовал в этом поступке девушки невысказанную обиду.

– Ты целыми днями занят работой. Смотри, как бы твоя невеста не обиделась, – полушутя сказал Сурхай, думая о своих сегодняшних наблюдениях и выводах, которые казались ему верными.

– Так и должно быть, – ответил Керим, надевая халат и принимаясь за свои опыты. – Как трава увядает, если ее вырвать из земли, так и любовь быстро гаснет, если человек отрывается от трудовой жизни. Одно дополняет другое.

– Не кажется ли тебе, что это суждение чересчур рационалистично?

Не отрывая глаз от своей работы, Керим иронически улыбнулся.

– А ты хочешь, как прежде, идеализировать любовь, представить ее таким сверхобычным чувством?

– Почему идеализировать? – немного обиженно возразил Сурхай. – Любовь – это прежде всего любовь. У нее есть свои причины и свои законы.

– Поэтому она может быть свободной и безрассудной? Так, что ли? Нет, дорогой! Каким бы священным чувством ни была любовь, она все-таки должна подчиняться уму и воле человека.

Сурхай подумал: «Какой сухой рационализм»... Но ничего не ответил.

С этого дня в их отношениях появился какой-то холодок. Керим не встречал уже так тепло своего друга и при его появлении всякий раз делал вид, что очень занят. Сурхай почувствовал это и перестал бывать в лаборатории.

Его исчезновение отозвалось в сердце Ширина так же тяжело и горько, как прощание с последней весенней ночью. Эти чувства тревожили ее, она нервничала и беспокоилась. «Почему я тоскую об этом постороннем для меня человеке?» – взволнованно думала она. Но впечатление, оставленное встречами с композитором, точно прекрасная мечта, пробуждалось среди ее спутанных мыслей и захватывало сердце. Девушка пыталась убежать от этого потока. Призывая на помощь все свое упрямство и настойчивость, она старалась думать только о своем женихе. Но, увы! Ослепительное сияние его таланта постепенно окутывалось черными тучами, и холодные тени, становясь все длиннее, проникали в душу девушки. А сердце ее жаждало тепла, ему так хотелось согреться! Невольно следуя этому странному чувству, она снова думала о композиторе, и это доставляло ей радость. Любила ли она Сурхай? Уже сам этот вопрос приводил ее в ужас. Она говорила себе: «Нет, нет, я буду женой Керима, ведь я обещала».

Несмотря на свою скрытность и молчаливость, она к месту и не к месту везде говорила теперь о таланте Керима, словно стараясь успокоить этими словами свое сердце. Но в то же время ее все сильнее тянуло в оперу, и она стала часто бывать там.

В городе К. впервые ставили «Кармен». Дирижировал Сурхай. Ширина, сидевшая в одной из первых лож, внимательно следила за каждым его движением. Когда Сурхай изредка оборачивался и смотрел на нее, эти взгляды казались Ширине не совсем обычными. Ей казалось, что этот музыкант, на которого устремлена сейчас тысяча глаз, – самый счастливый человек на свете. Видя, с каким восторгом смотрят на композитора молодые девушки, она ощущала мучительное волнение.

Когда занавес опустился, в зале раздались аплодисменты. Все вызвали дирижера. Наконец, он поднялся на сцену. Зал стоя приветствовал его. Сурхай улыбался, обнажив свои ровные белые зубы.

– Совсем как ребенок смеется, – прошептала на ухо Ширине сидевшая рядом девушка.

Взгляд Сурхая, на мгновение остановившись на лице Ширине, так вонзился в сердце девушки, что она почувствовала, будто какой-то страшный неуловимый поток ворвался ей в душу и, в одно мгновение разлившись по каждой жилочке, заставил ее затрепетать. Словно испугавшись чего-то, она взволнованно поднялась и сказала подруге:

– Вставай, пойдем.

На улице Ширина заметила, что Сурхай вышел вслед за ними. Она сказала подруге:

– Пойдем побыстрее.

Но в это время Сурхай догнал девушек. Подруга Ширин распрощалась с ними и ушла. Несколько минут Сурхай и Ширин шли молча. Чувствуя скрытое волнение девушки, Сурхай спросил:

– А почему Керим не пришел?

– Работает, – ответила Ширин, не поднимая глаз.

– Чтобы так много работать, нужна незаурядная воля. Керим стоящий парень, – он внимательно смотрел на девушку. – Я уверен, вы будете с ним счастливы.

Ширин тихо и нервно спросила:

– Вы, действительно, верите в это? (Как могла она произнести эти слова? Ширин и сама не могла потом понять, как это произошло).

Затаенный смысл этих слов показался ей таким страшным, она почувствовала себя такой виноватой, что не смогла больше оставаться рядом с Сурхаем и, оставив его, убежала к себе в сад.

Войдя в свою комнату, она, не сняв даже своего легкого весеннего пальто, села на кровать. Казалось, какой-то холод сжимает сердце. Из темноты комнаты на нее смотрела пара глаз. Она увидела перед собой спокойное лицо и умный лоб человека, который через месяц должен был стать ее мужем. Ей снова вспомнились только что сказанные слова, и она затряслась всем телом. Закрыв лицо руками, Ширин с упреком прошептала: «Почему я так сказала!».

Если б она хоть раз ощутила теплые чувства своего жениха, отвечающие ее душевной потребности, если бы она могла сейчас вспомнить об этом, то, наверное, встала бы мысленно перед ним на колени и попросила прощения, желая вернуть прежний покой своему сердцу. Если слова, которые она сказала, делали ее виновной, то она тысячу раз дала бы зарок, чтобы очиститься от них. Но таких воспоминаний не было. Керим ни разу не попытался проникнуть в ее душу. А молодое сердце предъявляло свои права, требовало могучей любви, тосковало о ней, светлом источнике жизни. Это вовсе не было животным стремлением. То было невинное биение прозрачного, как хрусталь, сердца, наполненного самыми высокими и священными чувствами.

«Все ясно... Ясно, – размышлял Сурхай, расхаживая по комнате. – Она не любит моего ученого друга, совершенно не любит. И она права, не веря в свое будущее счастье. Почему Керим не понимает этого? Почему он не видит опасных последствий такой женитьбы? Почему он считается только с собственной страстью?»

Обвиняя своего друга, он невольно открывал путь тем тайным чувствам, которые таились в глубине его души и стремились излиться. Сурхай был влюблен в Ширин. До сих пор он не решался признаться в этом даже себе самому. Закон дружбы преграждал путь этому чувству.

«Но почему невинное сердце девушки должно быть принесено в жертву? Разве ее самоотверженность даст моему другу Кериму то счастье, к которому он стремится? Кто поручится, что их жизнь не будет чревата трагедиями? Ах, мой друг...»

Так Сурхай постепенно приходил к мысли о своем праве любить Ширин.

На следующее утро и весь день Ширин пряталась от Керима в своем кабинете. Фраза, сказанная вечером композитору, ни на минуту не выходила у нее из головы и страшно мучила ее. Она чувствовала себя человеком, у которого выпытали все душевные тайны. Это ранило ее гордость. Она хотела забыть все, вернуться к прежнему, быть мужественной и оставаться верной человеку, которому дала обещание, и, наконец, – верить в свое будущее счастье. Если бы буря, поселившаяся в ее душе после приезда этого композитора с красивыми глазами, была чем-то таким, что можно отсечь одним махом, она сделала бы это, не задумываясь. Однако девушка не ощущала в себе так необходимых ей сейчас сил.

В конце рабочего дня Керим пришел к ней.

– Как дела, Ширин? Ты, кажется, немного не в настроении? – спросил он, внимательно посмотрев на нее.

Не решаясь поднять глаз, Ширин тихо ответила:

– Что-то голова болит, учитель.

– Опять учитель. Разве ты сама теперь не такой же учитель, как я? Почему ты не называешь меня по имени?

Полистав раскрытый журнал, лежавший на столе, он спросил:

– Ты читала новую статью об «Электролитических диссоциациях в растворах»? Автор высказывает интересные мысли. Мне кажется, в своих суждениях он близок к истине. Завтра я читаю лекцию на эту тему, если интересуешься, приходи, послушай.

Немного помолчав, он спросил:

– А как дома? – и улыбнулся.

Эта улыбка показалась Ширин неуместной.

– Хорошо, – ответила она и, не зная что делать, стала перебирать пробирки.

Керим, не попрощавшись, ушел.

Борьба, происходившая со вчерашнего вечера в чувствах Ширин, неожиданно сменилась какой-то горькой апатией. Она поднялась и, тяжело, устало шагая, направилась домой. Сославшись на головную боль, Ширин прошла в свою комнату.

Снимая берет и жакетку, она невольно посмотрела на карточку, висевшую над большим зеркалом. Этот снимок был сделан через год после смерти матери. Ширин было тогда семь лет. Отец, в расстегнутом френче, с зачесанными назад волосами, сидел на стуле, а маленькая Ширин стояла рядом, положив руку на его колено. Скользнув взглядом по лицу отца, она стала смотреть на свое изображение. Ее поразила печаль, застывшая в глазах девочки, и она чему-то улыбнулась. Потом посмотрела на себя в зеркало. Теперь ее глаза были еще больше и красивее, однако, в них по-прежнему таилась печаль. Ширин тихонько вздрогнула, взяла со стола альбом и, как всегда, когда ей бывало грустно, начала листать его. В этом альбоме были, среди других, и фотографии известных химиков, естествоиспытателей, чьим талантом она восторгалась. Но теперь, когда их портреты один за другим мелькали перед ее глазами, она не чувствовала в себе прежнего благоговейного чувства. Вдруг ей встретился портрет Гете. Вглядываясь в его большие одухотворенные глаза, она вспомнила слова: «Еще немного света!» «Почему жизнь для него была так сладка? Ведь он прожил восемьдесят три года. Говорят, когда ему было семьдесят четыре года, он полюбил красивую девушку, ее звали Ульрика. Странно, но говорят, это была взаимная любовь. Неужели любовь – такая могучая сила? Неужели она подчинила глубокому старику сердце девушки, прожившей на свете всего восемнадцать лет?»

В это время рядом, у соседей, зазвучала кеманча. В комнату вливались звуки, рассказывающие то ли о горечи разлуки, то ли о нетерпеливом ожидании далекой встречи. Ширин отбросила альбом на диван и вышла. Ночь была лунной. Вселенная казалась закутанной в светлый тюль. Река, протекавшая среди садов, сверкала серебром. Из окна соседа струился зеленоватый свет. Ширин спустилась в садик. Она тихо, беззвучно ступая, ходила среди деревьев. Красота лунного сияния, тишина ночи, аромат фиалок и роз, – все это наполнило сердце девушки, пробуждало в нем непонятные странные чувства. Ее сердце, окрыляясь мелодией кеманчи, уносилось в беспредельную даль. Из этой бесконечной дали на нее смотрели глубокие, как небо, полные любви глаза юной Ульрики. Она была очарована последними лучами солнца, идущего к закату, она жила любовью к этому солнцу. Кеманча смолкла и, казалось, солнце тоже зашло. Мысли Ширин оборвались. Она вдруг услышала шаги и обернулась. Девушка увидела перед собой Сурхай, и ей стало почему-то страшно. Посмотрев в ее черные, затененные ресницами глаза, он прошептал:

– Я увидел вас из окна и спустился.

Ширин бессильно прислонилась к дереву.

– Простите меня за откровенность, – продолжал Сурхай, – я вижу ваше сердце. Мне очень больно, я хочу, чтобы...

Словно колеблясь, он молчал несколько секунд, глядя прямо перед собой. Потом снова посмотрел на девушку.

– Я хочу, чтобы вы верили, что на свете есть человек, который любит, очень любит и понимает вас.

Ширин закрыла руками глаза. Сурхай коснулся ее руки.

– Ширин, прошу вас.

В эту минуту, после двенадцатичасовой напряженной работы устало возвращался домой Керим. Проходя мимо садика невесты, он услышал шепот и остановился. Заглянув через забор, Керим не поверил своим глазам. Однако это было как будто правдой. Его невеста, закрыв лицо руками, кажется, плакала, ее плечи часто вздрагивали. А мужчина, взяв ее за руку, что-то шептал ей. Кериму показалось, что к его сердцу приложили раскаленное железо. Глаза Сурхая, выразившие беспокойство, показались ему вдруг такими отвратительными, такими бесстыдными, что он насилу удержался от желания ворваться в сад и, как собаку, схватить его за горло. Почувствовав, что он не может оставаться здесь ни секунды дольше, Керим быстро ушел.

Он, который никогда прежде не знал, что такое душевная мука, ощущал теперь нестерпимую боль. Его крепкая натура и глубокий ум не могли устоять перед этой болью. Он не ожидал такой подлости со стороны Ширин, этой спокойной и умной Ширин. Что же заставило ее так поступить? Красивые глаза Сурхая, его сладкие речи?

Мысль о неверном друге, словно змея, тревожила его нервы, жгла его душу. «Ширин не виновата, – взволнованно думал он. – Ширин по-детски наивна, она не может понять, что таится за этими красивыми глазами. Она не видит, в какую опасную пропасть влечет ее этот авантюрист. Она не понимает, что, говоря о любви, как о священном чувстве, такие люди в конце концов с преступной безжалостностью оскорбляют его. И оно остается для них лишь приятно волнующим воспоминанием. Ширин не знает, что ее красота манит Сурхая, как красивый цветок манит пчелу».

Керим так и не смог уснуть. Он метался и мучился, но при всем своем уме и благородстве все же ни разу не подумал о своих собственных взаимоотношениях с Ширин.

На следующий день он безуспешно пытался увидеть Ширин и после обеда пошел к ней. Джафар читал газету, полулежа на диване, а Оглангерек, сидя на тюфячке, занималась шитьем. Ширин дома не было. Поздоровавшись с будущим зятем, Джафар сказал:

– Если бы ты пришел чуть раньше, я угостил бы тебя довгой из дикого щавеля.

Но, заметив, что Керим чем-то расстроен, он стал расспрашивать:

– Ты, кажется, не в духе? Что с тобой? Это простительно таким старикам, как мы: одна нога еще здесь, а другая уже там.

Керим, не глядя ему в лицо, ничего не прибавляя, подробно рассказал о вчерашнем. Джафар курил одну папиросу за другой и, нахмурившись, слушал.

– Я говорю не только с точки зрения своего личного счастья, – горячо продолжал Керим, – очень может быть, что Ширин по молодости своей не видит опасности, угрожающей ее жизни, ее будущему. Но вы должны объяснить ей это, вы должны помочь ей избежать опасности таких легких, мимолетных чувств.

Объяснившись с Джафаром, Керим немного успокоился и вскоре ушел.

Джафар долго колебался, но вечером, когда жены не было дома, он позвал к себе Ширин и печально спросил:

– Что это значит, дочка?

Ширин показалось, будто ее окатили холодной водой. Она испуганно спросила:

– А в чем дело, отец?

Джафар глубоко затянулся табачным дымом.

– Не надо скрывать, дочка, я все знаю.

И Ширин сразу поняла. Она тяжело опустила голову на грудь. Это движение красноречивее слов говорило о том, что она все признает и считает себя виноватой... В этой горестной позе она так напомнила свою покойную мать, что отец не мог сдержаться. Он привлек к себе дочь и поцеловал ее в лоб. Ширин обняла его за шею, прижалась лицом к его груди, на руку отца скатилось несколько теплых капель. Но эти горькие слезы были скорее всплеском любящего сердца, чем признанием виновной души.

И как ни был огорчен отец, он понял это. Понял и больше ни слова не сказал дочери.

В течение нескольких дней история Сурхая и Ширин стала известна всему университету. Некоторые подруги, обвинив Ширин в нечестном отношении к жениху, отвернулись от нее. А сердце Ширин переживало весеннюю бурю. Чем больше смущали ее люди своими взглядами, намеками, а порою неприкрытой иронией, тем больше росла, расцветала ее любовь, расправляла свои чудесные крылья над ее сердцем. Она чувствовала себя легкой, крылатой, как ангел. Но были минуты, когда собственное счастье пугало ее. Действительно ли она так счастлива? Неужели это правда?

Когда эти вопросы черной тучей прокрадывались в сердце, ей страстно хотелось увидеть Сурхая и, встретившись с ним, она обо всем забывала, снова чувствовала себя бесконечно счастливой. Любовь, словно могучее сияние, озаряла перед ней мир бесконечной красотой. Все казалось ей новым, красивым, прелестным. Несмотря на попытки Керима не встречаться с ней, Ширин смело заходила к нему, задавала необходимые вопросы и по-прежнему относилась к нему, как к умному учителю. Будто это был вовсе не тот человек, которому она когда-то обещала выйти за него замуж. Такое поведение казалось Кериму непонятным и невежливым.

Дни шли, и сердце Ширин все сильнее привязывалось к возлюбленному. Ее занимали теперь более серьезные мысли. Стесняясь самой себя, она думала о семейной жизни, о том, что станет матерью красивого ребенка. Но почему Сурхай никогда не говорит об этом?

Однажды Ширин, краснея, сказала:

– Сегодня одна подруга спросила, когда же будет наша свадьба? Я ответила, что еще не говорила об этом с Сурхаем.

Сурхай понял, что она хочет сказать. Эта мысль холодным ветром пронеслась над его чувствами, опьяненными любовью к красивой девушке, и пробудила от сладкого сна.

Ночь он провел в каком-то нервном возбуждении. Действительность стояла у порога его совести. Почему любовь всегда должна непременно заканчиваться женитьбой? – рассуждал он в поисках выхода. – Разве в этом заключается величие и возвышенность любви? Разве и без этого она не священное чувство?

Однако он не хотел признаться даже самому себе, что есть другая, более важная причина, таящаяся в глубине его души. Он боялся семейной жизни. Он не верил в постоянство и устойчивость любви. Эти мысли, наверное, посещали его под влиянием вычитанных им когда-то из французских романов сотен всевозможных любовных историй. А может быть, собственный опыт привел его к такому заключению? Трудно сказать, во всяком случае – причины существовали. Робкий намек Ширин в одно мгновение погасил его страсть. Это было неожиданно для Ширин. Бедную девушку охватила страшная тревога. Она начала думать, что допустила, наверное, какую-то ошибку. Она то стояла у зеркала, рассматривая свое красивое лицо, то подробно разбирала все детали своего поведения, своего отношения к Сурхаю и все же никак не могла понять, в чем ее ошибка. Она старалась быть с ним как можно веселее и, словно в лихорадке, много и жарко говорила, но, увы, не видела больше ни приветливых улыбок своего возлюбленного, ни его прежних взглядов, которыми он одаривал ее в лунные ночи, не слышала его нежных слов. Слово исчезающий сладкий сон, она старалась удержать свое счастье. Но это было невозможно. Оно уходило.

«Но где же все-таки причина? – этот вопрос вертелся в ее голове, стучал в висках. Она боялась хоть словом обмолвиться Сурхаю о своих мыслях и мучениях. Ведь в ее глазах он был самым благородным из людей.

Сурхай стал показываться все реже и реже. Ширин с ужасом чувствовала, что он нарочно избегает ее.

Она очень изменилась за эти дни. Щеки побледнели, глаза стали глубокими и темными, словно два колодца. Она избегала теперь всех, особенно Керима, старалась никому не показываться на глаза.

Керим понимал, что произошло, и думал про себя: «Яд постепенно начинает действовать». Он следил за Ширин не как бывший жених, а скорее как хладнокровный врач, и не мог понять, что за сила заставляет ее таять, подобно свече.

Разрыв с невестой нисколько не отразился на научной работе Керима. Он по-прежнему читал содержательные, умные лекции, каждый день в течение шести часов проводил опыты в своей лаборатории и со спокойным терпением ожидал исхода дела. Его поведение никого не удивляло. Недавнее отношение Керима к Ширин очень быстро забылось. Все стали по-прежнему смотреть на них как на учителя и студентку.

Стоял тихий день раннего лета. Солнце заходило. На склоны гор ложились темные тени. Сады засыпали, слушая усталую мелодию колыбельной песни. Ширин стояла у калитки своего садика и смотрела на закат. В цветнике раздался голос соловья. Ширин вздрогнула и, обернувшись, увидела на голой ветке желтенького соловья. Сердце ее дрогнуло, ужаленное печалью. Соловей заливался. А цветов уже не было. И сердце ее было уже не прежним. Она вспомнила ушедшие дни, то весеннее утро, когда она впервые увидела Сурхая. Красивое лицо человека, смотревшего тогда из окна, предстало ее воображению. Разве все это было только сладкой мечтой? Вдруг она увидела Сурхая, проходившего по улице. Разве он не заметил ее? Это показалось девушке странным, невозможным. Она не смогла сдержаться. С ее губ сорвалось чуть слышное: Сурхай!

Он обернулся.

– Простите, Ширин, я не заметил вас. Почему вы здесь стоите?

Это «вы», с которым он обратился к ней, впервые за время их любви, да и все его слова показались ей такими чужими, что она удивилась, – неужели это сказал Сурхай? В глазах у нее появилась горькая усмешка. На уста просились слова, которые давно терзали ей сердце. «В чем я виновата перед тобой, Сурхай?» – хотела она сказать. Но так и не нашла в себе сил открыть сердце человеку, который стал теперь таким чужим и обращался к ней на «вы».

– Просто так, скучала, – ответила она, странно улыбнувшись.

Сурхай понял эту улыбку, которая говорила о терзающей ее печали красноречивее слез. «Почему бы мне не открыться и не сказать сейчас все», – пронеслось у него в голове. Не поднимая глаз, он сказал:

– Ширин, я виноват перед вами, – и, немного помолчав, добавил: – Очень виноват. Мне хотелось занять в вашем сердце маленькое местечко, однако, как видно, я не имел на это права. Природа создала в вашем лице преданную и честную будущую мать, а я, несмотря на свои 29 лет, никогда еще не думал о семейном счастье. Я не вижу в себе достоинств, необходимых для такой жизни. Может быть, это и необычно, и неверно. Но, что делать, – это правда. Пусть любовь навсегда сохранится в самой глубине наших сердец.

Но Ширин уже не слушала его. Она оцепенела. Какая-то холодная рука, будто железными клещами, сжимала ее сердце, и этот холод растекался по жилам, замораживал ее. Повернувшись, она заспешила прочь. Сурхай, уверенный, что поступил именно так, как подобало честному человеку, спокойно ушел.

Упав на кровать, Ширин уткнулась лицом в подушку. В голове проносились спутанные, скомканные мысли. Казалось, сознание ее уснуло. Перед глазами мелькали совершенно бессмысленные картины да какие-то светлые шары. Все представлялось ей далеким и лживым. Ей хотелось все время оставаться вот так – без мысли, без движения. Она не помнила, сколько времени прошло. Но вдруг, вместе с прохладным вечерним ветерком, в комнату ворвались звуки легкой игривой музыки и заставили ее вздрогнуть. Так странно было слышать сейчас такую музыку. «Неужели это он играет?» – подумала Ширин. Внезапно она вспомнила, что это написанный Сурхаем «Танец цыганки», который он очень любил. Ширин машинально, в каком-то порыве, поднялась и подошла к окну. За тюлевой занавеской в комнате соседа, освещенной зеленым светом, она увидела тонкую женскую фигуру в зеленом платье. Красивое тело изгибалось под звуки музыки, извивалось змеей, головокружительно вертелось. Лицо Сурхая, сидевшего за пианино, светилось довольством. Сон, что ли, приснился Ширин, или это было наяву? И это тот самый человек, которому она хотела поклоняться, как звезде своего счастья?

Женщина перестала танцевать. Она подошла к пианино и стала рядом с Сурхаем, лицом к окну. Ширин узнала ее. Это была танцовщица из оперы. Сурхай что-то сказал, глядя на нее снизу вверх. Откинув голову и красиво изогнувшись, танцовщица рассмеялась. Ширин показалось, что весь мир превратился в дьявола и хохочет над ней. Она посмотрела на Сурхая. В глазах его было выражение того же довольства... Когда-то эти глаза с такой же нежностью смотрели на Ширин. Вдруг танцовщица закрыла ему глаза рукой и со смехом сказала что-то. Ширин вся задрожала, будто ее пронзил электрический ток. Казалось, грязная рука разбойника осквернила ее сердце, все ее существо. И дом, и окно, и девушка, и Сурхай, – все, все в одно мгновение слилось в ее глазах, превратилось в страшный хаос и заплясало перед ней. Она выскочила из комнаты и так быстро сбежала по ступенькам, что не заметила прошедшей мимо мачехи.

Она не шла, а бежала по улице. Попадавшиеся ей навстречу дома, люди, электрические фонари какими-то смутными тенями быстро проносились мимо нее. Вот прошли под руку юноша и девушка. Почему она так странно улыбается? Почему так перекосятся дома? Какие они холодные и страшные! Почему дрожит электрический фонарь? Как долго этот путь!

Вдруг она увидела себя перед дверью химической лаборатории. Старый сторож удивленно посмотрел на нее.

– Что ты, дочка, в такой поздний час?

– Открой, – глухо приказала она.

– Нет, учитель Керим не велел никого пускать в лабораторию ночью, – ответил сторож.

– Нет, нет, открой, мне нужно взять книгу... Керим хороший человек, открой...

Эти слова показались старому сторожу странными и бессвязными. Но он невольно открыл дверь. Ширин вошла в помещение, закрыла за собой дверь и несколько секунд тупым взглядом осматривала комнату; подошла к банкам, наполненным какой-то желтоватой жидкостью. Ее взгляд остановился на банке с надписью «HCL». «Этим ли?» – пронеслось у нее в голове. Она задрожала. «Нет», – прошептала она про себя. И вдруг увидела банку с небольшими голубыми кристалликами. Дрожащими руками она взяла ее, достала несколько кристалликов и в это время услышала чьи-то шаги. Двери тихо открылись. Ширин в ужасе обернулась. В дверях в длинном белом халате стоял Керим и холодно, спокойно смотрел на нее. Глаза Ширин широко раскрылись. Она хотела спрятать банку за спину и уронила один из кристалликов. Керим неторопливо подошел, поднял его и внимательно рассмотрел. Потом, подняв голову, сухо спросил:

– Для чего они тебе сейчас?

Девушка молчала, устремив на него глаза, полные ужаса. Керим протянул руку и повелительно сказал:

– Отдай банку.

Ширин покорно отдала банку и вышла из комнаты.

Керим подошел к окну. Ширин быстро завернула за угол и исчезла из виду. С едва заметной горькой усмешкой Керим посмотрел на банку. Его нахмуренные брови расправились, и лицо, постепенно меняя выражение, стало страдальчески грустным. Не отрывая глаз от голубых кристаллов, он думал: «Неужели дело дошло до этого? Неужели этот красивый парень такой плохой человек?»

Сейчас его чувства и мысли были далеки от прежней ревности, гнева и ненависти. Если он и не мог ясно представить себе причин, которые привели девушку к порогу смерти, то во всяком случае искренне огорчился ее трагедией. Он чистосердечно удивлялся этой тайне и хотел постичь ее. Он вспомнил смерть Анны Карениной и мадам Бовари. Прежде Керим считал все это выдумкой писателей и пустой романтикой. Но вот у него на глазах двадцатилетняя девушка хочет покончить с собой. Неужели нет другого пути? Неужели и Сурхай подобен Вронскому и Родольфу? Если не так, то чем же можно объяснить его поступки? Ранить чистое, невинное сердце, а потом толкнуть его на такой путь... Что может быть ужасней... И для чего ему это?

Керим прошел в свой кабинет, снял халат, надел кепку и направился прямо к Сурхаю.

Сурхай вышел в шелковом халате и, увидев Керима, застыл на месте. Старые друзья несколько секунд молча смотрели друг на друга. Наконец Керим нарушил молчание.

– Можно войти? – спросил он. – У меня небольшое дело к тебе.

Голос Сурхая прозвучал тихо и приветливо:

– Пожалуйста.

Они вошли в комнату. Сурхай придвинул к столу стул.

– Садись!

Керим поблагодарил, не глядя ему в лицо. Держа кепку в руках, помолчав, тихо, неторопливо заговорил:

– Я заранее прошу прощения за то, что вмешиваюсь в дело, которое меня не касается. Каким бы странным это сейчас ни показалось, но я хочу знать, чем закончилось твое последнее приключение (это слово он произнес с особым ударением).

Сурхай растерянно посмотрел на него.

– О каком приключении ты говоришь?

Керим мягко и горько улыбнулся.

– Я говорю о ваших отношениях с моей бывшей невестой.

Сурхай поблелел. Он начал вертеть в руках лежавшую на столе ручку и, не глядя на собеседника, спросил:

– Что за странный вопрос?

– Я заранее сказал, что он странный, и ты можешь не отвечать. Но между нами, хотя и очень давно, были все же искренние отношения, и я помню, мы назывались тогда друзьями. Вот я и осмеливаюсь так прямо разговаривать с тобой, исключительно благодаря нашим прежним искренним отношениям. Я знаю, чем закончились ваши приключения с Ширин, – он немного помолчал и, как учитель, жалеющий своего провинившегося ученика, ласково посмотрел на друга.

– Прошу, объясни мне только одно, для чего тебе понадобилось доводить до этого страшного состояния такую невинную девушку, как Ширин?

– До какого состояния? – удивленно спросил Сурхай.

– До какого? Двадцать минут назад в той самой лаборатории, где она так охотно работала, Ширин хотела покончить с собой. Разве для этого она родилась?

– Что ты говоришь? То есть как?.. – испуганно вскочил Сурхай.

– Ведь всего два месяца назад она была спокойной и счастливой девушкой, – прервал его Керим.

– Нет, это неправда, она не была счастлива. Она... Она не любила тебя! – взволнованно выкрикнул Сурхай. Глаза его расширились от волнения.

– Ты уверен в этом? – горько улыбнулся Керим.

– Да, уверен. Могу поклясться, чем хочешь. А ты вел себя как эгоист и не понимал этого.

– Кто же заставлял ее стать моей подругой жизни? – ледяным тоном спросил Керим.

– Никто. Это была ее ошибка. Только, прошу тебя, скажи мне, она жива?

Но Керим не ответил.

– Хорошо, но разве это дает тебе право становиться убийцей? – продолжал он.

– Одумайся! – чуть ли не со слезами в голосе взмолился Сурхай. – Почему ты так говоришь? Какой убийца? Разве я виноват в том, что мы любили друг друга?

– А кто же, по-твоему, виноват? Девушка? Почему она должна приносить себя в жертву моему эгоизму или твоему, прости меня, донжуанству?

– Она не была бы счастлива ни с тобой, ни со мной...

– Почему же? Ведь тебя-то она любила?

– Потому что... потому что... Я не достоин ее.

– Зачем ты так говоришь, друг мой? Ведь сам же только сейчас упрекал меня в эгоизме. Ты можешь дать ей смерть, но не можешь подарить жизнь? Если твоя любовь так сильна, почему ты считаешь себя недостойным ее? Нет, дорогой, я хорошо понимаю, что кроется за этими словами о «недостойности». Думаю, что ты и сам понимаешь. Все остальное – на твоей совести.

Он поднялся и вышел. Сурхай несколько мгновений смотрел ему вслед, потом подошел к окну. Увидев Ширин, сидевшую в садике, среди кустов сирени, Сурхай почувствовал, как сжалось у него сердце. «Она хотела убить себя?» – взволнованно подумал он и, словно влекомый кем-то, бросился вон из комнаты. Быстро сбежав по лестнице, он вошел в садик. Ширин, скрестив на груди руки, смотрела в какую-то точку перед собой. Услышав шаги, она подняла голову и увидела Сурхая. В глазах у нее вспыхнул ужас. Она быстро поднялась. Он схватил ее за руки, хотел что-то сказать. Девушка задрожала. Она попыталась высвободить свои руки, но вдруг с коротким криком упала ему на грудь. Растерявшись, он усадил ее на скамейку и сел рядом. Голова девушки склонилась к нему на плечо. Глаза ее и губы были полуоткрыты, как у ребенка, уснувшего обиженным. Лицо было таким невинным, ясным, по-детски простодушным, что Сурхай снова поразился: как это существо могло хотеть уничтожить себя? Что толкало ее на этот поступок? Задав себе эти вопросы, Сурхай почувствовал тяжкие угрызения совести. Сердце, казалось, сжимается под тяжестью грязи и пошлости. Это невинное создание пробуждало чистые чувства, таящиеся в его душе. Чувства эти властно атаковали его совесть, требуя, чтобы она, наконец, заговорила. Они – эти чувства – поведали ему о двадцатидевятилетней жизни, они говорили о растоптанных чувствах невинной Ширин, о ее оскорбленном достоинстве... И чем были эти события, начавшиеся с заката сегодняшнего дня? Разве верными были слова, сказанные им девушке, любившей его такой чистой любовью? Разве не прав был учитель? Почему он так безжалостно бросил это им же самим украденное сердце, этот невинный цветок? Или это было прихотью эгоистического и несправедливого чувства? Но ведь он же не злодей, ведь Ширин любила его, может быть, это первая ее любовь... А он? На что растрачивал он свою жизнь?

Воспоминания прошлого, словно удары молнии, поражали его. Что осталось ему от всего этого? И он прошептал себе, как человек, все потерявший: «Ничего».

Жизнь показалась ему вдруг такой потерянной, такой запятнанной, что он ужаснулся и, глядя на девушку, дрожащим голосом окликнул ее:

– Ширин! Ширин!

Глубоко вздохнув, она открыла глаза и, словно вспомнив что-то, беспомощно заморгал, попыталась подняться. Он не отпустил ее.

– Прости меня, Ширин!

Девушка, обессиленная, рыдала в его объятиях.

– Я виноват, я убийца, Ширин, прости меня! – повторил он, и крупная слеза скатилась у него по щеке.

По небу плыла луна. Сады, казалось, уснули сладким, глубоким сном. Беззаботно квакали лягушки. Ночь была тихой, прелестной. Ночь говорила о такой же чистой, ясной, как этот лунный свет, вечной любви. И человек, прошедший бурный путь молодости, понял такую любовь только сейчас... Только сейчас.

Прошло пять лет. Снова был лунный весенний вечер. В садике Джафара-киши собрались гости. В этот вечер его внуку Айдыну исполнилось четыре года. Брови мальчика были черными, как у матери, а глаза голубыми, как у отца. Дедушка чистил для него яблоко.

– Почему же они опаздывают? – спросил кто-то из гостей.

– Мы как раз вовремя! – послышался голос из-за деревьев.

Все обернулись. Мужчина и женщина в летних пальто шли по аллее. Мужчина протянул Айдыну букет цветов.

– Племянник мой, это прислала тебе Гюльнар, она просила, чтобы я поцеловал тебя, – он наклонился и поцеловал Айдына в лоб. Потом обернулся к Сурхаю и Ширин, которые смотрели на него с ласковой улыбкой. Это был Керим.

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

Помнишь ли, друг? Это было весной. Я приехал к тебе погостить. Ты обрадовался, услышав, что я буду отдыхать у вас целый месяц. Но через десять дней я уехал. Мой неожиданный отъезд очень огорчил тебя. Ты попытался узнать причину, а я ответил, что скучаю. Но это было ложью, мой друг. Разве можно было скучать на берегу того прекрасного озера, в те дни, когда цвела весна, улыбалась природа?

Писать свои воспоминания о тех днях мне суждено теперь здесь, в больнице, за тысячу километров от тебя. Мне так сладко вспоминать все, что связано с каждым камнем, с каждым деревом, с землей моей родины, – и я хочу говорить обо всем этом подробно. Надеюсь, ты простишь, если мое письмо окажется длинным.

А вечером, в день моего приезда, я один ушел к озеру. Миновав заросли вьюнов, ежевики и смородины, я добрался до отвесной скалы и – замер от восторга... Передо мной лежало озеро.

На хрустальной глади его поверхности сверкали причудливые золотисто-розовые блики, перекрещивающиеся с тенями обступивших озеро желтых скал и высоких деревьев. Вдали, синела чистая прозрачная глубина. Будто осколок безоблачного весеннего неба упал среди этих величественных гор. Солнце уже забирало у летнего дня последние свои лучи, и горевшие на поверхности озера блики, постепенно бледнея, угасали. Казалось, будто сладостное вечернее одиночество укутывает его своими шелковыми, легкими, как черный тюль, крыльями.

Наконец солнце зашло. Золотистые отсветы его тоже угасли, задрожав. Озеро загрузило, подобно черным глазам лани.

Я услышал позади себя шаги. Обернулся. Две женщины, выйдя из-за кустов, приближались к озеру. Одна – пожилая, другая – совсем еще юная. На первой было темно-коричневое платье, белая шаль из верблюжьей шерсти покрывала плечи. Лицо ее, видимо, красивое когда-то, избороздили теперь глубокие морщины. Гармонируя со спокойным взглядом крупных карих глаз, они придавали ее лицу выражение спокойного достоинства, внушающего уважение.

– По вечерам это озеро печалится, как ребенок, – сказала молодая женщина, не отрывая от озера восторженного взгляда. Я увидел ее темные миндалевидные глаза, и снова мне невольно припомнились глаза лани. Будто не замечая моего присутствия, женщина всем своим существом отдалась созерцанию природы. Может быть, она обо всем позабыла в эту минуту. Ее глаза были чуть прищурены с выражением той нежности, тех высоких чувств, которые окрыляли ее душу. Ее красивые маленькие губы изогнулись в легкой улыбке. Вечерний прохладный ветерок бережно ласкал своим дуновением ее коротко подстриженные, зачесанные на косой пробор каштановые волосы. И вдруг озеро затрепетало. Казалось, ланьи глаза затуманились тревогой неясного томления. Молодая женщина улыбнулась и с невольным удивлением взглянула на меня. Дружище, эту улыбку, этот взгляд я никогда не забуду.

Ты думаешь, в ее взгляде таилось что-то имеющее отношение ко мне? Нет... Вовсе нет. Это был взор человека, плененного красотой озера. Это была любовь к озеру, пришедшему в отчаяние от томительной картины солнечного заката. Казалось, этой беспомощной улыбкой и взглядом молодая женщина хотела передать, сообщить мне или любому другому живому существу свое душевное волнение. Ведь такова природа человека. Он не в состоянии скрыть своего восторга.

Почувствовав, что мне не нужно оставаться здесь дольше, я зашагал прочь. Спустившись к кибиткам, еще раз обернулся назад и сквозь густые заросли вьюнов бросил взгляд на молодую женщину и все еще волнующееся озеро.

Я пришел домой. Моя обычная скрытность не позволила ни рассказать тебе об этой молодой женщине, ни спросить о ней. Но что это была за ночь... Я долго не мог уснуть. В моей душе поселилась какая-то тревога, такого чувства я еще ни разу не испытывал за свои двадцать четыре года. Я смотрел в ночную тихую тьму и с нетерпением ждал рассвета. Я хотел еще раз увидеть ту молодую женщину, ее глаза и улыбку, таящуюся в этих глазах. Я вспоминал, как была она очарована озером, и в душу мою проникла страшная тоска. Вдруг откуда-то стали доноситься звуки сейгяха, кто-то играл на таре. Я стал постепенно засыпать под эту долетавшую издали музыку.

И в ту ночь мне привиделся странный сон. Будто иду я полем, усеянным красными маками. Вдруг навстречу – чудовищная старуха. На голове у нее – венки из цветов. Увидев меня, она громко захохотала и, вырвав из своего венка цветок, протянула его мне со словами: «Возьми! Это – цветок любви». – Сказав так, она исчезла. Я хотел понюхать цветок и склонился к нему. Но он мгновенно превратился в змею и обвил мою шею. Я вскрикнул. Тогда появилась эта молодая женщина. Она с улыбкой сказала: «Не бойся», сняла с моей шеи змею и со всего размаха ударила ее о скалу. Тут я проснулся и увидел, что ты стоишь у моего изголовья. Помнишь, ты спросил, почему я кричу, и предложил мне воды?

Еще до восхода солнца я поднялся с постели и снова ушел на берег. Озеро замерло в серой, грустной неподвижности. Вдруг солнце, поднимаясь над зелеными лесами, бросило на его зеркальную поверхность блики, похожие на лепестки золотистого мака. Озеро улыбнулось, волнуясь и скорбя. Над ним встало нежное веселое утро. Утренний ветерок тронул макушки деревьев. Их дрожащая тень шелковым орнаментом стала обвивать озеро.

В это время из-за кустарника вылетела и поднялась вверх красивая куропатка, а следом появилась та молодая женщина. Сегодня она была одна. Лицо ее дышало свежестью и благородством, как само это восхитительное утро. В ее взгляде я снова уловил все ту же таинственную улыбку. Друг мой, я называю ее улыбку таинственной потому, что не могу другими словами передать всю глубину этого благородства и эту величавую приветливость. В ее улыбке таились, казалось, все красоты, все величие мира. Будто в душе этой молодой женщины жила одна лишь чистая вечная любовь... И ничего больше.

Она прошла мимо меня в своем белом утреннем наряде, оставляя за собой какой-то легкий аромат.

Ее счастливый и в то же время тоскующий взор был устремлен к озеру. Мне пришла вдруг в голову странная мысль: «А чувствует ли она, что я существую на свете?» На душе стало горько.

Друг мой, я завидовал озеру, которое так очаровало ее. Причину ее равнодушия я искал в красоте счастливого озера, будто хотел успокоить этой мыслью свою душевную боль. Мне страшно было подумать, что в ее сердце живет, может быть, еще и другое чувство. Она шла вдоль берега и удалялась, унося с собой вечное завтра. В зеркальной воде озера я увидел ее дрожащее отражение. А озеро улыбалось.

Наконец эта женщина снова скрылась за деревьями. И улыбка озера сменилась какой-то зеленой безжизненной тишиной.

Я почувствовал вдруг странное волнение и сразу же поспешил к тебе. Помнишь? Ты только-только подымался с постели. Увидев меня, ты удивленно спросил: «Что случилось?» А я сказал, обняв тебя за плечи: «Скажи, друг, ты любил когда-нибудь?» Ты посмотрел мне в лицо и улыбнулся.

Весь этот день я провел в томительном нетерпении. А ты все говорил о биологии, о ее современных достижениях, еще о чем-то. Теперь я с волнением ожидал прихода ночи, будто чувствовал, что эта первая любовь, которой исполнился всего-навсего один день, именно в эту ночь взмахнет своими крыльями и улетит, сольется с вечной красотой мира.

И ночь наступила.

Помнишь? Мы сидели в палатке. Ты говорил о гипотезе биологической жизни на Марсе. Вдруг до нас донеслась чарующая музыка. Я вздрогнул и невольно воскликнул: «Вчерашний сейгях». Ты тоже погрузился в раздумье. «Опять играет эта девушка», – заговорил ты, наконец, как бы с самим собой. Я не спросил, кто же она, «эта девушка», поднялся с места и вышел.

Была лунная ночь. Леса, горы погрузились в сладкую тишину. Все вокруг будто замерло, слушая игру на таре, доносящуюся неведомо откуда.

Чем ближе подходил я к озеру, тем яснее слышалась мелодия сейгяха. Наконец я увидел «эту девушку»: то была она.

Сидя под стройным деревом, лицом к озеру, она играла на таре. Неугасающая улыбка ее глаз светилась теперь нежным, радостным чувством. И озеро казалось в эту ночь сказочной феей, которая, опьянев от счастья, достигла своей мечты. От его зеркальной поверхности, сквозь голубой тюль лунного света, излучалась счастливая улыбка, подобная той, что жила в глазах играющей на таре женщины. Они оба были свободными оленями наших гор, друг мой. И они были счастливы.

Я смотрел на нежные движения пальцев этой прекрасной девушки, выглядевших такими бледными при свете луны. Мне казалось, что бесконечное счастье двух горных оленей, восхищенных красотой друг друга, текло по ее нежным пальцам к струнам тара и тысячи невидимых птиц, отлетая от этих струн, с песней уносились в леса и горы.

Вдруг с противоположной стороны показался молодой человек среднего роста. Он подошел к девушке. Подняв голову, она посмотрела на него со спокойной лаской и нежно улыбнулась. Молодой человек молча сел рядом с нею.

«Так вот оно что»... – глубоко вздохнул я и внимательно посмотрел на молодого человека. У него были крупные карие глаза. Во взгляде горели искорки спокойного, тихого счастья.

Молодая женщина снова взглянула на него и, ласково сдвинув брови, взяла на своем таре такой звучный аккорд, что друг ее невольно улыбнулся.

Уместно ли было наблюдать за ними? Я повернулся и пошел прочь.

До сих пор ясно помню свое состояние, чувства, владевшие мной в те минуты. Казалось, я потерял самое дорогое для меня, самое ценное на свете. Поэзия лунного света, мелодия все еще доносившегося сейгяха - все это навевало теперь грусть. Чтобы не слышать больше ее игру, я, волнуясь, все ускорял и ускорял шаги.

А на следующий день, несмотря на твои настояния, я уехал в Баку, сославшись на важные дела.

Покой был утрачен. Долгие ночи я проводил без сна. Исчезла прежняя веселость.

Шли дни, а воспоминания об этом сказочном озере не стирались из памяти. Я ничего не мог забыть и поэтому вечно испытывал чувство вины человека, подглядевшего чужое счастье. Я все больше и больше худел, становился нервным и мрачным. Потом начались головные боли. Они мучили меня. Пришлось пойти в поликлинику. Очутившись в кабинете врача, я остановился как вкопанный. Это была она: та самая девушка!

Припомнила она меня или нет? Не знаю. Улыбнувшись своей обычной ласковой улыбкой, она приветливо сказала:

– Садитесь, пожалуйста.

Я как-то машинально подошел ближе, сел. Она спросила, на что я жалуюсь. Я сказал. Она внимательно осмотрела меня. Прослушала сердце. А меня охватило странное чувство страха. Будто она, выслушивая и выстукивая, могла узнать, что творится у меня в сердце.

Сказав что-то об истощении нервной системы, о том, что мне необходимо отдохнуть, она прописала лекарство и, отдав мне рецепт, со строгим видом, деловито нажала кнопку. В кабинет вошел следующий пациент. Я же, позабыв даже попрощаться, вышел.

Не помню, как и в каком настроении я вернулся домой. Войдя в свою комнату, я несколько секунд, даже, пожалуй, несколько минут, стоял недвижимо. Вдруг, почувствовав, что сильно сжимаю что-то в руке, разжал кулак. Это был рецепт, выписанный ею. Я долго разглядывал непонятные мне строки. Потом, в снежных окопах, в коротких промежутках между боями, я часто доставал этот рецепт, долго держал его перед собой, внимательно разглядывал каждую букву, все точки и запятые. И я старался уверить себя, что в этом нет ничего плохого. Ведь я никому не причинял вреда тем, что смотрел на этот рецепт и со сладкой болью любил каждую его букву. На обратной стороне рецепта я написал свой адрес, фамилию и имя. Я думал: если умру, его отошлют моей семье. А родные сохранят эту бумажку с моим именем как дорогую память.

Но я, кажется, отвлекся от главного. Да, так вот: во второй раз мы встретились с этой девушкой. А на следующий день я услышал о том, что немецкие фашисты напали на нашу страну.

Через два дня, покинув Баку, мы ехали ночным поездом на север.

С тех пор прошло три месяца, а, может быть, и больше. Уже третий день я был на фронте, в боях. Об этих трех днях можно очень много написать, друг мой. Но не могу не сказать об одном: о несгибаемой воле наших бойцов. Когда я видел огонь, горящий в глазах у этих людей, которые проводили длинные, холодные осенние ночи в сырых окопах, не спали по десять суток, постоянно находясь под вражеским обстрелом, – мне казалось, в них живет невидимая сила, способная победить смерть, страх и кошмары. И эта невидимая сила – их глубокая, непоколебимая вера в правоту своего дела.

Главный секрет победы русских над войсками Наполеона в Бородинском бою тоже заключался в этой вере. Как показывает Толстой, русскими и тогда руководила глубокая, непоколебимая вера. Теперь я со всей ясностью постиг эту высокую истину. Я видел, как окруженный десятками вражеских солдат боец бросал на землю гранату, чтобы уничтожить врагов, хотя и сам погибал при этом. Я видел, как молодые, красивые люди смело бросались на вражеские танки, надвигающиеся на них с ужасающим скрежетом. Я видел: ничто не заставляло их проявлять такую смелость. Вся тайна этой самоотверженности крылась в их великой и священной вере. Пройдут дни. Бесчисленные вражеские могилы порастут черными-черными колочками. Тогда появится новый Толстой и более подробно расскажет об этой вере. А я перехожу к рассказу о том, что случилось со мной.

Три дня подряд враг непрерывно атаковал нас. Наша часть получила приказ перейти в контрнаступление на врага с правого фланга. Приказ был по душе бойцам, которые едва сдерживали в эти дни свой гнев. Теперь у них в глазах светилось что-то более суровое, более решительное. И когда они, опустив головы, в спокойном молчании проверяли свое оружие, эта суровость казалась мне величественной. Никто не разговаривал, словно они не видели в этом необходимости. Такое спокойствие и духовное облегчение царили здесь, будто только что отданный приказ снял с них какую-то тяжесть. Может быть, это была та решимость, которая рождается в душе, когда после долго грозившей опасности наступает время действовать. В сознании каждого возникла сейчас, наверное, такая мысль: «Смерть, опасность и без того всегда рядом. Но вот наступил такой момент: смерть или победа. Это – лучше».

Однако командир подразделения медлил с приказом о наступлении; то и дело поглядывая на часы, он чего-то ждал. Вдруг из-за холма впереди нас показались вражеские танки и, открыв огонь, двинулись к нашим окопам. Солдаты с нетерпением смотрели на командира, ожидая приказа. Но он приказал укрыться в окопах и не показываться. Это удивило меня. «Через четыре-пять минут танки подойдут совсем близко. О чем же думает командир подразделения?» Танки двигались вперед, за ними пошла пехота. А мы все молчали.

Наконец, танки миновали хорошо замаскированные окопы. Позади нас послышались взрывы. Я понял план командира подразделения. Части, расположенные у нас в тылу, успешно уничтожали танки, которые были оторваны теперь от своей пехоты, которая уже подходила к нам. Командир подразделения вскочил на ноги и приказал: «В рукопашный бой!» В один миг мы налетели на врага. Я и раньше слышал о том, что немцы больше всего боятся нашего рукопашного боя.

Но теперь положение, в котором они оказались буквально за несколько минут, было уж очень скверным. Они совершенно растерялись от неожиданного натиска.

Вот коренастый молодой красноармеец подбегает к огромному немцу. Тот, стараясь отразить своим штыком его удары, пятится назад, глаза расширились от ужаса, он смешно лепечет что-то. Красноармеец наступает. Немец поворачивается и бежит. Красноармеец, подавшись вперед, с силой вонзает штык ему в спину. Немец, замычав, как бык, валится на землю.

Отразив направленный на меня удар штыка, я наступаю на врага, но вдруг вижу, как молодой политрук в одиночку схватился с двумя немцами. Его лицо кажется мне очень знакомым. Секунду пристально вглядываюсь и узнаю его. Это тот самый молодой человек, что сидел у озера рядом с играющей на таре девушкой. Еще один солдат подскакивает к нему сзади и поднимает штык. Но немцу не удается нанести удар. Одним прыжком, я оказываюсь рядом и выбиваю штык из его руки. И тут же бросаюсь к остальным. Наношу удар в грудь. Вдруг чувствую острую боль в боку. Потом что-то очень тяжелое ударило меня по голове. В ушах ужасно шумит, я падаю.

...С трудом открываю глаза. Чувствую какой-то странный голод и слабость. Удивленно оглядываюсь. Я лежу на кровати в маленькой светлой комнате. Хочу приподняться. Но острая боль в боку не дает шевелиться. Стараюсь поднять голову, но к ней, кажется, привесили что-то десятипудовое. Вдруг слышу легкие шаги. Входит высокая девушка в белом халате. Одно мгновение я вижу опущенные в глубоком раздумье глаза, печальное лицо. Тихо прикрыв дверь, она поднимает голову. Увидев блеск ее темных глаз, я узнаю их и хочу вскочить. Но она, подбежав ко мне, опускается на колени перед кроватью и шепчет:

– Наконец-то вы пришли в себя.

Я ни слова не говорю. Вернее, не могу выговорить. Что скажешь о неведомых поворотах судьбы?..

Это была та самая девушка, которую я видел у озера.
– Ведь мы с вами давно знакомы, – говорит она, улыбаясь. – Помните озеро Дурна, а потом встречу в Баку, в поликлинике...
Вспомнив, как меня ранили, я подумал о политруке и спросил, едва выговаривая слова:
– Ваш муж здоров?
– Муж? – она удивленно посмотрела на меня.
– Тот, которого я видел с вами у озера, политрук...
Она ласково улыбнулась.
– Это мой брат. Он только что приходил навестить вас...
– Так он ваш брат?..

ПЕСНЯ О НЕЗАКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ

Внимательно осмотрев глаза мужчины, профессор поднял голову и встретил полный тревоги взгляд молодой женщины. Он нахмурился и вышел, не сказав ни слова. Женщина последовала за ним.

У себя в кабинете профессор с глубоким вздохом опустился в кресло. Молодая женщина стояла, устремив на него печальные черные глаза. Она очень волновалась, но ни о чем не спрашивала. Вернее, не решалась спросить. Но профессор хорошо знал, о чем молят эти глаза. Сердито взглянув на молодое, красивое лицо, он довольно громко спросил:

– Сколько вам лет?

Со странным, смешанным чувством страха и волнения молодая женщина прошептала:

– Девятнадцать.

Горестно улыбнувшись, старый врач медленно покачал головой. Эта улыбка заставила женщину вздрогнуть.

– У вашего мужа есть кто-нибудь, кроме вас? – спросил профессор.

– Никого нет, – ответила она, покачав головой. – У него была мать. Она умерла четыре года назад.

Врач встал с места, несколько раз прошелся по кабинету, потом остановился посреди комнаты. Не глядя в лицо женщины, глухо сказал:

– Медицина бессильна вернуть зрение вашему мужу. – И, снова усевшись в кресло, нервно потер лоб.

Стараясь сохранить равновесие, женщина схватилась за ближайший стул. Лицо ее побледнело, от страшного потрясения у нее зарябило в глазах, и взгляд этих глаз застыл, устремившись на врача.

Тяжелая весть, подобно электрическому току, пробежала по всему ее телу, потрясла нервы. В голове вертелся один и тот же вопрос, смысл которого она и сама не понимала: «Как это бессильна?»

– Да, бессильна, – повторил врач, как бы пытаясь окончательно убедить самого себя.

Не промолвив больше ни слова, женщина тихо вышла из кабинета. Лицо врача выражало нежность и страдание. Вздохнув, он покачал головой с чувством глубокого сожаления и душевной боли.

Молодая женщина стояла, держась одной рукой за дверь той комнаты, где был ее муж, прикрыв другой глаза.

И только когда санитарка объяснила, что врача ждет другой пациент, она отняла руку от глаз. Запущие от слез глаза ее глянули на санитарку с такой безнадежной горечью, что та, глубоко вздохнув, покачала головой:

– Возьми себя в руки, доченька, успокойся.

Она отерла слезы, открыла дверь. Молодой человек сидел, подперев лоб рукою. Прядь черных кудрявых волос вилась между белыми длинными пальцами. Яркий электрический свет, преломляясь, отражался в его застывших крупных серых глазах. Она долго смотрела в эти глаза...

– Пойдем, Эльмар.

Молодой человек отнял руку ото лба, выпрямился, застегнул пуговицы пиджака и легко поднялся с места.

За всю дорогу он ни разу не спросил о том, что сказал ей профессор.

Молодая женщина думала: «Он, наверное, сам обо всем догадывается» и, обернувшись к нему, сказала:

– Врач говорит, что если ты не будешь нервничать, то скоро выздоровеешь.

Она хотела сказать – «к тебе вернется зрение», но у нее не хватило мужества.

Не ответив на ее слова, муж спросил, есть ли завтра занятия в консерватории. Стараясь подавить боль, терзающую ее душу, молодая женщина сжала губы и несколько секунд молчала. Потом спокойно ответила:

– Есть, но я не пойду. Мне не обязательно посещать занятия регулярно.

Молодому человеку почудились в ее словах нотки жалости. Самолюбие его было задето. Он сказал равнодушно и холодно:

– Стоит ли пропускать занятия, Гюляр?

Жена поняла его. Обиженная и взволнованная, она ответила:

– Зачем ты это говоришь, Эльмар? Если не стоит для тебя, то для меня очень даже стоит. Кому же недорого его любовь? И еще... Прежде ты не говорил мне так... Почему же теперь...

Слезы помешали ей продолжать. Молодой человек ласково спросил:

– Почему ты обижаешься, Гюляр? Еще час назад у меня была какая-то искорка надежды. Нынче вечером и она погасла. Ты думаешь, я не знаю, что говорил тебе профессор? Нет, ты скажи, – продолжал он, не дожидаясь ответа жены. – Почему мы должны обманывать себя пустыми надеждами?

Будто боясь провалиться в темную, страшную пропасть, молодая женщина остановилась на миг и, прижавшись к мужу, со страхом спросила:

– Эльмар, зачем ты так говоришь? Ведь я... я рядом, я с тобой!

Молодой человек ничего не ответил, и до самого дома они шли молча. Прохожие с сожалением смотрели на этих красивых молодых людей, которых не пощадила судьба.

В квартире у них было четыре комнаты и кухня. К западной стороне дома примыкал палисадник. Сюда выходили окна двух комнат. Одна была мастерской Эльмара, в другой стоял рояль Гюляр.

Гюляр медленно, устало прошла к себе. Постояла. Посмотрела на свой рояль, на раскинутые в беспорядке ноты. Были дни, когда, любуясь закатом, горящим над их садиком, глядя на последние лучи заходящего солнца, которые атели в облаках, она сидела за этим роялем и сочиняла песни о молодых влюбленных, о начинающейся жизни, о нежных и прозрачных, как весенняя роса, радостях и мечтах, о силе и красоте творческого созидательного труда человека. А рядом, в другой комнате неутомимо работала кисть молодого художника.

Приподняв крышку рояля, Гюляр тронула средним пальцем клавиши. Печальный звук пролетел над тишиной сада и растаял. Вздвогнув, она отдернула руку. Казалось, ее сердца коснулось что-то холодное, как лед. Гюляр подошла к окну. Глядя на вечернее небо, светящееся сквозь вечно дрожащие листья осины, она прошептала про себя:

– Неужели не будет конца мраку, окутавшему его?.. Неужели всему конец?

Не желая верить этому, она повернулась и прошла в мастерскую художника. С огромного, во всю стену, холста на нее с улыбкой смотрела молодая женщина. То была сама Гюляр. Но портрет остался незаконченным. Работа прервалась, когда Эльмар ушел на фронт.

Те, что приходили когда-то посмотреть на работу молодого мастера, восхищались талантом художника. Сам же Эльмар, молча принимавший похвалы, говорил Гюляр: «Если я смогу написать этот портрет – всю жизнь буду самым счастливым человеком. Я хочу, чтобы он стал символом вечной, большой любви».

– Неужели эта большая мечта погибла навсегда?!

В комнате постепенно темнело. Из садика доносилось одинокое щебетание птиц. Непонятный страх охватил вдруг все существо молодой женщины, по телу пробежала дрожь. Она повернулась и торопливо прошла в гостиную.

Молодой человек лежал на диване, подложив руки под голову. Его застывшие глаза блестели, точно стеклянные. Только по сдвинутым густым бровям и морщинам на белом красивом лбу можно было понять, что думы его глубоки и серьезны. Молодая жена присела подле мужа и прижалась к его широкой груди.

Мрачное лицо художника стало ласковым, ясным. Веки, обрамленные длинными черными ресницами, опустились. Его одухотворенное лицо напоминало скульптуру гения.

О чем думала молодая женщина? Какие чувства царили в душе ослепшего художника? Трудно сказать.

Может быть, их молодые невинные души стремились, преодолев опустившийся между ними страшный мрак, вновь соединиться, понять друг друга?!

Вдруг губы художника дрогнули. Ресницы затрепетали. Осторожно отстранив от себя Гюляр, он приподнялся и сел. Удивленный взор молодой женщины так и впился в него. Чуть повернувшись к Гюляр, он сказал:

– Помнишь, Гюляр, что говорил слепой музыкант у Короленко? Он говорил, что если бы хоть раз увидел мать, солнце, звезды, то жил бы воспоминаниями о них. А я видел все это. Ведь я видел спокойные лунные ночи, беспечно бегущие меж цветами лугов ручьи, куропаток на серых скалах, фиалки, выросшие в кустарниках. Я видел героически сражающихся воинов, которые умирали с песней на устах.

Он помолчал. Потом тихо, печально проговорил:

– И, наконец, я видел тебя... Значит, я счастливее Петра. Не так ли? Если я не стал хорошим художником, это неважно. Будет на земле еще много художников, гораздо талантливее меня...

Молодой человек умолк. Потом сказал очень спокойно, но решительно:

– А теперь, чтобы не мешать тебе работать, я отправлюсь в дом для слепых. Может быть, найду там какое-нибудь дело для себя... А ты сочини хорошие песни. Я буду слушать их по радио...

Голос его сорвался. Поднявшись, Эльмар прошел к окну. Взгляд женщины остановился на его широких плечах.

После приговора врача это был второй удар, нанесенный ее сердцу. На один миг, всего лишь на миг, она представила себе вечную разлуку с мужем. Ее охватило леденящее, безнадежное чувство одиночества. Она поднялась вся дрожа и, крепко сжав его руку в своих маленьких холодных руках, сказала:

– Это невозможно, Эльмар.

... Молодая женщина всячески старалась развлечь мужа. Каждый вечер ходила с ним гулять, одевала его лучше, чем прежде, покупала новые красивые галстуки, шила сорочки, придумывала для него все новые и новые развлечения. Ей хотелось разжечь в душе мужа огонь, который погас в его глазах.

Когда весеннее утро вливалось в комнату веселыми сверкающими лучами, когда прохладный ветерок, прилетевший с гор, ласково касался лица, молодая женщина просыпалась от сладкого прудуренного сна, смотрела на распускающиеся сонные розы, на гроздья сирени, усыпанные блестящими капельками росы, на призрачные тени в саду, под деревьями, потом вглядывалась в лицо мужа, который навсегда был лишен радости видеть все это, и сердце ее обливалось кровью.

И молодой художник поднимал голову с подушки; он говорил:

– Гюляр, кажется, уже утро, – и тогда на омраченном грустью лице молодой женщины появлялась бледная, как северный цветок, улыбка. Они выходили в садик.

Молодой художник бродил меж цветов, прикасался к ним рукой и радостно восклицал:

– Розы расцвели, как и раньше, а черная бархатная все еще в бутоне...

Гюляр наблюдала за мужем с невыносимой душевной болью. Она погружалась в воспоминания о невозвратном прошлом. Ведь ему, художнику, были ведомы самые нежные оттенки и узоры этих цветов, самые сложные их краски. Однажды, с ненасытной страстью любуясь этими цветами, Эльмар сказал:

– Эх, Гюляр, смотрю я на эти цветы и думаю, сумеет ли когда-нибудь человеческий гений передать на кусочке холста эту красоту?

Теперь золотые узоры цветов оживали перед художником только в его воображении.

Когда Гюляр вспоминала все это, ее старания утешить мужа казались ей ничтожными и никчемными. Она чувствовала себя совершенно бессильной помочь Эльмару в его огромном горе.

Они подходили к молодому сиреневому кусту. Художник, подобно слепой матери, которая не может увидеть свое дитя, проводил рукой по ее веткам и ласково, но очень печально говорил:

– А сирень наша как выросла!

Так заканчивалась их утренняя прогулка. Они поднимались по лестнице, и художник силой привычки улавливал тот момент, когда они проходили мимо его мастерской, мускулы на его лице нервно напрягались.

Вернувшись с войны, он ни разу не вошел в эту комнату и даже не заговаривал о ней. Гюляр понимала его. Усевшись за рояль, она часами играла, погружаясь в глубокие думы о судьбе своего молодого мужа, об оставшемся навеки незаконченным портрете, там, рядом, в его мастерской...

Шло время, художник не переставая мучительно думал...

С каждым днем слабела его воля, все меньше верилось, что он счастливее слепого музыканта. Его внутренний мир, живущий под черным покровом, смущали теперь беспощадные, самолюбивые чувства.

Воспоминания о красивых пейзажах, о книгах, которые сохранились в его памяти, утомляли его.

«Петро родился слепым, – думал он, – природа передала его зрительную способность другим органам. То, что он не мог видеть глазами, он слышал ушами, чувствовал всем своим существом, поэтому он и очаровывал слушателей игрой. Слепшего Корчагина вернул к жизни, в ряды боевых друзей, его большой талант. А я все видел, был способен различать самые сложные и тонкие оттенки цветов; ведь именно в глазах жила моя творческая сила, и я лишился глаз. Мне двадцать шесть лет. Значит, я могу прожить еще тридцать-сорок...»

Он любил Гюляр. В самых ожесточенных боях эта любовь благоденствующим крылом раскрывалась над ним, умножала его душевные силы. Любовь окрыляла самые благородные мысли, самые неисполнимые, казалось бы, мечты. Но теперь эта любовь, эта самая сильная любовь причиняла ему страдания.

Он уговаривал жену отпустить его в дом инвалидов. И Гюляр каждый раз, в свою очередь, умоляла мужа выкинуть из головы эту мысль. Но удивительна природа человека: любовь приносит ему радость и счастье только в том случае, если он считает себя достойным этой любви. И вот теперь любовь Гюляр не могла уже осчастливить ослепшего художника. Ее все возрастающее внимание и забота о муже причиняли ему боль, задевали самолюбие. Он смотрел на ее старания, как на великодушное, снисходительное чувство жалости к слепому.

А это мучило его молодую жену, друга его жизни. Гюляр часами думала, как найти ей путь к его сердцу, убедить мужа в ложности его мысли. Наконец, так и не придумав ничего, она садилась за рояль, стремясь всемогущим языком музыки излить те чувства, которые не умела выразить словами.

Устраивая какой-нибудь праздник, местные комсомольские организации никогда не забывали молодого художника.

Комсомольцы приглашали его на торжества, усаживали на самое почетное место. Иногда Эльмара просили поделиться фронтовыми воспоминаниями и очень внимательно слушали его.

Секретарь районного комитета комсомола несколько раз беседовал с Гюляр о том, чем бы занять Эльмара, какую работу можно ему предложить. Но они ничего не могли придумать.

Что делать этому парню, сильному, крепкому, как сталь? Какой полезной работой он мог бы занять свои дни? До каких пор он будет сидеть дома без всякого дела и ждать возвращения жены с работы?

Эти вопросы, волновавшие друзей Эльмара, порождали новые, гораздо большие волнения в душе слепого художника. Его творческий гений не мог найти покоя. Он бился... бился, как птица с перебитыми крыльями, которая ощущала, видала бесконечные глубины небес. Его творческая сила искала себе русло, как река, которой преградили путь, мучилась, металась, но так и не могла пробиться сквозь преграду.

Так прошли осень и зима. Снова наступила весна. Снова расцвели цветы художника. Но зрение его не вернулось, и душа не улыбалась...

В весенний вечер, в тихий весенний вечер, который пробуждает в сердцах любовь и сострадание, они сидели у окна гостиной. Гюляр вышивала салфетку, а Эльмар, опершись на подоконник, погрузился в свои думы. Вечерний ветерок, будто желая разогнать утомлявшие его тяжкие мысли, то и дело принимался гладить его волосы.

Двое молодых людей – юноша и девушка – проходили мимо их окон. Они остановились. Девушка посмотрела на художника, а потом на занятую вышиванием Гюляр и с улыбкой сказала:

– Здравствуй, Гюляр!

Гюляр подняла голову и увидела свою школьную подругу и ее товарища. Она ласково сказала:

– Добрый вечер, куда это вы собрались?

Девушка, будто боясь, как бы не услышал их слепой художник, тихо, испуганно ответила:

– Хотим пойти в кино...

Художник услышал, и его ресницы нервно дрогнули. Гюляр заметила это. Она пожалела: ну, зачем было задавать такой вопрос... Меняя тему разговора, Гюляр как можно веселее спросила:

– Как поживает мама?

Девушка тоже почувствовала неловкость создавшегося положения. Она сказала:

– Спасибо, хорошо. Заходите к нам, – и тут же распрощалась.

После их ухода тишина, окутавшая комнату, стала еще мрачнее. Гюляр все думала, как загладить ей тяжелое впечатление, вызванное у мужа словом «кино». Но где найти столько обманчивых слов на каждый из сотен подобных случаев?

А молодой человек думал о том, что его жена уже больше года не видела ни одного фильма, ни одного спектакля, и страдал в немых муках.

Нет, это не может так продолжаться! – поднявшись с места, он прошел в спальню. Открыл платяной шкаф, протянул руку к висевшему там военному кителю, ошущю нашел кобуру и, достав маленький пистолет, спокойно положил его в карман. Тяжелыми шагами прошел в кабинет, чтобы написать жене несколько слов. Пошарив рукой по столу, он нашел давно забытые там блокнот и черный карандаш. Вырвал листок из блокнота. Придвинул стул и сел. Что написать? Слепой, он сможет вывести всего лишь два-три слова, можно ли выразить свои чувства в этих словах? Но не мог он и не написать. Эльмар не хотел так вот, внезапно, без единого слова расстаться с человеком, которого любил больше всех на свете, расстаться навсегда... Собрал все силы, он вывел первое дорогое слово: «Гюляр!»

В это время он услышал вдруг печальную мелодию: оживая, эта музыка рассказывала ему изумительную историю. Молодой человек вздрогнул; перестав писать, он стал вслушиваться в этот рассказ.

Клавиши говорили то медленно, неторопливо, то быстрыми бурными восклицаниями. Они рассказывали о том, что пережила и выстрадала душа молодой женщины. Спокойные, величественные звуки поведали о том, как в самые прекрасные дни ее жизни это молодое сердце влюбилось в своего героя; музыка говорила о великой судьбе этого героя. Звуки лились, и в памяти художника постепенно возникали изумительные далекие воспоминания о волнующей, как аромат нежных весенних цветов, любви.

Вдруг клавиши заволновались, закричали... Они говорили о черных тучах, окутавших это сияющее радостью и счастьем весеннее утро, о том, как храбро дрался молодой человек за свою могучую советскую Родину. Музыка, тихо переливаясь, рассказывала о чувствах молодой женщины, которая клялась в вечности и верности своей любви.

Клавиши пианино, казалось, почували вдруг недоверие, закравшееся в душу молодого человека, и подняли мятежный крик; постепенно стихая, он перешел в тихо звенящую легенду о великой всепобеждающей любви. Молодой человек поднялся с места и, как зачарованный, вошел в смежную комнату.

Молодая женщина не заметила его появления. Она играла в полумраке комнаты, устремив глаза к видневшемуся в окне все еще светлому небосводу. Будто легенды, оживающие в этих звуках, цепью, одна за другой, проходили перед нею там, в таинственных глубинах небес.

Художник слушал взволнованный, пораженный. Он уловил поразительное сходство между чувствами, о которых говорила эта чарующая музыка, и той могущественной любовью, что он хотел когда-то выразить в своем оставшемся незаконченным произведении. Он прозрел... Душа его видела дорогую подругу, улыбающуюся светлому радостному миру, видела вечную любовь, отраженную в ее улыбке. Страшная темнота вот уже год окутывала мысли и душу, мучила его. Но теперь она таяла в свете этой волшебной любви, исчезала... Теперь он видел жизнь, вечную, великую жизнь... Видел портрет, все его ожившие краски.

Радостное, счастливое чувство затрепетало вдруг в душе художника; шагнув вперед, он взволнованно вскрикнул:

– Гюляр!

Прошло несколько лет. Тихим летним вечером в одном из городских парков рядом с красивой молодой женщиной сидел молодой человек; его крупные серые глаза отражали последние лучи заходящего солнца, подобно стоячим водам озера. Хорошенький, сероглазый кудрявый малыш играл подле них.

Вдруг по радио объявили:

– Внимание, слушайте симфоническую поэму «Песня о незаконченном портрете» композитора Гюляр-ханум.

Малыш подбежал к молодой женщине, обнял ее колени и пролепетал:

– Мама, это о тебе говорят!

Слепой художник взъерошил кудри сынишки и улыбнулся.

СТАРУХИНА ГОРА (Легенда)

Осажденный город вот уже тридцать девять дней воевал с шахом, который напал на него, придя из далекой страны. На сороковой день битвы отважный сын шаха двадцатилетний Меликтадж с пятьюстами богатырями взял штурмом одну из городских стен и ворвался в город. Следом за ними вошло и все войско.

Разъяренный непреклонностью горожан, отвечавших отказом на неоднократное предложение сдаться, шах вызвал своего визиря Тайгёз*-Юсифа и приказал никого не щадить.

Тайгёз-Юсиф пропустил через свой меч семь тысяч уцелевших в боях жителей города, от мала до велика. Дома были разрушены. Кровь текла, как вода.

После трех дней резни и разгрома шах покинул город и велел разбить на зеленом бугре палатки. Он приказал своему войску пировать три дня и три ночи, осушать чаши в честь победы.

Кувшины цвета бирюзы, в золотой оправе, были наполнены семилетними ширазскими винами. Резали пятигодовалых черных баранов с необыкновенно вкусным мясом. Охотники принесли из лесов Карабаха фазанов с горящими, как языки пламени, перьями.

Повелитель вошел в свою палатку, укрепленную на семи золотых кольях, и уселся на семи тюфяках из тирме**. Явились нашабурские музыканты в атласных нарядах. Расстелили скатерти, поставили золотые бокалы.

Семьдесят семь рогов протрубили в честь победы шаха всех шахов.

В этот момент грозный визирь шаха, Тайгёз-Юсиф, вошел в палатку и склонился перед повелителем. Шах передал стоящему рядом негру пустой бокал и сказал, сурово сдвинув брови:

– Где же ты, визирь? Или ты думаешь, что можно прервать праздник моей победы?

Тайгёз-Юсиф снова склонился до земли.

– Ваше величество, я слабый Юсиф, твой преданный раб. Я не без причины опоздал к шаху всех шахов.

По голосу визиря шах почувствовал, что тот принес недобрую весть.

– Что случилось, визирь? Говори скорей!

Поклонившись в третий раз, визирь сказал:

– Сотни лет пусть здравствует его величество! Твой сын Меликтадж... заболел.

– Что ты говоришь, визирь? – Шах поднялся с места...

Принц Меликтадж лежал в соседней палатке. По обеим сторонам его постели молча стояли семь негров со скрещенными на груди руками. Они молча устремили на него свои взгляды.

Когда шах в сопровождении визиря вошел в палатку, рабы упали на колени и прижались лбами к земле. Затем, поднявшись, отошли назад на десять шагов. Шах подошел к сыну и положил ему на лоб свою белую руку, сверкающую рубинами и бриллиантами.

– Сын мой, Мелик! – взволнованно позвал он. Но больной молчал. Тогда шах, повернув к визирю побледневшее лицо, страшным, дрогнувшим голосом приказал:

– Сейчас же разослать гонцов во все стороны. Пусть соберутся сюда все мудрецы мира.

Весь день шах не отходил от изголовья сына, ночью он не сомкнул глаз. Ничего не ел.

На следующий день визирь возвратился и сказал:

– Ваше величество, в городе – всего несколько стариков и детей, все жители истреблены, а те, кто остался в живых, бежали ночью в леса. После долгих поисков мы встретили одну старуху-гадалку.

Разъяренный шах спросил:

– И где же гадалка?

– Не пришла. Требуется, чтобы принца принесли к ней.

– Ого! – надменно улыбнулся шах.

– Ваше величество, я приказал бы бросить ее в костер, но...

Шах прервал визиря:

– Приготовьте паланкин!

Миновав разрушенные кварталы, улицы, полные человеческих трупов, повелитель и его свита остановились перед маленькой избушкой. Сняв паланкин с плеч, негры опустили его на землю. Принца осторожно внесли в избу. Там в полумраке стояла высокая старуха. При появлении шаха она не поклонилась ему, не шевельнулась, застыв на месте, похожая на статую.

Шах прошел в избу, сел на тюфячок у изголовья больного и сказал:

– Старуха! Говорят, ты умеешь беседовать со злыми духами, с джиннами. Ты находишь лекарства от неизлечимых болезней. Вот, мой любимый сын Меликтадж горит в огне, проклятые джинны украли его сознание. Прошу тебя, помоги нам, старуха! Если ты вылечишь его, я озолочу тебя и твой дом. А если обманешь, я прикажу казнить тебя самой страшной смертью.

Старуха ответила со спокойной гордостью:

– Я мать... Я понимаю чувства, которые мучают тебя. Я вылечу твоего сына. – И, взяв чашу с водой, опустилась на землю перед паланкином. Пробормотав что-то про себя, она подула на воду. Мгновение пристально смотрела на чашу, потом подняла тяжелый и грозный взгляд. – Эй, шах, – сказала она, – я вижу здесь тысячу гневных духов. Они спрашивают: «Шах очень любит своего сына?»»

Шах со страхом сказал:

– О чем ты говоришь, старуха? Он мой единственный наследник. Большое государство мое только на него и молится, на него надеется. После моих семилетних молитв, после того, как я принес семь тысяч жертв, великий создатель подарил мне его. Он вырос и стал первым богатырем на Кеянской земле.

Гадалка, еще раз посмотрев на воду, сказала:

– Седая женщина спрашивает: «У принца есть мать?»»

Шах ответил со вздохом:

– Есть, старуха. Его мать, Хадиджабану – счастливейшая из женщин на всем белом свете. Потому что она подарила мне такого сына, как Меликтадж. Скорее, старуха, вылечи болезнь моего сына. Хадиджабану снятся сейчас черные змеи.

Старуха впервые за все это время посмотрела на больного принца, и ее глазам, казалось, стало больно от бледной красоты молодого человека. Ресницы старухи вздрагивали, зрачки расширились, вспыхнули сухим блеском.

– Вся его болезнь – в груди, – сказал шах, глядя на тяжело дышащего сына. Встав с места, старуха подошла к больному. Положила ему на грудь свою сухую, жилистую руку.

Больной поднял веки. На старуху устремилась пара черных печальных глаз, похожих на глаза раненой лани. Почерневшее от солнца и горя страшное лицо старухи озарилось чудесным светом: ведь она была матерью...

Потом старуха пошла в горы и принесла полный подол цветов. По ложечке вливала больному настойки из их сока. Ни днем, ни ночью не отходила от него.

Оставшиеся в живых жители города призывали проклятья на ее голову. Завидев ее, укрывшиеся на склонах гор старцы опускали глаза и смотрели себе под ноги. Встречавшиеся в отдаленных местах, далеко от взоров чужестранцев женщины, недовольно качая головой, говорили:

– Эх, а старуха Баллы оказалась безбожной...

Даже дети издевались над ней.

– Эй, гадалка, а где же твои золотые башмаки? – насмешливо кричали они и бежали за ней следом.

Старуха отвечала на ненависть своих земляков молчанием, каждый день ходила в горы, приносила полный подол цветов и лечила больного. Ведь она была матерью!

Наконец, на седьмой день принц открыл глаза и попросил поесть. А на одиннадцатый – войско было извещено о том, что он встал с постели и совершенно здоров.

Шах дал гадалке кيسет золота и сказал:

– Старуха, открой мне тайну своих цветов.

Старуха покачала головой.

– Я никому не могу открыть эту тайну, повелитель. Но я дам твоему сыну еще одно лекарство, приготовленное из этих цветов, и он никогда больше не узнает, что такое болезнь.

Сказав так, старуха принесла чашу, наполненную розовой жидкостью. Шах взял чашу и поднес ее к носу.

– Мускус это или амбра, что у тебя здесь, старуха?– спросил шах. – Этот аромат очаровывает человека.

– Питье приготовлено из редчайших в мире цветов,– ответила старуха.

Повелитель осушил чашу наполовину, потом протянул ее сыну и сказал:

– Могу поклясться, что за всю свою жизнь я никогда не пробовал такого сладкого шербета.

Когда принц, выпив сок до последней капли, вернул старухе чашу, гадалка облегченно вздохнула.

Шах бросил ей еще один кисет с золотом и обратился к стоявшему рядом Тайгёз-Юсифу:

– Визирь, недобрые духи омрачили мой праздник. Но теперь у меня уже нет больше никакого горя. Велите войскам так веселиться и гулять три дня и три ночи, чтобы солнце на небе потускнело.

– Выпущенная стрела больше не возвращается, повелитель. Каждая минута имеет свое предназначение! – тихо промолвила старуха Баллы.

– Ты что, с ума сошла, старуха? Что ты болтаешь? – Шах гневно поднялся с места и, вдруг пошатнувшись от страшной боли, протянул руки и ухватился за плечи визиря. В этот миг и принц тоже покачнулся, словно тополь, срубленный под корень, и упал на руки стоявшего позади негра.

Дикий вопль вырвался из груди повелителя:

– Яд! Яд! Яд!

– Да, яд... – спокойно повторила старуха Баллы. Глядя на змеей извивающегося по земле сына, шах закричал:

– Визирь, помоги! – и не в силах больше стоять на ногах, уткнулся в тюфячок. С трудом подняв голову, он воскликнул:

– Старуха! Спаси хотя бы моего сына! Ведь ты говорила, что ты – мать.

– Да, ваше величество! – вздохнула старуха Баллы, – я – мать!..

Шах и его сын умерли в страшных муках... По приказу Тайгёз-Юсифа старуху заперли в ее избе. Потом каждый из воинов шаха высыпал на ее избу большой мешок земли. К концу дня, когда последние лучи солнца угасали в облаках, на вершине горы Савалан, над избой старухи образовался большой холм...

Весной холм порос серым чертополохом в желтых колючках. Его назвали: «Старухина Гора».

Ветры и воды веков уничтожили все следы руин города. Это место превратилось в равнину. Каждую весну она покрывалась золотыми маками. И лишь «Старухина Гора» высится здесь памятью об этом городе. У подножья горы бурлит родник. Странники, идущие мимо из далеких мест, пьют воду из родника, утоляя жажду...

КИНЖАЛ

Городок стоит среди широкой, бескрайней равнины и лишь с одной стороны окаймлен лесами. Издали видны только крыши кирпичных домов, скрытых за высокими глиняными стенами. Почти все дома – одноэтажные.

Человек, впервые очутившись в этом городе, почувствует себя одиноким и беспомощным среди одинаково серых улиц, извивающихся между однообразными стенами. Но стоит путнику войти в один из дворов, как перед ним откроется совершенно другой, сказочный мир. И если он, этот путник, обладает поэтическим чутьем, нежный аромат сирени, фисташек, миндаля, чудесные аллеи между кустами благоухающих роз, манящие своим таинственным полумраком, жемчужные брызги прохладной воды, рассыпающиеся от небольшого фонтана среди бассейна с пестрыми рыбами, сразу, как легенда, как волшебная сказка, унесут его мысли, мечты далеко, далеко...

Конечно, пышность этих садов зависит от богатства хозяина. По вечерам, когда над городом сгущается мрак, полный страшных видений, купец, утомленный бойкой торговлей летнего дня, с шелковой абой на плечах, сидит на кирманском ковре, посланном на прохладный мрамор бассейна, и, прислонившись к мутакам, с полузакрытыми глазами курит кальян с ширазским табаком.

Утомленный крестьянин, возвращающийся с полевых работ, моет ноги в воде прозрачного арыка, текущего среди трав, и на циновке, разостланной под зелеными лозами, обвившими деревья и, словно чадра, закрывшими небо, утоляет голод зеленью, хлебом и сыром, молясь Аллаху, чтобы он послал ему благополучие и на завтрашний день...

... Вот уже скоро год, как простые люди этого города познали счастье. Здесь установлена власть национального правительства. С лавок сняты вывески на чужом языке. Изменились и названия улиц. Люди теперь часто с каким-то внутренним удовлетворением повторяют слова «родной язык», «национальное правительство». Как будто одно произношение этих слов доставляло им безмерное наслаждение. Гордость звучала в их голосе. Рано утром купцы и ремесленники спешили достать свежий номер новой газеты. Последние известия, стихи и рассказы, опубликованные на родном языке, они читали с огромным наслаждением.

Вот уже скоро год, как Судаба-ханум, вопреки воле своего отца-менялы Мешади Таги, работает учительницей в новой школе. И преподает она детям родной язык...

Мешади Таги был самым богатым купцом города. Он дал своей единственной дочери Судабе высшее образование.

Мешади боялся демократической политики национального правительства. Сидя с утра до вечера в своей меняльной лавке на самом бойком месте базара, за мешками, набитыми золотыми и серебряными монетами, он, перебирая четки, слушал молча, с полузакрытыми веками, медленные тихие разговоры о национальной свободе, о национальном процветании.

Когда, после установления национального правительства, его дочь Судаба-ханум выразила желание стать учительницей, он сперва так рассвирепел, что чуть не выгнал ее из дому. Потом, видя твердую решимость девушки, попытался уладить все тихо, спокойно.

– У меня несметные богатства. Пойми, для меня будет позором, если ты пойдешь учить детей всяких голодных собак за какие-то гроши, – говорил он.

Но когда девушка решительно заявила, что будет служить не «собакам всяким», а своим соотечественникам, гражданам своей родины, умный и хитрый Мешади Таги почувствовал бесполезность спора и замолчал. Откуда у этой девятнадцатилетней купеческой дочери такой мятежный дух? Этого Мешади Таги никак не мог понять. Старый меняла, свыше пятидесяти лет своей жизни проведший за денежными мешками и ничего, кроме звона золота, не видевший, не мог понять тайны могучей силы, скрывающейся в чувстве патриотизма, овладевшем за такое короткое время сердцами всей молодежи. Сердце самого Мешади было таким же холодным и мертвым, как золотые монеты, лежащие перед ним...

Судаба-ханум была тонкой стройной девушкой, белое нежное лицо ее одухотворялось ласковым выражением карих глаз. Она была тихой, доброй и очень мягкосердечной. Такие с трудом увлекаются какой-либо идеей, но если уж увлеклись, ничем их не заставишь отступить.

Чувство национальной гордости пробудилось у Судабы во время одного случайно подслушанного ею разговора. Однажды на балу у одной из своих подруг она встретила молодого офицера, красота, богатство и высокий чин которого были постоянной темой разговоров среди барышень. Бросив на нее надменный взгляд, офицер сказал рядом стоящей девушке: «Она прекрасна. Но жаль, «не из наших...» Самолюбие Судабы было больно задето, и этот случай сыграл решающую роль в ее жизни.

Вот почему она примкнула к освободительному движению своего народа, и бурные волны этого движения подхватили ее и понесли. Впервые в жизни чувство национальной гордости овладело всем ее существом. По утрам она поднималась с постели с сильно бьющимся сердцем, выпив стакан чаю, спешила в школу и детей – учеников и учениц своих встречала с таким волнением, с таким тревожным чувством, как будто боялась потерять их, ужасалась при одной мысли, что с ними может случиться что-нибудь недоброе. Взоры этих полуголодных детей в рваной одежде, взоры, в которых, однако, не было ни жалобы, ни искры требовательности, терзали сердце юной учительницы. С болью в душе она глядела на эти бледные и изможденные лица и, едва сдерживая слезы, думала: «Милые, хорошие мои!»

Однажды во время перемены Судаба услышала необычный шум во дворе и, открыв дверь, вышла на крыльцо. Ученики с трудом удерживали четырнадцатилетнего худого, смуглого мальчика с кинжалом в руке, пытающегося вырваться и броситься на хорошо одетого, побелевшего от страха ученика. «Пустите! – яростно кричал он. – Я покажу ему, кто бесчестен!»

Судаба встревожилась. Прокладывая дорогу сквозь толпу детей, она пробилась к мальчику с кинжалом. Заметив ее, мальчик сразу успокоился. Товарищи отпустили его, и он, спрятав кинжал за спиной, опустил голову.

– Из-за чего они ссорятся? – спросила Судаба у детей.

– Он виноват, учительница! – ответил самый старший и бойкий из мальчиков, указав на хорошо одетого ученика, и объяснил: – Ильдрым сказал, что полицейские бесчестные. А этот говорит: бесчестный ты сам. Потому что его отец был полицейским...

Судаба взяла мальчика с кинжалом за руку, повела в учительскую. Окинув взором его чистую, но сплошь в заплатках старую одежду, черные кудрявые волосы, виновато опущенные глаза, она решительно потребовала:

– Отдай кинжал!

Мальчик упорно прятал свое оружие за спиной и молчал.

– Отдай, говорю, кинжал! – повторила Судаба. И тогда мальчик, не глядя ей в лицо, протянул кинжал.

– Разве школьникам можно носить с собой кинжал? – спросила Судаба, посмотрев на сверкающий кинжал с белой костяной рукояткой. Потом она сердито взглянула на мальчика. Он молчал, не поднимая головы...

– Значит, ты хотел убить сына народа? – Судаба внимательно глядела на мальчика.

И вдруг Ильдрым резко поднял голову и, устремив черные и блестящие, как смола, глаза на учительницу, злобно выпалил:

– Он не сын народа! Он сын полицейского!

Гнев, звучавший в его голосе, его твердость и решимость произвели впечатление на учительницу и, уже с любопытством глядя на мальчика, с едва скрываемой улыбкой она спросила:

– А разве полицейский не из народа?

Бросив на нее быстрый суровый взгляд, Ильдрым вновь опустил голову. Учительница поняла смысл этого мгновенного взгляда...

– Ладно, ступай. На сей раз я прощаю тебя. Но чтобы это никогда больше не повторилось, слышишь?

Мальчик стоял, не двигаясь с места.

– Почему же ты не уходишь? – спросила учительница.

Ильдрым поднял голову и тихо, но твердо, решительным тоном сказал:

– Отдайте кинжал!

– Нет. Школьнику не полагается носить с собой кинжал!

После недолгого молчания Ильдрым как-то тяжело, с большим трудом двинулся с места, направился к двери и там, у порога, вновь обернулся.

– Кинжал отдайте, учительница!

– Я уже сказала, что ученику нельзя носить кинжал! – ответила Судаба, глядя в его черные горящие глаза.

– Нет, верните мне кинжал, – дрожащим голосом настаивал мальчик.

– Выйди! – потеряв терпение, крикнула Судаба.

Ильдрым опустил голову, но с места не двинулся. И вдруг учительница заметила, как слеза медленно катится по его смуглой щеке.

Судаба подошла к нему и совершенно другим, ласковым голосом сказала:

– Завтра я взамен кинжала подарю тебе что-нибудь другое, лучшее. На что тебе этот кинжал?

Добрые, ласковые нотки в голосе учительницы тронули сердце мальчика.

– Простите, учительница, – сказал он умоляющим голосом. – Я больше ни с кем не поссорюсь.

Только отдайте кинжал...

– Я же сказала, что подарю тебе что-нибудь лучшее, что-нибудь дорогое, ценное...

– Не хочу. Кинжал отдайте! Это кинжал моего отца.

– Ничего. Я поговорю с отцом твоим.

– Нет у меня отца.

– Он умер?

– Не знаю. Четыре года тому назад полицейские пришли за ним... арестовали. Увели.

Широко раскрытые глаза учительницы уставились на лицо мальчика. Капля слезы застыла на его щеке.

– Как? И с тех пор от него нет никаких вестей?

– Нет!

Это слово Ильдрым произнес с такой печалью и грустью, с таким отчаянием во взоре, который он не отрывал от кинжала, что Судаба невольно вздрогнула и, сама того не чувствуя, медленно подняв руку, отдала кинжал. Все это она проделала так, словно совершала священный обряд.

Искры радости заиграли в глазах мальчика, он вложил кинжал в ножны, висящие у пояса под пиджаком, повернулся и выбежал из комнаты.

Судаба несколько мгновений смотрела вслед ему, а потом тяжело вздохнула.

Возвращаясь в этот день домой, учительница почувствовала какое-то тревожное волнение среди жителей городка. Они как будто куда-то спешили, чего-то опасались, сурово молчали или робко, с каким-то затаенным страхом шептались.

Они не улыбались, как вчера, встречая учительницу, а быстро проходили мимо, лишь едва поклонившись.

Что все это означало?

Вечером мачеха Заринтадж-ханум зашла к ней в комнату и позвала ее к отцу.

Мешади Таги с арахчыном* на голове и шелковой абой на плече сидел на подушках, курил кальян. На его обычно каменно-невозмутимое лицо легла тень какого-то беспокойства.

– Что прикажете, отец? – почтительно спросила Судаба, остановившись перед ним. Несколько минут прошло в напряженной тишине. Наконец, Мешади Таги поднял голову и, не глядя в лицо дочери, оказал:

– Ты, наверное, слышала новую весть.

– Какую весть, отец? – с любопытством спросила девушка.

– Как какую весть? – с нескрываемым злорадством в голосе, с ядовитой улыбкой продолжал Мешади Таги: – Очевидно, эти мошенники – проклятые демократы не успели сообщить тебе, спасая свою шкуру!

Слово «спасая» он произнес с особенным злорадством.

– Никто никуда не бежал, отец! – ответила девушка, с трудом сдерживая свое возмущение.

– Теперь нет смысла спорить об этом, – уже совершенно другим голосом сказал Мешади Таги. – Если они убежали, скрылись, спасая свою шкуру, то поступили очень умно. Войска короля вчера вошли в соседний город, и всех демократов от мала до велика предали мечу. Завтра-послезавтра они будут здесь!

Мешади Таги умолк, дважды с наслаждением потянул дымок кальяна и по-прежнему, не глядя в лицо дочери, спокойным и мягким голосом сказал:

– Медлить нельзя. Утром за тобой придет машина. Увезет тебя в столицу. Будешь там, пока здесь не станет опять спокойно. А там посмотрим...

– Я никуда не уеду! - ответила Судаба.

И впервые за все время разговора Мешади Таги поднял голову, посмотрел прямо в глаза дочери.

– Что это значит? Ты все еще перечишь мне? – со страшно спокойным лицом спросил он.

– Я народная учительница!

– Значит, ты хочешь, чтобы тебя повесили? – сказал Мешади Таги и поднялся с места.

– Я буду с моим народом... Я не могу бросить его в тяжелую минуту и убежать в стан врага!

Мешади Таги все с тем же спокойным выражением на лице сказал:

– Подумай хорошенько, глупая! Из-за тебя они могут опозорить и меня!

– Я никуда не уеду, отец! – со всей решительностью повторила Судаба и повернулась, чтобы уйти.

– Стой! – крикнул отец, и лицо его стало страшным... Жилы на лбу побагровели и вздулись, глаза засверкали, словно глаза волка, почувшего опасность.

– С этой ночи у меня нет дочери по имени Судаба! Да проклянет тебя Аллах! Убирайся из моего дома! Сейчас же вон!

И он грубо толкнул дочь. На крик Мешади Таги прибежала мачеха Судабы.

– Послушай, куда ты выгоняешь в такой поздний час, в такой холод бедняжку? – вмешалась добросердечная мачеха.

– Отстань! – дико крикнул Мешади Таги.

Судаба тяжелыми шагами направилась к двери. Заринтадж-ханум у самого порога догнала ее, помогла одеть пальто.

Девушка покинула дом отца.

– Уходи! Жди страшного конца!

Этот яростный голос, прогремевший во мраке, привел девушку в дрожь.

Была темная ночь. Учительница шла спотыкаясь, чуть не падая. Но куда? Она не знала. Никого из близких в этом маленьком городе у нее не было. В гостиницу пойти? Невозможно. У нее нет денег.

Холодный декабрьский ветер бросал ей в лицо острые, как иглы, снежинки, ночь выла, как взбесившийся волк, а она все шла, не зная, куда держит путь...

– Здравствуйте, ханум-учительница!

Судаба вздрогнула, вскинула голову и увидела перед собой Ильдрыма, несшего на плече охапку сучьев. Бодрый, звонкий голос мальчика сразу заставил ее забыть про свое горе.

– Ты что, из лесу идешь в такой поздний час?

– Да, из лесу. А вы, учительница, куда идете в такое время?

Учительница была поражена отвагой этого четырнадцатилетнего подростка, в такую страшную ночь в одиночестве таскавшего из лесу дрова. Она даже не нашла, что ответить. Несколько минут они шли молча. Вдруг Судаба остановилась и с твердой решимостью в голосе спросила:

– Кто у вас дома, Ильдрым?

– Никого нет, учительница, я и мать.

– Приютите меня на одну ночь?

– Почему нет, учительница. Хотите, оставайтесь у нас совсем.

– Пойдем.

– Каждый день после занятий в школе я хожу за дровами... Сегодня я долго готовил урок, опоздал, – оживленно говорил мальчик.

– А в такой темноте тебе не страшно одному ходить в лес?

– А чего мне бояться? – улыбнулся мальчик, блеснув во мраке яркими белыми зубами. И тут же добавил: – Когда со мной отцовский кинжал, я ничего не боюсь.

Они остановились на одной из окраинных узких улиц города, перед небольшими воротами. Мальчик постучал. Ворота вскоре открыли.

– Где ты пропадаешь, сынок? Неужели не боишься волков? – спросила женщина, открывшая ворота, удивленно поглядев сперва на сына, потом на учительницу.

– Скорее приведи комнату в порядок, мама! К нам пришла погостить учительница! – радостно крикнул мальчик. Мать с почтением отступила:

– Пожалуйте, ханум-учительница!

Они вошли в маленькую комнату, освещенную небольшой лампой. Все здесь выглядело очень бедно и в то же время очень чисто. Посреди комнаты стояла простая железная печка. Около печки мать постелила старенький ковер. Женщине было лет тридцать пять. Эта худая, среднего роста женщина с правильными чертами лица, с большими черными глазами и волосами, наполовину уже седыми, достала из ниши старый, но чистенький тюфячок и смущенно постелила на ковер.

– Садитесь, ханум-учительница.

Судаба села. Ильдрым разжег печь. Лицо матери было печальным. Тревожно обратилась она к госте:

– Что это происходит с ними, ханум-учительница? Сын нашего соседа Гусейн только что вернулся из города. Он говорит, что войска короля учинили там расправу над людьми, кровь текла, как вода...

Учительница не ответила. Наступила тяжелая тишина.

– Скоро, наверное, они будут и здесь, – сказала мать, со страхом и глубокой нежностью глядя на сына. Потом повернулась к Судабе.

– Не задерживайтесь в городе, учительница! Уходите куда-нибудь.

– Нет, я никуда не уйду! – ответила Судаба. И слова эти она произнесла так, словно отвечала не женщине этой, а своему отцу.

– Жалко вас, ханум-учительница! Говорят, они не щадят ни женщин, ни детей. Кого хоть немного заподозрят, сейчас же вешают...

– Что поделаешь, сестра! Я не одна в этом городе!

В это время постучали в ворота. Женщина испуганно взглянула на учительницу. Та совершенно спокойным голосом, очень хладнокровно обратилась к Ильдрым:

– Посмотри, кто стучит!

Мальчик побежал к двери, открыл ее. Вошла женщина в чадре. И когда она открыла лицо, учительница узнала свою мачеху.

– Сколько я искала тебя, всюду ходила, – со слезами обратилась к Судабе Заринтадж-ханум. – Хорошо, один мальчик сказал, что ты вошла в этот двор. Не упрямясь, дочь моя, я с трудом уговорила отца. Встань, пойдём. Рано утром ты должна выехать отсюда. Пожалей себя. Говорят, таких, как ты, они казнят безо всяких разговоров.

– Подумай, мама, семь месяцев я воспитываю детей народа, учу их ненавидеть врагов. Что же мне скажут эти люди, если в день, когда угрожает опасность, я убегу, надеясь на высокое покровительство, на помощь того же самого врага?

Учительница умолкла. Заринтадж-ханум стояла удивленная, потрясенная. Широко раскрытыми глазами Ильдрым глядел на свою учительницу. Судаба вдруг вздрогнула, вскинула голову и твердо заявила:

– Нет! Это невозможно! Я никуда не уйду! Пусть мои ученики не проклинают потом меня!

Эти слова нашли отклик в сердцах матерей, воодушевили их. Мачеха поднялась с места.

– Да поможет тебе Аллах, дочь моя! – сказала она и с этими словами покинула дом Ильдрыма.

Лицо учительницы озарилось каким-то внутренним светом, как у людей, избавившихся от сомнений, избравших свой путь. Ей захотелось говорить о чем-нибудь радостном. Посмотрев в глаза своего ученика, все еще неотрывно глядевшего на нее, со счастливой улыбкой она спросила у матери:

– Ильдрым вас не обижает, тетя?

Бодрость ее передалась и матери и сыну. Мать улыбнулась, и эта улыбка озарила светом молодости ее лицо, преждевременно изможденное старостью.

– Он большой шалун, учительница, – сказала мать, взглянув на сына. Но взор ее выражал не упрек, а бесконечную любовь и гордость. – Но вас он очень любит. Все время о вас и говорит. Сколько раз я хотела прийти к вам, поблагодарить вас.

До поздней ночи они беседовали. Хозяйка рассказала о своем большом горе. Муж ее работал в ковровых мастерских. Он был демократом. Четыре года тому назад его обвинили в принадлежности к коммунистической партии, арестовали, и с тех пор он бесследно исчез...

– После прихода новой власти я обратилась в правительство, – рассказывала женщина, устремив свои сухие, горящие от горя глаза на пол. – Их главный руководитель велел искать мужа всюду, но поиски оказались напрасными...

Мальчик сидел по другую сторону печи и глядел на мать так внимательно, как будто впервые слышал ее слова.

– В такую вот холодную ночь пришли за ним... – кончила она, глубоко вздохнув.

– Старший из полицейских был беспечный злой человек. У двери он так толкнул мою мать, что она свалилась. Если я увижу его, сразу узнаю. У него красная, как кирпич, рука, – брезгливо сказал Ильдрым, глядя на мать, все еще сидевшую с опущенной головой; в его черных глазах вспыхнул злой огонь.

В ту ночь Судаба долго не могла уснуть. Печальные воспоминания короткой и безрадостной жизни, дорогие видения последних семи месяцев жизни отгоняли ее сон. Она с нетерпением ждала наступления утра, чтобы проститься со счастьем этих последних месяцев своей жизни, чтобы еще раз, в последний раз спеть со своими воспитанниками чудесную песню о прекрасной и многострадальной родине...

И утро наступило...

Идя вместе с Ильдрымом в школу, Судаба заметила переполох среди населения. Купцы уже сняли вывески на родном языке, извлекли из подвалов прежние. Они поздравляли друг друга, улыбались.

– Доброе утро, ага! Поздравляю вас, говорят, наши друзья идут.

Лица же бедняков, мелких торговцев были мрачными и печальными. Они тревожным шепотом спрашивали друг друга:

– Что же это происходит в нашем городке?

Учительница велела дать звонок и, сняв пальто, вошла в классную комнату. Больше половины детей не явилось в школу. На последнем уроке всем классом пели песню о родине. И эта песня, вчера еще окрыляющая душу, сегодня сжимала сердце в предчувствии предстоящей разлуки.

И чтобы дети не видели ее слез, она отвернулась к окну. В это время в класс ворвались два сарбазы и офицер. Молодой офицер иронически улыбнулся и спросил:

– Вы, кажется, учите их петь запрещенную песню?

– Да, я учу их петь наши новые песни. А по какому праву вы с вооруженными солдатами врываетесь в классную комнату?

– По приказанию господина полковника! И мы причиним вам некоторое беспокойство, ханум! Следуйте за нами! – офицер указал на дверь.

Учительница поглядела на детей, неотрывно смотрящих на нее испуганными глазами. Ильдрым поднялся за партией, встал. Глаза его в эти минуты напоминали глаза тигренка, готового прыгнуть на свою жертву.

– Спасибо, дети! Не забывайте меня, может быть, мы больше не увидимся. Когда вы вырастаете, станете большими, боритесь за нашу Родину! Никогда не забывайте, что они, – она показала на офицера, – наши заклятые враги!

– Забрать ее! – крикнул офицер.

Учительница быстро надела пальто и вышла из комнаты. На улице она увидела, как солдаты по двое, по трое ведут знакомых демократов со связанными руками. За ними шли рыдающие женщины, побелевшие от ужаса дети.

Над городом нависла тяжелая тишина. Все вокруг напоминало учительнице ужасную трагедию варфоломеевской ночи. Тогда ведь тоже, такой же ночью истребляли людей.

Когда они дошли до пустыря на окраине городка, Судаба увидела виселицы. У виселиц стояла группа демократов со связанными руками. Невдалеке – охраняющие их солдаты и три офицера.

Молодой офицер поклонился толстому, невысокому офицеру в очках, с багрово-красным лицом, и доложил об учительнице и ее поведении.

Полковник, прищурив глаза, внимательно посмотрел на девушку, но ничего не сказал. Привели еще двоих. Один из них был уже глубокий старик, а другой – красивый молодой человек. За ними шла старуха, из-под ее сбившегося назад полинявшего платка виднелись разметавшиеся белоснежные волосы. Костлявая грудь и бледное лицо ее были исцарапаны.

– Не убивай его! – крикнула она полковнику, указывая на молодого узника. – Ты не сумеешь ответить перед богом! Он ни в чем не виноват!

– Мама! – крикнул молодой человек. Мать не слышала его. Схватив за руку полковника, она с упорством отчаяния твердила:

– Бойся моей седины, бойся моей груди, испещренной ранами! Один у меня он остался из семи сыновей!

– Заставьте эту собаку замолчать! – крикнул полковник, и тотчас же два молодых офицера схватили мать и оттащили в сторону. Глаза матери были прикованы к сыну.

– Читай список! – приказал полковник своему адъютанту.

И когда адъютант прочел имя учительницы, полковник, вновь прищурился, посмотрел на нее, спросил:

– Какого это Мешади Таги дочь? Коммерсанта Мешади Таги?

– Так точно! – подтвердил адъютант.

– Найдите его, приведите сюда! – приказал полковник.

На поиски Мешади Таги были отправлены два солдата.

Адъютант закончил чтение списка.

– Никого не пропустили? – спросил тихо полковник.

– Нет, – ответил офицер. – Все числящиеся в списке находятся здесь.

Полковник закурил английскую сигару.

Привели Мешади Таги.

– С каких это пор ты стал коммунистом, Мешади? – спросил полковник, прищурился.

– Почему вы изволите думать обо мне так плохо, господин полковник?

– Чья это дочь? – полковник указал на учительницу.

Мешади Таги, даже не взглянув в сторону Судабы, хладнокровно достал из кармана лист бумаги, протянул полковнику.

Полковник развернул бумагу, прочел: «Я, житель города Мешади Таги Селим оглы в присутствии нижеподписавшихся свидетелей лишаю свою единственную дочь Судабу Мешади Таги кызы всех прав и чести быть моей дочерью за то, что она поступила вопреки моей воле... Ввиду чего вышеназванная, ни живая, ни мертвая мне не нужна, и я не несу никакой ответственности за какие-либо ее действия».

Полковник не дочитал бумагу, скомкал ее и вернул Мешади. Он приказал солдатам, стоящим около узников, приступить к казни. Из первого ряда к виселицам подвели учительницу, сына старухи и старика.

– Да здравствует свобода! – крикнул сын старухи. Его седоволосая мать с глубокой тоской и любовью смотрела на сына...

– Кто имеет жалобу на них? – обратился полковник к толпе, пригнанной сюда солдатами.

Этот странный вопрос привел всех в удивление. Люди стояли молча, опустив головы.

– Почему же вы молчите? Или боитесь правительства демократов? – спросил с издевкой полковник. И вдруг из толпы донесся звонкий юный голос:

– Я имею жалобу.

Отделившись от толпы, к полковнику подбежал Ильдрим.

Полковник окинул его ироническим взглядом:

– На кого из них жалуетесь?

– Вот на нее, на эту учительницу! – мальчик указал на Судабу.

– Ты был ее учеником? – спросил полковник.

– Да, – ответил спокойно Ильдрим.

– Это становится интересным. Скажи, пожалуйста, на что ты жалуешься? Не бойся! Рассказывай!

– И полковник обратился к своему адъютанту: – Запиши все, что скажет этот мальчик.

– Я могу рассказать это только на ухо вам! – тихо проговорил Ильдрим.

Полковник улыбнулся.

– Ну, скажи, я тебя слушаю.

Ильдрим прижался к полковнику.

– Я тебя знаю. Четыре года назад ты арестовал и увел моего отца!

И он со всей силой вонзил кинжал, который был спрятан в рукаве, полковнику в горло.
Полковник глухо захрипел, качнулся и упал.
И пока растерявшиеся люди метались, не зная, что делать, Ильдырм, прорвавшись сквозь толпу, скрылся в лесу.
Офицеры стреляли из револьверов ему вслед. Но ни одна пуля не попала в него.
Долго после этого солдаты рыскали по лесу, искали мальчика, но так и не могли напасть на его след.

ВСТРЕЧА

Известный профессор, плотный, интересный мужчина тридцати двух лет, ехал в свою родную деревню на «Побед». На нем был легкий костюм из дорогой серой шерсти. Белую в полоску шелковую рубашку украшал светлый галстук.

Машина быстро мчалась, и ветер трепал черные с проседью волосы профессора. Крупные черты его смуглого лица хранили резкость, присущую людям, выросшим под открытым небом, в деревне, людям, пережившим житейские испытания.

Прищурив красивые серые глаза, молодой профессор любовался полями.

Шел первый месяц лета. Бескрайнее пшеничное поле переливалось желтыми волнами под сияющими лучами яркого солнца. Комбайны казались здесь крошечными кораблями, бороздящими море.

В воздухе носился смешанный аромат сена и свежей пшеницы. По дороге то и дело проносились машины с зерном и сеном. Профессор старался разглядеть лица молодых людей, сидящих за рулем, но все они казались незнакомыми.

Прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как он уехал из деревни. За эти годы он всего лишь четыре раза приезжал сюда навестить мать. В последний раз молодой ученый был у нее почти семь лет назад. И это вовсе не потому, что он мало любил мать. Просто не было времени. Сначала – студенческие годы, физическая лаборатория, бесконечные опыты. Затем – научные командировки в такие большие города, как Москва, Ленинград... Диссертации... Потом – научные труды, которые он писал один за другим... Молодой ученый так ушел в работу, что удивлялся теперь: с какой быстротой промчались годы! «Все зависит от времени, а вот время ни с чем не считается!.. – думал он. – Наверное, мама совсем постарела. Семьдесят четыре года – это немало».

Теперь он ехал сюда за матерью, чтобы увезти ее к себе навсегда. Он хотел выполнить свой сыновний долг перед нею. «Старая женщина, что она будет делать одна-одинешенька в деревне? Какая польза от нее колхозу?» – рассуждал он.

Профессор с горечью вспоминал, в каких муках и страданиях безвозвратно прошли годы ее юности, да и вся ее уже подходившая к концу жизнь.

Ему виделось спокойное лицо матери, которая посвятила сыну всю свою жизнь, оставшись с ним одна после смерти отца, и никогда не жаловалась на судьбу. «Как же могло случиться, что за эти семь лет я ни разу не нашел времени навестить ее?» – думал он, упрекая себя.

Беспокойно поерзав на месте, молодой профессор сказал шоферу:

– Прибавь скорость, Мурад.

Даже самое необычное явление не могло, казалось бы, вывести профессора из равновесия; он обладал умением хладнокровно наблюдать окружающее. Но на этот раз, въехав в родную деревню, застыл, пораженный.

Однако не выстроенные здесь после коллективизации дома с красными черепичными крышами были тому причиной. Многие из них стояли и семь лет назад, в последний его приезд.

Его взгляд привлекли сады, разбитые перед этими домами. Он несколько раз читал в газетах об озеленении родного села, слышал об этом и от приезжающих в город односельчан. Но трудно было представить себе, что за такой короткий срок можно превратить большое село в сплошной сад. Ведь десять лет назад в Эйвазлылар нельзя было найти ни одного деревца, кроме единственного тутовника, росшего перед домом дедушки Новрузали.

Профессор вспомнил, что колхозники Эйвазлылар шесть лет тому назад провели в свое село водопровод.

– Видишь, Мурад, что делает вода... – с детской радостью сказал он и повернул голову к двадцатилетнему здоровяку-шоферу.

У своего дома, у дома, где он родился, профессор увидел такой же молодой, но уже разросшийся сад. Девочка лет двенадцати поливала деревья, не выпуская из рук лопаты. Ее светлые волосы аккуратно заплетены в одну косу. Голова оставалась непокрытой, ноги без чулок обуты в мягкие чусты. На ней было беленькое выше колен платье с короткими рукавами.

– Миленькая, а где же Гюлли-арвад? – спросил профессор у девочки, выходя из машины.

Девочка окинула его пристальным взглядом и вдруг улыбнулась, обнажив жемчужные зубы. Потом, прислонив к дереву лопату, словно птичка, легко и радостно подлетела к нему.

– Добро пожаловать, профессор! – сказала девочка, протянув приезжему красивую, маленькую загорелую ручку. – Бабушка Гюлли уехала с фермой на эйлаг...

– А ты чья дочь? – спросил профессор, пожимая ее ручку.

– Я дочь Джафара-киши. Когда бабушка Гюлли уезжала, она оставила нам ключи, чтобы мы присматривали за вашим домом.

Профессор улыбнулся.

– Это хорошо. А как ты узнала меня?

– Почему же не узнать? О вас писали в газете «Азербайджан пионери», там был даже ваш портрет, – строго ответила девочка. – Здесь жарко, пойдете в дом.

Профессор вместе с шофером поднялись на веранду дома и вошли в отворенную дверь. В доме, действительно, было прохладно. Из раскрытой с противоположной стороны двери веял ветерок. Все вокруг сияло чистотой. Видно, девочка совсем недавно убрала в комнатах. Профессор и шофер стряхнули пыль с одежды, сняли пиджаки, умылись водой из умывальника, висящего на веранде, и сели за стол, покрытый белой скатертью.

Девочка, ни о чем не спрашивая, достала новый светлый самовар и принялась готовить чай. Потом отправилась в сад и собрала полную тарелку спелой вишни. Профессору показалось, что за всю свою жизнь он еще никогда не пробовал такой вкусной вишни.

– Мама сама посадила эти деревья? – спросил он у девочки.

– И сама сажала, и колхоз помог, – ответила девочка.

Неподдельная гордость прозвучала в ее словах.

– Ого... – весело откликнулся профессор, вздернув брови, и шутливо добавил: – Значит, ты стала дочерью бабушки Гюлли...

– Разве не все девочки нашей деревни – дочери бабушки Гюлли? – нежно улыбнулась она.

– А я беспокоился, думал, как может жить она одна-одинешенька в этом доме, – с чувством облегчения промолвил профессор.

Девочка бросила в его сторону холодный взгляд, но промолчала.

Профессор почувствовал, что его слова обидели девочку.

– Ведь надо же... Как неудачно: мы приехали за бабушкой Гюлли, а она отправилась на эйлаг... – промолвил шофер, взглянув на профессора.

– Да, – задумчиво ответил тот.

Девочка обернулась к шоферу:

– На «Победу» вы сможете добраться до фермы за три часа.

– Разве к эйлагу есть шоссейная дорога? – удивился профессор.

– Да, есть. В прошлом году мы проложили туда хорошую дорогу...

– Вот как... – обрадовался профессор. Он посмотрел на часы. – Сейчас три; значит, если в четыре мы двинемся в путь, то к заходу солнца предстанем перед бабушкой Гюлли.

Около часа машина шла меж низинных пашен, потом дорога стала уходить вверх в горы.

Она то извивалась змеей, стремясь меж отвесными скалами, то шла по склону горы над глубокой пропастью, а порой выходила на зеленую равнину. И здесь казалось, будто весна только-только еще наступает. Бесчисленные красные маки алели бархатными грудками в зеленой траве. Воркование куропаток слышалось совсем близко. Воздух был напоен ароматом горной мяты и других трав. Здесь и там в выемках одетых мохом камней сверкала вода, оставшаяся после дождя.

Эти знакомые пейзажи вновь воскресили в памяти профессора минувшие дни. Немало походил он здесь с навьюченной лошастью. В те времена путник преодолевал эту дорогу за три-четыре дня.

От грустных воспоминаний профессора отвлекла приковавшая его внимание величественная скала, мимо которой они проезжали. Темно-серая, она прямой гладкой стеной почти на триста метров вытянулась к небу и там, в вышине, подобно арке, нависла над дорогой.

По-хозяйски оглядывая чернеющие внизу леса, кружил над пропастью орел.

Постепенно наступал вечер, сумерки сгущались, освещенные желтовато-розовым светом; тучи на далеком горизонте становились темно-фиолетовыми; прохладный ветер колыхал своим дуновением росшие на скалах редкие травы, расцветшие белыми цветами ежевичные кусты.

– Мне кажется, то, что вы сказали дома, обидело девочку, – нарушил молчание шофер, который, не отрываясь, смотрел вперед.

– Да, – сказал профессор и глубоко вдохнул свежий воздух. Потом, глядя на чернеющие впереди горы, задумчиво добавил: – Девочку задело, как мог я думать, что моя мать одинока среди них!

Вскоре обрывистые ущелья и горы стали невидимыми в густой тьме. Теперь машина мчалась с зажженными фарами.

Вдруг перед ними мгновенно вспыхнуло в темноте ночи море огней.

– В этих местах нет деревни. Откуда же столько света? – профессор, выпрямившись, посмотрел вперед.

Проехав еще минут пятнадцать, они поняли, что эти огни горят на ферме бабушки Гюлли.

Машина подъехала к стройному ряду домов, их белые стены ярко освещал электрический свет.

Профессор обратился к двум парням, подошедшим к машине:

– Куда это мы приехали?

– Ферма колхоза имени Сталина, – ответил один из молодых людей, и в это время из дома, шагах в ста от места разговора, раздался старческий голос:

– Эй, ребята, кто там приехал?

Профессор сразу узнал этот голос.

– Приехали правильно, – взволнованно сказал он, выходя из машины.

Вместе с молодыми людьми он пересек маленькую площадь и поспешил к дому, откуда доносился голос.

Когда они поднялись на веранду, мать прислонила ко лбу козырьком ладонь, защищая глаза от яркого света лампочки, и снизу вверх посмотрела на сына... Ресницы ее затрепетали; она пристально вглядывалась.

Стройный, высокий профессор, улыбаясь, смотрел на мать. Вдруг она воскликнула:

– Да стану я твоей жертвой, сынок... Наконец-то приехал! – и раскрыла объятия.

Молодой профессор ощутил родное дыхание матери. Прижавшись лицом к широкой, крепкой груди сына, она услышала, как бьется его сердце. То был звук молодой и сильной жизни! Она, маленькая женщина с морщинистым лицом, подарила миру такую могучую грудь, такого стройного, сильного сына. Мать гордилась этой своей силой! Ее сухие костлявые руки сжали руки сына и ощутили силу его мышц. Все ее чувства обострились в одно мгновение...

Наконец:

– Пойдем-ка, сядь здесь, мама! – сын усадил ее на один из стульев, расставленных вокруг стола посреди комнаты, и сам присел рядом.

– Я все глядела сегодня на дорогу... Оказывается, это была твоя машина... Ребята недовольны тобой, – взглянула она на стоящих рядом парней. – Говорят: только портреты сына твоего видим, а самого нет как нет. Говорю, – лишь бы он был жив да здоров. Наверное, у него много дел...

– Верно, мама!.. У меня много дел, – тихо ответил сын.

Мать едва заметно покачала головой, покрытой черным шелковым платком, из-под которого выбивались пряди седых волос.

– Верно, – сказала она. – Ведь у нас у всех много дел...

Потом, обернувшись к стоящим все это время подле них молодым людям, спросила:

– Вырасти хотите? Может быть, сядете?

Молодые люди пододвинули к себе стулья и сели.

– Взгляни-ка, вот ветеринар нашей фермы, – указала мать на полного невысокого молодого человека, одетого в черный костюм и белую сорочку с зеленым галстуком. – Сын Керима-киши. Он закончил в этом году институт и вернулся к нам...

Она перевела взгляд на красивого парня, обутого в новые сапоги с мягкими голенищами. На нем были бархатные коричневые брюки и такая же блуза. Голову украшала фуражка с чересчур длинным козырьком.

– А этот живчик заведует нашей фермой.

Ее тонкие сухие губы едва заметно улыбнулись, произнося эти слова. Молодой человек встретил взгляд приезжего и покраснел.

– Как твои дела, мама? – с улыбкой спросил профессор. – Ты все еще можешь доить, как и прежде?

– На днях в районной газете был снимок бабушки Гюлли. Она у нас стахановка, – посмотрел на профессора ветеринар.

– Но дела доярок становятся плохи, – подмигнул профессору заведующий фермой.

– Это он в мой огород камешки кидает, – пояснила мать. – Ведь мы собираемся переходить на электродойку. Вчера он мне и говорит, что, мол, прошли, бабушка Гюлли, твои времена. Электричество за полчаса передоит всех коров.

Заведующий фермой подхватил тем же шутливым тоном:

– Вот она и загорелась: должна, мол, научиться работать машиной. Я ей говорю: послушай, ведь ты уже постарела, сиди лучше дома, отдыхай!..

– Ну уж нет, этому не бывать! – перебила его старуха. – Хотя мне и перевалило за семьдесят, но, если я еще столько же проживу, и тогда не стану сидеть дома сложа руки ни одного дня! С какой же это стати! Вы будете работать, строить коммунизм, а я – стой в сторонке да наблюдай?..

Она говорила взволнованно, от души. Сын так и впился в нее взглядом. Он восторгался душевной силой матери – маленькой, хрупкой женщины.

– Поди-ка посмотри, куда девался шофер, – мать сердито посмотрела на заведующего фермой. Молодой человек, улыбнувшись, хотел было встать, но в это время шофер вошел в комнату.

– Проходи, проходи, садись, сынок, – голос матери сразу потеплел, стал ласковым, мягким...

– Откуда этот свет, мама? – спросил профессор, показывая на электрическую лампочку.

– Ты помнишь деревню Ширран?

– Помню... В детстве ты однажды брала меня туда к знахарке.

– Верно, – улыбнулась мать. – Теперь там большой колхоз, построили мощную станцию. Оттуда и получаем свет.

– Не давали, – объяснил заведующий фермой с присущим ему юмором. – Тогда мы послали к ним бабушку Гюлли. Она ездила туда на гнедой кобыле чуть ли не каждый день, и они, наконец, согласились.

В это время где-то замычал теленок. Мать прислушалась, сдвинув поседевшие брови.

– Дитя «золотой» коровы, – как бы про себя, тихо проговорила она. Потом спросила, обратившись к ветеринару:

– Ты давал ему лекарство?

– В десять часов дам, – ответил врач, взглянув на часы. Наступила тишина.

На лица колхозников легло выражение озабоченности. Казалось, какая-то невидимая сила, объединив их мысли, внутренне отдалила их от этой комнаты. Мать, крепко сжав губы, смотрела в одну точку перед собой. Профессору даже показалось, что она забыла о его присутствии.

Заведующий фермой сказал:

– И сегодня вечером опять до сена не дотронулась.

Профессор заинтересовался.

– А что случилось?

Заведующий фермой ответил:

– У нас есть одна хорошая корова. Вот уж второй день, как она заболела и ничего не ест. Мы не можем понять, что с ней случилось...

Немного помолчав, он огорченно добавил:

– Очень породистое животное. Народила нам целое стадо.

Мать сказала:

– Вечером она так печально смотрела на меня, даже сердце заныло. Что ж из того, что животное...

В серых, таких же, как у сына, глазах матери застыло выражение строгой озабоченности. Это выражение было знакомо профессору с детства. Каждый раз, когда он бывал болен, мать с тем же выражением на лице бесшумно двигалась по комнате, не поднимая головы, ни на кого не глядя. «Мать всегда остается матерью», – подумал молодой профессор. Потом, обратившись к заведующему фермой, спросил:

– У вас все коровы местной породы или...

– Нет, у нас уже много коров российских пород, – ответил заведующий фермой. – Мы хотим сменить поголовье. Сами ведь знаете, здешние коровы дают мало молока. Ну, а те...

– И они хорошо привыкают к нашим условиям?

– Все зависит от ухода. Раньше мы не умели правильно наладить уход. Поэтому животные часто болели... А теперь... Учимся понемножку... На днях у нас было собрание. Бабушка Гюлли предложила послать несколько человек в Россию, чтобы они побывали в колхозах, посмотрели, как ухаживают за коровами... И мы выделили двух человек, в том числе и бабушку Гюлли. Они поедут, как только мы вернемся в село.

– Значит, бабушка Гюлли отправится скоро в творческую командировку? – улыбнулся профессор.

– Это еще что означает? – серьезно спросила мать.

– А вот что: когда я готовлю научный труд, то совершаю поездки в такие большие города, как Москва, Ленинград... Знакомлюсь с мнением больших, знаменитых ученых, вот так же...

– Ну, конечно, – прервала мать, поняв его мысль. – Ты хочешь учиться? И мы тоже хотим учиться!

– Да, – сказал профессор, кивнув головой. Лицо его было серьезно.

Мать продолжала:

– Эх, лишь бы здоровье не подвело, нам еще многому-многому надо учиться... Знаешь, сынок, как погляжу я, не помогают здесь наши дедовские обычаи. Будь ты хоть дояркой, хоть чабаном - наука нужна, машины нужны. Потому-то и не спим по ночам. Стараемся, чтобы ферма наша стала культурной. Чтобы коровы жили в светлых коровниках. Чтобы давали по тридцать-сорок литров молока! Помнишь нашу пятнистую корову? Ты был тогда ребенком. Она давала десять фунтов молока в день. И я надела ей на шею талисман, боялась, чтобы не сглазили. А теперь с десятью фунтами стыдно людям на глаза показываться!

Мать говорила восторженно. Вдруг заведующий фермой, улыбнувшись, сказал:

– Послушай-ка, тетя Гюлли, увлеклась ты разговором и не думаешь, что гости-то с дороги голодные...

– Ой, Бог ты мой... Верно говоришь! – мать поспешно поднялась.

После ужина заведующий фермой и ветеринар, позвав с собой шофера, ушли спать. Мать постелила сыну на веранде. Когда профессор улегся, она присела рядом.

– Знаешь, сынок, твоя холостяцкая жизнь очень огорчает меня... Ну, кого ты ждешь? Слава богу, стал большим ученым – и почет есть, и слава; найди хорошую девушку, а я приеду и женю тебя. Ведь каждый день волнуюсь, все думаю: что ты ел, когда, как отдохнул...

– Не беспокойся, мама. Найдем девушку...

– Ну, когда, когда же?

– Совсем скоро, мама!.. – молодой профессор улыбнулся и зевнул.

– Лишь бы так, детка, – мать поднялась. – Спи, ты устал. Утром поговорим.

Погасив свет, мать ушла в комнату.

Легкий ветерок принес аромат горных цветов. Тоненький четырех-пятидневный месяц медленно вползал на вершину высокой горы, сверкающей в голубом тумане на горизонте. Все было овеяно тишиной. Лишь где-то очень близко нежно журчал родник.

Молодой профессор с наслаждением укутался в шелковое одеяло, сделанное материнскими руками, пахнущее деревней... и заснул.

Через два дня, ни словом не обмолвившись матери о главной цели своего приезда – о том, как ему хотелось навсегда увезти ее к себе, профессор вернулся в город...

ГЮЛЬЧАР

На широком склоне горы, с трех сторон окруженной лесами, а с четвертой – уходящей в пропасть, строился большой лесопильный завод. По новенькой, проложенной всего несколько месяцев назад шоссейной дороге грузовики ежедневно доставляли сюда строительный материал и продукты для строителей.

Неподалеку от завода возводились жилые дома для рабочих, читальни, бани и другие здания. День и ночь повсюду кипела работа. Гидроэлектростанция, выстроенная на текущей по ущелью реке, давала стройке свет.

Здесь должен был вырасти в будущем небольшой поселок. Пока же из строящихся домов готовы были только два. В одном из них разместилась контора и жил начальник строительства Ашраф Султанов, а в другом поселился главный инженер Джалиль со своей семьей. Остальные работники жили в белых брезентовых палатках, которые, точно грибы, выросли одна подле другой.

В одну из последних ночей апреля Ашраф Султанов и главный инженер Джалиль сидели у большого письменного стола в кабинете начальника. Они подводили итоги работы за последний квартал. Начальник – высокий, смуглый мужчина сорока восьми лет, в темно-коричневом шерстяном френче и таких же брюках. На ногах – сапоги из дорогого хрома. Поседевшие жесткие волосы он зачесывал набок.

Главный инженер, тридцатичетырехлетний, среднего роста, широкоплечий человек с крепкими как железо мускулами, был одет в костюм из тонкого черного материала. Серые, светящиеся умом глаза, неизменно хранящие выражение озабоченности, придавали его полному лицу особую красоту и строгость. Мягкие каштановые волосы Джалиль небрежно зачесывал набок.

Закончив подсчет, начальник сравнил итог с цифрами на бумаге. Потом он выпрямился, тихонько зевнул, достал из кармана брюк большие часы и взглянул на них.

– Ну, хватит, завтра закончим, – уже первый час.

– Хорошо, отложим, – сказал инженер и поднялся со скрипящего стула. Привычным движением он пригладил правой рукою волосы набок. – Я пошлю завтра ребят за песком – боюсь, река разольется, останемся тогда без материалов. Запасы песка на исходе.

– Надо послать. Метеорологическая станция сообщила, что ожидаются сильные дожди.

Начальник включил «Урал», стоящий на маленьком столике справа. Мелодичный женский голос заполнил комнату, нарушив ночную тишину красивой песней. Оба некоторое время слушали стоя. Брови инженера были сдвинуты. Начальник внимательно посмотрел на него и спросил:

– Санубар не скучает?

– Нет, она очень увлеклась работой.

– Это хорошо. Работа – лучший врач.

Ашраф Султанов взял папиросу со стола из открытого портсигара и закурил. Сказал, как бы про себя:

– Как знать, может быть, ее голос еще вернется?..

– Не думаю. Болезнь безнадежно повредила голосовые связки. Ее смотрели самые лучшие врачи в Баку и в Москве. И все подтвердили это мнение.

– Жаль... ее голос был настоящим чудом. Помню, когда я впервые услышал ее в Баку – так и замер от изумления. Я никогда не слышал такого сильного и красивого голоса.

Инженер несколько раз провел рукой по волосам. Он всегда делал так, если волновался или был чем-то очень озабочен. Начальник знал эту привычку товарища. Глубоко вздохнув, он сказал, кончая разговор:

– Что поделаешь! Таков мир. Всякое случается...

– Спокойной ночи.

Главный инженер, тяжело ступая, вышел.

Начальник зашагал по комнате, задумался. Несчастье, омрачившее жизнь главного инженера, очень огорчало его, он был опечален грустной судьбой молодой певицы, обладавшей когда-то необычайно чарующим голосом.

Потом начальник взял лист бумаги, карандаш и сел писать письмо жене. Она работала врачом в Баку. Он был счастливым отцом. Один из его сыновей учился в Москве, в военной Академии, другой работал главным инженером на нефтяном промысле. Ничто ни разу не омрачило двадцативосьмилетнюю супружескую жизнь Ашрафа Султанова.

Когда Джалиль вышел из комнаты начальника, луна уже скрылась за лесом; на поля легла легкая весенняя тьма. Только перед большой палаткой слева все еще догорал костер. Вокруг костра собрались девушки, приехавшие вчера работать на строительстве. Нежный свет угасающего огня озарял их лица.

Инженер приблизился к дому и тихо постучал в дверь.

Раздались легкие шаги. Дверь отворилась. Инженер вошел, вглядываясь в лицо жены, казавшееся при электрическом свете еще более бледным и измученным, сказал:

– Кажется, я очень поздно вернулся?

Ответ Санубар прозвучал спокойно и ласково:

– Ничего. Я не скучала. Читала книгу.

Это была худенькая, среднего роста двадцативосьмилетняя женщина. Ее талия казалась слишком тонкой по сравнению с высокой грудью. Вокруг нежного красивого рта чуть виднелись мелкие морщинки.

Убрав пиджак и галстук мужа, Санубар сняла салфетку с приготовленного к ужину стола. Посуда, вилки, ножи, разнообразная зелень, – все радовало глаз чистотой и свежестью.

– Ребята говорили, что поедут завтра к реке за песком, – посмотрела она на мужа.

– Да, а что?

– Я тоже хочу поехать с ними.

– Боюсь, устанешь. Дорога тяжелая.

– Не устану.

– Ну, что ж. Согласен, поезжай.

Прошло всего лишь двадцать пять дней, как Санубар вернулась к мужу после очень долгого и совершенно безрезультатного лечения. Теперь она работала здесь на стройке в библиотеке, созданной Ашрафом Султановым и разместившейся пока в палатке. Санубар сама выбрала себе эту работу.

И начальник и Джалиль думали сначала, что она очень скоро заскучает. Но этого не случилось. Знаменитая певица, которую повсюду неизменно встречали прежде бурными овациями, с живым интересом отдалась теперь в этих далеких горах скромной и несложной работе. Она была не только библиотекарем, но и активным агитатором. Целые дни Санубар проводила на стройке с рабочими, читала им газеты и журналы, рассказывала о политических новостях, живо и интересно отвечала на вопросы. Эти люди давно знали Санубар. Знали, что молодая певица потеряла после болезни голос, и глубоко сочувствовали ей; каждый старался проявить свое уважение к молодой женщине.

Все эти простые люди по самой природе своей были поэтами, страстными любителями музыки.

Глубокая внутренняя гармония объединяла их цельные, чистые натуры с окружающим миром: величественными горами, просторными, голубыми, как море, ущельями, прозрачными родниками, бьющими из-под скал. В душе у каждого из них жила поэтическая красота этой природы.

Когда ночью они сидели вокруг костра или днем клали камни, или рубили в лесу старые дубы, готовили из них подпорки, – разговор шел почти всегда о музыке, о мугамах, которые передавали по радио. Может быть, именно поэтому с первого же дня своего приезда на строительство Санубар почувствовала себя в родной семье. Ей казалось, что она давно знает людей, которые собрались здесь, в этих лесах, чтобы построить лесопильный завод.

Поднявшись из-за конусообразной горы Сагсаган, солнце озарило леса и стройку. Вечером прошел легкий дождь, земля и деревья стали влажными, запахло сыростью. Капли росы на зеленых весенних травах и белых цветах диких яблонь и груш переливались, точно алмазы, под лучами солнца.

Трепетали быстрые крылья весело порхающих бабочек, пчелы, жужжа, перелетали от цветка к цветку. В крупных красных чашах маков, выросших на бугорке у стройки, во впадинах серых, покрытых мохом камней крошечными зеркалами сверкала дождевая вода. У подножий лесных деревьев выглядывали из трав мокрые грибы. Утро еще только пробуждалось, а на строительстве уже кипела работа. Тут шла закладка, там просеивали песок, тесали камень, плотничали... Отовсюду неслись шутки и смех молодых рабочих.

Люди спешили закончить до осенних дождей строительство основного корпуса завода и большей части жилых помещений. Соседние колхозы старались помочь стройке, чем только можно, и охотно посылали на строительство рабочую силу.

Молодые рабочие, собравшиеся ехать за песком, со смехом и шутками забирались в кузов большого грузовика. Сколько ни просил молодой бригадир, чтобы Санубар села в кабину, она так и не согласилась. С помощью Джалиля забралась в кузов. Сидевшие на скамейках девушки потеснились и освободили ей место рядом с собой. Машина двинулась в путь.

– Надень жакет! – крикнул Джалиль жене.

Санубар надела шерстяной жакет, накинутый на плечи, застегнула пуговицы.

Машина шла по лесной дороге, спускающейся к ущелью. По одной стороне дороги, на крупных скалах, росли орех и дуб, кусты ежевики. Вдоль другой тянулись бесконечные леса.

Машина мчалась. Санубар прищурила глаза, свежий ароматный воздух приятно ласкал лицо.

Молодые рабочие смотрели на нее с любопытством и уважением, тихонько перешептывались. Лишь двое были заняты другим. Один из них стоял во весь рост, держа товарищей под руки. Красивый восемнадцатилетний парень, в коричневых брюках и рубашке, с кепкой на голове. Обут он был в сапоги. Тонкая талия туго перехвачена ремнем. Это был прославившийся на всю стройку своим веселым характером и мастерской игрой на таре ученик каменщика Черкез.

Второй, семнадцатилетний ашуг Гусейн, сидел перед Черкезом на носилках. Ашуг был обут в мягкие чусты поверх узорчатых шерстяных джорабов, черные брюки заправлены в джорабы. На нем бархатная рубаха, на голове папаха из серебристого каракуля. Черкез частенько подтрунивал над юношей.

– Ашуг, тебя целиком – на одну чашу весов, а папаху – на дургию...

– Знаешь что, – говорил Гусейн, не на шутку сердясь, – с папахой не шутят!

Усы у него едва-едва пробивались. Изогнутые, как натянутый лук, черные брови и чуть-чуть вздернутый кончик носа придавали лицу молодого ашуга гордое выражение.

Его манера общения была резкой и шумной. Но никто из строителей не обижался на юношу, с улыбкой уступая ему в любом споре.

Отец Гусейна – Курбан, погибший на фронте, тоже был ашугом. От него сыну достался маленький отделанный перламутром саз.

Ашуг Гусейн, как и Черкез, работал учеником каменщика. Черкез трудился на стройке основного корпуса завода, у мастера Кары, а Гусейн – у мастера Бехбуда на строительстве жилых домов для рабочих. Хотя оба они прослыли музыкантами, но между собой не ладили, потому что Черкез был чересчур уж большим шутником, а ашуг – очень серьезным и суровым. Однако, несмотря на это различие, в глубине души они любили друг друга. Не проходило и дня, чтобы Черкез не спрашивал об ашуге, а ашуг о Черкезе.

Оба парня смотрели теперь во все глаза на девушку, сидевшую рядом с Санубар. Почувствовав это, Санубар тоже обернулась к ней, и их взгляды встретились. В черных глазах девушки Санубар прочла затаенный интерес к себе. Знаменитой певице не в диковинку было встречать такие очарованные взгляды. Но в устремленных на нее сейчас глазах этой простенькой красивой девушки в красном ситцевом платье и дешевом белом платочке на голове было столько ласки и глубины, что Санубар сразу потянулась к ней с каким-то особенным теплым чувством.

Она спросила:

– Как вас зовут?

– Гюльчар.

– Вы из тех, что вчера приехали?

– Да.

– А где будете работать?

– На кладке камней.

– Видишь, Черкез, какие хорошие товарищи приехали к вам на помощь! – сказала Санубар, с улыбкой взглянув на юношу.

– А что им здесь делать, Санубар-баджи? – ответил Черкез, желая поддеть Гюльчар. – Изнеженные, тоненькие девушки! Оставались бы лучше в колхозе, хоть овец или коз бы доили.

Гюльчар промолчала. Сидящая рядом с ней маленькая, полная девушка сердито ответила:

– Ты на себя лучше посмотри. Изнеженностью ни одной девушке не уступишь.

Все расхохотались. Даже нахмурившая брови Гюльчар не могла сдержать смеха. Черкез не нашелся с ответом и покраснел. Это был первый случай со дня приезда на строительство, когда товарищи увидели его смущенным.

Санубар спросила полную девушку:

– Как тебя зовут?

– Сонабейим, – ласково и почтительно ответила девушка. – Мы с Гюльчар из одной деревни.

И с улыбкой добавила:

– Вы были один раз у нас в колхозе...

– Правда? Наверное, на концерт приезжала.

– Да...

Санубар замолчала и долго смотрела вдаль, на сверкающие под облаками снежные вершины Муровдага, потом, обернувшись к Сонабейим, спросила:

– Из какой вы деревни?

– Шехли.

– Да, да, вспоминаю. Четыре года тому назад я приезжала туда. У вас хорошие сады... Вы, наверное, были тогда маленькими.

– Нет, не очень маленькими...

Во время этой беседы на лице Гюльчар появилось выражение беспокойства. Девушка будто испугалась, что подруга совершила неосторожность, напомнив певице время, когда талант ее был в самом расцвете.

– Вам нравятся наши края? – обратилась она к Санубар, меняя тему разговора.

– И края ваши мне нравятся, и девушки...

Машина продвигалась вперед по извилистой дороге. Деревья уже оделись листвою. Леса наполнились весенним гулом. Журчание вод, вытекающих из-за кустов ежевики и стекающих по обросшим мохом скалам, сливаясь с трелью лесных птиц, укрывшихся в молодой листве, превращалось в ликующую музыку. Санубар всем своим существом чувствовала эту музыку и радостно волновалась.

Доехав, наконец, до берега реки, бьющейся в пене о крупные скалы, машина остановилась между двух высоких гор.

По правую сторону берега тянулся лес; мушмуловые, фундуковые деревья уходили в гору; чем выше к вершине, тем гуще становился лес. Левый берег высился отвесной, как стена, горой, тянувшейся вверх на триста-четырееста метров. Эти скалы, цвета светлого дуба, так высоки и величественны, что если смотреть на них снизу, в глазах темнеет.

Молодые рабочие наполняли машину песком.

Светлый и тоненький двадцатичетырех-двадцатипятилетний бригадир поторапливал товарищей:

– Быстрее, ребята, надо спешить, река вот-вот разольется.

– Почему вы думаете, что река разольется? – удивленно спросила Санубар.

– А вы обратите внимание на эту пену, сучья, щепки на поверхности воды. Это признак разлива. Наверное, там дожди.

Когда Санубар глянула вдоль ущелья, вверх по течению реки, она увидела над далекими горами Курдистана черные тучи. С этих туч свисали вниз, легко спадая на горы, серебристые тюлевые покрывала: шел дождь.

Санубар взяла в руки лопату, ей хотелось помочь. Но Черкез насильно отнял лопату.

– Не дадим! Я буду грузить песок и за вас.

Сонабейим поддержала молодого человека.

– Вы лучше постоите в стороне, Санубар-баджи.

Черкез покосился на девушку.

– Дорогой ты насмеялась надо мною, а теперь посмотри!

– Ладно, посмотрим!

– Того, кто первым устанет, бросим в реку!

– Не задавайся! Сто таких, как ты, парней в реку брошу, – сказала Сонабейим и взялась за ручки носилок; два парня наполняли их песком; с другой стороны носилки держала Гюльчар.

Коренастый, широкоплечий, вечно улыбающийся парень, поддразнивая Черкеза, сказал:

– Нет, дружище, эта девушка все-таки здорово взялась за тебя.

– Не будь у девушек языка, их бы давно птицы склевали, – бросил Черкез, ссыпая в кузов песок с носилок.

Наполненная песком машина двинулась в путь. Пока прибыла вторая, рабочие накопили довольно много песка.

Санубар чувствовала, что между Черкезом и ашугом Гусейном идет тайное соревнование. Каждый из них хотел привлечь к себе внимание Гюльчар, показать девушке свою ловкость и проворство.

Черкез улыбался, вглядываясь в раскрасневшееся лицо Сонабейим. Девушка почувствовала насмешку.

– Ты думаешь, я устала? Не воображай! Если мы и десять дней так проработаем, все равно не отстану от тебя.

Коренастый, широкоплечий парень похвалил Сонабейим:

– Молодец, землячка!

Черкез обернулся к нему.

– Эй, Сафтаралы, разве эта девушка из вашей деревни?

Коренастый парень ответил с гордостью:

– Да, а как же!

– Вот оно что... Видно, у вас в деревне вода уж такая, – у вас там все толстые?

На этот раз Сонабейим не выдержала и надерзила парню:

– Лучше помолчи! Это тебя не касается!

Черкез обрадовался, что нашел уязвимое место в сердце девушки и, прикидываясь наивным, спросил:

– А что я такого сказал, сестричка? Разве плохо быть полной?

Сонабейим весила семьдесят килограммов и поэтому презирала полноту. Она завидовала стройности и изяществу Гюльчар.

– Не знаю, что он пристал ко мне, этот проклятый жир, – бранила она себя, – как бы мало ни ела, все равно поправляюсь да поправляюсь.

Когда машина в восьмой раз вернулась к реке, небо вдруг потемнело. Стало холодно. Загремел гром, и полил такой дождь, что, казалось, ухватись за его могучие струи – и поднимешься по ним к самому небу; но ребята будто и не замечали дождя, они без устали бросали песок в машину. Через две-три минуты все вымокли до нитки.

– Быстрее!

– Ух, молодец! – шутя, подбадривали они друг друга.

Река уже не журчала, а глухо ревела.

Санубар стояла под дубом, закутавшись в свой дождевик. Вдруг в сорока-пятидесяти шагах от увлеченных работой молодых людей она заметила, как что-то огромное, белое движется вниз по реке. В неожиданном страхе Санубар крикнула:

– Ребята, что это?!

Приостановив работу, они обернулись. Поток воды, подобно огромному сказочному дракону, с грохотом приближался к ним.

Часть ребят, в том числе и Черкез, не успев отбежать в сторону, вскочили в машину. Те, кто были далеко от машины, поспешили к берегу. Отставшая от них Сонабейим споткнулась о камень и упала. Едва успела она вскочить на ноги, как ее настигла вода. Собрав все силы, девушка пыталась добраться до берега, но с силой хлынувшая вода сбивала ее с ног. Сонабейим растерялась и закричала вдруг:

– Тону-у!

Черкез, стоявший в кузове машины, бросился в воду. Поток накрыл его, разъяренно грохоча. Но молодой человек, с необыкновенной отвагой продвигаясь в бурлящей бешеной воде, добрался до девушки и схватил ее за руку. В воду бросилось еще двое парней. Один схватил за Черкеза, другой – Сонабейим. Так, помогая друг другу, они живыми и невредимыми выбрались на берег. Обессиленная Сонабейим сразу опустилась на землю.

Выжимая воду из своей одежды, Черкез посмотрел на девушку и фыркнул, вспомнив, как она кричала в воде «тону». Но побледневшая Сонабейим лишь ласково улыбнулась и на сей раз ничего не ответила парню. Ливень постепенно слабел и, наконец, перешел в слабый морозящий дождь. Но течение все усиливалось.

Теперь все взоры были устремлены к оставшейся среди бурлящего потока машине. В кузове стояли Сафтаралы, Гусейн и еще один рабочий. Если бы даже все они умели очень хорошо плавать, все равно броситься в воду было уже невозможно. Разъяренные волны, перекатывавшиеся через мотор, могли убить их.

На берегу растерянно суетились молодой шофер и бригадир. Сафтаралы, рупором сложив руки у рта, кричал что-то. Рев потока заглушал его слова. Санубар первая поняла, что хотел сказать Сафтаралы. Он кричал:

– Эй, пусть один из ребят бежит на строительство за цепью и пятитонкой. Эй, поторопитесь!..

Обращаясь к сгрудившимся на берегу молодым людям, бригадир спросил:

– Кто побежит?

– Я! - сказал Черкез и, вытряхнув воду из кепки, напялил ее на голову.

– В беге тебе далеко до меня, – возразил худой, среднего роста юноша с длинной, тонкой шеей, похожей на черенок груши. Оттолкнув Черкеза, он шагнул вперед.

– Я пойду! Я знаю кратчайший путь лесом.

– Ну, тогда беги.

Парень скрылся среди фундуковых деревьев. С листы закапала вода. Черкез крикнул ему вслед:

– Эй, Керим, через Селав не беги. Держись той стороны Таядаша.

Санубар смотрела на оставшихся посреди потока троих людей. Лицо ашуга было очень серьезным. Сафтаралы болтал и смешил третьего парня.

Река постепенно поднималась. Мотор был уже под водой. Вдруг поток сильным наплывом едва не перевернул машину. Парни ухватились друг за друга, чтобы не упасть. Санубар, побледнев, как полотно, в ужасе отвернулась.

Ни на минуту не упуская из виду товарищей, Черкез предупредил их:

– Эй, слушайте, снимите обувь!

Сафтаралы, почувствовав вдруг всю серьезность положения, внимательно вглядывался в поток.

– Крепись, ребята, не теряйся! – снова прокричал Черкез.

– Почему мы должны теряться? – гордо ответил молчавший до сих пор ашуг. – Родились на белый свет, чтобы умереть в один прекрасный день!

Поток воды раскачивал машину. Люди на берегу ничем не могли помочь своим товарищам, они металась в тревоге и волнении, то и дело выкрикивая какие-то советы.

В это время послышался сигнал машины.

– Приехали!

Все увидели пятитонку. Появившись из-за деревьев, она стремительно мчалась к реке.

Джалиль, четверо рабочих и Керим спрыгнули с машины.

Рабочие бросили застрявшей в плену у потока машине конец прикрепленной к пятитонке цепи. Сафтаралы и его товарищ, на лету схватив цепь, прикрепили ее к буферу, под мотором.

Машина стояла лицом к лесу. Шофер пятитонки завел мотор. Машина, зашевелившись в воде, начала двигаться к берегу. Вскоре молодые люди, избавленные от опасности, выпрыгнули из кузова.

Все устали и вымокли, но вернулись к вечеру на строительство бодрыми и веселыми.

Задание было выполнено. Начальник строительства остался доволен, выслушав краткий рапорт бригадира.

В этот вечер Санубар чувствовала себя гораздо бодрее. Она была полна впечатлений. Вспоминала дождь, поток, испуганное лицо острой на язык Сонабейим, храбрость Черкеза и обращенные к ней полные любви взгляды красивой Гюльчар.

Гюльчар и Сонабейим работали на участке, где строила бригада Гусейна. Они просеивали песок, подносили мастеру раствор на носилках. Поэтому все мысли Черкеза были на той стройке. Улучив минуту, он бежал к Гусейну и, поглядывая одним глазом на девушку, заводил беседу с ашугом.

Седовласый, бодрый и добродушный восьмидесятидвухлетний старик уста Кара диву давался:

– Ты только объясни мне, детка, что это ты потерял там, у уста Бехбуда, почему каждую минуту бегаешь туда?

А Черкез делал вид, что не слышит этих вопросов, и не отвечал.

Вот уже шестьдесят лет уста Кара строил дома для людей. За эти долгие годы он обучил немало мастеров. Уста Кара гордился этим. Усадив однажды рядом с собой Черкеза, он сказал:

– Знаешь что, работать быстро и своевременно выполнять задание - очень важно. Но не забывай: мастерство каменщика – это искусство. Работа настоящего мастера должна светиться, как солнце. Дело у тебя в руках спорится, это хорошо! Но ты не обращаешь внимания на тонкости работы, вот это уже плохо!

Черкез долго раздумывал над словами старого мастера.

После работы молодежь собиралась обычно в большой палатке, где разместилась читальня. Они окружали Санубар. Здесь читали книги и газеты, слушали концерты, последние известия по радио. Санубар, чувствуя себя счастливой среди этой молодежи, рассказывала много интересного о городах, где ей довелось побывать, о жизни великих актеров, знаменитых певцов. Иногда она читала вслух свои любимые рассказы и стихи.

Так палатка Санубар стала в этих далеких горах маленьким культурным центром.

Начальник строительства Ашраф Султанов тоже заходил сюда в свободное время и слушал рассказы Санубар. Он поручил покупать в городе все книжные новинки и привозить их для читальни.

Однажды под вечер Санубар с Джалилем вышли погулять в лес. Косые лучи заходящего солнца озаряли верхушки деревьев, их едва распустившуюся юную листву.

Медленно шагая по свежей траве, Санубар и Джалиль дошли до самого обрыва. Стояла спокойная, теплая погода. Ущелье было голубым и глубоким, как небо. Со дна его доносился могучий рев реки. Санубар и Джалиль тихо любовались раскрывшейся перед ними картиной.

Красота природы пробуждала в душе Санубар беззвучные песни. Болезнь повредила ее голосовые связки, но она не могла убить мастерство, уничтожить творческий гений. А талант не может жить одними лишь воспоминаниями о минувших днях! Он должен создавать! Санубар не могла теперь выражать в песнях чувства и впечатления, которые порождали в ней вечная тайна и красота природы, но они по-прежнему жили в ее душе.

Вдруг где-то вблизи раздался женский голос. Молодые супруги вздрогнули, оглянулись. Никого. Песня доносилась со стороны леса. Они молча слушали невидимую певицу.

Глаза Санубар горели.

– Кто бы это? - тихо спросила она мужа. - Ты послушай, что за голос! Я слышу его впервые...

Песня смолкла. Вскоре из-за деревьев показались девушки. Поздоровавшись с инженером и его женой, они хотели пройти дальше.

– Погодите, девушки! – взволнованно заговорила Санубар. И, обращаясь к Гюльчар, которая тоже была здесь, спросила:

– Кто из вас пел? – Гюльчар не ответила.

– Кто это пел? – нетерпеливо повторила Санубар.

Сонабейим посмотрела на Гюльчар.

– Почему молчишь, Гюльчар? Разве петь стыдно?

Подойдя к смущенной, раскрасневшейся Гюльчар, Санубар взяла ее за руку.

– Почему же ты до сих пор скрывалась от меня?

– Стеснялась, – ответила за подругу Сонабейим. Но Гюльчар скрывала от Санубар свой голос вовсе не из одной лишь застенчивости. Девушка просто не осмелилась петь при артистке, которая когда-то очаровывала слушателей своими песнями...

– Давайте немного посидим... – сказала Санубар и, присев на толстую глыбу, притянула к себе и усадила рядышком Гюльчар.

Погода была по-прежнему тихой и ясной. Трели лесных птичек умолкли. Ни одного звука не доносилось сюда, кроме рева и грохота реки.

– Спой что-нибудь! – попросила Санубар, обращаясь к девушке.

– Нет, не надо... – сказала Гюльчар, застенчиво опустив голову.

– Ты не хочешь исполнить просьбу Санубар-баджи? – упрекнула подругу Сонабейим.

Гюльчар молча теребила кончик своего платка. Наконец она подняла голову.

– Что мне спеть?

– Из мугамов что-нибудь знаешь?

– Нет, ни одного не знаю как следует...

– А карабахскую шикесту знаешь?

Гюльчар не ответила. Санубар сказала улыбаясь:

– Карабахцы прежде всего должны уметь петь карабахскую шикесту. А ну, спой же!

Гюльчар устремила взгляд к звездам, рассыпанным над вершинами темнеющих вдаль гор. Лицо ее стало серьезным и озабоченным. Будто она заволновалась, вспомнив что-то давно-давно увиденное и пережитое. Брови сдвинулись. Глаза заблестели тысячами искорок. Зазвучала карабахская шикеста. Журчание реки стало неслышным. Горы, точно прикорнувшие одна подле другой овцы, и темные леса по ту сторону ущелья, затаив дыхание, слушали песню.

Голос девушки обладал покоряющей естественностью. Порою он достигал самых высоких нот, и звук тянулся будто бы вечность, порою становясь нежным, как легкий весенний ветерок, ласкающий только что распустившиеся цветы. Санубар была чрезвычайно возбуждена. Когда девушка кончила петь шикесту, она привлекла ее к себе и поцеловала в щеку. Потом, обращаясь к мужу, воскликнула:

– Это же сокровище, это родник!..

Подружки Гюльчар радостно переглянулись.

– Сколько я ей говорю: «спой-ка ты для Санубар-баджи, не слушается меня», – заговорила Сонабейим. – Но, Санубар-баджи, у нее есть недостатки, она неумело поет. Не знает мугамов. Вы должны ей немного помочь.

В это время на ближней дороге показались два грузовика, перевозивших камни. Фары машин осветили лица сидевших неподалеку от дороги девушек. Увидя их, Черкез и Сафтаралы, ехавшие во второй машине, сразу же спрыгнули.

Подойдя, Черкез поздоровался. Потом с любопытством спросил у одной из девушек:

– Кто это пел сейчас? Мы еще во-он откуда услышали.

– Завтра вечером захватишь тар, зайдешь к нам, тогда и узнаешь, кто пел, – улыбаясь, сказала Санубар.

Черкез подумал, что это, наверное, к Санубар вернулся ее голос, и не осмелился больше спрашивать.

– А бубен не нужен?

– Конечно, нужен.

– Тогда скажите, пусть Сафтаралы тоже приходит со своим бубном.

В ту ночь Санубар долго не могла уснуть. Голос Гюльчар все еще звенел в ее ушах. Его сила и свежесть, его необычайные оттенки взволновали певицу. Этот молодой, сильный голос напоминал Санубар ее собственный утраченный дар.

На следующий день вечером Санубар повела Гюльчар к себе домой. Пригласила она и Черкеза с Сафтаралы. Они сыграли несколько народных песен, Гюльчар спела.

Когда Черкез узнал, что это Гюльчар пела вчера в лесу, его охватило волнение. Глубина, естественность и непринужденность исполнения Гюльчар, не имевшей даже элементарного музыкального образования, изумили Санубар. Гюльчар пела, Санубар исправляла ее ошибки, добиваясь, чтобы каждая нотка звучала чисто и выразительно.

Для Гюльчар достаточно было малейшего намека. И Санубар поражал не только ее голос, но и способность девушки тут же схватить услышанное, подсказанное, ее необычайная память.

Теперь Гюльчар часто приходила к Санубар после работы. Санубар записывала для нее слова тех песен, которые знала, заставляла Гюльчар запоминать их, разучивала с девушкой все новые и новые песни, предостерегала ее от дешевых и излишних переживаний. За пятнадцать-двадцать дней Гюльчар сделала поразительные успехи. Ей удалось разучить песни, которые были в репертуаре Санубар, и она пела их с той же силой и выразительностью.

В часы занятий с Гюльчар Санубар прослушивала и других молодых рабочих. Мастерство Сафтаралы в игре на бубне не оставляло сомнений. Но позднее обнаружился и другой его талант. Оказалось, что Сафтаралы – незаменимый исполнитель народных юмористических рассказов и анекдотов Моллы Насреддина. Когда он рассказывал притчу о ворчливой доярке и бодливой корове, все так и покатывались со смеху.

Чудесны были танцы Сонабейим и того худого парня по имени Керим, который побежал за помощью, когда товарищам угрожал поток.

Узнав об этих занятиях, ашуг Гусейн поймал однажды Сафтаралы и с обидой упрекнул его:

– Послушай, Сафи, почему вы не зовете меня в свою компанию. Или саз не подходит вам?

– Почему не подходит, слушай!.. Сам виноват. Вечно уединяешься.

На следующий день Сафтаралы пришел к Санубар вместе с ашугом. Санубар попросила ашуга спеть и прослушала несколько вещей. Голос у него был не сильный, но мягкий и приятный. Юноша наизусть знал Алескера, ашуга Гусейна Бозалганды. Сам он тоже сочинял гошма*.

Так возник на строительстве небольшой кружок художественной самодеятельности.

Члены кружка ежедневно собирались после работы у Санубар, слушали ее беседы о музыке, играли, пели. С глубоким волнением и интересом Санубар следила за развитием Гюльчар, находила в ней все новые и новые покоряющие душу черты.

Гюльчар окончила всего семь классов, но была большой любительницей книг. У себя в селе девушка читала все рассказы и романы, какие только попадались ей под руку. Теперь она подряд читала все книги, которые были в здешней читальне.

День у Санубар был заполнен теперь до отказа. Поднявшись рано утром, она занималась хозяйством. Покончив дела дома, уходила в читальню, а по вечерам у нее собирался музыкальный кружок.

Не одна только Гюльчар, но и другие кружковцы тоже добились за короткий срок немалых успехов. Сафтаралы выбрал из своего репертуара три самых лучших рассказа и начал репетировать их под музыку. Сонабейим еще красивее и грациознее исполняла теперь танцы «тураджи», «керими» и «мирзеи».

Ну, а что касается семнадцатилетнего ашуга Гусейна, тут были дела особые. Ашуг превратился в непобедимого соперника Черкеза. Это относилось прежде всего к Гюльчар.

Да и на работе: как ни старался, как ни бился Черкез, он не мог перегнать своего друга. Если сегодня рядом с его именем на красной доске стояло 168%, то на следующий день возле имени ашуга значилось уже 170%.

А вечерами на площадке у строительства между таром и сазом разгоралось такое соревнование, только держись! Едва тар, заливаясь соловьиной трелью, кончал сейгях, саз начинал такое гезаллеме**, что горы приходили в трепет. Черкез бесился, видя, как внимательно слушает Гюльчар гезаллеме ашуга Гусейна, как охотно разговаривает с ним. Он жаловался Сафтаралы:

– Ты только посмотри на этого молокососа!

Сафтаралы понимал, что творится в его душе, и подшучивал над другом. Подмигнув товарищам, он говорил:

– Что же из того, что молокосос! А вот ведь сумел очаровать такую девушку, как Гюльчар!

Черкез злился.

– Эй, ты, клянись твоей жизнью, Гюльчар считает его ребенком!

Влюбившись в Гюльчар, ашуг слагал гарайлы один за другим. Каждый день он сочинял новые гошма. По совету Санубар Гусейн послал три своих стихотворения в районную газету. Их обнародовали. Ашуг сделался чуть ли не героем в глазах молодежи стройки. Ашраф Султанов преподнес ему пару новых сапог...

Гюльчар прямо при Черкесе одарила ашуга улыбкой и сказала:

– Молодец, Гусейн, хорошие стихи.

Однажды Санубар, собрав молодежь, предложила:

– Знаете что! Я хочу, чтобы мы устроили концерт для строителей. Как вы думаете?

– Концерт?

На лицах молодых рабочих появились неуверенные улыбки. Девушки переглянулись. Наконец Сафтаралы проговорил:

– Это будет неплохо, Санубар-баджи. Только жаль, что у нас нет клуба. Санубар сказала:

– Пока обойдемся и без клуба, устроим эстраду на площади...

Через несколько дней рабочие и инженеры строительства увидели на стене конторы большую афишу. Она гласила:

«15-го в 8 часов вечера состоится концерт кружка художественной самодеятельности.»

Собравшись у афиши, рабочие с улыбкой спрашивали друг у друга:

– Неужели они покажут нам что-нибудь дельное?

Молодежь своими силами построила маленькую эстраду и провела туда электрический свет...

Наконец наступил долгожданный вечер. Все строители собрались на площади перед эстрадой. Кто сидел на табурете, принесенном из палатки, кто устроился прямо на земле, на зеленой траве.

Больше всех концертом интересовался начальник стройки Ашраф Султанов. Он чисто побрился и надел новый костюм, как делал обычно в городе, когда шел в театр.

Раздался звонок. Санубар поднялась на эстраду и в нескольких словах рассказала собравшимся, что сегодняшний концерт - первая проба сил для членов кружка.

Концерт открыл ученик каменщика Черкез. Он исполнил на таре «раст». Все слушали, затаив дыхание. Недоверчивые улыбки на лицах постепенно сменялись серьезным, внимательным выражением.

– А ведь недурно парень играет, – прошептал на ухо товарищу сидевший в первых рядах мастер.

– Пстой-ка... Это самая трудная часть «раста»... Молодец! – ответил ему второй рабочий, не отрывая взгляда от Черкеза.

Черкезу долго аплодировали. За ним на сцену поднялась Сонабейим в новом наряде. Она начала танцевать; с мягким юмором Сонабейим создавала образ веселой женщины средних лет: молодость ее уже миновала, но она все еще продолжает кокетничать с мужем.

Раздались дружные аплодисменты. Сонабейим вторично потребовали на сцену, и она с особым блеском станцевала «тураджи».

Когда после Сонабейим на эстраду поднялись ашуг Гусейн в бархатной рубахе и брюках, в подаренных начальником, в сапогах до колен, в надвинутой на глаза каракулевой папахе, подпоясанный тонким кавказским ремешком, и его аккомпаниатор на свирели плотник Курбан, то все дружно расхохотались. Кажется, это немного обидело ашуга. Он покраснел. Потом, задрав нос, прижал к груди свой саз. А Курбан приложил свирель к губам и надул полные, красные щеки.

Ашуг сначала прочитал гезаллеме, затем начал петь ее.

Он пел очень старательно, сдвинув брови, а потом, приблизив плечо к плечу Курбана, танцуя, кружился по сцене.

– Молодец, ашуг! Живи долго, ашуг! – раздавалось со всех сторон.

Его трижды заставляли выходить на эстраду.

После ашуга выступил Сафтаралы с большим бубном. Он рассказал два народных анекдота и до слез рассмешил зрителей.

Когда Санубар объявила следующий номер, сразу же наступила глубокая тишина: должна была петь Гюльчар. Все уже были наслышаны о ее необыкновенном голосе. Сначала на эстраду вышел Черкез; он сел на стул и настроил свой тар. Потом появилась сопровождаемая любопытными взглядами Гюльчар в цветастом шелковом платье с белым платком на голове.

Санубар объявила, какую песню исполнит сейчас Гюльчар, и ушла со сцены. Все замерли. Девушка запела, устремив взгляд куда-то вдаль через головы слушателей.

Все почувствовали необычайную красоту ее голоса. Этот голос проникал, казалось, в самую глубину души. Этот голос рождал в человеческой душе неповторимую радость и светлое волнение.

Все молчали, затаив дыхание.

Когда девушка кончила петь, среди зрителей будто буря разразилась. Ее вызывали пять раз.

Уста Кара крикнул с места:

– Доченька, да ты, оказывается, настоящая чародейка!

И другие свои песни Гюльчар исполнила с тем же успехом. Санубар все время была за сценой; она следила за выступлением девушки с таким волнением, какое переживала, бывало, на собственных концертах; казалось, это ей самой аплодируют, ее приветствуют слушатели.

После концерта Ашраф Султанов, Джалиль, уста Кара пришли поздравить Санубар. Ашраф Султанов, пожав ей руку, растроганно сказал:

– Мы от души благодарим вас за этот концерт.

Санубар душили слезы. Но она улыбнулась и, не выпуская руки Султанова, сказала:

– В таком случае, дайте слово, что построите для нас клуб на триста человек.

– Хоть на пятьсот! Через год здесь будут жить больше двух тысяч человек, почему же нам не построить такой клуб, – воодушевился начальник строительства.

Вскоре слава о возникшем в горах кружке художественной самодеятельности распространилась далеко за пределами строительства. О нем появились сообщения даже в центральных газетах.

Осенью того же года, по решению коллектива строителей, Гюльчар была направлена в бакинскую музыкальную школу.

Работы на стройке шли своим чередом. Строительство основного корпуса завода подходило к концу.

Уже готовы были несколько жилых домов, и многие рабочие уже перевезли на стройку свои семьи. Жизнь постепенно налаживалась.

А Черкез и ашуг Гусейн строили все новые да новые дома и ждали возвращения Гюльчар.

ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

Стоя у мельничного арыка, я впервые в жизни поджидал в ту ночь любимую девушку. Зеленоватые звезды и тонкий серп молодого месяца тускло освещали ветви плакучих ив, их едва распутившиеся почки. Во мраке ущелья виднелась лишь крыша мельницы да ее верхнее окно. Оно светилось. Девушка, которую я ждал, принесла ужин своему отцу – мельнику. Я не мог оторвать взгляда от тропинки, протянувшейся к мельнице. Я ждал уже полчаса нетерпеливо и настороженно. Впрочем, нет, не полчаса, а полгода: вот уже полгода я каждую ночь с нетерпением ожидал, когда, наконец, рассветет, настанет новый день, и я увижу Бегим.

И вот теперь, в тихом свете мерцающих звезд, я ждал уже не зарю, а ее, мою любимую. В свежем воздухе мне слышался шелест молодых листьев и ровный шум темной воды, падающей на мельничное колесо.

Казалось, не только я, но и сама эта ночь полна безмолвного, тревожного ожидания. Все вокруг: и весеннее небо, и шелестящие листья ив, и легкий ночной ветерок, – все, точно так же, как и мои помыслы и надежды, – дышало молодостью, было преисполнено юной порывистой силы.

Наконец – тихие шаги. Ее шаги. Я плохо различаю звуки и редко в них вслушиваюсь, но тут я вдруг явственно услышал, как шуршит трава под ее ногами. Между темными густыми кустами ежевики мелькнула ее голова, покрытая шелковым платком.

Я хотел шагнуть навстречу, но стоял, точно прикованный.

Она поднялась крутою тропинкой, подошла к иве, склонившей к земле свои гибкие ветви, сорвала раскрывшуюся клейкую почку и, улыбаясь, взглянула на меня. В звездном полумраке сверкнули ее глаза.

– Добрый вечер, Эйваз, – сказала Бегим. – А ты и в самом деле здесь...

– Что означает это «в самом деле»?

– Когда ты сказал днем, я приняла за шутку...

– Ты все принимаешь за шутку, Бегим... Давай посидим здесь немного.

Она испуганно огляделась.

– Нет, Эйваз, уже поздно, пойдем...

– Поздно? – я посмотрел на часы. – Еще и девяти нет. Ты всегда приходишь с работы не раньше девяти.

– Ну ладно, посидим немного.

Мы уселись на холмике под ивой, на краю арыка.

– Сегодня там, наверху, уже все выпололи. Завтра будем полоть здесь, в саду, возле мельницы.

(Она неспроста начала этот разговор: я работал в колхозе садоводом, а Бегим – бригадиром садоводческой бригады).

Наш сад возле мельницы был разбит недавно, уже после того, как я закончил техникум. И яблони, и груши, и айва цвели здесь нынче весной впервые.

Мы ухаживали за садом так заботливо, с такой нежностью, как растят своего первенца родители. Кадыр, председатель колхоза, даже упрекнул нас.

– Когда восходит новая луна, старую не надо дробить на звезды. Вы забываете о других садах.

– «Гызыл Ахмед»*, который мы привезли из Агдама, замечательно плодоносит, – сказала Бегим, глядя на светящееся окно мельницы. – А помнишь, люди говорили, что этот сорт у нас не привьется.

Я хорошо видел ее лицо. Ветерок пригибал к ее щеке ивовую ветку, опушенную свежей зеленью, и Бегим щурилась.

– Да, Бегим, наши деревья зацвели и дадут много плодов, а мы...

Она искоса поглядела на меня и улыбнулась, поняв о чем я умолчал.

Да и могла ли Бегим не понять? Ведь она – самая умная, самая красивая. Неужели она не догадывалась о том, что так неумолимо, так жестоко волнует меня? Но кто же, кроме меня самого, виноват, в конце концов, что я до сих пор не открылся ей? Может быть, это робость? Нет, мне никто не откажет в смелости. Меня удерживало, наверное, вполне объяснимое человеческое чувство, имя ему – самолюбие.

Я ждал от девушки ответного чувства, такого же сильного, как и мое. Разве это невозможно? Ведь Бегим всегда была со мною так искренна, так ласкова и внимательна... Всякий на моем месте сказал бы ей о своей любви. А я?.. Только сегодня я предупредил, что буду ждать у мельницы, и она безмолвно улыбнулась в ответ. Разве не мог я тогда же, сразу сказать ей единственные, неповторимые слова?

Внизу, в ущелье, шумела вода, падая на мельничное колесо. Над головами у нас шелестели молоденькие листья ивы. Вдали темнели громады гор; по небу то и дело скользили сверкающие капли – падали звезды.

Их меркнущий след исчезал в один миг. Ветер утих, и воздух будто застыл, напоенный тонким, теплым запахом зелени и цветов.

И глаза девушки, сидевшей рядом со мной, сверкали в темноте.

– Бегим, ты ведь все знаешь... Отвечай же... Что ты мне ответишь?

Она молчала, не шевелясь, словно не дыша, и это молчание, упорное, сосредоточенное, казалось мне и настроженным, и рассеянным...

Я взял ее руку – холодную, безразличную.

– Почему ты молчишь, Бегим?

Она осторожно высвободила руку, собрала под платок выбившиеся волосы и, прямо посмотрев мне в глаза, тихо сказала:

– По правде говоря, я никогда об этом не думала, Эйваз.

Сердце мое сжалось. Что ж – любовь, как и весна, – она приходит неожиданно-негаданно. И виноват ли я, что не подстерег ее вовремя и не сумел сказать о ней... Тут уж ничего не поделаешь, над этим никакая сила не властна.

Внизу шумела вода.

Бегим нервничала, теребила край платка. Я молчал. Что еще мог я сказать?

Вдруг она ласково коснулась моей руки.

– Если у нас в деревне есть два хороших парня, то один из них – ты. Дай мне немного подумать...

«Дай мне немного подумать», – болью отозвалось во мне.

– Эйваз, – сказала она уже совсем спокойно, словно ничего не произошло, и обеими руками поправила платок на голове, – сегодня отец опять хвалил тебя. Он говорил, что если ты, сын Бедирхана, пробудешь у нас еще года два, то селение станет раем. Твой сад возле мельницы был для него самым драгоценным подарком.

Я молчал, стараясь улыбнуться. Бегим говорила радостно, но мне казалось, что, расписывая, как я нравлюсь ее отцу, она пыталась ободрить и меня, и себя.

– Ты ведь знаешь, отцу не так-то легко угодить. А к молодежи он особенно строг. Когда я сказала сегодня, что выше мельницы мы тоже разобьем сад, он очень обрадовался.

– Значит, он хвалит меня не без причины.

Бегим кивнула.

– Я не раз замечала, когда он бывает не в духе, ты скажешь ему доброе слово – и мрачность как рукой снимет.

Все знали, как привязан Муса-даи к своей мельнице. Сколько я себя помню, он всегда был мельником; моя мать рассказывала, что и отец его, Кубад, тоже был мельником, и именно он построил эту мельницу. Ну и следил же за ней Муса-даи! Он устроил особый механизм для поднятия жерновов, сделал приспособление, чтобы регулировать приток воды.

Не помню такого дня, чтобы мельница Мусы-даи простаивала. Она работала круглый год и зимою, и летом. В соседней деревне была «огненная мельница», и он не уставал доказывать, что его водяная несколько не хуже. Вьюга заметала иногда дорогу, и привезти из города мазут было очень трудно; «огненная мельница» не работала, и люди из соседнего села шли к Мусе-даи.

В эти дни он был преисполнен особого достоинства и гордости. «Ага, спеси-то у нас поубавилось», – говорил наш мельник. Он молот их зерно в первую очередь и подчеркнuto церемонно провозжал домой.

Муса-даи любил свою Бегим больше, чем сына Рашида, очень способного инженера-строителя, работавшего у нас в районном центре. И эта его любовь вызывала в моей душе чувство особой благодарности к старику...

И я, и Бегим молчали. Я отчетливо слышал, как шелестит листва ивы и как бьется сердце девушки. Хороша была она, в мягком звездном свете, осененная гибкими молодыми ветвями. Ее ровное дыхание сливалось с прозрачной прохладой ночи.

Мы снова заговорили о Мусе-даи, о том, как он повздорил недавно с моей матерью, которая распределяла у нас в деревне воду. Вспомнили, как ядовито жалят они друг друга на собраниях, посмеялись, но о себе не сказали больше ни слова.

Раздался топот копыт, мы обернулись. Из-за поворота вышел нагруженный конь, за ним – высокий парень в сапогах, с широким поясом на гимнастерке. Это был Шахлар, мой друг детства. Он гнал своего коня к тропинке, ведущей на мельницу.

– Добрый вечер, – сказал Шахлар, поравнявшись с ними, и остановился на минуту. – Хорошее место вы выбрали, – лукаво добавил он. – Пойду, скажу Мусе-даи.

– Смотри, вот отвяжу ночью собаку, – шутливо пригрозил я. Шахлар был обручен с моей соседкой, и они встречались у нас в саду.

С притворным испугом он поднес руку ко рту.

– Молчу, молчу...

Сделав несколько шагов, Шахлар опять остановился.

– Да, чуть не забыл, – к вам приехал гость.

– Какой гость?

– Не знаю. Молодой парень. Я показал ему ваш дом, – и Шахлар скрылся в кустах ежевики.

– Пойдем, Эйваз. Гость, наверно, ждет тебя. – Бегим поднялась.

– Ничего, посидим еще немного...

– Нет, – она решительно покачала головой. Пришлось покориться. Мы прошли мост, перекинутый через арык, и зашагали к деревне. Шелестящие ивы, шум бегущей по желобу воды, мельница со светящимся окном – все это осталось позади. Мне было очень грустно, точно, уйдя оттуда, я навсегда потерял что-то очень дорогое. Казалось, мне никогда уже больше не придется быть вдвоем с Бегим...

Глядя на огни нашей деревни, она спросила:

– Интересно, что это за гость приехал к вам так поздно?

– Не знаю, у меня нет знакомых в Баку.

Мы все ближе подходили к деревне. Значит, скоро расстанемся, и опять настанет долгая беспокойная ночь. Эх, Бегим, если бы ты знала, как мучительно будет тянуться эта одинокая ночь, полная тревожных дум, бесконечных и тщетных мечтаний!

Вот засветилось между двумя чинарами окно ее дома.

– Постоим тут немного, Бегим.

– Нет, уже поздно.

– Мы встретимся завтра вечером на том же месте?

– Не знаю, будет ли время... До свидания! – Она улыбнулась, не желая обидеть меня и, повернувшись, быстро зашагала к своей калитке.

– Счастливых тебе снов, Бегим! – крикнул я.

Она махнула рукой и открыла калитку.

Я долго не мог двинуться с места. За занавеской мелькала ее тень. Бегим, наверно, разговаривала с матерью и даже не думала о том, что я стою здесь один, в темноте.

Наконец, медленно, тяжело ступая, я побрел домой, неся в душе неразделенную печаль; а вокруг все было так безучастно и спокойно.

Но откуда пришла ко мне эта безнадежность? Разве Бегим не сказала: «Если у нас в деревне есть два хороших парня, то один из них – ты»? Разве не сказала она: «Дай мне немного подумать»? Что ж, пусть подумает.

Я вошел к себе во двор и поднялся на балкон. Гость, сидевший напротив моей матери, беседуя с ней, сразу же встал мне навстречу и взглянул на меня огромными живыми карими глазами.

«Я где-то видел этого человека, – промелькнула мысль, – Хотя, ведь есть такие люди: увидишь впервые, а кажется, что знаешь давно».

Я пожал гостю руку.

– Садитесь, садитесь, добро пожаловать!

– Это товарищ нашего Гусейна, – сказала мать. – Он будет работать у нас в МТС.

Гость достал из внутреннего кармана своего серого костюма письмо. Гусейн, мой племянник, студент последнего курса сельскохозяйственного института, писал, что наш гость, Умай, только что окончил институт и назначен инженером-механизатором к нам в МТС. Гусейн просил принять его друга радушно и заботливо, как родного.

Когда я прочел письмо, Умай сказал застенчиво, простодушно:

– Тут нет гостиницы, мне придется на одну ночь стеснить вас.

– Что за разговор! Мы очень рады дорогому гостю.

– Нам дорог и Гусейн и его друг... – добавила мать. – Ты – в своем доме.

Она взяла со стола стакан и ушла в другую комнату. Мы поговорили о том, о сем; потом он встал и подошел к книжному шкафу.

– Можно посмотреть?

– Конечно. И спрашивать не надо.

Умай начал просматривать книги. Я с детства пристрастился к чтению, а когда был студентом, почти все свои деньги тратил на книги.

Гость взял томик Чехова и стал перелистывать его. Умай был красив, но, пожалуй, немного худощав. Сын старого учителя, он после окончания средней школы три года прослужил в армии. Поэтому Умай поступил в институт позже своих сверстников. Его худые руки казались слабыми, но большие карие глаза светились энергией и живым умом. И чем дольше я смотрел на гостя, тем больше угадывал в нем собранность, крепкую жизненную хватку.

Его густые, мягкие волосы, расчесанные на пробор, оттеняли правильные черты немного бледного лица.

Умай раскрыл том дневников Стендаля.

– Читали?

– Да, читал.

– Романы его превосходны, а вот дневники мне не нравятся.

– Почему?

– Каждый день – одно и то же: то званый обед, то бал, то визиты... Это надоедает, – он даже поморщился. – Знаете, как-то обидно видеть такое странное несоответствие между мыслями и делами. Такие люди напоминают мне врачей, которые сами курят, а другим запрещают.

– Но нас интересуют прежде всего их мысли. Какое нам дело до того, как они жили?... Теперь живут их мысли, а не они сами.

– Да, конечно, – отозвался Умай, – но все-таки нужно следовать своим идеям и собственной практикой доказывать их справедливость.

Умай замолчал и задумался, глядя на темнеющий за окном сад.

Мать принесла яичницу.

– Ты уж прости, дорогой. Приехал к нам в поздний час...

– Чем же плоха яичница? – весело ответил Умай, присаживаясь к столу. Он уже совсем освоился и держался теперь непринужденно.

Поужинав, мы погасили свет и улеглись спать. Мои мысли вновь вернулись к Бегим. «Дай мне немного подумать», – повторял я про себя ее слова. Может быть, они предвещали мне счастье? Такое же светлое, как новое весеннее утро, которое наступит через несколько часов...

Когда утром, после чая, мы собрались уходить, Умай взял свой чемодан.

– Вам у нас не понравилось? – спросил я.

– Наоборот! Мне казалось, я приехал в родной дом, но я не хочу больше беспокоить вас.

– Какое же здесь беспокойство? – возразила мать. – У нас три комнаты.

Умай колебался. Я взял его чемодан и поставил на прежнее место.

Выйдя из сада, мы направились к МТС.

У нас в районе две машинно-тракторные станции: одна – в районном центре, другая – в нашей деревне.

Свернув за угол, мы встретили Бегим. Сверкнув своими черными, как спелая вишня, глазами, она пристально посмотрела на Умая.

– Познакомьтесь, Бегим, – сказал я. Покраснев, она протянула инженеру руку.

– Что это за девушка? – спросил Умай, когда мы распрощались с Бегим.

– Дочь нашего мельника Мусы. Бригадир садоводческой бригады.

Умай молчал. А мне очень хотелось, чтобы он снова заговорил о Бегим. Но он молчал, лицо его было озабоченным.

Мы подошли к МТС.

– Когда проголодаетесь, – сказал я Умаю на прощание, – приходите прямо домой.

– Хорошо, – просто ответил он.

Когда я приблизился к молодому саду у мельницы, солнце было уже высоко. Девушки пололи. Увидев меня, Бегим показала на зазеленевшие деревья.

– Посмотри, какие они крепенькие! – Потом равнодушно спросила:

– А зачем приехал этот парень?

– Он будет работать в МТС.

– Разве он тракторист?

– Нет, инженер.

Я рассказал ей все, что знал о своем госте. Она слушала внимательно, но не промолвила ни слова.

– Сегодня вечером, – сказал я, – буду ждать тебя на прежнем месте. Хорошо?

– Нет, Эйваз, вечером я пойду в кино. Будут показывать новый фильм.

– Ну, что ж, тогда и я пойду.

– Приходи, посмотрим вместе, – рассеянно ответила Бегим.

Я пошел к новым саженцам, в самый конец сада. Эта часть сада походила на низкорослый лесок. У нас было больше пяти тысяч разных саженцев. Их нарасхват брали все соседние колхозы, и это доставляло огромное удовольствие Кадыру, председателю колхоза. Он часто повторял: «Пусть себе берут да сажают на здоровье».

Я испытывал нежность к этим хрупким деревцам с робкой нежной листвою, сверкающей на солнце.

Мы сажали их вместе с Шахларом, Бегим и другими молодыми парнями и девушками нашего колхоза, вместе ухаживали за ними. И мне казалось – это наша молодость мужает и расцветает в молодых крепнущих деревцах.

«Кто знает, – думал я, – в чьих садах будут они расти, кому станут приносить плоды?»

Близился полдень. Нужно было найти Умая и отправиться с ним пообедать. Я вышел из сада и зашагал к мельнице. День стоял тихий и жаркий. На лугу перед мельницей паслись лошади. Поодаль остановился большой грузовик. На покрытый тиной желоб и вращающиеся жернова легла тень от густого кустарника. Над желобом струйками кружили фиолетовые мошки.

Дойдя до мельницы, я увидел спускавшихся по тропинке Кадыра и Умая. Они громко говорили о чем-то и смеялись, словно закадычные друзья. Наш председатель Кадыр – грузный мужчина среднего роста. Хотя ему уже под пятьдесят, в волосах у него не серебрится ни одной сединки, и на вид ему никак нельзя дать больше сорока. На нем были высокие хромовые сапоги, свой толстый живот он туго перетянул ремнем. На голове у председателя красовалась зеленая фуражка. Когда Кадыр был в приподнятом настроении или занимался каким-либо важным делом, он надвигал ее на самые брови. Глядя на кого-нибудь, он по-особому склонял голову набок и щурил глаза так, что, увидев его впервые, вы решили бы, что он косит.

Полнота не мешала Кадыру лихо отплясывать на свадьбах старинный танец «таракияма» и легко вскакивать на коня. Когда он пытался тихонько сказать вам что-нибудь по секрету, его было слышно за десять шагов. Сметливость и проницательность не мешали ему быть по-ребячьи наивным. В ранней молодости он, разозлившись, швырнул в арык деспота-бека, которого смертельно боялась вся округа. За это его прозвали Кадыр-безумец.

Закончив всего семь классов вечерней школы, он живо интересовался всеми новинками техники. Где бы ни попалась ему новая машина, он очень внимательно осматривал ее. Но сам редко садился в новую колхозную «Победу», предпочитая ездить верхом. У него был лучший в наших краях конь, и если заходил разговор о лошадях, Кадыр необычайно воодушевлялся и мог рассуждать на эту тему без конца.

– Послушай, агроном, – крикнул он мне издали, – мы с твоим гостем с утра уже везде побывали. Теперь пришли посмотреть мельницу Мусы-даи.

Председатель питал явное пристрастие к Мусе-даи и его мельнице. Он обязательно навещался сюда каждые два-три дня, чтобы узнать, как идут дела, что нового придумал старый мельник. Всем приезжающим Кадыр прежде всего показывал нашу маленькую гидроэлектростанцию, построенную по его инициативе три года назад, а затем – мельницу...

– Ну как, нравится вам у нас? – спросил я Умая.

– Очень.

– Это еще что, – вмешался в разговор Кадыр. – Поглядим-ка нашу мельницу. Тут у Мусы-даи такие есть штуковины...

Муса-даи отошел от быстро вращающегося жернова и поспешил нам навстречу, отряхивая испачканные мукой руки. Это был еще крепкий, высокий, чуть сутулый старик. В его глубоко сидящих глазах, в резких чертах лица была какая-то повелительная суровость, впалые щеки покрывал темный румянец. Кизиловая трубка его вечно дымилась. Он мало занимался своей одеждой, но всегда носил шегольскую папаху из дорогого серебристого каракуля.

Кадыр засуетился и с такой гордостью, словно он сам придумал все это, начал показывать приспособления, сконструированные Мусой-даи.

– Взгляни-ка сюда! Посмотри, пожалуйста! – поминутно обращался он к Умаю.

Инженер внимательно осмотрел мельницу и вдруг спросил:

– Ведь у вас есть электростанция, почему же мельница не работает на электричестве?

– На электричестве? – удивленно переспросил Кадыр. Глаза Мусы-даи злобно сверкнули.

– Разумеется, – сказал Умай. – Село у вас большое, и это было бы очень выгодно.

Муса-даи глубоко затянулся дымом из трубки, сплюнул в сторону и хрипло заметил:

– В соседней деревне есть «огненная мельница», но наша не отстает от нее. Да и мука у нас лучше, чем у них.

– Ваша мельница дает лучшую муку? – изумился Умай.

– Конечно, наша, водяная.

– Не может быть, – решительно возразил Умай. – Там просто не умеют работать.

Муса-даи снова затянулся и на сей раз промолчал. Он был заметно раздосадован.

– То, что ваша мельница будет молотить целый день, – продолжал Умай, – электрическая сделает за два-три часа.

– Правильно, – подтвердил Кадыр.

Муса-даи сердито взглянул на него.

– Ты хоть раз в жизни слышал, чтобы кто-нибудь жаловался на нашу мельницу?

– Странно ты рассуждаешь! – разгорячился вдруг Кадыр. – Ну, и что же, если не было жалоб? А сколько времени пропадает зря?.. По правде говоря, – обратился он к Умаю, – нам это как-то не приходило в голову. А знаешь, как много времени тратят люди, чтобы смолотить зерно? Бывает, по нескольку дней ждут очереди. Да к тому же, если мельница будет работать на электричестве, мы сэкономим много воды, которая идет сейчас попусту.

– Почему попусту? – возмутился Муса-даи, показывая на новый сад, видневшийся вдали. – А это что?

– Для этого сада вода бывает нужна раза три в год. И ничего больше возле твоей мельницы не засеешь – негде. А летом вода, сам знаешь – на вес золота.

Муса-даи вынул кисет и сердито набил трубку.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что инженер прав. Мы должны перевести мельницу на электричество.

Муса-даи отошел в сторону и, едва сдерживая себя, глухо оказал:

– Умру, но не дам распылять воду из этого желоба.

Кадыр надвинул фуражку на глаза.

– Если народ скажет, – дашь.

Вошла Бегим и, поздоровавшись, спросила отца:

– Чай готов, принести тебе?

– Не хочу я твоего чая, – резко ответил Муса-даи.

Это было неслыханно. Сварливый мельник никогда не был груб с дочерью.

Бегим покраснела, взглянула на Умая, потом на отца и молча вышла.

– Зачем ты сердишься, – упрекнул мельника Кадыр, – и при чем тут девушка?

Старый колхозник, стоявший поодаль и прислушивавшийся к нашему разговору, степенно заметил:

– Ай, Муса, зря кипятишься. Правда, эту мельницу построил твой блаженной памяти отец, Кубад, но сейчас настала пора электричества.

Мельник ничего не ответил, только сплюнул в сторону.

Когда мы вышли, Кадыр расхохотался.

– Клянусь, наш Муса – большой чудак. Вы думаете, он не понимает пользы электричества?

– Если понимает, почему не соглашается? – возразил Умай.

– Во-первых, потому что мельницу построил его отец.

– Ну и что ж? Сейчас-то она принадлежит колхозу.

– Что бы там ни было, мельница для него – память об отце. Ну, а во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, – работа на мельнице приносит хороший доход. А Муса прижимист, есть за ним такой грешок, любит он погреть руки у огня. Но ты не слушай его. Готовь проект, посмотрим сначала сами, а потом обсудим его вместе с колхозниками.

Вечером я спросил Умая, читавшего газету:

– У нас сегодня будут показывать новый фильм, хотите пойти?

– Какой фильм?

– Кажется, «Живой труп».

– Идем, – он поднялся и положил газету на стол.

Небольшой клуб, рассчитанный на триста человек, мы гордо величали Дворцом культуры. Он был выстроен на окраине села. Рассажанные вокруг здания фруктовые деревья поднялись уже в человеческий рост. Под деревьями зеленел клевер. Сквозь розовые ветки абрикосов виднелся бюст Сабира, чье имя носил наш клуб.

У клуба толпилось много народа. Вся сельская молодежь была здесь. Парни – в сапогах, в фуражках с длинными козырьками и гимнастерках, подпоясанных широкими ремнями. Наши ребята любили щегольнуть дорогим офицерским ремнем и сапогами из лучшего хрома.

Девушки и молодые женщины нарядились в яркие пестрые платья, а головы покрыли широкими шелковыми платками.

Шахлар, лихо сдвинув фуражку набок, рассказывал что-то окружившим его парням, а те покатывались со смеху.

Муса-даи пришел нарядный, в новом суконном френче; он стоял в сторонке с двумя мужчинами и дымил своей трубкой. Мельник не пропускал ни одной новой кинокартины. Увидев нас, он отвернулся. А Умай, не придав этому никакого значения, весело сказал:

– Здравствуйте, Муса-даи!

Не оборачиваясь, мельник буркнул:

– Здравствуй.

Возле кассы мы увидели Бегим с тремя подругами. Она только что купила билеты. Но, увидев нас и почему-то покраснев, спросила:

– Эйваз, вы еще не брали билетов? – и, не дожидаясь ответа, вернулась к кассе.

– Дайте еще два билета.

На ней было шелковое платье с длинными рукавами и черные лакированные туфли. Из-под платка выбивались темные волнистые волосы, а глаза поблескивали, словно спелые ягоды.

Много хороших молодых людей вышло из нашего села. Есть среди них и врачи, и инженеры, даже кандидаты наук. Летом они часто приезжают отдохнуть в родные места. По вечерам мы все вместе собираемся возле клуба, беседуем, играем на таре, иногда готовим спектакли. Бегим привлекала обычно общее внимание. Со всеми она была знакома и со всеми, кто бы то ни был, разговаривала свободно и непринужденно. Теперь же ею овладело странное смущение, лицо казалось каким-то напряженным, и я подумал, что она нарочно старается почему-то смотреть только на меня.

У моего гостя был серьезный и, честно говоря, немного самодовольный вид. Когда мы входили в зрительный зал, он посторонился, уступая дорогу девушкам, и постарался сделать так, чтобы я очутился между ним и Бегим.

«Может быть, – думал я, – мои ревнивые наблюдения неосновательны, и подозрения обманывают меня...»

Мы сидели молча, глядя на экран. Жизнь, которая проходила там, вызывала во мне глухое раздражение. Это был тесный и душный мир... Я не мог понять, что за тоскливая тревога закралась вдруг в сердце. Нагнулся и шепнул Бегим:

– Завтра вечером я буду ждать тебя на том же самом месте.

Она покачала головой.

– Почему ты не хочешь прийти, Бегим?

– Ну, что мы там потеряли?

Потом она спросила шепотом:

– Как зовут твоего гостя?

– Умай.

Она слегка пожала плечами.

– Женское имя...

В сумраке зрительного зала ее лицо казалось строже, еще красивее, чем всегда. Тягучая, терпкая печаль охватила меня. Может быть, я ревновал? Нет, тысячу раз нет. Просто я не хотел потерять счастье, которое казалось уже таким близким. Мне хотелось взять ее за руку и сказать: «Бегим, дорогая, у каждого в жизни – своя судьба, а ты выпала на мою долю. Как мне быть без тебя?..»

Когда мы вышли из клуба, молодой месяц стоял над темными садами. Издалека доносился шум мельницы и кваканье лягушек.

Бегим обвиняла Протасова в слабости, в том, что из-за любви к женщине он погубил свою жизнь.

– Мужчина должен быть твердым и стойким, – повторяла Бегим.

Почему она так говорила? Может быть, это был намек?..

А Умай, возражая ей, обвинял во всем жену Протасова.

Этот спор снова вызвал во мне такое же глухое раздражение, которое я испытывал, глядя картину. В словах Бегим и Умая мне чудилось что-то обидное, задевающее мое самолюбие...

В ту ночь мы долго разговаривали с Умаем. Он говорил о нашем селе, о Кадыре, его характере и забавных чертах, о Мусе-даи, но ни разу не упомянул имени Бегим.

– Ну, а девушки наши? – шутливо спросил я. – Понравились они вам?

Подняв свои тонко очерченные брови, он смотрел в окно и долго не отвечал. Потом, повернувшись ко мне, спросил со своей обычной серьезностью:

– Где училась Бегим?

– Она окончила нашу сельскую десятилетку. А в институт не смогла поступить, заболела во время экзаменов.

– Может быть, ее отец не пустил?

– Нет. Вы не судите по тому, что Муса-даи воспротивился вашему предложению. Он совсем не враг культуры. Лучший радиоприемник в селе, лучшая мебель – у него. Он выписывает чуть ли не все азербайджанские газеты и журналы.

Я говорил горячо, как всегда, если речь шла о Мусе-даи и его семье. Умай же тихо, словно про себя, заметил:

– Странно. Выписывает газеты и журналы, а думает только о своих интересах, не хочет, чтобы мельница работала на электричестве.

Мать вошла в комнату и предложила нам поужинать. Умай отказался.

– Я не ем вечером.

– Мне тоже не хочется, – ответил я. – Да, мама, сегодня был разговор о мельнице. Умай сказал, что, раз у нас в селе есть электростанция, почему бы мельнице не работать на электричестве. А Муса так разъярился, точно его смертельно обидели.

Мать внимательно посмотрела на Умая.

– А разве это можно сделать?

– Конечно, можно, – ответил я за Умая.

– А мука какая получится?
– Какая вашей душе угодна, – рассмеялся Умай. – Вот видите, всех прежде всего интересуется, какая будет мука.

Мать присела к столу.

– Если вы сделаете такое доброе дело – окажете нам большую услугу. Эта мельница забирает почти всю воду из арыка.

– Мама распределяет в колхозе воду, – пояснил я Умаю. – И каждое лето ссорится из-за воды с Мусой-даи.

– Вы распределяете воду? – удивился Умай.

– А что же, я, по-вашему, не гожусь для этого? – она вызывающе посмотрела на молодого инженера.

– Но ведь распределять воду – это значит вечно воевать и ссориться...

– Да уж что-то, повоевать моя мать умеет, – вставил я.

– Ты это, знаешь, брось, – налетела она на меня. – Ишь, нашел, над кем подтрунивать, – и снова обратилась к Умаю: – Ты хорошо придумал. Утром пойдем вместе, скажем Кадыру.

– Я уже сказал ему. Он согласен.

– Ну, тогда все! Кто же будет против? Муса думает, что, раз эту мельницу построил Кубад, его отец, то никто и пальцем не может к ней прикоснуться. А дочь его ты видел?

Умай смутился, – я впервые видел его смущенным; он взглянул на меня и ничего не ответил.

– Умай видел Бегим. Мы только что все вместе были в кино.

– Другой такой у нас в селе нет. И умница, и красавица. Знает, где что сказать...

– Ты ее поменьше расхваливай, мама, а то мы с гостем еще подеремся...

– Куда вам до нее, – сказала мать и ушла в другую комнату.

Мы разделись, потушили свет и легли, но оба не могли уснуть. Умай долго ворочался с боку на бок.

Утром он пошел в правление колхоза, а я – в сады и на окраине села встретил Бегим. Она, видимо, только что умылась: завитки волос, обрамлявшие ее лицо, были еще мокрыми. Черные глаза радостно сияли.

– Доброе утро, Эйваз! Почему ты не спал этой ночью?

– Я? Я спал.

– Кто же тогда всю ночь расхаживал по вашему балкону?

Я забыл сказать, что наш дом был виден из окон Бегим.

– Наверно, Умай. А ты почему не спала?

– Не знаю. Ночь была такая чудесная.

– А я спал как убитый...

– Ну, а что тебе еще остается делать? Ты молодой, здоровый парень... А весной спится особенно сладко.

Она говорила весело, с улыбкой, но каждое слово будто обжигало. Как мне хотелось, чтобы Бегим упрекнула меня за то, что я мог «спать как убитый», когда ей не спалось, но видно... Да нет, зачем думать об этом? И почему я жду от нее нежной укоризны? Какое имею на это право?

Вечером я спросил Умая:

– Вам не спалось прошлой ночью?

– Да, никак не мог уснуть и вышел на балкон. Но вы-то спали крепко. Откуда же вы знаете?

– Мне сказала Бегим. Она видела вас.

– Видела? – удивился Умай.

– Да. Вот, посмотрите на этот двухэтажный дом, перед которым растет высокое дерево. Это ее дом.

Наступило молчание и, чтобы нарушить его, я спросил:

– А чем вы занимались сегодня?

Умай перевел дыхание, словно освободившись от тяжелого груза.

– Закончил проект электрификации мельницы и отдал его Кадыру. Потом посмотрел машины во дворе МТС.

– Из-за этой мельницы Муса-даи совсем с ума сойдет.

– Ничего не поделаешь. Колхозу выгоднее иметь электрическую мельницу.

... На другой день, около часу, я поехал на велосипеде домой перекусить. Возле клуба стояли Бегим и Умай. Я чуть не упустил руль и поспешил спрыгнуть на дорогу.

Умай что-то говорил Бегим, а та слушала, опустив глаза и теребя уголок своего платка... «Странный ты человек, – укорял я себя, – ну, что тут особенного? Разве не могут двое знакомых, встретившись на улице, перекинуться парой слов?.. Нехорошо, если они заметят, что я стою здесь и смотрю на них. Что они подумают? Надо подойти и поздороваться».

Но, вопреки своему решению, я тут же сел на велосипед и тихонько свернул на другую дорогу.

Я не дотронулся до обеда, поданного матерью. Я ждал Умая. Прошло полчаса – он не шел. Прошел час – его все не было. Мне показалось, что в комнате очень душно, и я вышел на балкон.

– Ты поешь, – сказала мать. – Ведь и утром ничего не ел. Придет Умай, я подогрею обед и накормлю его.

– Мне не хочется есть.

– Что с тобой, сынок? Почему ты отворачиваешься от еды?

– Да ничего со мной не случилось, мама, – через силу улыбнулся я. – Я ел недавно.

Мать поверила и унесла обед.

Сев на велосипед, я поехал прямо к клубу. За углом увидел Бегим, она шла мне навстречу. Я слез с велосипеда, и ей волей-неволей пришлось остановиться. Я уловил легкое недовольство на ее лице.

– Откуда ты, Бегим?

Она, кажется, растерялась и тихо, как-то нерешительно ответила:

– Из клуба.

Мы оба не знали, о чем еще говорить. Наконец, я спросил, стараясь придать своему голосу как можно больше тепла:

– Ну как, Бегим, ты подумала?

Казалось, она ждала этого вопроса и ответила поспешно и холодно:

– Знаешь, Эйваз, мы с тобой никогда не поженимся.

– Почему?

– Я с самого детства люблю тебя, как брата...– и, взглянув мне в лицо, добавила:

– Ты не обижайся, хорошо?

– За что же тут обижаться? – Я сел на велосипед и, не сказав больше ни слова, уехал.

... И снова наступила ночь, напоенная запахом сирени. Она казалась мне безмолвной песней о жизни. Но разве Бегим не была для меня самой жизнью, и разве я мог навсегда потерять ее без мучительного сожаления?.. Я проходил мимо ее дома. Она стояла на балконе за ветвями, озаренная месяцем. Листья деревьев лучились серебристым светом. Она смотрела в сторону нашего дома. Но какое теперь это имело значение? Если бы она любила меня хотя бы в десять раз меньше, чем я люблю ее, каким это было бы счастьем! Но твоя ли вина в том, что этого не случилось? Любовь не спрашивает, когда и к кому ей прийти. Если бы в жизни бывало иначе, клянусь, Бегим полюбила бы меня.

Пройдя засеянными полями, шумящими неумолчно, как море, я подошел к ивам у мельницы – туда, где мы с Бегим сидели однажды вечером, но сейчас это место показалось мне пустынным, покинутым.

Кваканье лягушек, шум воды, падающей на мельничное колесо, там, внизу, в ущелье, – все эти звуки теперь угнетали меня. Я чувствовал в сердце боль. Но ведь я знал же, знал, что нельзя посвятить свою жизнь безответной любви. Я любил жизнь, любил труд и ненавидел пустые, тщетные мечты, бессмысленные страдания. И все-таки удар, обрушившийся на меня, был очень силен. Но чем сильнее удар, тем мужественнее нужно его встретить. Эта мысль утешала меня, я обретал в ней стойкость; сила ведь заключена не только в тяжести, но и в преодолении ее.

Я спустился по тропинке к мельнице – мне хотелось узнать, что делает сейчас Муса-даи. Мельник сидел возле желоба и курил трубку.

– Здравствуй, Муса-даи. Что это ты сидишь здесь?

– Просто так. Здесь прохладно. Ты откуда?

– Из селения. Хотел спросить, можно будет утром смолотить немного зерна?

– Это можно.

Холодные брызги долетали до нас от мельничного колеса и падали на лица. В воздухе пахло пшеничной мукой. На лужайке паслись две стреноженные лошади. Вспыхивая, огонек трубки освещал порою задумчивое лицо Мусы-даи.

– Чем закончился вчерашний разговор? – спросил я.

Мельник вынул трубку изо рта и сплюнул.

– Если Кадыр вобьет себе что-нибудь в голову, сам Бог не выбьет.

– Да ведь и все колхозники так хотят.

– К черту! Это единственная память об отце. Пусть уничтожат и ее...

– Муса-даи, придет время, все наши сельские работы будет делать электричество.

– Пусть делает, пусть делает. Но почему же начинать именно с мельницы? – он сердито махнул рукой. – Ты скажи своему гостю, чтобы не очень настаивал. Не успел приехать в село, как все перевернул вверх дном. Его послали в МТС, пусть там и сидит и не лезет в чужие дела.

– Умай делает это для нашей же пользы.

Из мельницы вышел сельчанин и, взглядываясь в темноту, крикнул:

– Эй, Муса-даи, отпусти нас!

Мельник молча поднялся. В ночном мраке раздался голос крестьянина, понукавшего лошадей.

Я вернулся в село. Возле дома мельника, в тени листвы, загораживающей свет из окна, стояли двое. Я остановился как вкопанный, потом, перегнувшись через ограду, заглянул в сад. Это были Бегим и Умай. Не знаю, сколько времени я простоял здесь, пока они разговаривали. Наконец, мои друзья расстались. Бегим вбежала в дом, а Умай медленно пошел по улице.

Вернувшись домой, я застал своего гостя расхаживающим по комнате из угла в угол. Он не в силах был скрыть радость.

– Эйваз, кого вы видели в правлении? – спросил Умай.

– Я не был в правлении.

Мы помолчали. Я чувствовал такую усталость, будто целый день таскал камни.

– Эйваз, я хочу жениться, – совсем неожиданно сказал вдруг Умай.

– Вы шутите?

– Нет, совершенно серьезно.

«Ну, что ж, – подумал я, – ничего нет удивительного. Конечно, чересчур уж быстро произошло все это. Но разве нужно много времени, чтобы узнать и полюбить Бегим? Да и она, неужели она не могла оценить Умая за такой же короткий срок, как я?» Так я рассуждал, но тупая ноющая боль душила меня неотступно, настойчиво, с холодным и жестоким упорством... Я заставил себя улыбнуться.

– Значит, наша вода показалась вам сладкой... Кто же невеста?

– Я хочу жениться на Бегим.

Я неосторожно взмахнул рукой и столкнул со стола стакан.

– Ничего, – пошутил я, – это хорошая примета – к счастью, – а потом уже серьезно добавил: – Бегим – умная девушка, с ней можно создать хорошую семью. Вы уже договорились?

– Да...

– Тогда за чем же дело стало?.. Если я могу быть чем-нибудь полезен вам, пожалуйста, располагайте мною. А сейчас – спокойной ночи!

– Спасибо, Эйваз.

Я лег и натянул на голову одеяло. «Почему Умай с таким чувством поблагодарил меня? Может быть, Бегим рассказала ему о моей любви... Да не все ли теперь равно!»

Проснувшись утром, я увидел, что Умай стоит у открытого окна. Я оделся, встал и, нечаянно заглянув через его плечо, заметил, что он смотрит на дом мельника, – там на балконе Бегим стояла у самовара. Из жестяной самоварной трубы поднимался легкий курчавый дымок.

Поздно я хватился – ведь нужно было поздороваться с гостем, хотя я и помешал ему.

– Доброе утро, Умай!

Он вздрогнул, обернулся.

– Доброе утро, Эйваз! Оно в самом деле доброе – посмотри, какая чудесная погода.

– У нас в селении все чудесно...

Я спустился вниз умыться. Весна была в разгаре. Яблоневые, абрикосовые, персиковые деревья стояли в цвету. Роса ослепительно сверкала на лепестках и листьях. В воздухе разливалась птичья разноголосица. Так трудно было в это светлое утро думать о том, что любимая девушка навсегда уходит от тебя.

– Тебе нездоровится, Эйваз? – спросил, подходя, Умай.

– Мне? – я пять раз поднял левой рукой двухпудовую гирию и далеко отбросил ее.

– Молодец! – по-детски обрадовался Умай. – Гусейн говорил, что ты за четыре минуты уложил однажды приезжего борца.

– Что там борец, – усмехнулся я. – Его не так уж трудно было победить.

Идя на работу, мы встретили Бегим. Наверно, они еще вечером договорились об этой утренней встрече.

Бегим приветствовала нас одинаково радостно. Я по мере сил старался казаться веселым и бодрым.

Поздоровавшись с девушкой, я хотел сразу уйти, но она удержала меня за руку.

– Рашид приехал. Он спрашивал о тебе.

– Правда? Передай ему привет.

– Разве ты далеко живешь? Почему не хочешь повидаться с ним? Приходи в полдень и Умая тащи с собой.

– Хорошо, я так и сделаю, а сейчас прости, ровно в девять я должен быть у председателя. Пока... – я быстро ушел.

– Смотри же, Эйваз, мы будем ждать! – крикнула мне вдогонку Бегим.

По правде говоря, я был очень зол. «Эх, – с горечью думал я. – Неужто все девушки таковы? Неужели ее не мучает совесть – ну, хоть капельку?» Но тут же я принимался упрекать себя: «Но почему ее должна мучить совесть? В чем она виновата? Ведь у нее одно сердце – она и любит одного. Она же никогда ничего не обещала мне...»

И все-таки я не мог успокоиться. Ходил из одного конца сада в другой, заговаривал с каждым встречным, нес какую-то чепуху. Наконец, около полудня отправился в МТС за Умаем, чтобы выполнить свое обещание.

По дороге меня нагнал Шахлар.

– Эй, Эйваз, – смеясь сказал он, – говорил я тебе: смотри, не упусти... Вот ты и дождался...

– А что случилось?

– Будто ты не знаешь!

– Может быть, ты имеешь в виду Умая и Бегим?

– Разве это тебя не касается?

– Э-э... девушек на свете много...

– Это ты хорошо сказал. Если девушка не полюбила меня сегодня, так я разлюбил ее еще вчера, пусть она будет даже ангелом. Но должен тебе сказать, инженер – парень неплохой.

– Разве Бегим полюбит плохого парня?

– Знаешь, вначале, когда я его видел, у меня руки чесались.

– Что ты болтаешь, Шахлар!

– Ну, а сейчас убедился, – парень он чудесный. На такого руку не поднимешь. Клянусь твоей жизнью, после его приезда машины в МТС работают, как часы. Все им довольны. Но знаешь, Мусадан не отдаст за него свою дочь.

– Почему?

– Как почему? Ты что, ничего не слышал? Он поставил вопрос об электрификации мельницы. А Мусу ты знаешь. Мельница досталась ему в наследство от отца. Она для него – святыня. Клянусь твоей жизнью – будет большой скандал... Ты куда идешь?

– В МТС.

– Зачем?

– Захвачу Умая, вместе пойдем к Мусе. Бегим пригласила нас в гости.

Шахлар не то рассердился, не то удивился.

– Просто не пойму, какому ты Богу служишь! – и он свернул в сторону.

Я смотрел ему вслед. «Что же тут непонятного?»

Широкий двор машинно-тракторной станции был сплошь уставлен разными сельскохозяйственными машинами. Окруженный молодыми механиками, Умай стоял у открытого мотора трактора С-86 и что-то горячо объяснял им. Он так увлекся, что и не заметил моего прихода. Кадыр тоже был здесь. Выступив вперед, поближе к Умаю, он, прищурясь, внимательно слушал инженера. Поясняя свои мысли, Умай часто нагибался, притрагиваясь к блестящим от масла частям мотора.

Чтобы не помешать им, я ушел в читальню и стал просматривать газеты.

Когда Умай освободился, мы отправились к Бегим, чуть ли не насильно потащив с собой и Кадыра, который, как и я, был закадычным другом Рашида.

– Боюсь, Муса выгонит нас всех, – громко смеясь, говорил по дороге Кадыр. – Мы вынесли сегодня решение об электрификации мельницы.

Вспомнив вдруг слова Шахлара, я подумал: «В самом деле, зачем мне идти туда? Не лучше ли придумать что-нибудь и вернуться?» Но я не вернулся.

Мы прошли между двумя чинарами и по деревянной лестнице поднялись на балкон.

Рашид лежал на широкой тахте, возле покрытого белой скатертью стола и, опершись на локоть, читал книгу. Увидев нас, он вскочил и крепко пожал всем руку.

– Садитесь, пожалуйста.

На минуту к нам вышла Бегим; поздоровавшись, она тотчас ушла.

Рашид – рослый, неизменно веселый парень, был одет по-домашнему, в летнюю полосатую пижаму.

– Вы тут посидите, я мигом переоденусь.

Но Кадыр заставил его сесть.

– Не надо. Здесь все свои.

Рашид пристально посмотрел на Умая своими глубоко посаженными, похожими на отцовские глазами.

– Если не ошибаюсь, вы новый инженер нашей МТС?

– Он самый, – подтвердил Кадыр.

– Вы здорово задели моего отца. Он сегодня со злости со всем домом перессорился. «Ты, – говорит, – потолкуй там в райисполкоме, пусть не разрешают трогать мельницу». – «Отец, – отвечаю, – мельница колхозная, хозяин ей – колхоз. Райисполком тут ни при чем».

Рашид, улыбаясь, закурил.

Его мать Кеклик-хала, стряпая что-то около печки, в конце балкона, переваливаясь, подошла к нам. Очень полная, она была одета в серую рубашку с длинными рукавами, черный архалук и длинную юбку. Голову повязала фиолетовым платком с белой каймой.

– Как поживаешь, куропатка* наших гор? – шутливо спросил ее Кадыр.

Кеклик-хала не осталась в долгу.

– Все же я попроворней тебя.

– Что уж тут говорить! Мужа превратила в ходячий скелет, а сама толстеешь день ото дня.

Кеклик-хала, смущенная присутствием незнакомого человека, прикрыла платком рот.

– Ну тебя, хватит...

– Ничего, – засмеялся Кадыр, – это все наши дети. Они никому не проболтаются.

– Хорошо, – пригрозила ему Кеклик-хала, – вот увижу твою жену...

– Ради бога, не напоминай мне о жене! Она за прошлый месяц выработала шестьдесят два трудодня. К ней теперь и не подступишься.

– Не смейся над собственной женой.

– Она говорит, что все вокруг трудятся, а я только и знаю разъезжать верхом. «Возьми, – говорит, – лопату, поработай немного, тогда, может быть, похудеешь».

– Ну и правильно говорит... Хорошо, а этот парень – наш новый инженер?

– Да, мама, – ответил Рашид. – Его зовут Умай.

Кеклик-хала улынулась.

– Я говорю: Муса, почему ты сердишься? Сейчас время электричества. Посмотри, овец на ферме, и тех стригут электричеством. Бегим сказала, что скоро и косилка будет работать электричеством, и трактор. Я и толкую ему: Муса, раз уж дела оборачиваются так, ты со своей водяной мельницей останешься скоро один, как медный пятак в мешке с золотом. Что тогда будешь делать?

– Правильно, мама, – отозвался Рашид и добавил, обернувшись к нам: – Знаете, отец так привык к мельнице, что и представить себе не может, как это отделить ее от воды. Достаточно ему услышать ее шум, как он уже знает, нормально ли она работает, все ли в порядке.

– Немого только мать поймет, – заметила Кеклик-хала и отошла к печке.

Бегим сменила скатерть на столе и принесла чай. Она ни на кого не смотрела, даже на Умая. Он тоже не смотрел на нее. Оба и без того хорошо знали, что творится у другого на сердце, полном доверчивой радости и ясных надежд.

Я пил чай, заваренный Бегим; пил из стакана, вымытого ее руками, и печаль, далекая и смутная, снова овладевала мной.

Бегим придвинула мне блюдце и вазочку.

– Бери варенье, Эйваз... За гостем надо ухаживать...

Эти слова больно отозвались во мне – я был для нее только гостем и никогда не стану никем иным.

Между тем за столом завязался оживленный разговор.

– Из-за новой мельницы, – говорил Умай Рашиду, – у нас с председателем вышел спор. Я считаю, что прежнее маленькое, темное здание не годится для нашей электрической мельницы. Его нужно перестроить.

– Конечно. Почему же ты возражаешь против этого, Кадыр?

Кадыр сосредоточенно думал о чем-то, прищурил глаза и склонил голову набок.

– Но ведь мельница не невеста, чтобы украшать ее, – ответил он, наконец. – Довольно с нас и того, что механизмы будут хорошо работать. К чему делать лишние расходы?

Рашид показал на маленькое кирпичное здание, стоящее в глубине двора.

– Дело тут вовсе не в украшении. Мы десять лет ютились вон в том домишке. Но когда стали жить лучше, зажиточнее, он оказался для нас тесным. Даже новые кровати негде было поставить. И мы построили вот этот дом,

– Правильно! – горячо подхватил Умай. – Я больше скажу: кроме основного здания мельницы, надо построить еще пару комнат для приезжающих молотить зерно, оборудовать небольшую читальню. А что? Или вовсе не берись за дело, или уж берись основательно. Зачем останавливаться на полдороге?

– А как нам быть со старым зданием? – спросил Кадыр.

– Как быть? Мы его разрушим, камни пойдут на новую постройку, а на месте старой Эйваз разобьет красивый сад.

– Ты еще и Эйваза впутываешь в это дело?

– Я вполне разделяю вашу мысль, – сказал Рашид Умаю.

Умай обрадованно взглянул на председателя.

– Что же вам еще нужно?

Кадыр отер платком лицо.

– Вижу, ты заклятый враг Мусы-даи. Дайте мне посоветоваться с членами правления. Посмотрим, что они скажут.

– Они согласятся.

– Если так, то и я не стану перечить. Вот только...– он почесал затылок, – только, когда вы начнете разрушать старую мельницу, мне придется сесть на своего гнедого и удрать из села.

Мы все рассмеялись. А Бегим, убиравшая со стола стаканы, с притворной суровостью сказала:

– Вы, Кадыр-даи, отца моего не задевайте!

– Клянусь тобою, Бегим, я не так боюсь матери Эйваза, как твоего отца.

– Мать Эйваза – очень сердечная женщина, – возразил Умай.

– Да, очень сердечная, – покачал головой Кадыр. – Вот начнут поливать хлопок, тогда увидишь, какая она сердечная...

Бегим расставила на столе тарелки и принесла плов. Сколько ни уговаривали ее Рашид и Кадыр, она так и не присела с нами. Кое-какие из старых обычаев еще не потеряли у нас силу: женщине, а особенно девушке на выданье, не подобало сидеть за столом в мужской компании.

Кеклик-хала славилась не только своим умелым уходом за шелковичными червями, но и кулинарным искусством. Когда на свадьбах готовили угощение, ее всегда звали присмотреть за стряпней, помочь мудрым советом.

Когда мы ели плов, на балкон поднялся Муса-даи. Он приветствовал гостей очень вежливо, но сухо.

– Спасибо вам всем, что пожаловали!

Неся ко рту полную ложку риса, Кадыр указал ему на стул рядом с собой.

– Присаживайся.

– Нет, вы кушайте, а я попью чаю.

– Видно, душа у тебя все еще горит.

Муса-даи понял намек Кадыра и, ничего не ответив, прошел в комнату.

После плова мы поели холодной довги и продолжали беседовать. Бегим стояла поодаль. Опершись о перила, над которыми свешивались ветви дерева, она глядела во двор. Какие мысли занимали ее?..

Кадыр ел меньше всех. Вытирая с лица обильный пот, он говорил Рашиду:

– Умай как раз вовремя приехал к нам. Мы должны как следует использовать электричество. У нас и кузница большая, мастерские...

– Чтобы электрифицировать все это, – ответил Рашид, – нужно сначала увеличить мощность нашей гидроэлектростанции.

– Правильно, – подтвердил Умай. – Сейчас ей со всем этим не справиться.

– Мы расширим ее, – Кадыр прищурился. – У нас есть все: и вода, и средства, и инженер. Что еще нужно?.. Спустимся-ка в сад. Черешня у Мусы в этом году прекрасная. Да, кстати, Эйваз, ты видел? В нижних садах муравьи облепили айвовые деревья!

– Да, завтра там будут белить стволы.

Когда мы спускались в сад, Умай на минуту отстал от нас и что-то шепнул Бегим. Чуть заметная улыбка тронула ее губы, она посмотрела на него, ничего не ответив. Да и нужны ли были слова тому, которому она уже ответила своей любовью?

...Много дней прошло с той поры. На деревьях зрели плоды. Жали и скирдовали хлеб на полях. Сенокос был давно закончен.

Грузовые машины одна за другой беспрестанно спускались в ущелье к мельнице, выгружали камень, песок, лес. Считанные дни осталось жить водяной мельнице, которая вот уже семьдесят лет шумела, не смолкая.

А Муса-даи все молчал, не выпуская изо рта свою неизменную трубку.

Молва об Умае, о его знаниях и чуть ли не волшебном мастерстве распространилась по всему району. Его то и дело приглашали в соседние села, советовались с ним по самым различным вопросам.

Однажды вечером, когда мы, поужинав, сидели на балконе, Умай сказал:

– Хочу послать сватов к Мусе-даи. Ведь без этого не обойтись, как вы думаете?

Я заранее знал, что ответит теперь Муса после всей этой истории с мельницей, но все же сказал:

– Конечно, посылайте.

– Ну, а кого?

Я никого не мог вспомнить. Странно, будто сразу забыл всех, кого с детства знал, и в голове у меня было пусто, как в медном кувшине.

– А что, если мы попросим твою мать?

– Ну, конечно! А мне это и в голову не пришло! С Мусой-даи может справиться только моя мать. Они хоть и ссорятся постоянно из-за воды, но очень уважают друг друга. Мама, иди-ка сюда на минутку.

Умай, взволнованный, встал. Мать вышла к нам из комнаты.

– Мама, знаешь, мы хотим попросить тебя быть свахой.

Мать удивленно посмотрела на меня.

- Чьей же это свахой?
 - Нашего гостя.
 - А чьим зятем хочет стать наш гость?
 - Мусы-даи.
 - Какого Мусы?
 - Мельника.
 - Вот как!.. Быстро же вы договорились...
 - Теперь медлить нельзя, – улыбнулся Умай.
 - Ну что ж, Бегим – царевна среди девушек... А скажи, – обратилась она к Умаю, – чем занимается твой отец?
 - Он учитель.
 - Так... А мать?
 - Матери у меня нет. А мачеха возится дома по хозяйству.
 - Ну, а как братья, сестры, – есть у тебя?
 - Нет, я один.
 - Вот уж эти женщины, – вмешался я, – и чего только они не выдумают, заполняй теперь целую анкету.
 - Что же тут плохого? Должна я знать, за кого иду сватать девушку?
 - Правильно, правильно, – поспешно согласился Умай.
 - Хорошо, мама, когда же ты пойдешь к Мусе-даи?
 - Как скажете, так и пойду.
 - Ну, а если завтра?
 - Можно и завтра.
 - Только ты поосторожней там говори. Знаешь ведь, что за характер у Мусы.
 - Не беспокойся. При мне он наберет в рот воды, благо, ее много у него в арыке. А девушка согласна?
 - Да разве мы затеяли бы все это без ее согласия, – сказал я, сам удивляясь своему спокойствию. Но только мне показалось, что в комнате очень душно; я поспешно вышел в сад.
- Ночь была тихая. Неполная луна стояла прямо над двумя чинарами у дома Бегим. На балконе, загороженном серебриющимися ветвями, никого не было. «Где ты, Бегим? – думал я, хотя и очень хорошо знал, что все эти безмолвные речи могу обратить лишь к самому себе. – Знаешь ли ты, что я посылаю собственную мать сватать тебя за другого? Что ж, наверное, и ты на моем месте поступила бы точно так же. Но ведь мне очень трудно... Легче вынести боль от вражеского удара, чем от раны, нечаянно нанесенной рукой любимого человека...»
- Весь следующий день я не видел Бегим. Зачем притворяться? Я нарочно избегал встречи – так мне было спокойнее. Я ходил из одного сада в другой. Раза два мне показалось, что Шахлар хочет заговорить со мной, но я сразу же скрывался. По его глазам я понимал, что именно хочется ему сказать. Ничего нет хуже этих расспросов и утешений!
- Вечером, когда все уже возвратились с работы, я попросил мать приодеться и вместе с нашей соседкой Тукез-халой пойти к Мусе-даи.
- Умай сильно волновался, он все ходил и ходил по комнате.
 - Напрасно вы беспокоитесь, – уговаривал я. – Кто может помешать, если девушка согласна?
 - Ее отец всегда отворачивается, увидев меня. Он, наверное, не согласится.
 - Постараемся уговорить его. А если не удастся, найдем другой выход.
 - Умай понял, что я хочу сказать, и покачал головой.
 - Нет, если не согласится, трудно будет...
 - Почему же?
 - Бегим не хочет выходить замуж без согласия отца. И она права.
 - Права?
 - Конечно.
 - Не могу вас понять. Допустим, Муса не согласится и девушка послушает его? Что же тогда?

– Надо обязательно добиться согласия отца. Я считаю, что в большинстве случаев при женитьбе обязательно согласие родителей. Вот, скажем, Муса-даи ненавидит меня за то, что я разрушил его мельницу. А мы, то есть я и Бегим, можем не посчитаться с этим, назвать это косностью, отсталостью, так как общая польза требует, чтобы мельница работала не на воде, а на электричестве...

– Так...

– Но ведь Муса-даи воспитал и вырастил Бегим. Лучшие свои годы он отдал ей так же, как и работе на мельнице... Разве справедливо отнять у него сразу и то, и другое?

В это время моя мать, рассерженная, шумно вошла в комнату.

– Ну, что? – взволнованно спросил я.

Ничего мне не ответив, она повернулась к Умаю.

– Слышишь? Завтра же отправляйся, возьми девушку за руку и приведи домой. И пусть мельник Муса бесится тогда, сколько его душе угодно.

– Объясни, ради Бога, – сказал я, – что он тебе ответил?

– Говорит, что лучше бросит свою дочь под мельничные жернова, чем отдаст Умаю. Я ему сказала: «Не бесись, пожалуйста, это тебе не старое время». Сколько мы ему ни намекали, что девушка с парнем уже много раз виделись, обо всем договорились, – слушать ничего не хочет. Укради ее! Пусть потоскует по ней, тогда, может быть, станет умнее!

... На следующий день я увидел у сада, возле мельницы, Умая и Бегим. Лицо девушки было бледным. Казалось, она сразу поблекла, осунулась. Когда я поздоровался, поравнявшись с ними, она скользнула по мне невидящим взглядом; мысли ее были далеко, и я почувствовал себя совсем чужим.

После обеда Умай надел свой новый пиджак.

– Эйваз, прошу тебя, пойдем со мной.

– Куда?

– Скажу по дороге.

Мы вышли за ворота, Умай шагал некоторое время молча, сосредоточенно глядя себе под ноги. Наконец, он сказал:

– Хочу сам поговорить с Мусой-даи.

Сказать по правде, я смутился. У нас в селении еще не было случая, чтобы парень сам шел к отцу невесты.

– Может быть, попросим лучше Кадыра. Он возьмет с собой двух-трех стариков...

– Нет, – прервал меня Умай, – я буду разговаривать с ним сам. Если ты не хочешь идти со мной...

– Почему же? Пойдем...

Знал бы Умай, чего мне стоило идти вместе с ним!

Водяная мельница пока еще работала, а на поляне перед нею строилась новая, как говорили наши сельчане, «токовая мельница». Проект ее здания готовил Рашид. Иногда он приезжал посмотреть, как идут работы. В прошлый приезд Рашид, смеясь, сказал нам:

– Подъехал прямо к мельнице. Хорошо, что отца здесь не было.

Восьмидесятилетний уста Кара со своими учениками возводил стены.

Муса-даи сидел, по своему обыкновению, в тени ежевичных кустов, у верхней части желоба, и дымил трубкой. Увидев нас, он отвернулся. Я хотел было сказать Умаю: «Не упрямясь, давай лучше уйдем», но промолчал.

– Здравствуйте, Муса-даи! – непринужденно, дружески обратился к нему Умай, словно не замечая злого огонька в глазах старика. Он присел рядом с ним и сделал мне знак тоже сесть. Я опустился на траву.

– Муса-даи, – решительно произнес Умай, – я пришел поговорить с вами.

Мельник долго молчал, не глядя на нас, потом нехотя спросил:

– О чем?

– Хочу поговорить с вами о Бегим...

Муса-даи резко повернулся к нам и посмотрел с удивлением сперва на меня, потом на Умая. И вдруг, вскипев, гневно закричал, заглушая мельничный шум:

– Эй, ты, сын Бедирхана, я не знаю, откуда родом этот, но тебе-то не стыдно?!

Он со злостью сплюнул в сторону и начал сердито выколачивать пепел из трубки.

– Почему вы нас оскорбляете? – спросил Умай. Он побледнел, но старался говорить спокойно. – Мы не сделали ничего дурного...

Глубоко посаженные глаза старика сверкали злобой.

– Была бы у вас совесть, вы подошли бы к человеку по-человечески. Дочь моя – не водяная мельница, чтобы ставить о ней вопрос на собрании. Ты послал своих людей и получил ответ. Ну, и хватит с тебя.

– Бегим не согласна с вашим мнением, – не сдавался Умай.

– Не смей произносить имя моей дочери, слышишь? – снова загремел голос мельника. – Я не для того растил ее, чтобы всякий встречный-поперечный трепал ее имя!

– Я – не встречный-поперечный, Муса-даи.

Не найдя, что ответить, старик порывисто встал и ушел к мельнице.

– Интересно, это он из-за мельницы так сердится или вообще терпеть меня не может? – сказал Умай как бы про себя.

– Конечно, из-за мельницы. А кроме того, ты не здешний. Я слышал, что в прошлом у нас не выдавали девушек за пришлых.

– Почему?

– Кто его знает, такой был обычай...

... Возвращаясь в селение, мы встретили у околицы Кадыра.

– Откуда это вы? – спросил он, прищурившись.

Умай подробно рассказал о нашем разговоре с мельником.

Кадыр расхохотался. Потом задумался, засунув за пояс свои большие пухлые руки.

– Нет другого выхода, – сказал он, наконец, – как сесть с девушкой в машину и поехать в загс. «Победа» к вашим услугам. Но действуйте, пожалуйста, так, чтобы Муса ничего не узнал о моем участии, а то еще скажет, что я помог украсть у него дочь, и станет врагом на всю жизнь. Хорошо было бы посоветоваться с Кеклик и Рашидом.

– А кто может поговорить с ними? – спросил Умай.

– Я поговорю.

В тот же вечер Кадыр встретился с родными Бегим, и они дали свое согласие. На следующий день Умай и Бегим должны были поехать в районный центр и зарегистрироваться.

Умай снял себе квартиру недалеко от машинно-тракторной станции.

Хозяин дома Гусейн-Али, человек бывалый, с добрым сердцем и открытой душой, празднично украсил комнату своего нового жильца. Умай в последний раз ночевал у нас.

Как всегда, он расхаживал по комнате и вдруг остановился передо мной.

– Эйваз, ты вот уже несколько дней не такой, как всегда.

– А какой?

– Словно тебя гнетет что-то.

– Может быть... – я помолчал. – Знаешь, трудно сразу забыть.

– Кого?

– Любимую.

– Кого же ты любил?

– Бегим...

– Бегим?

– Да.

– Какую Бегим?

– На свете только одна Бегим, – грустно улыбнулся я. – Но она полюбила не меня, а тебя.

– Я чувствовал... – Умай отвернулся. – Почему же ты с самого начала ничего не сказал мне?

– А какое это имело бы значение?

Умай не ответил.

– В котором часу вы едете завтра в город? – нарушил я наступившую тишину.

Умай взглянул на меня прямо, открыто, с теплым дружеским чувством.

– В семь утра.

... Едва забрезжил рассвет, «Победа» Кадыра уже остановилась между двух чинар. Оставив мать и Умая в машине, я вышел и постучал в ворота. Муса-даи остался ночевать на мельнице – я знал это точно. Минуты через две вышли Кеклик-хала и Бегим. Меня поразили печальный вид девушки, ее бледность.

Кеклик-хала очень волновалась, но старалась скрыть свою тревогу. Умай хотел выйти из машины навстречу Бегим, я удержал его.

– Не надо. Оставайся тут, - и, взяв у Бегим чемодан, поставил его в багажник.

Моя мать сказала ей с нежной настойчивостью:

– Иди, дочка, садись.

Бегим вздрогнула и взглянула на Кеклик-халу, не отрывающую взгляда от дочери. Они обнялись, и девушка заплакала, положив голову матери на грудь. Плакала и Кеклик-хала, которую я всегда видел смеющейся и веселой. Я отвернулся.

– Хватит, Кеклик, – раздался голос моей матери.– Поплакала, излила душу и хватит, пусть девушка сядет.

Кеклик-хала вытерла глаза концом своего головного платка и поцеловала дочь в обе щеки.

– Иди, дитя мое, и будь счастлива!

Бегим молча, ни на кого не глядя, прошла и села на заднее сиденье, рядом с моей матерью.

Умай дрогнувшим голосом сказал шоферу:

– Поехали!

Машина тронулась. Пыль клубилась за колесами. Кеклик-хала, у которой слезы еще не просохли, и я смотрели вслед уехавшим.

Наконец, машина скрылась в голубоватой утренней дымке.

Я медленно шел вдоль сжатого поля. Мимо проехал грузовик, полный золотистых снопов пшеницы. Шахлар, стоявший на снопах, вонзив в них вилы, радостно крикнул:

– Доброе утро, агроном!

По тропинке наперерез мне шли девушки и молодые женщины. Они шутили друг с другом, громко смеясь. Дочь кузнеца Мурада-даи, хорошенькая и стройная Эсмер, увидев меня, шепнула что-то на ухо своей подруге. Однажды Бегим сказала мне: «Эйваз, Эсмер слишком уж часто говорит о тебе...» Чего только не заметит зоркая Бегим!

Издали приближался галопом всадник. Я узнал Кадыра. Он ловко сидел на коне, держа в одной руке уздечку, а в другой – свою зеленую фуражку. Подъехав ко мне, Кадыр остановил коня. Гнедой взвился на дыбы, кусая удила. Кадыр прищурился.

– Ну, что, как обернулось дело?

– Уехали...

Председатель тронул коня. Из-под копыт вспорхнул испуганный турач.

Я прошел через мостик и поравнялся с мельницей, направляясь к саду. Муса-даи сидел спиной ко мне в тени кустов ежевики и курил трубку. Он еще ничего не знал.

Уста Кара и его ученики возводили стены новой мельницы.

Я прошел мимо них в сад. Сегодня мы должны были выполоть все сорняки.

СЛУЧАЙНЫЕ СОСЕДИ

Стоял конец июня. На Туршсу съехалось множество дачников. Мне и Эмину Зейналзаде – двум скромным ботаникам – пришлось долго искать, где бы разбить себе палатку. Мы исходили вдоль и поперек чуть не весь эйлаг, пока не нашли место на маленькой площадке у родника.

Чуть поодаль, под большим старым дубом, стоял брезентовый шатер. Дородная старуха в черном шерстяном платье и шелковом келагае вышла оттуда, дымя длиннющей папиросой. Она несколько секунд молча смотрела на нас, потом пробурчала басом:

– Уж не думают ли эти люди устраиваться здесь?..

– Да, вот хотим стать вашими соседями, - ответил я.

– Ну, уж нет! У нас дети и тому подобное... Поищите себе другое место!

Мне не понравился ее повелительный тон. Да и чем мы могли помешать ей? На эйлаге каждый устраивается там, где ему захочется.

– Ну и что же, если дети? Нас всего двое, люди мы трудовые: уходим с самого утра, возвращаемся вечером.

– Нет, нет и нет, – не унималась женщина. – Что, для вас другого места не нашлось?

И, понизив голос, многозначительно добавила:

– Неужели вы не понимаете? Здесь живет доктор Сафиев!

– Чего же тут не понять? Мы, правда, не знакомы с доктором, но столько слышали о нем.

– Еще бы! Кто не знает доктора! – подхватила она. – У него в приемной по сто человек в очереди стоят.

Нетерпеливый Эмин дернул меня за руку.

– Пойдем отсюда, ради Бога. Поищем другое место.

Я уже хотел было согласиться, но в это время из шатра вышла полная, розовощекая, пышно завитая женщина лет тридцати. Окинув нас холодным взглядом, она сказала старухе:

– Пусть устраиваются. У меня уже голова трещит из-за этого места. Оставьте их, мама.

И, взмахнув полами золотистого халата, ушла обратно в шатер.

Мать молча отошла к котлам, урчавшим на кострах, и принялась орудовать ложкой.

Мне не хотелось уходить: отсюда было близко к Туршсу, к лавчонкам, где можно купить необходимые подчас мелочи...

– Давай устраиваться, – сказал я Эмину. – С теткой поладим: мы все равно целыми днями будем в поле.

Я сделал шоферу знак подъехать.

... Мои предложения оправдались. С теткой мы помирились очень скоро. Как только палатка была поставлена, она сразу подошла к нам, попыхивая неизменной папиросой, и улыбнулась, точно старым знакомым.

– Старенький у вас брезент, – заметила она и с гордостью обернулась на свой новый шатер. – А мы, знаете, всегда в Кисловодск ездим. В прошлом году в Риге были. Ну, а на этот раз дочка сказала: не поеду на курорт, надоело. Доктор только плечами повел: ну что ж, поезжайте в Зарыслы каймак кушать.

Старуха расхохоталась, блеснув золотыми зубами, и с видимым удовольствием спросила:

– Значит, доктора хорошо знаете!

– Не то, чтобы хорошо... А он вам, между прочим, кем приходится?

– Зятем, молодой человек, зятем! Полжизни моей с ним в городе осталось... Не мог, бедняга, работу оставить, с семьей поехать. Клянусь твоей жизнью, сынок, у него одни только уроки в четырех местах! Пятнадцать тысяч на одних уроках имеет! А в больнице без него, как без рук. Квартира: семь комнат, клянусь твоей жизнью... А кто вам здесь будет готовить?

– Найдем кого-нибудь...

– Странно после семи комнат очутиться в таком шалаше.

Терпение Эмина лопнуло. Он отвернулся. А старуха не унималась:

– Когда кассир приносит нам деньги, доктор дает ему полсотни, ей-Богу... Но вы, кажется, приехали сюда работать? – спросила она после недолгой паузы.

– Да, мы будем изучать здешние растения.

– Вы доценты?

– Нет, простые научные сотрудники.

Лицо ее выразило сожаление, даже сострадание.

– Ну, старайтесь, старайтесь, может быть, и вы звание получите. А то какая зарплата без звания!

Доктор на одних уроках пятнадцать тысяч имеет...

Эмин, не выдержав, ушел в палатку. Старуха кивнула ему вслед.

– Скажите, какой гордый! Вот доктор, клянусь твоей жизнью, золотой человек. Бога забудь, кушать ему с утра до вечера не давай – даже не поморщится. Другой бы на его месте от гонора да фасона ни земли бы, ни неба не замечал.

В это время к нам подошел какой-то мальчик, толстяк лет двенадцати, щегольски одетый, в раззолоченной тюбетейке, в очках, с короткой палочкой в руке. Он шагал, согнувшись, точно от собственной тяжести.

Когда толстячок, задыхаясь, приблизился, старуха пресерьезно представила его:

– Сын доктора. Познакомься с бакинцами, Губуш.

Черные маленькие глазки мальчика как-то странно бегали за стеклами очков. Нельзя было понять, куда именно он смотрит.

Губуш подошел ко мне, протянул мясистую руку и тонким голосом, который никак не вязался с его полнотой, произнес:

– Гурбан Сафиев.

Бабушка улыбнулась.

– Доктор дал ему имя своего отца. Сколько дочь ни твердила, что это имя уж очень старинное, не помогло. По правде говоря, я тоже была на стороне доктора: как-никак отец... А ты на гору поднимался, Губуш?

Глаза мальчика так и забегали, но он утвердительно кивнул.

– Доктор велел ему каждый день взбираться вон на ту вершину, а то еще, не дай Бог, ожирение сердца будет.

Из шатра вышла Зарифа-ханум, супруга почтенного доктора, и резко скомандовала:

– Губуш, иди сюда! Почему опоздал к завтраку? – подняв голую толстую руку, она посмотрела на усыпанные бриллиантами часики: – Ровно на двадцать минут опоздал!

Губуш несмело побрел к матери.

Через две-три минуты из шатра донесся ее грозный голос:

– А я тебе говорю – съешь! Сейчас же съешь! Все съешь!

Бабушка усмехнулась и покачала головой.

– Храни его Аллах, кушать не любит. Пойду уговорю.

Переваливаясь с боку на бок, как откормленная гусыня, она ушла в шатер, и тотчас зарокотал ее ласковый бас:

– Пусть на меня падет твое горе, кушай, Губуш, не капризничай, мне твое горе...

Зарифа-ханум жестко вторила ей:

– Нет, скушаешь. И все!

– Зачем же мы сюда приехали? Кушай, родной, – причитала старуха.

– Скушаешь! И все! – выкрикивала Зарифа-ханум, стуча по столу.

Бабушка умоляла:

– Губуш, ради меня, ради жизни моей!

– Э-э-э! – как-то странно простонал мальчик; потом послышался звон ножей и вилок.

... А вокруг все было поистине прекрасно. Речка, пробегая по долине Туршсу, перебирала голубые камешки, серебром отливая на солнце. На дальнем ее берегу высилась гора, зеленели вершины леса, объятаго тишиною. Под легчайшим ветерком клонились долу горная трава, усыпанная полевыми цветами. Воздух был напоен их ароматом.

А из шатра по-прежнему доносились выкрики:

– Скушаешь! И все! И этот кисель тоже скушаешь!..

Ночью мы работали и заснули поздно, но утром пришлось подняться чуть свет. Нас разбудил доносившийся снаружи страшный гам.

Я оделся, вышел и увидел, что несколько женщин – наших соседок – тесно окружили тещу доктора Сафиева и мальчугана лет двенадцати, продавца малины.

– Нехорошо, сестра, – говорила одна из соседок. – Мальчика позвали мы, а малину вы забираете, да еще и всю. Что, мы не люди, что ли?

Старуха не обратила на эти слова ни малейшего внимания, сунула мальчику в руку деньги и забрала малину. Поравнявшись со мной, она улыбнулась, довольная своей победой, и заметила:

– Да будет земля пухом их родителям, чего они кричат? Если я куплю в десять раз больше малины, и то гостям доктора на варенье не хватит.

Мальчишка скалил зубы и успокаивал рассерженную соседку.

– Ничего тетя, не волнуйся. Завтра принесу еще малины.

– Да не в этом дело, – возразила женщина. – Надо к людям уважение иметь!

Я попросил мальчугана принести малины и нам.

– Пожалуйста, – отозвался он, довольный моей просьбой, – только проснитесь пораньше, чтобы та тетка не захватила.

Прохладная тень покрывала долину Туршсу. Река пряталась в белесом тумане. Но на верхушках деревьев, в густой листве, уже блестели в капельках росы первые лучи солнца.

Мы выкупались в холодной реке и, возвращаясь в палатку, увидели многострадального Губуша за столом.

– Что случилось? – негромко спросил я. Губуш молча показал пухлым пальцем на лежащие перед ним яйца – целый десяток крупных яиц. Я не понял его.

Из шатра вышла бабушка.

– Мне твое горе, Губуш! Пей, мальчик! Ради жизни отца твоего.

– Не могу я! – зарыдал Губуш. – Мне противно! Каждое утро – десять яиц, каждое утро – десять яиц... Не буду пить!

Преодолевая чувство неловкости, я сказал:

– Тетушка, да разве может бедный мальчик выпить целый десяток яиц?

– А что?! – воскликнула бабушка Губуша. – Для кого же его отец зарабатывает столько денег? На одних уроках пятнадцать тысяч имеет! Пей, Губуш, пей, мое счастье, ради жизни отца твоего!

Губуш горько плакал. Он смотрел на стол с таким ужасом и отвращением, словно должен был проглотить не яйца, а десяток ящериц.

Зарифа-ханум выплыла из шатра в своем золотистом халате.

– А-а, ты еще не выпил? Пей, говорят тебе!

Голос ее был так холоден и жесток, что мальчик оробел, растерялся. Он стал по одному разбивать и пить эти страшные яйца. Когда Губуш запрокидывал голову, чтобы проглотить очередное яйцо, глаза его вылезали из орбит. Потом он принимался плакать, лицо мальчика выражало испуг.

Когда страдания окончились и Губуш выпил все десять яиц, бабушка мгновенно поставила перед ним полную миску меда с каймаком и чашку какао. Глаза у мальчишки, казалось, побелели... Я отвернулся и ушел к себе...

С утра до вечера мать и дочь ели сами и пичкали едой несчастного Губушика, готовили пищу или говорили о ней.

Впрочем, характеры их были не схожи. Зарифа-ханум казалась нелюбопытной и малоразговорчивой. В свободное от еды время (а его оставалось очень немного) она смотрела на все окружающее с величайшим безразличием. К беседам прислушивалась, но в разговор никогда не вступала. Садилась обычно где-нибудь под деревом, ковыряла в крупных белых зубах щепочкой от спичечной коробки и перелистывала «Книгу о вкусной и здоровой пище» или, внимательно вглядываясь в зеркало, расчесывала свои угольно-черные волосы. Мне казалось, будто, выйдя из-за стола, она уходила из жизни.

Зато, когда приближалось время завтрака, обеда, ужина, лицо ее оживлялось, глаза загорались, она даже хорошела в эти минуты.

Мамаша ее была совсем иной. Она не могла жить, не разговаривая, и без устали, непрерывно со всеми подробностями рассказывала нам, что сегодня на обед, почему продукты, сопровождая это все божбой и восклицаниями: «Дай Бог здоровья доктору!»

Теща доктора ежедневно расспрашивала работавшую на соседней ферме пожилую крестьянку, которая взялась готовить нам еду, о том, что мы ели, сколько денег истратили, и очень огорчалась, если готовилось что-либо вкусное.

Она нахмурилась, выяснив, что и мы тоже каждый день едим сливки с малиной. На лице ее явственно читалось недоумение. «Какая же тогда разница между нами и этими молодыми людьми?»

Не обнаружив различия в еде, она начинала хвалить свою бакинскую квартиру. «У доктора семь комнат... Все устланы коврами. Для кабинета ковер специально ткали, тридцать тысяч стоил... Доктор привез из Москвы мебель»... Часто она путала: комнат оказывалось то семь, то восемь...

Эмин не умел притворяться; едва она подходила, он удирал или погружался в чтение. Старуха невзлюбила его. Ей страстно хотелось, чтобы, слушая ее рассказы, собеседники обязательно восторгались: «Ах, скажите, пожалуйста! И бывает же такое!»

Неприязнь Эмина сначала удивляла ее, потом сердила, но, в конце концов, она стала жалеть его. Когда, мрачней от ее трескотни, Эмин уходил, старуха добродушно подмигивала мне: «Бедняга! Это он от худобы такой нервный... А ты слушай меня и не обращай внимания...»

Однажды в сумерках мы сидели у входа в свою палатку и слушали, как где-то по соседству приезжий юноша поет сейгах под аккомпанемент тара.

Солнце медленно заходило за вершину Муровдага, деревья и цветы отсвечивали розоватым светом. Казалось, песню слушают не только люди, но и все вокруг: горы, деревья, родник. Казалось, сейгах говорил об этом прекрасном вечере, о нашем родном крае, о хрупкой красоте этих минут, которые текут, уходят и никогда уже не вернутся.

Мы узнали потом, что певец и его товарищ-тарист, красивые двадцатилетние парни, – не артисты, а колхозники.

Мужчины и женщины, живущие вокруг, тоже были колхозниками.

Музыка и житель Карабаха – близнецы. Не об этом ли говорило само выражение лиц и поющего, и его слушателей! Казалось, для них не существует ничего вокруг – все целиком, всей душой, ушли в песню.

Красота юного голоса восхитила нас. Мне казалось, все вокруг стало музыкой... Музыкой и розовыми лучами...

В этот момент к нам подошла теща доктора и, как всегда, дымя папиросой, с довольной улыбкой сообщила:

– Зарифа сегодня в Шуше была. Купила индюшку. Восемьдесят рублей. Одного сала два кило вытопили, клянусь вашим здоровьем!

Эмину, видно, кровь в голову ударила. Он побагровел и закричал, задыхаясь от злобы:

– Послушайте, тетушка! Ради жизни доктора, дайте нам спокойно дышать на этом эйлаге!

– Ого! – удивилась старуха. – Интересно, кто это у тебя воздух отнимает?

– Странно, – рассуждал Эмин после ухода бабки, – неужели и впрямь можно так жить? Готов поклясться, что ни старуха, ни ее дочь ни разу не полюбовались этим лесом, даже головы ни разу не подняли, чтобы посмотреть на него. Их мир состоит только из докторских денег и жирных индюшек. Да возможно ли, чтобы среди нас жили такие!

Семья доктора Сафиева, по уверениям старухи, совершенно не нуждалась в деньгах. Но мальчик, который приносил дачникам малину, рассказывал, что Зарифа-ханум неистово торгуется с ним из-за каждой копейки. Кончались их споры тем, что мальчишка вздыхал и, скаля зубы, говорил: «Эх, ну ладно уж, для здоровья вашего доктора мне не жалко!»

Мы очень подружились с Гасанали. Распродав свою малину, он заходил в палатку и подолгу следил, как мы работаем над травами. Эмин научил его играть в шахматы и обещал подарить их перед отъездом.

Иногда, покончив с малиной, он убегал играть в футбол. Лишь на закате мальчуган забирал свои корзины и отправлялся домой.

Он уходил по горной тропинке в скудеющем свете сумерек, с неизменной песней. Жил он в восьми километрах от нас, на эйлаге Сабы-баба.

Странные отношения установились между Губушем и Гасанали. Стоило Гасанали появиться с корзинами, наполненными малиной, как Губуш тотчас подбегал к нему. Гасанали усмехался, завидев Губуша, и это, кажется, смущало докторского сынка. Однако он жадно слушал рассказы Гасанали о том, как колхозные ребята ходят в лес по малину, по очереди дежурят ночью у костра и, чтобы спугнуть медведя, бьют палкой в медную кастрюлю.

– А что вы там кушаете? – спросил однажды Губуш.

– Плов с курицей, – ответил Гасанали, подмигивая мне. – Что кушаем? Хлеб едим. Поджариваем его на угольях... Еще как вкусно!

– Один хлеб?

– Иногда с сыром.

– А если пить захочется?

– В роднике воды много.

Во время одной из таких бесед к шатру Зарифы-ханум мягко подкатила новенькая «Победа». Теща, жена и сын гусиным развальцем заспешили навстречу доктору.

Из кабины вышел краснощекий, седоватый брюнет с добродушным, приятным лицом. Доктору было, видимо, лет за шестьдесят, но он, как говорится, хорошо сохранился. Отлично сшитый чесучовый костюм и соломенная шляпа очень шли ему. Он, кажется, принадлежал к тому типу людей, у которых почти никогда не портится настроение. Доктор ласково расцеловал родных. Старуха выглядела очень торжественно и, улучив минутку, шепнула: «Недавно купил «Победу». Хотел «Зим» купить, но Зарифа не согласилась. Ты подойди, не бойся, поздоровайся с доктором».

Стоя поодаль, я слегка поклонился. Доктор приветливо улыбнулся, подошел и протянул руку...

На другой день меня пригласили к обеду, Эмин был в лесу.

Мы расположились в тени старого дуба за столом, покрытым белой скатертью. Доктор был в белой рубашке с ярко-красным галстуком.

Его гладко выбритое лицо и мягкие карие глаза излучали довольство и благоволение, казалось, ко всему свету. Он задержал взгляд на моих седеющих висках и усмехнулся.

– Старость стучится в наши двери, – произнес он.

– Что вы, до старости вам еще далеко, – пробормотал я, хотя разница в возрасте была между нами не менее, чем в четверть века.

Доктор захохотал, посмотрел на Зарифу-ханум, потом придвинул ко мне вазу с малиновым вареньем.

– Отведайте, прошу вас, – попросил он.

После чая подали дымящийся плов.

Доктор уверял, что он очень голоден, но ел мало.

– Всегда так, – со вздохом шепнула мне старуха. Зато Зарифа-ханум и Губуш ели отменно. Вначале Губуша накормили большой пиалой бульона, затем тарелкой плова с курицей, после этого перед ним поставили полнехоньку миску довги с мясными катышками.

Когда, наконец, ему была предложена огромная чашка киселя, – он издал какой-то странный звук: «Э-э...» Однако под острым взглядом Зарифы-ханум съел и это.

Фрукты Губуш ел без возражений, но пирожные были встречены тем же жалобным: «Э-э...»

Наблюдая за сыном, доктор удовлетворенно улыбался. Вообще, он всегда улыбался, этот милейший доктор, и казался вполне счастливым.

Наконец, Губуш справился с пирожным и вдруг так громко закричал: «Воды!», что я испугался, не стало ли ему дурно. Вместо воды бабушка подала мальчику стакан фруктового сока. Губуш издал свое странное «Э!» и оттолкнул старуху. Сок пролился...

– Губуш! – сказал доктор с ласковой укоризной.

Но Губуш, видно, окончательно выйдя из себя, зачерпнул большую кружку воды и жадно, обливаясь, стал пить. Глаза его так и бегали под очками.

Женщины истерически закричали:

– Губуш, оставь! Губуш, тебе нельзя!

Но оторвать Губуша от воды было невозможно.

– Почему ему нельзя пить воду? – спросил я у доктора.

– У него небольшое ожирение сердца, – озабоченно ответил отец. – Не следует много пить.

Губуш ушел в шатер.

– Пусть отдохнет, – умиленно заметила бабушка.

– Кстати, как он спит? – спросил доктор.

– Хорошо, тьфу-тьфу, не сглазить. В сутки часов по двенадцать.

Зарифа-ханум продолжала есть. Не обращая внимания ни на мужа, ни на меня, ни на разговор, она ела и ела. Доктор любовно смотрел на ее до отказа набитые щеки.

После обеда Сафиевы отправились в шатер и оттуда долго доносились лишь храп да тяжелое дыхание.

... Наутро случилось маленькое, но неприятное происшествие. Мы собирались идти работать, но вдруг раздался такой пронзительный визг Губуша, словно его ужалила гадюка.

Мы вышли из палатки и увидели Зарифу-ханум и старуху, бегущими к площадке, на которой обыкновенно играли дети. Мы тоже подошли. Там стоял Губуш, окруженный мальчишками, и, зажмурив глаза, громко кричал. На его красной щеке виднелись белые отпечатки пяти пальцев.

Мать схватила его за одну руку, бабушка – за другую.

– Что случилось? Что такое? – испуганно повторяли они.

Губуш провизжал:

– Гасанали... Ударил...

– Как?!

Рядом стоял слегка побледневший Гасанали.

– За что ты его ударил? – свистящим шепотом спросила Зарифа.

– Ты знаешь, на кого руку поднял?! – заорала старуха.

– Он назвал меня сыном нищего, – сердито отозвался Гасанали.

– А кто ты такой? Сын хана? Правильно сделал, что назвал.

– А я правильно сделал, что ему в морду дал.

– Как?! – опять завопили они разом и бросились на мальчонку с кулаками. Насилу мы их оттащили.

Дети подняли крик:

– За что бьешь, тетя? Жирный сам виноват! Молодец Гасанали!..

Старуха насмешливо подбоченилась:

– Товарищ он вам, что ли! Кто - вы и кто - он? Его отец на одних уроках пятнадцать тысяч имеет!

Ребята переглянулись.

– Ну и что же? – изумился Гасанали. – Мой отец недавно тридцать тысяч получил... Когда доходы распределяли.

– Потому ты и бегаешь за восемь верст малину продавать? – язвительно протянула старуха.

– Эх, сестра, ну зачем с ребенком спорить? – улыбаясь, заметила стоящая неподалеку соседка.

– Пойдем отсюда, – потянула старуху Зарифа-ханум.

Они ушли...

Доктор стоял у входа в шатер. Я впервые видел его таким серьезным и озабоченным.

– Губуш не ранен? – тревожно спросил он у женщин.

– Все благополучно, – ответила старуха и обернулась к мальчику:

– Ты не испугался?

– Э-э, – смущенно проронил Губуш...

– Быстренько дайте ему сахарный сироп, – распорядился доктор.

... Прошло несколько лет. Я не встречал за эти годы ни милейшего доктора, ни его подруги, ни словоохотливой старухи, ни Губуша.

Однако удивительное совпадение снова столкнуло нас...

Однажды Эмин позвонил мне по телефону, сказал, что получил новую квартиру, и пригласил посмотреть.

Поднимаясь на третий этаж, я увидел в раскрытые двери сидящую на балконе пожилую женщину. Услышав шаги, она обернулась... Это была та самая старуха. Я остановился. Приветливо поздоровался. Она поднялась, несколько секунд внимательно разглядывала меня и вдруг сказала, ничуть не удивившись:

– Здравствуй, здравствуй, молодой человек. Твой друг тоже здесь. Три комнаты получил. Вчера новую мебель привезли. А ты где живешь?

Не ответив, я поинтересовался, как ее домочадцы, как доктор.

– Доктор болеет, – вздохнула старуха. – Я тоже болею. Одышка замучила.

Она очень постарела, обрюзгла, ссутулилась.

– Зайди к нам, повидайся с доктором, – пригласила она.

Доктор сидел в глубоком кресле, опустив голову на грудь. Узнав меня, он грустно улыбнулся.

Показал левой рукой на правую:

– Все болею... Скоро год, как отнялась рука.

На окнах этой огромной мрачноватой комнаты висели вычурные гардины, мебель была старинной, тяжелой. В полумраке лицо доктора казалось серым.

Из боковой двери вышла Зарифа-ханум. Она стала тучной до безобразия и заметно поседела. Прежний румянец поблек.

Она узнала меня, но, как и мать, ничуть не удивилась и, почти не глядя, бросила «здравствуйте». Словно я был не человеком, а мебелью...

Едва мы с доктором разговорились, в комнату вошел толстый юнец с черненькими усиками, в очках. Старуха и доктор поглядели на него с непонятным мне испугом, лицо Зарифы оставалось безразличным.

Смутившись немного, бабушка проговорила:

– Подойди, Губуш, поздоровайся. Помнишь? Туршсу...

Губуш поворачивал глазами, подошел, поздоровался.

– Где ты пропадаешь? – заговорила Зарифа. – Обед давно готов.

– Э-э, – вырвалось у Губуша его неповторимое восклицание, и он вышел из комнаты, но только не в столовую, куда звала его Зарифа-ханум.

Наступило какое-то очень тягостное молчание.

Солнце село. Стало совсем темно.

Я попрощался и ушел.

Очутившись в комнате с настежь распахнутыми окнами, яркой веселой люстрой, увидя наряженного в новую пижаму радостного Эмина, я невольно вздохнул с облегчением.

С улыбкой пожимая мне руку, Эмин спросил:

– А знаешь, мы с Сафиевыми стали соседями?

Я кивнул, и мне показалось, что прошла не минута, а вечность с тех пор, как я вышел из соседней квартиры.

ОХОТНИК ИЗ ГОРОДА

Когда охотник Пири достиг Харамилара, с востока подул холодный ветер. Серый туман, расстилавшийся над равниной, дрогнул и начал отступать на запад. Молодые осенние травы, охваченные холодной дрожью, блестели под тянущимися от горизонта лучами.

Оторвав взгляд от «обманщицы чабанов», вспорхнувшей из-под самых его ног и севшей на ближайший влажный от росы куст полыни, Пири поднял голову и увидел охотника, который явился из рассеивающегося тумана. Одет он был в подбитый мехом полушубок, обут в грязные солдатские сапоги. По бокам чуть сбитой набекрень серой папахи виднелись преждевременно поседевшие кудрявые волосы. Левую руку он продел за свободно подвешенный на поясе патронташ, правой же держался за ремень перекинутой через плечо двустволки.

Большие с проседью усы на смуглом лице создавали впечатление законченности, даже как будто делали лицо знакомым.

– Доброе утро, брат-охотник, – громко приветствовал он. – Папирос не найдется?

– Доброе утро, – ответил охотник Пири и, остановившись, извлек свою деревянную табакерку. – Есть табак...

– Давай-ка погляжу, – охотник подошел ближе. – Папиросы я в машине забыл... без них, кажется, и дышать нечем...

Он взял протянутую коробку, скользнул взглядом по стертым узорам рисунка на крышке и, подняв ее, свернул папироску.

– Хороший табак, не смотри, что вручную порезан. А где осталась твоя машина?

– Чуть ближе Агджабеди, у села.

– Видно, ты из города...

Незнакомый охотник зажег папироску, жадно затянулся и только после этого ответил:

– Да, я из города, а ты откуда?

– Я из Лемберана.

– А-а... земляк Гаджи, – приезжий усмехнулся.

Охотника Пири словно ошпарили.

– Ай киши, клянусь Аллахом, Гаджи Гара был родом из Гаргабазара. Это потом он перебрался в Лемберан и открыл там свою лавку. Мой покойный отец сам был у него постоянным покупателем... А теперь, только скажи, что ты лемберанец, тут же начинают вспоминать Гаджи Гара...

– Значит, Гаджи к числу своих земляков ты не причисляешь... – не унимался горожанин.

Но на этот раз охотник Пири ответил ему спокойно, даже с гордостью:

– В наших краях таких людей не бывает.

В этот момент из травы выскочил заяц и бросился бежать. Охотник Пири вскинул ружье и, почти не целясь, выстрелил. Заяц, отбежавший уже на порядочное расстояние, высоко подскочил, рухнул на землю и, несколько раз дернувшись, застыл.

– Ну, как?! – охотник Пири, извлекая гильзу, шутливо взглянул на горожанина. Не успел тот ответить, как в воздух с шумом поднялись два фазана и полетели в разные стороны. Охотник из города вскинул ружье и так же быстро, как Пири, подстрелил сперва одну птицу, а затем и другую. Только и раздалось подряд два выстрела.

– А это как? – горожанин в свою очередь шутливо взглянул на охотника Пири.

В заразительной усмешке красивых черных глаз было какое-то глубокое, приятное выражение. Охотнику Пири на секунду показалось, что этого человека он где-то уже видел, откуда-то знает...

– Слов нет, видно, ты стрелок... Если не трудно, разреши взглянуть на твое ружье...

Закинув свое ружье за плечо, охотник Пири внимательно осмотрел двустволку горожанина. Его потемневшее от солнца и морозов худое лицо с рыжими усами вдруг оживилось. Глаза страстно заблестели:

– Вот это ружье! Я тоже у одного человека себе такое приметил, да только он, бестия, никак не хочет уступить ниже трех тысяч...

Еще раз взглянув на ружье, охотник Пири добавил:

– Как бы там ни было, если даже придется продать приданое жены – ковер, все равно, соберу денег и куплю такое...

Охотник Пири осторожно провел по дулу своей потрескавшейся, мозолистой ладонью и вернул ружье хозяину.

Охотники забрали добычу и, приминая влажную от росы траву, пустились в путь.

Туман рассеялся окончательно. Среди молодых зеленых трав, высохших с лета кустов колючего шиповника проглядывали редкие желтые и бирюзовые цветы. Воздух был насыщен терпким ароматом серой полыни. Долина, освещенная бледным осенним солнцем, казалось, застыла в глубоком раздумье.

– Эх, – сокрушенно вздохнул охотник Пири, – мы всего лишь гости на этой вечной земле.

– Где ты это вычитал, брат-охотник? – вздрогнув, спросил горожанин.

– Не знаю. Но сказано хорошо... Смотрю я и думаю: где теперь те молодцы, которые в дни моей молодости укрощали здесь горячих коней?..

– Подай-ка мне свою коробку.

Голос приехавшего из города охотника прозвучал теперь как-то взволнованно, напряженно.

– Эх, – вновь вздохнул охотник Пири, отдавая табакерку, – каких сыновей видела эта земля...

Однако охотник из города его уже не слушал. Он смотрел на самокрутку, которую сворачивал желтыми от табака пальцами, мысли же его были сейчас далеко.

– Да, – промолвил он, наконец, и, подняв взор на собеседника, тяжело закивал головой. Охотник Пири не понял горожанина. Видно, тот внутренне соглашался с какими-то своими думами. Сделав несколько глубоких затяжек, он словно очнулся.

– Как ты думаешь, в этой стороне нам что-нибудь попадетя?

– Посмотрим...

Шедший впереди Пири вдруг остановился и, приложив ладонь козырьком ко лбу, стал сосредоточенно смотреть вдаль. Подошедшему к нему горожанину он указал на алый горизонт и тихо произнес:

– Джейраны...

Вдали, там, где равнина сливалась с небом, охотник из города увидел стадо джейранов. Они стояли в безмолвии, к чему-то прислушиваясь.

– Ложись, – приседая, охотник Пири дернул за подол горожанина. Но вдруг, словно испугавшись чего-то, стадо молнией скрылось.

– Вай, – с сожалением произнес Пири. Но вскоре стадо вновь показалось. Джейраны на секунду стали и, передохнув, помчались в сторону охотников.

– Прямо на нас идут, – обрадовался Пири. – Теперь не зевай... Подпустим на сто шагов и будем стрелять...

Притаившись рядом, горожанин зорко вглядывался вдаль. Впереди, немного опередив стадо, мчался вожак. И по мере того, как стадо приближалось, светло-каштановые стройные тела животных вырисовывались все яснее.

Пири подтолкнул товарища. Это означало: «будь готов!». Однако горожанин не почувствовал толчка. Он с какой-то радостью, очарованно смотрел на стадо, которое мчалось с шумом, легко перепрыгивая через кусты высокого шиповника. Черные, как агат, копыта животных, блестя, мелькали в воздухе. Сейчас охотник из города уже хорошо различал их маленькие красивые мордочки, ласковое выражение их больших черных глаз. Прижав свои маленькие уши, животные неслись, подпрыгивая. Этот стремительный галоп на фоне бескрайней равнины был удивительным зрелищем.

Охотник Пири прицелился, когда горожанин, не отрывая взгляда от джейранов, невольно схватил его за руку.

– Стой! – взволнованно крикнул он, и это прозвучало, как приказ.

Испуганное шумом стадо круто свернуло в сторону и стало быстро удаляться.

Охотник Пири с удивлением посмотрел на горожанина, потом вслед упущенным джейранам и снова на странного охотника из города.

– Ай киши, что значит «стой?»

Горожанин, провожавший стадо взглядом, не ответил..

– Вай, чтоб рухнул твой дом! – сокрушался охотник Пири, поднявшись и присев на землю. – Как жаль, как жаль...

Когда стадо скрылось из виду, охотник из города глубоко вздохнул и, повернувшись к Пири, спросил:

– Так о чем ты рассказываешь?

– О чем мне еще рассказывать!

Пири смотрел на него широко раскрытыми глазами. Потом громко, как объясняют что-либо только что проснувшемуся человеку, стал растолковывать:

– Ты упустил целое стадо джейранов, понимаешь?

– Да... – ответил горожанин и, взяв ружье, поднялся на ноги. – Прекрасно было это стадо.

Охотника Пири будто вновь ошпарили.

– Ты еще мне говоришь... видал, какие они были упитанные... на свежей осенней травке раздобрили...

Перекинув ружье через плечо, горожанин шагал впереди; следом, ворча на него, плелся Пири.

Вдруг горожанин, сдвинув вперед папаху, стал насвистывать «Чабаны». Это сперва взбесило охотника Пири. «Вот тебе и на... ну, погоди...» – бурчал он, прислушиваясь, однако, к мелодии. Горожанин шел, откидывая в сторону носки ступней, и все насвистывал. Мелодия успокаивала Пири, вспомнилось, как тридцать-сорок лет назад в этих самых местах пас он в лунные ночи скот. «Интересное дело, – подумал он, окончательно успокоившись, – быть горожанином и так хорошо знать «Чабаны».

– Прекрасное было стадо, – перестав насвистывать, повторил охотник из города.

К вечеру их застиг сильный дождь. Не сумев добраться до своей машины, горожанин по приглашению Пири зашел к нему.

Едва охотник Пири переступил порог своего дома, как все его недовольство, вызванное неудачной охотой, бесследно исчезло.

– Похлопочи там, – обратился он к жене, – приготовь нам поесть. Гость наш с утра голоден...

– Я сильно устал, брат-охотник, – приставив ружье к стене, горожанин уселся на мягкий тюфячок, подложенный женщиной.

– Принеси ему под спину подушечку, – сказал жене Пири и, присев рядом с гостем, предложил ему: – Разуйся, отдохни, сейчас выпьем крепкого чайку, усталость пройдет.

– Скажи-ка, злость прошла твоя? – в усталых глазах гостя мелькнула улыбка.

– Стоит ли беспокоиться, лишь бы ты был здоров, ай киши, – мужественно ответил Пири.

– А что случилось? – спросила жена Гюльгез, застывая перед ними чистую белую скатерть.

– Ничего, мы просто так, делай свое дело, – охотник Пири подвинул гостю тарелку, полную свежего лаваша.

Утром, когда Пири проснулся, горожанина уже не было.

– Как я ни упрашивала, он не остался, – сообщила Гюльгез. – Только ружье поменял – свое оставил тебе, а твое забрал. Говорит: мы поменялись.

– Как? – Пири не поверил своим ушам и, вскочив с постели, взял в руки прислоненную к стене двустволку горожанина...

– Вот и я удивлялась, – продолжала жена, – как это он согласился сменить такое ружье на твое старье.

Охотник Пири, как зачарованный, долго смотрел на двустволку. Потом, не поднимая головы, задумчиво произнес:

– Даже имени его я не спросил...

Прошло немало времени после этой истории. В один из прохладных летних вечеров охотник Пири рассказывал собравшимся у клуба сельчанам удивительную историю о безвестном охотнике, поменявшем свою «позолоченную двустволку» на его старое ружьишко. Едва Пири кончил рассказывать, как по радио передали известное стихотворение о джейранах народного поэта Азербайджана Самеда Вургуну. После этого долго никто не нарушал тишины. Взоры людей задумчиво застыли.

– Вот это да... – вдруг, словно очнувшись, сказал охотник Пири. – Человек все это описал так, будто своими глазами видел...

1956

ШЕРСТЯНАЯ ШАЛЬ

Когда «Зим», преодолев бескрайнюю степь, подъехал, наконец, к ферме, состоящей из четырех маленьких кирпичных домиков, расположившихся на невысоком холме, вокруг уже сгустились сумерки.

– Узнай-ка, – обратился я к шоферу Миколу, – в каком из этих домов живет девушка Судаба.

– Что ей сказать, если окажется дома?

– Скажи, приехал один из ее родственников и хочет ее повидать, – ответил я после минутного раздумья.

Когда Микола – рослый и веселый молодой украинец, звучно чмокая подошвами в размокшей глинистой почве, взбежал на возвышенность и скрылся из виду за тускло белеющими в сумерках строениями, – я вытащил папиросу и закурил. Вскоре на холме показались две фигуры. Рядом с шофером шла высокая женщина в темном платье. Она ему что-то объясняла, указывая рукой в сторону почерневшего уже горизонта. Микола, у которого никогда не хватало терпения передвигаться шагом, бегом спустился с холма. В следующее мгновение что-то грузно плюхнулось в грязь, и вслед за этим в тишине прозвучало выразительное русское «Черт!». Не успел я выскочить из машины, как Микола уже был рядом.

– Что случилось?

– Нет ее дома, говорят, она в кошарах, вон за тем холмом.

– Едем туда!

Из-за непролазной грязи «Зим» с трудом преодолел менее чем километровое расстояние от домов до кошар.

Рослые волкодавы со злобным лаем окружили машину. Из-за кирпичного забора послышались голоса.

– Прочь, собаки!.. Прочь...

Отгнав псов, к нам подошли два чабана.

– Судаба-ханум здесь работает? – спросил Микола, высунув голову из кабины.

– Да, – ответил чабан в мохнатой папахе и бурке, – это наш зоотехник.

– Скажите ей, что приехал из города ее родственник и хочет ее видеть.

– Беги, позови Судабу-баджи, – сказал чабан в бурке своему напарнику, который был помоложе.

– А вы, пожалуйста, заходите в помещение.

– Благодарим, – ответил я, – нам ехать дальше.

Из кошар доносился смешанный терпкий запах дыма и немывтой шерсти.

Судаба в сопровождении молодого чабана торопливо подошла к машине.

– Кто меня спрашивал?

– Это я, Судаба, – тихо произнес я, открывая дверцу машины.

Наши взгляды встретились. Несколько секунд она молчала, потом изумленно, почти шепотом спросила:

– Ты? Какими судьбами?

Свет из машины озарял ее нежное, как лепестки розы, лицо.

– Садись в машину, – предложил я, – там холодно.

Она как-то машинально села рядом со мной.

Я захлопнул дверцу. Чабан в бурке понимающе улыбнулся, подал знак своему молодому напарнику, с интересом смотревшему на нас, и они вошли в кошару.

Забеспокоился вдруг и Микола.

– Пойду-ка, погляжу на стадо, – сказал он, выходя из кабины.

Мы остались одни.

– Ты что так задержалась на работе? – спросил я.

– У овец начался окот.

– Тебе здесь не очень трудно?

– Вначале были трудности... Теперь уже я работать научилась.

– Из дому письма получаешь?

– Да, часто.

– На мое письмо ты так и не ответила.

Она грустно взглянула на меня и ничего не сказала.

– Почему молчишь, Судаба?

– А какой был смысл отвечать на это письмо?

И действительно, был ли смысл?.. Как долго могла бы длиться эта переписка? Ведь я сам ее откровенно предупреждал, что мы никогда не поженимся. И не потому, что Судаба плохая девушка, нет! Если в Баку есть, например, всего пять чудесных девушек, то Судаба была одной из них. Просто у меня были планы, касающиеся научной работы, и я придерживался того мнения, что для их осуществления мне следует пока оставаться холостяком. И все же сказанные сейчас Судабой слова: «Какой был смысл отвечать...» больно кольнули мне сердце.

– Ты вправе на меня обижаться, – сказал я ей, – я не помог тебе остаться в городе.

– Да я не это имею в виду.

– Если помнишь, ты намекнула мне однажды, когда училась на последнем курсе.

– Ну, намек можно было и не понять, – шутливо ответила она, снова мельком взглянув на меня.

– Нет, я понял, мне все было ясно; только, знаешь, тогда у меня было одно большое затруднение... устроить на работу в городе я мог тогда лишь одну из вас двоих – или тебя, или свою сестру; ну, и тут, конечно, сыграли роль моя мать, родные... (Судаба и моя сестра окончили институт вместе).

– Как поживает Франгиз? – прервав меня, осведомилась Судаба о сестре.

– Работает. Скоро ее свадьба.

– Знаю, она писала, – Судаба улыбнулась.

– А вы что, переписываетесь?

Она утвердительно кивнула.

– Почему же Франгиз мне ничего об этом не говорила?

– Я просила ее.

– Почему? Судаба, – возволнованно сказал я, почувствовав, что наступил подходящий момент, – я просил ваше министерство разрешить тебе вернуться в город и начать научную работу. Ведь ты окончила институт на отлично.

– Благодарю, но, право, ты беспокоился напрасно.

– Ты говоришь так, потому что обижена на меня?

Она грустно покачала головой. Мы оба молчали.

– Я выполнил свой долг.

Она вскинула ресницы и посмотрела на меня долгим ласковым взглядом. Казалось, девушка хотела изучить каждую черту на моем лице...

– Есть у тебя какие-нибудь поручения в город?

– Нет, – так же ласково ответила она. И тут же нерешительно добавила. – Для матери я шаль связала... думаю, может быть...

– Дай отвезу.

– Это не затруднит тебя?

– Ничуть, пошлю с шофером.

– Только шаль не при мне, дома.

– Ничего, заедем за ней.

Я нажал кнопку сигнала. Вместе с Миколой подошел также молодой чабан и, не обращая на этот раз на меня внимания, с чистым карабахским выговором радостно сообщил:

– Судаба-баджи, у овцы Гумрал родилась двойня.

– Минуточку, – извинилась передо мной девушка и вышла из машины. Шлепая по грязи вместе с молодым чабаном, они побежали к кошаре. Она вернулась спустя две-три минуты и сообщила:

– Ой, Джамиль, они такие хорошенькие, такие хорошенькие, посмотришь – глаз не оторвешь.

Как и раньше, она произнесла мое имя ласково, как родное, и я вновь увидел искорки, загоревшиеся в глубине ее глаз, придававшие красоту и живость нежному лицу девушки. Но, заметив мой взгляд, она опустила ресницы и умолкла. Вновь заговорила только тогда, когда машина подъехала к домам фермы:

– Пойдем, будь нашим гостем.

– Не вызовет ли это о тебе всяких кривотолков?

– Меня кривотолки не пугают! Вы немного отдохнете, а я напишу матери маленькое письмо.

На этот раз я не возражал. Мы вышли из машины, вокруг не было видно ни зги. Она достала из кармана небольшой фонарик и осветила нам дорогу.

– У тебя и фонарь есть?! – пошутил я.

– Здесь без него не обойдешься, – ответила она. – В совхозе имеется лишь маленькая ГЭС. Сейчас укрупняем ее. Скоро дела пойдут лучше: проведут свет и к нам.

Поскользнувшись, она ухватилась за мою руку. Почувствовав знакомое прикосновение ее руки, я вспомнил летние бакинские вечера, когда мы с ней гуляли на берегу моря, среди молодых акаций. Она знала, что мы не поженимся. И все же я никогда не видел ее грустной. Лишь однажды она расплакалась. Причем от души, горько. И причиной тому был я. От сестры я слышал, что к Судабе сватались, и она ответила отказом.

А сватавшийся был хороший парень: умный, красивый, образованный!

– Напрасно ты ему отказала, – завел я на эту тему разговор, когда мы вечером встретились среди акаций. – Он очень хороший парень.

Девушка остановилась, внимательно посмотрела на меня. Никогда еще я не видел такого выражения в ее глазах. Мне показалось, что она сейчас закричит и бросит мне в лицо самые обидные и злые слова.

Однако девушка этого не сделала. Прислонившись к дереву, она заплакала... А потом, ни слова не сказав, спокойно взяла меня под руку.

Мы преодолели подъем и вошли в маленькую темную комнатку Судабы, освещенную керосиновой лампой. У двери топилась небольшая железная печка. Посреди комнаты стояли покрытый белой скатертью стол и три стула. За старой ширмой стояла кровать девушки. На маленьком письменном столе у окна я увидел радиоприемник «Рекорд», целлулоидовый чернильный прибор, несколько номеров журнала «Социалистическое сельское хозяйство Азербайджана» и раскрытую книгу.

Приняв у меня пальто и кепку, Судаба повесила их на простую деревянную вешалку.

– Сперва чаю напьетесь или, может быть...

– Мы очень голодны, – сказал я и, указав на маленькую луженую кастрюлю на печке, шутливо добавил: – Боюсь, этого нам будет маловато.

Высокая женщина нагнулась к Судабе и что-то прошептала ей на ухо.

– Тетя хочет приготовить для вас плов, – улыбнулась Судаба.

– Спасибо!

– Этот гость не любит риса, – сказала она тете, раскладывая на столе приборы. Потом она поставила перед нами в тарелках жаркое.

– А сама что же? – спросил я.

– И сама сейчас сяду. Сегодня не было времени даже позавтракать.

Однако она ела далеко не с таким аппетитом, как мы. Медленно разжевывая пищу, она наблюдала, как я уписывал жаркое. Как и раньше, когда нам случайно доводилось вместе завтракать, она смотрела на меня с легкой горделивой улыбкой.

Покончив с едой, Судаба подала нам чай, а сама села за письменный стол писать письмо.

Я смотрел на ее чистые, коротко остриженные ногти, которых давно не касалась маникюрша. В ее погрубевших от холода руках я чувствовал сейчас какую-то суровую, естественную красоту. Невольно я поднял голову, посмотрел на ее лицо и вздрогнул. Мне показалось, что это было не знакомое мне до мельчайших подробностей лицо, а совершенно другое, чужое и далекое. И в этом лице, освещенном желтыми лучами лампы, была та изумительная красота, которую я впервые увидел и почувствовал. Скрутив свои темно-каштановые волосы, она собрала их сзади. От опущенных ресниц на глаза падала тень. Нежные линии лба, ровный и чувственный носик, легкий пушок над верхней губой, черная родинка на левой стороне длинной, стройной шеи – все это придавало ее лицу особую привлекательность. Я и раньше восхищался Судабой. Но теперь... в маленькой, освещенной желтым светом лампы комнате, когда вокруг черная ночная степь, ее красота была для меня совершенно новой... новой песней. И как раз в этот миг холодное завывание ветра, поднявшегося там, в широкой степи, которую я проезжал, заглушило эту песню без слов. Мое сердце охватила неожиданная печаль, я почувствовал себя забытым всем миром.

Закончив письмо, Судаба поднялась, принесла из-за ширмы пушистую шерстяную шаль и, положив в нее конверт, аккуратно сложила, затем завернула в кусок ситца.

Мы были уже одеты. Протягивая мне шаль, она вдруг остановилась, на секунду прислушалась к завыванию ветра и предложила:

– Может быть, останетесь переночевать, поедете утром? Мы с тетей поместимся в соседней комнате.

– Лучше вам остаться, – посоветовала высокая женщина, зашедшая в это время с дровами в комнату. – Идет сильный снег, сейчас заметет все дороги. Не дай Бог, заплутаетесь в степи.

– Ничего не случится, – ответил я и, взяв у девушки шаль, положил ее в маленький чемодан. Возможная опасность, о которой говорила женщина, вызвала у меня прилив энергии. Грустно взглянув на меня, Судаба больше не настаивала и, несмотря на мои возражения, проводила нас вниз, до самой машины. В темной степи выл ветер, сыпал редкий снег. Когда Микола уселся в кабину, я спросил тихим печальным голосом:

– Судаба, почему ты упрямисься, почему не хочешь переехать в город?

Она взяла меня за руки, как это делала раньше, когда мы расставались после счастливых вечерних встреч, и близким, родным голосом ответила:

– Джамиль, я на тебя не обижена... Никогда не обижалась! – ей стало трудно дышать, и она, секунду переждав, продолжала: – Я всегда буду помнить тебя только добром. Поезжай, только очень холодно! Береги себя! Если потеряете дорогу, возвращайтесь на мой свет. Лампу я не тушу до утра. Наши огни видны до самой бакинской дороги.

Расставшись с ней, я быстро сел в машину.

– До свидания, – на этот раз по-русски сказал Микола, всегда говоривший с нами на азербайджанском языке.

– До свидания, – ответила Судаба, и я почувствовал слезы в ее голосе.

Машина тронулась и пошла вперед, освещая побелевшую степь. Я высунулся из кабины и, оглянувшись назад, различил темневшую на белом фоне снега фигуру Судабы. Она все еще стояла на том же месте и смотрела нам вслед. И только много позже я увидел, как медленно поднимается на возвышенность маленький слабый огонек. Это, очевидно, был свет ее фонарика.

Все больше удаляясь от фермы, я оглядывался назад, на огни, и видел, как гасли они один за другим. Наконец, посреди черной степи остался лишь один едва различимый огонек. Но вот и он исчез. «Неужели она потушила лампу?» – грустно подумал я. Однако одинокий огонек появился снова и окончательно исчез только спустя некоторое время после того, как мы выехали на бакинскую магистраль. Казалось, темнота, окутавшая степь, стала еще гуще, холоднее и печальнее. Я взял свой маленький чемодан и положил его на колени. И когда, раскрыв его, стал поглаживать руками шаль, передо мной в своей удивительной красе появился образ девушки, которая два часа тому назад сидела в освещенной керосиновой лампой комнате и писала письмо. Образ возник и тут же исчез, и я, среди окутавшей степь холодной тьмы, почувствовав себя таким безнадежным, уткнулся в шерстяную шаль...

Утром, когда я приехал домой, вся наша семья, собравшись в столовой, пила чай. Здесь был и мой отец, профессор института, выглядевший гораздо моложе своих лет, и сестра Франгиз, и ее жених, и моя мать, всегда любившая хорошо одеваться. Радостно и ласково встретили они меня и принялись наперебой расспрашивать. Только сестра Франгиз молчала и с удивлением смотрела на меня. Почувствовав ее взгляд, я поспешно прошел в свою комнату и закрыл дверь, вернее, запер ее. Потом достал шерстяную шаль и спрятал ее в книжный шкаф, ключ от которого носил с собой. Вечером я извлек ее оттуда, чтобы отправить по назначению. Из-под складок ситцевой обертки показался кусок шали, связанной из новой мериносовой шерсти.

Эту шаль вязала она, и теперь я ее навсегда отправлял тому, кому она была предназначена. Я выглянул в окно и сказал ожидавшему внизу в машине шоферу:

– Можешь ехать, Микола, сегодня ты мне не нужен.

Когда машина отошла, я почувствовал мгновенную легкость и радость в сердце. Я положил шаль на маленький столик, стоявший около моей кровати.

Но как бы там ни было, шаль следовало отдать хозяйке. И на следующий день я не стал посылать ее с шофером, а понес сам. При этом вышел из дома тайком. Вы можете спросить: почему? Почему ты хотел, чтобы никто из твоей семьи не видел эту шерстяную шаль? Не знаю, ничего не знаю.

Хотя я много раз провожал Судабу до самых ее дверей, но в дом не заходил и с ее семьей знаком не был. Я знал, что она у родителей единственная дочь. Знал и то, что ее отец, старый учитель русского языка, три года назад ушел на пенсию.

Поднявшись по лестнице, я вышел в общую галерею и спросил у русской женщины, развешивающей белье, в какой квартире живут Мовсумзаде. Женщина охотно показала мне дверь. Я позвонил.

– Войдите! – послышался из комнаты мужской голос.

Я вошел. За стоявшим посреди комнаты маленьким столом сидел ее отец и читал газету; мать, сидевшая ближе к дверям, чинила чулок. Они были удивительно похожи друг на друга. Оба казались одного возраста. Оба были седыми. Оба были маленькими, полными и приветливыми. И оба, поздоровавшись, с любопытством посмотрели на меня сквозь очки.

– Это прислала Судаба, – сказал я, и едва положил сверток на стол, как они враз поднялись на ноги и сняли очки.

– Вы там работаете? – спросил старик.

– Нет, – ответил я, – ездил туда в командировку.

– Садитесь, садитесь, – вместе предложили они и сами уселись только после того, как я подвинул стул и опустил на него.

– Как она там, не похудела? – спросила мать.

– Нет, выглядит лучше, чем здесь.

– А вы ее и здесь видели?

– Да, видел, – ответил я и, чтобы отвлечь их внимание, добавил:

– В шали есть и письмо.

Мать поспешно раскрыла сверток, надорвала конверт и только собралась читать, как отец, надев очки, попросил:

– Дай-ка мне.

И, взяв письмо, стал громко его читать:

«Дорогие отец и мать!

Ваше письмо получила вчера. Напрасно беспокоитесь обо мне. Я чувствую себя очень хорошо. Мама! Выполнила твою просьбу и поставила в комнате железную печку. Ханым-хала по-прежнему живет со мной. Слежу за собой. Кушаю вовремя. В этом отношении можете быть спокойны. В совхозе мною очень довольны. Вчера приезжал директор, мою работу похвалил, говорит, с тех пор, как приехала Мовсумзаде, четвертая ферма заняла первое место. На ферме меня избрали председателем месткома. И я, как председатель месткома, подняла перед руководством совхоза вопрос о строительстве маленькой бани для работников фермы. Позавчера прислали три машины жженого кирпича. Мама, эту шаль я связала из шерсти нашего мериноса. Меня премировали. В конце весны приеду и заберу вас к себе, немного поживете здесь... Говорят, весна в этих местах замечательная. Как боли в ногах отца? Не выпускай его в сырую погоду. Смотрите, не скучайте! Когда приеду весной, куплю вам телевизор. Берегите себя. Целую обоих крепко-крепко. Ваша дочь Судаба».

Отец все еще смотрел на письмо. А мать водила руками по шали. «Из шерсти нашего мериноса...» – повторила она и нежно улыбнулась. И мне казалось, что от прикосновения этих маленьких морщинистых рук шерстяная шаль оживает, становится лучше. И вновь почувствовав себя человеком, потерявшим все, брошенным и забытым, я поднялся. Старики долго благодарили меня. Я уже распрощался и выходил из комнаты, когда мать спросила:

– Вы туда больше не поедете?

Я застыл на месте и, словно услышав что-то самое неожиданное на свете, переводил взгляд со старика на старуху и обратно. Как этот вопрос пришел ей в голову? Я же там не работаю! Я только что объяснил, что ездил туда в командировку. Почему же я должен еще раз ехать туда?

– Да, – ответил я, – поеду, обязательно поеду!

– Если мы кое-что приготовим для дочери...

– Я отвезу!

– Когда вы поедете? – на этот раз спросил отец.

– Через три дня, – твердо ответил я, немного подумав. – Приготовьте, что хотите, я зайду и заберу.

«Вот так!.. Вот так!..» – мысленно повторял я, идя по улице и все убыстряя шаги.

Наутро, подав заявление в министерство, никому не сказав дома, я пошел в город и купил обручальное кольцо. Это наш древний обычай...

Опять выдалась темная ночь. Опять выпал снег, покрыв бескрайнюю равнину. А впрочем, кто знает, может, это был тот самый снег, выпавший пять-шесть дней назад, когда мы ехали сюда. Я сам управлял машиной и глядел на видневшиеся вдали огни фермы. Но теперь я сидел не в «Зиме», а в выделенном в мое распоряжение маленьком «ГАЗ-69».

Я ехал, и подобно тому, как в предутреннем небе гаснут все звезды, кроме утреннего светила, на ферме один за другим исчезали огни. В темной степи остался только один огонек, и я, ориентируясь на него, нигде не заблудившись, подъехал к ферме.

СОДЕРЖАНИЕ

Нам оставленные свет и чистота	3
--------------------------------------	---

ПЬЕСЫ

Семья Атаевых	5
Ты всегда со мною	39
Чья вина?	69
Не могу забыть	100
Сожженные дневники	128
Песня остается в горах	160
Странные парень	194
Десятирублевая люстра	232
Верь нам	242
Хуршудбану Натаван	263

РАССКАЗЫ

Неожиданная любовь	298
Унесли воды Сару... ..	303
Лунные ночи	306
Маленькая поэма	322
Песня о незаконченном портрете	326
Старухина гора	332
Кинжал	335
Встреча	343
Гюльчар	348
Водяная мельница	360
Случаеные соседи	379
Охотник из города	385
Шерстяная шаль	390

Ильяс Эфендиев
ИЛЬЯС МАГОМЕД оглы ЭФЕНДИЕВ
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(В двух томах)
Том I

ИЗДАТЕЛЬ
Гошгар Исмаилоглы

РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА	<i>Мамед Мамедов,</i>
ХУДОЖНИК	<i>Эвелина Алиева,</i>
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕДАКТОР	<i>Ильхам Исмаилов,</i>
ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕДАКТОР	<i>Акиф Дензи-заде,</i>
КОРРЕКТОР	<i>Шахла Аскерова,</i>
КОНТРОЛЬНАЯ ВЫЧИТКА	<i>Эльдар Шарифов,</i>
ОПЕРАТОРЫ	<i>Малахат Гурбанова,</i> <i>Халида Гусеенова,</i>
ОТВ. ЗА ПЕЧАТЬ	<i>Гасым Гасымов,</i> <i>Анар Абдуллаев,</i> <i>Мусаддиг Исрафилов.</i>

Сдано в набор 08.07.2001.
Подписано к печати 13.04.2002.
Формат 70x100 1/16, физ. п.л. 38,5, усл. п.л. 49,66
Бумага офсетная '1. Гарнитура таемс.
Заказ 02/08
Тираж 1500

Книга
подготовлена к печати
в издательстве предприятия
"ЧИНАР-ЧАП"
Тел.: 902757, 850-3409191
и
отпечатана офсетным способом
в типографии корпорации
«ГАПП-ПОЛИГРАФ»
Тел.: 989555, 937255